

Научный журнал по политологии и социологии

Теории и проблемы политических исследований

Том 7, № 5А, 2018.

С. 1-390.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС»

Московская область, г. Ногинск

Journal of Politics and Sociology

Theories and Problems of Political Studies

October 2018, Volume 7, Issue 5A.

Pages 1-390.

ANALITIKA RODIS publishing house

Noginsk, Moscow region

«Теории и проблемы политических исследований»

Том 7, № 5А, 2018

Выпуски журнала издаются в двух частях: А и В. Периодичность части А – 6 номеров в год. Периодичность части В – 6 номеров в год. Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редсовета и редколлегии, а также другими ведущими учеными.

Митрохина Татьяна Николаевна, доктор политических наук (23.00.01), профессор, заведующая кафедрой политических наук, *Саратовский социально-экономический институт (филиал), Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова* – главный редактор журнала по направлению «Политология» (23.00.00).

Дзуцев Хасан Владимирович, доктор социологических наук (22.00.04), профессор, директор *Северо-Осетинского центра социальных исследований Института социально-политических исследований Российской академии наук*, заведующий отделом социологических исследований и политологического мониторинга *Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева*, заведующий кафедрой социологии политических и социальных процессов *Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова* – главный редактор журнала по направлению «Социологические науки» (22.00.00).

Стровский Дмитрий Леонидович, доктор политических наук, *Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина* – заместитель главного редактора.

В журнале публикуются научные статьи, а также сообщения о выходе книг по вопросам теоретической и прикладной политической науки. Авторами статей выступают политологи и социологи, работающие в академических институтах и вузах, политики, а также аспиранты и докторанты. В журнале рассматриваются важнейшие проблемы теории и истории политологии, социологии, культуры, массовых коммуникаций на уровне общества (общественной группы), государства и международной системы, а также вопросы методологии политических и социологических исследований, теоретические поиски, новые концепции и проблемы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Журнал «Теории и проблемы политических исследований» включен в «Перечень рецензируемых научных изданий», в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» в соответствии с приказом Минобрнауки России от 25 июля 2014 г. № 793 с изменениями, внесенными приказом Минобрнауки России от 03 июня 2015 г. № 560 (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 25 августа 2014 г., регистрационный № 33863), вступившим в силу 1 декабря 2015 года.

Генеральный директор издательства	Е.А. Лисина
Главный редактор по направлению «Политология» (23.00.00)	Т.Н. Митрохина, доктор политических наук (23.00.01)
Главный редактор по направлению «Социологические науки» (22.00.00)	Х.В. Дзуцев, доктор социологических наук (22.00.04)
Заместитель главного редактора	Д.Л. Стровский, доктор политических наук
Ответственный редактор	В.В. Галушкин
Научный редактор и переводчик	К.И. Кропачева
Корректоры	Л.Л. Куприянчик, Л.Н. Икитян, О.Г. Лысяк, М.Б. Шишелева
Переводчики	В.Н. Ермаков, Р.Э. Бокова, И.С. Злобина, М.Б. Шишелева
Дизайн и верстка	М.А. Пучков
Адрес редакции и издателя	142400, Московская область, Ногинск, ул. Рогожская, 7
Телефоны редакции	+7 (495) 210 0554; +7 915 056 9894
E-mail	info@publishing-vak.ru
Сайт	http://www.publishing-vak.ru

Журнал издается с января 2012 г. Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-43673 от 24.01.2011.

ISSN 2222-9167. Учредитель и издатель: «АНАЛИТИКА РОДИС»

Индекс по Объединенному каталогу «Пресса России»:

43047 «Теории и проблемы политических исследований».

Цена договорная. Подписано к печати 15.10.2018. Печ. л. 50,75. Формат 60х90/8.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Периодичность: 12 раз в год. Тираж 1000 экз. Заказ № 7193.

Отпечатано в типографии «Книга по Требованию». 127918, Москва, Сушевский вал, 49.

"Theories and Problems of Political Studies"

October 2018, Volume 7, Issue 5A

The issues of the journal are published in two parts: A and B. The publication frequency of part A is 6 times a year. The frequency of part B is 6 times per year.

All articles published in the journal are reviewed by the members of the editorial board and editorial staff as well as by other leading scientists.

Mitrokhina Tat'yana Nikolaevna, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of political sciences, *Saratov Socio-Economic Institute (branch), Plekhanov Russian University of Economics* (Russia) – editor-in-chief (Political science section).

Dzutsev Khasan Vladimirovich, Doctor of Sociology, Professor, Head of the *North Ossetian Centre for Social Research of the RAS Institute of Social and Political Research*, Head of the Department of social research and political monitoring, *Abaev North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Research*, Head of the Department of sociology of political and social processes, *Khetagurov North-Ossetian State University* (Russia) – editor-in-chief (Sociological science section).

Strovskii Dmitrii Leonidovich, Doctor of Political Sciences, *Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin* (Russia) – deputy editor-in-chief.

The journal publishes scientific articles and information about books on theoretical and applied political science. The authors of articles are political scientists and sociologists working in academic institutions, politicians, postgraduate students and PhD candidates. The journal deals with the major problems of the theory and history of political science, sociology, culture, mass communications at the level of society (a social group), a state and an international system, as well as issues of the methodology of political and sociological research, theoretical studies, new concepts and challenges.

The views and opinions of the publisher may not necessarily coincide with those of the authors.

The journal "Theories and Problems of Political Studies" ("*Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy*") was included in the "**List of the peer-reviewed scientific journals**, in which the major scientific results of dissertations for obtaining Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees should be published" in accordance with Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 793 of July 25, 2014 (as amended by Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 560 of June 3, 2015 that was registered by the Ministry of Justice of the Russian Federation on August 25, 2014 (registration No. 33863) and entered into force on December 1, 2015).

CEO of the publishing house	E.A. Lisina
Editor-in-chief (Political science section)	T.N. Mitrokhina, Doctor of Political Sciences
Editor-in-chief (Sociological science section)	Kh.V. Dzutsev, Doctor of Sociology
Deputy editor-in-chief	D.L. Strovskii, Doctor of Political Sciences
Executive editor	V.V. Galushkin
Science editor and translator	K.I. Kropacheva
Proof-readers	L.L. Kupriyanchik, L.N. Ikityan, O.G. Lysyak, M.B. Shisheleva
Translators	V.N. Ermakov, R.E. Bokova, I.S. Zlobina, M.B. Shisheleva
Styling and make-up	M.A. Puchkov
Address of the Publisher and the Editorial Board	P.O. Box 142400, 7 Rogozhskaya st., Noginsk, Moscow region, Russian Federation
Phones of the Editorial Board	+7 (495) 210 0554; +7 915 056 9894
E-mail	info@publishing-vak.ru
Website	http://www.publishing-vak.ru

The journal is issued since January 2012.

The publication is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR).

Mass media registration certificate: PI No. FS77-43673 of 24.01.2011.

ISSN 2222-9167. Founder and Publisher: "ANALITIKA RODIS"

Subscription index of the union catalogue "The Press of Russia":

43047 "Theories and Problems of Political Studies".

Contract price. Passed for printing on 15.10.2018. 50.75 printed sheets. Format 60x90/8.

Offset printing. Offset paper. Periodicity: 12 issues per year. Circulation 1,000 issues. Order No. 7193.

Printed from make-up page in the "Kniga po Trebovaniyu" printing house.

P.O. Box 127918, 49 Sushchevskii val, Moscow, Russian Federation.

Редакционный совет

по направлению: 22.00.01 – Теория, методология и история социологии

Дмитриев Анатолий Васильевич – доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, руководитель группы конфликтогенности миграции, Почетный доктор Института социологии Российской академии наук.

Островская Елена Александровна – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории социологии, Санкт-Петербургский государственный университет.

Осьмук Людмила Алексеевна – доктор социологических наук, профессор, директор Института социальных технологий и реабилитации, Новосибирский государственный технический университет.

Шахматова Надежда Владимировна – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры истории, теории и прикладной социологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского.

по направлению: 22.00.03 – Экономическая социология и демография

Лопухин Владимир Юрьевич – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры экономической теории и экономики труда, Саратовский государственный технический университет им. Ю.А. Гагарина.

по направлению: 22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы

Гуслякова Людмила Герасимовна – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры менеджмента информационных ресурсов и социальной работы, Алтайский государственный институт культуры.

Дзуцев Хасан Владимирович – главный редактор журнала, доктор социологических наук, профессор, директор Северо-Осетинского центра социальных исследований Института социально-политических исследований Российской академии наук, заведующий отделом социологических исследований и политологического мониторинга Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева, заведующий кафедрой социологии политических и социальных процессов Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова.

Савинов Леонид Иванович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной работы, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева.

Черняева Татьяна Ивановна – доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальных коммуникаций, Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина (филиал), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Чойропов Цырен Цыдыпович – доктор социологических наук, профессор, завкафедрой социологии и политологии, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления.

по направлению: 22.00.06 – Социология культуры, духовной жизни

Бармин Николай Юрьевич – доктор социологических наук, доцент, ректор, заведующий кафедрой теории и практики управления, Нижегородский институт развития образования.

Карпова Галина Геннадьевна – доктор социологических наук, заведующая кафедрой «Медиакоммуникации», Саратовский государственный технический университет им. Ю.А. Гагарина.

Кононова Татьяна Михайловна – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Тюменский государственный институт культуры.

Тисовский Роман Романович – кандидат социологических наук, государственный советник Российской Федерации 1-го класса, государственный советник Республики Крым 3-го класса, заместитель начальника Государственного казенного учреждения Республики Крым «Служба автомобильных дорог Республики Крым».

Яковлев Лев Сергеевич – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии и социальной политики, Поволжский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

по направлению: 22.00.08 – Социология управления

Ананьева Татьяна Николаевна – доктор социологических наук, профессор, проректор, Российский государственный университет туризма и сервиса.

Мамедов Агамали Куламович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии коммуникативных систем, социологический факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

Шарков Феликс Изосимович – доктор социологических наук, профессор, член рабочей группы Координационного Совета Общественной палаты РФ по противодействию терроризму, Заслуженный деятель науки РФ, проректор по науке Академии труда и социальных отношений, заместитель руководителя отделения журналистики Института государственной службы и управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

по направлению: 23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки

Асонов Николай Васильевич – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии и социологии, Московский педагогический государственный университет.

Глухова Александра Викторовна – доктор политических наук, профессор, завкафедрой социологии и политологии, Воронежский государственный университет.

Глушкова Светлана Игоревна – доктор политических наук, доцент, заместитель декана юридического факультета, заведующая кафедрой прав человека, Гуманитарный университет.

Гоптарева Ирина Борисовна – доктор политических наук, доцент, заведующая кафедрой общих правовых дисциплин и политологии, Оренбургский государственный университет.

Дергунова Нина Владимировна – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры философии, социологии и политологии, Ульяновский государственный университет.

Елисеев Сергей Михайлович – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры социологии политических и социальных процессов, Санкт-Петербургский государственный университет.

Митрохина Татьяна Николаевна – главный редактор журнала, доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой политических наук, Саратовский социально-экономический институт (филиал), Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова.

по направлению: 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии

Аствацатурова Майя Арташесовна – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры конфликтологии, связей с общественностью и журналистики ИМО, профессор кафедры креативно-инновационного управления и права, руководитель центра этнополитических исследований, сотрудник Научно-исследовательского Института стратегических исследований, Пятигорский государственный университет.

Баранов Николай Алексеевич – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии, Санкт-Петербургский государственный университет.

Бахлов Игорь Владимирович – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, политологии и регионоведения, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева.

Васецкий Андрей Анатольевич – доктор политических наук, профессор, директорат (Санкт-Петербург), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Гайнутдинов Рашид Ибрагимович – доктор политических наук, профессор, сотрудник центра социально-экономических и политических исследований и технологий, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Жаде Зуриет Анзауровна – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой теории государства и права и политологии, Адыгейский государственный университет.

Исаев Борис Акимович – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры истории и философии, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения.

Пеньков Владимир Фёдорович – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры связей с общественностью, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина.

Скиперских Александр Владимирович – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных дисциплин, Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики (Пермский филиал).

Слатинов Владимир Борисович – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Курский государственный университет.

Слинько Александр Анатольевич – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений и мировой политики, Воронежский государственный университет.

Шешукова Галина Викторовна – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры общегуманитарных, социально-экономических, математических и естественно-научных дисциплин, Оренбургский институт (филиал), Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина.

по направлению: 23.00.03 – Политическая культура и идеологии

Ачкасов Валерий Алексеевич – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой международных политических процессов, Санкт-Петербургский государственный университет.

Корконосенко Сергей Григорьевич – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой теории журналистики, Санкт-Петербургский государственный университет.

Хаски Юджин – доктор политических наук, доктор экономических наук, профессор, советолог, Университет Стэтсона, Делэнд, Флорида (США).

по направлению: 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

Коньшев Валерий Николаевич – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет.

Мухаметшин Рафик Мухаметшович – доктор политических наук, профессор, ректор, Российский исламский институт.

Савельев Александр Георгиевич – доктор политических наук, главный научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук.

Редакционная коллегия

Адилова Людмила Фёдоровна – доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет.

Богомяков Владимир Геннадьевич – доктор философских наук, профессор кафедры политологии, Тюменский государственный университет.

Василенко Инна Викторовна – доктор философских наук, профессор кафедры социологии, Волгоградский государственный университет.

Дагбаев Эрдэм Данзанович – доктор социологических наук, завкафедрой политологии и социологии, Бурятский государственный университет.

Стровский Дмитрий Леонидович – заместитель главного редактора журнала, доктор политических наук, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина.

Editorial Board

Achkasov Valerii Alekseevich – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of international politic processes of the faculty of political science, Saint Petersburg State University (Russia).

Anan'eva Tat'yana Nikolaevna – Doctor of Sociology, Vice-Rector, Russian State University of Tourism and Service (Russia).

Asonov Nikolai Vasil'evich – Doctor of Political Sciences, Professor at the Department of sociology and political sciences, Moscow University of Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Russia).

Astvatsaturova Maiya Artashesovna – Doctor of Political Sciences, Professor at the Department of innovatics, administration and law, Pyatigorsk State Linguistic University (Russia).

Bakhlov Igor' Vladimirovich – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of universal history and world political developments, Ogarev Mordovia State University (Russia).

Baranov Nikolai Alekseevich – Doctor of Political Sciences, Professor at the Department of culturology and global studies of Baltic State Technical University "Voenmekh", Head of the Department of international relations, Saint Petersburg Institute for International Economic Relations, Economics, and Law (Russia).

Barmin Nikolai Yur'evich – Doctor of Sociology, Associate Professor, Rector, Head of the Department of theory and practice of management, Nizhny Novgorod Institute of Education Development (Russia).

Chernyaeva Tat'yana Ivanovna – Doctor of Sociology, Head of the Department of social communications, Stolypin Volga Region Institute (branch), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia).

Choiropov Tsyren Tsydypovich – Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of sociology and political science, East Siberia State University of Technology and Management (Russia).

Dergunova Nina Vladimirovna – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of sociology and political science, Ulyanovsk State University (Russia).

Dmitriev Anatolii Vasil'evich – Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Conflict Migration Group, Honorary Doctor of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Dzutsev Khasan Vladimirovich – Editor-in-chief, Doctor of Sociology, Professor, Head of the North Ossetian Centre for Social Research of the RAS Institute of Social and Political Research, Head of the Department of social research and political monitoring, Abaev North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Research, Head of the Department of sociology of political and social processes, Khetagurov North-Ossetian State University (Russia).

Eliseev Sergei Mikhailovich – Doctor of Political Sciences, Professor at the Department of sociology of political and social processes, Saint Petersburg State University (Russia).

Gainutdinov Rashid Ibragimovich – Doctor of Political Sciences, chairman of the supervisory board of the Saint Petersburg Institute of Regional Innovation Systems, Professor at the faculty of political sciences, Saint Petersburg State University (Russia).

Glukhova Aleksandra Viktorovna – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of sociology and political sciences, Voronezh State University (Russia).

Glushkova Svetlana Igorevna – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of human rights, Vice-Dean of the law faculty, Humanitarian University (Russia).

Goptareva Irina Borisovna – Doctor of Political Sciences, Head of the Department of political sciences, Professor at the Department of the theory of state and law and constitutional law, Orenburg State University (Russia).

Guslyakova Lyudmila Gerasimovna – Doctor of Sociology, international master in social work, Head of the Department of social work, Gorno-Altai State University (Russia).

Huskey Eugene – Doctor of Political Sciences, Doctor of Economics, sovietologist, Professor, Stetson University in Deland, Florida (USA).

Isaev Boris Akimovich – Doctor of Sociology, Head of the Department of political science of the faculty of international communications, Ustinov Baltic State Technical University "Voenmekh", Saint Petersburg (Russia).

Karpova Galina Gennad'evna – Doctor of Sociology, Head of the Department of media communications, Saratov State Technical University named after Yu.A. Gagarin (Russia).

Kononova Tat'yana Mikhailovna – Doctor of Sociology, Head of the Department of foreign languages, Tyumen State Academy of Culture, Arts and Social Technologies (Russia).

Konyshev Valerii Nikolaevich – Doctor of Political Sciences, Professor at the Department of theory and history of international relations of the faculty of international relations, Saint Petersburg State University (Russia).

Korkonosenko Sergei Grigor'evich – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of theory of journalistic, Vice-Dean for scientific work of the faculty of journalism, Saint Petersburg State University (Russia).

Lopukhin Vladimir Yur'evich – Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor at the Department of economic theory and labor economics, Saratov State Technical University named after Yu.A. Gagarin (Russia).

Mamedov Agamali Kulamovich – Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of sociology of communicative systems, Faculty of sociology, Lomonosov Moscow State University (Russia).

Mitrokhina Tat'yana Nikolaevna – Editor-in-chief, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of political sciences, Saratov Socio-Economic Institute (branch), Plekhanov Russian University of Economics (Russia).

Mukhametshin Rafik Mukhametshovich – Doctor of Political Sciences, Professor, Rector, Russian Islamic University (Russia).

Os'muk Lyudmila Alekseevna – Doctor of Sociology, Professor, Director of the Institute of Social Technologies and Rehabilitation, Novosibirsk State Technical University (Russia).

Ostrovskaya Elena Aleksandrovna – Doctor of Sociology, Professor at the Department of theory and history of sociology of the faculty of sociology, Saint Petersburg State University (Russia).

Pen'kov Vladimir Fedorovich – Doctor of Political Sciences, Professor, Professor at the Department of Public Relations, Tambov State University named after G.R. Derzhavin (Russia).

Savel'ev Aleksandr Georgievich – Doctor of Political Sciences, Chief Researcher, National Research Institute of World Economy and International Relations named after E.M. Primakov, Russian Academy of Sciences (Russia).

Savinov Leonid Ivanovich – Doctor of Sociology, Head of the Department of social work, Ogarev Mordovia State University (Russia).

Shakhmatova Nadezhda Vladimirovna – Doctor of Sociology, Professor, Professor at the Department of history, theory and applied sociology, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky (Russia).

Sharkov Feliks Izosimovich – Doctor of Sociology, Professor, member of the working group of the Coordination Council of the Public Chamber of the Russian Federation on Counteracting Terrorism, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Vice-Rector for Science of the Academy of Labor and Social Relations, deputy head of the department of journalism, Institute of Public Administration and Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia).

Sheshukova Galina Viktorovna – Doctor of Political Sciences, PhD in Philosophy, Professor at the Department of humanities, socio-economic disciplines and management, Orenburg Institute (branch), Kutafin Moscow State Law University (Russia).

Skiperskikh Aleksandr Vladimirovich – Doctor of Political Sciences, Professor at the Department of humanities, National Research University "Higher School of Economics", Perm (Russia).

Slatinov Vladimir Borisovich – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of state and municipal management, Kursk State University (Russia).

Slin'ko Aleksandr Anatol'evich – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of international relations and regional studies, Voronezh State University (Russia).

Tisovskii Roman Romanovich – PhD in Sociology, State Counselor of the Russian Federation of the 1st class, State Counselor of the Republic of Crimea of the 3rd class, Deputy Head of the State Treasury Department of the Republic of Crimea "Service of highways of the Republic of Crimea" (Russia).

Vasetskii Andrei Anatol'evich – Doctor of Political Sciences, Professor, Vice-Rector and Head of the Institute of Additional Professional Education for Public Servants of North-West Academy of Public Administration (Russia).

Yakovlev Lev Sergeevich – Doctor of Sociology, Professor, Professor at the Department of sociology and social policy, Povolzhsky Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia).

Zhade Zuriet Anzaurovna – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of the theory of state and law and political science of the law faculty, Adygei State University (Russia).

Advisory Board

Adilova Lyudmila Fedorovna – Doctor of Political Sciences, Professor, Russian State University for the Humanities (Russia).

Bogomyakov Vladimir Gennad'evich – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of political science, Tyumen State University (Russia).

Dagbaev Erdem Danzanovich – Doctor of Sociology, Head of the Department of political science and sociology, Buryat State University (Russia).

Strovskii Dmitrii Leonidovich – Deputy editor-in-chief, Doctor of Political Sciences, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Russia).

Vasilenko Inna Viktorovna – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of sociology, Volgograd State University (Russia).

Содержание

Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

Медушевский Николай Андреевич Филин Никита Александрович Кокликов Владимир Олегович Иран и ЕС: от санкций к сотрудничеству	7
Медушевский Николай Андреевич Филин Никита Александрович Кокликов Владимир Олегович Перспективные интересы ЕС в Иране и реакция двухстороннего сотрудничества на новые санкции США	17
Серкина Яна Игоревна Профориентационное самочувствие учеников выпускных классов: социологический анализ	30
Шелест Дмитрий Александрович Будущее американо-индийских отношений на период 2020-2030 годов.....	39
Фатыхов Дмитрий Русланович Политические аспекты медиа-пространства Европейского союза: от информации к коммуникации.....	48
Мартыненко Евгений Владимирович Мартыненко Станислав Евгеньевич Практическое применение спорта в дипломатии и международных отношениях	54
Чжан Янь Компаративный анализ приоритетов политики в сфере высшего образования в России и Китае на рубеже 20-21 вв.....	61
Икрамов Суннатжон Турабжонович Энергетическая политика Центральноазиатских стран.....	73
Фатыхова (Новикова) Вероника Михайловна Научно-техническое сотрудничество и инновационная деятельность в Европейском союзе	81
Пинчук Андрей Юрьевич Кибертерроризм как актуальная проблема современного мирового порядка	88
Спицын Павел Александрович Базовые приемы в информационных войнах (Ближний Восток и Сирия).....	96
Ермакова Элла Владимировна Европейские регионы в зеркале каталонского сепаратизма.....	104
Рустамов Игбал Ильгар-оглы Региональное взаимодействие Ирана и Азербайджана в странах Средней Азии	113

Политическая культура и идеологии

Курбатов Александр Иванович Анализ реакции СМИ США и Мексики на возведение стены вдоль государственной границы	120

Политические институты, процессы и технологии

Акимович Екатерина Викторовна

Обобщенная модель кризисных коммуникаций органов государственной власти
в ситуациях социальной напряженности 128

Габеркорн Алена Игоревна

Патриотизм и формирование гражданской идентичности в политическом сознании
населения Югры.....137

Гарипов Руслан Фаритович

Общие и специальные меры политической ответственности депутата в субъекте
Российской Федерации 148

Бугров Роман Владимирович

Герштейн Илья Захарьевич

Толкачев Виталий Валерьевич

Особенности целеполагания в концепциях идентичности современных государств.....154

Горбачев Антон Сергеевич

Некрасов Александр Михайлович

Соколова Екатерина Андреевна

Вашлаев Андрей Дмитриевич

Титов Даниил Сергеевич

Анализ формирования политических предпочтений избирателей через социальные
медиа 168

Колесников Вячеслав Александрович

Российская нация и многонациональный народ 182

Рамазанов Рашид Омаринович

Особенности исламистского радикализма на Северном Кавказе (на примере Дагестана) 193

Соколов Александр Владимирович

Новикова Юлия Андреевна

Возникновение городских конфликтов как следствие правовых коллизий.....203

Тян Валентин Васильевич

Инерционная математическая модель эволюции власти 211

Уляшкина Екатерина Григорьевна

Постсоветское пространство в современной партийной программатике РФ 224

Бударин Павел Витальевич

Особенности вовлечения подростков к участию протестной деятельности современной
оппозицией в РФ 230

Потапов Денис Викторович

Перспективы обретения Россией национальной субъектности политического режима 238

Леви Дмитрий Андреевич

Кибербезопасность информационных потоков: современное восприятие вызовов
информационной безопасности с технологической, социо-информационной
и политической точек зрения 255

Глушков Максим Вячеславович

Политические аспекты миссионерской деятельности 264

Авралев Никита Владимирович

Ефимова Ирина Николаевна

Маковейчук Артем Васильевич

Политические основы трансформации современного российского высшего образования
в контексте глобализации 274

Теория и философия политики, история и методология

Рябкова Светлана Александровна Теоретико-методологические проблемы элитологических исследований	282
Шашкова Анна Владиславовна Проблемы приоритета: право или политика	291

Социальная структура, социальные институты и процессы

Писарева Лариса Юрьевна Баишева Саргылана Макаровна Константинова Татьяна Николаевна Арктический социум Якутии в контексте изменений условий жизнедеятельности: опыт социологического исследования	300
Ушамирская Галина Федоровна Ушамирский Алексей Эдуардович Самоорганизация молодежи как реализация ее интересов	312
Китаев Сергей Викторович Черницына Ольга Владимировна Фактор синергетического эффекта при исследовании номенклатуры и парламентской оппозиции в России начала XX века	324
Тихонова Татьяна Евгеньевна Использование группового потенциала социальных коммуникаций пожилых людей в процессах активизации социальной ответственности	330
Поплевкин Николай Петрович Институциональный подход к социализации военнослужащих вооруженных сил Российской Федерации	337
Гришай Владимир Николаевич Килясханов Магомед Хизриевич Капустян Наталья Викторовна Старость как социально-философская категория в рамках культурной парадигмы общества	344
Зенин Константин Анатольевич Беляков Сергей Григорьевич Тищенко Александр Викторович Неравенство в сфере информационных технологий как значимый аспект современного общества	352
Беднарчук Андрей Иванович Социокультурные условия как фактор становления многопоколенной семьи в России	359
Глазырин Валерий Алексеевич Правовые институты и путь к социальности модерна	366
Вангородская Светлана Анатольевна Колпина Лола Владимировна Поселенческая специфика социального здоровья старшего поколения: результаты регионального исследования	373

Экономическая социология и демография

Шилов Владимир Викторович Пудовкина Ирина Михайловна Сергеева Татьяна Николаевна Захарова Наталья Яковлевна Причины миграции населения: социологический подход	382

Contents

Political problems of international relations, global and regional development

Nikolai A. Medushevskii

Nikita A. Filin

Vladimir O. Koklikov

Iran and the EU: from sanctions to cooperation 7

Nikolai A. Medushevskii

Nikita A. Filin

Vladimir O. Koklikov

The EU's strategic interests in Iran and the response of the bilateral cooperation to new
U.S. sanctions 17

Yana I. Serkina

Career guidance of graduate students: a sociological analysis 30

Dmitrii A. Shelest

The Future of American-Indian Relation for 2020-2030 years period 39

Dmitrii R. Fatykhov

Political aspects of the media of the European Union: from information to communication 48

Evgenii V. Martynenko

Stanislav E. Martynenko

Practical implementation of sports in diplomacy and international relations 54

Yan Zhang

Comparative analysis of policy priorities in the sphere of higher education in Russia and China
at the turn of the XX-XXI centuries 61

Sunnatzhon T. Ikramov

Energy policy of Central Asian countries 73

Veronika M. Fatykhova (Novikova)

Scientific cooperation and innovation activity in the European Union 81

Andrei Yu. Pinchuk

Cyberterrorism as an actual problem of modern world order 88

Pavel A. Spitsyn

Basic techniques in information wars (Middle East and Syria) 96

Ella V. Ermakova

The policy of the European regions in the conditions of the Catalan phenomenon 104

Iqbal I. Rustamov

Regional interaction of Iran and Azerbaijan in the countries of Central Asia 113

Political culture and ideology

Aleksandr I. Kurbatov

Analysis of the US and Mexican media reaction to border wall construction 120

Political institutions, processes, technology

Ekaterina V. Akimovich

Synthesis model of crisis communication of government authorities in situations of social
tension 128

Alena I. Gaberkorn

Patriotism and formation of civic identity in political consciousness of population of Ugra 137

Ruslan F. Garipov	
General and special measures of political responsibility of a deputy in regions of the Russian Federation.....	148
Roman V. Bugrov	
Il'ya Z. Gerstein	
Vitalii V. Tolkachev	
Features of goal-setting in the concepts of identity of modern States.....	154
Anton S. Gorbachev	
Aleksandr M. Nekrasov	
Ekaterina A. Sokolova	
Andrei D. Vashlaev	
Daniil S. Titov	
Analysis of the formation of voters' political preferences through social media	168
Vyacheslav A. Kolesnikov	
The Russian nation and the multinational people	182
Rashid O. Ramazanov	
Features of Islamist radicalism in the North Caucasus (on the example of Dagestan)	193
Aleksandr V. Sokolov	
Yuliya A. Novikova	
The emergence of urban conflicts due to imperfect legislation	203
Valentin V. Tyan	
Inertial model of power evolution.....	211
Ekaterina G. Ulyashkina	
The post-soviet space into a modern party of the Russian Federation programmatic.....	224
Pavel V. Budarin	
Features of involving adolescents to participate in protest activities of the modern opposition in Russia	230
Denis V. Potapov	
Prospects for Russia to gain a national subjectivity of the political regime	238
Dmitrii A. Levi	
Cybersafety of information flows: modern perception of information security challenges from a technological, socio-informational and political point of view	255
Maksim V. Glushkov	
Political dimension to missionary work	264
Nikita V. Avralev	
Irina N. Efimova	
Artem V. Makoveichuk	
Political foundations of the transformation of modern Russian higher education in the context of globalization	274
<i>Theory and philosophy of politics, history and methodology of political science</i>	
Svetlana A. Ryabkova	
Studying the elites: theoretical and methodological problems	282
Anna V. Shashkova	
Priority problems: law or politics	291

Social structure, social institutions and processes

Larisa Yu. Pisareva

Sargylana M. Baisheva

Tat'yana N. Konstantinova

The Arctic society of Yakutia in the context of changes in the living conditions: sociological research 300

Galina F. Ushamirskaya

Aleksei E. Ushamirskii

Self-organization of youth as a realization of its interests 312

Sergei V. Kitaev

Ol'ga V. Chernitsyna

The factor of synergistic effect in the study of the nomenclature and the parliamentary opposition in the turning points of the history of the Russian state 324

Tat'yana E. Tikhonova

Using the group potential of social communications of older people in the processes of social responsibility activation 330

Nikolai P. Poplevkin

Institutional approach to socialization of the military personnel of the armed forces of the Russian Federation 337

Vladimir N. Grishai

Magomed Kh. Kilyaskhanov

Natal'ya V. Kapustyan

Old age as a socio-philosophical category within the cultural paradigm of society 344

Konstantin A. Zenin

Sergei G. Belyakov

Aleksandr V. Tishchenko

Inequality in the field of information technology as a significant aspect of modern society 352

Andrei I. Bednarchuk

Social and cultural conditions as a factor of formation of multigenerational families in Russia 359

Valerii A. Glazyrin

Legal institutes and the way to the sociality of modern 366

Svetlana A. Vangorodskaya

Lola V. Kolpina

Settlement specifics of senior generation social health: the regional research results 373

Economic sociology and demography

Vladimir V. Shilov

Irina M. Pudovkina

Tat'yana N. Sergeeva

Natal'ya Ya. Zakharova

Reasons of migration: a sociological approach 382

УДК 339.986**Иран и ЕС: от санкций к сотрудничеству****Медушевский Николай Андреевич**

Кандидат политических наук, доцент,
доцент кафедры культуры мира и демократии,
Российский государственный гуманитарный университет,
125993, Российская Федерация, Москва, Миусская площадь, 6;
e-mail: lucky5659@yandex.ru

Филин Никита Александрович

Кандидат исторических наук,
доцент кафедры современного Востока,
Российский государственный гуманитарный университет,
Институт Африки Российской академии наук,
123001, Российская Федерация, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1;
e-mail: FilinNikita@yahoo.com

Кокликов Владимир Олегович

Московский государственный лингвистический университет,
119034, Российская Федерация, Москва, ул. Остоженка 38/1;
e-mail: azzuro@list.ru

Исследование осуществлено в рамках поддержанного Российским научным фондом проекта № 14-18-03615 (Российская политика на Ближнем и Среднем Востоке: возможности и пределы сотрудничества со странами региона).

Аннотация

Авторы статьи исследуют отношения между Исламской Республикой Иран и Европейским Союзом в последние десятилетия, связанные с санкционной политикой Запада. В статье анализируются история и современное состояние европейской политики в отношении Ирана, ее основные практики и их эффективность. В качестве основного исторического события, направленного на преодоление кризиса, связанного с иранской ядерной программой, рассматривается Женевское соглашение и его результаты. Также особое внимание уделяется новым санкциям США и реакции на них со стороны Европейского союза. По итогам проводимого в статье анализа авторами констатируется волатильность экономических отношений Исламской Республикой Иран и Европейского союза, что не мешает Ирану сохранять политику открытости своей экономики. Это, в свою очередь, позволят неевропейским игрокам теснить страны Европейского союза на иранском рынке и включать эту страну в систему геополитического противостояния в регионе Ближнего и Среднего Востока.

Для цитирования в научных исследованиях

Медушевский Н.А., Филин Н.А., Кокликов В.О. Иран и ЕС: от санкций к сотрудничеству // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Том 7. № 5А. С. 7-16.

Ключевые слова

Иран, Европейский союз, США, экономические отношения, санкции, Женевские соглашения.

Введение

Санкции против Ирана сегодня уже можно назвать историческим прецедентом. Первые санкции со стороны США и Европейского союза (далее – ЕС) были введены против исламской республики еще в 1979 г. и с тех пор лишь меняли свою конфигурацию.

Очередной и наиболее интенсивный виток санкционной политики был реализован странами Запада начиная с 2002 г. как реакция на реализацию Ираном собственной ядерной программы. С этого момента Иран стал объектом санкций не только США и ряда отдельных государств, но также всех стран ЕС и всех членов Совета Безопасности ООН. Формальным основанием для санкций стала передача иранского ядерного досье из МАГАТЭ в Совет Безопасности ООН.

За весь период времени, начиная с 2002 г., позиция Ирана в вопросе обогащения менялась, и это сказывалось на условиях санкционной политики. Так, на начальном этапе иранская сторона фактически искала пути к примирению и правительство иранского президента Мохаммада Хатами даже приняло решение о заморозке программы по обогащению урана. В этот период было заключено Саадабаское соглашение от 2003 г., которое со стороны ЕС подписали Великобритания, Германия и Франция.

Тем не менее со сменой политической элиты в 2005 г. Иран от политики примирения постепенно переходит к политике противостояния, которая продолжается весь срок нахождения у власти президента Махмуда Ахмадинежада (2005-2013 гг.). Этот период стал очень сложным для иранской экономики, так как фактически были нарушены партнерские отношения с ключевым для страны торговым партнером – ЕС.

За период с 2006 по 2013 г. санкции ООН против Ирана продолжали усиливаться. Если первое решение Совета Безопасности от 2006 г. еще носило предупреждающий характер, то последующие уже несли реальную угрозу национальной экономике. Здесь мы говорим о четырех основных резолюциях¹:

- Резолюции Совета Безопасности ООН 1737 от 23 декабря 2006 г.;
- Резолюции Совета Безопасности ООН 1747 от 24 марта 2007 г.;
- Резолюции Совета Безопасности ООН 1803 от 3 марта 2008 г.;
- Резолюции Совета Безопасности ООН 1929 от 9 июня 2010 г.

Все перечисленные документы были нацелены на ограничение реализацией Ираном деятельности по обогащению урана и созданию ядерной бомбы, а также разработке носителей ядерного оружия. В связи с этим в резолюциях, начиная с Резолюции 1747, речь шла о запрете

¹ Можно отметить еще две второстепенные – Резолюцию 1696 и Резолюцию 1835.

продажи Ирану военной техники и вооружения, включая даже оборонительные технологии. Можно констатировать, что запрет Совета Безопасности ООН фактически создал потенциал для развития односторонней санкционной политики со стороны США и ЕС и переноса санкций из военной сферы в сферы гражданской авиации и промышленности.

Санкционная политика западных стран в отношении Ирана хорошо отражена в публикации Хасана Шокухи-Насаба [Шокухи-Насаб, [www](#)], рассматривающего их в прямой последовательности с 2006 по 2012 г. Он, в частности, отмечает санкции против иранских банков, судоходных и нефтедобывающих, а также логистических компаний и указывает на то, что санкционная политика развивалась бесконтрольно и по экспоненте, чему в значительной степени способствовала агрессивная политика президента Махмуда Ахмадинежада. В контексте санкций европейские компании оказались заложниками проводимой политики, так как, с одной стороны, взаимодействие с Ираном оставалось крайне выгодным для них, но с другой – постоянно существовала угроза попадания под американские санкции. Так, например, «29 октября 2010 г. США приняли... постановление, по которому санкции распространялись на 37 европейских компаний и пять граждан Ирана, которые, как утверждалось, работали в области иранского судоходства» [Там же]. В литературе по проблеме существуют и иные примеры наложения санкций на неиранские компании в целях создания эффекта максимальной изоляции государства для принуждения его к выбору лояльных политических практик.

Безусловно, особый эффект продемонстрировали санкции США и ЕС, введенные в 2012 г. и направленные против нефтяных активов государства, которые объективно являются для Ирана стратегическим ресурсом. «Так, 11 апреля 2012 г. решением министров иностранных дел государств Евросоюза был введен запрет на ввоз в европейские страны иранской нефти. 13 июля США наложили санкции на 50 финансовых компаний и фондов, а также на “Национальную иранскую танкерную компанию” и принадлежавшие ей 58 судов и 27 фирм» [Там же]. Показательно, что аналитики связывают введение антииранских санкций после 2011 г. уже не только и не столько с иранской ядерной программой, сколько с поддержкой Ираном сирийского политического режима. Таким образом, можно говорить о приумножении мотивов для реализации санкционной политики.

После смены политической элиты и с приходом к власти правительства Хасана Рухани ситуация начинает постепенно трансформироваться. Новое политическое руководство выбирает путь переговоров, итогом которых стало подписание Женевского соглашения, которое было заключено между Ираном и шестеркой международных посредников 24 ноября 2013 г.

Женевское соглашение и его результаты

Суть Женевского соглашения достаточно проста. За Ираном было сохранено право освоения мирного атома и обогащения урана до 5% под контролем МАГАТЭ (против 20%, на которых настаивало правительство Ахмадинежада). В свою очередь, в обмен на данное согласие западные страны согласились постепенно снять с Ирана наложенные ранее санкции и разморозили активы Ирана на более чем 4 млрд долларов. Помимо этого, было также принято решение о частичном снятии ограничений по «сотрудничеству и иностранным инвестициям в автомобильную, транспортную и нефтехимическую промышленность Ирана, облегчаются гуманитарные поставки в Иран, реализуется ряд проектов по финансированию сферы образования» [Женевские соглашения..., [www](#)]. Соглашение имело ряд временных

ограничений. Так, например, Иран должен был остановить развитие ядерной энергетики на 6 месяцев. В этот период Иран смог вернуть еще часть денежных средств в размере 2,8 млрд долларов, а после продления переговорного процесса было принято решение о поэтапном возвращении Ирану средств по 700 млн долларов ежемесячно. Тем не менее основным достижением иранских переговорщиков, безусловно, стало снятие санкций с Ирана. Через год после подписания Женевского соглашения часть иранских компаний была исключена из санкционного списка. Кроме того, вновь была разрешена купля-продажа золота, преодолены запреты на выдачу лицензий на осуществление работ и поставок запасных частей для обеспечения безопасности гражданских самолетов и приобретение продукции машиностроения, но главным является то, что было отменено эмбарго на экспорт из Ирана продукции нефтехимической отрасли. Также по итогам Женевского соглашения был создан финансовый канал для торговли в гуманитарной сфере, необходимый для удовлетворения внутренних потребностей страны в приобретении пищевых продуктов, лекарств, медицинского оборудования и т. д. Следует также отметить, что в январе 2014 г. ЕС декларировал увеличение максимально допустимого объема перевода денежных средств при заключении торговых сделок с Ираном в 10 раз. Эти и другие менее значимые меры стимулировали развитие экономического взаимодействия Ирана и западных партнеров, особенно ЕС. Это обусловлено, в частности, и тем, что США, в отличие от ЕС, сохранили многие санкции.

Кульминация переговорного процесса между Ираном и «Группой пяти» + ЕС приходится уже на 2015 г. 14 июля 2015 г. была заключена итоговая ядерная сделка, которая получила название Совместный всеобъемлющий план действий, или Joint Comprehensive Plan of Action (далее – JCPOA) [Достигнуто соглашение..., [www](#)].

По итогам сделки было принято решение о том, что Иран ликвидирует 100% запасов среднеобогащенного и 98% низкообогащенного урана. Помимо этого, должно быть на две трети сокращено количество газовых центрифуг, необходимых для обогащения урана в течение 13 лет. По условиям сделки Ирану все же будет разрешено обогащение урана, но только до уровня 3,67%. Помимо этого, было введено ограничение на строительство новых объектов тяжелой воды и объектов по обогащению урана на 10-летний период. Контроль за соблюдением сделки должен быть возложен на Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ). Также по итогам соглашения предусмотрены полное снятие с Ирана санкций, возложенных США, ЕС и Советом Безопасности ООН, и запрет на введение новых санкций [Zarif, [www](#)].

Развитие партнерских отношений между ЕС и Ираном

Иран стал одной из немногих стран, на которые санкции западных государств оказали трансформирующее влияние. Речь в данном случае идет о комплексе санкций 2011-2012 гг., в результате которых страна оказалась в очень сложной экономической ситуации. Особенно негативный эффект имели ограничение экспорта углеводородов и санкции в отношении танкерных компаний. Итогом этих санкций стал приход к власти в стране правительства президента Хассана Рухани, который построил свою предвыборную кампанию на идее переговоров и уступок по ядерной программе [Новым президентом..., [www](#)]. По итогам избрания Рухани и активизации переговорного процесса Иран вступил в этап экономического роста, темпы которого в 2015 г. составляли 4-5%, а к 2020 г. ожидаются на уровне 8-9%. Тем не менее сохраняются и значительные риски в области национального экономического развития Ирана, которые связаны с агрессивной риторикой США, с 2016 г. угрожавших вернуть санкции

и не допустить восстановления иранской экономики и сделавших это в 2018 г. [В США называли..., [www](#)].

В значительной степени на сегодняшний день можно говорить о расколе западной коалиции по иранскому вопросу. Так, к примеру, ЕС не заинтересован в конфронтации с Ираном и ждет от него соблюдения ядерной сделки, о чем свидетельствуют в том числе заявления Ф. Магерини и Д. Туска. В связи с этим Высокий представитель Союза по иностранным делам и политике безопасности Ф. Могерини, выступавшая в качестве координатора сил шестерки и Ирана, заявила, что может «...открыть путь к новой главе в международных отношениях и показать, что дипломатия, координация, сотрудничество могут преодолеть десятилетия напряженности и конфронтации и что это знак надежды для всего мира» [Hafezi et al., [www](#)]. В свою очередь президент Европейского совета Дональд Туск заявил, что «...соглашение может стать поворотным моментом в отношениях между Ираном и международным сообществом, проложившим путь к новым направлениям сотрудничества между ЕС и Ираном. Геополитически он может стать игровым чейнджером» [Statement by President Donald Tusk..., [www](#)].

Барак Обама также приветствовал подписание соглашения в 2015 г. [Hafezi et al., [www](#)], однако его преемник Дональд Трамп высказался о заключенном соглашении в достаточно категоричной манере. В частности, через генерала Герберта Макмастера было декларировано, что президент США Дональд Трамп принял новое решение по ядерной сделке с Ираном: «...Мы должны вместе с нашими союзниками и партнерами воспрепятствовать тому, чтобы Иран продолжил свои действия... Несоввершенство договора дают режиму, которому очевидно нельзя доверять, удобную ширму, за которой он имеет возможность развивать ядерную программу» [Братерский, Покровская, [www](#)].

Таким образом, в коалиции по иранской ядерной проблеме сформировался раскол, который тем не менее пока развивается преимущественно в сторону европейских интересов, так как европейские государства уже с 2015 г. начали интенсивно осваивать иранский рынок, в то время как США до сих пор не выработали четкой позиции по Ирану, хотя и приняли непопулярное решение об одностороннем выходе из ядерной сделки.

В связи с этим актуализируется вопрос о том, почему ЕС выгодно сотрудничество с Ираном. На наш взгляд, ответ на данный вопрос обусловлен законами рынка. После введения массированных санкций против Ирана, начиная с 2002 г. в этой стране начал формироваться определенный экономический вакуум. Многие традиционные европейские и азиатские партнеры вынуждены были отказаться от сделок с компаниями из исламской республики, опасаясь санкций. После отмены санкций в 2015-2016 гг. в стране началось конкурентное противостояние компаний из различных стран за получение собственной ниши в экономике Ирана. Даже введение отдельных санкций со стороны США в отношении Корпуса стражей исламской революции и ряда компаний и частных лиц не остановило такие компании, как Renault, Total, Siemens, Volkswagen Airbus в их стремлении получить преференции в трансформирующейся иранской экономике [Ардаев, Гашков, [www](#)]. Можно говорить и о конкуренции, так как не только европейские, но и российские и китайские компании устремились на иранский рынок.

Кроме того, соотношение испытывает тенденции к трансформации, так как на иранский рынок после 2015 г. вышли многие транснациональные корпорации, уязвимые к новой санкционной политике США. Здесь показателен пример французской нефтяной компании Total, которая под угрозой американских санкций вышла из иранского газового проекта, продав свой

пакет компаниям из КНР. Компания CNPC выкупила долю Total (50,1%) в иранском газовом проекте «Южный Парс 11», получив контрольный пакет акций в размере 80,1%. «Запасы всего месторождения, разбитого на 28 участков (фаз), оцениваются в 13,8 трлн куб. м. 11-я фаза является одной из самых крупных, здесь планируется добывать 50,9 млн куб. м газа в сутки» [Комраков, [www](#)].

Если абстрагироваться от конкуренции и говорить только о европейских компаниях, то следует отметить, что в Иране на конец 2016 г. свои интересы обозначила 21 крупная компания из Дании, Франции, Германии, Италии и Великобритании. Самые крупные контракты связаны, например, с французским Airbus, который заключил с Ираном соглашение на сумму 25 млрд долларов на покупку 118 новых самолетов. Peugeot-Citroen заключили сделку в размере 430 млн долларов на производства 200 000 автомобилей в год начиная с 2017 г., а Renault подписала соглашение с Ираном на 660 млн долларов для увеличения производственных мощностей до 350 000 автомобилей. Также показателен договор с Total по расширению развития газового месторождения «Южный Парс». Как мы уже отмечали, данный договор был перекуплен CNPC. Это соглашение стало первой крупной сделкой между нефтью и газом между западной компанией и Ираном после снятия санкций в январе 2016 г. Кроме того, знаковыми являются договоренности с немецкими компаниями Daimler (40 000 грузовиков в год), Volkswagen, Siemens и Wintershall [EU companies..., [www](#)]. Крупные банки по-прежнему неохотно занимаются иранскими операциями, но 30 иранских банков были подключены к электронному банковскому сектору Swift, более 200 международных кредиторов начали корреспондентские отношения со своими иранскими коллегами [Europe's business..., [www](#)].

Хотя продолжает сохраняться опасность того, что новые санкции США могут нанести серьезный ущерб сотрудничеству Ирана и ЕС, теперь уже европейские контрагенты Ирана пытаются предусмотреть определенные гарантийные механизмы, способные обезопасить их инвестиции. Так, например, директор департамента страновых, банковских и секторальных рисков ЕКФ, экспортного кредитного агентства Дании Йорн Соренсен заявил, что подписал соглашение с министерством финансов Ирана, в соответствии с которым ЕКФ предоставляет 100%-ные гарантии финансирования для тех, кто хочет экспортировать датские товары в Иран, даже в условиях пересмотра санкционной политики [Ibidem]. Пример ЕКФ не единичен, так как по аналогичному пути, но несколько позже пошли австрийские и итальянские кредитные агентства, что стимулировало приход на иранский финансовый рынок крупных банков из этих стран.

Новые санкции США и реакция Европы

Краткосрочный период сотрудничества ЕС и Ирана уже за период 2015-2016 гг. продемонстрировал впечатляющие результаты. Так, отмена санкций стимулировала рост торгового оборота между сторонами на 94% [Iran and the EU, [www](#)]. Рост торгового оборота связан с притоком европейских инвестиций в таких секторах, как энергетика, автомобилестроение и транспорт. Ориентируясь на перспективное развитие сотрудничества, ЕС также лоббирует вступление Ирана во Всемирную торговую организацию.

Тем не менее нельзя не сказать и о некоторых серьезных ограничениях для сотрудничества ЕС и Ирана. Так, в Иране сохраняется очень высокий уровень коррупции: «индекс восприятия коррупции Transparency International поместил Иран на 136-е место в мировом рейтинге.

Всемирный банк присвоил стране 118-е место в рейтинге стран по благоприятности условий для бизнеса» [Иран..., [www](#)]. Остается нерешенным и вопрос санкций ЕС в отношении Ирана по неядерной проблематике. Кроме того, возникает дилемма приоритетности для ЕС развития отношений с Ираном либо сохранения отношений с США, причем данный вопрос решается не только на политическом уровне, но и на уровне транснациональных компаний, и этот разрыв со временем становится все шире.

Фактически речь идет о том, что Иран наконец открылся внешнему влиянию и есть реальная политическая воля для сотрудничества с данной страной, однако данное сотрудничество предстает рискованным. Европейские правительства рассматривают данный риск как осмысленный, так как он несет не только экономическую выгоду, но и демонстрационный эффект, призванный показать отход политики ЕС от «американского вектора».

В связи с этим ЕС восстановил правовое действие закона 1996 г., который объявляет американские санкции противоправными и не имеющими юридической силы. Впервые данный закон был принят для стимулирования торгового взаимодействия ЕС и Кубы [Евросоюз начнет..., [www](#)], также находящейся под американскими санкциями, однако на данный момент ставки в геοэкономическом противостоянии гораздо выше, что стимулирует ЕС проводить более радикальную политику.

Тем не менее даже особый вектор политики ЕС в отношении защиты экономического сотрудничества с Ираном во многих случаях оказался не способен успокоить европейские компании и воспрепятствовать их отступлению с иранского рынка. Пример Total в данном случае не единичен.

Условия повышенного риска привели к тому, что сделки с Ираном стали постепенно разрываться компании, работающие в нефтегазовой отрасли компании (такие как австрийская OMV и немецкая Wintershall), а также компании, предлагающие продукты и услуги в сфере самолето- и автомобилестроения (в их числе американской Boeing и европейский Airbus, а также немецкий концерн Daimler и французский Peugeot). Кроме того, работу над контрактами прервали американская компания General Electric, датская Maersk и немецкая Siemens [Комраков, [www](#)].

Заключение

Несмотря на волатильность экономических отношений ЕС и Ирана, вектор иранской политики на открытость сохраняется, что, в свою очередь, приводит на рынок исламской республики неевропейских игроков, а также компании, связанные с европейскими концернами дочерними связями. Во многом демарш европейских компаний, опасаящихся американских санкций, актуализирует новую плоскость противостояния, в которой борьба начинает разворачиваться между экономическим влиянием неевропейских государств, в числе которых Китай и Россия, сменяющих западные корпорации, и социо-культурным и в меньшей степени экономическим влиянием со стороны ЕС, который, после снятия с Ирана основного пакета антиядерных санкций, явно нацелился на реабилитацию своего экономического участия в иранской экономике, а также на включение данного государства в орбиту своего геополитического влияния через неэкономическое воздействие, выраженное в передаче технологий, привлечении Ирана к решению совокупности региональных и глобальных задач, а также вовлечении исламской республики в сложную систему геополитического взаимодействия.

Библиография

1. Ардаев В., Гашков И. Точка разлома США и Европы: почему Ирану не страшны американские санкции. URL: <https://ria.ru/world/20171108/1508344470.html>
2. Братерский А., Покровская Е. Трамп – Ирану: а теперь отдайте свои ракеты. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2017/09/21_a_10900874.shtml
3. В США назвали сроки восстановления санкций против Ирана. URL: <https://www.rbc.ru/economics/09/05/2018/5af20db29a7947a09b825ce9>
4. Достигнуто соглашение по ядерной программе Ирана. URL: http://www.bbc.com/russian/international/2015/07/150714_iran_deal_reached
5. Евросоюз начнет блокировку американских санкций против Ирана. URL: <https://ria.ru/world/20180806/1526011424.html>
6. Женевские соглашения: прорыв или историческая ошибка? URL: <https://svpressa.ru/politic/article/77968/>
7. Иран: есть ли жизнь без санкций. URL: <https://ru.insider.pro/economics/2016-01-28/iran-est-li-zhizn-bez-sanktsii/?topic=iran>
8. Комраков А. Китай захватывает иранский рынок. URL: http://www.ng.ru/economics/2018-08-12/4_7286_iranchina.html
9. Новым президентом Ирана избран Хасан Роухани. URL: <http://tass.ru/glavnie-novosti/613750> <http://tass.ru/glavnie-novosti/613750>
10. Шокухи-Насаб Х. История введения санкций против Ирана. URL: <https://inosmi.ru/asia/20150302/226574256.html>
11. EU companies investing in Iran. URL: <http://www.aalep.eu/eu-companies-investing-iran>
12. Europe's business heads aim to keep Iran nuclear deal despite US threat. URL: <https://www.theguardian.com/world/2017/oct/06/europes-business-heads-aim-to-keep-iran-nuclear-deal-despite-us-threat>
13. Hafezi P., Charbonneau L., Irish J., Mohammed A. Iran deal reached, Obama hails step towards 'more hopeful world'. URL: <https://www.reuters.com/article/us-iran-nuclear/iran-deal-reached-obama-hails-step-towards-more-hopeful-world-idUSKCN0PM0CE20150714>
14. Iran and the EU. URL: https://eeas.europa.eu/delegations/iran/2281/iran-and-eu_en
15. Statement by President Donald Tusk on the agreement on Iran's nuclear program. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2015/07/14/tusk-statement-agreement-iran/#>
16. Zarif M.J. We've never claimed nuclear deal only favors Iran. URL: <http://www.tehrantimes.com/news/248149/Zarif-We-ve-never-claimed-nuclear-deal-only-favors-Iran>

Iran and the EU: from sanctions to cooperation

Nikolai A. Medushevskii

PhD in Political Science, Docent,
Associate Professor at the Department of the culture of peace and democracy,
Russian State University for the Humanities,
125993, 6, Miusskaya sq., Moscow, Russian Federation;
e-mail: lucky5659@yandex.ru

Nikita A. Filin

PhD in History,
Associate Professor at the Department of the modern East,
Russian State University for the Humanities,
Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences,
123001, 30/1, Spiridonovka st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: FilinNikita@yahoo.com

Vladimir O. Koklikov

Moscow State Linguistic University,
119034, 38/1, Ostozhenka st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: azzuro@list.ru

Abstract

The article aims to examine the relations between the Islamic Republic of Iran and the European Union over the past decades with due regard to Western sanctions against Iran. The authors of the article make an attempt to analyse the history and the current state of the European policy towards Iran, its major practices and their efficiency. The article views the Geneva Agreement of 2013 and its results as the main historic event aimed at overcoming the crisis, related to the Iranian nuclear programme. Special attention is paid to the new US sanctions and the response to them on the part of the European Union. Taking into account the results of the analysis carried out in the article, the authors indicate the volatility of economic relations between the Islamic Republic of Iran and the European Union, which does not prevent Iran from adopting an open-economy policy. They point out that this, in turn, will make it possible for non-European players to sideline the EU countries in the Iranian market and integrate this country into geopolitical confrontation system in the Near and Middle East region. The article gives examples of European and non-European companies whose activities in Iran were influenced by the sanctions.

For citation

Medushevskii N.A., Filin N.A., Koklikov V.O. (2018) Iran i ES: ot sanktsii k sotrudnichestvu [Iran and the EU: from sanctions to cooperation]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 7 (5A), pp. 7-16.

Keywords

Iran, European Union, USA, economic relations, sanctions, Geneva Agreement.

References

1. Ardaev V., Gashkov I. *Tochka razloma SShA i Evropy: pochemu Iranu ne strashny amerikanskii sanktsii* [The point of the fault between the USA and Europe: why Iran is resistant to the American sanctions]. Available at: <https://ria.ru/world/20171108/1508344470.html> [Accessed 27/10/18].
2. Braterskii A., Pokrovskaya E. *Tramp – Iranu: a teper' otdatei svoi rakety* [Trump to Iran: now hand over your missiles]. Available at: https://www.gazeta.ru/politics/2017/09/21_a_10900874.shtml [Accessed 27/10/18].
3. *Dostignuto soglasenie po yadernoi programme Irana* [The Iran nuclear deal has been reached]. Available at: http://www.bbc.com/russian/international/2015/07/150714_iran_deal_reached [Accessed 27/10/18].
4. *EU companies investing in Iran*. Available at: <http://www.aalep.eu/eu-companies-investing-iran> [Accessed 27/10/18].
5. *Europe's business heads aim to keep Iran nuclear deal despite US threat*. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2017/oct/06/europes-business-heads-aim-to-keep-iran-nuclear-deal-despite-us-threat> [Accessed 27/10/18].
6. *Evrosyuz nachnet blokirovku amerikanskikh sanktsii protiv Irana* [The European Union will block the U.S. sanctions against Iran]. Available at: <https://ria.ru/world/20180806/1526011424.html> [Accessed 27/10/18].
7. Hafezi P., Charbonneau L., Irish J., Mohammed A. *Iran deal reached, Obama hails step towards 'more hopeful world'*. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-iran-nuclear/iran-deal-reached-obama-hails-step-towards-more-hopeful-world-idUSKCN0PM0CE20150714> [Accessed 27/10/18].
8. *Iran and the EU*. Available at: https://eeas.europa.eu/delegations/iran/2281/iran-and-eu_en [Accessed 27/10/18].
9. *Iran: est' li zhizn' bez sanktsii* [Iran: is there life without sanctions?]. Available at: <https://ru.insider.pro/economics/2016-01-28/iran-est-li-zhizn-bez-sanktsii/?topic=iran> [Accessed 27/10/18].

10. Komrakov A. *Kitai zakhvatyvaet iranskii rynok* [China is conquering the Iranian market]. Available at: http://www.ng.ru/economics/2018-08-12/4_7286_iranchina.html [Accessed 27/10/18].
11. *Novym prezidentom Irana izbran Khasan Roukhani* [Hassan Rouhani has been elected President of Iran]. Available at: <http://tass.ru/glavnie-novosti/613750> <http://tass.ru/glavnie-novosti/613750> [Accessed 27/10/18].
12. Shokouhi-Nasab H. *Istoriya vvedeniya sanktsii protiv Irana* [A history of imposing sanctions against Iran]. Available at: <https://inosmi.ru/asia/20150302/226574256.html> [Accessed 27/10/18].
13. *Statement by President Donald Tusk on the agreement on Iran's nuclear program*. Available at: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2015/07/14/tusk-statement-agreement-iran/#> [Accessed 27/10/18].
14. *V SShA nazvali sroki vosstanovleniya sanktsii protiv Irana* [The US identified the time frames for restoring sanctions against Iran]. Available at: <https://www.rbc.ru/economics/09/05/2018/5af20db29a7947a09b825ce9> [Accessed 27/10/18].
15. Zarif M.J. *We've never claimed nuclear deal only favors Iran*. Available at: <http://www.tehrantimes.com/news/248149/Zarif-We-ve-never-claimed-nuclear-deal-only-favors-Iran> [Accessed 27/10/18].
16. *Zhenevskie soglasheniya: proryv ili istoricheskaya oshibka?* [The Geneva Agreements: a breakthrough or a historical mistake?] Available at: <https://svpressa.ru/politic/article/77968/> [Accessed 27/10/18].

УДК 339.986

Перспективные интересы ЕС в Иране и реакция двухстороннего сотрудничества на новые санкции США

Медушевский Николай Андреевич

Кандидат политических наук, доцент,
доцент кафедры культуры мира и демократии,
Российский государственный гуманитарный университет,
125993, Российская Федерация, Москва, Миусская площадь, 6;
e-mail: lucky5659@yandex.ru

Филин Никита Александрович

Кандидат исторических наук,
доцент кафедры современного Востока,
Российский государственный гуманитарный университет,
Институт Африки Российской академии наук,
123001, Российская Федерация, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1;
e-mail: FilinNikita@yahoo.com

Кокликов Владимир Олегович

Московский государственный лингвистический университет,
119034, Российская Федерация, Москва, ул. Остоженка, 38/1;
e-mail: azzuro@list.ru

Исследование осуществлено в рамках поддержанного Российским научным фондом проекта № 14-18-03615 (Российская политика на Ближнем и Среднем Востоке: возможности и пределы сотрудничества со странами региона).

Аннотация

Статья посвящена двустороннему сотрудничеству Исламской Республики Иран и Европейского Союза в последние несколько лет. Авторы анализируют европейское влияние в Иране и двусторонние торгово-экономические отношения, включая промышленность, предпринимательство, сельское хозяйство, транспорт, энергетику и мирный атом. В качестве основного фона двусторонних отношений анализируется санкционная политика США в отношении Ирана, которая является главным фактором улучшения или ухудшения ирано-европейских экономических контактов. По итогам проводимого в статье анализа авторы приходят к выводу об активном и постоянно расширяющемся сотрудничестве между Ираном и Европейским Союзом, чему не помешал выход США из СВПД в мае 2018 г. Однако не исключается регресс двусторонних контактов, что также связано с позицией США по Ирану.

Для цитирования в научных исследованиях

Медушевский Н.А., Филин Н.А., Кокликов В.О. Перспективные интересы ЕС в Иране и реакция двухстороннего сотрудничества на новые санкции США // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Том 7. № 5А. С. 17-29.

Ключевые слова

Иран, Европейский союз, США, экономические отношения, санкции, мировая экономика.

Введение

Экономическое сотрудничество Европейского союза (далее – ЕС) и Ирана начало активно развиваться после 2015 г., когда с исламской республики были сняты основные международные санкции, связанные с экономическим взаимодействием в промышленной, энергетической, военной и иных сферах. Снятие санкций стало возможно после заключения итоговой ядерной сделки, которая получила название «Совместный всеобъемлющий план действий» (Joint Comprehensive Plan of Action). Она была заключена 14 июля 2015 г. [Достигнуто соглашение..., [www](#)].

В 2018 г. сотрудничество Ирана и западных стран, которое активно развивалось на протяжении почти 3 лет, претерпело серьезные корректировки, которые были обусловлены отказом США от участия в иранской ядерной сделке и восстановлением основных категорий санкций в торговом, энергетическом, военном и даже гуманитарном аспектах [В США анонсировали..., [www](#)]. Американская сторона заявила даже о расширении и усложнении санкционной политики в отношении экспорта нефти, энергетического сектора, финансовых учреждений, иранских портов, судоходных и танкерных компаний, компаний, занимающихся строительством кораблей и самолетов, и т. д., вплоть до запрета на покупку иранских ковров и товаров широкого потребления. Очевидно, что решение о выходе США из иранской ядерной сделки имеет исключительно политическую мотивацию, связанную с деятельностью США по дестабилизации региона и по развитию своеобразной системы контроля над ЕС, в том числе в аспекте ориентации ЕС на поставки американского сжиженного газа. В таких условиях развитие ЕС и Ирана неизбежно трансформировало бы структуру регионального сотрудничества и повлияло бы и на торговые планы США, и на отношение Европы к сирийскому кризису и другим острым региональным вопросам.

Демарш США и возврат санкций, даже на этапе их анонсирования, привели к срыву множества контрактов между Ираном и европейскими транснациональными корпорациями, а также отдельными американскими компаниями, несмотря на заявление руководства ЕС о том, что с ЕС с 7 августа будет блокировать действие санкций США против Ирана для защиты европейских компаний [Там же].

Тем не менее срыв многих экономических контрактов Ирана и европейских компаний не привел к отказу ЕС от диалога с исламской республикой. Более того, проигрывая в вопросах развития экономического взаимодействия Китаю и в меньшей степени России, ЕС целенаправленно переориентировался на развитие системы комплексного политического взаимодействия в области логистики, экологии, коммуникации, прав человека и других аспектов, которое способствовало системному сотрудничеству между сторонами в долгосрочной перспективе.

Иран в орбите европейского влияния

На основе анализа переговорного процесса между сторонами можно констатировать, что ЕС еще с 2013 г. (начало подготовки ядерной сделки) был нацелен на перспективное включение Ирана в орбиту своего влияния, что обусловлено в том числе и потребностью диверсификации энергетических потоков и интересом к укреплению своих позиций в регионе. В связи с этим двухстороннее сотрудничество развивается по таким направлениям, как политические консультации по сирийскому кризису и близким вопросам, по вопросам соблюдения прав человека, по вопросам развития торгово-экономических и финансовых отношений, по направлению развития промышленности, предпринимательства, макроэкономического сотрудничества, сельского хозяйства, транспорта, энергетики, включая ядерную энергетику. Отдельное внимание обращает на себя сотрудничество в социальной сфере, затрагивающее вопросы миграции, гуманитарного сотрудничества, окружающей среды и образования. Рассмотрим сотрудничество по всем основным направлениям подробнее.

Политические консультации

Политические консультации Ирана и ЕС объективно выступают в качестве приоритета, поскольку преодолеть последствия санкций можно только политическими средствами. Кроме того, обе страны заинтересованы в стабильном политическом сотрудничестве. Данный диалог ведется с одной стороны представителями МИД Ирана, а с другой – Высоким представителем ЕС по иностранным делам и политике безопасности (HR/VP) и его аппаратом. Отметим, что Высокий представитель (на данный момент – Федерика Могерини) является главным координатором и представителем Общей внешней политики и политики безопасности (CFSP) в рамках ЕС. Уже на протяжении четырех лет (2015-2018 гг.) стороны ведут тесное сотрудничество в рамках политического диалога высокого уровня, последнее заседание которого состоялось 20 ноября 2017 г. в Тегеране (очередное заседание ожидается в конце 2018 г.).

На аналогичном заседании в 2016 г. в Брюсселе стороны обсуждали вопросы торговли, энергетики, окружающей среды, миграции, образования, культуры, исследований и транспорта, а также региональные вопросы, в числе которых отношения с Сирией, Ираком, Йеменом, Ливаном и Афганистаном. Была организована отдельная встреча по экономическим, финансовым и банковским вопросам с представителями Иранского центрального банка и Комиссии [EU-Iran high level political dialogue, [www](http://www.eu-iran.europa.eu/)].

2018 год, в контексте возникновения санкционной угрозы, характеризуется определенной трансформацией повестки дня именно в политическом плане. Можно констатировать, что она стала жестче и конкретнее. Об этом, в частности, говорит риторика европейских политиков на встрече 15-го мая Высокого представителя ЕС Могерини с министрами иностранных дел Франции, Германии, Соединенного Королевства и Ирана.

По итогам встречи Могерини заявила: «Мы вместе подтвердили нашу решимость продолжать осуществлять ядерную сделку во всех ее частях...» [Iran nuclear deal..., [www](http://www.eu-iran.europa.eu/)]. В целях укрепления сделки ЕС и его партнеры также взяли на себя обязательства по поддержанию и углублению экономических отношений с Ираном, по продолжению продажи иранских нефтегазовых продуктов и нефтепродуктов и связанных с ними поставок, по развитию банковских операций, по продолжению морских, сухопутных, воздушных и железнодорожных перевозок с Ираном, по предоставлению экспортных кредитов и специальных положений в

области финансового банкинга для содействия экономическому и финансовому сотрудничеству и торговле и инвестициям и т. д. [Ibidem].

Показательно, что диалог ЕС и исламской республики в 2018 г. несет в себе реакцию на кризис, что делает его менее разнообразным и более прагматичным. В 2017 г., например, повестка политического диалога отличалась. Две делегации возглавлялись Генеральным секретарем EEAS Хельгой Марией Шмид и заместителем министра иностранных дел Ирана Аббасом Араги. На совещании уже традиционно обсуждались вопросы торговли, энергетики, окружающей среды, миграции, гуманитарных вопросов, политики в области наркотиков, образования, культуры, исследований и транспорта, а также региональные вопросы. При этом параллельно была поднята тема прав человека [EU and Iran..., www]. По вопросам соблюдения прав человека было проведено «разведочное обсуждение», необходимое для выявления приоритетов сторон в данном аспекте.

Торгово-экономические и финансовые отношения

Торгово-экономические и финансовые отношения – это две неразрывно связанные темы, доминирующие в ирано-европейском сотрудничестве. Их доминанта обусловлена актуализированной потребностью Ирана в развитии и восстановлении экономики, что невозможно без налаживания инвестиционных программ и наличия развитого банковского сектора. Показательно, что ЕС поддерживает стремление Ирана к интеграции в международную экономику, в том числе через присоединение к ВТО (процесс присоединения Ирана к ВТО был заморожен в 2011 г.).

Как отмечалось ранее, диалог по торговым и финансовым вопросам ведется в ежегодном формате, но испытывает тенденцию к расширению. Здесь показательно выступление Ф. Могерини в 2016 г., в котором было констатировано, что «...было решено начать широкомасштабный промышленный диалог, который будет запущен в связи с Европейской экономической миссией в Тегеране 17-19 октября, которую возглавит комиссар ЕС Эльзбиета Бьенковска вместе с представителями европейских бизнес-ассоциаций. Этот диалог может охватывать ряд ключевых секторов, представляющих взаимный интерес, таких как текстиль, автомобилестроение, сырье, туризм и строительство, а также горизонтальные проблемы, такие как бизнес-среда и развитие малого и среднего бизнеса...» [European Union..., www].

В числе других событий в данном ряду показательна, например, встреча-совещание экспертов ЕС – Иран по вопросам торговли и инвестиций, которая прошла 24-25 ноября 2016 г. в Брюсселе под руководством европейских комиссий DG Trade. Перед этим (11-14 июля 2016 г.) Иран посетила экспертная миссия официальных лиц ЕС. Целью визита стало ведение переговоров по торговой и финансовой проблематике. В рамках переговорного процесса сошлись представители европейского истеблишмента, например Эрик Мамер, директор Генерального директората Европейской комиссии по внутреннему рынку, и руководители профильных иранских ведомств, включая Министерство промышленности, шахт и торговли, Министерство экономики и финансов, Центральный банк, таможенную администрацию и Торгово-промышленную палату Ирана [Ibidem].

Финансовые проблемы преодолеваются сторонами параллельно торговым. Здесь показательно решение Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ), которая 24 июня 2016 г. приостановила контрмеры в отношении Ирана на двенадцать месяцев. Это стало ответом на принятие Ираном Плана действий по устранению его стратегических недостатков в области отмывания денег и финансирования терроризма. В

данном контексте ЕС заявил о готовности поддержать Иран, в том числе и в плане технического обеспечения. Тем не менее приостановка контрмер не является их отменой и ФАТФ «...призывает своих членов и настоятельно призывает все юрисдикции продолжать давать рекомендации своим финансовым учреждениям применять усиленную должную осмотрительность к деловым отношениям и сделкам с физическими и юридическими лицами из Ирана...» [Public statement..., [www](#)]. Данная рекомендация, в свою очередь, ограничивает темпы восстановления финансового сектора государства. Тем не менее ЕС все чаще берет на себя функцию медиатора между глобальным банковским сектором и финансовым сектором Ирана. Примерами этого являются Банковская конференция в Лондоне, прошедшая в мае 2016 г. и двухгодичный Банковский деловой форум «Иран – Европа» (Франкфурт-на-Майне/Тегеран) [EU-Iran high level political dialogue, [www](#)].

В отдельных случаях партнеры ЕС и Иран выступают на равных. В данном случае речь идет, например, о Первом «макроэкономическом диалоге», который состоялся 11 июля 2017 г. в Тегеране между службами Комиссии ECFIN (к которым присоединились Европейский центральный банк) и Министерством экономики и финансов, а также Центральным банком Ирана [Iran and the EU, [www](#)].

События 2018 г. особенно сильно отразились на торгово-экономических и финансовых отношениях сторон, так как санкции США фактически вынудили политические институты ЕС стать щитом, закрывающим ирано-европейское экономическое и финансовое сотрудничество. Степень защиты, которую создает данный «щит», еще только предстоит оценить, однако ЕС настроен достаточно решительно: «Мы намерены и хотим действовать как можно быстрее, не только потому, что знаем, что давление в Иране является значительным, но и потому, что понимаем, что европейские инвесторы нуждаются в определенности, поэтому мы заинтересованы в быстрой работе» [Iran deal..., [www](#)].

Промышленность и предпринимательство

Как уже отмечалось нами ранее, развитие Ирана в перспективе возможно только через промышленный рост. При этом санкции нанесли значительный удар по развитию промышленности, ограничив возможности для иранских компаний закупать необходимые станки и материалы за рубежом. На сегодняшний день Иран и в этом отношении сотрудничает с ЕС. Это сотрудничество было возложено на комиссара Элзибету Биньковску, которая прибыла в Иран 16 октября 2016 г. Ее задачей стала инициация диалога по совместным проектам в области текстильной промышленности, автомобилестроения, сырьевой промышленности, туризма, строительства и фармацевтики. Со стороны Ирана в диалоге участвует Мохаммад Реза Нематзаде, министр промышленности, шахт и торговли. Целью диалога стал поиск путей по созданию между ЕС и Ираном единой бизнес-среды [Commissioner Elżbieta Bieńkowska..., [www](#)], которая, однако, после восстановления американских санкций подверглась видимому разрушению в связи с уходом с иранского рынка многих крупных компаний [Комраков, [www](#)].

Сельское хозяйство

Сельское хозяйство выступает еще одной актуальной темой для сотрудничества ЕС и Ирана. С европейской стороны данная миссия была представлена деятельностью комиссара Фила Хогана и сопровождавшей его делегации европейских производителей сельскохозяйственной продукции из 19 различных государств-членов. Пребывая в Иране 10-13 ноября 2017 г.,

комиссар Хоган встретится с министром здравоохранения Ирана Хасаном Газизаде Хашеми и министром промышленности, шахт и торговли Ирана Мохаммадом Шариатмадари. Поездка комиссара Хогана достаточно ангажирована и входит в рамки политики продвижения ЕС в области агропродовольственной продукции [Commissioner Hogan..., [www](#)].

Также в контексте сотрудничества в Тегеране с 7 по 11 мая 2017 г. прошел Семинар по использованию TRACES (Trade Control and Expert System)¹ организованный на основе проекта предоставления технической помощи ЕС. Освоение данной системы необходимо иранским сельхозпроизводителям для выхода на европейский рынок [Iran and the EU, [www](#)].

Показательно, что сотрудничество в сельском хозяйстве стабильнее экономического и финансового сотрудничества, так как меньше подвержено санкционной политике США.

Транспорт

Транспортная отрасль является крайне важной сферой сотрудничества ЕС и Ирана. Актуальность данного сотрудничества обусловлена, во-первых, большим национальным рынком, во-вторых, высоким уровнем конкуренции за данный рынок. Выгодные ниши в сфере железнодорожного транспорта уже заняли российские и китайские компании. Иран также заинтересован в приобретении части самолетов в РФ для диверсификации своего парка. При этом самый крупный контракт по приобретению самолетов был заключен именно с европейской компанией Airbus. Это стало возможно во многом благодаря встречным шагам со стороны ЕС. В апреле 2016 г. ЕС и Иран заявили о своей приверженности безопасному и устойчивому развитию всех видов транспорта в целях поддержки возобновления торговли, инвестиций и связей с гражданами [Ibidem], а уже в июне 2016 г. состоялась презентация иранской авиакомпании Iran Air, которая была официально допущена к полетам в ЕС [Aviation..., [www](#)].

В аспекте развития железнодорожного транспорта в Иране ЕС занимает менее выгодную позицию, но также участвует в переговорном процессе. 17-18 октября 2016 г. в Тегеране состоялся железнодорожный семинар с участием Европейского железнодорожного агентства.

Новая санкционная политика США крайне негативно отразилась на сотрудничестве в транспортной сфере. Фактически поставки самолетов были заморожены, и Иран успел получить только 7 лайнеров Airbus из 114, а компания Boeing и вовсе не предоставила самолетов, хотя планировала поставить до 200 единиц [Иран подписал контракт..., [www](#)]. Здесь показательно, что компания Boeing оказалась в более выгодной ситуации, чем Airbus, так как имеет американскую аффилиацию и может лоббировать снятие для себя санкций, сосредоточив внимание на рабочих местах, которые будут созданы в США благодаря заказам Ирана [Iran says..., [www](#)].

Энергетика и мирный атом

Сотрудничество в области энергетики представляет для ЕС большой интерес, так как в перспективе может способствовать диверсификации поставок углеводородов. С этим, в частности, связано интенсивное и системное развитие взаимодействия с иранской стороной.

¹ Примечание: TRACES – многоязычный онлайн-инструмент Европейской комиссии для всех санитарных требований при торговле и импорте животных, семян и эмбрионов, продуктов питания, кормов и растений внутри ЕС.

Уже 16 апреля 2016 г. было согласовано совместное заявление об энергетике между иранским министром нефти Бижаном Занганехом, министром энергетики Хамидом Чичяном и комиссаром ЕС по энергетике Мигелем Ариасом Каньете [Joint statement on energy, [www](#)]. Согласно данному заявлению, ключевыми направлениями диалога должны стать обмен информацией о политике в области энергетики, обсуждение условий для инвестирования в энергетический сектор Ирана, обсуждение перспектив развития инфраструктуры экспорта нефти и газа из Ирана, содействие Ирана энергетической безопасности ЕС, сотрудничество в области возобновляемой энергии и энергоэффективности, совместное развитие инфраструктуры и перспективная деятельность в связи с Парижским соглашением COP21 (Конференция по климату в Париже 2015 г.). Тогда же в совместном заявлении было принято решение о создании энергетического бизнес-форума, который «объединит государственные учреждения, регулирующие органы, производителей, операторов и финансовых экспертов для анализа перспектив и содействия инвестициям в углеводородный сектор» [Ibidem].

Показательно, что данные планы нашли свою дальнейшую реализацию в апреле 2017 г., когда прошел бизнес-форум Иран – ЕС по устойчивой энергетике. Форум стал крупнейшим в Иране мероприятием такого рода и «собрал более 50 европейских компаний и бизнес-ассоциаций и около 40 иранских энергетических компаний» [Iran and the EU, [www](#)].

Несколько в ином направлении развивается сотрудничество ЕС и Ирана в области освоения мирного атома. Для Европы развитие Ираном программы мирного атома является залогом стабильного сотрудничества с этой страной в других сферах, так как любые ошибки и злоупотребления в области ядерной энергетики неминуемо будут интерпретированы американской стороной как основания для расширения санкций. Сотрудничество по проблеме выросло из женевского соглашения.

Активное сотрудничество началось в 2016 г., когда было представлено Совместное заявление о сотрудничестве в области ядерной энергии, которое предусматривало взаимодействие по таким направлениям, как ядерная безопасность, радиационная защита, готовность к чрезвычайным ситуациям и реагирование, управление отходами и отработавшим топливом, ядерные исследования и разработки, неэнергетические применения ядерной энергии [Joint statement on cooperation..., [www](#)].

При этом соглашение оговаривает направление развития краткосрочной программы сотрудничества, которая находит свое выражение уже в мероприятиях 2016-2017 гг. Так, например, в мае 2016 г. был принят документ о действии для Ирана в рамках документа о сотрудничестве в области ядерной безопасности [Commission decision..., [www](#)], по которому Европейская комиссия предоставила годовую выплату в размере 5 млн евро.

Также в 2016 г., в соответствии с соглашением, уже было подписано два контракта. Контракт для сотрудничества с Иранским ядерным регулирующим органом (INRA) по ядерной безопасности подписан в рамках Совместного всеобъемлющего плана действий (JCPOA). Его стоимость составила 2,5 млн евро. Проект направлен на расширение возможностей иранского органа по ядерному регулированию (INRA) в области сотрудничества [EU project..., [www](#)]. Второй проект связан с проведением стресс-тестов на АЭС в Бушере. Переговорный процесс получил развитие 15 сентября 2016 г. на встрече иранского вице-президента и главы Организации по атомной энергии Ирана Али Акбар Салехи и Высокого представителя Ф. Могерини [Mogherini..., [www](#)].

В 2017 г. также состоялось несколько знаковых событий. В том числе 28 февраля Европейская комиссия по энергетике провела совместный семинар высокого уровня ЕС – Иран

по вопросам ядерного сотрудничества и управления [EU-Iran high-level seminar..., www], а 28 и 29 июня 2017 г. иранские участники приняли участие в совещании Европейской группы регуляторов ядерной безопасности (ENSREG).

В 2018 г. сотрудничество Ирана и ЕС в области энергетики продолжилось, однако речь о массовых поставках иранских углеводородов в ЕС пока не идет. Однако Представители ЕС однозначно заявили, что не приемлют американского давления в вопросах формирования собственной энергетической политики [Iran deal..., www].

Гуманитарное сотрудничество

Не менее важным, чем сотрудничество в промышленности или энергетике, для Европы является сотрудничество в гуманитарной сфере. Очевидно, что в вопросах образования, науки, социальной политики, экологической безопасности и иных аспектах Иран сильно отстает от стран Западной Европы, но в тоже время имеет амбиции наверстать отставание.

Это дает ЕС основания запустить механизмы использования мягкой силы, которые позволят привязать Иран в его развитии именно к европейским практикам и технологиям. Особенно применение мягкой силы заметно в образовательных проектах. В последние годы, после нескольких лет изоляции, для Ирана стали доступны программы Erasmus Mundus и деятельность Jean Monnet. При этом на 2017 г. Иран занял третье место в списке стран, отправляющих студентов в ЕС на обучение. Сотрудничество ЕС и Ирана активно подкрепляется конференциями и методологическими семинарами [Iran and the EU, www].

Сотрудничество в научной сфере развивается не менее эффективно. Еще в 2008 г. Иран создал совместно с ЕС рабочую группу, целью которой стало создание официальной платформы для обмена и сотрудничества по вопросам научного и технологического развития. На тот момент сотрудничество развивалось с низкой степенью эффективности, а потом и вовсе было заморожено, однако потенциал данного сотрудничества был вновь обозначен в 2016 г. в Совместном заявлении по науке, технологии, исследованиям и инновациям. Речь шла о европейском проекте Horizon 2020 (2014-2020 гг.) с объемом финансирования 80 млрд евро. В рамках Horizon 2020 иранские частные и государственные учреждения получили право на участие и автоматическое финансирование в рамках Программы исследований и инноваций ЕС. Более того, на встрече в Брюсселе 7 сентября 2016 г. европейская сторона подчеркнула свое желание видеть среди участников проекта иранские организации, разрабатывающие проекты в областях здравоохранения, энергетики, продовольствия, воды, окружающей среды, изменения климата, социальных и гуманитарных наук, уделяя особое внимание вопросам миграции и ключевым технологиям. Сотрудничество продолжилось и в 2017 г. [Ibidem].

Гуманитарное сотрудничество ЕС и Ирана не ограничивается исключительно образованием и наукой, но затрагивает также вопросы миграции и смежную проблематику. Это обусловлено тем, что на территории Ирана действуют лагеря беженцев, финансируемые ЕС. Речь идет о беженцах из Афганистана и Пакистана. Основным актором со стороны ЕС здесь выступает Европейская комиссия (DG Humanitarian Aid & Civil Protection), которая в 2016-2017 гг. предоставила финансирование в размере 25,5 млн евро [EU announces..., www]. Параллельно с финансированием лагерей мигрантов ЕС и Иран ведут тесные переговоры по трансформации в Иране системы миграционного законодательства, по вопросам управления потоками миграции и иным смежным темам [Iran and the EU, www].

Еще одним аспектом сотрудничества Ирана и ЕС выступает климат и окружающая среда. Данное направление сотрудничества, как и многие другие, стартовало в 2016 г. и было представлено серией встречных визитов и совместных конференций. Взаимодействие инициировал Комиссар ЕС по окружающей среде Кармену Велла, партнером которого стал Вице-президент Ирана Масуме Эбтекаро, который также является главой Организации по охране окружающей среды.

Уже в 2017 г. в Иране прошла первая Международная экологическая выставка «Устойчивая экономика, зеленая экономика», по итогам которой состоялось подписание соглашения о запуске во второй половине 2017 г. трех рабочих групп ЕС – Иран по: 1) круговой экономике и отходам с особым вниманием к прибрежным районам; 2) водному и морскому мусору; 3) качеству воздуха и пыльным и песчаным бурям [Ibidem].

Показательно, что новые американские санкции пока никак не отразились на сотрудничестве ЕС и Ирана в гуманитарной сфере.

Заключение

По итогам системного анализа двухстороннего сотрудничества ЕС и Ирана становится очевидно, что оно развивается достаточно активно и постоянно расширяется. Сотрудничеством охвачены не только сферы экономического взаимодействия, способные принести быструю прибыль, но и сферы, требующие сложного диалога, уважения сторон и планомерного поступательного развития. Все это говорит о том, что обе стороны заинтересованы друг в друге на высоком стратегическом уровне, и, вероятно, данный обоюдный интерес в перспективе может оказать трансформационное влияние на иранскую внутреннюю политику, которая пока характеризуется доминированием жестких авторитарных политических практик.

Уровень текущего взаимодействия и уровень встречной заинтересованности сторон можно обозначить как высокие еще и исходя из реакции ЕС на санкции США в отношении Ирана. Фактически в Европе данные санкции были восприняты как «удар в спину», что привело к радикализации диалога уже между ЕС и США. На данный момент можно констатировать, что европейские политики воспринимают Иран как своего рода внеблокового игрока, на которого можно распространить собственное влияние, решив сразу различные задачи от энергетических поставок и расширения рынка до укрепления собственной идеологии через ее экстраполяцию на иранское общество, например через образование, науку или концепцию прав человека.

Тем не менее диалог между двумя сторонами ведется в очень жестком ключе. Иран напоминает заключенного, проходящего реабилитацию. Все еще помнят о его преступлении, в данном случае попытке создания ядерного оружия, но уже отмечают явные признаки формирования нового мышления. Данная аналогия не случайна, так как на Иран до сих пор распространяются европейские санкции, связанные с эмбарго на поставки оружия, передачу ракетных технологий, покупку определенных редкоземельных металлов и программного обеспечения. Также сохраняются санкции, введенные ЕС с учетом ситуации с правами человека в Иране из-за поддержки терроризма и по другим причинам. Таким образом, сотрудничество ЕС и Ирана растет и развивается, однако всегда сохраняется угроза неожиданного регресса.

Библиография

1. В США анонсировали масштабные санкции против Ирана. URL: <https://ria.ru/economy/20180806/1526040072.html>
2. Достигнуто соглашение по ядерной программе Ирана. URL: http://www.bbc.com/russian/international/2015/07/150714_iran_deal_reached
3. Иран подписал контракт на покупку 114 самолетов Airbus. URL: <http://avia.pro/news/iran-podpisal-kontrakt-na-pokupku-114-samolyotov-airbus>
4. Комраков А. Китай захватывает иранский рынок. URL: http://www.ng.ru/economics/2018-08-12/4_7286_iranchina.html
5. Aviation: Commission updates EU air safety list – Iran and Africa make progress. URL: https://europa.eu/newsroom/content/aviation-commission-updates-eu-air-safety-list-%E2%80%93iran-and-africa-make-progress_en
6. Commission decision on the Annual Action Programme 2016 for Nuclear Safety. URL: https://ec.europa.eu/europeaid/commission-decision-annual-action-programme-2016-nuclear-safety-cooperation_en
7. Commissioner Elżbieta Bienkowska on official visit to Iran. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_MEX-16-3439_en.htm&xid=17259,15700022,15700105,15700124,15700149,15700168,15700173,15700186,15700195,15700201&usg=ALkJrhgIiWK0XG3s3YHc6NXnWq1x6gSow
8. Commissioner Hogan on official visit to Saudi Arabia and Iran with EU agri-food producers. URL: <https://www.pubaffairsbruxelles.eu/commissioner-hogan-on-official-visit-to-saudi-arabia-and-iran-with-eu-agri-food-producers-eu-commission-press/>
9. EU and Iran held the third meeting of the high level political dialogue on 20 November. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/35892/eu-and-iran-held-third-meeting-high-level-political-dialogue-20-november_en
10. EU announces over €44 million of humanitarian funding to help people in need in Afghanistan, Iran and Pakistan. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-17-1462_en.htm&xid=17259,15700022,15700105,15700124,15700149,15700168,15700173,15700186,15700195,15700201&usg=ALkJrhjmww39xxf0Xg4_VZUUqPJW_gKJBg
11. EU project for nuclear safety for Iran. URL: <https://europa.rs/eu-project-for-nuclear-safety-for-iran/?lang=en>
12. EU-Iran high level political dialogue. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_en/14459/EU-Iran%252520High%252520level%252520Political%252520Dialogue&xid=17259,15700022,15700105,15700124,15700149,15700168,15700173,15700186,15700195,15700201&usg=ALkJrh-peZAJzbgujBp5WvLC6hXVenasQ
13. EU-Iran high-level seminar on 'International nuclear cooperation: expectations and responsibilities' takes place. URL: https://ec.europa.eu/energy/en/news/eu-iran-high-level-seminar-international-nuclear-cooperation-expectations-and-responsibilities&xid=17259,15700022,15700105,15700124,15700149,15700168,15700173,15700186,15700195,15700201&usg=ALkJrhjgTTW33NB1l0MyVooH_OWW9ZHFDQ
14. European Union deepens economic cooperation with Iran – expert visit to Tehran. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/7285_en&xid=17259,15700022,15700105,15700124,15700149,15700168,15700173,15700186,15700195,15700201&usg=ALkJrh_C1eZKfzIBcyzBkLVkYbcC-dfrw
15. Iran and the EU. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/2281/iran-and-eu_en
16. Iran deal: EU united on keeping Iran nuclear deal in place for European security. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/45352/iran-deal-eu-united-keeping-iran-nuclear-deal-place-european-security_en
17. Iran nuclear deal: EU, France, Germany, UK and Iran meet to discuss way forward. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/44663/iran-nuclear-deal-eu-france-germany-uk-and-iran-meet-discuss-way-forward_en
18. Iran says plane deals were challenged under Trump. URL: <https://financialtribune.com/articles/economy-domestic-economy/72321/iran-says-plane-deals-were-challenged-under-trump>
19. Joint statement on cooperation in the field of nuclear energy. URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/statements-eeas/docs/iran_agreement/eu-iran_joint_statement_on_cooperation_in_nuclear_energy.pdf
20. Joint statement on energy. URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/statements-eeas/docs/iran_agreement/eu-iran_joint_statement_on_energy_cooperation.pdf&xid=17259,15700022,15700105,15700124,15700149,15700168,15700173,15700186,15700195,15700201&usg=ALkJrhgnaszk2OTOVYMfq7ecfUOKdcSV1g
21. Mogherini meets Ali Akbar Salehi, Vice-President of Iran and Head of Iran's Atomic Energy Organisation. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/9871/mogherini-meets-ali-akbar-salehi-vice-president-iran-and-head-irans-atomic-energy-organisation_en&xid=17259,15700022,15700105,15700124,15700149,15700168,15700173,15700186,15700195,15700201&usg=ALkJrhi5ujWNM9u-hak5VujbNU-sE2bQGg
22. Public statement – October 2018. URL: <http://www.fatf-gafi.org/countries/d-i/iran/documents/public-statement-october-2018.html>

The EU's strategic interests in Iran and the response of the bilateral cooperation to new U.S. sanctions

Nikolai A. Medushevskii

PhD in Political Science, Docent,
Associate Professor at the Department of the culture of peace and democracy,
Russian State University for the Humanities,
125993, 6, Miusskaya sq., Moscow, Russian Federation;
e-mail: lucky5659@yandex.ru

Nikita A. Filin

PhD in History,
Associate Professor at the Department of the modern East,
Russian State University for the Humanities,
Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences,
123001, 30/1, Spiridonovka st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: FilinNikita@yahoo.com

Vladimir O. Koklikov

Moscow State Linguistic University,
119034, 38/1, Ostozhenka st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: azzuro@list.ru

Abstract

The article focuses on the bilateral cooperation of the Islamic Republic of Iran and the European Union over the past few years. It pays special attention to the spheres of this cooperation, identifying their specific features and prospects for further development of relations between Iran and the European Union in these particular spheres. The authors of the article make an attempt to analyse the European Union's influence in Iran and bilateral trade and economic relations, including industry, business, agriculture, transport, energy and nuclear energy. The article points out that the U.S. sanctions against the Islamic Republic of Iran should be viewed as the principal factor affecting the improvement or deterioration of Iranian-European economic contacts and analyses them to reveal the changes in the main background to the bilateral relations. Taking into account the results of the analysis carried out in the article, the authors come to the conclusion that there is an active and consistently enhanced cooperation between the Islamic Republic of Iran and the European Union, which has not ceased after the U.S. withdrawal from the Joint Comprehensive Plan of Action in May 2018. However, some kind of regression of bilateral contacts is not impossible as well, which also depends on the U.S. position.

For citation

Medushevskii N.A., Filin N.A., Koklikov V.O. (2018) Perspektivnye interesy ES v Irane i reaktsiya dvukhstoronnego sotrudnichestva na novye sanktsii SShA [The EU's strategic interests in Iran and the response of the bilateral cooperation to new U.S. sanctions]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 7 (5A), pp. 17-29.

Keywords

Iran, European Union, USA, economic relations, sanctions, world economy.

References

1. *Aviation: Commission updates EU air safety list – Iran and Africa make progress*. Available at: https://europa.eu/newsroom/content/aviation-commission-updates-eu-air-safety-list-%E2%80%93iran-and-africa-make-progress_en [Accessed 27/10/18].
2. *Commission decision on the Annual Action Programme 2016 for Nuclear Safety*. Available at: https://ec.europa.eu/europeaid/commission-decision-annual-action-programme-2016-nuclear-safety-cooperation_en [Accessed 27/10/18].
3. *Commissioner Elżbieta Bieńkowska on official visit to Iran*. Available at: http://europa.eu/rapid/press-release_MEX-16-3439_en.htm&xid=17259,15700022,15700105,15700124,15700149,15700168,15700173,15700186,15700195,15700201&usg=ALkJrhgLiWK0XG3s3YHc6NXnWq1x6gSow [Accessed 27/10/18].
4. *Commissioner Hogan on official visit to Saudi Arabia and Iran with EU agri-food producers*. Available at: <https://www.pubaffairsbruxelles.eu/commissioner-hogan-on-official-visit-to-saudi-arabia-and-iran-with-eu-agri-food-producers-eu-commission-press/> [Accessed 27/10/18].
5. *Dostignuto soglashenie po yadernoi programme Irana* [The Iran nuclear deal has been reached]. Available at: http://www.bbc.com/russian/international/2015/07/150714_iran_deal_reached [Accessed 27/10/18].
6. *EU and Iran held the third meeting of the high level political dialogue on 20 November*. Available at: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/35892/eu-and-iran-held-third-meeting-high-level-political-dialogue-20-november_en [Accessed 27/10/18].
7. *EU announces over €44 million of humanitarian funding to help people in need in Afghanistan, Iran and Pakistan*. Available at: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-17-1462_en.htm&xid=17259,15700022,15700105,15700124,15700149,15700168,15700173,15700186,15700195,15700201&usg=ALkJrhjmww39xxf0Xg4_VZUUqPJW_gKJBg [Accessed 27/10/18].
8. *EU project for nuclear safety for Iran*. Available at: <https://europa.rs/eu-project-for-nuclear-safety-for-iran/?lang=en> [Accessed 27/10/18].
9. *EU-Iran high level political dialogue*. Available at: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_en/14459/EU-Iran%252520High%252520level%252520Political%252520Dialogue&xid=17259,15700022,15700105,15700124,15700149,15700168,15700173,15700186,15700195,15700201&usg=ALkJrhhpZAJzbgujBp5WvLC6hXVenasQ [Accessed 27/10/18].
10. *EU-Iran high-level seminar on 'International nuclear cooperation: expectations and responsibilities' takes place*. Available at: https://ec.europa.eu/energy/en/news/eu-iran-high-level-seminar-international-nuclear-cooperation-expectations-and-responsibilities&xid=17259,15700022,15700105,15700124,15700149,15700168,15700173,15700186,15700195,15700201&usg=ALkJrhjgTTW33NB1l0MyVooH_OWW9ZHFDQ [Accessed 27/10/18].
11. *European Union deepens economic cooperation with Iran – expert visit to Tehran*. Available at: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/7285_en&xid=17259,15700022,15700105,15700124,15700149,15700168,15700173,15700186,15700195,15700201&usg=ALkJrhC1eZKfzIBcyzBkLVkYbcC-dfrw [Accessed 27/10/18].
12. *Iran and the EU*. Available at: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/2281/iran-and-eu_en [Accessed 27/10/18].
13. *Iran deal: EU united on keeping Iran nuclear deal in place for European security*. Available at: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/45352/iran-deal-eu-united-keeping-iran-nuclear-deal-place-european-security_en [Accessed 27/10/18].
14. *Iran nuclear deal: EU, France, Germany, UK and Iran meet to discuss way forward*. Available at: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/44663/iran-nuclear-deal-eu-france-germany-uk-and-iran-meet-discuss-way-forward_en [Accessed 27/10/18].
15. *Iran podpisal kontrakt na pokupku 114 samoletov Airbus* [Iran signed a contract to buy 114 Airbus planes]. Available at: <http://avia.pro/news/iran-podpisal-kontrakt-na-pokupku-114-samolyotov-airbushttp://avia.pro/news/iran-podpisal-kontrakt-na-pokupku-114-samolyotov-airbus> [Accessed 27/10/18].
16. *Iran says plane deals were challenged under Trump*. Available at: <https://financialtribune.com/articles/economy-domestic-economy/72321/iran-says-plane-deals-were-challenged-under-trump> [Accessed 27/10/18].
17. *Joint statement on cooperation in the field of nuclear energy*. Available at: http://eeas.europa.eu/archives/docs/statements-eeas/docs/iran_agreement/eu-iran_joint_statement_on_cooperation_in_nuclear_energy.pdf [Accessed 27/10/18].
18. *Joint statement on energy*. Available at: http://eeas.europa.eu/archives/docs/statements-eeas/docs/iran_agreement/eu-iran_joint_statement_on_energy_cooperation.pdf&xid=17259,15700022,15700105,15700124,15700149,15700168,15700173,15700186,15700195,15700201&usg=ALkJrhjgTTW33NB1l0MyVooH_OWW9ZHFDQ

-
- 00124,15700149,15700168,15700173,15700186,15700195,15700201&usg=ALkJrhgnaszK2OTOVYMfq7ecfUOKdcSV1g [Accessed 27/10/18].
19. Komrakov A. *Kitai zakhvatyvaet iranskii rynek* [China is conquering the Iranian market]. Available at: http://www.ng.ru/economics/2018-08-12/4_7286_iranchina.html [Accessed 27/10/18].
 20. *Mogherini meets Ali Akbar Salehi, Vice-President of Iran and Head of Iran's Atomic Energy Organisation*. Available at: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/9871/mogherini-meets-ali-akbar-salehi-vice-president-iran-and-head-irans-atomic-energy-organisation_en&xid=17259,15700022,15700105,15700124,15700149,15700168,15700173,15700186,15700195,15700201&usg=ALkJrhi5ujWNM9u-hak5VujbNU-sE2bQGg [Accessed 27/10/18].
 21. *Public statement – October 2018*. Available at: <http://www.fatf-gafi.org/countries/d-i/iran/documents/public-statement-october-2018.html> [Accessed 27/10/18].
 22. *V SSHA anonsirovali masshtabnye sanktsii protiv Irana* [Extensive sanctions against Iran were announced in the USA]. Available at: <https://ria.ru/economy/20180806/1526040072.html> [Accessed 27/10/18].

УДК 316.612

Профориентационное самочувствие учеников выпускных классов: социологический анализ

Серкина Яна Игоревна

Кандидат социологических наук,
доцент кафедры управления персоналом,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
308015, Российская Федерация, Белгород, ул. Победы, 85;
e-mail: serkina_ya@bsu.edu.ru

Статья выполнена при поддержке Гранта Президента Российской Федерации МК-1236.2018.6 «Имитация образовательных практик маргинальными группами населения: угроза региональной безопасности».

Аннотация

В статье исследуется проблема профориентационного самочувствия учеников старших классов школ Белгородской области. Автор выделяет ряд факторов, оказывающих влияние на самоопределение выпускников в вопросах выбора будущей профессии. Автором разработана анкета и проведено социологическое исследование, результаты которого частично представлены в данной статье. По итогам исследования проанализированы вопросы выбора выпускниками будущей профессии и определены направления подготовки, наиболее популярные среди будущих абитуриентов. Автором проведен анализ рынка труда и выявлены основные проблемы его формирования в современных условиях. Представлен ряд рекомендаций по своевременной помощи выпускникам старших классов в вопросе определения с будущей профессией, используя современные методики. Представленный материал может быть использован высшими учебными заведениями для привлечения потенциальных абитуриентов.

Для цитирования в научных исследованиях

Серкина Я.И. Профориентационное самочувствие учеников выпускных классов: социологический анализ // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Том 7. № 5А. С. 30-38.

Ключевые слова

Выпускники, абитуриенты, ВУЗ, профориентация, самочувствие, неопределенность, выбор, профессия, рынок труда.

Введение

В настоящее время проблема самоопределения учеников выпускных классов стоит особенно остро. Важнейшим условием безопасности рынка труда является наличие высококвалифицированных специалистов, которые выбрали себе профессию по своему собственному желанию. Задача вузов снизить проявления маргинальности среди абитуриентов, не допустить имитационных практик в получении образования. Все это влияет на качество образования, на качество специалиста при выпуске, на качество регионального рынка труда.

Трудовая деятельность играет важную роль в жизни каждого человека и оказывает большое влияние на его состояние и самочувствие. Адекватность выбора и уровень усвоения профессии влияют на все стороны и общее качество жизни. Поэтому так важно для человека, вступающего в мир профессий, сделать правильный выбор.

Выбор профессии – это один из самых ответственных и решающих моментов в жизни каждого человека. Над этим вопросом начинают задумываться еще с младших классов, мечтая о любимом деле, которое будет приносить прибыль и удовольствие. Чуть ближе к школьному выпускному подростки сталкиваются с другими аспектами профессионального выбора и часто могут совершить ошибку. Именно поэтому следует отнестись ответственно ко своей будущей специальности и подобрать такую, что будет соответствовать характеру, темпераменту и личным предпочтениям конкретного человека [Борисова, Крылатова, 2016, 37].

На выпускников оказывают влияние разнообразные факторы, обуславливающие выбор профессии. Рассмотрим основные из них.

Склонности, интересы, таланты

У некоторых людей с рождения проявляется определенное влечение к одному из видов деятельности, в том числе и хобби. Есть вещи, которые у конкретного человека получаются гораздо лучше, чем у других. Это необходимо учитывать при выборе будущей специальности. Врожденные таланты или склонности могут стать отличной опорой для достижения профессиональных высот. Кроме того, они помогут выгодно отличаться от коллег по работе и на рынке труда. Человек, который делает свое дело от души и с талантом, всегда преуспеет в этом. Более того, любимое занятие, приносящее доход – весьма удачный выбор.

Условия работы

Часто выбор будущей специальности зависит не так от тех обязанностей, которые будет выполнять человек, как от сопутствующих обстоятельств. Например, если он получил должность в крупной фирме, в которой мечтал работать с самого детства, она откроет ему дверь в светлое перспективное будущее. В конечном счете, этого человека не слишком будут интересовать особенности профессии, главное – место работы. Для некоторых важен стабильный высокий доход, который поможет осуществить все задумки и планы на будущее, обеспечить качественный отдых и безотказную жизнь. Часто для этого приходится выбирать такую профессию, что не слишком нравится, но зарплата компенсирует незначительные минусы этой работы. Также при выборе профессии учитывают возможное место труда. Если поблизости хорошее предприятие, которое нуждается в новых кадрах, и человека устраивают все условия, он скорее решится овладеть такой специальностью, нежели будет искать идеальную работу далеко от дома.

Мнение окружающих

Многое зависит также от советов близких того человека, который задумывается над будущей профессией. В первую очередь учитывают мнение семьи, родители часто советуют своему ребенку, как поступить в этом случае. Их жизненный и профессиональный опыт сформировал более объективное мнение о рынке труда, чем у выпускника. Плюс к этому, родители всегда захотят выбрать самое лучшее для своего ребенка, поэтому не следует недооценивать их советы в выборе будущей профессии. Кроме того, учитываются общие тенденции среди друзей и сверстников. Если большинство из них интересуется конкретной профессией, то другие обязательно рассмотрят ее и примут во внимание. Естественно, окончательное решение полностью за тем человеком, который выбирает для себя будущую специальность. Исключительно его предпочтения должны быть основными в определении профессии [Балюк, 2012, 13].

Спрос

Рынок труда – обязательная составляющая выбора каждого выпускника, который определяется с профессией. Для получения высокой вероятности будущего трудоустройства необходимо тщательно изучить спрос на самые популярные специальности. В соответствии с этим нужно делать свой выбор. То есть, если много работодателей заинтересованы в специалисте отдельного звена, такая профессия считается востребованной, и шансы получить хорошую должность значительно возрастают. И наоборот, если рынок труда не заинтересован в конкретной специальности, то, вероятно, устроиться на работу человеку с таким дипломом будет крайне сложно. Более того, популярные профессии среди работодателей создают здоровые условия конкуренции, которые обеспечат будущих специалистов отличным выбором и возможностью развиваться в выбранной сфере [Грачева, 2012, 158].

Эмпирическое исследование

Нами была разработана анкета выпускников школ с целью выяснить профессиональную ориентацию школьников. Анкетирование проведено в выпускных классах (9 и 11 кл.) МБОУ СОШ №6 г. Белгород. Всего было опрошено 89 одиннадцатиклассников и 17 девятиклассников.

Краткий перечень вопросов анкеты (без вариантов расшифровки ответов) представлен в таблице 1.

Таблица 1 – Анкета выпускника

Номер	Вопрос
1	Чем бы ты хотел заняться после окончания этого учебного года?
2	Выбрал ли ты профессию?
3	На твой выбор влияют:
4	Если не выбрал профессию, то почему?
5	Что ты знаешь о своей будущей профессии?
6	Как ты думаешь, возможно ли в настоящее время трудоустроиться по выбранной тобой профессии?
7	Нужна ли профориентационная работа в школе?

Номер	Вопрос
8	Что дает профориентационная работа в школе?
9	Как ты поступишь в случае неудачи при поступлении в выбранное тобой учебное заведение?
10	Хотел бы ты получить помощь специалиста по профессиональному консультированию
11	Выбери и распредели на две группы («Мне нравятся» и «Мне советовали выбрать родители») профессии:
12	Что ты думаешь по поводу новой формы проведения итоговой школьной
13	Определился ли ты с экзаменами по выбору?
14	Почему именно эти предметы выбраны для сдачи?
15	Согласны ли родители с твоим выбором профессии?

Оценка результатов анкетирования показала, что большинство девятиклассников (49%) планирует продолжить обучение в школе или колледже (34%), а одиннадцатиклассники – поступать в вузы (77%). Собираются сочетать работу с учебой 6% школьников из 9 кл. и 23% из 11 кл. Нет школьников, пожелавших сразу приступить к работе после окончания школы, а также не имеющих никаких планов после окончания школы.

К выпускному классу большинство школьников выбрали профессию (58% 9кл., 67% 11 кл.). Важно, что из числа неопределившихся выпускники назвали основную причину: «нет, так как плохо знаю свои возможности». К сожалению, 14% девятиклассников еще не задумываются серьезно относительно будущей профессии. Около 5% в 9 и 11 классах не знают, как выбрать профессию.

На выбор будущей профессии основное влияние оказывают родители (43% 9кл., 37% 11 кл.). Хотят продолжить профессиональные династии 5% девятиклассников и 9% одиннадцатиклассников. На втором месте по значимости влияния – школа и учителя (13 и 17%). Самостоятельное решение в выборе профессии лишь у каждого десятого школьника (11% в 9 и 11% в 11 кл.). Отсутствие собственного решения школьники объясняют причиной: «Не могу выбрать из нескольких вариантов». При этом выпускники лишь примерно знают о содержании будущей профессии (37%), о ее профессионально важных качествах (20-32%), но предполагают, что с ней можно хорошо трудоустроиться (72% 9,кл. и 89% 11 кл.). Слабая мотивация в выборе профессии (не профессиональный интерес, а возможность благополучного трудоустройства) объясняет ответ на вопрос: «Как ты поступишь в случае неудачи при поступлении в выбранное тобой учебное заведение?». «Пойду в другой вуз», – отвечают 45% учащихся 9 кл. и 50% 11 кл.

Анализ ответов выбираемых профессий, исходя из своих предпочтений или мнения родителей (таблица 2), согласуется с ответами учащихся о влиянии родителей на выбор будущей профессии. Родители и большинство учащихся, определившихся с выбором под влиянием родителей, видят наибольшие перспективы в области экономики, управления и юриспруденции (28-30%). На втором месте по приоритетам выбора стоят творческие профессии в области культуры, искусства и спорта. Здесь видим, что более высокий удельный вес (26%) приходится на собственное решение, а не на рекомендации родителей.

К сожалению, потребность в самореализации выпускников не распространяется на технические специальности. Слабый собственный интерес учеников к естественным наукам, возможно, связан с недостаточным числом часов на математику, физику и химию, а слабый интерес родителей обусловлен преимущественно экономическими факторами.

Таблица 2 – Выбор профессий учащимися, % к итогу

Группы ответов	Экономика юриспруденция и управление	Культура и искусство, дизайн, спорт	Сфера бытовых услуг	Техни- ческие отрасли	Образо- вание, психоло- гия, ино- странный язык	Здраво- охране- ние	Воен- ный	Строи- тельство и др.	Итого
«Мне нравится»	28	26	13	12	9	7	5	3	100
«Совет родителей»	30	17	9	15	9	10	6	3	100

Ориентация выпускников на гуманитарные и социальные науки хорошо просматривается при обобщении данных по выбранным дополнительным предметам на ЕГЭ и ОГЭ (таблица 3). На первом месте обществознание, хотя многие выбирают также физику.

Таблица 3 – Выбранные предметы для сдачи экзаменов, % к итогу

Класс	Хи- мия	Физи- ка	Биоло- гия	Геогра- фия	Общест- возна- ние	Инфор- матика	Исто- рия	Чер- чение	Литера- тура	Геомет- рия	Анг. язык	итого
9 кл.	10	16	7	11	21	4	3	6	3	19	-	100
11 кл.	9	18	9	5	18	5	14	5	9	5	5	100

В настоящее время на рынке труда в стране ощущается недостаток технически грамотных работников. Чтобы учащиеся интересовались именно этими специальностями, важно проводить профориентационную работу в школах, как силами учителей, так и с привлечением работников среднего специального и высшего образования. В целом потребность в профориентации по всем специальностям видят и сами школьники, причем потребность с возрастом растет: в 9 классах о нужности ее ответили 47%, а в 11 классе – 100% (все ученики).

Таким образом, статистическое исследование показало, что в настоящее время школьники нуждаются в более активной профориентации со стороны общества.

Чтобы не ошибиться в выборе и не пропустить хороший вариант, следует в правильном порядке определять для себя приоритетные профессии. Этот процесс может затянуться на некоторое время, поэтому выбирать следует заранее. То есть, например, для выпускника подбор будущей специальности должен составлять больше года, так как во многих случаях необходимо подготовиться ко вступлению в желаемый ВУЗ [Богословская, 2011, 1207].

Психологи советуют придерживаться рациональных шагов в выборе будущей профессии:

- Тесты. В помощь тем, кто испытывает сложности в выборе профессии, психологами и учеными созданы специальные тесты. Они способны определить основные задатки, интересы человека. Такая психология типов профессий позволяет определить самые подходящие варианты. Различие между такими тестами лишь в разных подходах к классификации. Это позволяет объективно взглянуть на собственные интересы и возможности. Такие тесты созданы, прежде всего, для абитуриентов и выпускников среднеобразовательных заведений, которые стоят перед выбором подходящей профессии.

Также они подойдут для тех людей, которые решили сменить вид своей деятельности по разным причинам. Кроме того, этими опросниками пользуются ответственные HR-специалисты ведущих компаний, которые тщательно подбирают лучших работников.

- Список. В первую очередь необходимо составить простой перечень профессий, которые могут в результате подойти. Нужно выбрать абсолютно все интересующие специальности, а также те, которые были указаны в результатах тестов на профориентацию. Ничего страшного, если этот список будет очень большим. Чем больше вариантов у человека, тем меньше шансов, что в будущем он пожалеет о своем выборе, так как учел все возможные специальности.
- Оценка. Обязательно следует отфильтровать такие профессии по тем критериям, которые интересуют человека на данный момент. То есть нужно учесть, насколько сильно конкретная специальность нравится, какой она может приносить доход, как сложно будет устроиться на работу и другие подобные вопросы. Напротив каждой профессии в списке следует проставить баллы от 1 до 5, в зависимости от удовлетворения каждого критерия. Например, хороший доход – ставим возле каждой профессии бал, что обозначает, как много можно зарабатывать, работая на такой должности. 1 – это очень мало, а 5 – это очень много. Так необходимо проставить оценки следующим критериям: престижность, востребованность, удовольствие от работы, возможность подняться по карьерной лестнице, соответствие интересам и способностям. Кроме этих, также можно добавить и другие важные аспекты будущей специальности, которые интересуют конкретного человека.
- Приоритеты. Из сложенного списка следует отобрать около 5 вариантов с наибольшим количеством баллов. Конкретного числа нет, так как человек самостоятельно определяет оптимальные для себя профессии. Из нескольких вариантов выбрать один единственный очень сложно, но возможно после тщательно изучения. Следует узнать возможные подходящие учебные заведения, где можно овладеть такими профессиями, оценить их престижность, доступность, условия, а также возможность поступления. Каждая профессия должна ассоциироваться с тем ВУЗом, в который нужно будет поступать. Так решение принять будет гораздо легче. После этого следует расставить варианты профессий в приоритетном порядке, от самой вероятной до наименее вероятной.
- Поступление. На сегодняшнее время допускается сдача документов в несколько ВУЗов сразу. То есть следует перестраховаться и обеспечить себе запасные варианты и отходные пути, так как в одном заведении может быть серьезный конкурс, в другом – мало мест. В результате останется одна или несколько профессий, среди которых можно будет выбрать самую подходящую.

Заключение

Выбор профессии – очень ответственный этап в жизни каждого человека. Для одних он наступает лишь единожды перед поступлением в конкретное учебное заведение, а другие решаются менять свой вид деятельности несколько раз. Многие задаются вопросом, как выбрать профессию, чтобы она соответствовала всем интересам и задаткам человека. Конфуций говорил – «выбери профессию по душе, и тебе не придется работать ни дня в своей жизни». Именно этого критерия следует придерживаться, чтобы обеспечить себе перспективную карьеру и уверенное будущее.

Исходя из представленных критериев, можно предположить, что четкий алгоритм определения дальнейших действий поможет выпускникам точнее определиться с выбором. Многие вузы начинают сотрудничать с потенциальными студентами с 8 класса, тем самым помогая ученику определиться, открыть в себе скрытые способности, определить ориентир самоорганизации. Все мероприятия направлены на один результат: снижение неопределенности учеников, минимизация выбора профессии наугад, поддержание рынка труда в безопасности.

Библиография

1. Балюк А.Д. Процесс управления профессиональной ориентацией школьников старшего возраста: общие принципы системного моделирования // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 8. С. 96-100.
2. Богословская О. Мотивация получения высшего образования в контексте выбора профессии // Высшее образование в России. 2011. №5. 47 с.
3. Борисова У.С., Крылатова Ю.В. Образовательные стратегии выпускников школ (на примере МОБУ СОШ №31 г. Якутска) // Концепт. 2016. Т. 43. С. 9-14.
4. Грачева О.Г. Ценности и мотивы личности как факторы выбора профессии выпускниками школ // Известия Саратовского университета Нов. сер. Акмеология образования. Психология развития. 2012. №2 С. 15-18.
5. Заливанский Б.В., Самохвалова Е.В. Проблемы организации профориентационной работы в университете // Высшее образование в России. 2014. №7. С. 64-70.
6. Микаэлян Д.А. Влияние факторов социальной среды на выбор будущей профессии старшеклассником // Концепт. 2014. Т. 20. С. 1206-1210.
7. Садилова О.П., Мушкина И.А. Профориентационная работа в системе профессионального образования в России // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2017. Выпуск 3 (203). С. 37-45.
8. Саркисов В.Г. Недоминируемые коллективные портфели при несовпадении целевых функций инвесторов // Перспективные направления развития финансовых рынков: Сборник материалов международной заочной научно-практической конференции. М., 2014. С. 37-42.
9. Старикова Л.Н. Профориентация и профессиональное самоопределение студентов средней профессиональной школы: дис. ... канд. социол. наук. Пермь, 2009. 167 с.
10. Трошин А.С. Инфраструктурная составляющая инвестиционного потенциала экономических объектов // Инновации и инвестиции. 2014. № 3. С. 158-160.
11. Шарипова Н.А. Факторы, влияющие на выбор вуза абитуриентами // Сибирский торгово-экономический журнал. 2014. №1 (19). С. 99-102.
12. Dörnyei Z. Motivational Strategies in the Language Classroom. Cambridge University Press, 2016. 155 p.

Career guidance of graduate students: a sociological analysis

Yana I. Serkina

Associate Professor of the Department of Personnel management,
Belgorod State National Research University,
308015, 85, Pobedy st., Belgorod, Russian Federation;
e-mail: serkina_ya@bsu.edu.ru

Abstract

The choice of profession is a very important stage in the life of every person. For some, it occurs only once before entering a particular educational institution, while others decide to change their type of activity several times. Many are wondering how to choose a profession, so that it meets all the interests and abilities of a person. The article examines the issue of vocational well-being of

senior students of schools of the Belgorod region. The author identifies a number of factors that influence the self-determination of graduates in the choice of future profession. The author has developed a questionnaire and conducted a sociological study, the results of which are partially presented in this article. According to the results of the study presented in this paper, the issues of choosing a future profession by graduates are analyzed and the directions of training, the most popular among future entrants, are determined. The author of the paper analyzes the labor market and identifies the main problems of its formation in modern conditions. A number of recommendations for timely assistance to high school graduates in determining the future profession, using modern techniques. The presented material can be used by higher education institutions to attract potential applicants.

For citation

Serkina Ya.I. (2018) Proforientatsionnoe samochuvstvie uchenikov vypusknnykh klassov: sotsiologicheskii analiz [Career guidance of graduate students: a sociological analysis]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 7 (5A), pp. 30-38.

Keywords

Graduates, applicants, university, career guidance, health, uncertainty, choice, profession, labor market.

References

1. Balyuk A.D. (2012) Protsess upravleniya professional'noi orientatsiei shkol'nikov starshego vozrasta: obshchie printsipy sistemnogo modelirovaniya [The process of managing the vocational orientation of older schoolchildren: general principles of system modeling]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tyumen State University], 8, pp. 96-100.
2. Bogoslovskaya O. (2011) Motivatsiya polucheniya vysshego obrazovaniya v kontekste vybora professii [Motivation for higher education in the context of the choice of profession]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia], 5, p. 47.
3. Borisova U.S., Krylatova Yu.V. (2016) Obrazovatel'nye strategii vypusknikov shkol (na primere MOBU SOSh №31 g. Yakutska) [Educational strategies of graduates of schools (on the example of MOBU school № 31 of Yakutsk)]. *Kontsept* [Concept], 43, pp. 9-14.
4. Dörnyei Z. (2016) *Motivational Strategies in the Language Classroom*. Cambridge University Press.
5. Gracheva O.G. (2012) Tsennosti i motivy lichnosti kak faktory vybora professii vypusknikami shkol [Values and motives of the individual as factors of the choice of profession by graduates of schools]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta Nov. ser. Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya* [News of the Saratov University. Acmeology of education. Development psychology], 2, pp. 15-18.
6. Mikaelyan D.A. (2014) Vliyanie faktorov sotsial'noi sredy na vybor budushchei professii starsheklassnikom [The influence of social factors on the choice of future profession of a high school student]. *Kontsept* [Concept], 20, pp. 1206-1210.
7. Sadilova O.P., Mushkina I.A. (2017) Proforientatsionnaya rabota v sisteme professional'nogo obrazovaniya v Rossii [Vocational guidance work in the system of vocational education in Russia]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Pedagogika i psikhologiya* [Bulletin of the Adygea State University. Series 3: Pedagogy and Psychology], 3 (203), pp. 37-45.
8. Sarkisov V.G. (2014) Nedominiruemye kollektivnye portfeli pri nesovpadenii tselevykh funktsii investorov [Non-dominated collective portfolios with the discrepancy of the target functions of investors]. In: *Perspektivnye napravleniya razvitiya finansovykh rynkov: Sbornik materialov mezhdunarodnoi zaochnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Prospective directions for the development of financial markets: Collection of materials of the international correspondence scientific-practical conference]. Moscow.
9. Sharipova N.A. (2014) Faktory, vliyayushchie na vybor vuza abiturientami [Factors influencing the choice of the university applicants]. *Sibirskii trgovno-ekonomicheskii zhurnal* [Siberian Trade and Economic Journal], 1 (19), pp. 99-102.

10. Starikova L.N. (2009) *Proforientatsiya i professional'noe samoopredelenie studentov srednei professional'noi shkoly. Doct. Dis.* [Vocational guidance and professional self-determination of students of secondary vocational schools. Doct. Dis.]. Perm.
11. Troshin A.S. (2014) Infrastrukturnaya sostavlyayushchaya investitsionnogo potentsiala ekonomicheskikh ob"ektov [Infrastructure component of the investment potential of economic objects]. *Innovatsii i investitsii* [Innovations and investments], 3, pp. 158-160.
12. Zalivanskii B.V., Samokhvalova E.V. (2014) Problemy organizatsii proforientatsionnoi raboty v universitete [Problems of the organization of career guidance at the university]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia], 7, pp. 64-70.

УДК 327

Будущее американо-индийских отношений на период 2020-2030 годов**Шелест Дмитрий Александрович**

Магистр философии, заместитель директора,
Экспертно-аналитический центр,
Дальневосточный федеральный университет,
690091, Российская Федерация, Владивосток, ул. Суханова, 8;
e-mail: shelest.da@dvfu.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу развития американо-индийских отношений и прогнозу на период до 2030 года. В рамках статьи рассматриваются три этапа отношений Вашингтона и Нью-Дели. Первый этап, период создания Республики Индия и реализации нерувианской модели управления, когда Соединенные Штаты достаточно негативно относились к контактам с Индией на всех уровнях и перспективам сотрудничества. Он выразился в прямой поддержке агрессивной политики Исламабада в отношении Индии и сотрудничеству с Пекином с 70-х годов XX века в ущерб индийским интересам. Второй этап – это запуск структурных реформ Рао и Сингха. В означенный период Вашингтон начал постепенное сближение с Нью-Дели, заявляя о стратегическом партнерстве с Индией в начале первого десятилетия двадцатого века. При этом Соединенные Штаты политическими и экономическими методами попытались противопоставить Индию Китаю, добиваясь от Нью-Дели безоговорочной поддержки американского внешнеполитического курса в Индо-Тихоокеанском регионе. И, наконец, третий этап реализуется на фоне перестройки международных отношений в XXI веке и снижение главенствующей роли США в мировой политике и обретет свои черты, согласно прогнозу автора, в третьем десятилетии текущего столетия.

Для цитирования в научных исследованиях

Шелест Д.А. Будущее американо-индийских отношений на период 2020-2030 годов // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Том 7. № 5А. С. 39-47.

Ключевые слова

Индия, США, прогнозирование, американо-индийские отношения, будущее Индии.

Введение

История американо-индийских отношений, современные проблемы в сотрудничестве, а также перспективы отношений Вашингтона и Нью-Дели в будущем определяются как целями двух государств, так и системой международных отношений. Интерес к Республике Индия как к потенциальному союзнику проявился у Соединенных Штатов после окончания Второй мировой войны, но реализация шагов в этом направлении была фактически невозможна при внешнеполитическом курсе Джавахарлала Неру [Koshy, 2015].

Основная часть

В историческом и прогнозируемом временных отрезках автор предлагает разделить американо-индийские отношения на три этапа, которые являются отражением трансформации всей миросистемы. Началом первого этапа следует признать создание Республики Индия в 1947 году и установление дипломатических отношений между Вашингтоном и Дели. Затем Джавахарлал Неру посетил и Соединенные Штаты в октябре 1949 года, обозначив позицию страны относительно международной проблематики президенту США Гарри Труману.

Отказ Индии примыкать к блокам государств социалистического или капиталистического лагеря, активное участие в Движении неприсоединения и ориентация на социалистический уклон в развитие страны заложило основы конфронтационных отношений с Соединенными Штатами. Практически сразу же Вашингтон начал поддерживать Пакистан как антагониста Индии в регионе. Визит Дуайта Эйзенхауэра в 1959 г. в Индию также не улучшил американо-индийские отношения. Незначительное и краткосрочное улучшение взаимоотношений состоялось лишь благодаря поддержке Джоном Кеннеди индийцев во время военного конфликта Дели и Пекина в 1962 г. Однако дальнейшее покровительство Соединенными Штатами Исламабаду в индо-пакистанском конфликте и остановка поставок продовольственной помощи Индии в период засухи по приказу Линдона Джонсона нанесла существенный урон американо-индийским отношениям [Кузык, Шаумян, 2009].

Подписание «Договора о мире, дружбе и сотрудничестве между СССР и Индией» в 1971 году не добавило оптимизма американо-индийским отношениям. В июле этого же года Пекин посетил помощник президента США по национальной безопасности Генри Киссинджер, а в октябре при содействии Вашингтона КНР стала членом Совета безопасности ООН. Одновременно Ричард Никсон стал на сторону Исламабада в индийско-пакистанской войне 1971 года, направив корабли ВМФ США в зону конфликта. И, более того, в 80-х годах американцы заговорили о существовании оси Китай-США-Япония, предполагая, что Пекин направит развитие страны по западному образцу и станет естественным союзником Соединенных Штатов [Ганди, 1982]. Соответственно, несмотря на некоторые положительные аспекты взаимодействия двух государств, типа участия американцев в «зеленой революции» в Индии, этот период в отношениях двух стран уместно охарактеризовать как нейтрально-негативный.

Вторым этапом можно назвать период реформ в Индии после окончания холодной войны, которые инициировал девятый премьер-министр Нарасимха Рао. Либеральные реформы в экономике Индии с приходом к власти премьер-министра Нарасимхо Рао совпали с одновременным ростом интереса США к Азиатско-Тихоокеанскому региону (АТР) и, в частности, к Восточной Азии. Естественно, что Вашингтон искал дополнительные точки опоры

в этой части мира. В указанный период началось потепление отношений Москвы и Пекина, которое постепенно набирало темп во второй половине 90-хх и фактически стало магистральной линией для Китая и России после 2000 года. В это же время, связанная с тихоокеанским вектором американская внешняя политика, начала испытывать неудобства в области американо-китайских отношений, что и выразилось в постепенном нарастании противоречий с Китаем. И если, по мнению ряда исследователей [2], в начале этого периода США не делало прямого выбора в пользу КНР или Индии, то в первые годы XXI столетия Вашингтон все с большим интересом начал обращать внимание на Нью-Дели.

Заинтересованность США в Индии в области экономического и военного сотрудничества, а также борьбы с терроризмом в Центральной Азии, желание видеть в ней противовес Китаю позволило Вашингтону смягчить свои требования к ядерной программе Нью-Дели [там же], что определило для американо-индийских отношений продолжительную перспективу. Вместе с этим оформилась и противоположная точка зрения, сформированная исследователями, которые придерживаются левых взглядов. «С 1990 года Индия решила рвануть в будущее в рамках системы неолиберальной глобализации, где лидировали США. Это неустойчивая, охваченная кризисами и конфликтами система, топливом для которой служат национальные долги и зависимость от подаяний банков и корпораций» [Todhunter, 2017]. Но, как бы то ни было, в период реформ Нарасимха Рао и в последующие годы Соединенные Штаты постепенно включались в повестку дня индийской внешней политики, а Вашингтон неоднократно заявлял о поддержке либерализации в экономике Индии.

Несмотря на негативное отношение к испытанию ядерного оружия Индией в 1998 году уже в марте 2000 года американский президент Билл Клинтон посетил Дели, после чего руководители двух государств провозгласили страны «естественными партнерами» [Кузык, Шаумян, 2009]. А уже в августе 2001 года Вашингтон заявил о готовности признать Индию в качестве ядерной державы [Perliez, www].

Укрепление двусторонних отношений продолжилось и при президенте-республиканце, Джордже Буше мл. После теракта в Нью-Йорке в сентябре 2001 года начало оформлялось взаимодействие США и Индии в военной и гуманитарной сферах: соглашение о совместном обеспечении безопасности мореплавания в Малаккском проливе в 2001 г., спасательная операция после цунами в Юго-Восточной Азии в 2004 г., эвакуационная операция в Ливии в 2006 г., антипиратское патрулирование в Аденском заливе в 2008 г., а также сотрудничество в Афганистане [Koshy, 2015]. Следствием такого подхода становится и политическая поддержка со стороны Соединенных Штатов вступления Индии в «Группу поставщиков ядерных материалов» (Nuclear Suppliers Group) и Соглашение о сотрудничестве в ядерной сфере, подписанное президентом США Дж. Бушем мл. и премьер-министром Индии Монмоханом Сингхом в июле 2005 года. В марте 2006 г. заключается американо-индийское соглашение в сфере мирного использования атома, что явилось частичным признанием ядерного статуса Индии [Шаклеина, 2017]. Вместе с этим 15 марта 2007 г. была запущена «инициатива четырех» – практика совместных учений США, Австралии, Индии и Японии» [там же, 227]. В июле 2009 подписано соглашение между Вашингтоном и Нью-Дели «О мониторинге конечного пользователя». Последняя договоренность дала возможность Индии закупать вооружение и военную технику (В и ВТ) в США, а соединенным Штатам направлять своих военных инспекторов для проверки за использованием В и ВТ в «нейтральных местах» [Безека, www].

Несмотря на такое развитие двустороннего сотрудничества руководство Индии не стало делать ставку только на «противостояние китайской угрозе» при помощи США. Уже в первом

десятилетия XXI века стало очевидно, что «Дели старается усилить региональные позиции как путем нормализации отношений с потенциально конфликтными оппонентами – Исламабадом и Пекином, так и посредством выстраивания новой партнерской линии в отношениях с Вашингтоном» [Михеев, 2008]. Также не кажется удивительным, что Пентагон откладывает всеобъемлющее партнерство с Нью-Дели, которое сопротивляется сотрудничеству по сценарию Вашингтона [Mohan, 2010].

Возможно? для этого потребовалось дальнейшее развитие второго этапа, которое соответствует текущему состоянию дел и предполагается к существованию в краткосрочной перспективе. Современная парадигма американо-индийского сотрудничества начала приобретать законченный вид к 2011 году, когда в статье «Тихоокеанский век Америки» (America's Pacific Century) Госсекретарь США Хиллари Клинтон [Clinton, www] определила основные постулаты внешней политики государства на текущее десятилетие, в том числе и в отношении Индии [Лебедева, 2012]. Этот временной отрезок можно охарактеризовать определенной эйфорией касательно будущего американо-индийских отношений: «Так как растущий Китай воспринимается как агрессивно угрожающий интересам и Соединенных Штатов, и Индии, ожидается, что сотрудничество только окрепнет со временем» [Mahapatra, 2015, 30]. Такое состояние дел обуславливается и тем, что «...к середине «нулевых» годов Соединенные Штаты утратили большую часть политического и военного присутствия в Центральной Азии» [Шаклеина, 2017, 218] при необходимости сохранения американского присутствия в Афганистане. В это же время понятие Индо-Тихоокеанский регион начинает доминировать в риторике американской политической элиты, которое предусматривает более расширенное понимание Азии и необходимость вовлечения Нью-Дели в орбиту внешнеполитических устремлений североамериканской политической элиты.

Упомянутый этап выражается попытками Вашингтона определить политическое положение Индии в регионе как «антикитай». Исследователи связывают подобный посыл с тем, что Индия заинтересована в безопасности мореплавания в Южно-Китайском море и Тихом океане, а также в снижении уровня конфликтности и региональной нестабильности [Kumar, 2015]. В таком контексте изучение политического вектора разногласий Индии и Китая предполагает единственный вывод: «И Вашингтон и Нью-Дели ищут пути, чтобы контролировать агрессию Пекина...» [Mahapatra, 2015, 37]. Подобные заявления фиксируют антикитайскую направленность американо-индийских отношений, выраженную скорее как ожидание Вашингтона, нежели чем готовность Нью-Дели следовать в фарватере американской экспансионистской политики традиционно неприемлемой для Индии [Shastri, 2015].

Руководствуясь описанными тенденциями в сфере американо-индийских отношений, автор выдвигает гипотезу о том, что третий этап, отличный от предшествующих, начнет свое развитие после 2020 года. С точки зрения системного анализа «существующая система, уже измененная своими выявившимися дисфункциями, будет пытаться стабилизировать себя в некоем новом виде...» [Капустин, 2010, 405]. Упомянутая точка отсчета достаточно условна, но в целом она предполагает, что к указанному сроку Соединенные Штаты в большей степени будут заняты разрешением внутренних проблем, которые приобретут системный характер. Такие исследователи как Шастри однозначно фиксируют снижение значимости США как супердержавы и ошибочность посыла о неизменном однополярном мире [Shastri, 2015]. Соответственно, в качестве доминирующего сценария третьего этапа рассматривается окончание «американского века» во внешнеполитическом порядке при отсутствии крупномасштабных военных действий. На начало указанного периода тревожные

предупреждения внутри американского истеблишмента: «Пришло время осознать реальность, которая довлеет над политикой для возможности спасти либеральный порядок слишком поздно» [Colgan, www]. Одновременно с этим ожидается и ослабление роли ООН, которая «...преимущественно будет слабеть в дальнейшем и маргинализироваться в последующие годы» [Dubey, 2017, 199].

Несмотря на то, что многие индийские аналитики считают «рост американской силы и влияния в Азии соответствующим интересам Индии» [Mahapatra, 2017, 29], появились намеки на то, что американская экономика не самая продуктивная в будущем [Guruswamy, 2011]. В свою очередь в следующем десятилетии стоит ожидать формирование новых режимов торговли, моделей сервисов, отношения к экологичности товаров и т.д. [Dubey, 2017]. В складывающихся условиях к 2020 году станет очевидно, что модель, где задает тон «Провалившаяся неолиберальная глобализация и «свободный» рынок, который существует только в глазах заблуждающихся сторонников» [Todhunter, 2017], исчерпала себя еще в начале XXI века. Естественно, что при таком развитии событий «брать на себя роль страны-крепости в американской стратегии сдерживания Китая не относится к числу приоритетов Индии. Это может привести даже к катастрофическим результатам» [Showalter, www].

Если исходить из того, что в указанный период американская политическая система будет находиться в нестабильном состоянии, то четко спрогнозировать вектор американо-индийских отношений на 2020-2030 гг. представляется затруднительным. Ожидания индийской стороны выглядят как оптимистически: в виде ожидания «нового мультилатерализма» при значимой роли Соединенных Штатов [Dubey, 2017], так и пессимистически: в виде предсказания угроз, исходящих от разбалансированной американской экономики [Guruswamy, 2011]. В свою очередь, несмотря на молодость Индии как государства вестфальского типа, это, одновременно, – древнейшая цивилизация, что предполагает определенную инерцию в международных отношениях. Массовое сознание, довлеющее и над национальными элитами, видит Индию как страну, которая, повторяя античного философа Плотина: «...оставаясь собой, она превосходней всего внешнего» [Плотин, 2010, 345]. В этом контексте следует отметить, что в Индии есть достаточно влиятельные группы, не приветствующие полномасштабное сотрудничество с Вашингтоном на его условиях [Кузык, Шаумян, 2009]. Соответственно, и слабые, и сильные стороны государства Индостана могут реализовываться в различных пропорциях. В определяемых рамках уместно привести следующие сценарии развития американо-индийских отношений на период 2020-2030 гг.

1. Сценарий «Региональное лидерство» представляется наиболее вероятным вариантом развития событий. Такой подход усиливается и деятельностью нынешнего правительства во главе с Нарендрой Моди, которое последовательно реализует «политику «индианизации» страны» [Закария, 2004, 111]. Подобная тенденция вполне экстраполируется на ближайшие 5-7 лет и будет иметь последствия и к завершению 20-х годов нашего столетия. Текущее увеличение контактов Нью-Дели в регионе направлено на усиление влияния Индии в государствах Юго-Восточной Азии (ЮВА) в политическом, военном, экономическом аспектах. Стоит ожидать, что подобные устремления со стороны государства Индостана совпадает с ростом регионализма в Азиатской части Индийского океана и западной оконечности Тихого океана.

При развитии подобной тенденции Нью-Дели не будет нуждаться напрямую в сильном союзнике (прежде всего США). В свою очередь Вашингтон в этом случае не будет обладать ни силой, ни политической волей, чтобы принудить Индию двигаться в фарватере своей внешней

политики. И, более того, Индия и США могут стать геополитическими конкурентами в регионе в случае, если Нью-Дели и Пекин разделят сферы влияния в ЮВА и Восточной Азии соответственно [Friedberg, 2011]. Если же КНР и (или) США сохраняют экспансионистский подход в этой части мира, то это только ускорит движение государств региона к Индии, которых с одной стороны будет привлекать менее агрессивный подход, а с другой возросший политический авторитет. Участие же таких стран как Австралия и Япония в политико-экономических процессах ЮВА будет проходить с оглядкой на Нью-Дели, а не наоборот. Хорошие отношения с Вашингтоном будут интересовать индийское руководство в большей степени с точки зрения внутреннего развития страны.

2. «Конфронтация в условиях неопределенности» предполагает увеличение нестабильности в восточной части Индийского и Тихого океанов. Развитие такого сценария – экстраполяцию существующих тенденций в регионе: Вашингтон утрачивает свои возможности в Индо-Пасифике, а Пекин, наоборот, укрепляет свое военно-политическое влияние. В данном случае не предусматривается алармистский сценарий, то есть полномасштабная война, однако политическое и военное напряжение в этой части мира будет нарастать. Государства ЮВА под давлением КНР и США вынуждены формировать более поляризованную внешнюю политику, ориентированную на поддержку либо Вашингтона, либо Пекина. В этом случае контакты Соединенных Штатов и Индии будут рассматриваться через призму американо-китайских отношений. Но в этом случае американские попытки обосновать значимость взаимодействия с Индией будут выглядеть как прямое давление на слабого союзника при неспособности Вашингтона действовать самостоятельно в этой части мира.

Для характеристики шагов Нью-Дели при таком развитии событий предполагается введение термина ризомный подход. Термин в данном контексте и иных схожих ситуациях в международных отношениях может обозначать экспансию политического, экономического и культурного характера при наименьшей конфронтации с другими глобальными игроками. При этом предполагается отход от четко выстроенной политической стратегии с целью избежать возможного обострения отношений с сильными государствами и избирательные действия по мере необходимости при открывающихся благоприятных обстоятельствах. Фактически речь идет о постоянной тактике поиска благоприятных возможностей вне какой-либо длительной стратегии. Индийская «ризома» получит свое распространение в Центральной Азии, на Ближнем Востоке и в странах Африке. В государствах ЮВА Индия, несомненно, будет сохранять и преумножать свое присутствие, но следуя тому же «ризомному» принципу. При подобном сценарии Индия будет избегать многовекторных связей с Соединенными Штатами. Не имея возможности говорить «нет» по многим вопросам, значимым для Вашингтона, Нью-Дели будет просто избегать развития отношений.

3. Худший для Индии сценарий – это «Новый колониализм», максимальное ослабление страны в силу обострения многих внутренних противоречий или крупномасштабных военных конфликтов, вероятность которых сохранится в 20-е гг. XXI века. Тогда Вашингтон, по сути, принудительно навязет Нью-Дели союзнические обязательства, отвечающие интересам Соединенных Штатов. Индию ожидает судьба неравноправного партнера, который фактически находится в вассальной зависимости.

В этом случае внешняя политика Индии полностью утратит самостоятельность в глобальном масштабе и частично в региональном. В частности, в ЮВА страна начнет не столько доминировать, сколько служить проводником американских интересов. Развитие тихоокеанского вектора будет существовать только как движение к военным соглашениям с

партнерами США в регионе, прежде всего с Японией. Наибольшую опасность для Нью-Дели в этом случае представят отношения с Китаем: они станут заложником вашингтонской стратегии. В свою очередь, если Индия выступит объектом для действий против Пекина, то логика развития подобного сценария может привести к катастрофическим последствиям в виде военного конфликта или полномасштабной войны с КНР.

Заключение

В заключении следует отметить, что во втором десятилетии XXI века Индия будет нуждаться в участии Соединенных Штатов в тесных совместных политических, военных и экономических действиях в Восточной Азии и бассейне Индийского океана только в случае кризисной ситуации внутри государства или полномасштабной войны с соседями. Это будет связано и с потенциальным ослаблением влияния США в регионе, и постепенным расхождением интересов Нью-Дели и Вашингтона. Третий этап американо-индийского сотрудничества можно будет в целом охарактеризовать как «прагматизм на дистанции». Руководство Индии сохранит интерес к взаимодействию двух стран в виде работы по отдельным направлениям. В целом же задачей Индии станет не столько поиск возможностей в сфере экономики, военно-технического и политического сотрудничества с США, сколько выстраивание отношений в рамках евразийских блоков – АСЕАН, АТЭС, ШОС, а также отдельными игроками – Китаем, Россией и Японией.

Библиография

1. Безека Е. США – Индия: как завести (и сохранить) друзей. URL: <https://ria.ru/analytics/20090723/178387427.html>
2. Ганди И. Внешняя политика Индии. М.: Прогресс, 1982. 352 с.
3. Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Ближний Восток, Индия и Китай в глобализационных процессах. М.: Учитель, 2016. 496 с.
4. Закария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. М.: Ладомир, 2004. 383 с.
5. Капустин Б. Критика политической философии. М.: Территория будущего, 2010. 424 с.
6. Кузык Б.Н., Шаумян Т.Л. Индия-Россия: стратегия партнерства в XXI веке. М.: Институт экономических стратегий, 2009. 1224 с.
7. Лебедева Н.Б. Продвижение Индии в АТР: проблемы и перспективы // Вестник Московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2012. № 3. С. 144-171.
8. Михеев В.В. Россия и мир. Новая эпоха. 12 лет, которые могут все изменить // Восточная Азия и стратегия развития России. М.: АСТ: Русь-Олимп, 2008. 444 с.
9. Плотин. Четвертая энеада. СПб., 2010. 480 с.
10. Шаклеина Т.А. Введение в прикладной анализ международных ситуаций. М.: Аспект Пресс, 2017. 288 с.
11. Clinton H. America's Pacific Century. URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2011/10/110americas_pacific_century
12. Colgan J.D., Keohane R.O. The Liberal Order Is Rigged. 2017. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2017-04-17/liberal-order-rigged>
13. Dubey M. Ulternative Futures: India unshackled // The Future World Order and India's Role in Shaping It. UpFront, 2017. 684 p.
14. Guan Kwa Chong. Prospects for Indian Ocean Regionalism. URL: <https://www.rsis.edu.sg/wp-content/uploads/2017/08/Monograph33.pdf>
15. Guruswamy M. Imagining Asia in 2030: Trends, Scenarios and Alternatives // The Siamese Twins: How the USA and China took the Brink of Economic Disaster. New Delhi, 2011. 580 p.
16. Friedberg A.L. Imagining Asia in 2030: Trends, Scenarios and Alternatives // The Geopolitics of Asia in 2030: An American Perspective. New Delhi, 2011. 580 p.
17. Koshy N. India-U.S. Relations and Asian Rebalancing. New Century Publications, 2015. 242 p.
18. Kumar S. India-U.S. Relations and Asian Rebalancing // India-U.S. Strategic Convergence in South China Sea. New Century Publications, 2015. 242 p.

19. Mahapatra C., Tourangbam M. India-U.S. Rebalancing Strategy in Asia-Pacific // India-U.S. Relations and Asian Rebalancing. New Century Publications, 2015. 242 p.
20. Mohan C.R. India's Strategic Future. 2010. URL: <http://foreignpolicy.com/2010/11/04/indias-strategic-future-2/>
21. Perliez J. U.S. Ready to End Sanctions on India to Build Alliance. 2001. URL: <https://www.nytimes.com/2001/08/27/world/us-ready-to-end-sanctions-on-india-to-build-alliance.html>
22. Shastry S. India-U.S. Rebalancing Strategy in Asia-Pacific // Some Realities of the 21st Century. New Century Publications, 2015. 242 p.
23. Showalter M. American Thinker. 2017. URL: http://www.americanthinker.com/blog/2017/06/president_trump_gets_a_bear_hug_from_india.html
24. Todhunter C. Indian Independence: Forged in Washington? 2017. URL: <https://www.counterpunch.org/2017/07/31/indian-independence-forged-in-washington/>

The Future of American-Indian Relation for 2020-2030 years period

Dmitrii A. Shelest

Master of Philosophy,
Deputy Director of Expert and Analytics Center,
Far Eastern Federal University,
690950, 8, Sukhanova st., Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: shelest.da@dvfu.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis of the development of US-Indian relations and the forecast for the period until 2030. There are three stages of the relations between Washington and New Delhi within the framework of the article. The first stage is the period of the creation of the Republic of India and the implementation of the Nerhuvian model of governance. Those time the United States had a rather negative attitude towards contacts with India at all levels and prospects for cooperation. It expressed itself in direct support of Islamabad's aggressive policy towards India and cooperation with Beijing since the 1970s to the detriment of Indian interests. The second stage is the launch of structural reforms of Rao and Singh. The period was characterized Washington's beginning to a gradual rapprochement with New Delhi, declaring a strategic partnership with India at the first decade of the twenty-first century. At the same time, the United States tried to oppose China to India by political and economic methods, seeking unconditional support from New Delhi for the American foreign policy in the Indo-Pacific region. And finally, the third stage is being implemented against the background of the restructuring of international relations in the 21st century and a reduction in the dominant role of the United States in world politics and will acquire its features, according to the author's forecast, in the third decade of this century.

For citation

Shelest D.A. (2018) Budushchee amerikano-indiiskikh otnoshenii na period 2020-2030 godov [The Future of American-Indian Relation for 2020-2030 years period]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 7 (5A), pp. 39-47.

Keywords

India, USA, forecast, India-American relation, future of India.

References

1. Bezeka E. *SShA – Indiya: kak zavesti (i sokhranit') druzei* [USA - India: how to make (and keep) friends]. Available at: <https://ria.ru/analytics/20090723/178387427.html> [Accessed 10/10/2018]
2. Clinton H. *America's Pacific Century*. Available at: http://www.foreignpolicy.com/articles/2011/10/110americas_pacific_centure [Accessed 10/10/2018]
3. Colgan J.D., Keohane R.O. (2017) *The Liberal Order Is Rigged*. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2017-04-17/liberal-order-rigged> [Accessed 10/10/2018]
4. Dubey M. (2017) *Ultraverse Futures: India unshackled*. In: *The Future World Order and India's Role in Shaping It*. UpFront.
5. Gandhi I. (1982) *Vneshnyaya politika Indii* [India's foreign policy]. Moscow: Progress Publ.
6. Grinin L.E., Korotaev A.V. (2016) *Blizhnii Vostok, Indiya i Kitai v globalizatsionnykh protsessakh* [Middle East, India and China in globalization processes]. Moscow: Uchitel' Publ.
7. Guan Kwa Chong. *Prospects for Indian Ocean Regionalism*. Available at: <https://www.rsis.edu.sg/wp-content/uploads/2017/08/Monograph33.pdf> [Accessed 10/10/2018]
8. Guruswamy M. (2011) *Imagining Asia in 2030: Trends, Scenarios and Alternatives*. In: *The Siamese Twins: How the USA and China took the Brink of Economic Disaster*. New Delhi.
9. Friedberg A.L. (2011) *Imagining Asia in 2030: Trends, Scenarios and Alternatives*. In: *The Geopolitics of Asia in 2030: An American Perspective*. New Delhi.
10. Kapustin B. (2010) *Kritika politicheskoi filosofii* [Criticism of political philosophy]. Moscow: Territoriya budushchego Publ.
11. Koshy N. (2015) *India-U.S. Relations and Asian Rebalancing*. New Century Publications.
12. Kumar S. (2015) *India-U.S. Relations and Asian Rebalancing*. In: *India-U.S. Strategic Convergence in South China Sea*. New Century Publications.
13. Kuzyk B.N., Shaumyan T.L. (2009) *Indiya-Rossiya: strategiya partnerstva v XXI veke* [India-Russia: Partnership Strategy in the 21st Century]. Moscow: Institute of Economic Strategies.
14. Lebedeva N.B. (2012) *Prodvizhenie Indii v ATR: problemy i perspektivy* [Promotion of India in the Asia-Pacific Region: Problems and Prospects]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 25. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika* [Moscow University Bulletin. Ser. 25. International relations and world politics], 3, pp. 144-171.
15. Mahapatra C., Tourangbam M. (2015) *India-U.S. Rebalancing Strategy in Asia-Pacific*. In: *India-U.S. Relations and Asian Rebalancing*. New Century Publications.
16. Mikheev V.V. (2008) *Rossiya i mir. Novaya epokha. 12 let, kotorye mogut vse izmenit'* [Russia and the world. New era. 12 years that can change everything]. In: *Vostochnaya Aziya i strategiya razvitiya Rossii* [East Asia and Russia's development strategy]. Moscow: AST: Rus'-Olimp Publ.
17. Mohan C.R. (2010) *India's Strategic Future*. Available at: <http://foreignpolicy.com/2010/11/04/indias-strategic-future-2/> [Accessed 10/10/2018]
18. Perliez J. (2001) *U.S. Ready to End Sanctions on India to Build Alliance*. Available at: <https://www.nytimes.com/2001/08/27/world/us-ready-to-end-sanctions-on-india-to-build-alliance.html> [Accessed 10/10/2018]
19. Plotinus (2010) *Chetvertaya enneada* [The fourth ennead]. St. Petersburg.
20. Shakhleina T.A. (2017) *Vvedenie v prikladnoi analiz mezhdunarodnykh situatsii* [Introduction to applied analysis of international situations]. Moscow: Aspekt Press Publ.
21. Shastri S. (2015) *India-U.S. Rebalancing Strategy in Asia-Pacific*. In: *Some Realities of the 21st Century*. New Century Publications.
22. Showalter M. (2017) *American Thinker*. Available at: http://www.americanthinker.com/blog/2017/06/president_trump_gets_a_bear_hug_from_india.html [Accessed 10/10/2018]
23. Todhunter C. (2017) *Indian Independence: Forged in Washington?* Available at: <https://www.counterpunch.org/2017/07/31/indian-independence-forged-in-washington/> [Accessed 10/10/2018]
24. Zakaria F. (2004) *Budushchee svobody: neliberal'naya demokratiya v SShA i za ikh predelami* [The Future of Freedom: Illiberal Democracy in the United States and Beyond]. Moscow: Ladomir Publ.

УДК 327

Политические аспекты медиа-пространства Европейского союза: от информации к коммуникации

Фатыхов Дмитрий Русланович

Соискатель,

Московский государственный институт международных отношений (университет)

Министерства иностранных дел Российской Федерации,

119454, Российская Федерация, Москва, просп. Вернадского, 76;

e-mail: d.fatykhov@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена исследованию влияния средств массовой информации (СМИ) на интеграционные процессы в Европейском союзе. Актуальность этой темы обусловлена, во-первых, связанными с развитием информационно-телекоммуникационных технологий (ИКТ) возможностями СМИ по формированию у населения представления о происходящих событиях и принимаемых решениях как на внутреннем уровне, так и по внешнеполитической линии. Во-вторых, научный интерес представляет противостояние и взаимодействие «национального» и «наднационального» в европейском медиа-контенте. Оба фактора прямо или косвенно оказывают воздействие на общественный дискурс по евроинтеграции, а также на мнение граждан о самой идее европейского единства, и, следовательно, укрепляют либо ослабляют европейскую сплоченность. Основными используемыми методами в статье являются case-study, анализ текстов и экспертные оценки. На примере «Брексита» изучаются связи между освещением общеевропейских событий и восприятием населением места своей страны в ЕС в контексте становления европейской идентичности. На основании разбора подходов европейских ученых к этой проблеме делается вывод о роли «Брексита» в решении Еврокомиссии об укреплении коммуникации с обществом и переходе от информационной к коммуникационной политике, дающей возможность прямого участия граждан в процессе принятия решений.

Для цитирования в научных исследованиях

Фатыхов Д.Р. Политические аспекты медиа-пространства Европейского союза: от информации к коммуникации // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Том 7. № 5А. С. 48-53.

Ключевые слова

ЕС, СМИ, интеграция, европейская идентичность, информация, коммуникация.

Введение

Робин Ходесс еще в 1997 г. одной из первых отметила, что в политической науке недостаточно освещается роль средств массовой информации в процессах европейской интеграции [Hodess, 1997]. Частично это объясняется тем, что природу и степень воздействия медиа-эффектов на политическую среду интеграционной группы достаточно сложно понять, смоделировать и операционализировать, поскольку она носит скрытый, опосредованный другими переменными характер и трудно доказуема. Однако исследования в области коммуникации показывают, что СМИ могут оказывать прямое воздействие на политику, например, создавая преимущество голосов для определенной партии посредством благоприятного освещения ее программы и деятельности. Причина тому – отсутствие у электората возможности формировать собственное мнение о политических лидерах и происходящих процессах на основе собственного опыта. Вместо этого рядовой гражданин оценивает ситуацию и политические фигуры, опираясь на ту информацию, которую ему предоставляет медиа-контент, что особенно характерно для западных демократических обществ [Meyer, www]. За прошедшие после замечания Р. Ходесс 20 лет ситуация несколько изменилась, появился ряд отечественных и иноязычных исследований теоретического и эмпирического профиля, посвященных изучению воздействия медиа-фактора и информационно-телекоммуникационных технологий (ИКТ) на различные области интеграции. Тем не менее, информационная политика и медийное пространство интеграционных объединений остается на периферии академического внимания, которое в последние годы преимущественно фокусируется на взаимосвязях ИКТ и международных отношений в целом, информационной безопасности и вопросе управления Интернетом. В этом контексте, представляется перспективным проведение комплексных исследований взаимосвязей медийного пространства и интеграционных процессов, выработки информационной политики, как внутри интеграционного объединения, так и относящейся к его внешнеполитическому измерению.

Медийные факторы европейской идентичности

В интеграционных форматах большое значение имеет вопрос о влиянии того, как европейские процессы преподносятся средствами массовой информации населению, на европейскую идентичность и европейское единство. После «брексита» в июне 2016 поддержка населением самой идеи Европейского союза снова вышла на первый план политических дискуссий, которые активно подхватили СМИ. Как полагает У. Олаусон, ощущение населением стран ЕС себя как части единой Европы в существенной степени обусловлено описанием ЕС и его политики в новостных медиа [Olausson, 2010]. Проблема здесь заключается в том, что граждане предпочитают получать информацию о Европейском союзе и его политике от национальных медиа-компаний и каналов [Kandyla, de Vreese, www]. Отсутствие в ЕС общей медийной системы постулируется рядом европейских ученых (наравне с отсутствием языковой общности) в качестве одного из факторов формирования представлений о европейской идентичности через национальную призму. По их мнению, для возникновения наднационального пространства общественной дискуссии, которое необходимо для углубления европейской идентичности, требуется языковое и медийное единство. Так, А. Кандила и С. де Вресе полагают, что формирование общеевропейского пространства общественной дискуссии может быть начато только посредством наращивания присутствия в национальном новостном медийном дискурсе общеевропейской тематики, а также ее оценки не с национальной, а с общеевропейской точки зрения [там же]. Например, в рамках такого подхода, освещение в СМИ

сирийского или украинского сюжета во Франции должно вестись не столько в контексте французской внешнеполитической линии и деятельности, сколько в контексте общеевропейской позиции. Однако национальные СМИ в принципе не всегда в состоянии создать адекватную среду для общественной дискуссии по общеевропейским вопросам, поскольку их внимание в большей степени сфокусировано на национальной тематике. Более того, некоторые исследователи считают, что для национальных пространств общественной дискуссии характерно доминирование национально-ориентированных нарративов, в которых евроинтеграция рассматривается в качестве нелегитимного процесса, несущего угрозу национальной идентичности. Фактически, склонность журналистов противопоставлять ЕС и государственный суверенитет создает в обществе восприятие интеграционных процессов как потенциальной опасности [Clement, 2015].

Вышеупомянутый «брексит» как раз является эмпирическим подтверждением теории развития евроскептицизма в обществе под воздействием средств массовой информации.

Еще в 1999 года было проведено исследование, авторы которого связывали доминирование настроений евроскептицизма в британских газетах и таблоидах и снижение поддержки британцами Евросоюза [Anderson, Weymouth, 1999]. В 2012 г. Б. Хокинс подтвердил результаты этого исследования, отметив, что ярчайшими выразителями негативного отношения к евроинтеграции являлись печатные британские издания и «правая пресса». Вывод Б. Хокинса основан на проведенном анализе освещения реформирования законодательства ЕС (2003-2007 гг.) в пяти авторитетных британских газетах, который выявил, что настрой британцев на отделение от ЕС отражает то, как показывались отношения Лондона и Брюсселя в газетном дискурсе. В этом дискурсе ЕС изображался двояко: как иностранная держава и как переговорный форум. В первом случае ЕС представлялся не в качестве международной организации, частью которой является Туманный Альбион, а государствовподобной структуры, из которой Великобритания исключена и с которой имеет двусторонние отношения. Второе направление газетного дискурса рисовало ЕС как переговорный форум, в рамках которого интересы Лондона противопоставлялись интересам других государств-участников, в особенности Франции и Германии. К тому же политика и институты ЕС также были противопоставлены интересам Великобритании [Hawkins, www].

Что касается освещения в европейской медиа-пространстве Общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ) Европейского союза, то А. Кандила и С. де Вресе проанализировали этот аспект в авторитетных газетах восьми европейских стран с целью выяснить, насколько в них представлена ОВПБ и каким образом она оценивается. Исследование показало, что ОВПБ чаще представлялась в контексте возможностей и положительного воздействия на жизнь населения, нежели рисков и угроз. Однако А. Кандила и С. де Вресе подчеркивают, что положительные оценки и контекст возможностей относится именно к общеевропейскому, а не к национальному измерению ОВПБ [Triga, Vadratsikas, www].

Информационно-коммуникационная политика ЕС

Поскольку коммуникация с общественностью по вопросам поддержки населением европейской интеграции и формирования европейской идентичности имеет высокое значение, Еврокомиссия выделяет значительные ресурсы на увеличение «заметности» проектов региональной политики в печатных, аудиовизуальных СМИ и социальных сетях в целях повышения осведомленности населения. В этой связи С. Мендес и Дж. Бахтер полагают, что коммуникационная политика Еврокомиссии представляет собой ключевой фактор продвижения имиджа ЕС в обществе [там же].

Коммуникационная политика Евросоюза не регулируется специальными положениями европейских Договоров, но закономерно проистекает из обязательства ЕС объяснять общественности модальности своего функционирования и политики, а также сам концепт «европейской интеграции». Необходимость эффективной коммуникации имеет под собой и юридическую основу и закреплена в Хартии Европейского союза по правам человека, которой гарантировано право всех граждан на информацию о европейских делах. В принципе коммуникация с населением является одной из основных задач европейских институтов с целью укрепления доверия общества к европейскому проекту в целом. После отрицательных результатов референдума по европейской конституции во Франции и Нидерландах (май 2005 г.) и последовавшее неприятие Лиссабонского договора Ирландией (июнь 2008 г.), которые ярко показали недостаточность коммуникационных механизмов между населением и евроинститутами, ЕС принял ряд мер по их совершенствованию. Эти меры были направлены на улучшение каналов информирования общества о политике Евросоюза и о том, какое влияние она оказывает на повседневную жизнь. Более того, граждане стран ЕС получили расширенные возможности по выражению своего отношения к тем или иным действиям Брюсселя. В частности, в 2012 г. была создана Европейская гражданская инициатива, которая позволила жителям напрямую предлагать новое законодательство, выдвигать инициативы и принимать активное участие в обсуждениях [Communication Policy, [www](#)]. Фактически эти меры стали свидетельством трансформации информационной политики ЕС (направленной на внутреннюю публику), когда населению разъясняли суть предпринимаемых шагов, в коммуникационную политику [Nesti, Valentini, 2010], когда появились механизмы обратной связи и были налажены модели взаимодействия.

По своей сути информационно-коммуникационная политика имеет целью реализацию демократических прав граждан. В этой связи в ЕС был разработан и одобрен проект регуляторных мер электронных средств коммуникации, который направлен на усиление конкуренции, стимулирование инвестиций и продвижение свободы выбора для потребителей, чтобы граждане имели возможность доступа к разносторонней информации и могли принимать «информированные решения» [Regulatory Framework, [www](#)]. Однако сегодня перед ЕС, по мнению Х. Ниминен, стоит сложная задача: выработка моделей реагирования на вызовы, создаваемые цифровизацией и глобализацией коммуникации. Традиционная политика в сфере коммуникаций была основана на двух положениях, которые сегодня потеряли свою актуальность. Во-первых, существовало секторальное разделение медийной индустрии на печатные и электронные СМИ, телекоммуникации и записанные носители информации, для каждого из которых существовали свои регуляторные механизмы. Попыткой решения этой проблемы стала именно вышеописанная нормативная база электронных средств коммуникации, в которой объединены телевидение, радио и телекоммуникации. Во-вторых, СМИ больше не ограничены государственными границами, что означает снижение возможностей национальных органов по контролю над их деятельностью, что вызывает опасения по поводу распространения неприемлемого контента (например, из США в ЕС). Здесь возникает необходимость выработки нового международного режима регулирования распространения медийного контента [Nieminen, [www](#)].

Заключение

В Европейском союзе ясно осознают потенциал воздействия средств массовой информации на общественное сознание и их возможности по формированию отношения населения к политике Брюсселя, его деятельности на внутреннем направлении и внешнеполитическом

треке. В контексте нагнетаемого британскими СМИ евроскептицизма и последовавшего «брексита» Еврокомиссия добилась ощутимых результатов в разработке мер по улучшению взаимодействия с населением посредством совершенствования механизмов информационно-коммуникационной политики. Новые тенденции, связанные с цифровизацией и распространением ИКТ требует не только политической реакции, но и усиления исследовательского интереса к проблеме изучения медийного пространства интеграционных объединений.

Библиография

1. Anderson P., Weymouth T. Insulting the public? The British press and the European Union. Routledge, 1999. 240 p.
2. Clement A.A. Reporting on the “ever closer union”: narrative framing in national news medias and resistance to EU integration // *Eastern Journal of European Studies*. 2015. No. 6(1). P. 123-135.
3. Communication policy. European Parliament. URL: <http://www.europarl.europa.eu/factsheets/en/sheet/144/communication-policy>
4. Hawkins B. Media coverage of the European Union is key to understanding Eurosceptic attitudes within the UK. URL: <http://blogs.lse.ac.uk/politicsandpolicy/media-coverage-of-the-european-union-is-key-to-understanding-eurosceptic-attitudes-within-the-uk/>
5. Hodess R.B. The Role of News Media in European Integration: A Framework of Analysis for Political Science // *Res Publica*. 1997. Vol. 39. No.2. P. 215-227.
6. Kandyla A., Vrees C. News Media Representations of a Common EU Foreign and Security Policy. A Cross-National Content Analysis of CFSP Coverage in National Quality Newspapers. URL: <https://www.nodo50.org/multitudesonline/NEWSME~1.pdf>
7. Meyer C.O. Asymmetric and Asynchronous Mediatization: How Public Sphere Research Helps to Understand the Erosion of EU Consensus Culture. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.533.7963&rep=rep1&type=pdf>
8. Nesti G., Valentini C. Public Communication in the European Union: History, Perspectives and Challenges. Cambridge, 2010. P. 49-53.
9. Nieminen H. Communication and information rights in European media policy. URL: http://www.researchingcommunication.eu/book11chapters/C03_NIEMINEN201516.pdf
10. Olausson U. Towards a European identity? The news media and the case of climate change // *European Journal of Communication*. 2010. No. 25 (2). P. 138-142.
11. Regulatory framework for electronic communications. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=LEGISSUM:l24216a>
12. Triga V., Vadratsikas K. The Impact of Media Representations of the EU and its Policies on European Identity. URL: http://www.cohesify.eu/downloads/Cohesify_Research_Paper_3.pdf

Political aspects of the media of the European Union: from information to communication

Dmitrii R. Fatykhov

Postgraduate,
Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
119454, 76, Vernadskogo av., Moscow, Russian Federation;
e-mail: d.fatykhov@gmail.com

Abstract

The article is devoted to the study of the mass media influence on the integration process in the European Union. The relevance of this topic is determined, firstly, by the media's ability to shape the

Dmitrii R. Fatykhov

public's perception of current events and decisions, both on the domestic level and in the sphere of foreign policy. Today this capacity is growing due the fast development of information and telecommunication technologies (ICT). Secondly, the scientific interest lies in investigating opposition and interaction of two concepts, national and supranational, in European media content. Both factors directly or implicitly influence the public discourse on European integration, as well as on the opinion of citizens about the very idea of European unity and, consequently, strengthen or weaken European cohesion. The main methods used in the article are case-study, text analysis and expert assessments. With the example of "Brexit" the author examines the connections between the media coverage of European events and the public perception of the place of their country in the EU in the context of the formation of European identity. Based on the analysis of the European scientists' approaches to this problem the author concludes that "Brexit" has influenced the European Commission's decision to strengthen communication with the society and led to the transition from information to communication policy, which enables direct participation of citizens in the decision-making process.

For citation

Fatykhov D.R. (2018) Politicheskie aspekty media-prostranstva Evropeiskogo soyuza: ot informatsii k kommunikatsii [Political aspects of the media of the European Union: from information to communication]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 7 (5A), pp. 48-53.

Keywords

EU, media, integration, European identity, information, communication.

References

1. Anderson P., Weymouth T. (1999) *Insulting the public? The British press and the European Union*. Routledge.
2. Clement A.A. (2015) Reporting on the "ever closer union": narrative framing in national news medias and resistance to EU integration. *Eastern Journal of European Studies*, 6(1), pp. 123-135.
3. Communication policy. European Parliament. Available at: <http://www.europarl.europa.eu/factsheets/en/sheet/144/communication-policy> [Accessed 10/10/2018]
4. Hawkins B. Media coverage of the European Union is key to understanding Eurosceptic attitudes within the UK. Available at: <http://blogs.lse.ac.uk/politicsandpolicy/media-coverage-of-the-european-union-is-key-to-understanding-eurosceptic-attitudes-within-the-uk/> [Accessed 10/10/2018]
5. Hodess R.B. (1997) The Role of News Media in European Integration: A Framework of Analysis for Political Science. *Res Publica*, 39, 2, pp. 215-227.
6. Kandyla A., Vrees C. News Media Representations of a Common EU Foreign and Security Policy. A Cross-National Content Analysis of CFSP Coverage in National Quality Newspapers. Available at: <https://www.nodo50.org/multitudesonline/NEWSME~1.pdf> [Accessed 10/10/2018]
7. Meyer C.O. Asymmetric and Asynchronous Mediatization: How Public Sphere Research Helps to Understand the Erosion of EU Consensus Culture. Available at: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.533.7963&rep=rep1&type=pdf> [Accessed 10/10/2018]
8. Nesti G., Valentini C. (2010) *Public Communication in the European Union: History, Perspectives and Challenges*. Cambridge.
9. Nieminen H. Communication and information rights in European media policy. Available at: http://www.researchingcommunication.eu/book11chapters/C03_NIEMINEN201516.pdf [Accessed 10/10/2018]
10. Olausson U. (2010) Towards a European identity? The news media and the case of climate change. *European Journal of Communication*, 25 (2), pp. 138-142.
11. Regulatory framework for electronic communications. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=LEGISSUM:l24216a> [Accessed 10/10/2018]
12. Triga V., Vadratsikas K. The Impact of Media Representations of the EU and its Policies on European Identity. Available at: http://www.cohesify.eu/downloads/Cohesify_Research_Paper_3.pdf [Accessed 10/10/2018]

УДК 32

Практическое применение спорта в дипломатии и международных отношениях

Мартыненко Евгений Владимирович

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории международных отношений,
Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10;
e-mail: emartynenko@mail.ru

Мартыненко Станислав Евгеньевич

Кандидат исторических наук, старший преподаватель,
кафедра теории и истории международных отношений,
Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10;
e-mail: badjo22@mail.ru

Аннотация

С вовлечением спорта в сферу международных отношений связан феномен спортивной дипломатии, представляющий собой активно развивающийся в последние десятилетия вид дипломатической деятельности, направленной на достижение взаимопонимания между народами, укрепления мира и сотрудничества через спорт. В современном мире активно идет процесс формирования спортивной дипломатии как гуманитарной технологии и полноценного института гражданского общества, способного решать стратегические задачи государств в области внутренней и внешней политики. В то же время, чрезмерная политизация спорта или, хуже того, использование его для достижения узкокорыстных политических целей, неизбежно ведет к его деградации и, одновременно, падению авторитета тех сил, которые стремятся подчинить спорт этому неблагородному умыслу. В рамках данной статьи автор приводит наиболее знаковые исторические примеры использования потенциала спорта в международных отношениях, причем как с положительной, так и с отрицательной стороны. Статья посвящена раскрытию актуальных вопросов, связанных с практическим применением спорта в дипломатии и международных отношениях. Отдельное внимание уделено спорту, как эффективному инструменту создания имиджа и бренда страны, а также как действенному средству разрешения политических конфликтов (на примере «пинг-понговой» дипломатии). Также особый акцент сделан на деятельности МОК, в качестве проводника гуманизма в спорте. Основными методами исследования являются историко-аналитический, политологический и системный методы.

Для цитирования в научных исследованиях

Мартыненко Е.В., Мартыненко С.Е. Практическое применение спорта в дипломатии и международных отношениях // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Том 7. № 5А. С. 54-60.

Ключевые слова

Спорт, дипломатия, МОК, гуманизм, имидж, страна.

Введение

Вопросы национальной идентичности в условиях глобализации встают перед каждой страной очень остро. Вследствие этого в арсенале любого государства сегодня имеется целый ряд средств, с помощью которых создается национальный бренд на международной арене, базирующийся именно на том, что отличает страну от других [Полозова, 2018]. В целом эти средства называют публичной дипломатией, однако это довольно широкое понятие, которое включает в себя ряд компонентов. Одним из таких компонентов является спорт. Вместе с тем, феномен спортивной дипломатии и особенности использования спорта в международных отношениях, хотя и активно используется на практике, до сих пор не имеет фундаментального теоретического основания.

Основная часть

Разработкой стратегии использования спорта, с целью ее практической имплементации во внешнеполитическом курсе государств, занимается немало современных исследователей. Среди них выделяются теоретические наработки Дж. Ная, Р. Кеохейна, Сб. Бжезинского, Е. Карра, П. Кеннеди, Б. Гилла, Я. Хуанга, В. Бурматова, Е. Пановой, А. Русаковой, А. Дугина и др. Российские историки Н. Боголюбова и Ю. Николаева также посвятили ряд публикаций изучению роли спортивных организаций в международных отношениях и анализу спортивной дипломатии, осуществляемой ими.

Растущая популярность спорта приводит к усилению его роли в международных отношениях. Исследователь проблем спорта, общества и внешней политики Джей Кокли отмечал, что успехи страны в спорте способствуют росту популярности ее правительства [Coakley, 2009]. Жан-Лу Шаппеле и Эммануэль Бейль охарактеризовали спорт как социально-экономическое явление, которое затрагивает значительную часть населения, и, в силу этого обстоятельства, он не может оставаться без внимания государства [How Different Genders..., www].

Сейчас в политическом лексиконе традиционно употребляют выражение: «спорт – это посол, символ мира, дружбы и единства во всем мире», «спортсмены – народные дипломаты», «спортсмены, спортивные команды своим успехом сделали для своей страны гораздо больше, чем политики и дипломаты». На сегодняшний день спорт эволюционировал от индивидуальных увлечений представителей власти, политиков, таких как гольф, бильярд, керлинг в своеобразный джентльменский набор дипломата, в элемент межгосударственной дипломатии. Спортивные достижения и участие в международных спортивных соревнованиях способны сформировать положительный имидж государства в мире, положить начало развитию и укреплению межгосударственных отношений. Не в последнюю очередь от того, насколько эффективно используется спорт в международных отношениях, зависит успех государства на международном уровне, защита его национальных интересов.

У данного вопроса, безусловно, присутствует и экономический компонент. В частности, в странах, где спорт популярен, развивается инфраструктура места проведения соревнований,

продвигается туристическая привлекательность, формируется положительный образ, влияющий на «национальный брендинг» того или иного государства [True Jacqui Globalisation and Identity, 2006].

Сегодня спорт стал тем неотъемлемым элементом «мягкой силы», который, по выражению американского дипломата Дж. Ная, позволяет намного проще получить желаемый результат через привлекательность, чем принуждение, запугивание и подкуп [Голяйкина, Кормилицын, 2018]. В то же время, первые попытки теоретического обоснования спортивной дипломатии были осуществлены значительно позднее начала ее практического применения. Возникла ситуация, которая характеризуется отсутствием единого подхода к пониманию данного направления деятельности, что затрудняет сравнение фактических действий и анализ их эффективности.

Учитывая указанное, исследование практических аспектов использования спорта в дипломатических и международных отношениях имеет высокую актуальность и вызывает значительный интерес не только в научно-экспертных кругах, но также среди значительного количества других заинтересованных лиц.

Вместе с тем, несмотря на прикладное значение, связь спорта и международных событий, а также его роль в дипломатических отношениях исследованы еще недостаточно. Также в современной литературе до сих пор не хватает научных работ, освещающих ценностное, институциональное измерение взаимодействия спорта и политики. Кроме того, важным представляется изучение условий и факторов, которые являются определяющими для развития спортивной дипломатии, в частности, роль государственных институтов, общественных организаций, интегрированность национального спорта в международное пространство.

После окончания холодной войны и падения «железного занавеса» сложились благоприятные условия для развития в закрытых ранее обществах «гибких» видов дипломатии: экономической, культурной, народной, и, конечно же, спортивной. Для стран, которые активно выходили на международную арену в качестве самостоятельного актора, данные процессы имели большое значение.

В данном контексте практическое применение спорта в дипломатии и международных отношениях приобрело такие формы:

- 1) Дипломатия спортивных соревнований.
- 2) Дипломатия спортивных организаций.
- 3) Спорт как средство достижения внешнеполитических целей.

Рассмотрим данные формы более подробно.

Спортивные соревнования, несомненно, способствуют установлению дипломатических связей. На них всегда присутствуют высшие государственные должностные лица. Эксперты утверждают, что «на Олимпийских играх всегда собирается в 6 раз больше глав государств, чем на саммите Большой двадцатки» [Милованова, Кормилицын, 2018]. Поэтому такое спортивное событие является уникальной платформой для многостороннего диалога. Посещение подобных соревнований высокопоставленными особами, в большинстве случаев, носит продуктивный характер и имеет своим следствием, если и не достижение компромисса по самым сложным вопросам, то определенно, формирование и сближение позиций сторон.

В этом контексте следует упомянуть о «крикетной дипломатии». Футбол является очень популярной игрой в Великобритании и на территории ее бывших колоний, причем ведущими командами мира считаются команды Индии и Пакистана, и нередко именно между ними идет ожесточенная борьба за мировое первенство. Однако эти страны враждуют не только на

крикетном поле. С момента выхода обеих стран из состава Британской империи в 1947 году и образования независимых мусульманского Пакистана и индуистской Индии, между ними трижды происходили военные столкновения. После гонки вооружений и терактов дипломатические контакты между странами прекратились. Ядерные соседи были на грани четвертой войны.

Диалог был возобновлен во время полуфинала мирового первенства по крикету в марте 2011 г. Премьер-министры Индии и Пакистана вместе смотрели матч, и впоследствии за неформальной встречей последовали брифинги, телефонные разговоры и прочее.

Итак, спортивные праздники международного уровня открывают страну миру. Конечно, подобные инициативы не только улучшают образ государства за рубежом, но и активно способствуют повышению привлекательности спорта как элемента дипломатии. Через составляющую спортивного имиджа, путем проведения как можно большего количества знаковых спортивных мероприятий, страна может повысить уровень популярности за рубежом, а также стать привлекательным фактором для иностранных туристов, инвесторов и организаторов различных спортивных турниров.

Наиболее ярким проявлением *дипломатии спортивных организаций* является Международный Олимпийский комитет. Последний осуществляет активную гуманитарную деятельность в сфере образования, культуры, устойчивого развития и сотрудничает с этой целью с ООН, ЮНЕСКО, ЮНЕП, реализуя к тому же и собственные гуманитарные проекты. Именно МОК инициировал так называемые культурные олимпиады [Груздева, 2017].

Кроме того, большинство современных развитых европейских государств создали сети спортивных учреждений, действующих за рубежом, которые играют важную роль в развитии межгосударственных отношений. Указанные институты реализуют крупные международные спортивные проекты, соревнования, марафоны, объединяют международные сообщества, что является площадкой для общения и обмена опытом на международном уровне. Их задачи состоят в лоббировании внешнеполитических интересов государства, обеспечении межкультурных коммуникаций, выработке национальных ценностей в различных социально-культурных контекстах.

Следующее измерение спортивной дипломатии можно свести к средству *достижения внешнеполитических целей*. Можно привести много примеров, иллюстрирующих эффективность, или наоборот, недостаточность, такой дипломатии.

Известным является выражение «пинг-понговая дипломатия». Именно она положила конец напряженным отношениям между США и Китаем, ознаменовавших несколько послевоенных десятилетий. В 1971 г. в Японии, когда проходил чемпионат мира по настольному теннису, между американскими и китайскими спортсменами установились личные контакты. После чего состоялся исторический визит президента Никсона в Китай в 1972 году. В его ходе США официально признали, что существует только один Китай. Мао Цзэдун по этому поводу отметил, что «Маленький шарик сдвинул большой (Земной) шар».

Спорт использовался как инструмент борьбы с расовой сегрегацией. В 1976 году участие Новой Зеландии в Олимпиаде в Монреале вызвало скандал. 26 африканских стран бойкотировали Игры, таким образом, выражая протест против проведения регбийной сборной Новой Зеландии матча в ЮАР [Monnington, 1986].

Отдельно в направлении практического применения спорта в дипломатии и международных отношениях можно отметить инструмент привлечения частных лиц - известных спортсменов, что зачастую, выгодно для государства, поскольку его граждане воплощают национальную,

культурную, социальную идентичность. Такой подход и обусловил формирование американского понимания спортивной дипломатии как обязанности каждого спортсмена-гражданина США, который находится за пределами своей страны, помогать власти в выстраивании внешних сношений. Спортсмены и дипломаты представляют свою страну за рубежом не только во время активной карьеры, но и после ее завершения. Выдающиеся спортсмены и дипломаты – это имидж, бренд государства. Многие из них являются национальными героями в своих странах, а спорт стал своеобразной национальной идеей. Поэтому многих прославленных спортсменов выбирают послами мира и доброй воли различных агентств в рамках системы ООН. Из практических примеров можно привести ситуацию с о. Тайвань (Китайский Тайбэй). Это название стало использоваться с 1984 года на Олимпиадах, также был введен специальный флаг, под которым спортсмены этой Китайской республики до сих пор выступают на Олимпиадах [Tikander, 2004].

Заключение

Подводя итоги проведенному исследованию, можно сделать следующие выводы. Анализ примеров практического применения спорта в дипломатии и международных отношениях дает основания утверждать, что спорт действительно играет значительную роль на политической арене и в отношениях между государствами. Спортивные события являются платформой для коммуникации между политиками, позволяющей обсудить проблемы международного характера, а также между обычными людьми, и последние имеют возможность избавиться от стереотипов и сформировать адекватное мнение о той или иной стране. Этот метод создания бренда государства эффективен, ведь общение происходит непосредственно, без участия СМИ или других каналов связи.

Не подлежит сомнению тот факт, что для получения значительных практических результатов использования спорта в дипломатии и международных отношениях необходимо, чтобы государство опиралась, прежде всего, на запросы общества, шло в ногу с современными мировыми спортивными тенденциями, а также участвовало в формировании, осмыслении общественного спортивного развития, выработке новых идей. Практика показывает, что спортивная дипломатия является мощным фактором лоббирования внешнеполитических интересов государства посредством выработки национальных ценностей.

Библиография

1. Голяйкина О.Ю., Кормилицын Ю.В. Роль спорта в современных международных отношениях // Юность. Наука. Культура. 2018. С. 34-37.
2. Груздева П.О. Спорт высших достижений как политическое зеркало // XXX Международные Плехановские чтения. 2017. С. 301-304.
3. Милованова Ю.К., Кормилицын Ю.В. Роль спорта в международных отношениях // Развитие научно-инновационного потенциала России и направления его повышения. 2018. С. 155-157.
4. Полозова А.М. Национальная идентичность как основа для формирования позитивного имиджа государства // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2018. №1. С. 608-609.
5. Coakley J. Sports in Society: Issues and Controversies. New York: McGraw-Hill, 2009. P. 439.
6. How Different Genders, Ages, Races and Regions Watch the Olympics. URL: <http://www.nielsen.com/us/en/insights/news/2010/how-different-genders-ages-races-and-regions-watch-the-olympics.html>
7. Miller R. True Jacqui Globalisation and Identity // Globalisation and Identity. South Melbourne: Oxford University Press, 2006.
8. Monnington T. The Politics of Black African Sport // The Politics of Sport. Manchester: Manchester University Press, 1986. P. 186.

-
9. Tikander V. Encyclopaedia of Modern Olympic Movement. Westport: Greenwood Press, 2004. P. 142.
10. When 'the little ball moved the big ball' four decades ago. URL: <http://articles.latimes.com/2011/jul/08/sports/la-sp-ping-pong-diplomacy-20110709>

Practical implementation of sports in diplomacy and international relations

Evgenii V. Martynenko

PhD in Law,
Associate Professor at the Department of Theory and History of International Relations,
Peoples' Friendship University of Russia,
117198, 10/2, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: emartynenko@mail.ru

Stanislav E. Martynenko

PhD in History, Senior Lecturer,
Department of Theory and History of International Relations,
Peoples' Friendship University of Russia,
117198, 10/2, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: badjo22@mail.ru

Abstract

The phenomenon of sports diplomacy is associated with the involvement of sports in the sphere of international relations. It is a type of diplomatic activity that has been actively developing in recent decades, aimed at achieving mutual understanding between nations, strengthening peace and cooperation through sports. In the modern world the process of forming sports diplomacy as a humanitarian technology and a full-fledged institution of civil society, capable of solving the strategic tasks of states in the field of domestic and foreign policy, is actively underway. At the same time, excessive politicization of sport or, even worse, its use for achieving narrowly selfish political goals inevitably leads to its degradation and, at the same time, to the decline of the authority of those forces that seek to subordinate sport to this ignoble intent. In this article, the author cites the most iconic historical examples of the use of the potential of sports in international relations, both from the positive and from the negative side. The article is devoted to the disclosure of current issues related to the practical application of sports in diplomacy and international relations. Special attention is paid to sports as an effective tool for creating the country's image and brand, as well as an effective means of resolving political conflicts. Also, special emphasis is placed on the activities of the IOC, as a conductor of humanism in sports. The main research methods are historical-analytical, political science and system methods.

For citation

Martynenko E.V., Martynenko S.E. (2018) Prakticheskoe primeneniye sporta v diplomatii i mezhdunarodnykh otnosheniyakh [Practical implementation of sports in diplomacy and international relations]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 7 (5A), pp. 54-60.

Keywords

Sport, diplomacy, IOC, humanism, image, country.

References

1. Coakley J. (2009) Sports in Society: Issues and Controversies. New York: McGraw-Hill.
2. Golyaikina O.Yu., Kormilitsyn Yu.V. (2018) Rol' sporta v sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniyakh [The role of sport in modern international relations]. Yunost'. Nauka. Kul'tura [Youth. Science. Culture], pp. 34-37.
3. Gruzdeva P.O. (2017) Sport vysshih dostizhenii kak politicheskoe zerkalo [Sport of the highest achievements as a political mirror]. In: XXX Mezhdunarodnye Plekhanovskie chteniya [XXX International Plekhanov readings].
4. How Different Genders, Ages, Races and Regions Watch the Olympics. Available at: <http://www.nielsen.com/us/en/insights/news/2010/how-different-genders-ages-races-and-regions-watch-the-olympics.html> [Accessed 10/10/2018]
5. Miller R. (2006) True Jacqui Globalisation and Identity. In: Globalisation and Identity. South Melbourne: Oxford University Press.
6. Milovanova Yu.K., Kormilitsyn Yu.V. (2018) Rol' sporta v mezhdunarodnykh otnosheniyakh [The role of sport in international relations]. In: Razvitie nauchno-innovatsionnogo potentsiala Rossii i napravleniya ego povysheniya [The development of the scientific and innovative potential of Russia and the direction of its increase].
7. Monnington T. (1986) The Politics of Black African Sport. In: The Politics of Sport. Manchester: Manchester University Press.
8. Polozova A.M. (2018) Natsional'naya identichnost' kak osnova dlya formirovaniya pozitivnogo imidzha gosudarstva [National identity as the basis for the formation of a positive image of the state]. Konkurentosposobnost' v global'nom mire: ekonomika, nauka, tekhnologii [Competitiveness in the global world: economy, science, technology], 1, pp. 608-609.
9. Tikander V. (2004) Encyclopaedia of Modern Olympic Movement. Westport: Greenwood Press.
10. When 'the little ball moved the big ball' four decades ago. Available at: <http://articles.latimes.com/2011/jul/08/sports/la-sp-ping-pong-diplomacy-20110709> [Accessed 10/10/2018]

УДК 32

Компаративный анализ приоритетов политики в сфере высшего образования в России и Китае на рубеже 20-21 вв.

Чжан Янь

Аспирант, кафедра политологии,
Восточный институт – школа региональных и международных исследований,
Дальневосточный федеральный университет,
690950, Российская Федерация, Владивосток, ул. Суханова, 8;
e-mail: 1486833095@QQ.com

Аннотация

Статья посвящена сравнительному анализу политики Китая и России в сфере образования. Общие черты автор обнаруживает в сходных стратегических задачах образования. И Россия, и Китай в 1990-2010-е гг. делают образование главным приоритетом государственной политики и принимают законы, способствующие проведению масштабной реформы системы образования на всех уровнях, в том числе, в сфере высшего образования. В своей работе автор отмечает, что одним из приоритетов государственной политики стала демократизация высшего образования. Проведенное исследование развития политики в области высшего образования в РФ и КНР на протяжении почти 30 лет показывает существенное расширение автономии государственных высших учебных заведений, разделение власти по управлению вузами, в котором сочетается центральное и местное руководство. В статье обозначается, что основным положительным итогом новых реформ в обеих странах стала популяризация образования, его доступность и ориентированность на потребности государства, а рост и дифференциация высшего образования позволили увеличить количество студентов. Политика в сфере высшего образования в обеих странах была направлена на подготовку кадров для модернизирующейся экономики. Также в работе фокусируется внимание на возникающих вопросах и проблемах образования в данный период. В то же время, автор подчеркивает укрепление нормативно-правовой базы образования и превращение его в один из приоритетов государственной политики.

Для цитирования в научных исследованиях

Чжан Янь. Компаративный анализ приоритетов политики в сфере высшего образования в России и Китае на рубеже 20-21 вв. // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Том 7. № 5А. С. 61-72.

Ключевые слова

Государственный приоритет, национальная политика, сфера общего образования, рыночная экономика, демократизация, высшее образование, дифференциация, децентрализация, социальные группы населения.

Введение

Реформирование высшего образования в России и Китае имеет много общих черт, поскольку «содержательно, технологически и организационно системы высшего образования обеих стран были построены на сходных принципах» [Журавский, 2007, 262], а в результате перемен, произошедших в общественной жизни Китая и России в 1980-е гг., произошел «отказ от административно-командной экономики и переход к рыночным механизмам» [Ху Цзяньхуа, 2007, 264]. Это привело к тому, что, как указывают исследователи, «преобразования в этой сфере также имеют принципиальную общность, хотя и сохраняют существенную специфику в зависимости от реальных условий» [Журавский, 2007, 262] и отличаются «по характеру, методам и масштабам» [Ху Цзяньхуа, 2007, 264]. Наша задача – выявить эту общность и отличия государственной политики в России и Китае в период реформирования высшего образования. Исследование политики в сфере высшего образования в России и Китае позволяет выделить следующие приоритеты:

- место образования в системе приоритетов государственной национальной политики,
- демократизация высшего образования и политика децентрализации в управлении высшим образованием,
- рост масштабов высшей школы и ее дифференциация,
- изменения в структуре подготовки кадров с высшим образованием,
- переход от системы государственного распределения выпускников вузов к рыночной ориентации,
- рост доступности высшего образования для разных групп населения и др.

Основная часть

Общее в политике двух государств было обусловлено сходными стратегическими задачами образования. И Россия, и Китай в 1990-2010-е гг. делают образование главным приоритетом государственной политики и принимают законы, способствующие проведению масштабной реформы системы образования на всех уровнях, в том числе, в сфере высшего образования.

В КНР этот процесс отличается большей последовательностью и согласованностью. Уже в первом системном документе по реформированию образования – «Постановлении ЦК КПК о реформе структуры образования» (1985) – было указано на ключевую роль образования в успехе социалистического строительства. Приоритетность образования подтверждалась в каждом важном программном документе, принимавшемся в КНР на протяжении 30 лет. Наиболее значимыми вехами на этом пути стало принятие «Закона КНР об образовании» (1995) и «Закона КНР о высшем образовании» (1998), которые закрепили выработку стратегии развития государства через науку и образование и содействовали реформированию высшего образования. Смена руководства компартией Китая не приводила к смене курса в образовании. Неслучайно в 2013 г. Си Цзиньпин подтвердил, что Китай «будет всегда отводить образованию стратегически важное место приоритетного развития» [Си Цзиньпин, 2014, 166], в 2015 г. на пятом пленуме ЦК КПК 18-го созыва в качестве важнейшей основы построения социализма с китайской спецификой было названо именно образование, а в 2017 г. на XIX съезде КПК среди наиболее важных направлений модернизации образования было названо развитие высшего образования.

В России уже в начале проведения реформ роль образования признавалась доминантной – как в специальных, посвященных образованию законах и документах, так и в главном государственном документе – Конституции Российской Федерации (1993). В ст. 43, посвященной образованию, не только гарантируется «общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных или муниципальных образовательных учреждениях и на предприятиях», не только подтверждается возможность для каждого гражданина «бесплатно получить высшее образование в государственном или муниципальном образовательном учреждении и на предприятии» на конкурсной основе, но и, содержится развернутое (необычное для конституционного законодательства) требование установить федеральные стандарты в области образования, что свидетельствует о важной роли государства в определении формы и содержания образования в России.

После начала позитивных изменений социально-экономических условий в России в 2000-е гг. политика в сфере высшего образования приобрела более системный и последовательный характер. Это отразилось в государственных документах. Так, в самом начале президентства В. Путина были приняты «Основные направления социально-экономической политики Правительства РФ на долгосрочную перспективу» (2000), где указывалось на ключевую роль образования для создания сильного государства, для модернизации общества. Кроме того, подчеркивалось, что именно образование должно помочь России пройти через процесс социализации в условиях рыночной экономики, противодействовать наркомании, алкоголизму и криминализации общества, обеспечивать социальную мобильность и возможность жить в глобализованном мире, а также свободу каждой отдельной личности. Особенно значимым признавалась роль образования в модернизации экономики. Закрепление за образованием ключевой роли в государственном строительстве привело к ратификации в 2000 г. базового государственного документа в сфере образования – «Основные направления социально-экономической политики Правительства РФ на долгосрочную перспективу», где перед образованием была поставлена задача преодоления кризиса, которым оказалась Россия в конце XX – начале XXI вв. В еще одном программном документе – «Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года» (2001) – образование рассматривалось как гарантия национальной безопасности и важнейший фактор процветания и благосостояния граждан России. На следующем этапе реформирования образования в РФ государственная политика в этой сфере обновлялась. Так, в «Концепции долгосрочного социально-экономического развития России до 2020 года» за образованием закреплялась роль двигателя инновационного развития страны, способствующего системным изменениям во всех сферах государственного устройства.

Для вузов России и Китая влияние строя традиционного социализма было чрезвычайно сильным, поэтому одним из приоритетов государственной политики стала демократизация высшего образования. При этом в России на первом этапе проведения реформ важнейшей особенностью политики в сфере образования стала деидеологизация, отказ от диктата коммунистической идеологии – чего не скажешь о Китае, для политики которого была характерна преемственность с прежними принципами государственного устройства.

С деидеологизацией российского образования была связана и его децентрализация в период правления Б.Н. Ельцина, когда российское правительство передало право управления образованием в органы местного самоуправления. В 1990- гг. одним из главных принципов политики России в области образования стали демократический характер управления

образованием и автономия образовательных организаций. Анализ принятых в 2000-е годы документов («Федеральная программа развития образования на 2001-2005 гг.», 2000, «Национальная доктрина образования в Российской Федерации до 2025 года», 2000, и «Концепция модернизации российского образования», 2001) показывает, что одним из приоритетов государственной политики стало создание децентрализованной модели высшего образования, которая позволяла восстановить единое образовательное пространство под контролем государства.

В КНР уже в самом начале реформ зашла речь о расширении автономии образовательных учреждений. Впервые было законодательно зафиксировано разделение ответственности между центральными и местными органами власти, что вело к росту автономии образовательных учреждений и демократизации системы управления образованием. В главном для 1990-х гг. документе модернизации образования – «Программе реформ и развития образования» (1993) – шла речь об изменении системы управления вузами с целью повышения эффективности их деятельности: «Роль государства ограничивалась макрорегулирующими функциями <...> Акцентировалась необходимость модернизации управления образованием, новые механизмы которого включали создание законодательной базы, регулирующих планов, многоканального финансирования, информационного обеспечения, административного контроля и мониторинга. В результате учебное заведение становилось самостоятельным юридическим лицом: развитие высшей школы предполагалось за счет включения рыночных механизмов» [Боревская, 2016, 840].

В «Закоме КНР об образовании» (1995) было зафиксировано разделение ответственности за развитие высшего образования между правительствами центра и провинций. А благодаря принятию в 1998 г. «Закона КНР о высшем образовании» в Китае происходило преобразование системы управления вузами, полномочия делегировались из центра на места, правительство передавало все больше прав по управлению вузами самим учебным заведениям, которые постепенно становились самостоятельными субъектами. Этот закон закрепил возможности коренных преобразований системы управления вузами, реализация которых была возложена на конкретные документы, в частности, на «План мероприятий по подъему образования навстречу XXI веку» (1999).

Вместе с тем стоит признать, что данный приоритет в государственной политике в РФ привел к более выраженным результатам, позволившим российским вузам иметь большую административную и академическую свободу, большую самостоятельность в решении вопросов структуры и управления, формирования образовательных программ, взаимодействия с партнерами в науке и на производстве, чем вузы Китая.

Анализ развития сферы высшего образования доказывает, что и в России, и в Китае на протяжении тридцати лет происходит значительный рост числа вузов и количества студентов. Так, в вузах СССР в 1980 году обучалось 219 человек на 10 тыс. населения. А к 2000 году в РФ студентами высшей школы были уже 327 человек на 10 тыс. населения [Альтбах, 2012, 315]. В КНР к концу XX в. «прием в вузы вырос на 50 % по сравнению с предыдущим годом, и каждый последующий год возрастал на 20-30%», а количество студентов менее чем за 10 лет (с 1998 по 2006 гг.) увеличилось в 5 раз, достигнув 17,4 млн [Боревская, 2016, 842-843].

В принятом в КНР в 1993 г. базовом документе реформирования образования – «Программе реформ и развития образования» – была обозначена тенденция развития высшего образования от элитарного к массовому за счет формирования многоступенчатой системы вузов различных типов, позволяющих обслуживать различные сферы экономики. Это позволило провести дифференциацию высшей школы. В РФ происходили сходные процессы. Не случайно, Ху

Цзяньхуа отмечает: «Общей для двух стран <...> является тенденция дифференциации структуры вузов и содержания обучения» [Ху Цзяньхуа, 2007, 265].

В Китае это проявляется в создании системы, включающей вузы разных уровней: исследовательские университеты, основные отделения вузов (на которых главным образом ведется обучение студентов), краткосрочные высшие учебные заведения, негосударственные вузы и негосударственные независимые институты, учреждаемые престижными государственными университетами при поддержке общественности.

Среди мер, позволяющих добиться роста масштабов высшей школы в «Национальной среднесрочной и долгосрочной программе реформы и развития образования на 2010-2020 гг.» (2010) предлагалось проводить дальнейшую оптимизацию структуры высшего образования и внедрять механизмы адаптации вузовских дисциплин к национальным и региональным потребностям экономического и социального развития.

В России под влиянием развития рыночной экономики, появления частных вузов, сокращения бюджетного финансирования государственных вузов, также наблюдается процесс «массовизации» высшего образования, в результате которого число студентов в возрасте 17-19 лет выросло с менее 40% в советский период до 65–90% в к концу 2000-х годов [Андрущак, Юдкевич, 2012, 291].

Кроме того, в этот период в России, как и в КНР, создается многоуровневая и разнообразная по формам система подготовки кадров. Поправки к Закону «Об образовании» и к Закону «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» от 22.08.1996 № 125-ФЗ определили три уровня высшего профессионального образования: «Квалификация (степень) “бакалавр”, квалификация (степень) “специалист”, квалификация (степень) “магистр”». Это должно было позволить более оперативно реагировать на потребности экономики и социальной сферы и отвечать интересам личности студента.

В этих же законах шла речь о расширении круга организаций, которые могли реализовывать дополнительные профессиональные программы и устанавливался порядок аккредитации таких программ. Это способствовало реализации поставленной в «Федеральной программе развития образования на 2001-2005 гг.» задачи создания системы многоуровневого высшего образования.

По мнению исследователей, «в условиях перманентной инновационной модернизации в ряде передовых стран (США, Китай, некоторые европейские и азиатские страны) на повестку дня в качестве национальной стратегической задачи ставится введение всеобщего высшего образования и создание системы образования для взрослых на протяжении всей жизни» [Платова, 2013, 169]. Анализ государственной политики в сфере образования в КНР и РФ подтверждает, что не только Китай, но и Россия делает это приоритетом.

Политика в сфере высшего образования в обеих странах была направлена на подготовку кадров для модернизирующейся экономики. В связи с этим произошел существенный рост студентов на гуманитарных и социально-экономических специальностях. При этом существенно сократилась подготовка по естественным, инженерно-техническим и сельскохозяйственным наукам.

Например, как отмечают исследователи, в КНР «рыночные отношения привели к резкому увеличению приема на специальности рыночного спроса (экономика, юриспруденция, менеджмент и т.п.) и снижению приема и численности учащихся по необходимым стране специальностям; например, их доля в сельскохозяйственных вузах снизилась с 4% до 2,4%, что вело к нарастанию противоречий между спросом и предложением на рынке труда по уровню квалификации и полученным специальностям» [Боревская, 2016, 843]. В России происходили

сходные процессы: «Теперь все больше места в вузах занимают специальности, связанные с экономикой, менеджментом, финансами, юриспруденцией, а также с гуманитарной сферой. Эксперты отмечают, впрочем, что новый набор специальностей лишь в малой степени является ответом вузов на требования рынка труда» [Горшков, 2014, 287].

Приоритетным для развития высшего образования правительствами обеих стран стало признание необходимости развития рыночной экономики и роста свободной мобильности выпускников вузов. Для этой цели в вузах РФ и КНР осуществлялся переход от подготовки по узким специальностям к обучению по более широким направлениям, интегрирующим различные области знаний. В КНР такой переход происходил путем сокращения числа специальностей. В России была введена многоуровневая подготовка по системе бакалавриата и магистратуры в рамках 110 широких направлений.

По мере углубления реформ в КНР шло изменение структуры учебных дисциплин. После проведения XVI съезда КПК (2002), сформулировавшего концепцию «обучающегося общества», обновление учебных дисциплин шло по пути укрепления их связи с практикой, усилением их комплексности и междисциплинарности, соответствия требованиям информационной эпохи. Важное место в вузах стали занимать гуманитарные дисциплины – независимо от профиля учебного заведения.

Еще одним важным направлением оптимизации высшего образования на третьем этапе реформ стало восполнение дефицита в высококвалифицированных кадрах, соответствующих мировому передовому уровню. Кроме того, государство направило усилия на укрепление взаимодействия между предприятиями и вузами. В КНР такая интеграция была характерна для реформ образования уже на первом этапе и поддерживалась государственной политикой вплоть до недавнего времени. Например, при разработке 13-й пятилетней программы народнохозяйственного и социального развития (2015) указывалось на необходимость интеграции и сотрудничества учебных заведений с предприятиями, а на XIX съезде КПК (2017) углубление интеграции и сотрудничества вузов и предприятий было признано одной из приоритетных задач в развитии высшего образования.

Анализ государственной образовательной политики в РФ позволяет обнаружить сходные тенденции. Так, на втором этапе реформирования высшего образования в документе «Основные направления социально-экономической политики Правительства РФ на долгосрочную перспективу» (2000) предлагалось обеспечить условия для обновления содержания высшего образования, развития фундаментального и инженерного образования, образования в сфере информационных технологий, повысить качество высшего образования в области экономики, управления производством, права и социологии. Ставилась задача интеграции университетской науки и промышленности, которая находила подтверждение как в государственных документах, так и в высказываниях президента РФ. Например, в 2014 г. на X съезде ректоров В.В. Путин назвал укрепление системы кооперации вузов и предприятий одним из результатов государственной политики в сфере высшего образования [Путин, 2014]. Кроме того, изменения в структуре подготовки кадров находили отражение в конкретно сформулированных на каждом этапе требованиях к подготовке кадров по отдельным специальностям.

Этот фактор обусловлен развитием рыночных отношений в РФ и КНР в указанный период, оказавшим прямое влияние на трудоустройство выпускников и заставившим перестраивать систему приема и обучения с учетом способности высшей школы адаптироваться к запросам рынка и повышать конкурентоспособность выпускников при устройстве на работу. В связи с этим возникает ряд проблем, в том числе в результате перепроизводства выпускников с

дипломом о высшем образовании по одним специальностям и нехватки по другим, приводящие к не всегда успешному поиску работы по специальности. Например, по данным проведенного Всемирным банком в 2004 г. исследования, лишь 20% выпускников российских вузов работали по специальности. В Китае «безработица среди специалистов с высшим образованием приобретает значительные масштабы. В годы 10-й пятилетки только четыре ведущих вуза страны могли похвастаться тем, что 95% их выпускников нашли работу сразу после окончания учебного заведения» [Камышная, Баранов, 2011, 228].

В КНР этой проблеме уделялось и уделяется серьезное внимание. Уже в «Постановлении ЦК КПК о реформе структуры образования» (1985) было предложено изменить систему набора в вузы: они получили право набирать определенно количество студентов по договору с предприятиями. Соответственно, порядок распределения выпускников менялся: специалисты с высшим образованием получили право поиска работы по контракту. А в «Программе реформ и развития образования» (1993) уже было заявлено о начале реформирования системы государственного распределения и трудоустройства выпускников.

В начале XXI в. страна столкнулась с серьезными проблемами невозможности трудоустроиться по специальности. Для преодоления этой проблемы в «Плане действий по стимулированию образования на 2003-2007 гг.» (2004) предлагалась реализация проекта «содействие занятости выпускникам».

В 2010-е гг. важным направлением государственной образовательной политики стала проблема трудоустройства выпускников вуза. Не случайно на XIX съезде КПК (2017) Си Цзиньпин призвал содействовать трудоустройству обладателей дипломов о высшем образовании через развитие предпринимательства, повышение социальной мобильности и создание совместного центра координации трудоустройства, куда войдут представители правительства, профсоюзов и предприятий [Си Цзиньпин, [www](http://www.163.com)].

В России для решения этой проблемы в «Национальной доктрине образования в Российской Федерации» (2000) среди основных задач государства в сфере образования были обозначены «привлечение работодателей и других заказчиков, специалистов к социальному партнерству и организации профессионального образования с целью удовлетворения потребностей рынка труда» и «создание правовых условий получения образования как за счет средств бюджетов всех уровней, так и за счет средств обучающихся и их семей, предприятий и организаций».

В принятой в 2001 г. «Концепции модернизации российского образования» (2001) отмечалась необходимость укрепления материально-технической базы образовательных учреждений благодаря взаимодействию с промышленно-экономическим комплексом. Структурой, которая была призвана обеспечить взаимодействие вузов с профессиональным рынком труда, стал Межвузовский центр взаимодействия с рынком труда.

В Китае уже на первом этапе реформирования образования, после проведения XIV съезда КПК, была поставлена задача сделать образование, в том числе высшее, доступным. С этой целью в «Законе КНР об образовании» (1995) для студентов из семей, которые находятся в трудном экономическом положении, предлагались такие меры поддержки, как система поощрительных стипендий, предоставление возможности подработки одновременно с учебой, сокращение или освобождение от платы за обучение, система государственного субсидирования.

Но в полной мере возможность распространения доступности именно высшего образования появилась в КНР только на третьем этапе реформ. Именно в этот период наблюдается

переориентация государственной политики: помимо стимулирования пилотных вузов внимание государства сосредотачивается на развитии вузов бедных и отстающих регионов. С этой целью правительство принимает ряд законопроектов и документов, в которых был обозначен данный приоритет. Так, в 2003 г. принимается «Решение Госсовета КНР об углублении реформирования и ускорении развития образования национальных меньшинств», согласно которому должны быть созданы вузы внутренних территорий, университеты каждой западной провинции, связанные единой межвузовской сетью. Важной вехой в этом отношении стало принятие в 2006 г. обновленной редакции «Закона об обязательном образовании», благодаря чему в сферу образования была введена концепция «человек – корень всего», ставящая задачу усилить поддержку образования в бедных районах и в отношении социально незащищенных групп населения. В принятой в 2010 г. «Национальной среднесрочной и долгосрочной программе реформ и развития образования на 2010-2020 гг.» предлагалось дифференцированно подходить к развитию образования, в том числе, высшего, в разных регионах страны. Главная задача, поставленная в программе перед сферой образования – сделать образование доступным и справедливым. Этот же призыв прозвучал и в речи Си Цзиньпина в 2012 г., что подтверждало преемственность данного приоритета в политике нового правительства. При разработке 13-й пятилетней программы народнохозяйственного и социального развития в 2015 г. «обеспечению справедливости в сфере образования» было уделено особенное внимание. Приоритетами объявлялась доступность образования для учащихся из малообеспеченных семей и в бедных районах. А на XIX съезде КПК в 2017 г. предлагая построить всю работу в сфере образования на принципе справедливости, лидер КНР повысить возможности доступа к высшему образованию учащихся из сельских школ.

Для поддержки продолжения образования учащимися, чьи родители были не в состоянии оплачивать их расходы на образование, китайское правительство с начала 2000-х гг. начало осуществлять определенные меры, благодаря которым значительно сократилось количество «студентов, преждевременно завершающим обучение из-за финансовой несостоятельности» [Гулева, 2015, 16].

В РФ расширение доступности высшего образования стало одной из главных задач государственной политики на втором этапе реформ в 2000-е гг. В базовом документе этого периода – «Основных направлениях социально-экономической политики Правительства РФ на долгосрочную перспективу» – содержалось намерение обеспечить равенство доступа к образованию для различных социальных слоев и территориальных групп населения. С этой целью предлагалось создать систему адресной поддержки студентов из семей с низким уровнем дохода, либо проживающих на отдаленных территориях.

Основной целью принятой в 2008 году Правительством РФ «Концепции долгосрочного социально-экономического развития России до 2020 года» признавалось повышение доступности качественного образования, его соответствие требованиям инновационного развития экономики, потребностям общества и каждого гражданина. Как и ранее, важное место в этом документе уделялось определению механизмов социальной поддержки учащихся из малоимущих групп населения и поддержки территориальной мобильности

Еще одним важным направлением реализации данного приоритета в РФ стало обеспечение права на образование, в том числе высшее, инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья. По свидетельству аналитиков, доля таких студентов в вузах России неуклонно возрастает: «В 2001 году в 299 вузах системы Минобрнауки РФ обучались 11073 студентов-инвалидов и с ОВЗ. Число студентов-инвалидов и с ОВЗ в российских вузах продолжает расти:

с 5,4 тыс. человек в 2002 г. до 14,5 тыс. человек в 2003 г., в 2016 г. – более 23 тысяч» [Коренева, Чернышева, Акимова, 2016].

Согласно Указу Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» было предусмотрено увеличить «к 2020 г. доли учреждений среднего профессионального образования и образовательных учреждений высшего профессионального образования, здания которых приспособлены для обучения лиц с ограниченными возможностями здоровья, с 3 до 25 процентов».

Следующим шагом стала разработка «Дорожных карт» на период с 2016 по 2030 гг., в которых были отражены такие направления реализации Указа Президента, как создание безбарьерной образовательной среды, материально-техническое оснащение учебного процесса, формирование комфортной психологической среды, доступ студентов-инвалидов к новым информационно-коммуникационным технологиям, коррекция поведения и доступ к местам отдыха и занятий спортом [там же].

Заключение

Таким образом, современный этап реформирования высшего образования в КНР и РФ характеризуется государственной поддержкой приоритета доступности высшего образования для разных групп населения.

Проведенный сопоставительный анализ позволяет убедиться, что политика в сфере высшего образования в КНР и РФ имеет ряд общих черт и ряд отличий. Общие направления в политике двух государств обусловлены сходными стратегическими задачами образования. Оба государства в исследуемый период принимают законы, способствующие проведению реформ системы образования, и формулируют сходные приоритеты политики в сфере высшего образования. Различными стали подходы к осуществлению планируемых мероприятий. Если для политики КНР характерна последовательная, поэтапная, согласованная на разных уровнях образовательная стратегия, обеспечившая успех реформам (в том числе в сфере высшего образования), то в РФ для реформирования высшего образования были использованы более радикальные преобразования. Это усугублялось неполнотой и противоречивостью нормативной правовой базы в сфере высшего образования в РФ и существенно меньшим по сравнению с Китаем объемом государственного финансирования российской высшей школы. Однако с начала 2000-х гг. в России происходило укрепление нормативно-правовой базы образования, «возвращение государства в образование» и превращение образования в один из приоритетов государственной политики, что благотворно сказывалось на реформировании высшего образования.

Библиография

1. Альтбах Ф.Дж. (ред.) Дорога к академическому совершенству: Становление исследовательских университетов. М.: Весь Мир, 2012. 382 с.
2. Андрушак Г., Юдкевич М. Высшее образование в России: заработная плата и контракты // Как платят профессорам. Глобальное сравнение систем вознаграждения и контрактов. М., 2012. 318 с.
3. Боровская Н.Е. Образование // История Китая с древнейших времен до начала XXI века: В 10 т. М.: Наука, 2016. Том 9. 996 с.
4. Горшков М.К. (ред.) Россия и Китай: молодежь XXI в. М.: Новый хронограф, 2014. 424 с.
5. Гулева М.А. Экономические проблемы современной системы образования в КНР: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2015. С. 16.

6. Журавский В.М. Взгляд из России // Россия – Китай: образовательные реформы на рубеже XX–XXI вв.: сравнительный анализ. М.: Спутник, 2007. 592 с.
7. Камышная О.Н., Баранов А.В. Система образования в КНР // Современный Китай: Социально-экономическое развитие, национальная политика, этнопсихология. М.: КРАСАНД, 2011. 327 с.
8. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993).
9. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года.
10. Коренева В.О., Чернышева Н.С., Акимова О.И. Доступность высшего образования для лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов в рамках инклюзии // Концепт. 2016. Т. 50. URL: <http://e-koncept.ru/2016/76654.htm>
11. Национальная доктрина образования в Российской Федерации.
12. Платова Е.Э. Становление платного высшего образования в современной России: тенденции, проблемы, перспективы // Известия ПГУПС. 2013. № 3. С. 157-173.
13. Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на 19-м съезде КПК. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm
14. Путин В.В. Армия с дипломом. URL: <https://rg.ru/2014/10/31/armia.html>
15. Си Цзиньпин. Всестороннее углубление реформ: сборник высказываний, подготовленный Центром по изучению партийных документов при ЦК КПК. Пекин, 2014. 218 с.
16. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки».
17. Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» от 22.08.1996 № 125-ФЗ.
18. Ху Цзяньхуа. Взгляд из Китая // Россия – Китай: образовательные реформы на рубеже XX–XXI вв.: сравнительный анализ. М.: Спутник, 2007. 592 с.

Comparative analysis of policy priorities in the sphere of higher education in Russia and China at the turn of the XX-XXI centuries

Yan Zhang

Postgraduate,
Department of Political Science,
Institute of Oriental Studies – School of Regional and International,
Far Eastern Federal University,
690950, 8, Sukhanova st., Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: 1486833095@QQ.com

Abstract

The article is devoted to a comparative analysis of the policies of China and Russia in the field of education. The author finds common features with similar strategic objectives of education. Both Russia and China in the 1990-2010s make education a top priority of state policy and pass laws to facilitate large-scale reform of the education system at all levels, including the field of higher education. In his work, the author notes that democratization of higher education has become one of the priorities of state policy. A study of the development of higher education policies in the Russian Federation and the People's Republic of China for almost 30 years shows the existence of a significant increase in the autonomy of public higher education institutions, the separation of authority for managing universities, combining central and local leadership. The article indicates that the main positive result of the new reforms of the two countries was the popularization of education, its availability and orientation to the needs of the state. The growth and differentiation of higher education made it possible to increase the number of students. The policy in higher education in both countries was aimed at training personnel for the modernizing economy. This work also

Yan Zhang

focuses on emerging issues and problems of education in this period. At the same time, the author identifies the strengthening of the legal framework of education and its transformation into one of the priorities of state policy as a favorable factor in the reform of higher education.

For citation

Zhang Yan (2018) Komparativnyi analiz prioritetov politiki v sfere vysshego obrazovaniya v Rossii i Kitae na rubezhe 20-21 vv. [Comparative analysis of policy priorities in the sphere of higher education in Russia and China at the turn of the XX-XXI centuries]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 7 (5A), pp. 61-72.

Keywords

State priority, national policy, the sphere of general education, market economy, democratization, higher education, differentiation, decentralization, social groups of the population.

References

1. Altbach F.J. (ed.) (2012) *Doroga k akademicheskomu sovershenstvu: Stanovlenie issledovatel'skikh universitetov* [The Road to Academic Excellence: The Formation of Research Universities]. Moscow: Ves' Mir Publ.
2. Andrushchak G., Yudkevich M. (2012) Vysshee obrazovanie v Rossii: zarabotnaya plata i kontrakty [Higher education in Russia: wages and contracts]. In: *Kak platyat professoram. Global'noe sravnenie sistem voznagrazhdeniya i kontraktov* [How professors are paid. Global comparison of reward systems and contracts]. Moscow.
3. Borevskaya N.E. (2016) Obrazovanie [Education]. In: *Istoriya Kitaya s drevneishikh vremen do nachala XXI veka: V 10 t.* [History of China from ancient times to the beginning of the XXI century: In 10 vols.]. Moscow: Nauka Publ. Vol. 9.
4. *Federal'nyi zakon «O vysshem i poslevuzovskom professional'nom obrazovanii» ot 22.08.1996 № 125-FZ* [Federal Law "On Higher and Postgraduate Professional Education" dated August 22, 1996 No. 125-ФЗ].
5. Gorshkov M.K. (ed.) (2014) *Rossiya i Kitai: molodezh' XXI v.* [Russia and China: Youth in the 21st Century]. Moscow: Novyi khronograf Publ.
6. Guleva M.A. (2015) *Ekonomicheskie problemy sovremennoi sistemy obrazovaniya v KNR. Doct. Dis.* [Economic problems of the modern education system in China. Doct. Dis.]. Moscow.
7. Hu Jianhua (2014) Vzglyad iz Kitaya [A View from China]. In: *Rossiya – Kitai: obrazovatel'nye reformy na rubezhe XX-XXI vv.: sravnitel'nyi analiz* [Russia – China: Educational Reforms at the Turn of the XX-XXI Centuries: Comparative Analysis]. Moscow: Sputnik Publ.
8. Kamyshnaya O.N., Baranov A.V. (2011) Sistema obrazovaniya v KNR [The education system in China]. In: *Sovremennyyi Kitai: Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie, natsional'naya politika, etnopsikhologiya* [Modern China: Socio-economic development, national policy, ethnopsychology]. Moscow: KRASAND Publ.
9. *Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993)* [The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993)].
10. *Kontseptsiya modernizatsii rossiiskogo obrazovaniya na period do 2010 goda* [The concept of modernization of Russian education for the period up to 2010].
11. Koreneva V.O., Chernysheva N.S., Akimova O.I. (2016) Dostupnost' vysshego obrazovaniya dlya lits s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya i invalidov v ramkakh inkluzii [Accessibility of higher education for persons with disabilities and people with disabilities within the framework of inclusion]. *Kontsept* [Concept], 50. Available at: <http://e-koncept.ru/2016/76654.htm> [Accessed 10/10/2018]
12. *Natsional'naya doktrina obrazovaniya v Rossiiskoi Federatsii* [National Doctrine of Education in the Russian Federation].
13. Platova E.E. (2013) Stanovlenie platnogo vysshego obrazovaniya v sovremennoi Rossii: tendentsii, problemy, perspektivy [The formation of paid higher education in modern Russia: trends, problems, and prospects]. *Izvestiya PGUPS* [News of PGUPS], 3, pp. 157-173.
14. *Polnyi tekst doklada, s kotorym vystupil Si Tszin'pin na 19-m s"ezde KPK* [The full report delivered by Xi Jinping at the 19th CCP Congress]. Available at: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm [Accessed 10/10/2018]
15. Putin V.V. *Armiya s diplomom* [Army with a diploma]. Available at: <https://rg.ru/2014/10/31/armia.html> [Accessed 10/10/2018]
16. *Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 7 maya 2012 g. № 599 «O merakh po realizatsii gosudarstvennoi politiki v oblasti obrazovaniya i nauki»* [Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2012 No. 599 "On Measures for the Implementation of State Policy in the Field of Education and Science"].

-
17. Xi Jinping (2014) *Vsestoronnee uglublenie reform: sbornik vyskazyvanii, podgotovlennyy Tsentrom po izucheniyu partiinykh dokumentov pri TsK KPK* [Comprehensive deepening of reforms: a collection of statements prepared by the Center for the Study of Party Documents under the CPC Central Committee]. Beijing
 18. Zhuravskii V.M. (2007) *Vzglyad iz Rossii* [A look from Russia]. In: *Rossiia – Kitai: obrazovatel'nye reformy na rubezhe XX-XXI vv.: sravnitel'nyi analiz* [Russia – China: Educational Reforms at the Turn of the XX-XXI Centuries: Comparative Analysis]. Moscow: Sputnik Publ.

УДК 327

Энергетическая политика Центральноазиатских стран

Икрамов Суннатжон Турабжонович

Соискатель,

Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации,
119021, Российская Федерация, Москва, ул. Остоженка, 53/2;
e-mail: sunnatdjon@gmail.com

Аннотация

СССР, а вместе с ним и биполярная система, ушли в прошлое в 1991 году. На огромной территории возникли новые суверенные государства, которые выбирали собственный путь дальнейшего развития, определяли собственный курс внутренней и внешней политики. На обломках СССР возникает Содружество Независимых Государств. Несмотря на то, что роль этой организации в жизни бывших советских республик не так велика, страны Центральной Азии, тем не менее, относятся крайне серьезно к дальнейшему развитию отношений между собой, а также с Российской Федерацией в рамках СНГ. В 2008 году по решению Глав государств СНГ сотрудничество в области энергетики определено ключевой сферой взаимодействия всех стран-участников Содружества. В фокусе внимания данного исследования находится энергетическая политика центрально-азиатских членов СНГ: Казахстана, Таджикистана, Туркмении, Узбекистана и Кыргызстана. Также автор рассматривает отдельные аспекты внутренней энергетической политики стран Центральной Азии и их влияние на региональную интеграцию в рамках ЕАЭС. Особый интерес представляет выявление аспектов сотрудничества в регионе по транспортировке энергоресурсов Центральноазиатских стран на мировые рынки.

Для цитирования в научных исследованиях

Икрамов С.Т. Энергетическая политика Центральноазиатских стран // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Том 7. № 5А. С. 73-80.

Ключевые слова

Центральная Азия, СНГ, ЕАЭС, энергоресурсы, энергетическая безопасность, постсоветский регион, мировая политика, геополитические интересы.

Введение

Современная ситуация в сфере энергетической политики далека от идеала в Центрально-Азиатском регионе. Сразу же после Распада Советского Союза остро встал вопрос об использовании водных ресурсов, возникали претензии стран Центральной Азии друг к другу. Но уже с октября 1991 года, после подписания Ташкентского соглашения предпринимались попытки по урегулированию взаимных противоречий, прежде всего в отношении использования воды рек Сырдарьи и Амударьи. Кроме того, в 1990-е годы в данном регионе обозначили свое присутствие такие крупнейшие акторы мировой политики, как США, Китай, Европейский Союз, заинтересованные в развитии отношений с новыми государствами и имеющие ярко выраженные ресурсно-коммерческие цели. Но в то же время, некоторые страны Центральной Азии поставили перед собой задачу самим стать важными геополитическими игроками. Наиболее верным шагом к достижению этой цели была и остается по сей день грамотная и выверенная политика в сфере энергетики. Также не менее важной задачей оставалось сохранение партнерских и дружественных отношений с бывшими странами Советского Союза, а прежде всего – с Российской Федерацией, для которой энергетические отношения с Казахстаном, Узбекистаном, Таджикистаном, Туркменией и Киргизией также важны [Казанцев, 2007, 23-25].

Основная часть

Крупнейшим актором в центральноазиатском регионе является Казахстан. Казахстан обладает крупнейшими запасами нефти во всем Каспийском регионе. Кроме того, на Западе страны расположены не менее масштабные месторождения природного газа. За 20 с небольшим лет Казахстан сделал огромный рывок в развитии отношений в сфере энергетики с Евросоюзом, Российской Федерацией, КНР. Казахстан осуществляет поставку нефти в такие страны, как Нидерланды, Италия, Франция, Австрия и др. Казахстанская сторона крайне заинтересована в продолжении сотрудничества и увеличения экспорта нефти в страны Европейского Союза. В то же время не менее важным направлением энергетической политики Казахстана является поддержание добрососедских отношений с Москвой. Очень часто Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев указывает в своих заявлениях о стратегическом партнерстве между Казахстаном и Россией. Такой же позиции придерживается и его российский коллега Владимир Путин. Однако на данном этапе Казахстан, испытывая существенную зависимость от российских транзитных энергосетей, стремится уйти от транзитной зависимости от Москвы. Поэтому определяющей задачей энергетической политики Казахстана сейчас стал поиск альтернативных транзитных путей. На данном этапе Казахстан смог добиться ряда успехов, прежде всего это касается строительства нефтепровода «Баку-Тбилиси-Джейхан», который позволит осуществлять поставки нефти на Запад в обход территории России. Казахстан заручился поддержкой США, которые инвестировали значительные средства в проект, изначально считавшейся нерентабельным [Mekhdiev, 2018, 99-108].

Также отдельная составляющая всей энергетической политики Казахстана – двусторонние отношения с Китайской Народной Республикой. Именно Пекин первым после обретения странами центрально-азиатского региона независимости проявил заинтересованность в развитии отношений. Прежде всего это касалось вопросов поставки казахстанской нефти в Китай, а также энергетической безопасности. На сегодняшний день оба государства достигли

взаимных выгод в отношениях. Взамен поставок нефти в Китай, начавшихся в 2006 года с установки нефтепровода «Казахстан-Китай» (до этого Китай импортировал нефть с помощью железнодорожных перевозок) примерно 20% всего энергопотребления Казахстана обеспечивались китайскими гидроэлектростанциями [Мамедов, 2015, 160-165].

Большим успехом казахстанской дипломатии стало совместно с Россией, Белоруссией и Арменией создание Евразийского Экономического союза (ЕАЭС) в 2015 году, основными задачами которого стали увеличение объема рынка, снижение цен на сырье благодаря уменьшению издержек перевозки. ЕАЭС продолжает свое постепенное развитие, а это значит, что в течение некоторого время, после появления новых участников в составе ЕАЭС перед Казахстаном откроются новые возможности по экспорту нефти и углеводородов [Guliev, Mekhdiev, 2017, 72-75].

Туркменистан по сути является не менее важным игроком в центрально-азиатском регионе, а в некоторых аспектах энергетической политики даже более выгодным для многих государств нежели Казахстан. Прежде всего, преимущество Туркменистана над Казахстаном определяется специфическим ведением внешней политики Ашхабада. Она включает в себя: отказ от вступления в международные организации и сохранение нейтралитета, как следствие – ведение только двусторонних отношений с государствами. Эта особенность сущности внешней политики является весьма привлекательной для многих государств. Касательно углеводородных запасов Туркмении [Федоров, 2010, 73-86], стоит отметить, что это государство располагает 4,9% запасов природного газа от мирового количества по данным ОПЕК на 2014 год. Как следствие – именно за счет экспорта энергоресурсов Туркменистан на данный момент имеет стабильно развивающуюся экономику. Туркменистан способен полностью снабжать газом Южную Азию. Самым крупным торговым партнером для Туркмении на сегодняшний день остается Китай. Именно он является крупнейшим покупателем природного газа. Неслучайно оба государства заключили договор о дружбе и сотрудничестве в 2014 году.

Источник: Вестник Кавказа.

Рисунок 1 – Газовые проекты Туркменистана

Но в то же время Туркменистан преследует и иные, помимо экономических, цели в двусторонних отношениях с Китаем. Благодаря успешному развитию стратегического партнерства с КНР, Туркменистан, так или иначе, постепенно отдаляется от Российской Федерации. И в данной ситуации успешное продолжение собственной энергетической политики в КНР имеет ярко выраженный политический подтекст. Если в 1991 годах в Туркмении было значительное количество российских военных баз, то сейчас, спустя чуть больше 20 лет, Туркменистан не только сократил количество военных баз, то также поставил под сомнение целесообразность присутствия российских военнослужащих. Столь уверенная позиция Ашхабада объясняется, в первую очередь, достижениями в энергетической политике, наиболее значимым из которых является прочная система китайско-туркменских отношений. Также следует обратить внимание на ирано-туркменские отношения, которые играют ничуть не меньшую роль для экономики Туркменистана. Фундамент для прочных двусторонних отношений был заложен еще в 1990-е годы, когда между Тегераном и Ашхабадом были достигнуты договоренности по строительству газопровода «Карпедже – Курт-Куи». В данном случае открываются большие возможности для обоих государств. Иран получает возможность стать важным участником при транспортировке туркменского газа в Турцию и страны Персидского залива, Туркмения же получает еще один большой плацдарм для экспорта. Кроме того, это также существенно влияет на раннее упомянутые проблемы в российско-туркменских отношениях. Наличие альтернативного варианта экспорта углеводородных ресурсов позволяет Туркмении вести равный диалог с Российской Федерацией.

Таким образом, Туркменская энергетическая политика имеет не только экономический, но и политический характер. С экономической точки зрения основная задача Ашхабада – увеличивать экспорт природного газа, помимо Китая, Ирана и России на данный момент все большую актуальность у туркменского правительства получает проект строительства газопровода, который мог бы снабжать газом всю Южную Азию. Кроме того, Туркменистан стремится стать важным геополитическим игроком не только в центрально-азиатском регионе, но и во всем мире. И здесь основная цель для Туркмении – максимально отдалиться от России, чему могло бы способствовать дальнейшее развитие отношений со странами Средней и Южной Азии.

Киргизия на сегодняшний день является государством с самым низким уровнем развития экономики из всех стран Центральной Азии. Прежде всего, по причине того, что государство не располагает таким количеством углеводородных ресурсов, как Казахстан или Туркмения. Более того, Киргизия вынужден закупать нефть и газ у того же Казахстана, регулярно брать льготные кредиты у Москвы, а затем поднимать вопрос о списании задолженности. Поэтому, рассуждая об энергетической политике, акцент следует сделать на политике Бишкека, касающейся использования водных ресурсов Кыргызстана. На территории Киргизии берет свое начало длиннейшая и вторая по полноводности река Средней Азии – Сырдарья. Важнейшим партнером остается на сегодняшний день Казахстан. В ответ на экспорт нефти и газа, Киргизия снабжает Казахстан значительным количеством электроэнергии. На территории государства расположены одни из крупнейших гидроэлектростанций всего центрально-азиатского региона, прежде всего Токтогульская, Курпайская, Томкумырская, Уч-Курганская [Азамжанов, Бакирова, 2011, 251-253]. Но отношения с Казахстаном являются не столь выгодными для Киргизии. Когда Казахстан принял решение повысить цены на нефть и газ, которые закупала

Киргизия, Бишкек встал перед выбором – либо пойти на казахстанские условия и тем самым нанести непоправимый вред всей киргизской экономике, либо же развивать собственную гидроэнергетику, не ущемляя интересы Казахстана по использованию водных ресурсов Сырдарьи. В данном случае Кыргызстан обратился к России с предложением о выделении льготного кредита, а также соучастия в строительстве новых гидроэлектростанций. Однако в отношениях с Российской Федерацией Бишкек не может достигнуть всех поставленных перед собой задач ввиду того, что Россия не склонна вести диалог в ущерб своим отношениям с Узбекистаном и Казахстаном. Таким образом, Киргизия все же не может считать свою внешнюю политику успешной на данном этапе. Прежде всего, энергетические интересы Бишкека сталкиваются в регионе с интересами Казахстана, чья позиция с течением времени трансформировалась в ультиматумы Кыргызстану. Попытка заручиться поддержкой Российской Федерации также не удалась, поскольку российско-киргизские отношения далеки от той степени близости, которая сложилась между Москвой и Астаной.

Энергетическая политика Республики Таджикистан во многом схожа с той политикой, которую проводит Киргизская республика. Опорой всей экономики является эксплуатация гидроэнергоресурсов страны. На них базируется и промышленное производство республики, и сельскохозяйственная отрасль. Таджикистан располагает 8-ми по количеству запасами гидроэнергетических ресурсов в мире, а в Центральной Азии Таджикистан занимает первое место [Темуров, 2018, 506-508]. Основная задача Душанбе на данный момент также состоит в достижении энергетической независимости. Однако, несмотря на доминирование в Центральной Азии по запасам гидроэнергоресурсов, Таджикистан вынужден закупать значительное количество энергоресурсов за рубежом. Доля затрат за подобные закупки составляет около 60% от общего объема ВВП Таджикистана. Несмотря на гористую местность Таджикистана, в стране отсутствуют практичные проекты использования гидроэнергетических ресурсов. Однако в последнее время Таджикистан достигает успехов в данной сфере. Например, при содействии России планируется запуск Рогунской ГЭС, проект которой был утвержден еще Госстроем СССР в 1974 году. Кроме того, проблема доступа жителей труднодоступных районов Таджикистана к энергетическим ресурсам по сей день остается первостепенной темой обсуждения в правительстве, которое приняло решение о строительстве более 180-ти ГЭС в изолированных районах Таджикистана.

Узбекистан представляет собой одного из мировых лидеров по запасам природного газа, хоть и уступает по этому показателю Туркменистану. Кроме того, значительные запасы угля позволяют Узбекистану быть важным игроком на рынке угля, постоянно находясь в тесном контакте с такими акторами, как США, Россия, Китай. Основной же задачей всей энергетической политики Узбекистана является не столько становление одним из лидеров по экспорту сырья (какой стратегии придерживается, например, Казахстан), но и формирование прочной системы отношений в сфере энергетики в центральноазиатском регионе. Как следствие – Узбекистан регулярно принимает участие во всевозможных саммитах и совещаниях с участием партнеров – Таджикистаном, Казахстаном. Узбекистан регулярно поддерживает идею Туркменистана по транзиту электроэнергии в Казахстан и Кыргызстан через энергосистему Узбекистана. Кроме того, на высшем уровне обсуждаются проекты подачи электроэнергии из Узбекистана в Афганистан, которая будет обеспечивать значительную часть территории Афганской республики.

Узбекистан, в отличие от Туркмении, настроен на развитие совместных проектов в сфере энергетики с Российской Федерацией. Именно при поддержке России стало возможным восстановление единой энергетической системы на всем пространстве центрально-азиатского региона, соглашение о которой в 2017 году подписали, соответственно, Казахстан, Киргизия, Туркменистан, Таджикистан и Узбекистан.

Заключение

Таким образом, следует отметить прогрессивность энергетической политики стран Центральной Азии. Перед каждым государством на сегодняшний день стоят разные цели и задачи. Если Казахстан продолжает политику выстраивания отношений с максимальным количеством ведущих государств – экспортеров углеводородных ресурсов, то Кыргызстан пытается решить задачу обретения энергетической независимости от своих соседей – России, Китая и Казахстана [Макилов, 2017, 94-102]. Ту же цель преследует и Таджикистан, с поправкой о том, что первостепенная задача всей энергетической политики, стоящей перед Душанбе – снабжение необходимым количеством энергоресурсов собственного населения. Наиболее прогрессивной энергетической политикой отличается Туркмения, которая смогла не только выйти «из-под крыла» Российской Федерации, но и установить прочные дипломатические отношения с КНР и Соединенными Штатами, где особое внимание уделяется именно энергетике [Котилко, 2011, 19-33].

Таким образом, энергетическая политика стран центрально-азиатского региона сконцентрирована вокруг решения проблем зависимости от транспортной системы других стран, а также расширение возможностей реализовать собственные энергетические ресурсы. В то же время следует отметить, что каждое государство данного региона стремится к энергетическому балансу, непосредственно, в самом регионе. Так, с 1991 года проходят регулярные совещания, касающиеся рационального и равномерного использования водно-энергетических ресурсов, получаемых, преимущественно, от бассейнов рек Сырдарья и Амударья [Гусев, 2013, 34-41].

Библиография

1. Азамжанов С.А., Бакирова А.Т. Гидроэнергетика Кыргызстана: развитие и проблемы, Токтогульская ГЭС // Ресурсовоспроизводящие, малоотходные и природоохранные технологии освоения недр. Материалы X Международной конференции. 2011. С. 251-253.
2. Гусев Л.Ю. Водно-энергетические проблемы Центральной Азии и возможные пути их разрешения // Вестник МГИМО Университета. 2013. № 6 (33). С. 34-41.
3. Казанцев А. Типы энергетической политики стран ЦА // Большая игра: политика, бизнес, безопасность в Центральной Азии. 2007. № 6 (6). С. 23-25.
4. Котилко В.В. Сценарии создания организации каспийского экономического сотрудничества // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. Т. 7. № 11 (104). С. 19-33.
5. Макилова А.М. Энергетическая политика Кыргызской республики: итоги и проблемы // Проблемы постсоветского пространства. 2017. Т. 4. № 4. С. 94-102.
6. Мамедов И.Б.О. Мультивекторная энергетическая политика Казахстана и ее значение для России // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 2 (43). С. 160-165.
7. Темуров У. Энергетическая политика Республики Таджикистан // Богатство финно-угорских народов. Материалы V Международного финно-угорского студенческого форума. 2018. С. 506-508.
8. Федоров Ю.Е. Туркменские газовые игры // Индекс безопасности. 2010. Т. 16. № 2 (93). С. 73-86.
9. Guliev I.A., Mekhdiiev E.T. The role of fuel and energy sector in the Eurasian economic community integration process // International Journal of Energy Economics and Policy. 2017. Т. 7. № 2. С. 72-75.
10. Mekhdiiev E.T. Regional integration in Central Asia in the energy sector // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Т. 7. № 1А. С. 99-108.

Energy policy of Central Asian countries

Sunnatzhon T. Ikramov

Postgraduate,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
119021, 53/2, Ostozhenka st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sunnatdjon@gmail.com

Abstract

The USSR, and with it the bipolar system, are gone in 1991. New sovereign states emerged on a vast territory, which chose their own path of further development, determined their own course of domestic and foreign policy. On the ruins of the USSR arises the Commonwealth of Independent States. Despite the fact that the role of this organization in the life of the former Soviet republics is not so great, the countries of Central Asia nevertheless take very seriously the further development of relations among themselves, as well as with the Russian Federation within the CIS. In 2008, by the decision of the Heads of State of the CIS, cooperation in the field of energy was identified as the key area of interaction for all member countries of the Commonwealth. The focus of this study is on the energy policy of the Central Asian members of the CIS: Kazakhstan, Tajikistan, Turkmenistan, Uzbekistan and Kyrgyzstan. The author also reviewed particular aspects of the internal energy policy of the Central Asian countries and their impact on regional integration within the EAEU. Of particular interest is the identification of aspects of cooperation in the region for the transportation of energy resources of Central Asian countries to world markets.

For citation

Ikramov S.T. (2018) Energeticheskaya politika Tsentral'noaziatskikh stran [Energy policy of Central Asian countries]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 7 (5A), pp. 73-80.

Keywords

Central Asia, CIS, EAEU, energy, energy security, the Post-Soviet region, world politics, geopolitical interests.

References

1. Azamzhanov S.A., Bakirova A.T. (2011) Gidroenergetika Kyrgyzstana: razvitie i problemy, Toktogul'skaya GES [Hydropower of Kyrgyzstan: development and problems, Toktogul hydroelectric station]. In: *Resursovosproizvodyashchie, malootkhodnye i prirodookhrannye tekhnologii osvoeniya nedr. Materialy X Mezhdunarodnoi konferentsii* [Resource-reproducing, low-waste and environmental technologies for the development of subsoil. Materials of the X International Conference].
2. Fedorov Yu.E. (2010) Turkmenskies gazovye igry [Turkmen gas games]. *Indeks bezopasnosti* [Security index], 16, 2 (93), pp. 73-86.
3. Guliev I.A., Mekhdiev E.T. (2017) The role of fuel and energy sector in the Eurasian economic community integration process. *International Journal of Energy Economics and Policy*, 7, 2, pp. 72-75.
4. Gusev L.Yu. (2013) Vodno-energeticheskie problemy Tsentral'noi Azii i vozmozhnye puti ikh razresheniya [Water and energy problems of Central Asia and possible ways to solve them]. *Vestnik MGIMO Universiteta* [Bulletin of MGIMO University], 6 (33), pp. 34-41.

5. Kazantsev A. (2007) Tipy energeticheskoi politiki stran TsA [Types of the energy policy of the Central Asian countries]. In: *Bol'shaya igra: politika, biznes, bezopasnost' v Tsentral'noi Azii* [Big Game: politics, business, security in Central Asia], 6 (6), pp. 23-25.
6. Kotilko V.V. (2011) Stsenarii sozdaniya organizatsii kaspiiskogo ekonomicheskogo sotrudnichestva [Scenarios for the creation of an organization of Caspian economic cooperation]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'* [National interests: priorities and security], 7, 11 (104), pp. 19-33.
7. Makilova A.M. (2017) Energeticheskaya politika Kyrgyzskoi respubliki: itogi i problemy [Energy policy of the Kyrgyz Republic: results and problems]. *Problemy postsovetskogo prostranstva* [Problems of the post-Soviet space], 4, 4, pp. 94-102.
8. Mamedov I.B.O. (2015) Mul'tivektornaya energeticheskaya politika Kazakhstana i ee znachenie dlya Rossii [Multi-vector energy policy of Kazakhstan and its significance for Russia]. *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura* [Caspian region: politics, economy, culture], 2 (43), pp. 160-165.
9. Mekhdiev E.T. (2018) Regional integration in Central Asia in the energy sector. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 7, 1A, pp. 99-108.
10. Temurov U. (2018) Energeticheskaya politika Respubliki Tadjikistan [Energy Policy of the Republic of Tajikistan]. In: *Bogatstvo finno-ugorskikh narodov. Materialy V Mezhdunarodnogo finno-ugorskogo studentcheskogo foruma* [The Wealth of Finno-Ugric Peoples. Proceedings of the V International Finno-Ugric Student Forum].

УДК 327

Научно-техническое сотрудничество и инновационная деятельность в Европейском союзе

Фатыхова (Новикова) Вероника Михайловна

Соискатель,

Московский государственный институт международных отношений (университет)

Министерства иностранных дел Российской Федерации,

119454, Российская Федерация, Москва, просп. Вернадского, 76;

e-mail: photii@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается структура, цели и основные направления финансирования рамочной программы Европейского союза «Горизонт-2020», ориентированной на развитие научных исследований, инноваций и научного сотрудничества как внутри интеграционного объединения, так с внешними партнерами. Важным подспорьем внешнеполитического измерения европейской науки стал относительно молодой трек – научная дипломатия. Концептуальное измерение «Горизонта-2020», выраженное в трех идеях «открытая наука», «открытые инновации» и «открытость миру» направлено на максимально инклюзивное развитие науки и высшего образования с привлечением наиболее широкого числа участников, включая бизнес, образовательные и исследовательские организации, финансовые структуры и гражданское общество, что призвано обеспечить свободу циркуляции инновационных идей. Реализации задач рамочной программы способствует господствующий в ЕС широкий политический консенсус относительно невозможности повышения глобальной конкурентоспособности Евросоюза без развития его науки и активной инновационной деятельности. Этот консенсус направлен на наращивание наукоемкой составляющей производства, повышение производительности труда с помощью использования новых технологий, качественных и количественных показателей экономического роста, общего благосостояния населения. В свою очередь, достигнутые за 5 лет действия «Горизонта-2020» успехи стимулируют дальнейшее углубление интеграционного сотрудничества, усиление общественной поддержки соответствующих политических решений и инициатив.

Для цитирования в научных исследованиях

Фатыхова (Новикова) В.М. Научно-техническое сотрудничество и инновационная деятельность в Европейском союзе // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Том 7. № 5А. С. 81-87.

Ключевые слова

Интеграция, ЕС, рамочные программы, наука, образование, инновации, научная дипломатия.

Введение

На Европейский союз, население которого составляет 7% от общемирового, приходится 24% глобальных расходов на НИОКР и 32% заявок на патенты. Это результат целенаправленной политики, ориентированной на поддержку научных исследований как долгосрочной основы экономики. В этом контексте Евросоюз запустил с 2014 года многостороннюю программу развития науки и инноваций, получившую название «Горизонт-2020». На национальном уровне государства разрабатывают собственные стратегии и программы поддержки научно-исследовательского потенциала в соответствии с потребностями и возможностями своей экономики. «Горизонт-2020» это восьмая рамочная программа стимулирования научно-инновационного кластера, рассчитанная на 7 лет с бюджетом почти 80 млрд евро и активно поддерживаемая политическим истеблишментом — лидерами государств и Европарламентом. В ЕС придерживаются мнения, что инвестиции в исследования и инновации имеют ключевое значение для будущего Европы, обеспечивая устойчивое и инклюзивное социально-экономическое развитие. Программа имеет три основных приоритетных направления: «Передовая наука», «Индустриальное лидерство» и «Социальные вызовы» [Horizon 2020, www].

Структура и цели программы «Горизонт-2020»

«Передовая наука», включающая четыре программы, подразумевает укрепление глобальных позиций ЕС как лидера в научной области, привлекающего лучшие умы и подвигающего трансграничное научное сотрудничество в целях повышения конкурентоспособности Евросоюза на мировой арене, создания новых рабочих мест и улучшения качества жизни населения. Значительная часть финансирования (13 млрд евро) научных исследований, в особенности междисциплинарного характера, осуществляется за счет Европейского исследовательского совета [Mission of ERC, www] и приходится на программу «Передний край науки», в рамках которой ведется наиболее перспективный и продвинутый научный поиск в области недавно открытых явлений. Программа «Мария Склодовская-Кюри» (6,15 млрд евро) ориентирована на поддержку ученых, развитие их карьерных перспектив, предоставление возможностей повышения квалификации, прохождения стажировок и ведения исследований в других странах, в государственных корпорациях и частном секторе. Также в рамках «Передовой науки» реализуются программы «Будущие и возникающие технологии» (2,69 млрд евро) и «Инфраструктура мирового уровня» (2,48 млрд евро), ориентированная на обеспечение ученых современными устройствами, инструментами и оборудованием, необходимыми для проведения высокотехнологичных исследований.

Кластер «Индустриальное лидерство», объем финансирования которого достигает 17 млрд евро, направлен на развитие высоких технологий, необходимых для инновационной деятельности в различных секторах экономики, включая информационно-коммуникационную сферу, космос, новые материалы, био- и нанотехнологии. Особое внимание уделяется малым и средним предприятиям, за которыми признается ключевая роль в создании новых рабочих мест и инноваций. Более 2,8 млрд евро направлено на обеспечение доступа инновационных фирм к финансированию рискованных исследовательских проектов и идей.

В рамках блока «Социальные вызовы» выделено 7 приоритетных направлений, инвестирование в исследование которых окажет заметный эффект на европейское общество: 1) здравоохранение, демографические изменение и благосостояние; 2) продовольственная

безопасность, устойчивое сельское и лесное хозяйство, морские и внутренние воды; 3) безопасная, чистая и эффективная энергетика; 4) экологически чистый умный транспорт; 5) охрана окружающей среды, борьба с изменением климата и ресурсосберегающие технологии; 6) инклюзивное, инновационное и ориентированное на будущее развитие общества.

По данным 2017 года, то есть за три года реализации «Горизонта-2020» 20,4 млрд евро – около 25% от общего бюджета программы – было направлено на 11 тысяч грантов. Основными бенефициарами являются высшие учебные заведения и исследовательские организации, на долю которых пришлось почти 65% финансирования, частный сектор получил 27,7%. На поддержку малых и средних предприятий было направлено почти 24% от общего финансирования развития промышленных технологий и социальных изменений. Порядка 75% финансовых ресурсов было направлено на совместные исследования и инновационную деятельность [Key Findingd, www].

Международное сотрудничество в сфере исследований и инноваций позволяет продвигать политику Евросоюза для достижения следующих целей:

- укрепление экономической и промышленной конкурентоспособности ЕС;
- борьба с глобальными социальными вызовами;
- поддержка внешней политики Европейского союза.

В связи с последним пунктом в европейской внешнеполитической деятельности появилось новое направление – «научная дипломатия», представляющая собой инструмент мягкой силы и механизм углубления отношений с ведущими странами и регионами посредством взаимодействия в научно-исследовательской и инновационно-технологической области. Эта стратегия, принятая в 2012 году, подчеркивает, что для расширения и международного сотрудничества Европейского союза необходим особый подход, который включал бы в себя глобальное измерение исследований и инноваций во всех их аспектах.

Концептуальная основа научной политики ЕС

«Горизонт-2020» основан на единстве трех концепций: «открытые инновации», «открытая наука» и «открытость миру». Концепция «открытые инновации» предполагает сочетание различных источников знаний в инновационной деятельности, привлечение ученых, предпринимателей, инвесторов, чиновников и гражданского общества. Основная посылка «открытых инноваций» заключается в понимании того, что знания сегодня пронизывают все сферы общественной жизни и ни одна организация не обладает монополией на перспективные идеи и нуждается во взаимодействии с другими участниками инновационного взаимодействия путем создания сетей и сообществ [What Is Open Innovation, www]. Развитию «открытых инноваций» способствуют два фактора. Во-первых, ввиду повышения мобильности высококвалифицированных кадров инновационные идеи и знания существуют вне исследовательских лабораторий компаний и при смене места работы исследователи приносят свои идеи в другие фирмы, создавая таким образом непрерывные потоки знаний. Во-вторых, значительный рост доступности венчурного капитала позволяет развивать многообещающие идеи и технологии вне фирм их зарождения в формате частного предпринимательства, спин-компаний посредством лицензионных соглашений [Open Innovation, www].

Концепция «открытой науки» направлена на трансформацию всей научной системы Европейского союза на основе информационно-коммуникационных технологий, научных сетей

и медийных средств в целях придания исследовательской деятельности большей транспарентности, открытости для всех участников, ее глобализации, расширения горизонтов сотрудничества и приближения ее к обществу. «Открытая наука» означает изменение парадигмы проведения исследований, распространения и использования их результатов с опорой на цифровые инструменты, сети и медийные технологии. В 2016 году в Европейском союзе было принято решение о запуске инициативы «Европейское облако открытой науки», которой предстоит объединить существующую инфраструктуру и максимально расширить для ученых доступ к научным данным в разных областях знаний. К 2020 году поставлена задача модернизировать основные инфраструктурные фонды, инвестировать в мощности для хранения больших баз данных и квантовые технологии, приобрести сверхмощные компьютеры нового поколения [Европейский союз..., [www](#)].

«Открытость миру» подразумевает развитие международного сотрудничества в научно-исследовательской области в целях производства нового знания и решения срочных международных проблем, будь то борьба с инфекционными заболеваниями или урегулирование миграционного кризиса. Устранение барьеров на пути глобального взаимодействия ученых и инноваторов, расширение горизонтов научной дипломатии, реализация совместных научно-исследовательских проектов позволяет эффективнее реагировать на глобальные вызовы и угрозы, а также создает для Европейского союза значительный потенциал для повышения своей роли в международных делах [Open to the world, [www](#)].

С политической точки зрения, особое внимание научно-технологической и инновационной деятельности стала уделять Еврокомиссии под председательством Ж.К. Юнкера с 2014 года, что было обусловлено необходимостью борьбы с посткризисными явлениями, обеспечивая устойчивый экономический рост и создавая новые рабочие места. Более того, была зафиксирована тенденция увеличения разрыва показателей ВВП на душу населения и роста ВВП между США и ЕС, обусловленная тем, что производительность труда в ЕС на 15% ниже, чем в Соединенных Штатах. Инвестирование в основные движущие силы инноваций, т. е. НИОКР, развитие человеческого капитала и ИКТ, является главным фактором становления экономики знаний. Вопрос управления человеческими ресурсами имеет важное значение для Европейского союза ввиду старения населения, притока неквалифицированной рабочей силы в лице мигрантов, что оказывает влияние на структуру трудового рынка. По уровню государственных инвестиций в высшее образование ЕС не отстает от США и даже опережает Южную Корею и Японию, однако уступает этим странам при учете частого инвестирования в высшее образование. Удельный вес европейского ИКТ-сектора не только меньше его американского и японского аналогов, но и его наукоемкость гораздо ниже. Это говорит о том, что ЕС – больше потребитель ИКТ-продукции, нежели ее производитель, что препятствует инновационной трансформации экономики [Science, research..., [www](#)]. Принятое Еврокомиссией и поддержанное Европейским парламентом и национальными государствами решение о наращивании научно-технического и инновационного потенциала ЕС в целях решения накопившихся экономических проблем, стимулирования глобальной конкурентоспособности ЕС и обеспечения долгосрочного устойчивого роста на основе экономики знаний.

Одним из механизмов реализации поставленных задач является активное использование относительно нового внешнеполитического вектора – научной дипломатии, которую подразделяют на три основных направления: 1) «дипломатия для науки» (меры, способствующие углублению и расширению международного научного сотрудничества); 2) «наука в дипломатии» (научная поддержка внешнеполитической деятельности); 3) «наука для

дипломатии» (использование науки в качестве инструмента укрепления отношений между государствами) [Langenhove, www].

На сегодняшний день принято выделять три кластера инструментов научной дипломатии:

- 1) стратегические (наднациональные и национальные программные и рамочные документы);
- 2) операционные (многосторонние и двусторонние соглашения о сотрудничестве, финансовые инструменты);
- 3) поддерживающие (личные контакты исследователей и взаимодействие между организациями).

Заключение

Для Европейского союза характерен широкий политический консенсус относительно необходимости развития науки и научно-исследовательского сотрудничества, ориентированного на решение задач инновационного развития, повышения качественных и количественных показателей экономического роста, а также укрепление глобальных позиций интеграционного объединения. Наличие этого консенсуса в значительной степени облегчает реализацию совместных программ, урегулирование возможных противоречий и имплементацию принимаемых на общеевропейском уровне решений в национальных государствах. В этом контексте научно-исследовательская деятельность, а также подготовка специалистов (высшее и послевузовское образование) должно рассматриваться в качестве одной из движущих и объединительных сил интеграционных процессов в Европейском союзе. Успехи общих инновационных проектов, взаимодействия исследовательских и образовательных структур, малого и среднего бизнеса стран-членов ЕС постепенно содействуют повышению благосостояния населения, что обеспечивает дополнительную общественную поддержку углублению интеграции как в научно-образовательной области, так и в смежных сферах, что, в свою очередь, свидетельствуют о негласной легитимизации соответствующих политических решений.

Библиография

1. Европейский союз запускает облако открытой науки для сбора данных в разных научных областях. URL: <http://www.h2020-infra.misis.ru/ru/novosti/507-evropejskij-soyuz-zapuskaet-oblako-otkrytoj-nauki-dlya-sbora-dannykh-v-raznykh-nauchnykh-oblastyakh>
2. 2016 Science, Technology and Innovation in Europe. URL: http://eeas.europa.eu/archives/delegations/south_korea/documents/news/2016/20160708-final_en.pdf
3. Horizon 2020 in brief. URL: https://ec.europa.eu/programmes/horizon2020/sites/horizon2020/files/H2020_inBrief_EN_FinalBAT.pdf
4. Horizon 2020: Structure and Budget. URL: http://ec.europa.eu/research/participants/docs/h2020-funding-guide/grants/applying-for-funding/find-a-call/h2020-structure-and-budget_en.htm
5. Key Findings from the Horizon 2020 interim evaluation. URL: https://ec.europa.eu/research/evaluations/pdf/brochure_interim_evaluation_horizon_2020_key_findings.pdf
6. Langenhove L.V. Tools for an EU Science Diplomacy. URL: https://www.ies.be/files/Tools%20for%20an%20EU%20Science%20Diplomacy_by%20LukVanLangenhove.pdf
7. Mission of ERC. URL: <https://erc.europa.eu/about-erc/mission>
8. Open Innovation. URL: <http://www.openinnovation.eu/open-innovation/>
9. Open Science. URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/open-science>
10. Open to the World. URL: <https://horizon-magazine.eu/key-themes/open-world>
11. Science, Research and Innovation performance of the EU. URL: https://www.ewi-vlaanderen.be/sites/default/files/science_research_and_innovations_performance_of_the_eu.pdf
12. What is Open Innovation? URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/what-open-innovation>

Scientific cooperation and innovation activity in the European Union

Veronika M. Fatykhova (Novikova)

Postgraduate,
Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
119454, 76, Vernadskogo st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: photii@yandex.ru

Abstract

The scientific research presented in this article discusses the structure, objectives and funding of the EU framework program called “Horizon 2020” which is focused on the development of research, innovation and scientific cooperation both within the European Union and with external partners. Science diplomacy is a relatively new dimension of the EU foreign policy. The conceptual dimension of “Horizon 2020” in the form of three ideas, which are “open science”, “open innovation” and “open to the world”, is aimed at inclusive development of science and higher education involving new participants, including business, educational and research organizations, financial structures and civil society in order to ensure the freedom of circulation of innovative ideas. The implementation of the framework program contributes to the EU wide political consensus that it is impossible to increase the EU global competitiveness without science and innovation. This consensus is aimed at increasing the knowledge-intensive component of production, labor productivity through the use of new technologies, qualitative and quantitative indicators of economic growth, and the general well-being of the population. In turn, the achievements of “Horizon-2020” over 5 years stimulate the further deepening of integration cooperation and the strengthening of public support for political decisions and initiatives, concludes the author of the paper.

For citation

Fatykhova (Novikova) V.M. (2018) Nauchno-tekhnicheskoe sotrudnichestvo i innovatsionnaya deyatel'nost' v Evropeiskom soyuze [Scientific cooperation and innovation activity in the European Union]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 7 (5A), pp. 81-87.

Keywords

Integration, EU, framework program, science, education, innovation, science diplomacy.

References

1. 2016 *Science, Technology and Innovation in Europe*. Available at: http://eeas.europa.eu/archives/delegations/south_korea/documents/news/2016/20160708-final_en.pdf [Accessed 10/10/2018]
2. *Evropeyskii soyuz zapuskayet oblako otkrytoi nauki dlya sbora dannykh v raznykh nauchnykh oblastiakh* [The European Union launches an open science cloud to collect data in various scientific fields]. Available at: <http://www.h2020-infra.misis.ru/ru/novosti/507-evropejskij-soyuz-zapuskaet-oblako-otkrytoj-nauki-dlya-sbora-dannykh-v-raznykh-nauchnykh-oblastyakh> [Accessed 10/10/2018]
3. *Horizon 2020 in brief*. Available at: https://ec.europa.eu/programmes/horizon2020/sites/horizon2020/files/H2020_inBrief_EN_FinalBAT.pdf [Accessed 10/10/2018]

4. *Horizon 2020: Structure and Budget*. Available at: http://ec.europa.eu/research/participants/docs/h2020-funding-guide/grants/applying-for-funding/find-a-call/h2020-structure-and-budget_en.htm [Accessed 10/10/2018]
5. *Key Findings from the Horizon 2020 interim evaluation*. Available at: https://ec.europa.eu/research/evaluations/pdf/brochure_interim_evaluation_horizon_2020_key_findings.pdf [Accessed 10/10/2018]
6. Langenhove L.V. *Tools for an EU Science Diplomacy*. Available at: https://www.ies.be/files/Tools%20for%20an%20EU%20Science%20Diplomacy_by%20LukVanLangenhove.pdf [Accessed 10/10/2018]
7. *Mission of ERC*. Available at: <https://erc.europa.eu/about-erc/mission> [Accessed 10/10/2018]
8. *Open Innovation*. Available at: <http://www.openinnovation.eu/open-innovation/> [Accessed 10/10/2018]
9. *Open Science*. Available at: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/open-science> [Accessed 10/10/2018]
10. *Open to the World*. Available at: <https://horizon-magazine.eu/key-themes/open-world> [Accessed 10/10/2018]
11. *Science, Research and Innovation performance of the EU*. Available at: https://www.ewi-vlaanderen.be/sites/default/files/science_research_and_innovations_performance_of_the_eu.pdf [Accessed 10/10/2018]
12. *What is Open Innovation?* Available at: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/what-open-innovation> [Accessed 10/10/2018]

УДК 32

Кибертерроризм как актуальная проблема современного мирового порядка

Пинчук Андрей Юрьевич

Кандидат политических наук,
Первый проректор,
Московский государственный технологический университет «СТАНКИН»,
127994, Российская Федерация, Москва, Вадковский переулок, 1;
e-mail: a.pinchuk@stankin.ru

Аннотация

В настоящей статье автором рассмотрены основные особенности такого явления современного мира как кибертерроризм. Отмечено, что кибератаки становятся все более привлекательным способом для террористов в связи с тем, что для их реализации требуется меньшее количество людей и значительно меньшие средства. Сделан вывод, что кибертерроризм можно считать преднамеренным использованием подрывной деятельности или угрозы таковой в отношении компьютеров и/или сетей с намерением причинить вред или достигнуть иных социальных, идеологических, религиозных, политических или аналогичных целей с запугиванием определенных граждан или иных лиц в интересах достижения подобных целей. Кибертерроризм можно считать преднамеренным использованием подрывной деятельности или угрозы таковой в отношении компьютеров и/или сетей с намерением причинить вред или достигнуть иных социальных, идеологических, религиозных, политических или аналогичных целей с запугиванием определенных граждан или иных лиц в интересах достижения подобных целей. При этом все же необходимо осознавать, что кибертерроризм это совсем не единственный фактор, угрожающий инфраструктуре современной цивилизации, но он может становиться существенным элементом комплексных деструктивных процессов.

Для цитирования в научных исследованиях

Пинчук А.Ю. Кибертерроризм как актуальная проблема современного мирового порядка // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Том 7. № 5А. С. 88-95.

Ключевые слова

Кибертерроризм, киберсреда, кибератака, терроризм, террористический акт, противодействие кибертерроризму, кибербезопасность.

Введение

Понятие «кибертерроризм» приобрело свою ясность в конце XX века. По своей сути оно означает использование киберпространства и его инструментов в террористических целях, в основном в политических или идеологических целях. Кибертерроризм сам по себе является наиболее важным фактором в деле изменения облика современного терроризма. Это происходит в точке пересечения двух разных миров – физического и виртуального. И что важно, все находится в конвергенции этих двух измерений. В век увеличения онлайн-атак и террористической активности, страх перед кибертерроризмом имеет возрастающую тенденцию. Данный термин был введен в 1980-х Барри Коллином, который указал, что как физический, так и виртуальный мир начали сливаться и трансформироваться в некоторую особую форму терроризма. Термин распространился быстро и с этого момента стал использоваться правоохранительными органами, учеными и средствами массовой информации. Серьезную опасность кибертерроризма во многом обусловлена не восприятием национальных границ при осуществлении таких террористических акций, которые могут быть осуществлены из любой точки мира. При этом террористы могут действовать как против гражданских, так и против военных объектов.

В этой связи необходимо выделить критерии кибертерроризма. Это, во-первых среда и технологии, он должен осуществляться через киберпространство; во-вторых, он должен быть неизбежно политическим или идеологическим по целям и мотивам; в-третьих, он должен быть насильственным или угрожать насилием; в-четвертых, он должен иметь далеко идущие психологические последствия, выходящие за рамки непосредственной жертвы или цели; в-пятых, он должен проводиться либо силами организации с конкретными задачами или конспиративными ячейками или отдельными представителями террористического движения; и, наконец, он должен быть совершен субнациональными группами или негосударственными образованиями.

Основная часть

Основная сфера применения кибертерроризма включает большие промышленные системы, такие как электростанции, водяные плотины или заводы, где почти все контролируется кибернетическими технологиями, которые выступают как наиболее эффективный и действенный инструмент [Brennan, 2012, 2-3]. Эти большие системы не только там, где виртуальный мир управления встречается с физической реальностью, но и там, где может возникнуть единая «точка отказа» и, таким образом, повлиять на повседневную жизнь тысяч людей. Необходимо признать, что кибернетические технологии в значительной степени оказали влияние на организацию и деятельность террористических групп. Данные технологии позволили ускорить переход от иерархической к децентрализованной сетевой структуре, что обеспечило повышение эффективности террористической деятельности.

К основным задачам терроризма в киберпространстве следует отнести попытки воспрепятствования или разрушения процесса функционирования компьютерных систем или сетей информационной инфраструктуры государства или органов управления. Подобные преступные действия в отношении критически важных объектов информационной инфраструктуры представляют собой значительную угрозу, которая может иметь самые серьезные последствия для всего общества.

В этой связи необходимо определить, почему использование киберпространства так привлекательно для террористов и какие способы и методы атак они могут применить. Прежде всего, для большей ясности в вопросе об угрозах национальной безопасности государств, исходящих из киберпространства, формах и способах противоборства в нем необходимо сформулировать определение собственно киберпространства (cyberspace). Террористическое киберпространство включает в себя использование информационно-коммуникационных технологий, которые разработаны или предназначены для уничтожения или серьезного нарушения ключевых объектов инфраструктуры или важной информации [Schjolberg, 2011, 49].

Категорией киберпреступности и криминального злоупотребления возможностями информационно-коммуникационных технологий в киберпространстве являются террористические атаки. Для описания этого явления часто используется термин «кибертерроризм», но при его использовании важно понимать, что это не совсем новая категория преступлений. Кибертерроризм предназначен для запугивания или принуждения правительства, народа к определенным политическим или социальным действиям. Согласно этой логике, атака должна приводить к насилию в отношении лиц или имущества, или, по меньшей мере, наносить серьезный ущерб.

Следует указать и на то, что основная цель кибертеррориста не обязательно состоит в уничтожении, дезинтеграции или дезинформации объектов в киберпространстве. Приоритетной задачей может быть использование Всемирной сети для «усиления» воздействий некоторых других физических угроз или актов терроризма. Эта деятельность включает, например, мероприятия по сбору разведывательной информации, поддержанию связи, координации материально-технического обеспечения и управлению общественным мнением, т.е. подаче информации, выгодной с точки зрения террористов. При этом уровень технических возможностей может в итоге стать решающим фактором при выборе террористической организацией киберпространства как оперативной сферы своей деятельности [Gordon, 2003, 8].

Исходя из этого, следует констатировать развитие тенденций к росту технологической подготовленности террористических групп, активной интеграции кибернетических технологий в инфраструктуру террористов, а также активное применение кибертехнологий как в целях защиты, так и террористического нападения. Также следует учитывать, что не во всех случаях использование киберпространства остается полностью анонимным, ведь активное наращивание сил государственных контртеррористических структур, повышение уровня их технического оснащения, совершенствование оперативных методов деятельности может привести к отслеживанию инициаторов кибератаки.

Учитывая эти факторы, кибертеррористы должны оценить, является ли вероятность раскрытия их оперативной базы менее ценной потерей, чем результат их кибероперации. И, наконец, киберпространство относится к непредсказуемой сфере и достижение целей кибератаки не всегда гарантировано, поэтому террористы могут просто не пойти на выделение ресурсов на применение непроверенного метода. Тем не менее, отталкиваясь от методологии проведения атак, все-таки следует отнести кибертерроризм к операциям с не самыми высокими затратами. Если коротко, то большинство побудительных мотивов к проведению кибертеррористических атак весьма сходны, если вообще не одинаковы, а это переводит кибероперации в разряд очень привлекательных форм информационного противоборства. Исходя из этого, кибератаки становятся все более привлекательным способом для террористов в связи с тем, что для их реализации требуется меньшее количество людей и значительно меньшие средства [Thomas, 2005]. Если нападение считается организованной кучкой хакеров,

политически или финансово мотивированный, тогда оно может быть оценено атакуемым государством для того, чтобы определить соответствующее ответ в пределах своей компетенции. Однако транснациональный характер большинства преступных организаций в киберпространстве могут осложняться вопросом о подсудности.

Определенным шагом вперед в этой сфере стала Конвенция Совета Европы о киберпреступности, которая явилась первым международным договором, предпринявшим попытку гармонизировать законы разных стран относительно того, что представляет собой преступная деятельность в киберпространстве. Этот договор о правоприменении, также известный как Будапештская Конвенция, требует, чтобы подписавшие его стороны приняли уголовное законодательство против определенных видов деятельности в киберпространстве для расширения возможностей правоохранительных органов по расследованию такой деятельности и сотрудничеству с другими подписавшими сторонами. Хотя данная Конвенция представляется в качестве наиболее существенного международного соглашения, касающегося кибербезопасности, некоторые наблюдатели считают ее неудачной. Критики предупреждают, что Конвенция ограничена с точки зрения правоприменения и юрисдикция в странах, где преступники действуют свободно. Также следует указать и о существовании ряда резолюций Генеральной Ассамблеи ООН, касающихся кибербезопасности, принятых за последние 15 лет.

Методы кибертерроризма становятся яснее, когда человечество станет понимать общие аспекты поведения кибертеррористов. Существует три основных направления для того, чтобы физические системы могли управляться чем-то виртуальным. Первый это доступ, создание универсального интерфейса с высоким уровнем доступа к данным и информации. Второй – управление, предоставляющее (и не только) администраторам инструменты для удаленного управления системами. И последнее, но не менее важное, это интеллектуальный анализ данных, что означает получение знаний из сети. Исходя из этого, кибертеррористы обычно ищут потенциал уязвимостей для использования разрушительных действий в критической инфраструктуре.

Террористы используют киберпространство, чтобы вызвать неопределенность и смуту. Они для борьбы с государственными органами используют все имеющиеся у них средства для достижения поставленных целей. В частности, кибертеррористы в 1998 г. атаковали сайт индийской компании «Bhabha Atomic Research Center» и украли электронную переписку. Три анонимных террориста через интернет-интервью заявили, что тем самым протестуют против недавних ядерных взрывов в Индии. 9 июля 1997 года лидер китайской хакерской группы заявил, что временно блокировали китайский спутник и объявили, что хакеры создали новую глобальную организацию, протестующую и стремящуюся предотвратить инвестиции западных стран в Китай.

В сентябре 1998 года, накануне парламентских выборов в Швеции, произошло нападение кибердиверсантов на вебсайт правой политической партии Швеции и создана ссылка на вебсайт с порнографическим содержанием. В том же месяце, диверсанты атаковали сайт правительства Мексики в знак протеста против коррупции и цензуры. В августе 2012 г. серия кибератак была направлена против Saudi Aramco, крупнейшей в мире нефтегазовой компании - производителя. Атаки затронули 30 000 компьютеров, и код, по-видимому, был разработан для нарушения или остановки добычи нефти. В свою очередь кибератаки на компанию «Sony Entertainment» иллюстрируют трудности в классификации атак и разработке политики реагирования. 24 ноября 2014 г. Sony пережила кибератаку, в ходе которой были отключены информационно-технологические системы, уничтожены данные и рабочие станции, вскрыта внутренняя

электронная переписка и похищены другие материалы.

По своей сути кибертерроризм существует только в киберпространстве, следовательно, его непосредственные эффекты ограничиваются данной средой. Тем не менее, это не означает, что кибертерроризм не в состоянии воздействовать на физический, материальный мир. Следует отметить, что наступательные операции в киберпространстве с применением кибероружия, а следовательно, и кибертерроризм могут привести к кинетическим эффектам. При этом считается, что наиболее эффективным использованием кибертерроризма – это когда он используется в сочетании с физическим терроризмом

Преступники и террористы в значительной степени полагаются на кибер-технологии для поддержки организационного целеполагания. Например, транснациональные террористические организации, повстанцы и джихадисты использовали Интернет как инструмент планирования атак, радикализации и вербовки, как метод пропаганды распространение своей идеологии, средство связи и в разрушительных целях.

Мотивация потенциального кибертеррориста считается очень важным аспектом, который в целом определяет уровень опасности, которую он способен генерировать. Можно выделить, в основном, два типа целей, которых хочет достичь кибертеррорист. Он либо преследует конкретную цель, например пропаганду политической идеологии или зарабатывание денег, либо преследует цель получения удовольствия и энтузиазма, вызванных потенциальным успехом. Второй случай считается очень опасным, так как будущие действия трудно предсказать, и, таким образом, очень трудно будет выполнить поиск наиболее слабого звена цепи и уязвимых мест в системе кибербезопасности.

Одним из важных факторов также является внутренний мир хакера, который обычно чувствует себя невиновным в подобного рода действиях, которые он выполняет, считая, что он делает праведную вещь. Многие террористические организации используют Интернет для массового «охвата» своей аудитории без необходимости использовать другие средства массовой информации, такие как радио, телевидение или проведение различных пресс-конференций. Их вебстраницы не отображают информацию, связанную с насильственной деятельностью, но, как правило, утверждают, что не осталось другого выбора, кроме как прибегнуть к насилию. Выраженное в таком виде публичное выступление является очень простым способом привлечь сторонников и членов в свои организации.

В этой связи кибербезопасность имеет большое значение для многих организаций, в том числе и направленная против террористов. Причина этого в первую очередь заключается в их вредоносной деятельности, поэтому очевидно, что террористы столкнутся с хорошо оснащенными правительственными силами безопасности, что позволяет этим силам легко раскрыть свои намерения посредством перехвата сообщений с помощью сложного оборудования для мониторинга. Эта проблема хорошо известна террористическим организациям и является причиной их повышенного внимания к аспектам безопасности при передаче скрытой информации. Наличие в «Аль-Каиде» учебного пособия, посвященного этому вопросу, является лишь одним из многих доказательств приверженности террористических организаций обеспечению безопасности внутренних коммуникаций. Кроме пропаганды на вебсайтах террористических организаций часто можно найти материалы и инструкции о том, как сделать взрывчатые вещества и химическое оружие. Это позволяет им идентифицировать наиболее приближенных к их идеям пользователей, позволяя развить симпатию к их делу, что является достаточно эффективным методом вербовки.

Следовательно, в настоящее время, когда речь идет об угрозе кибертерроризма, наиболее

точным было бы назвать его злонамеренным использованием интернета террористами. Так, Управление ООН по наркотикам и преступности делит кибертерроризм на шесть основных областей, а именно пропаганда, финансирование, подготовка, планирование, осуществление и кибератаки:

а. Пропаганда: онлайн-платформы резко увеличили свой потенциал для публичных заявлений террористических групп, распространения ими своих идей любыми виртуальными средствами (видео, аудио сообщения, чаты, социальные сети и т. д.). Под этим понимается также деятельность по подстрекательству, вербовке и радикализации новых филиалов.

б. Финансирование: поиск финансовых ресурсов осуществляться через несколько каналов. К ним относятся прямой подход, электронная коммерция, онлайн-платежные системы и использование очевидно, законных организаций. Возможность иметь сайты, посвященные этой деятельности, помогает террористам более эффективно осуществлять денежные транзакции.

с. Подготовка: со временем террористические группы разработали несколько способов подготовки новобранцев через интернет. Это включает в себя обмен материалами о том, как производить оружие и способы проведения атаки. Онлайн-платформы, посвященные тренировкам, могут форсировать достижение необходимого уровня новобранцами.

д. Планирование: интернет-ресурсы также облегчили планирование атаки. Сбор разведанных по заданной цели сегодня проще благодаря огромному количеству открытой исходной информации, которая доступна, от социальных сетей до географических информационных программ.

е. Выполнение: все вышеперечисленное может способствовать окончательному выполнению атаки, с дополнительным преимуществом в том, что стороны, участвующие в подготовке акта, но их достаточно сложно задержать, если они использовали правильные меры предосторожности при обмене информацией или проведении фоновых исследований.

ф. Кибератаки: они также упоминаются УНП ООН, хотя они рассматриваются как тема для будущих исследований, а не для непосредственного обсуждения. Этот раздел направлен на определение кибертерроризма.

Тем не менее, было бы неразумно исключать развитие новых методик, в том числе не только компьютерных, от талибов, так как они, возможно, захотят активизировать свою деятельность, чтобы не потерять почву для ИГ (запрещенная в РФ организация). Действительно, не секрет, что ИГ (запрещенная в РФ организация) также стремится развивать свою деятельность в киберпространстве. Они называют себя «кибер-халифат» через сообщения и видео-СМИ, связанных с группировкой. Более того, им удалось осуществить серию кибератак, исключительно компьютерных, которые в одном случае даже привели к раскрытию частной информации о государственных служащих США. Такое сильное присутствие в различных слоях киберпространства также помогла привлечь внимание хакеров-единомышленников. Для выполнения атаки злоумышленник не должен фактически присутствовать на месте причиненного ущерба, и не должен иметь слишком много человеческих ресурсов. Поэтому реальная опасность заключается в превращении терроризма в кибертерроризм.

Заключение

Терроризм был привилегией больших политических движений с большими финансовыми донорами, в то время как кибертеррорист может быть единственным человеком, сидящим в комфортных условиях своего дома. Таким образом, кибертерроризм можно считать преднамеренным использованием подрывной деятельности или угрозы таковой в отношении

компьютеров и/или сетей с намерением причинить вред или достигнуть иных социальных, идеологических, религиозных, политических или аналогичных целей с запугиванием определенных граждан или иных лиц в интересах достижения подобных целей. При этом все же необходимо осознавать, что кибертерроризм это совсем не единственный фактор, угрожающий инфраструктуре современной цивилизации, но он может становиться существенным элементом комплексных деструктивных процессов.

Библиография

1. Конвенция о компьютерных преступлениях (Будапешт, 23 ноября 2001 года).
2. Brennan J.W. United States Counter Terrorism Cyber Law and Policy, Enabling or Disabling? U.S. Army War College, 2012.
3. Gordon S. Cyberterrorism? Symantic Security Response. White Paper, 2003.
4. Schjolberg S., Ghernaouti-Helie S. A Global Treaty on Cybersecurity and Cybercrime. 2011.
5. Thomas T.L. Cyber Silhouettes: Shadows over Information Operations. Foreign Military Studies Office, Fort Leavenworth, KS, 2005.

Cyberterrorism as an actual problem of modern world order

Andrei Yu. Pinchuk

PhD in Political Science, First Pro-Rector,
Moscow State University of Technology "STANKIN",
127994, 1, Vadkovskii lane, Moscow, Russian Federation;
e-mail: a.pinchuk@stankin.ru

Abstract

Cyberterrorism itself is the most important factor in changing the face of modern terrorism. This happens at the intersection of two different worlds, the physical and the virtual. In this article, the author discusses the main features of such a phenomenon of the modern world as cyberterrorism. It was noted that cyber-attacks are becoming an increasingly attractive way for terrorists due to the fact that they require fewer people and significantly less money. It is concluded that cyber-terrorism can be considered deliberate use of subversive activities or threats against computers and / or networks with the intent to cause harm or achieve other social, ideological, religious, political or similar goals with intimidation of certain citizens or other persons in order to achieve such goals. Cyberterrorism can be considered the deliberate use of subversion or the threat of such against computers and / or networks with the intent to cause harm or achieve other social, ideological, religious, political or similar goals with intimidation of certain citizens or other persons in order to achieve such goals. At the same time, it is still necessary to realize that cyber-terrorism is not the only factor threatening the infrastructure of modern civilization, but it can become essential elements of complex destructive processes.

For citation

Pinchuk A.Yu. (2018) Kiberterrorizm kak aktual'naya problema sovremennogo mirovogo poriadka [Cyberterrorism as an actual problem of modern world order]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 7 (5A), pp. 88-95.

Keywords

Cyberterrorism, cybercrime, cyber-attack, terrorism, terrorist act, counter-cyberterrorism, cybersecurity.

References

1. Brennan J.W. (2012) United States Counter Terrorism Cyber Law & Enabling or Disabling? U.S. Army War College.
2. (2001) Convention on computer crimes. Budapest.
3. Gordon S. (2003) Cyberterrorism? Symantic Security Response. White Paper.
4. Schjolberg S., Ghernaoui-Helie S. (2011) A Global Treaty on Cybersecurity and Cybercrime.
5. Thomas T.L. (2005) Cyber Silhouettes: Shadows over Information Operations. Foreign Military Studies Office, Fort Leavenworth, KS.

УДК 32

Базовые приемы в информационных войнах (Ближний Восток и Сирия)**Спицын Павел Александрович**

Магистрант,

Военный учебно-научный центр Военно-Морского Флота,

Военно-морская академия (филиал в г. Калининград),

197045, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Ушаковская набережная, 17/1;

e-mail: spitsynpa@ya.ru

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению базовых приемов проведения информационных войн на примере Ближнего Востока и Сирии. Подробно рассмотрено содержание информационной войны, выделены ее особенности в рамках современного информационного общества. Также отдельное внимание уделено принципам и способам проведения информационно-психологической агрессии. На конкретных примерах рассмотрены информационные атаки в онлайн сетях. Так, проанализированы сообщения в социальных медиа после проведения Россией антитеррористической операции, сопоставлены сообщения Министерства обороны РФ с заявлениями Западных СМИ и сирийской оппозиции. Полученные результаты позволили выявить ложные и сфальсифицированные сообщения о жертвах со стороны мирного населения. Отдельное внимание уделено средствам защиты от информационной атаки, наиболее действенными из которых является работа на опережение и оперативное реагирование, позволяющие создать мощный ментальный барьер в сознании тех, кто должен стать целью такой атаки. Помимо этого, рассмотрены особенности использования дезинформации, запугивания, насмешек, вклинивания, фальсификации. Более наглядно эффекты использования указанных инструментов продемонстрированы в статье на примере организации «Белые каски», которая была признана нейтральной, а ее участники беспартийными, гражданскими волонтерами, хотя по факту она представляет собой «теневую PR-фирму» США и Великобритании. Отдельно в статье раскрыто содержание приемов и средств маскировки и демаскировки в информационных противостояниях. Вместе с тем автор сосредоточился также на таргетированной рекламе в социальных сетях, которая оказывает негативное влияние на психологическое состояние военнослужащих.

Для цитирования в научных исследованиях

Спицын П.А. Базовые приемы в информационных войнах (Ближний Восток и Сирия) // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Том 7. № 5А. С. 96-103.

Ключевые слова

Сирия, информационная война, социальные сети, аккаунты, США, Великобритания, Россия, война, конфликт, боты.

Введение

Начало III тысячелетия обозначилось событиями, которые существенно повлияли на глобальную геополитическую картину мира. Эти события кардинально изменили тот стратегический баланс, который сложился на протяжении последних 50 лет, и теперь активно способствуют возникновению новых вызовов и угроз человечеству [Бураева, 2018]. На данный момент ситуация характеризуется активизацией межгосударственных и внутригосударственных военно-политических конфликтов, к участию в которых привлечено значительное количество стран мира.

Большинство указанных конфликтов (войн) получили названия «асимметричных», «неконвенционных», «нетрадиционных», особенно часто используется в настоящее время термин – «гибридные» [Черных, Зуева, 2018].

Разнообразие форм и методов ведения современных военно-политических конфликтов, постепенное стирание четкой границы между локальным военно-политическим противостоянием и «большой» войной поставили проблему нового понимания и трактовки военно-политического конфликта гибридного характера, который происходит в современном, динамичном информационном обществе.

Информационное общество определяет военную конкурентоспособность государства ее возможностями работать с информацией, а именно: обрабатывать и адаптировать к военным потребностям информационные потоки, которые влияют на будущий ход боевых действий [Kozman, 2018]. Опыт последних вооруженных конфликтов демонстрирует, что одними из важнейших механизмов ведения войны становятся не только изменения в военном деле, но и информационная революция, которая находится на стадии формирования. Начало первых попыток ведения информационной борьбы в оперативном масштабе приходится на 1991 год в период военных противостояний в зоне Персидского залива. Успех применения информационного оружия не только позволил США осознать исключительную роль информационной борьбы, но и показал пример другим государствам, как ее использовать и вести.

Сейчас образцом масштабного гибридного противостояния является война на Ближнем Востоке, в том числе в Сирии, которая кроме политического, идеологического, этнического все более приобретает формат информационного конфликта.

Информационная война имеет целью ослабить моральные силы противника, используя при этом управление информацией. Такая война не приводит непосредственно к жертвам, разрушениям. Она позволяет получить преимущества над неприятелем, разрушая общественную психологию и психологию личности, что равноценно реальному кровопролитию [Болотов, 2017].

Итак, учитывая указанное, информационная экспансия в Сирии и высокая вероятность ее вовлечения в будущие информационные войны, диктует необходимость изучения этой проблемы и выработки принципов информационной борьбы, которые должны стать фундаментом формирования и реализации политики обеспечения национальных интересов на информационном уровне, а также способствовать созданию национальной системы информационной безопасности страны в целом.

Анализ имеющихся публикаций свидетельствует о том, что, несмотря на широкие исследования информационно-психологического обеспечения боевых действий в локальных войнах и вооруженных конфликтах второй половины XX - начала XXI в. с участием США, авторы В.М. Вилковой, А.Я. Маначинский, А.М. Кузьменко, Я. Жарков, А.В. Шумка и другие

проводили исследования, преимущественно военных действий. Из числа отечественных исследователей, которые уделяют внимание информационным и гибридным войнам, можно отметить: П. Жаркова, Р. Калюжного, Е. Магду, Г. Почепцова и др.

Вместе с тем, следует отметить, что, несмотря на объективно существующие процессы и большое количество научных работ, в политической науке до сих пор продолжаются дискуссии относительно трактовки дефиниции «информационная война». Кроме того, в настоящий момент все еще недостаточно сформированы научные и методологические обоснования и объяснения, касающиеся действий во время информационной войны. Помимо этого, государственные органы власти, гражданское общество, экспертная и научная среда, журналисты демонстрируют слабую скоординированность в противодействии таким кампаниям.

Итак, с учетом вышеизложенного, цель статьи заключается в исследовании ключевых приемов информационной войны, которые использовались во время войны в Сирии.

Сегодня под информационной войной чаще всего понимают действия, используемые для достижения информационного превосходства в обеспечении национальной военной стратегии путем воздействия на информацию и информационные системы противника с одновременным укреплением и защитой собственной информации и информационных систем [Озмаян, 2018]. Учитывая, что целью информационной войны является воздействие на системы знаний и представлений противника, информационные войны по своей сути – это войны психологические. И хотя современные политики пытаются доказать, что информационно-психологическая война – это порождение современного информационного общества, основные принципы ее ведения были сформулированы еще в VI в. до н.э. китайским философом и военным деятелем Сунь Цзы [Карпович, 2017]. За более чем 2,5 тыс. лет, прошедшие с тех пор мало что изменилось как в принципах, так и в способах проведения информационно-психологической агрессии.

Очевидно, что методов и инструментов ведения информационной войны в наше время разработано очень много и в рамках данной статьи не представляется целесообразным рассмотреть каждый из них. Поэтому сосредоточимся лишь на некоторых наиболее популярных и распространенных.

Информационные атаки в онлайн-сетях

Глобализация медиа процессов превращает отдельные информационно-психологические акции на события планетарного масштаба. Так, например, после того, как Россия начала антитеррористическую кампанию в Сирии, прошло очень немного времени, когда социальные медиа были залиты «свидетельствами» жертв среди гражданского населения. Заявления были тут же воспроизведены основными СМИ. Министерство обороны РФ сообщило, что оно осуществило 20 вылетов в первый день сирийской операции и подорвало восемь мишеней в Сирии, в том числе склады оружия и топлива, а также командные центры Исламского Государства. Все цели были далеко от городских районов, что особенно подчеркнуло министерство.

Практически одновременно в социальных сетях появились сообщения о том, что Россия не атакует террористов. Вместо этого, сообщалось, что российские военные самолеты напали на жилые районы, в результате чего были убиты десятки мирных жителей. Другие источники информировали о том, что целями в боевых действиях был не ИГИЛ, а по факту нападение происходило на позиции, которые были созданы «умеренными повстанцами».

Эти сведения очень хорошо вписывались в известный всем «рассказ о РФ - убийце» для западного сообщества, чтобы СМИ не обратили внимание на них.

Отчеты о жертвах среди гражданского населения, вызванных Россией в Сирии, предоставляются преимущественно сирийскими оппозиционными силами, которые обвиняют Россию в помощи президенту Б. Асаду. Некоторые фотографии, свидетельствующие о «убийствах России», были легко впоследствии опровергнуты (см. рис. 1).

Рисунок 1 – Фрагмент сообщения в социальных сетях о результатах военных операций России в Сирии

Представленная на рис. 1 фотография сирийского спасателя, несущего ребенка – следствие «русской забастовки в Хомсе», в результате которой погибли 33 гражданских лица, в том числе трое детей, впервые появилась 25 сентября, почти за неделю до начала воздушных ударов.

Учитывая указанные выше обстоятельства, против информационной атаки лучше всего действовать или на опережение, путем оперативного реагирования, или создав мощный ментальный барьер в сознании тех, кто должен стать целью такой атаки. Во всех случаях основной формат действий - развенчание ложной информации [Кобелева, 2016]. Таким образом, потенциальные получатели опасной информации – представители конкретной целевой группы или нескольких групп, будут готовы к приему уведомления и уже воспримут его критически.

Дезинформация, запугивание, схематизм, насмешки, вклинивание, фальсификации

С целью введения в заблуждение противника или целевых групп, которые определены в качестве мишени для атаки, применяется дезинформация – предоставление ложной информации [Galvan-Alvarez, 2018]. Для отвлечения внимания от реальных целей и намерений противника и представителей целевых групп-мишеней чаще всего используется запугивание - трансляция информации, имеющей целью нарушить равновесие и сформировать тревожные или панические настроения [Powers, 2015].

Рассмотрим более подробно, как указанный инструмент применялся во время конфликта в Сирии.

Бывший госсекретарь Х. Клинтон в своей книге «Жестокий выбор» написала, что США оказывают «поддержку (сирийским) гражданским оппозиционным группам, включая компьютеры, телефоны, камеры, связанные со спутниками, а также проводят обучение для более чем тысячи активистов, студентов и независимых журналистов» [Murrell, 2018]. В рамках этой поддержки огромное количество денег пошло на группы «активистов» и «гражданское общество» в Сирии, а также в США и на Западе. Эти группы формировали и манипулировали общественным мнением. Факт, что они являются получателями или подрядчиками одного или нескольких правительств, непосредственно задействованных в попытке свержения сирийского правительства, вообще был проигнорирован или скрыт.

В Северной Америке представители сирийских «местных координационных комитетов» (LCC) часто посещали популярные медиа-площадки, такие как Democracy Now. Послание было ясным: в Сирии происходит «революция» против «жестоккого режима», персонифицированного в Башар аль Асаде. Не было упомянуто, что «Местные координационные комитеты» финансируются Западом, в частности Управлением поддержки сирийской оппозиции, которое было основано Госдепартаментом США и Управлением иностранных дел и стран Содружества Великобритании [Rohde et al, 2016].

С недавнего времени новости о конфликте в Сирии начали передаваться через «Белые каски», также известные как Сирийская гражданская оборона. «Белые каски» были признаны нейтральными, беспартийными, гражданскими волонтерами, которые мужественно выполняли спасательные работы в зоне конфликта. Фактически эта группа ничем из вышеперечисленного не была. На самом деле ее инициировали США и Великобритания, используя британского военного подрядчика и маркетинговую компанию в Бруклине [Kozman, 2018]. Хотя «Белые каски», возможно, провели несколько настоящих операций по спасению, они, прежде всего, являются медиа-организацией, созданной в политических целях, а именно: способствовать вмешательству НАТО в Сирию. Однако неоднократно было зафиксировано манипулирование общественным мнением с помощью «Белых касок». Другими словами, организация «Белые каски» все больше разоблачается как «теневая PR-фирма» [Harvey, 2015]. При этом, они продолжают использоваться как источник важных новостей, несмотря на значительный послужной список обмана (см. рис. 2).

Рисунок 2 – Искажение новостей с использованием «Белых касок»

Приемы и средства маскировки и демаскировки в информационных противостояниях

Ярким примером применения такого инструмента является функционирование так называемых ботов и троллей – фейковых аккаунтов, которые применяются в качестве атакующих единиц в классической войне формата web 2.0 и 3.0 [Van Dam, 2017]. В целом известно негативное отношение интернет-сообщества к таким субъектам. Идентификация в качестве тролля автоматически вызывает недоверие к транслируемой информации, делает бесполезными все усилия и даже может помочь понять планы противника [War in Syria, 2017].

Таргетированная реклама в социальных онлайн-сетях

Так, например, американские подразделения специальных операций применяли гиперлокальный таргетинг, что позволяло определенным образом влиять на психологическое состояние российских военнослужащих, особенно в критических моментах, когда доступ к объективной информации был ограничен. В частности, подавалась информация, побуждавшая к паническим настроениям и капитуляции.

Заключение

Таким образом, подводя итоги, можно отметить следующее. Информация сегодня является средством ведения информационных войн и эффективным инструментом достижения общественно-политических целей государства. Проблемы информационного противодействия на Ближнем Востоке в целом и в Сирии в частности в настоящее время чрезвычайно обострились. Момент начала информационной войны вряд ли можно установить, так же, как и момент ее завершения. Она может принимать различные формы и протекать с разной интенсивностью, следовательно, может иметь переменный масштаб и последствия. В процессе исследования на примере войны в Сирии рассмотрены различные инструменты ведения информационной войны. Проведенный анализ последствий информационных атак, позволяет констатировать, что Сирия, по сути, теряет контроль над собственным информационным суверенитетом, а ее информационное пространство незащищено от воздействия информационных потоков сопредельных государств, со всеми вытекающими из этого последствиями.

Учитывая указанное, а также принимая во внимание тот факт, что сложившиеся обстоятельства в сфере информационной безопасности в связи с конфликтами на Ближнем Востоке, в том числе в Сирии, стали не вызовами и угрозами, а реальностью, чрезвычайно актуальными становятся научно практические исследования по разработке новых тактик, стратегий, доктрин государственного управления в области защиты информационного пространства государства.

Библиография

1. Болотов Н.Н. Россия и запад: на фронтах информационной войны вокруг событий в Сирии // Информационные войны. 2017. №3. С. 36-42.
2. Бураева Л.А. Информационное противостояние как способ ведения информационных войн // Пробелы в российском законодательстве. 2018. №3. С. 59-60.

3. Карпович О.Г. Практика проведения США операций информационной войны в сфере внешней политики // Национальная безопасность. 2017. №1. С. 112-126.
4. Кобелева Е.С. Информационные войны США с исламскими странами // Социология. 2016. №3. С. 94-103.
5. Озмаян М.С. СМИ как инструмент государственной информационной политики России в контексте сирийского кризиса // Вестник Российской нации. 2018. №2(60). С. 200-209.
6. Черных С.Н., Зуева Н.А. Информационная война: от прошлого к настоящему // Научное мнение. 2018. № 3. С. 47-53.
7. Galvan-Alvarez E. Performing sovereignty: war documentaries and documentary wars in Syria // European journal of English studies. 2018. №2. P. 204-216.
8. Harvey F.P. Fighting for Credibility: US Reputation Building in Asymmetric Conflicts from the Gulf War to Syria // Canadian journal of political science. 2015. Volume 48: Issue 3. P. 503-530.
9. Kozman C., Melki J. News Media Uses During War: The case of the Syrian conflict // Journalism studies. 2018. № 10. P. 1466-1488.
10. Murrell C. The global television news agencies and their handling of user generated content video Syria // Media, war & conflict. 2018. Vol. 11. P. 289.
11. Powers S., O'Loughlin B. The Syrian data glut: Rethinking the role of information in conflict // Media, war & conflict. 2015. №2. P. 172-180.
12. Rohde M. et al. Out of Syria: Mobile Media in Use at the Time of Civil War // International journal of human-computer interaction. 2016. Vol. 32. P. 515-531.
13. Van Dam N. Destroying a nation: the civil war in Syria. London: I.B. Tauris, 2017. 242 p.
14. War in Syria: Russian press coverage, 2015-2017. Minneapolis, USA: East View Press, 2017. 239 p.

Basic techniques in information wars (Middle East and Syria)

Pavel A. Spitsyn

Graduate Student,
Military Training and Research Center of the Navy,
Naval Academy (branch in Kaliningrad),
197045, 17/1, Ushakovskaya embankment, Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: spitsynpa@ya.ru

Abstract

The article is devoted to the consideration of basic methods of conducting information wars on the example of the Middle East and Syria. The content of the information war has been considered in detail, its features have been singled out within the framework of the modern information society. Also, special attention is paid to the principles and methods of conducting information and psychological aggression. On specific examples, information attacks in on-line networks are considered. Thus, the analysis of the reports in social media after the Russian anti-terrorist operation, comparing the reports of the Ministry of Defense of the Russian Federation with the statements of the Western media and the Syrian opposition. The results obtained made it possible to identify false and falsified reports in the victims of civilians. Special attention is paid to means of protection against information attacks, the most effective of which is to work on anticipation and prompt response, which allows creating a powerful mental barrier in the minds of those who should become the target of such an attack. In addition, the specifics of the use of disinformation, intimidation, mockery, wedging, and falsification are considered. Separately, the article discloses the content of techniques and means of camouflage and unmasking in information confrontations. At the same time, the author focuses on targeted advertising in social online networks, which has a very negative impact on the psychological condition of military personnel.

Pavel A. Spitsyn

For citation

Spitsyn P.A. (2018) Bazovye priemy v informatsionnykh voynakh (Blizhnii Vostok i Siriya) [Basic techniques in information wars (Middle East and Syria)]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 7 (5A), pp. 96-103.

Keywords

Syria, information war, social networks, accounts, USA, UK, Russia, war, conflict, bots.

References

1. Bolotov N.N. (2017) Rossiya i zapad: na frontakh informatsionnoi voyny vokrug sobytii v Sirii [Russia and the West: on the fronts of the information war around the events in Syria]. *Informatsionnye voyny* [Information Wars], 3, pp. 36-42.
2. Buraeva L.A. (2018) Informatsionnoe protivostoyanie kak sposob vedeniya informatsionnykh voyn [Information confrontation as a way of waging information wars]. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve* [Gaps in the Russian legislation], 3, pp. 59-60.
3. Chernykh S.N., Zueva N.A. (2018) Informatsionnaya voina: ot proshlogo k nastoyashchemu [Information war: from the past to the present]. *Nauchnoe mnenie* [Scientific opinion], 3, pp. 47-53.
4. Galvan-Alvarez E. (2018) Performing sovereignty: war documentaries and documentary wars in Syria. *European journal of English studies*, 2, pp. 204-216.
5. Harvey F.P. (2015) Fighting for Credibility: US Reputation Building in Asymmetric Conflicts from the Gulf War to Syria. *Canadian journal of political science*, 48, 3, pp. 503-530.
6. Karpovich O.G. (2017) Praktika provedeniya SShA operatsii informatsionnoi voyny v sfere vneshnei politiki [The practice of conducting US information war operations in the field of foreign policy]. *Natsional'naya bezopasnost'* [National Security], 1, pp. 112-126.
7. Kobeleva E.S. (2016) Informatsionnye voyny SShA s islamskimi stranami [Information wars of the USA with Islamic countries]. *Sotsiologiya* [Social Studies], 3, pp. 94-103.
8. Kozman C., Melki J. (2018) News Media Uses During War: The case of the Syrian conflict. *Journalism studies*, 10, pp. 1466-1488.
9. Murrell C. (2018) The global television news agencies and their handling of user generated content video Syria. *Media, war & conflict*, 11, p. 289.
10. Ozmanyanyan M.S. (2018) SMI kak instrument gosudarstvennoi informatsionnoi politiki Rossii v kontekste siriiskogo krizisa [Mass media as an instrument of the state information policy of Russia in the context of the Syrian crisis]. *Vestnik Rossiiskoi natsii* [Bulletin of the Russian Nation], 2(60), pp. 200-209.
11. Powers S., O'Loughlin B. (2015) The Syrian data glut: Rethinking the role of information in conflict. *Media, war & conflict*, 2, pp. 172-180.
12. Rohde M. et al. (2016) Out of Syria: Mobile Media in Use at the Time of Civil War. *International journal of human-computer interaction*, 32, pp. 515-531.
13. Van Dam N. (2017) *Destroying a nation: the civil war in Syria*. London: I.B. Tauris.
14. (2017) *War in Syria: Russian press coverage, 2015-2017*. Minneapolis, USA: East View Press.

УДК 34

Европейские регионы в зеркале каталонского сепаратизма

Ермакова Элла Владимировна

Кандидат исторических наук,
Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации,
119454, Российская Федерация, Москва, просп. Вернадского, 76;
e-mail: ella_ermakov@mail.ru

Аннотация

Победа сторонников сепаратизма на референдуме о независимости Каталонии 9 ноября 2014 г. эхом прокатилась по европейским странам с федеративной системой. Регионы Франции, Италии, Бельгии, Германии, стремящиеся к независимости, единодушно поддержали каталонцев и выступили против официальной позиции Мадрида по силовому решению каталонской проблемы. Каталонский референдум и последующие за ним события мог всколыхнуть националистические и сепаратистские настроения даже в тех европейских регионах, которые на сегодняшний день предпочли широкую автономию в рамках единого государства полному отделению. на европейские регионы. Для Европейского союза каталонский феномен стал серьезным политическим вызовом со стороны евроскептиков и лидеров сепаратистски настроенных европейских региональных партий. Автор рассматривает особенности политической ситуации в европейских регионах, стремящихся к независимости, осложненной особенностями их исторического развития, в частности противоречиями на языковой почве, а также политику центральных властей, способную при определенных обстоятельствах сохранять целостность страны. Широкое региональное сотрудничество в сочетании с высокой степенью региональной автономии, по мнению автора, являются залогом преодоления политических противоречий.

Для цитирования в научных исследованиях

Ермакова Э.В. Европейские регионы в зеркале каталонского сепаратизма // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Том 7. № 5А. С. 104-112.

Ключевые слова

Каталония, Шотландия, Бельгия, Фландрия, Венето, Корсика, внешняя деятельность регионов, автономия, ЕС.

Введение

Проблемы регионального трансграничного сотрудничества в странах Европейского союза были проанализированы в фундаментальных исследованиях известных российских и западных историков, политологов, юристов, которые рассматривают их в рамках международных отношений и в сравнении со странами с различным государственным устройством. Историческую базу данного исследования составляют классические труды видных западноевропейских ученых. История бельгийских регионов приводится в работе Г. Никольсона [Никольсон, 1941]. В работе Т.В. Зоной анализируются перспективы предоставления широкой автономии европейским регионам [Зона, 1999]. В работе Дискай «Нидерланды под властью Мари Терезы (1740-1780)» [Discailles, 1872] рассматривается роль Австрии в развитии угольной, металлургической и текстильной промышленности нидерландских провинций. Г. Термино исследует европеизацию бельгийской политической системы [Termino, 2011].

Большое внимание европейскому региональному сотрудничеству на современном этапе уделяют в теоретических работах российские ученые. В книге А.С. Намазовой «Бельгия. Исторический опыт: традиции и современность» приводится история Королевства Нидерландов и Бельгийской революции 1830 г. [Намазова, 2001]. В статье В.В. Михеева [Михеев, 2011] дается представление о совместной деятельности конкурирующих бельгийских регионов. Осминин Б.И. [Осминин, 2006] в рамках изучения принятия и реализации государственных международных договорных обязательств исследует бельгийский опыт. Принцип субсидиарности анализирует в своей работе А.Г. Хабибулин [Хабибулин, 2003]. Сравнительный анализ внешних связей бельгийских регионов занимался Д. Крикеманс [Criekemans, 2005].

Попытки сравнения ситуации в Каталонии и Фландрии предпринимались С. Риччи [Ricci, 2017]. Каталонский феномен рассматривается в работах Кубероса-Галлардо [Cuberos-Gallardo, 2017], М. Бурхардта [Burchardt, 2017], М. Орти [Orti, 2015]. Каталонские гражданские организации Omnium Cultural и Plataforma pel Dret de Decidir изучались С. Рудником.

Гипотеза исследования

Каталонский феномен угрожает территориальной целостности федеративных европейских государств и будущему ЕС. Опыт Бельгии показывает, что совместная деятельность и широкие полномочия регионов являются залогом преодоления политических противоречий.

Методологическую основу исследования составили следующие общенаучные и специальные методы познания политико-правовых явлений и процессов в сфере европейского и международного конституционного права: метод системно-структурного анализа; метод синтеза социально-правовых явлений; сравнительно-правовой метод; формально-логический метод.

Текст бельгийской конституции приводится в сборнике «Конституции государств Европейского Союза». Важным источником также являются документы по Бельгийскому председательству в Совете Европейского Союза в Комитете регионов.

Беспрецедентный референдум о независимости Каталонии, который прошел 1 октября 2017 г. с ошеломляющим результатом 90,18 % «за», до сих пор вызывает много споров,

вопросов, откликов в силу того влияния, который он оказал или может оказать на регионы других стран¹.

География влияния каталонского плебисцита не ограничивается странами Европейского союза, а способна распространяться на все страны мира с федеративным устройством, где существуют национальные, политические и экономические противоречия. Жесткая реакция испанских властей по отношению к манифестантам и организаторам референдума привела к эмиграции бывшего главы женералитета (исполнительная власть Каталонии – Авт.) Карлеса Пучдемона и его соратников. Их обвиняют в мятеже, неподчинении властям и растрате государственных средств, что, по испанским законам, предполагает до 30 лет тюрьмы.

Сам факт проведения референдума в Каталонии повлиял на политику националистических сил не только внутри Испании, но и в остальных европейских странах, имеющих федеральную системы. Центральные власти Испании опасались распространения каталонского опыта на Страну Басков, которая всегда считалась оплотом самых экстремальных форм сепаратизма. Знаменитая террористическая организация ЭТА во всем мире стала символом кровавых атак, унесших сотни жизней. Перелом произошел лишь в 80-х годах XX века, когда испанские власти согласились на предоставление Стране Басков сначала временную, а затем в 2000 г. и постоянную автономию, что предполагало создание собственного парламента, правительства, двуязычного образования, контроля над сбором налогов². Широкая автономия позволила добиться в 2017 г. полного разоружения ЭТА и на время заморозить острую проблему отделения от Испании.

Что касается общеевропейского резонанса каталонского референдума, то его последствия поставили Европейский союз в сложном положении. С одной стороны, было необходимо поддержать центральную власть Испании, которая объявила референдум нелегитимным. С другой стороны, было невозможно игнорировать практически полную поддержку каталонцами отделения от Испании.

Референдум в Каталонии продолжает подогревать дебаты в западных странах о возможности распространения сепаратистских идей ряд европейских регионов, как Фландрия в Бельгии, Шотландия и Северная Ирландия в Великобритании, области севера Италии, называемые Паданией (Ломбардия, Венето, Пьемонт, Лигурия и другие), французская Корсика, страна Басков в той же Испании, Южный Тироль в Австрии, Бавария в Германии, где также получили широкое распространение идеи независимых автономий. Всем этим территориальным единицам свойственно, по меньшей мере, одно общее качество – высокий уровень экономического развития по сравнению с другими территориальными единицами, входящими в одно государство, и зачастую надежный банковский сектор.

К примеру, итальянские северные области, которые считаются родиной таких всемирно известных банков как Интеза Санпаоло и Уникредит, всегда ставили себе в заслугу лидирующие позиции в экономической и финансовых сферах, сетуя на то, что им приходится платить за отсталый юг страны. Большую роль в распространении идей сепаратизма на севере Италии играет политическая партия Лига Севера, которая в 2017 г. стала называться просто Лигой. Ее нынешний лидер Маттео Сальвини, в отличие от основателя партии Умберто Босси, стоит на

¹ РИА Новости.

² ТАСС Досье.

более умеренных позициях, отстаивая не полное отделение от Рима, а расширенную автономию с сохранением в регионе большую часть доходов (до 75%). Та же ситуация наблюдается в испанской Каталонии, которая является экономическим локомотивом Испании. Уверенное экономическое положение этого региона (доля Каталонии в ВВП Испании составляет около 19,3%) объясняет ту уверенность, с которой каталонские сепаратисты решились на резкие акции протеста за предоставление независимости, несмотря на самую широкую региональную автономию среди всех европейских стран.

Говоря об общих чертах европейских регионов, в которых распространены идеи сепаратизма, важно также остановиться на таком феномене как национальный язык. Население каждой из этих территорий с особой гордостью поддерживает использование и распространение местного языка или диалекта. В этой связи напомним, что каталонский язык представляет собой абсолютно самостоятельную единицу, не имеющую ничего общего с испанским языком. Диалект итальянского языка, на котором говорят на севере страны значительно отличается от столичного римского диалекта, а также от южных вариантов того же итальянского. В области Венето, где большая часть населения поддерживает создание независимой федеративной республики, официально признан местный венетский язык параллельно с итальянским.

Противоречия на национально-языковой почве ощущаются еще в одной итальянской области – это Южный Тироль, перешедший к Италии в 1919 г. от Австро-Венгрии. Об этой небольшой территории, где проживает всего 524 тысячи человек, мало пишут. Однако это не помешало столь малочисленному населению провести в 2010 г. во главе с партиями «Свобода Южного Тироля» и «Союз Тироля», выступающих за присоединение к Австрии, начать кампанию за двойное гражданство³.

Жители французской Корсики могут беспрепятственно обсуждать любые самые тайные темы в присутствии так называемых континентальных французов, не опасаясь, что их поймут. История многоязычной Бельгии, в которой сегодня официально сосуществуют три языка: голландский, французский и немецкий, была отмечена жестокими и бескомпромиссными конфликтами за право использования родного языка. Хорошо известен феномен фламандского национального экстремизма, который заключается в постоянных попытках добиться исключительного права использовать только голландский язык на территории своего региона и который объясняется как уходящим в историю стойким чувством родного языка, так и естественным желанием обрести собственную аутентичность, а вместе с ней и независимость.

Каталонский референдум о независимости не мог не вызвать беспокойство у властей Великобритании, которые рассчитывают помимо прочих результатов на благотворное, может быть даже успокаивающее воздействие выхода страны из Европейского союза (Брексита) на нарастающие сепаратистские настроения в Шотландии и Северной Ирландии, обещая им впоследствии более широкие полномочия в осуществлении внешней деятельности, в частности, во внешней торговле. К тому же власти Великобритании обещают своим графствам самую широкую поддержку в противодействии незаконной иммиграции в случае признания неоспоримости единства страны после выхода из ЕС.

Шотландия занимает отдельное место в цепи европейских регионов, склоняющихся к независимости. После каталонского референдума и драматических событий за ним последующих первый министр Шотландии и глава Шотландской национальной партии (SNP)

³ТАСС Досье.

Никола Стерджен лидер тут же призвала центральные власти Испании прекратить репрессии против каталонцев. Однако сама отказалась от планов немедленно перейти к подготовке референдума о независимости региона от Великобритании. Стремление Шотландии к независимости еще больше обострилось после решения Великобритании выйти из Европейского союза. На референдуме 2016 г. против выхода их ЕС проголосовало 62% шотландцев. Необходимо напомнить, что на референдуме о независимости в 2014 г. 55% жителей этого британского региона проголосовало против отделения от Великобритании. Так называемый Брексит в сочетании с примерами борьбы за большую автономию соседних европейских регионов привели к возрождению в Шотландии сепаратистских настроений и усилению популярности местных националистов во главе с Шотландской национальной партией (SNP), которые теперь выступают за самостоятельное членство независимой Шотландии в ЕС, что объясняется в частности экономическими и торговыми интересами.

Что касается другого британского региона Северной Ирландии, то сторонники независимости также активизировали свою деятельность после референдум о Брексите. Знаменитая террористическая националистическая группировка Ирландская республиканская партия (ИРА), которая долгие десятилетия с оружием в руках боролась за присоединение к Ирландии, в 2005 г. объявила, что отказывается от вооруженной борьбы и переходит на демократический путь решения проблемы независимости во главе с националистической партией Шинн фейн.

В цепи европейских договоров, требующих широкую автономию, французский остров Корсика занимает нетипичную позицию. Если Каталония или Фландрия претендуют на независимость, опираясь на сильную экономику, то территориальное сообщество Корсика, имея особый политический статус территориального сообщества, является дотационным регионом. Несмотря на это, благодаря особому политическому статусу, Корсика обладает достаточно высоким уровнем автономии, который, однако, не удовлетворяет основным требованиям местных националистов во главе с крайне правой партией Фронт за национальное освобождение Корсики (FLNC). Корсиканские националисты требуют официального признания корсиканского языка наравне с французским, большей финансовой независимости от Парижа, а также права самостоятельно решать вопросы о предоставлении местного гражданства.

Уверенные позиции корсиканских националистов нашли подтверждение в результатах региональных выборов в декабре 2017 г. Националистический альянс «За Корсику», объединивший к выборам все сепаратистские партии движения острова, получил 57% голосов. Данное обстоятельство вынудило президента Франции Эмманюэля Макрона пообещать корсиканцам во время своей речи в Бастии 7 февраля 2017 г. учесть, правда со временем, в Конституции Франции в виде конституционного закона специфические особенности развития острова и его географию. Сегодня вопрос о полной независимости Корсики не стоит на политической повестке дня местных националистов. Однако итоги референдума в Каталонии нашли немедленный отклик корсиканских властей, которые на заседании своего парламента, Ассамблеи Корсики, официально признали неоспоримую легитимность нового каталонского правительства, что воспринимается как предупреждение о том, что вопрос о независимости острова, также как и обещания о расширении его полномочий, отложен на неопределенный срок.

Бельгийский регион Фландрия требует особо тщательного изучения в контексте влияния каталонского референдума. В исторической конкуренции с франкоязычным бельгийским регионом Валлонией экономически развитая Фландрия вышла победительницей. Будучи

промышленный лидером Бельгии, этот регион с самого первого дня создания королевства Бельгии заявляет о своих сепаратистских амбициях. Как и Каталония, Фландрия является лидером в стране по уровню экономического развития, что обеспечивает этим территориям определенную степень независимости от центральной власти. Например, доля Каталонии в ВВП Испании составляет около 19,3%. А доля Фландрии в ВВП Бельгии и вовсе достигает почти 60%. Однако, если Каталония выступает за полную независимость от Испании, то Фландрия пока ограничивает свои амбиции увеличением и без того немалых автономных полномочий. При этом надо напомнить, что в отличие от Каталонии у региона Фландрии нет автономного статуса.

Далеко не все бельгийские политики разделяют крайне правые взгляды, считая, что широкие права регионов могут служить своеобразной страховкой от болезни сепаратизма.

В этой связи необходимо напомнить о позиции Европейского союза по отношению к сепаратизму. В свое время, Жозе Мануэл Баррозу, возглавлявший Европейскую комиссию, ясно выразил мнение самых консервативных европейских кругов по вопросу об отделении одного из регионов от государства-члена ЕС: если какая-либо территория отделится от своей родины, то она автоматически покидает ЕС.

История фламандского сепаратизма имеет долгую историю и связана с «искусственным» образованием Бельгии в 1830 г., когда на Лондонской конференции был признан суверенитет страны, получившей статус королевства. Новое государство было собрано из соседствующих территорий, разных по языку, политическим и культурным традициям, что стало причиной последующих глубоких разногласий. От запутанного прошлого современная Бельгия унаследовала столь же запутанные проблемы межрегионального общения, усиленные общим тяжелым миграционным положением. Среди бельгийских регионов, обладающих самыми широкими полномочиями, включая беспрецедентную внешнюю деятельность, Фландрия является не обсуждаемым лидером. Сепаратистские настроения в этом регионе нередко ставили в трудное положение центральную власть королевства, которая всегда старалась при помощи все большего расширения местных полномочий регионов успокоить сепаратистов и сбалансировать политическую расстановку сил в стране. Тревожный сигнал поступил в 2014 г., когда на парламентских выборах в Бельгии победу одержала партия националистов «Новый фламандский альянс» (NVA) во главе с Бартом де Вевером, получив 33% голосов. Лидер фламандских националистов пообещал защищать интересы фламандцев на федеральном уровне и перейти на новый этап расширения автономии в 2019 г.

Говоря о сепаратизме в Бельгии, нельзя обойти вниманием методы управления кризисными ситуациями со стороны центральных властей. В сложных ситуациях обострения межнациональных противоречий и подъема сепаратистских настроений бельгийские власти прибегали к проведению своевременных реформ, в том числе и конституционных с целью расширения автономных полномочий своих регионов. Некоторые из этих реформ касались болезненной проблемы национальных языков, голландского, французского, немецкого, которые в результате нескольких конституционных реформ стали официальными. Были серьезно расширены внешние связи регионов, позволяющие им осуществлять самостоятельную внешнеторговую и внешнеполитическую деятельность как независимым участникам процесса. Помимо этого, бельгийские регионы имеют исключительное право поочередно, основываясь на принципе субсидиарности представлять всю страну в Европейском союзе в случае, например, в случае правительственных кризисов, которые нередки для Бельгии. Все эти факторы объясняют нынешнюю политику бельгийских сепаратистских, сконцентрированных на борьбе за все

большую автономию в рамках единого государства, нежели на категоричном выходе из его состава. Но вместе с тем в интервью газете «Известия» Томас Ван Грикен, лидер крайне правой партии «Фламандский интерес» сказал: «Я поддерживаю референдум в Испании и являюсь сторонником независимости Каталонии. Уверен, что он приведет к эффекту домино в других странах Европы. События в Испании придадут импульс всем сепаратистским регионам в Европе и активизируют работу партий евроскептиков. За последние тридцать лет на европейском пространстве появилось множество независимых государств, и этот процесс продолжится. Во многих регионах растет национальное самосознание и стремление к независимости. В ближайшее время мы увидим новые референдумы о независимости. Мы хотели бы провести референдум во Фландрии. Ведь большинство населения региона поддерживает эту идею».

Анализ влияния итогов каталонского референдума был бы неполным, если не упомянуть о Германии, стране, которую редко упоминают в контексте сепаратистских настроений. Однако в Баварии, самой крупной из 16 федеративных земель, влияние националистических сил достаточно заметно, учитывая все те же факторы сильной экономики, самобытности культуры и такого непохожего на немецкий язык баварского диалекта. При этом популярность крайне правой националистической партии, выступающей за отделение от Германии, не очень велика. В то же время ведущая в Баварии партия Христианско-социальный союз, также разделяющий националистические взгляды, не ставит целью отделение от Германии, которое выражается в острейших политических кризисах, сотрясающих Бельгию на протяжении всей ее истории. Неудивительно, что победа сторонников независимости на референдуме в Каталонии эхом прокатилась по протестным европейским регионам, вызвав симметричную реакцию центральной власти.

Однако идеи независимости от суверена были популярны во все времена и во всех странах. Каталонского кризис сплотил с одной стороны всех европейских сторонников сепаратизма, а с другой – всех без исключения лидеры европейских стран, которые единогласно поддерживали центральную власть Испании, опасаясь не только за целостность своих государств, но и за будущее общеевропейского дома.

Заключение

В результате проведенного анализа выявлено, что на протяжении долгого периода времени в ряде европейских регионов складывались предпосылки дальнейшего развития ситуации по каталонскому сценарию. Однако дальнейший ход развития ситуации будет зависеть, как и прежде от способности центральных властей стран с федеративной системой разрядить политическую обстановку путем нахождения компромисса или принятия решения о дальнейшем расширении прав регионов и предоставлении им расширенной автономии, а также от способности оппозиционных партий извлечь уроки из каталонского опыта. Несмотря на стремление региональных партий к независимости, опыт их внешнеполитического и внешнеторгового сотрудничества может быть использован национальными правительствами для снижения уровня внутренних межрегиональных противоречий и выхода из глобального кризиса.

Библиография

1. Зонова Т.В. От Европы государств к Европе регионов // Полис. 1999. №5. С. 155-164.
2. Михеев В.В. Бельгия: патовая ситуация снова заморожена // Вся Европа и Люксембург. 2011. №11(60). URL: <http://alleuropa.ru/?p=2989>

3. Намазова А.С. Бельгия. Исторический опыт: традиции и современность. М., 2001. 175 с.
4. Никольсон Г. Дипломатия. М., 1941. 156 с.
5. Осминин Б.И. Принятие и реализация государственных международных договорных обязательств. М., 2006. 408 с.
6. Хабибулин А.Г. Субсидиарность – основа построения федеративного государства // Конференция 5-6 мая 2003 г. 5 мая Сессия 2. «Правовые основы региональной власти (конституции, уставы, статуты)». URL: <http://www.kazanfed.ru/actions/konfer6/doklad6>
7. Burchardt M. Recalling modernity: how nationalist memories shape religious diversity in Quebec and Catalonia // Nations And Nationalism. 2017. Vol. 23. Issue 3. P. 599-619. DOI: 10.1111/nana.12233
8. Crikemans D. Nieuwe dynamiek in Vlaams buitenlands beleid? // Internationale Spectator. 2005. 59(5). P. 248.
9. Cuberos-Gallardo F.J. Catalonia and the renewed relevance of the national question // Tempo E Argumento. 2017. Vol. 9. Issue. 22. P. 478-486. DOI: 10.5965/2175180309222017478
10. Discaillies E. Les Pays-Bas sous la règne de Marie-Thérèse (1740-1780). Bruxelles et Leipzig, 1872.
11. Orti M.M. Catalonia in Spain. History and myth // Aportes-Revista De Historia Contemporanea. Vol. 32. Issue 95. P. 281-285.
12. Ricci S. Secessionism and the European Union: The Future of Flanders, Scotland and Catalonia // Nations And Nationalism. 2017. Vol. 23. Issue 3. P. 645-646. DOI: 10.1111/nana.12321.
13. Rudnik S. Catalan Civil Organizations “Omnium Cultural” and “Plataforma pel Dret de Decidir” in Conditions of the Rise in Separatist Sentiments in Catalonia (2006-2010) // Istoriya – Elektronnyi Nauchno-Obrazovatelnyi Zhurnal. Vol. 8. Issue 10. DOI: 10.18254/S0002013-3-1.
14. Termino G. L'eupéanisation du système politique belge. Dans, 2011.

The policy of the European regions in the conditions of the Catalan phenomenon

Ella V. Ermakova

PhD in Historical Sciences,
Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
119454, 76, Vernadskogo av., Moscow, Russian Federation;
e-mail: ella_ermakov@mail.ru

Abstract

The victory of the separatists in the referendum on the independence of Catalonia on November 9, 2014 echoed through the European countries with a federal system. Regions of France, Italy, Belgium, Germany, striving for independence, unanimously supported the Catalans and opposed the official position of Madrid on a forceful solution to the Catalan problem. The Catalan referendum and the events following it could have stirred up nationalist and separatist sentiments even in those European regions that today preferred broad autonomy within the framework of a single state to full separation of the European regions. For the European Union, the Catalan phenomenon has become a serious political challenge from European skeptics and leaders of separatist-minded European regional parties. The author examines the peculiarities of the political situation in European regions, seeking independence, complicated by the peculiarities of their historical development, in particular, linguistic contradictions, as well as the policy of the central authorities, capable of maintaining the integrity of the country under certain circumstances. Broad regional cooperation, combined with a high degree of regional autonomy, according to the author, is the key to overcoming political contradictions. Despite the desire of regional parties for independence, the experience of their

foreign policy and foreign trade cooperation can be used by national governments to reduce the level of internal inter-regional contradictions and overcome the global crisis.

For citation

Ermakova E.V. (2018) Evropeiskie regiony v zerkale katalonskogo separatizma [The policy of the European regions in the conditions of the Catalan phenomenon]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 7 (5A), pp. 104-112.

Keywords

Catalonia, Scotland, Belgium, Flanders, Veneto, Corsica separatism, foreign policy activities of regions, autonomy, EU.

References

1. Burchardt M. (2017) Recalling modernity: how nationalist memories shape religious diversity in Quebec and Catalonia. *Nations And Nationalism*, 23, 3, pp. 599-619. DOI: 10.1111/nana.12233
2. Criekeemans D. (2005) Nieuwe dynamiek in Vlaams buitenlands beleid? *Internationale Spectator*, 59(5), p. 248.
3. Cuberos-Gallardo F.J. (2017) Catalonia and the renewed relevance of the national question. *Tempo E Argumento*, 9, 22, pp. 478-486. DOI: 10.5965/2175180309222017478
4. Discaillies E. (1872) *Les Pays-Bas sous la règne de Marie-Thérèse (1740-1780)*. Bruxelles et Leipzig.
5. Khabibulin A.G. Subsidiarnost' – osnova postroeniya federativnogo gosudarstva [Subsidiarity is the basis for the construction of a federal state]. In: *Konferentsiya 5-6 maya 2003 g. 5 maya Sessiya 2. «Pravovye osnovy regional'noi vlasti (konstitutsii, ustavy, statuty)»* [Conference May 5-6, 2003 May 5 Session 2. "The legal foundations of regional power (constitutions, charters, statutes)]. Available at: <http://www.kazanfed.ru/actions/konfer6/doklad6> [Accessed 10/10/2018]
6. Mikheev V.V. (2011) Bel'giya: patovaya situatsiya snova zamorozhena [Belgium: stalemate is frozen again]. *Vsya Evropa i Lyuksemburg* [All of Europe and Luxembourg], 11(60). Available at: <http://alleuropa.ru/?p=2989> [Accessed 10/10/2018]
7. Namazova A.S. (2001) *Bel'giya. Istoricheskii opyt: traditsii i sovremennost'* [Belgium. Historical experience: tradition and modernity]. Moscow.
8. Nickolson G. (1941) *Diplomatiya* [Diplomacy]. Moscow.
9. Orti M.M. Catalonia in Spain. History and myth. *Aportes-Revista De Historia Contemporanea*, 32, 95, pp. 281-285.
10. Osminin B.I. (2006) *Prinyatie i realizatsiya gosudarstvennykh mezhdunarodnykh dogovornykh obyazatel'stv* [Acceptance and implementation of state international treaty obligations]. Moscow.
11. Ricci S. (2017) Secessionism and the European Union: The Future of Flanders, Scotland and Catalonia. *Nations And Nationalism*, 23, 3, pp. 645-646. DOI: 10.1111/nana.12321.
12. Rudnik S. Catalan Civil Organizations "Omnium Cultural" and "Plataforma pel Dret de Decidir" in Conditions of the Rise in Separatist Sentiments in Catalonia (2006-2010). *Istoriya – Elektronnyi Nauchno-Obrazovatelnyi Zhurnal*, 8, 10. DOI: 10.18254/S0002013-3-1.
13. Termino G. (2011) *L'eupéanisation du système politique belge*. Dans.
14. Zonova T.V. (1999) Ot Evropy gosudarstv k Evrope regionov [From Europe of States to Europe of Regions]. *Polis*, 5, pp. 155-164.

УДК 32

Региональное взаимодействие Ирана и Азербайджана в странах Средней Азии

Рустамов Игбал Ильгар-оглы

Собственный корреспондент,
Информационное агентство «SalamNews»,
AZ1009, Республика Азербайджан, Баку, ул. Ахмедбекова Зивербека, 2/29;
e-mail: rustamov_i@mail.ru

Аннотация

Необычное слияние ключевых событий помогло сформировать основу для развития ирано-центральноазиатских отношений. Окончание ирано-иракской войны, гибель Хомейни и приход к власти Али Акбара Хашеми-Рафсанджани и более сильное президентство сыграли большую роль в становлении более прагматичной внешней политики для Исламской Республики. Это изменение означало создание прагматических целей и собственных национальных интересов Ирана над идеалистическими темами, такими как экспорт исламской революции. Имплотация Советского Союза в 1991 году стала шоком для правящих элит Центральной Азии, а также открыла новые возможности для иранского руководства, которое стремилось продемонстрировать свои полномочия в качестве надежного партнера для новых независимых государств. Президентство Рафсанджани проявило большую приверженность регионализму со стороны Ирана, отражая глобальные тенденции после «холодной войны», и Иран стремился наладить связи со Средней Азией через расширенную Организацию экономического сотрудничества (ОЭС). До недавнего времени акцент Ирана на построении этих отношений имел два важных аспекта: одна из них заключалась в возможности уменьшить свою международную изоляцию и наладить отношения со своими новыми соседями в качестве средства сокращения бремени американской политики сдерживания; другой поддерживал хорошие отношения с ключевым поставщиком оружия в России и не проводил политику в Центральной Азии, которая бы противодействовала ей. Они остаются ключевыми факторами в ландшафте после санкций, и если помощь в отношении санкций будет идти на надежду, учитывая, что она затронула некоторые препятствия в процессе осуществления, то она станет важной областью расширения сотрудничества в различных областях.

Для цитирования в научных исследованиях

Рустамов И.И. Региональное взаимодействие Ирана и Азербайджана в странах Средней Азии // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Том 7. № 5А. С. 113-119.

Ключевые слова

Иран, внешняя политика, приоритеты, Средняя Азия, развитие.

Введение

В 1990-х и начале 2000-х годов также наблюдались иранские внешнеполитические исследования, отражающие новые реалии международной ситуации в Иране после распада Советского Союза [Филипцов, 2017, 190]. Это было подтверждено в Иране, при этом министерство иностранных дел учредило Центр по изучению Центральной Азии и на Кавказе в 1992 году и публикации англоязычных книг «Моталеат азия-да маркази ва-кавказ» (Центральная Азия и Кавказский обзор). Впоследствии отношения Ирана с новыми независимыми государствами Центральной Азии и Кавказа, а также попытки «вновь подключиться» к региону, который является ключом к своей собственной истории, стали важной областью анализа, как показывают работы Эхтешами, Герцига и др. Хотя акценты таких работ различаются – с упором на безопасность, на экономические связи и более широкие региональные инициативы, общая особенность, которую они все разделяют, это акцент на Центральной Азии, предоставляющей значительные возможности для Ирана, реальные или пока нереализованные. Еще одна общая и повторяющаяся тема заключается в том, что попытки Ирана расширить влияние в регионе всегда были в тупике со стороны Соединенных Штатов и последовательных режимов санкций во главе с этой страной. По-видимому, сейчас это меняется, поэтому идеи и инициативы, которые раньше казались умирающими, теперь имеют большой потенциал.

Основная часть

В частности, работы, исходящие из Ирана, имеют ярко выраженный региональный тенор, подчеркивающий геополитическое положение Ирана по отношению к Центральной Азии, его позицию по более широким отношениям с другими державами, такими как Россия и Соединенные Штаты, и потенциал региональных инициатив, таких как и ОЭС, которую Иран особенно хотел использовать в качестве средства для своих интересов в Центральной Азии. Как уже отмечалось, Иран имеет давнюю историческую связь с регионом, поскольку на различных этапах своей истории осуществлялся номинальный контроль над крупными частями Кавказа и Центральной Азии вплоть до расширения царской России. Это то, что отражено в иранском письме в регионе, с акцентом на их географическую и, в некоторых случаях, на культурную близость. Хотя нет места для обсуждения этой длинной истории здесь, это культурная, а в некоторых случаях, лингвистические общности, которые являются общей чертой иранских рассказов о построении отношений с регионом. Эта культурная и лингвистическая общность используется как своего рода вектор для развития отношений, а затем основывается на этом через инвестиции, что особенно очевидно при рассмотрении отношений Ирана с другими персидскоязычными народами Таджикистана и Афганистана [Мехдиев, 2017, 14].

Акцент на геополитические и в некотором смысле «геокультурные» подходы к Центральной Азии изнутри иранских академических кругов и политиков, безусловно, понятен при контекстуализации его подхода. В конце концов, геополитика обеспечивает нечто нейтральное, объективное и идеологически свободное средство для использования экспертами внешней политики, которое помогает объяснить, почему это полезно для внешней политики Ирана в регионе. Понятие Ирана, выступающего в качестве моста или шлюза в Центральную Азию, также является ключевым в геополитическом мышлении Ирана. Однако, несмотря на преимущества географической и, в некоторых случаях, культурной близости, Иран все еще

должен полностью проявлять себя как региональная держава в Евразии так же, как это было на Ближнем Востоке. В ландшафте после санкций, в котором международное сообщество находится в предварительном порядке, давнее утверждение Ирана о его географическом положении, наконец, может стать реальностью. Некоторые утверждают, что Иран будет проводить «агрессивную» внешнюю политику в регионе из-за своих предполагаемых действий на Ближнем Востоке, но такой скептицизм неуместен и игнорирует прагматическую тенденцию иранской внешней политики в отношении региона за последние 25 лет. Теперь он в состоянии воспользоваться преимуществами его постепенной реинтеграции в мировую экономику в ландшафте после JCPOA. Однако такая реинтеграция проходит не без проблем. Вопрос, вызывающий озабоченность многих в Исламской Республике, стремящихся содействовать увеличению прямых иностранных инвестиций в Иран, а также Иран в других местах, это постоянное восприятие карательных мер Соединенных Штатов в отношении банков, ведущих бизнес с Ираном. После того как угроза будет снята, потенциал для дальнейшей интеграции в глобальную экономику сделает Иран более привлекательным партнером для государств Центральной Азии. Потенциал Ирана в плане более активного взаимодействия с регионом также частично был обусловлен сокращением присутствия США там. Хотя «Талибан» по-прежнему представляет угрозу безопасности для более широкого региона, сокращение США от присутствия в Афганистане, а вместе с ним и военная материально-техническая поддержка, используемая Соединенными Штатами в Центральной Азии, хорошо соответствует целям Ирана в регионе. Иран также приближается с точки зрения своего военного союза с Россией. В сочетании с все более агрессивной российской политикой в отношении государств в ее так называемом «ближнем зарубежье»; это означает, что Иран, как всегда, не забывает о позиции России в Центральной Азии. Кроме того, повторное появление Шелкового пути как жизнеспособного торгового маршрута, возглавляемого ключевым иранским союзником в Китае, будет способствовать постепенной реинтеграции Ирана в мировую экономику после ядерной сделки. Это ключевая особенность иранского стратегического мышления, с Центральной Азией, и позиция Ирана по отношению к этим государствам, составляющим ключевую часть его более широкого геополитического воображения.

Иран имеет многочисленные интересы в Центральной Азии, которые формируют свою внешнюю политику в отношении региона, от экономической интеграции до сотрудничества в таких разнообразных областях, как безопасность и культура. Таким образом, основная часть этой статьи посвящена изложению ключевых вопросов, которые Иран считает важными в регионе, начиная с его попыток содействовать дальнейшей экономической интеграции [Холмуродова, 2017, 72].

После распада Советского Союза Иран уделял большое внимание развитию более активного экономического сотрудничества между Ираном и Центральной Азией в рамках расширенного ОЭС, а также в двусторонних соглашениях с государствами Центральной Азии. Движение к более широкому региональному сотрудничеству и, действительно, регионализму, впервые стало занимать видное место в иранской внешней политике в 1990-х годах во время президентства Рафсанджани. Иран видел развитие отношений и регионального сотрудничества с Центральной Азией как средство сокращения своей международной изоляции перед лицом продолжающейся американской враждебности. Это также имеет важные следствия для внутренних экономических потребностей Ирана, при этом карательные экономические санкции ставят под сомнение развитие. Новые независимые государства предложили потенциальных новых торговых партнеров и предоставили Ирану больше возможностей для взаимодействия с

событиями в ресурсном секторе [Санаи, 2004, 38]. Лидеры Исламской Республики также отметили, что более активное сотрудничество является жизненно важным для региональной стабильности и безопасности. Ключевым моментом, который часто возникает при обсуждении отношений Ирана с Центральной Азией, является его геостратегическое положение, и лидеры Ирана стремятся воспользоваться этим воспринимаемым преимуществом. Таким образом, Иран часто описывается как «мост» или «шлюз» для стран Центральной Азии, не имеющих выхода к морю, к Мировому океану. Это особенно важно для богатых ресурсами государств, таких как Казахстан и Туркменистан, поскольку Иран предоставляет самые короткие маршруты для их углеводородов для выхода на мировой рынок. Однако использование Ирана в качестве страны транзита для таких ресурсов и трубопроводов было затруднено продолжающимся участием Америки в Каспийском регионе [Малышева, 2017, 52].

Основным наследием советской власти в Центральной Азии было то, что вся ее промышленная, транспортная и коммуникационная инфраструктуры были ориентированы на Россию и обслуживали Советский Союз [Лотфи, 2011, 118]. Отсутствие транспортных и коммуникационных связей на юге исторически было одним из основных препятствий для дальнейшего экономического сотрудничества и интеграции с Ираном. Одним из ключевых моментов в улучшении этой ситуации было завершение строительства железной дороги Теджен (Туркменистан) в Мешхед (Иран) в 1996 году. Это связало Центральную Азию с железнодорожной сетью Ирана и предоставило Центральной Азии доступ в Персидский залив. Это также имело большое значение для Ирана в получении дальнейшего доступа к Центральной Азии. Развитие железнодорожного сообщения также свидетельствовало о развитии хороших отношений между Ираном и Туркменистаном в 1990-х годах и в новом тысячелетии. В соответствии с более оптимистичной атмосферой, связанной с общими связями с Исламской Республикой, в 2016 году возродилась транспортная схема, которая ранее простаивала в течение 5 лет, что предполагает расширенный транспортный коридор Север-Юг, связывающий Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Иран и Оман [Фархади, 2015, 59].

Хотя в этой статье основное внимание уделяется отношениям между Ираном и государствами Центральной Азии, важно также кратко отметить роль Китая. Китай является одним из крупнейших торговых партнеров Ирана и обеспечил жизненно важные экономические связи в течение последовательных режимов санкций против Исламской Республики. Китай видит ценность Ирана как ключевого узла в своей инициативе One Belt, One Road, которая стремится развивать современное воплощение Шелкового пути. Китай также имеет опыт инвестирования в Иран, особенно в транспортную инфраструктуру, и проекты развития углеводородов, хотя следует отметить, что последний имел смешанный успех до недавнего снятия санкций. Развитие Китаем своего нового проекта «Шелковый путь» важно не только для Ирана, но и для стран Центральной Азии, поскольку оно дает дополнительный импульс для этих стран по диверсификации их торговых и экспортных маршрутов. Иран является не только полезным каналом для них, но и частью более широкой китайской стратегии, которая объединяет Иран и Центральную Азию. Таким образом, это потенциально беспроигрышный сценарий для всех участников с точки зрения транзитных сборов и дальнейшей диверсификации экспортных маршрутов и партнеров. Естественно, что окончание режима санкций также оказывает положительное влияние на освобождение иранского торгового маршрута, не подвергая риску карательные экономические санкции США [Джафар, 2013, 150].

Однако есть вероятность того, что дальнейшая реинтеграция Ирана в мировую экономику может оказать обратное влияние на ирано-китайские отношения. Хотя Китай является

крупнейшим рынком сбыта иранского экспорта и вторым по величине импортером в Иран, Исламская Республика перешла к ухаживанию за крупнейшими европейскими компаниями и правительствами за инвестиции со времени JCPOA. Этот поворот в сторону Европы свидетельствует о расширении возможностей для Ирана, поскольку он больше не должен полагаться на торговлю с Китаем. Естественно, что Иран выиграет от диверсификации торговых возможностей, и мнение Тегерана заключается в том, что это может дополнить существующие отношения с Китаем, выступая в качестве центра на ключевом наземном маршруте в Европу. С этой целью широкомасштабное присутствие Китая на центральноазиатских энергетических рынках является скорее возможностью для Ирана, чем источником конкуренции для китайской щедрости. Более того, Иран использует ландшафт пост-JCPOA, чтобы заключать важные сделки с Индией в области транспорта и энергетического сотрудничества. Следовательно, Иран может использовать свое давнее желание выступать в качестве канала для среднеазиатских стран (и даже собственных) ресурсов на мировой рынок. Существует также вероятность того, что иранский маршрут приведет к новой конкуренции с другими инициативами под руководством Китая, такими как Китайско-пакистанский экономический коридор, хотя утверждается, что они являются более бесплатными с точки зрения формирования более широкой сети, связанной с проектом «Один пояс, одна дорога».

В конечном счете, прагматизм сохраняется в политике Ирана в Центральной Азии и Китае. Можно видеть, что Иран стремился действовать в своих национальных интересах, ставя экономические цели в авангарде своей внешней политики в регионе. Как отметил Лотфиан, «иранцы не с энтузиазмом относятся к риску национальных интересов ради этнической (или) идеологической борьбы в Центральной Азии». Это справедливо и для его отношений с Китаем, в соответствии с которыми Иран был исторически спокойным по тому, как Пекин имел дело со своим мусульманским уйгурским населением. Это неудивительно, когда мы рассматриваем аналогичные приглушенные позиции по Кашмиру, Чечне и близким отношениям Ирана с Арменией по отношению к шиитскому Азербайджану. Кроме того, тот факт, что центральноазиатские государства продолжают искать способы продемонстрировать свою независимость, – это преимущество Ирана, поскольку оно может выступать в качестве выхода на международные рынки, предоставлять экспертные знания в определенных областях, таких как промышленность углеводородов, а также предлагать инвестиции в промышленных и инфраструктурных проектах. Естественно, есть и другие последствия, которые связаны с большим участием Ирана в Центральной Азии, а безопасность – это одна из таких областей, о которой будет сказано ниже.

Заключение

Однако теперь у Ирана есть возможность, наконец, более реалистично реализовать эти мечты о более активном участии. Можно ожидать большего движения в плане более тесной интеграции Ирана с регионом после JCPOA и последующего снятия режима санкций. Поскольку Иран занимает то, что он всегда считал своим законным местом в ключевых международных и региональных организациях, выгоды от его реинтеграции, вероятно, будут стимулировать дальнейшее участие. Это совпало с усилением региональной активности ключевого союзника в Китае, который рассматривает Иран как важный элемент своей более широкой стратегии в Центральной Азии и за ее пределами. Иран не сможет возглавить, но можно предположить, что он с радостью займет свое место за столом – то, что теперь выглядит более уверенным, чем это произошло за многие годы.

Библиография

1. Джабфар Ф.Н. Противостояние и конкуренция Ирана и других государств региона в Центральной Азии // Вестник Таджикского национального университета. 2013. № 3-3. С. 146-151.
2. Лотфи З.А.Т. Развитие внешней политики Ирана и ее влияние на политические процессы в Центральной Азии: дис. ... канд. полит. наук. Душанбе, 2011. 147 с.
3. Малышева Д.Б. Международно-политическое взаимодействие государств Центральной Азии с Турцией и Ираном // Россия и новые государства Евразии. 2017. № 3 (36). С. 46-58.
4. Мехдиев Э.Т. Состояние и перспективы отношений Ирана со странами Центральной Азии и Закавказья // Международные отношения. 2017. № 4. С. 1-15.
5. Санаи М. Интересы Ирана в Центральной Азии в свете концепции устойчивого развития // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2004. № 1. С. 36-41.
6. Фархади М.К. Вопросы формирования системы безопасности в Центральной Азии в контексте национальных интересов исламской республики Иран: дис. ... канд. полит. наук. Душанбе, 2015. 154 с.
7. Филиппов К.А. Центральная Азия как одно из направлений внешней политики Ирана // XI Машеровские чтения материалы международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Витебск, 2017. С. 188-190.
8. Холмуродова З. Политические и социокультурные предпосылки взаимоотношений Ирана и Центральной Азии // Известия Института философии, политологии и права Академии наук Республики Таджикистан. 2017. № 3-1. С. 66-73.

Regional interaction of Iran and Azerbaijan in the countries of Central Asia

Iqbal I. Rustamov

Own correspondent,
News Agency "SalamNews",
AZ1009, 2/29, Ziverbeka st., Baku, Republic of Azerbaijan;
e-mail: rustamov_i@mail.ru

Abstract

The unusual merger of key events helped form the basis for the development of Iran-Central Asian relations. The end of the Iran-Iraq war, the death of Khomeini and the coming to power of Ali Akbar Hashemi-Rafsanjani and a stronger presidency played a big role in the development of a more pragmatic foreign policy for the Islamic Republic. This change meant creating pragmatic goals and Iran's own national interests over idealistic themes, such as exporting the Islamic revolution. The implosion of the Soviet Union in 1991 came as a shock to the ruling elites of Central Asia, and also opened up new opportunities for the Iranian leadership, which sought to demonstrate its authority as a reliable partner for the new independent states. The Rafsanjani Presidency showed great commitment to regionalism on the part of Iran, reflecting global trends after the Cold War, and Iran sought to build ties with Central Asia through the expanded Economic Cooperation Organization (ECO). Until recently, Iran's focus on building these relations had two important aspects: one of them was the ability to reduce its international isolation and build relations with its new neighbors as a means of reducing the burden of American deterrence policy; the other maintained good relations with a key arms supplier in Russia and did not pursue a policy in Central Asia that would counter it.

Iqbal I. Rustamov

For citation

Rustamov I.I. (2018) Regional'noe vzaimodeistvie Irana i Azerbaidzhana v stranakh Srednei Azii [Regional interaction of Iran and Azerbaijan in the countries of Central Asia]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 7 (5A), pp. 113-119.

Keywords

Iran, foreign policy, priorities, Central Asia, development.

References

1. Dzha'far F.N. (2013) Protivostoyanie i konkurentsia Irana i drugikh gosudarstv regiona v Tsentral'noi Azii [Confrontation and competition of Iran and other countries of the region in Central Asia]. *Vestnik Tadzhijskogo natsional'nogo universiteta* [Bulletin of the Tajik National University], 3-3, pp. 146-151.
2. Farkhadi M.K. (2015) *Voprosy formirovaniya sistemy bezopasnosti v Tsentral'noi Azii v kontekste natsional'nykh interesov islamskoi respubliki Iran. Doct. Dis.* [Issues of forming a security system in Central Asia in the context of the national interests of the Islamic Republic of Iran. Doct. Dis.]. Dushanbe.
3. Filiptsov K.A. (2017) Tsentral'naya Aziya kak odno iz napravlenii vneshnei politiki Irana [Central Asia as one of the directions of Iranian foreign policy]. In: *XI Masherovskie chteniya materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh* [XI Masherov readings: Materials of the international scientific-practical conference of students, graduate students and young scientists]. Vitebsk.
4. Kholmurodova Z. (2017) Politicheskie i sotsiokul'turnye predposylki vzaimootnoshenii Irana i Tsentral'noi Azii [Political and sociocultural prerequisites for relations between Iran and Central Asia]. *Izvestiya Instituta filosofii, politologii i prava Akademii nauk Respubliki Tadjikistan* [News of the Institute of Philosophy, Political Science and Law of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan], 3-3, pp. 66-73.
5. Lotfi Z.A.T. (2011) *Razvitie vneshnei politiki Irana i ee vliyanie na politicheskie protsessy v Tsentral'noi Azii. Doct. Dis.* [Development of Iranian foreign policy and its influence on political processes in Central Asia. Doct. Dis.]. Dushanbe.
6. Malysheva D.B. (2017) Mezhdunarodno-politicheskoe vzaimodeistvie gosudarstv Tsentral'noi Azii s Turtsiei i Iranom [International-political interaction of Central Asian states with Turkey and Iran]. *Rossiia i novye gosudarstva Evrazii* [Russia and the new states of Eurasia], 3 (36), pp. 46-58.
7. Mekhdiev E.T. (2017) Sostoyanie i perspektivy otnoshenii Irana so stranami Tsentral'noi Azii i Zakavkaz'ya [The state and prospects of relations of Iran with the countries of Central Asia and Transcaucasia]. *Mezhdunarodnye otnosheniya* [International relations], 4, pp. 1-15.
8. Sanai M. (2004) Interesy Irana v Tsentral'noi Azii v svete kontseptsii ustoichivogo razvitiya [Interests of Iran in Central Asia in the light of the concept of sustainable development]. *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura* [Caspian region: politics, economy, culture], 1, pp. 36-41.

УДК 327

Анализ реакции СМИ США и Мексики на возведение стены вдоль государственной границы

Курбатов Александр Иванович

Студент,

Воронежский государственный университет,
394018, Российская Федерация, Воронеж, Университетская площадь, 1;
e-mail: kurbatov@mail.ru

Аннотация

Данная статья посвящена оценке отображения в американских и мексиканских средствах массовой информации факта возведения стены вдоль государственной границы двух стран с целью сокращения миграционного потока в США из латиноамериканских государств. Миграционный вопрос вставал в двусторонних американо-мексиканских отношениях и ранее, однако, в связи с существенным превалированием информационного фактора в современных международных отношениях и всеобщего ажиотажа вокруг предвыборной кампании Д. Трампа, в 2016 г. он получил наиболее резонансное отображение в массмедиа. Посредством контент-анализа было установлено, что восприятие как американскими, так и мексиканскими СМИ инцидента со строительством стены в целом соответствовало официальной линии их национальных правительств, намеренных переложить вину с себя на соседа за все связанные с миграцией проблемы, которые существовали и существуют в их отношениях.

Для цитирования в научных исследованиях

Курбатов А.И. Анализ реакции СМИ США и Мексики на возведение стены вдоль государственной границы // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Том 7. № 5А. С. 120-127.

Ключевые слова

Мировая политика, информационный фактор, США, Мексика, миграционный вопрос, информационное соперничество.

Введение

Современные тренды информационного противоборства в Латинской Америке обусловлены текущей расстановкой сил на континенте, национальными интересами и задачами главных внутренних и внешних акторов. Информационно-психологическое противостояние в Латинской Америке имеет многоуровневую структуру и включает следующие положения: пересечение целей и интересов разных политических сил на уровне государств; трения между латиноамериканскими странами разной политической ориентации; конфликтогенный потенциал устремлений России, Китая и США, а также их союзников по НАТО и ЕС; рост конкуренции ТНК и ТНБ, транснациональная олигархия, которая аккумулирует все больше ресурсов в своих руках, что провоцирует социальные напряжения во всех регионах, в том числе и в Латинской Америке.

В условиях Латинской Америки медиавойны, имея объективную основу в социально-экономических и политических противоречиях в регионе, в то же время являются частным проявлением информационно-психологического противоборства в рамках противостояния прогрессивных правительств стратегической коммуникации США. Одним из примеров такого противостояния является освещение строительства стены на границе США и Мексики в их отечественных СМИ [Cybersecurity..., www].

СМИ США и Мексики о возведении стены вдоль государственной границы

В январе 2017 г., уже будучи избранным, Д. Трамп выполнил одно из своих предвыборных обещаний и подписал указ о строительстве стены на границе США с Мексикой. Президент Трамп также подписал президентскую директиву об укреплении мер безопасности; он также рассматривал возможность пересмотра методов допроса, используемых против подозреваемых в терроризме, и возможность восстановления тайных тюрем ЦРУ за пределами США [Трамп подписал..., www]. Однако реакция на данные действия американского президента в СМИ США и Мексики была различной.

Для оценки содержания материалов, публикуемых средствами массовой информации, был выбран контент-анализ. Анализу были подвергнуты издания «The New York Times» и «The Washington Post» как самые значительные СМИ США, «Коммерсант» и «Российская газета» как представители российских массмедиа. «La Crónica de Hoy» является официальным печатным органом Правительства Мексики. Ежедневный выпуск издания составляет 166 675 экземпляров. В основном данная газета занимается публикацией различных нормативных актов, законов, приказов Президента и интервью государственных деятелей. «BN Americas» – это ежедневная мексиканская газета с тиражом 125 000. Особое внимание издание уделяет общественно-политическим вопросам и деловым темам.

Была изучена совокупность статей за период с 25 января 2017 г., когда президент Трамп подписал указ о начале строительства стены на границе с Мексикой, по 25 февраля 2017 г. Отбор статей по данной тематике производился путем наличия в них упоминаний о строительстве стены на американо-мексиканской границе на заданном промежутке времени. В качестве единицы аналитического наблюдения было выбрано слово. В ходе анализа главной категорией-кодом было отношение мексиканских СМИ к действиям США.

В «The New York Times» для анализа было выбрано 6 статей за указанный период, непосредственно выражающих точку зрения СМИ по данному вопросу. В целом позиция «The NYT» в отношении миграции отражала линию американского правительства. Одним из ключевых предусловий для возведения стены на границе с Мексикой являлось обеспечение сохранности американских граждан, в связи с чем частотность употребления слов

«безопасность» и «преступность» была самая высокая – 29% и 18% соответственно. Данный факт вполне логично мог быть объяснен тем, что власти Мексики не совсем надлежащим способом могли реализовать задачу по борьбе с преступностью в стране: многие люди с самого детства вовлекаются в криминальную активность, участвуют в мафиозных кланах и мелких правонарушениях. Во многом становление на путь криминала является единственной возможностью для мексиканских граждан заработать хоть какие-нибудь средства для выживания; безусловно, прибывая в США, многие (не все) мексиканцы стараются и здесь прибегнуть к противозаконной деятельности, угрожая безопасности граждан США. Кроме того, несмотря на то что сейчас миграционная политика США является одной из наиболее открытых в мире, страна категорически не приемлет нелегальную миграцию (19%). В случае с Мексикой уровень нелегальной миграции является самым большим, что во многом обусловлено наличием общей границы и привлекательностью жизни в США.

К сожалению, помимо мексиканцев, ищущих на территории США возможность трудоустройства и лучшей жизни, существуют стремящиеся проникнуть в Америку с целью осуществления наркобизнеса и наркоторговли (6,3%). Как известно, на данный момент Мексика является одной из крупнейших транзитных зон наркотрафика из Латинской Америки, и правительство США всегда занимало очень жесткую позицию в отношении торговли, не раз проводя операции по борьбе с ней в странах происхождения наркотиков. Логично предположить, что, по мнению Белого Дома, возведение стены на границе с Мексикой должно существенно сократить ввоз наркотиков в страну.

Говоря о позиции «The Washington Post», можно отметить, что это издание в своих публикациях в большей степени старается охарактеризовать долгосрочные последствия миграции с точки зрения влияния на внутреннюю жизнь США. Во-первых, «The WP» уделяет огромное внимание так называемому социальному иждивенчеству мигрантов (8%), которое наносит ущерб национальной экономике США. По мнению издания, прибывая в Америку, мигранты начинают использовать систему социальных услуг США, получая статус беженца: посещают поликлиники, отдают детей в школу, получают пособие по безработице. Все это тяжелым бременем ложится на карман американских налогоплательщиков. Во-вторых, «The WP» акцентирует внимание на трудности, а иногда и полной невозможности ассимиляции мексиканцев в американское комьюнити в силу их малой степени образованности (8%) и сильной приверженности собственной национальной культуре (2%), которая в малой степени совместима с американским образом жизни.

**Таблица 1 – Результаты контент-анализа реакции американских
массмедиа на возведение стены на границе с Мексикой**

Единица анализа	«The New York Times»		«The Washington Post»	
	Частота	Процентное соотношение	Частота	Процентное соотношение
Убытки	15	8,6	0	0
Наркоторговцы	11	6,3	14	11
Иждивенчество (Dependency)	13	7,5	11	8
Нелегальный	33	19	15	11
Неграмотность	15	8,6	10	8
Безопасность	51	29	34	26
Несовместимость	5	3	3	2
Преступность	31	18	44	34

Безусловно, решение американских властей возвести стену на границе с Мексикой не осталось незамеченным в ее национальных средствах массовой информации. Одним из изданий, подвергнутых контент-анализу, является «La Crónica de Hoy». Первое, на что обращает внимание данное издание, – это то, что решение американской администрации возвести стену на границе является прямым проявлением шовинизма (26%) и даже в какой-то степени расизма по отношению к гражданам Мексики. На наш взгляд, подобные заявления можно обосновать тем, что поток мигрантов из Мексики в США имел внушительные размеры еще с начала XX в., но до сих пор США вели себя в отношении миграции и воспринимали ее вполне себе толерантно; определенные запреты и трудности по пересечению границы существовали всегда, однако теперь речь идет о полном закрытии границы для нелегальных мигрантов. Кроме того, дабы придать по сути противозаконной эмиграции более-менее правовой статус, «La Crónica de Hoy» очень часто называет миграцию из Мексики в США «сезонной» (19%), скорее всего, акцентируя внимание на том, что она не носит непрерывный характер и что те мигранты, которые однажды попали в США (может быть, и не совсем легальным путем), заработав достаточно для себя и своих семей, отправляются обратно в Мексику. К сожалению, здесь достаточно трудно согласиться с «La Crónica de Hoy» в силу того, что официальные факты, которыми на данный момент располагает Администрация Трампа, говорят нам об обратном: количество мигрантов, оставшихся в США, превышает количество возвратившихся.

Тем не менее правительство Мексики полностью не отрицает, что в вопросах миграционной политики США и Мексики существуют определенные проблемы и что, возможно, эта политика зашла в тупик и требует скорейшего пересмотра и доработки. В связи с этим частотность упоминания о необходимости двусторонних реформ в издании достаточно высока – 14%. Однако Мексика ограничивается лишь упоминаниями о важности данных реформ и не приводит каких-либо конкретных данных для их проведения.

Основной вопрос, который просматривается в большинстве статей газеты «BN Americas», – это финансирование (8%) возведения стены на границе, ибо, по официальным заявлениям Д. Трампа, он всерьез намерен разделить либо полностью возложить на Мексику все расходы по строительству стены. Безусловно, данный факт вызывает весьма сильное недовольство мексиканского правительства. Кроме того, «BN Americas» пытается каким-либо образом оправдать мексиканских эмигрантов, а именно – полностью отрицает их связь с наркоторговлей или преступностью. Напротив, издание стремится доказать, что миграция в США носит исключительно трудовой (15%) характер и приносит пользу стране. В продолжение сказанного издание рассматривает мексиканских мигрантов как рабочую силу (1%), которая оплачивается ниже, а служит ничем не хуже самих американцев, что опять-таки приносит выгоды в американскую экономику. Помимо всего прочего, по мнению «BN Americas», большинство мигрантов в Америке находят себе официальное трудоустройство в ближайшие месяцы после переезда, не занимаются иждивенчеством, а исправно платят налоги (0,05%), не принося какого-либо ущерба бюджету США.

Издание также упоминает о высокой степени адаптируемости (5%) мексиканских мигрантов, утверждая, что те готовы изучать английский язык, знакомиться с культурой США и жить по законам этой страны в обмен на рабочие места и заработную плату. Кроме этого, «BN Americas» подчеркивает многовековую историческую связь двух государств, которая должна быть положена в основу нового подхода в миграционной политике и стать стимулом для сотрудничества США и Мексики.

**Таблица 2 – Результаты контент-анализа реакции мексиканских
массмедиа на возведение стены на границе с США**

Единица анализа	«La Crónica de Hoy»		«BN Americas»	
	Частота	Процентное соотношение	Частота	Процентное соотношение
Рабочая сила	8	7	2	1
Финансирование	18	15	16	8
Сезонная	23	19	36	18
Налоги	0	0	1	0,05
Трудовая	20	17	29	15
Шовинизм	31	26	66	33
Адаптируемость	2	1,7	9	5
Реформы	16	14	40	20

Таким образом, мы видим, что как американские, так и мексиканские СМИ в целом выражают официальные точки зрения своих правительств. Безусловно, нельзя отрицать тот факт, что на «The New York Times» и «The Washington Post» могло быть оказано определенное влияние в связи с проведением в США президентских выборов, после победы Д. Трампа они были вынуждены в своих новостных выпусках быть как можно более соответствующими его заявлениям. В то же время реакция СМИ Мексики обусловлена следующим: каким бы образом ни развивался миграционный вопрос в отношениях между двумя странами, возведение стены серьезно ударит по потоку иммигрантов и станет фактором дестабилизации экономики страны, именно поэтому мексиканское правительство (в том числе и через СМИ) пытается противостоять данному обстоятельству.

Заключение

В результате проведенного анализа было установлено, что вопрос миграции возник в отношениях между двумя государствами еще в начале XX в. До нынешнего момента, в зависимости от исторической конъюнктуры, отношение США к мигрантам постоянно менялось то в лучшую, то в худшую сторону. Однако неоспоримым остается тот факт, что, несмотря на присутствие преступности и наркотрафика, в целом оба государства получали больше плюсов, чем минусов от наличия миграционного потока между ними.

Безусловно, решение президента Д. Трампа коренным образом разрешить проблему эмигрантов является весьма жестким и противоречивым, его последствия достаточно трудно предугадать на данный момент. Однако, на наш взгляд, ситуация могла бы быть нормализована путем ужесточения и более точного описания законодательства обоих государств в данной сфере, ибо последствия такого неоднозначного решения Д. Трампа еще не ясны, а возведение стены, скорее всего, будет осуществлено за счет средств США, что абсолютно точно ляжет тяжелым бременем на карманы американских налогоплательщиков.

Кроме того, можно предположить, что странам латиноамериканского региона предстоит много чего сделать для введения в строй эффективного механизма информационно-психологического противоборства как неотъемлемого инструмента укрепления своей национальной независимости и защиты прогрессивного пути развития.

Библиография

1. Трамп подписал указ о строительстве стены на границе с Мексикой. URL: <http://www.bbc.com/russian/news-38749402>
2. Cybersecurity: are we ready in Latin America and the Caribbean? URL: <http://caribbean.cepal.org/content/cybersecurity-are-we-ready-latin-america-and-caribbean>
3. Demócratas no ceden a las presiones de Trump por el muro. URL: <http://www.cronica.com.mx/notas/2017/1020566.html>
4. El muro de Trump, acto hostil y sin futuro: SRE. URL: <http://www.cronica.com.mx/notas/2017/1020820.html>
5. México no acepta muro, es un acto hostil: Videgaray. URL: <http://www.cronica.com.mx/notas/2017/1020691.html>
6. National as Trump calls for wall, a look at the world's barriers. URL: https://www.washingtonpost.com/national/as-trump-calls-for-wall-a-look-at-the-worlds-barriers/2017/04/27/e77d90e6-2b0f-11e7-9081-f5405f56d3e4_story.html?utm_term=.0837da5d9c4d
7. No he cambiado mi postura sobre el muro: Donald Trump. URL: <http://www.cronica.com.mx/notas/2017/1020666.html>
8. On the U.S.-Mexico border, Trump supporters wait for the wall. URL: https://www.washingtonpost.com/video/national/on-the-us-mexico-border-trump-supporters-wait-for-the-wall/2017/04/26/637dcd8c-2a8e-11e7-9081-f5405f56d3e4_video.html
9. Peña Nieto calls off Trump meeting over border wall dispute. URL: <https://www.bnamericas.com/en/news/banking/pena-nieto-calls-off-trump-meeting-over-border-wall-dispute>
10. Peña Nieto, Trump talk after border wall rift. URL: <https://www.bnamericas.com/en/news/oilandgas/pena-nieto-trump-talk-after-border-wall-rift>
11. Showdown looms as Trump demands funding for wall on U.S.-Mexico border. URL: https://www.washingtonpost.com/powerpost/showdown-looms-as-trump-demands-funding-for-wall-on-us-mexico-border/2017/04/23/5e0a2840-276a-11e7-b503-9d616bd5a305_story.html?utm_term=.f1cfd2b5a207
12. Trump asserts protectionist agenda in inaugural speech. URL: <https://www.bnamericas.com/en/news/electricpower/trump-asserts-protectionist-agenda-in-inaugural-speech7>
13. Trump ordering border wall as Mexican trade talks start. URL: <https://www.bnamericas.com/en/features/insurance/trump-ordering-border-wall-as-mexican-trade-talks-start1>
14. Trump reassures supporters: 'We're going to have the wall'. URL: https://www.washingtonpost.com/video/politics/trump-reassures-supporters-of-a-border-wall/2017/04/29/0847adbc-2d3f-11e7-9081-f5405f56d3e4_video.html
15. Trump, doblemente humillado en vísperas de sus primeros 100 días. URL: <http://www.cronica.com.mx/notas/2017/1020757.html>
16. Trump: Vamos a construir el muro, lo necesitamos. URL: <http://www.cronica.com.mx/notas/2017/1021377.html>
17. Trump's border plans are walling off better alternatives. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/trumps-border-plans-are-walling-off-better-alternatives/2017/04/27/684c4b10-2ac3-11e7-9081-f5405f56d3e4_story.html?utm_term=.54074267db76
18. Trump's wall: a look into the project that Mexico may pay for. URL: <https://www.bnamericas.com/en/features/infrastructure/trumps-wall-a-look-into-the-project-that-mexico-may-pay-for>
19. US-Mex presidents agree to mute public border-wall statements. URL: <https://www.bnamericas.com/en/news/privatization/us-mex-presidents-agree-to-mute-public-border-wall-statements>
20. When is a wall not a wall? GOP redefines Trump's border wall. URL: https://www.washingtonpost.com/politics/congress/when-is-a-wall-not-a-wall-gop-redefines-trumps-border-wall/2017/04/26/89224ee6-2abb-11e7-9081-f5405f56d3e4_story.html?utm_term=.3cc6817f8edd

Analysis of the US and Mexican media reaction to border wall construction

Aleksandr I. Kurbatov

Student,
Voronezh State University,
394018, 1, Universitetskaya sq., Voronezh, Russian Federation;
e-mail: kurbatov@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the assessment of the fact of the construction of a wall along the state border between the USA and Mexico with a view to reducing the migration flow to the United States

from Latin American States in the American and Mexican media. The author of the article points out that the migration issue had arisen in the bilateral US-Mexican relations before, however, it received really hard-hitting representations in the media in 2016 due to the significant prevalence of the information factor in modern international relations and the general stir around the election campaign of D. Trump. As the article aims to analyse the information on the construction of a wall along the state border between the USA and Mexico, it deals with US and Mexican newspapers in order to reveal the attitudes of these countries to constructing the wall. The author uses the method of content analysis to come to the conclusion that the perception of the border wall construction by both American and Mexican media was broadly consistent with the official line of their national governments, which intended to shift the blame for all migration-related problems, which existed and exist in their relations, on the neighbour.

For citation

Kurbatov A.I. (2018) Analiz reaktsii SMI SShA i Meksiki na vozvedenie steny vdol' gosudarstvennoi granitsy [Analysis of the US and Mexican media reaction to border wall construction]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 7 (5A), pp. 120-127.

Keywords

World politics, information factor, USA, Mexico, migration issue, information rivalry.

References

1. *Cybersecurity: are we ready in Latin America and the Caribbean?* Available at: <http://caribbean.cepal.org/content/cybersecurity-are-we-ready-latin-america-and-caribbean> [Accessed 28/07/18].
2. *Demócratas no ceden a las presiones de Trump por el muro.* Available at: <http://www.cronica.com.mx/notas/2017/1020566.html> [Accessed 28/07/18].
3. *El muro de Trump, acto hostil y sin futuro: SRE.* Available at: <http://www.cronica.com.mx/notas/2017/1020820.html> [Accessed 28/07/18].
4. *México no acepta muro, es un acto hostil: Videgaray.* Available at: <http://www.cronica.com.mx/notas/2017/1020691.html> [Accessed 28/07/18].
5. *National as Trump calls for wall, a look at the world's barriers.* Available at: https://www.washingtonpost.com/national/as-trump-calls-for-wall-a-look-at-the-worlds-barriers/2017/04/27/e77d90e6-2b0f-11e7-9081-f5405f56d3e4_story.html?utm_term=.0837da5d9c4d [Accessed 28/07/18].
6. *No he cambiado mi postura sobre el muro: Donald Trump.* Available at: <http://www.cronica.com.mx/notas/2017/1020666.html> [Accessed 28/07/18].
7. *On the U.S.-Mexico border, Trump supporters wait for the wall.* Available at: https://www.washingtonpost.com/video/national/on-the-us-mexico-border-trump-supporters-wait-for-the-wall/2017/04/26/637dcd8c-2a8e-11e7-9081-f5405f56d3e4_video.html [Accessed 28/07/18].
8. *Peña Nieto calls off Trump meeting over border wall dispute.* Available at: <https://www.bnamericas.com/en/news/banking/pena-nieto-calls-off-trump-meeting-over-border-wall-dispute> [Accessed 28/07/18].
9. *Peña Nieto, Trump talk after border wall rift.* Available at: <https://www.bnamericas.com/en/news/oilandgas/pena-nieto-trump-talk-after-border-wall-rift> [Accessed 28/07/18].
10. *Showdown looms as Trump demands funding for wall on U.S.-Mexico border.* Available at: https://www.washingtonpost.com/powerpost/showdown-looms-as-trump-demands-funding-for-wall-on-us-mexico-border/2017/04/23/5e0a2840-276a-11e7-b503-9d616bd5a305_story.html?utm_term=.f1cfd2b5a207 [Accessed 28/07/18].
11. *Trump podpisal ukaz o stroitel'stve steny na granitse s Meksikoi* [Trump signed an order for the border wall construction]. Available at: <http://www.bbc.com/russian/news-38749402> [Accessed 28/07/18].
12. *Trump asserts protectionist agenda in inaugural speech.* Available at: <https://www.bnamericas.com/en/news/electricpower/trump-asserts-protectionist-agenda-in-inaugural-speech7> [Accessed 28/07/18].
13. *Trump ordering border wall as Mexican trade talks start.* Available at: <https://www.bnamericas.com/en/features/insurance/trump-ordering-border-wall-as-mexican-trade-talks-start1> [Accessed 28/07/18].

14. *Trump reassures supporters: 'We're going to have the wall'*. Available at: https://www.washingtonpost.com/video/politics/trump-reassures-supporters-of-a-border-wall/2017/04/29/0847adbc-2d3f-11e7-9081-f5405f56d3e4_video.html [Accessed 28/07/18].
15. *Trump, doblemente humillado en vísperas de sus primeros 100 días*. Available at: <http://www.cronica.com.mx/notas/2017/1020757.html> [Accessed 28/07/18].
16. *Trump: Vamos a construir el muro, lo necesitamos*. Available at: <http://www.cronica.com.mx/notas/2017/1021377.html> [Accessed 28/07/18].
17. *Trump's border plans are walling off better alternatives*. Available at: https://www.washingtonpost.com/opinions/trumps-border-plans-are-walling-off-better-alternatives/2017/04/27/684c4b10-2ac3-11e7-9081-f5405f56d3e4_story.html?utm_term=.54074267db76 [Accessed 28/07/18].
18. *Trump's wall: a look into the project that Mexico may pay for*. Available at: <https://www.bnamerica.com/en/features/infrastructure/trumps-wall-a-look-into-the-project-that-mexico-may-pay-for> [Accessed 28/07/18].
19. *US-Mex presidents agree to mute public border-wall statements*. Available at: <https://www.bnamerica.com/en/news/privatization/us-mex-presidents-agree-to-mute-public-border-wall-statements> [Accessed 28/07/18].
20. *When is a wall not a wall? GOP redefines Trump's border wall*. Available at: https://www.washingtonpost.com/politics/congress/when-is-a-wall-not-a-wall-gop-redefines-trumps-border-wall/2017/04/26/89224ee6-2abb-11e7-9081-f5405f56d3e4_story.html?utm_term=.3cc6817f8edd [Accessed 28/07/18].

УДК 32

Обобщенная модель кризисных коммуникаций органов государственной власти в ситуациях социальной напряженности

Акимович Екатерина Викторовна

Кандидат политических наук,
старший преподаватель,

Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций,
Санкт-Петербургский государственный университет,

199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9;
e-mail: Akimovich.k@gmail.com

Аннотация

В статье рассматриваются ключевые принципы эффективной коммуникации органов государственной власти в кризисах различной природы, в том числе в ситуациях социальной напряженности. Производится уточнение базовых характеристик кризиса для сферы государственного управления. Также предлагается авторская классификация типов кризиса для властных структур, разработанная на основе типологии организационных кризисов классика современных кризисных коммуникаций Т. Кумбса. На основе анализа современной академической литературы, посвященной теории рассматриваемого вопроса, предлагается обобщенная модель кризисных коммуникаций органов государственной власти в ситуациях социальной напряженности в случаях низкой и высокой атрибуции ответственности властных структур. Модель интегрирует подход Смита к этапам кризисного менеджмента и модель универсальной кризисной реакции Кумбса. В рамках каждого варианта предлагается набор оптимальных стратегий кризисных коммуникаций, позволяющих снизить уровень социальной напряженности и гармонизировать отношения между представителями государственной власти и обществом. Данные теоретические построения могут быть использованы кризисными менеджерами и представителями властных структур для эффективного кризисного менеджмента.

Для цитирования в научных исследованиях

Акимович Е.В. Обобщенная модель кризисных коммуникаций органов государственной власти в ситуациях социальной напряженности // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Том 7. № 5А. С. 128-136.

Ключевые слова

Кризис, кризисная коммуникация, органы государственной власти, социальная напряженность, политика.

Введение

Кризисы различной природы, в том числе и спровоцированные ситуациями социальной напряженности, обладают серьезным потенциалом наносить репутационный ущерб органам государственной власти и значительно снижать их легитимность. Во многом это обусловлено новыми реалиями современного общества, такими как интенсивное проникновение интернета и активное развитие технологий web 2.0, в том числе социальных медиа. Более того, особенности функционирования информации в современном публичном пространстве устанавливают новые правила игры для субъектов PR, и особенно, для представителей властных структур. Дело в том, что сегодня даже незначительный на первый взгляд инцидент, единичное неправильное действие или отсутствие всякого действия, равно как и необдуманное высказывание, появившееся в информационном пространстве, подвергает риску легитимность политических элит. Причем, зачастую поворотным моментом в процессе перехода события в кризис становится не физическое действие, а коммуникативное. Коммуникативные проступки дают возможность оппозиционным силам запустить дискредитационные кампании в медиа в адрес органов государственной власти. В итоге информационное пространство заполняется слухами, спекуляциями и альтернативными версиями кризиса, что в свою очередь чревато делегитимацией действующей власти.

Современная теория кризисных коммуникаций

С. Коттл, рассматривая природу катастроф в новой социальной реальности, акцентировал внимание на изменившейся природе бедствий и способе их презентации в медиа [Fink, 2013]. Данный тезис также справедлив для всех типов кризисов, происходящих в обществе, в том числе и для тех, которые спровоцированы вспышками социального недовольства. Кризисы сегодня являются не просто предметом для коммуникации, но и настоящими конструктами, состоящими из целого ряда медиадискурсов. Такая особенность функционирования кризисов в информационном пространстве делает их медиатизированными. Медиа сообщают о кризисах, в то же время создают фон общественных отношений, подготавливая почву для политических реформ и модернизаций [там же].

Перечисленные выше реалии информационного общества ставят перед теоретиками кризисных коммуникаций новые вызовы, необходимость в разработке новых технологий и моделей кризисного реагирования. Однако, для построения теоретических конструкций требуется уточнение ключевых характеристик кризиса непосредственно для органов государственной власти. В академической литературе нет разногласий относительно черт организационного кризиса, и несмотря на то, что, в общем и целом, они являются унифицированными, на наш взгляд, здесь необходима некоторая детализация.

Синтезируя взгляды ведущих теоретиков области на данное явление, мы предлагаем перечень черт кризиса для органов государственной власти, состоящий из пяти элементов: перцептивность, непредсказуемость, неизбежность, потенциал вызывать серьезные нарушения в ожиданиях стейкхолдеров и способность создавать нежелательные последствия.

Так называемая перцептивная природа рассматриваемого нами явления выражается в том, что негативное событие превращается в кризис только тогда, когда общественность расценивает

его таким образом. Кризис действительно имеет место в случаях, когда стейкхолдеры убеждены в том, что органы государственной власти не справляются с ситуацией или усугубляют ее [Coombs, 2007, 3]. На параметр перцептивности указывают и Улмер, Селлнау и Сиджер, отмечая, что «любые угрозы относятся к сфере нашего восприятия, и это обстоятельство повышает уровень неопределенности события: люди в организации могут по-разному относиться к одной и той же угрозе, воспринимать ее в качестве потенциального кризиса или нет» [Улмер, Селлнау, Сиджер, 2011, 38-39].

Амбивалентная сущность кризиса проявляется, с одной стороны, в его неожиданности, с другой – в предсказуемости. При корректно выстроенной системе менеджмента государственные ведомства имеют возможность сканировать сигналы из внешней и внутренней среды, и выявляя проблемные зоны, предвидеть кризисы. Параметр неизбежности латентно присутствует в трактовках понятия «кризис». Так, например, исследователи отмечают, что «мудрые организации не сомневаются в неотвратимости кризиса, вопрос лишь в том, в какой момент он разразится» [там же].

Кризисы, представляющие угрозы для репутации органов государственной власти, нарушают представления общественности относительно того, как надлежит действовать ведомствам и конкретным представителям власти. Эти нарушения могут приводить к дисгармонизации отношений общества и власти и подрывать доверие к последним.

Пятая характеристика кризиса для органов государственной власти выражается в способности провоцировать негативные последствия в форме финансового ущерба, потери собственности населения, экологических проблем и т.д. [Coombs, 2007, 3].

Несмотря на унифицированный характер параметров кризисов, многообразие их типов формирует предпосылки для разработки максимально полных классификаций рассматриваемого феномена. Существует целый ряд типологий организационных кризисов, базирующихся на различных критериях. Так, например, С. Финк, признанный классик в области кризисных коммуникаций, в качестве ключевого основания для классификации кризисов предлагает атрибуцию ответственности. Таким образом, ученый группирует кризисы в парные блоки, принципиально важными среди которых являются оппозиционные и неопозиционные. В блок оппозиционных кризисов входят все типы негативных событий, в которых общественность считает виновной организацию, в блоке неопозиционных кризисов организация воспринимается стейкхолдерами как жертва [Fink, 2013, 14-16].

Безусловно, значительное количество существующих классификаций организационных кризисов может быть использовано для решения коммуникативных задач органов государственной власти. Однако, для корректного моделирования процессов эффективной коммуникации властных структур подобное упрощение не допустимо. Мы считаем правомерным адаптировать типологию Т. Кумбса к кризисам органов государственной власти, так как она представляется нам наиболее полной.

Т. Кумбс, ведущий теоретик кризисных коммуникаций, обобщая существующие классификации кризисов, предложил авторский перечень типов организационных кризисов, состоящий из десяти позиций: природные катаклизмы, насилие на рабочем месте, слухи, вредительство, жалобы, авария вследствие технической ошибки, авария вследствие человеческого фактора, вред от продукта вследствие технической ошибки, вред от продукта вследствие человеческого фактора, организационные преступления [Coombs, 2007, 64-66]. По нашему мнению, в классификации кризисов для органов государственной власти логично разделить стихийные бедствия и экологические катастрофы, так как в указанных типах серьезно

варьируется атрибуция ответственности. Если в первом типе, «стихийные бедствия», подразумевается низкая атрибуция в силу того, что природная катастрофа в теории Т. Кумбса относится к кластеру «жертва», то в ситуациях экологических катастроф атрибуция ответственности значительно повышается. Несмотря на то, что природные катастрофы обуславливаются обстоятельствами непреодолимой силы, государство, с которым люди заключили общественный договор, отвечает за защиту и безопасность своих граждан в различных ситуациях, в том числе и в условиях агрессивного воздействия природных сил. В ситуациях экологических катастроф спусковым механизмом для кризиса являются непосредственно человеческие ошибки и/или технические неисправности. Данное обстоятельство автоматически переводит властные структуры из статуса «жертвы» в разряд «виновника трагедии», следовательно, кризисные стратегии в рассматриваемых типах будут значительно отличаться. Выделения в отдельный тип кризисов заслуживают, на наш взгляд, аварии различного характера, в том числе авиакатастрофы, взрывы и пожары на государственных объектах и пр. Аварии принципиально отличаются от стихийных бедствий и экологических катастроф. В отличие от природных катастроф, аварии, как правило, подразумевают наличие виновных за трагедию. Однако, далеко не любая авария влечет за собой экологические проблемы, в то же время не каждая экологическая катастрофа является следствием аварии на производстве и т.п. Таким образом, мы полагаем правомерным актуализацию такого типа кризиса в данной классификации. Резюмировав вышесказанное, типология кризисов для органов государственной власти принимает следующий вид:

1) стихийные бедствия: жителям определенной географической местности, района или региона, причинен ущерб вследствие обстоятельств непреодолимой силы: наводнения, землетрясения, урагана, засухи и т.п.;

2) экологические катастрофы: различного рода техногенные катастрофы вследствие человеческого фактора или технической ошибки на предприятиях с государственным участием, спровоцировавшие серьезные экологические проблемы в определенном районе;

3) аварии: человеческая ошибка и/или техническая неисправность в организациях с государственным участием или подконтрольных конкретным ведомствам становятся причиной гибели граждан и потери имущества;

4) насилие на рабочем месте: настоящий или бывший работодатель из властных структур совершает действия насильственного характера над своими подчиненными;

5) слухи и домыслы: циркуляция в информационном пространстве сведений о деятельности органов государственной власти, не соответствующих действительности, либо намеренно вводящих общественность в заблуждение относительно версий произошедшего кризиса, мер предпринимаемых для нивелирования негативных последствий и пр.;

6) вредительство: политические оппоненты и/или представители оппозиции предпринимают экстремальные меры для атаки органов государственной власти, их дискредитации, а также в целях приращения собственного политического капитала. В первую очередь, речь идет о терроризме и хакерских атаках;

7) жалобы: отдельные ведомства и/или представители конкретного уровня власти (местного, регионального, федерального) сталкиваются с недовольством стейкхолдеров, утверждающих, что органы государственной власти ненадлежащим образом исполняют свои обязанности;

8) должностные преступления: представители органов государственной власти совершают действия, которые интенционально подвергают опасности жизни и/или имущество стейкхолдеров и/или нарушают законодательство страны.

Кризисные коммуникации органов государственной власти в ситуациях социальной напряженности

Все перечисленные типы способны повышать уровень социальной напряженности. Кризисы с низкой атрибуцией ответственности (стихийные бедствия, слухи и вредительство) – в меньшей степени, с высокой атрибуцией (экологические катастрофы, аварии, насилие на рабочем месте, жалобы и должностные преступления) – в большей. Крайним и наиболее опасным с точки зрения репутационных рисков и связанным с ним подрывом легитимности является случай, когда какой-либо кризис из первых семи приобретает черты типа «должностные преступления». Причем, если в сознании граждан представители государственной власти намеренно подвергают их жизни опасности или пренебрегают законом, значит, таково действительное положение дел. В таких условиях властным структурам необходимо имплементировать коммуникативные стратегии, опираясь на рекомендации по работе в рамках данного типа кризиса. В самом общем виде рекомендации по использованию кризисных стратегий представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Рекомендации для органов государственной власти по использованию стратегий кризисных коммуникаций в ситуациях социальной напряженности

Уровень атрибуции ответственности	Тип кризиса	Рекомендуемые стратегии
Низкий	Стихийные бедствия; слухи и домыслы; вредительство	1. Стратегии уменьшения; 2. стратегии отрицания в случаях циркулирования слухов; 3. стратегии восстановления в ситуациях стихийных бедствий и терроризма
Высокий	Экологические катастрофы, аварии; насилие на рабочем месте; жалобы; должностные преступления	1. Стратегии восстановления; 2. стратегии усиления

Классическая модель коммуникативной реакции включает в себя представление информации трех видов: инструктирующей, адаптирующей и интериоризирующей. Первый тип предоставляется на этапе до кризиса, либо сразу после негативного события. Его основная цель сводится к изложению действий, которые необходимы к выполнению аффектированной общественностью для сохранения жизни и здоровья [Barton, 2001, 2]

Если социальная напряженность является следствием таких кризисов как природная или экологическая катастрофа, авария, насилие на рабочем месте, вредительство и отчасти должностные преступления – то на этапе докризиса необходимо обеспечение граждан инструктирующей информацией. В случае природных, экологических катастроф и аварий речь идет о четких инструкциях, как физически обезопасить себя в кризис. В ситуациях насилия на рабочем месте инструктирующая информация может принимать формы сведений о том, куда обращаться с жалобами, где получить медицинскую или психологическую помощь и т.д. В случае вредительства и должностных преступлений инструктирующий тип информации может быть подан в виде пошаговых руководств к действию и алгоритмов поведения, например, в условиях террористических атак различного характера. В таких типах кризиса, как слухи и

жалобы, инструктирующая информация имплицитно обнаруживает себя в рекомендациях органов государственной власти касательно того, где можно найти адекватные и правдивые данные о кризисе, кто уполномочен распространять оперативные сведения, а также, куда следует обращаться с вопросами и в какой форме подавать жалобы.

Помимо создания впечатления полного контроля над ситуацией инструктирующая информация способствует повышению самоэффективности. В интерпретации Улмера, Селлнау и Сиджера самоэффективность выражается в «демонстрации стейкхолдерам ряда действий, которые они могут совершить самостоятельно и, таким образом, защитить себя от нежелательных эффектов кризиса» [Fink, 2013, 83]. В трактовке автора описываемого термина, А. Бандуры, самоэффективность представляет собой веру людей в то, что их действия могут быть эффективными [Фрейджер, Фэйдимен, www].

Назначение адаптирующей информации в психологическом преодолении стресса, вызванного кризисом. Для обретения психологического спокойствия стейкхолдерам необходимы сведения касательно версии произошедшего: что случилось, где, как, и мероприятий по нивелированию последствий. Адаптирующая информация, как правило, включает в себя компоненты сочувствия пострадавшим [Coombs, 2007, 135-137]. Сообщения с элементами сострадания благоприятствуют гармонизации отношений местных органов власти и общества, и как следствие, укрепляют уверенность сообщества в том, что коллективно они в силах преодолеть кризис [Norris et al., 2008, 127-150]. Однако, по результатам исследования нидерландских ученых, эмпатичность предоставляемой информации не влияет на желание стейкхолдеров следовать советам властных структур. Такие выводы объясняются следующим образом: в разгар кризисного события аффектированная общественность испытывает потребность исключительно в тех сведениях, которые имеют прямое отношение к преодолению кризиса. Лексические конструкции, содержащие элементы соболезнования и сострадания, не представляют собой информацию первостепенной значимости, и более уместны на этапе восстановления [Claeys, 2013, 293-308].

Интериоризирующая информация направлена на реконструкцию репутации, что становится особенно важным на заключительном этапе урегулирования кризиса [Sturges, 1994, 300-305]. В данной фазе осуществляется внедрение реставрационных стратегий.

Модель кризисной коммуникации органов государственной власти в условиях социальной напряженности может быть построена на базе трехступенчатой модели кризисного менеджмента Смита. Смит предложил модель из трех фаз, иллюстрирующую процесс кризисного менеджмента: 1) период до кризиса, когда появляются индикаторы негативного события; 2) непосредственно кризис: негативное событие происходит, и предпринимаются первые попытки его урегулировать; 3) кризис легитимации, когда внимание медиа приковано к кризисному событию [Coombs, Holladay, 2012, 21-22]. В центре последней фазы находится коммуникативная реакция и осуществляется обучение на рабочих местах.

Объединив модель Смита и универсальную схему коммуникативной реакции, наполнив каждый из этапов кризисной коммуникации комбинацией стратегий, предложенных Т. Кумбсом [там же, 104] и модифицированных нами ранее, получим обобщенные модели кризисных коммуникаций органов государственной власти в ситуациях социальной напряженности в случаях низкого и высокого уровня атрибуции ответственности.

Таблица 2 – Модель кризисных коммуникаций органов государственной власти в ситуациях социальной напряженности в случае низкой атрибуции ответственности

До кризис	Непосредственно кризис	Кризис легитимации
Инструктирующая информация	Адаптирующая информация	Интерииоризирующая информация: стратегии уменьшения, отрицания, восстановления

В ситуационной теории кризисных коммуникаций Т. Кумбса стратегии из группы восстановления рекомендуется использовать исключительно в кризисах с высоким уровнем ответственности. Мы же настаиваем на имплементации стратегий из данного кластера и в условиях низкой атрибуции ответственности. В силу сложившейся традиции, заложенной со времени философских размышлений о природе общественного договора, принято считать, что именно органы государственной власти, являются стражем общественного порядка и защитником населения страны, а следовательно, так или иначе несут ответственность за все происходящее со своими гражданами.

Таблица 3 – Модель кризисных коммуникаций органов государственной власти в ситуациях социальной напряженности в случае высокой атрибуции ответственности

До кризис	Непосредственно кризис	Кризис легитимации
Инструктирующая информация	Адаптирующая информация	Интерииоризирующая информация: стратегии восстановления и усиления

Стратегии восстановления на этапе кризиса легитимации рекомендуется дополнять стратегиями усиления, которые являются комплиментарными и не используются самостоятельно, однако, значительно повышают эффективность коммуникации.

Заключение

Актуализировав ключевые характеристики кризиса для органов государственной власти и разработав авторскую типологию кризисов в сфере государственного управления, были сформулированы теоретические предпосылки для создания моделей кризисных коммуникаций властных структур в ситуациях социальной напряженности. В качестве таких предпосылок нами были выделены атрибуция ответственности за кризис, и как следствие, различие в коммуникативных стратегиях в условиях социальной напряженности различных типов. Обобщенная модель кризисных коммуникаций представителей официальной власти, представленная в статье, демонстрирует поэтапный процесс передачи информации различных видов в соответствии с фазами кризиса.

Библиография

1. Улмер Р., Селлнау Т., Сиджер М. Эффективная кризисная коммуникация: от кризиса к возможности. Харьков, 2011. 268 с.
2. Фрейдджер Р., Фэйдимен Д. Теории личности и личностный рост. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/freydjer/index.php
3. Barton L. Crisis in organizations II: Managing and communicating in the heat of crisis. Cincinnati: College divisions South-Western, 2001. 304 p.

4. Claeys A.-S. et al. Implications of stealing thunder for the impact of expressing emotions in organizational crisis communication // *Journal of Applied Communication Research*. 2013. 41(3). P. 293-308.
5. Coombs T. *Ongoing crisis communication. Planning, managing, and responding*. Thousand Oaks: Sage Publications, 2007. 224 p.
6. Coombs T., Holladay S. *The Handbook of crisis communication*. Wiley-Blackwell, 2012. 737 p.
7. Cottle S. Rethinking media and disasters in a global age: What's changed and why it matters // *Media, War & Conflict*. 2014. Vol. 7(1). P. 3-22.
8. Fink S. *Crisis communications. The definitive guide to managing the message*. Chicago: McGraw-Hill Education, 2013. 337 p.
9. Norris F.H. et al. Community resilience as a metaphor, theory, set of capacities, and strategy for disaster readiness // *American Journal of Community Psychology*. 2008. 41(1-2). P. 127-150.
10. Sturges D.L. *Communicating through crisis: A strategy for organizational survival* // *Management Communication Quarterly*. 1994. Vol. 7. P. 297-316.

Synthesis model of crisis communication of government authorities in situations of social tension

Ekaterina V. Akimovich

PhD in Political Science, Senior Lecturer,
Higher School of Journalism and Mass Communications,
Saint Petersburg State University,
199034, 7/9, Universitetskaya embankment, Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: Akimovich.k@gmail.com

Abstract

Crises of various natures, including those provoked by situations of social tension, have a serious potential to cause reputational damage to public authorities and significantly reduce their legitimacy. The article studies key principles of effective public authorities' communication in crises of different nature, including situations of social tension. Basic characteristics of the crisis in public administration sphere are specified. Also an uniquely designed crisis types classification for public authorities on the ground of T. Coombs organizational crises typology is proposed. In terms of up-to-date academic literature concerning discussed problem the generalized model of public authorities' crisis communication during situations of social tension with low and high attribution of responsibility is also introduced. The model integrates Smith's approach to the process of crisis management and Coombs overall model of crisis reaction. The set of appropriate crisis communication strategies for each variant is proposed. These strategies provide an opportunity to decline the level of social tension and to harmonize the relationship between government and society. These theoretical constructions can be used by crisis managers and representatives of public authorities for effective crisis management. The generalized model of crisis communications of representatives of the official authorities, presented in the article, demonstrates a phased process of transmitting information of various types in accordance with the phases of the crisis.

For citation

Akimovich E.V. (2018) Obobshchennaya model' krizisnykh kommunikatsii organov gosudarstvennoi vlasti v situatsiyakh sotsial'noi napryazhennosti [Synthesis model of crisis communication of government authorities in situations of social tension]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 7 (5A), pp. 128-136.

Keywords

Crisis, crisis communication, public authorities, social tension, politics.

References

1. Barton L. (2001) Crisis in organizations II: Managing and communicating in the heat of crisis. Cincinnati: College divisions South-Western.
2. Claeys A.-S. et al. (2013) Implications of stealing thunder for the impact of expressing emotions in organizational crisis communication. *Journal of Applied Communication Research*, 41(3), pp. 293-308.
3. Coombs T. (2007) Ongoing crisis communication. Planning, managing, and responding. Thousand Oaks: Sage Publications.
4. Coombs T., Holladay S. (2012) The Handbook of crisis communication. Willey-Blackwell.
5. Cottle S. (2014) Rethinking media and disasters in a global age: What's changed and why it matters. *Media, War & Conflict*, 7(1), pp. 3-22.
6. Fink S. (2013) Crisis communications. The definitive guide to managing the message. Chicago: McGraw-Hill Education.
7. Freyger R., Faidimen D. Teorii lichnosti i lichnostnyi rost [Theories of personality and personal growth]. Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/freydjer/index.php [Accessed 10/10/2018]
8. Norris F.H. et al. (2008) Community resilience as a metaphor, theory, set of capacities, and strategy for disaster readiness. *American Journal of Community Psychology*, 41(1-2), pp. 127-150.
9. Sturges D.L. (1994) Communicating through crisis: A strategy for organizational survival. *Management Communication Quarterly*, 7, pp. 297-316.
10. Ulmer R., Sellnau T., Seeger M. (2011) Effektivnaya krizisnaya kommunikatsiya: ot krizisa k vozmozhnosti [Effective crisis communication: from crisis to opportunity]. Kharkov.

УДК 32**Патриотизм и формирование гражданской идентичности
в политическом сознании населения Югры****Габеркорн Алена Игоревна**

Ассистент,
кафедра политико-правовых дисциплин,
Институт государства и права,
Сургутский государственный университет,
628400, Российская Федерация, Сургут, просп. Ленина, 1;
e-mail: gab_alena@mail.ru

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-411-860001.

Аннотация

Исследуются основные этапы формирования системы патриотического воспитания в современной России. Рассматривается нормативно-правовая база патриотического воспитания детей и молодежи на примере Ханты-Мансийского автономного округа – Югра. На основе анализа раскрываются особенности формирования гражданско-патриотического и духовно-нравственного сознания населения региона. Выявляются смысловые и ценностные интерпретации патриотизма. Как показало исследование, прослеживается устойчивая корреляция самоотождествления гражданами себя как «патриотов» с чувством гражданской идентичности. Сделан вывод, что именно это является базовой характеристикой понятия патриотизм. В то же время, манифестируемая любовь к Родине и гордость за ее исторические достижения, как проявление патриотизма, чаще всего не находит подкрепления фактором «личного участия» и ответственности за происходящее в стране. Но одобрение у респондентов вызывает главным образом внешняя политика. В оценке внутренней политики государства мнения респондентов носят не столь однозначный характер. Большинство респондентов, независимо от их патриотической настроенности, считают, что острые проблемы в социально-экономической сфере, связанные с падением уровня жизни населения, социальным неравенством и неэффективностью органов власти, не дают поводов для гордости. Граждане занимают весьма пассивную позицию в решении местных вопросов, не рассматривают общественно-активную позицию в качестве выполнения патриотического долга. Подобное состояние общественного сознания вызывает определенное беспокойство, поскольку патриотизм основан, на чувстве ответственности за судьбу своего Отечества. Делается вывод, что это направление работы должно привлечь особое внимание в системе патриотического воспитания.

Для цитирования в научных исследованиях

Габеркорн А.И. Патриотизм и формирование гражданской идентичности в политическом сознании населения Югры // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Том 7. № 5А. С. 137-147.

Ключевые слова

Патриотизм, гражданская идентичность, патриотическое воспитание, политическое сознание, политика.

Введение

Деидеологизация российского общества, произошедшая после распада СССР, привела к трансформации системы ценностных ориентаций, негативно отразившейся на моральном и психологическом климате в стране. Социально-экономический кризис и политические изменения в 90-х годах XX века сопровождались кризисом гражданской идентичности россиян и падением уровня патриотизма. В обществе распространялось мнение, что патриотизм – это отжившая ценность, несовместимая с построением открытого, свободного демократического общества. Отсутствие государственной идеологии и политической воли по формированию патриотического сознания привели к депатриотизации части населения, особенно молодежи. Это вылилось в глубокое отчуждение народа от государственных и властных структур, привело к повышению эмиграционных настроений.

Проблема формирования национальной идеи для новой российской государственности актуализировалась в связи с необходимостью создания духовно-нравственных ориентиров российского общества и консолидации народа вокруг общенациональных целей. Однако само понятие «национальная идея» долгое время в российском обществе имело дискуссионный характер и претерпело некую эволюцию на уровне государства. Так, в 2007 году в Послании Федеральному Собранию РФ глава государства В.В. Путин сравнил поиск национальной идеи со «старинной русской забавой». По его словам, «это что-то вроде поиска смысла жизни. Занятие в целом небесполезное и небезынтересное. Этим можно заниматься всегда и бесконечно..., мы вместе с тем должны и будем опираться на базовые морально-нравственные ценности, выработанные народом России за более чем тысячелетнюю свою историю. Только в этом случае мы сможем правильно определить ориентиры развития страны. И только в этом случае нас ждет успех» [Путин, 2007, www].

В 2013 году на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» В.В. Путин подчеркнул необходимость совместного участия народа, общества и государства в выработке национальной идеи, основанной на «духовном, идеологическом и внешнеполитическом суверенитете страны».

В феврале 2016 года президент на встрече с активом «Клуба лидеров» уже отчетливо обозначил, что национальная идея России – это патриотизм. «У нас нет никакой, и не может быть другой объединяющей идеи, кроме патриотизма... Никакой другой идеи мы не придумаем, и придумывать не надо» [Путин, 2016, www], правда, добавив при этом, что она еще «не оформлена» и надо понять, как ее «запустить». Все это, в свою очередь, свидетельствовало о том, что есть лишь заявка на национальную идею, но цельной всеобъемлющей концепции, дающей ответы на важнейшие вопросы российской современности, еще не разработано.

Основная часть

Сама же система патриотического воспитания в России складывалась поэтапно. Начиная с 2001 года, работа по патриотическому воспитанию ведется по пятилетним целевым программам.

Первая государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001-2005 годы» была запущена в 2001 году. Возрождение государственного патриотизма начиналось как ответ на вызовы времени – рост сепаратистских, экстремистских и иных асоциальных явлений, которые явились причиной дезинтеграции общества.

В рамках государственной программы патриотического воспитания в 2003 году была разработана Концепция патриотического воспитания граждан Российской Федерации (далее – Концепции). В Концепции сформулированы теоретические основы патриотического воспитания, его цель, задачи и принципы, роль и место государственных органов, общественных объединений и организаций по воспитанию патриотизма в современных условиях. В Концепции патриотизм понимался как сознательно и добровольно принимаемая позиция граждан, в которой приоритет общественного, государственного выступает не ограничением, а стимулом индивидуальной свободы и условием всестороннего развития гражданского общества. Протокол Концепции N 2(12)-П4.

Помимо разработки и принятия Концепции патриотического воспитания, государственная программа 2001-2005 гг. предполагала создание в регионах координационных советов и центров патриотического воспитания, в отдельных регионах – опорных зон для апробации системы патриотического воспитания, разных подходов к ее регулированию.

Следующая госпрограмма – «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006-2010 годы» – разрабатывалась уже в соответствии с принятой Концепцией патриотического воспитания и являлась продолжением Программы 2001-2005 годов, с целью «дальнейшего формирования патриотического сознания российских граждан как важнейшей ценности, одной из основ духовно-нравственного единства общества» Постановление Правительства РФ № 422. Программа позволила добиться некоторого изменения тональности ряда электронных и печатных средств массовой информации в освещении проблем патриотического воспитания. Деятельность ветеранских организаций (объединений) стала более конкретной и адресной. В патриотическом воспитании полнее учитывается фактор многонационального состава Российской Федерации и связанное с ним многообразие национально-этнических культур.

В программе, принятой в 2010 году – «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011-2015 годы» – подчеркивалась преемственность государственной политики в области патриотизма и необходимость активного и широкого привлечения к этой работе средств массовой информации, культуры и более широкого использования возможностей сети Интернет для решения задач патриотического воспитания. Особенностью Программы стала работа по патриотическому воспитанию граждан в ходе подготовки празднования 70-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов.

Формирование российского патриотического сознания в нынешних сложных условиях экономического и геополитического соперничества, актуализировавшего важность обеспечения российской гражданской идентичности, опирается на накопленные за последние десятилетия знания, опыт и традиций патриотического воспитания. Результатом стала подготовка четвертой государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016-2020 годы». Программа ориентирована на все социальные слои и возрастные группы граждан при сохранении приоритета патриотического воспитания детей и молодежи. Постановление Правительства РФ № 1493.

Программы патриотического воспитания, принятые на федеральном уровне, задают приоритеты работы в этом направлении в субъектах Федерации.

Так, в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре в 2014 году в регионе распоряжением правительства автономного округа была утверждена Концепция гражданско-патриотического

воспитания граждан, а в 2015 году принят закон «О гражданско-патриотическом воспитании в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре». В 2016 году был утвержден межведомственный комплексный план мероприятий по гражданско-патриотическому воспитанию граждан на 2016-2020 годы, выполнение которого обеспечивает Координационный совет по патриотическому воспитанию граждан при Правительстве Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Важным инструментом управления деятельностью по патриотическому воспитанию выступает мониторинг эффективности системы гражданско-патриотического воспитания автономного округа.

В центре внимания находятся проблемы патриотического воспитания молодежи, и значительная часть этой работы лежит на специализированных учреждениях. Региональным центром патриотического воспитания молодежи выступает автономное учреждение «Региональный молодежный центр», созданный Правительством Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. В марте 2015 года в ХМАО появилось автономное учреждение Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Центр военно-патриотического воспитания и подготовки граждан к военной службе».

Всего, согласно Мониторингу деятельности субъектов Российской Федерации по гражданско-патриотическому и духовно-нравственному воспитанию детей и молодежи в 2016 году в Ханты-Мансийском автономном округе на базе общеобразовательных организаций действовало 195 патриотических объединений, клубов, центров, в том числе детских и молодежных, 159 историко-патриотических и военно-патриотических музеев. Общее количество проведенных мероприятий гражданско-патриотической и духовно-нравственной направленности в субъекте РФ в 2016 году составило 18131. Кроме того, свыше 1500 специалистов прошли обучение по программам повышения квалификации в ХМАО-Югре. В конкурсных мероприятиях гражданско-патриотической направленности принимали участие 141387 человек из представителей детей и молодежи, что составило 70,0% от общей численности обучающихся общеобразовательных организаций [Мониторинг, 2016, www].

Однако оценка результативности столь «тонкой материи», как формирование ценностей в общественном сознании, не может опираться только на перечисление числа мероприятий и количества граждан, принявших в них участие. Необходимо выяснить, каково состояние этого общественного сознания, какие мотивации поведения становятся в нем приоритетными. Это можно сделать, например, в ходе массовых социологических опросов. Но здесь, как подчеркивают исследователи, возникает немало методологических проблем, связанных с разными смысловыми и ценностными интерпретациями патриотизма в сознании россиян. Так, авторы одного из социологических исследований отмечают, что, факторные и кластерные компоненты, которые могли бы дать четкую дифференциацию по уровню патриотичности, например, гордость за достижения страны, готовность к ее защите, доверие к государству, гражданская позиция и т.п., оказались недостаточно верифицируемыми для этого. Картина в этом случае получается размытой, так как респонденты имеющиеся у респондентов них представления о патриотизме в большей мере воспроизводят лишь от социально одобряемые ориентиры [Цылев, Мулина, 2009, 105-106].

Проблема усугубляется тем обстоятельством, что патриотизм, как национальная идея, не может быть связан с какой-либо определенной идеологией (либеральной, консервативной и т.д.). Однако часто сторонники этих идеологий используют патриотические идеи в качестве своего идеологического ресурса. В результате, как подчеркивают исследователи, многогранность и многоликость патриотизма порождает различные концептуальные симулякры – лжепатриотизм, национализм [Луков, 2015, 158-172].

Эти методологические сложности мы попытались учитывать при проведении социологического исследования, предметом которого была взаимосвязь патриотического сознания с формированием гражданской идентичности.

Как справедливо подчеркивает Л.А. Фадеева, изучение национального и национально-государственного аспекта формирования идентичности занимают сегодня ключевую роль в общем поле исследования проблем идентичности [Фадеева, 2016, 164-180].

С этой точки зрения, нам представляется принципиально важным мнение И.С. Семененко о необходимости разработки категорий, объясняющих не только рациональную, но и эмоциональную составляющую политического выбора человека [Семененко, 2011, 9].

Такой категорией, согласно нашей гипотезе, и выступает, в том числе, понятие «патриотизм». Патриотизм, как модель политического поведения, опирается на формирование гражданской идентичности, является ее воплощением в политической практике.

Опрос проходил в марте-апреле 2018 г. Генеральной совокупностью опроса являлись жители Ханты-Мансийского автономного старше 18 лет (N = 600 человек). Опрос осуществлялся методом формализованного интервью по месту жительства по стратифицированной, многоступенчатой, районированной, квотной выборке, репрезентированной по полу, возрасту и уровню образования. Репрезентативность выборки обеспечивалась соблюдением половозрастной и образовательной структуры, а также пропорций между населением, проживающим в населенных пунктах различного типа (г. Сургут, г. Нижневартовск, г. Лангепас, г. Нефтеюганск, п. Федоровский, Белоярский район, Сургутский район). Статистическая ошибка выборки не превышает 3%.

В качестве независимой переменной использовалась самоидентификация респондентов по признаку патриотичности, содержащейся в вопросе «Считаете ли Вы себя патриотом?». Ее корреляция с зависимыми переменными позволила нам дать характеристику трех основных групп респондентов, выделенных по признаку патриотической самоидентификации.

Первая группа – «патриоты», то есть те респонденты, кто четко определяет свою позицию как патриота страны, их около 40%. Вторая группа – те, кто, «скорее всего», относит себя к патриотам, также составляет 40%. Третья группа – те респонденты, которые относят себя к «непатриотам». Их доля не так велика – 12%, однако статистически значима. Отдельной группой являются «затруднившиеся ответить» – 8,2%.

Гражданская идентичность в сознании респондентов достаточно сильно выражена, для большинства опрошенных (около 80%) самая значимая идентичная общность – российский народ. Местная идентификация с жителями города, поселка, а также этническая идентичность занимают значимое место у 70% респондентов, несколько уступает региональная идентичность с Югрой, однако и она существенна для 60% респондентов (табл. 1).

**Таблица 1 – С кем Вы себя отождествляете, когда говорите «мы», «свои»?»
в зависимости от патриотической самоидентификации респондентов**

	Все респонденты	Группы по самоидентификации			
		в группе «патриот»	в группе «скорее патриот»	в группе «не патриот»	затруднившиеся
люди моей национальности	7,2%	6,1%	8,5%	8,7%	4,2%

	Все респонденты	Группы по самоидентификации			
		в группе «патриот»	в группе «скорее патриот»	в группе «не патриот»	затруднившиеся
россияне	34,4%	39,9%	34,5%	20,3%	27,1%
жители моей страны	21,2%	25,9%	18,3%	17,4%	20,8%
жители автономного округа	3,2%	2,6%	3,0%	0,0%	10,4%
жители моего населенного пункта	2,6%	4,4%	1,7%	0,0%	2,1%
люди, разделяющие те же политические взгляды, что и я	3,2%	3,1%	3,4%	2,9%	4,2%
люди одних со мной религиозных убеждений	1,4%	3,1%	0,0%	1,4%	0,0%
люди одного социального статуса со мной	2,6%	0,9%	3,4%	5,8%	2,1%
друзья, родственники, семья	20,0%	13,2%	22,1%	37,7%	14,6%
другое	1,5%	0,9%	2,1%	2,9%	0,0%
затрудняюсь ответить	2,7%	0,0%	3,0%	2,9%	14,6%

В группах самоидентификации по признаку патриотичности, наблюдаются существенные различия в определении идентичных общностей. В группе «непатриотов» идентификационные связи гражданского, регионального и местного уровня значительно слабее, чем у патриотически настроенных респондентов. Особенно слабы связи «непатриотов» с региональной общностью – жителями Югры. В этой группе более распространена установка на космополитизм, респонденты–«непатриоты» в меньшей степени имеют эмоциональные привязанности к «малой Родине».

В отношении государства, в сознании всех респондентов, независимо от их патриотической настроенности, существуют базовые ценности, которые, по их мнению, должны определять вектор государственного развития – справедливость, правовая защищенность, социальное равенство и патриотизм. Для группы «патриотов» также важны ценности национальной безопасности и уважения к традициям, на их взгляд государство, прежде всего, должно быть «сильным и безопасным». В группе «не патриотов» более поддерживают либеральные ценности «свободы слова и уважения к частной собственности», они выступают за «справедливое и свободное государство». Группа «умеренных патриотов» занимает среднюю позицию за «сильное и свободное государство». Как появление силы государства, способного обеспечить свою безопасность и защитить свои природные ресурсы от захвата внешними врагами, оцениваются респондентами, особенно «патриотами», внешнеполитические действия России на Украине и Сирии (табл. 2).

Таблица 2 – Какие из нижеперечисленных ценностей должны, на Ваш взгляд, являться ключевыми для российского государства?» в зависимости от патриотической самоидентификации респондентов

	Все респонденты	Группы по самоидентификации			
		в группе «патриот»	в группе «скорее патриот»	в группе «не патриот»	затруднившиеся
справедливость	57,1 %	55,9%	60,4%	54,3%	54,2%
патриотизм	36,6%	46,5%	36,6%	15,7%	18,8%
уважение к традициям	29,7%	32,2%	33,6%	12,9%	20,8%
уважение к частной собственности	12,4%	7,8%	14,9%	14,3%	14,6%
равенство для всех граждан	37,6%	37,0%	37,0%	37,1%	45,8%
свобода слова	25,3%	16,5%	31,1%	37,1%	20,8%
защита прав граждан	56,4%	46,5%	63,4%	58,6%	64,6%
державность	7,3%	7,0%	8,2%	5,9%	4,2%
ориентация на национальную безопасность и военную мощь	19,7%	27,0%	17,0%	8,6%	12,8%
ориентация на общечеловеческие европейские ценности	6,3%	7,4%	5,1%	5,7%	6,3%
национализм	1,7%	1,7%	2,6%	0,0%	0,0%
другое	0,8%	1,3%	0,9%	0,0%	0,0%
ничто не является	0,3%	0,0%	0,4%	0,0%	2,1%
затрудняюсь ответить	1,9%	0,4%	1,3%	2,9%	10,4%

В сознании респондентов патриотизм в первую очередь ассоциируется с самопожертвованием, гордостью за страну, в особенности за достижения в историческом прошлом, им гордятся большинство респондентов – 60%. Гордость у респондентов вызывают и достижения российского народа в науке, культуре, спорте. Внешнеполитические успехи России и укрепление обороноспособности армии также вызывают позитивные чувства у респондентов.

Но одобрение у респондентов вызывает главным образом внешняя политика. Поэтому, вероятно, и наиболее авторитетными политиками современной России названы, помимо В.В. Путина, министр иностранных дел С.В. Лавров и министр обороны С.К. Шойгу, деятельность которых ассоциируется с внешней политикой.

Однако в оценке внутренней политики государства мнения респондентов носят не столь однозначный характер. Большинство респондентов, независимо от их патриотической настроенности, считают, что острые проблемы в социально-экономической сфере, связанные с падением уровня жизни населения, социальным неравенством и неэффективностью органов власти, не дают поводов для гордости (табл.3).

Таблица 3 – «В какой мере Вы гордитесь Россией в следующих областях...»

	Все респонденты				
	очень горжусь	в какой-то мере горжусь	не очень горжусь	совсем не горжусь	затруднившиеся
историей России	60,0%	32,6%	4,1%	1,8%	1,6%
положением дел в армии	29,9%	39,2%	15,5%	7,4%	8,0%
культурой, искусством России	52,3%	31,4%	8,4%	2,8%	4,9%
русской наукой, учеными	41,9%	36,5%	11,8%	4,2%	5,6%
русским спортом, спортсменами	40,5%	39,4%	11,9%	3,9%	4,4%
позицией России на международной арене	33,7%	33,5%	19,4%	7,8%	5,6%
уровнем (качеством) жизни населения России	7,8%	18,0%	35,4%	33,1%	5,7%
экономическими достижениями России	9,9%	24,7%	33,9%	24,0%	7,5%
социальной справедливостью и равноправием в обществе	8,7%	19,7%	29,3%	35,8%	6,6%
другое	20,0%	14,3%	8,6%	22,9%	34,3%

Действия государственной власти внутри страны, хоть и воспринимаются как легитимные, но оцениваются гораздо сдержаннее, и встречают гораздо меньше поддержки у респондентов. Более того, в отношении своих граждан государство часто воспринимается у респондентов как равнодушное к интересам людей.

Особенно много критики у респондентов вызывает рост социальной несправедливости в России. Респондентов тревожит социальное и экономическое неравенство людей, сильное социальное расслоение на богатых и бедных на фоне ухудшения уровня жизни и роста инфляции. Довольно остро, особенно для молодых людей, стоит проблема самореализации и получения качественного и доступного образования.

В связи с этим, резкую критику вызывает у респондентов действия Правительства РФ. Особенно это заметно в группе «непатриотов», среди которых высок уровень недоверия к действиям властей. У «патриотов» действия властей тоже вызывают критику, хотя и в меньшей мере.

В то же время, лишь четверть респондентов считают, что быть патриотом – значит быть ответственным за страну, действовать во благо своей Родины, хорошо выполнять свою работу. Даже в группе «патриотически настроенных» респондентов патриотизм не связывается с гражданской активностью и деятельным участием в судьбе страны.

Заключение

Таким образом, как показало исследование, прослеживается устойчивая корреляция самоотождествления гражданами себя как «патриотов» с чувством гражданской идентичности. Вероятно, именно это является базовой характеристикой понятия патриотизм, дающее представление о позитивной (созидающей) функции патриотизма в обществе. В то же время, манифестируемая любовь к Родине и гордость за ее исторические достижения, как проявление

патриотизма, чаще всего не находит подкрепления фактором «личного участия» и ответственности за происходящее в стране. Граждане занимают весьма пассивную позицию в решении местных вопросов, не рассматривают общественно-активную позицию в качестве выполнения патриотического долга. Подобное состояние общественного сознания вызывает определенное беспокойство, поскольку патриотизм основан, в том числе, на чувстве ответственности за судьбу своего Отечества. Именно в этом смысле патриотизм является высшей ценностью, интегрирующей общество. Это направление работы должно привлечь особое внимание в системе патриотического воспитания.

Библиография

1. Встреча с активом Клуба лидеров. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/51263>
2. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006-2010 годы» // Постановление Правительства Российской Федерации от 11 июля 2005 года № 422. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901941206>
3. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016-2020 годы». Постановление Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2015 года № 1493. URL: <http://static.government.ru/media/files/8qqYUwwzHUxzVkh1jsKAErrx2dE4q0ws.pdf>
4. Концепция патриотического воспитания граждан Российской Федерации (одобрена на заседании Правительственной комиссии по социальным вопросам военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы и членов их семей (протокол N 2(12)-П4 от 21 мая 2003 г.). URL: <http://studepedia.org/index.php?vol=1&post=59579>
5. Луков В.А. Молодежь в ситуации выбора // Человек перед выбором в современном мире: проблемы, возможности, решения. Материалы Всероссийской научной конференции 27-28 октября 2015 г., ИФ РАН. М: Научная мысль, 2015. Т. 2. С. 158-172.
6. Мониторинг деятельности субъектов Российской Федерации по гражданско-патриотическому и духовно-нравственному воспитанию детей и молодежи в 2016 году. Центр современных образовательных технологий. URL: <https://centersot.ru/mgpv>
7. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 26.04.2007. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_67870/
8. Семененко И.С. Идентичность в предметном поле политической науки // Идентичность как предмет политического анализа. Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21-22 октября 2010 г). М., 2011. С. 8-13.
9. Фадеева Л.А. Идентичность как категория политической науки: когнитивный потенциал и исследовательское поле // Политическая наука. 2016. № 2. С. 164-180.
10. Цылев В.Р., Мулина Т.В. Многообразие феномена патриотизма молодых мурманчан // Социологические исследования. 2009. № 6. С. 100-107.

Patriotism and formation of civic identity in political consciousness of population of Ugra

Alena I. Gaberkorn

Assistant,
Department of Political and Legal Disciplines,
Institute of State and Law,
Surgut State University,
628400, 1, Lenina av., Surgut, Russian Federation;
e-mail: gab_alena@mail.ru

Abstract

The article examines the main stages in the formation of patriotic education system in modern Russia. It reveals the features of the formation of civil-patriotic, spiritual and moral consciousness of population of the region, based on the analysis of results of the sociological research. The article identifies the semantic and value interpretations of patriotism. As the research has shown, a steady correlation of self-identification by citizens as “patriots” with a sense of civic identity can be traced. The author of the article comes to the conclusion that it is the very basic characteristic of the concept of patriotism, which shows the positive role of patriotism in the society. At the same time, the manifested love for Motherland and pride for its historical achievements (defined as patriotism) often are not confirmed in reality. According to the respondent opinions, they do not participate and bear responsibility for what is happening in the country. But the respondents mainly favour foreign policy. Regarding the internal policy there is no definite opinion of respondents. Having a penchant for patriotism though, the majority of respondents believe that pressing problems in socio-economic sphere related to declining living standards, social inequality and inefficiency of government authorities do not give reasons for pride. Citizen participation in solving local issues is passive and active social engagement is not considered as the fulfilment of patriotic duty. Such state of public consciousness is of some concern, since patriotism is based on a sense of responsibility for the fate of Motherland.

For citation

Gaberkorn A.I. (2018) Patriotizm i formirovanie grazhdanskoi identichnosti v politicheskom soznanii naseleniya Yugry [Patriotism and formation of civic identity in political consciousness of population of Ugra]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 7 (5A), pp. 137-147.

Keywords

Patriotism, civil identity, patriotic education, political consciousness, policy.

References

1. Fadeeva L.A. (2016) Identichnost' kak kategoriya politicheskoi nauki: issledovatel'skoe pole i kognitivnyi potentsial [Identity as political science term: research area and cognitive resource]. *Politicheskaya nauka* [Political science], 2, pp. 164-180.
2. Gosudarstvennaya programma «Patrioticheskoe vospitanie grazhdan Rossiyskoi Federatsii na 2006-2010 gody». Postanovlenie Pravitelstva Rossiyskoi Federatsii ot 11 iyulya 2005 goda № 422 [The state program «Patriotic education of citizens of the Russian Federation for 2006-2010». Resolution of the Government of the Russian Federation dated 11.07.2005, № 422]. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/901941206> (Accessed 27 September 2018)
3. Gosudarstvennaya programma «Patrioticheskoe vospitanie grazhdan Rossiyskoi Federatsii na 2016-2020 gody». Postanovlenie Pravitelstva Rossiyskoi Federatsii ot 30 dekabrya 2015 goda № 1493 [The state program «Patriotic education of citizens of the Russian Federation for 2016-2020 gody». Resolution of the Government of the Russian Federation dated 30.12.2015, № 1493]. Available at: <http://static.government.ru/media/files/8qqYUwwzHUxzVkJ1jsKAErrx2dE4q0ws.pdf> (Accessed 27 September 2018)
4. Kontseptsiya patrioticheskogo vospitaniya grazhdan Rossiyskoi Federatsii (odobrena na zasedanii Pravitelstvennoi komissii po sotsialnym voprosam voennosluzhashchikh. grazhdan. uvolennykh s voennoy sluzhby i chlenov ikh semei (protokol N 2(12)-P4 ot 21 maya 2003 g.) [The concept of patriotic education of citizens of the Russian Federation (approved at a meeting of the Government Commission on Social Affairs of servicemen, citizens dismissed from military service and members of their families (protocol № 2(12)-P4 May 21, 2003)]. Available at: <http://studopedia.org/index.php?vol=1&post=59579> (Accessed 19 September 2018)
5. Lukov V.A. (2015) Molodezh v situatsii vybora [Youth in a choice situation]. In: *Chelovek pered vyborom v sovremennom mire: problemy, vozmozhnosti, resheniya. Materialy Vserossiyskoi nauchnoi konferentsii 27-28 oktyabrya*

-
- 2015 g., *IF RAN* [Facing choice in contemporary world: issues, opportunities, solutions. Materials of the All-Russian scientific conference October 27-28, 2015]. Moscow. Vol. 2.
6. *Monitoring deyatelnosti sub'ektov Rossiiskoi Federatsii po grazhdansko-patrioticheskomu i dukhovno-nravstvennomu vospitaniyu detei i molodezhi v 2016 godu. Tsentri sovremennykh obrazovatelnykh tekhnologiy* [Activity monitoring of constituents of the Russian Federation on civil-patriotic, spiritual and moral education of children and youth in 2016. Center for Modern Education Technologies]. Available at: <https://centersot.ru/mgpv> (Accessed 3 October 2018)
 7. *Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu sobraniyu ot 26 aprelya 2007 goda* [The President's Address to the Federal Assembly April 26, 2007]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_67870/ (Accessed 17 September 2018)
 8. Semenenko I.S. (2011) *Identichnost' v predmetnom pole politicheskoi nauki* [Identity in the subject field of political science]. In: *Identichnost' kak predmet politicheskogo analiza. Sbornik statei po itogam Vserossiiskoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii (MEMO RAN. 21-22 oktyabrya 2010 g)* [Identity as a subject of political analysis. Collection of articles on the results of the All-Russian scientific-theoretical conference (MEMO RAN. 21-22 October 2010)]. Moscow.
 9. Tsylev V.R., Mulina T.V. (2009). *Mnogoobrazie fenomena patriotizma molodykh murmanchan* [Diversity of the phenomenon of patriotism of young citizens of Murmansk]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological researches], 6, pp. 100-107.
 10. *Vstrecha s aktivom Kluba liderov* [Meeting with the coregroup of the Leaders Club]. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/51263> (Accessed 19 September 2018)
-

УДК 321.022

Общие и специальные меры политической ответственности депутата в субъекте Российской Федерации

Гарипов Руслан Фаритович

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры политологии,
Казанский федеральный университет,
420008, Российская Федерация, Казань, ул. Кремлевская, 18;
e-mail: ruslanweb@bk.ru

Аннотация

В данной работе рассмотрена классификация мер политической ответственности региональных депутатов. Актуальность исследования сопряжена с трансформацией института парламентаризма в субъектах РФ. В связи с этим объектом исследования в данной статье являются негативные последствия, которые олицетворяют политическую ответственность депутатов, с учетом особенностей реализации подобных мер в региональной политической практике. На протяжении 2016-2017 гг. в субъектах РФ были расширены основания лишения депутатских полномочий. Кроме того, фиксируется практика по ограничению отдельных прав парламентариев в отношениях с другими субъектами региональной власти. Сегодня мера по созданию искусственных барьеров в реализации специальных полномочий региональных депутатов носит политический характер с минимальным правовым вмешательством. Поэтому особое внимание автора уделено кейсам, в которых характеризуются особенности привлечения депутатов к политической ответственности в субъектах РФ.

Для цитирования в научных исследованиях

Гарипов Р.Ф. Общие и специальные меры политической ответственности депутата в субъекте Российской Федерации // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Том 7. № 5А. С. 148-153.

Ключевые слова

Политическая ответственность, региональный депутат, региональный парламент, ответственность депутатов, субъекты федерации, мера политической ответственности.

Введение

В каждом субъекте Российской Федерации функционирует собственный законодательный орган. Все решения в рамках его компетенции принимаются большинством депутатов, избранных по итогам проведения соответствующих региональных выборов. Однако наличие законодательного мандата вовсе не гарантирует, что парламентарий будет обладать специальным политико-правовым статусом на протяжении всего срока деятельности очередного созыва легислатуры. Помимо объективных причин, в силу которых депутат не в состоянии осуществлять свои полномочия, в действующем законодательстве обозначены случаи виновного поведения, препятствующего сохранению его мандата.

Во многом основания ответственности депутатов региональных парламентов носят юридический характер. Это выражается в целом наборе признаков: в закреплении соответствующих мер через нормы права (конституции, уставы, специальные законы субъектов РФ), в установлении особого порядка привлечения депутата к ответственности и в провозглашении ряда правовых гарантий неприкосновенности парламентария. Однако в отдельных случаях наблюдается исключительно политический уклон отдельных мер ответственности. Примечательно, что основаниями для их применения могут послужить нарушения не только законов, но и политических норм, установок, а также предвыборных обещаний.

Такая специфика ответственности депутатов повлекла доминирование в российской политической науке формально-юридического подхода. Тем самым политическая ответственность депутатов в субъектах федерации традиционно трактуется в широком смысле. Это выражает ее в разнообразных мерах неблагоприятного характера, которые применяются в отношении виновного парламентария [Докторова, 2016; Израелян, 2015]. Однако при решении вопроса, какие именно нормы должен нарушить депутат – правовые или политические, его ответственность сужается до отношений, осложненных властным компонентом [Берлявский, Тарабан, 2012; Цутиев, Тлябичев, 2016]. В силу данного подхода в современной науке принято отграничивать политическую ответственность от иных мер неблагоприятного воздействия на региональных парламентариев [Томильцева, 2016; Труханов, 2016].

Общие меры политической ответственности региональных депутатов

В отличие от юридической ответственности, политический характер воздействия на парламентариев в субъектах РФ заключается в расширенном диапазоне негативных последствий. В специальной литературе любое действие, совершаемое субъектом власти относительно виновного лица, принято называть «мерой ответственности» [Шишкин, 2009, 82]. Это своеобразная «политическая санкция», которая накладывается по причине нарушения депутатом определенных норм и установок.

Так, в рамках действующего регионального законодательства в качестве подобных негативных мер сегодня обозначены лишь две: лишение возможности выступать на заседаниях парламента субъекта РФ и досрочное прекращение депутатских полномочий. Поскольку данные меры предусмотрены нормами права, их принято относить к сфере специальной юридической ответственности депутатов. Вместе с тем далеко не все условия наложения на парламентариев таких санкций урегулированы законодательством.

Так, согласно статье 56 Регламента Государственного Совета Республики Татарстан депутат лишается права выступать либо на одном, либо на нескольких заседаниях. На протяжении какого количества заседаний виновный парламентарий не будет допускаться до микрофона, остается открытым вопросом. Это является усмотрением т.н. «Председательствующего» на парламентском заседании. Как правило, данную функцию выполняет Председатель самого Государственного Совета Республики Татарстан. Однако в соответствии с указанным Регламентом председательствовать на парламентском заседании могут и иные лица. К их числу статья 64 относит его непосредственного заместителя либо председателей соответствующих комитетов, функционирующих в рамках Государственного Совета.

В то же время перечень лиц, уполномоченных накладывать меры ответственности на депутатов Республики Татарстан, открыт, поскольку председательствовать на парламентских слушаниях вправе иное лицо, замещающее Председателя Государственного Совета Республики Татарстан. По действующим правовым нормам невозможно определить, кто именно может выступать в данном качестве. Вместе с тем политическая практика демонстрирует, что такой возможностью обладают Государственный Советник Республики Татарстан и Президент Татарстана. Тем самым возможность наложения мер политической ответственности принадлежит в Татарстане более «сильному» субъекту власти.

Указанная проблема решена в Регламенте Законодательного Собрания Красноярского Края. В частности, пункт 5 статьи 15 допускает в качестве «Председательствующего» иное лицо, которое замещает Председателя. Тем самым следует считать запрещенной возможность других участников законодательного процесса лишать депутатов права на выступление. Однако подобная формулировка компенсируется более широким усмотрением в основаниях применения данной меры. Если в Государственном Совете Республики Татарстан требуется сначала вынести предупреждение виновному депутату, то в Законодательном Собрании Красноярского Края председательствующий вправе лишить выступающего слова без такого предупреждения. Указанная санкция накладывается, если депутат использует «грубые» и «оскорбительные выражения», а равно наносит своим выступлением «ущерб чести и достоинству граждан и должностных лиц» и допускает «необоснованные обвинения» в отношении любого лица. Подобные формулировки открывают широкую трактовку парламентских речей, т.е. приобретают политический характер и значительным образом сужают возможности критической оценки предлагаемых парламентских решений, в том числе в части анализа эффективности деятельности правительства субъекта РФ.

Особые меры политической ответственности региональных депутатов

Помимо основных мер, в которых реализуется политическая ответственность парламентариев в субъектах РФ, следует выделить отдельную группу негативных последствий, возникающих при нарушении депутатами политических установок. В действующем региональном законодательстве подобные санкции не обозначены, но они предполагаются с учетом специального политико-правового положения указанных лиц.

Во всех действующих законах, посвященных статусу депутатов в субъектах РФ, предусмотрен комплекс особых прав, которыми они обладают. Однако их реализация депутатами происходит в той политической реальности, которая сложилась в соответствующем регионе. Тем самым политическая ответственность может выражаться в намеренном игнорировании прав парламентариев или в создании искусственных барьеров для их осуществления.

Например, с 2014 г. наблюдается наглядное противостояние между Законодательным Собранием и Правительством города федерального значения Севастополь [Росенко, 2017, 220]. В 2017 г. Губернатором Севастополя был подан административный иск против Председателя Законодательного Собрания, который в 2018 г. суд отказался удовлетворять в полном объеме. В результате права отдельных депутатов, выражающих поддержку Председателю севастопольского парламента, стали игнорироваться со стороны Правительства города. Их запросы остаются без ответов, а требования о присутствии парламентариев на заседаниях некоторых органов исполнительной власти отклоняются. При этом подобных мер в законодательстве Севастополя не предусмотрено.

В 2016 г. наблюдалось схожее противостояние между вновь избранным составом Законодательного Собрания и Правительством Нижегородской области. В частности, вопрос касался избрания Председателя областной легислатуры, о личности которого парламентарии не могли договориться на протяжении двух сорванных заседаний. Помимо вмешательства в данный политический конфликт Полномочного представителя Президента РФ в Приволжском федеральном округе М. Бабица, фиксировалась отрицательная реакция отдельных органов исполнительной власти на действия региональных депутатов. Их запросы отклонялись, а реализация таких парламентских прав, как право на обращение и на прием должностными лицами, на получение определенной информации от органов власти, была существенно затруднена. В результате Председателем нижегородского областного парламента стал кандидат, поддерживаемый Губернатором.

Заключение

Таким образом, меры политической ответственности депутатов в субъектах РФ могут носить как формальный, так и неформальный характер. Формальные меры могут выражаться в свободной трактовке отдельных оснований для привлечения парламентариев к юридической ответственности. Неформальные признаки имеются у тех мер негативного воздействия на депутатов, которые не определены в законодательстве, но поддерживаются более влиятельными акторами региональной политики. Из-за этого меры политической ответственности депутатов в субъектах РФ приобретает «теневой» характер, который позволяет влиять на их политическую волю и мотивирует к необходимости соблюдения определенных политических установок. Вследствие такой особенности сегодня на региональном уровне меры политической ответственности депутатов во многом заменяют собой дозволенные законом методы политической борьбы.

Библиография

1. Берлявский Л.Г., Тарабан Н.А. Отзыв депутата представительного органа: соотношение политической и конституционной ответственности // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 7. С. 30-33.
2. Докторова А.Т. К вопросу об ответственности народного депутата Республики Саха (Якутия) перед избирателями // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. № 3. С. 56-59.
3. Закон Нижегородской области от 12.10.2011 № 150-3 (ред. от 03.08.2018) «О статусе депутата Законодательного Собрания Нижегородской области».
4. Израелян В.Б. Политическая ответственность депутатов законодательных (представительных) органов государственной власти // Право и общество. 2015. № 2 (14). С. 225-231.
5. Постановление Государственного Совета Республики Татарстан от 26.02.2004 № 2632 (ред. от 21.12.2017) «О Регламенте Государственного Совета Республики Татарстан».

6. Постановление Законодательного Собрания Красноярского края от 19.02.2009 N 8-2963П (ред. от 05.07.2018) «Регламент Законодательного Собрания Красноярского края».
7. Росенко М.И. Избрать нельзя назначить – где будем ставить запятую? К дискуссии об избрании или назначении губернатора Севастополя // Современная научная мысль. 2017. № 3. С. 219-224.
8. Томильцева Д.А. Историческая и политическая ответственность: совпадение границ проблемного поля // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2016. № 4 (83). С. 25-35.
9. Труханов В.А. Ответственность субъектов регионального политического процесса // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 5 (112). С. 219-221.
10. Цутиев А.М., Тлябичев Ш.М. Парламентская дисциплина и парламентская ответственность депутатов // Новая наука: Современное состояние и пути развития. 2016. № 12-4. С. 232-235.
11. Шишкин А.Г. Меры юридической ответственности: дис. ... канд. юр. наук. Ульяновск, 2009. 203 с.

General and special measures of political responsibility of a deputy in regions of the Russian Federation

Ruslan F. Garipov

PhD in Law,
Associate Professor of Political science department,
Kazan Federal University,
420008, 18, Kremlevskaya st., Kazan, Russian Federation;
e-mail: ruslanweb@bk.ru

Abstract

This paper discusses the classification of measures of political responsibility of regional deputies. The relevance of the study is associated with the transformation of the institution of parliamentarism in the regions of the Russian Federation. In this regard, the object of research in this article is the negative consequences that personify the political responsibility of deputies, taking into account the peculiarities of the implementation of such measures in regional political practice. Throughout 2016-2017 grounds of deprivation of deputy powers were expanded in the subjects of the Russian Federation. In addition, practice is fixed on restricting individual rights of parliamentarians in relations with other subjects of regional power. Today, the measure to create artificial barriers in the implementation of special powers of regional deputies is political in nature with minimal legal intervention. Therefore, the author paid special attention to cases in which the features of attracting deputies to political responsibility in the constituent entities of the Russian Federation are characterized. The measures of political responsibility of deputies in the constituent entities of the Russian Federation can be both formal and informal. Formal measures can be expressed in the free interpretation of certain grounds for bringing parliamentarians to legal responsibility. Informal signs are present in those measures of negative impact on deputies who are not defined in the legislation, but are supported by more influential actors of regional policy.

For citation

Garipov R.F. (2018) Obshchie i spetsial'nye меры politicheskoi otvetstvennosti deputata v sub"ekte Rossiiskoi Federatsii [General and special measures of political responsibility of a deputy in regions of the Russian Federation]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 7 (5A), pp. 148-153.

Keywords

Political responsibility, regional deputy, regional parliament, responsibility of deputies, region of the federation, measure of political responsibility.

References

1. Berlyavskii L.G., Taraban N.A. (2012) Otzyv deputata predstavitel'nogo organa: sootnoshenie politicheskoi i konstitutsionnoi otvetstvennosti [Feedback from a representative of a representative body: the ratio of political and constitutional responsibility]. *Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie* [State power and local government], 7, pp. 30-33.
2. Doktorova A.T. (2016) K voprosu ob otvetstvennosti narodnogo deputata Respubliki Saha (Yakutiya) pered izbiratelyami [On the issue of the responsibility of the people's deputy of the Republic of Sakha (Yakutia) to voters]. *Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie* [State power and local government], 3, pp. 56-59.
3. Israelyan V.B. (2015) Politicheskaya otvetstvennost deputatov zakonodatel'nykh (predstavitel'nykh) organov gosudarstvennoi vlasti [Political responsibility of deputies of legislative (representative) bodies of state power]. *Pravo i obshchestvo* [Law and Society], 2 (14), pp. 225-231.
4. Law of the Nizhny Novgorod Region of 12.10.2011 No. 150-Z "On the status of a deputy of the Legislative Assembly of the Nizhny Novgorod Region".
5. Resolution of the State Council of the Republic of Tatarstan of 26.02.2004 No. 2632 "On the Regulations of the State Council of the Republic of Tatarstan".
6. Resolution of the Legislative Assembly of the Krasnoyarsk Territory of February 19, 2009 No. 8-2963P "Regulations of the Legislative Assembly of the Krasnoyarsk Territory".
7. Rosenko M.I. (2017) Izbrat nelzya naznachit – gde budem stavit zapyatuyu? K diskussii ob izbranii ili naznachenii gubernatora Sevastopolya [Elected cannot be appointed: where will we put a comma? To the discussion about the election or appointment of the governor of Sevastopol]. *Sovremennaya nauchnaya mysl* [Modern scientific thought], 3, pp. 219-224.
8. Shishkin A.G. (2009) *Mery yuridicheskoi otvetstvennosti. Doct. Dis.* [Legal liability measures. Doct. Dis.]. Ulyanovsk
9. Tomiltseva D.A. (2016) Istoricheskaya i politicheskaya otvetstvennost: sovpadenie granits problemnogo polya [Historical and political responsibility: the coincidence of the boundaries of the problem field]. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz* [Politia: Analysis. Chronicle. Forecast], 4 (83), pp. 25-35.
10. Trukhanov V.A. (2016) Otvetstvennost sub'ektov regionalnogo politicheskogo processa [Responsibility of the subjects of the regional political process]. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii* [Bulletin of the Saratov State Law Academy], 5 (112), pp. 219-221.
11. Tsutiev A.M., Tlyabichev S.H.M. (2016) Parlamentskaya distsiplina i parlamentskaya otvetstvennost' deputatov [Parliamentary discipline and parliamentary responsibility of deputies]. *Novaya nauka: Sovremennoe sostoyanie i puti razvitiya* [New science: The current state and ways of development], 12-4, pp. 232-235.

УДК 323.22/.28

Особенности целеполагания в концепциях идентичности современных государств

Бугров Роман Владимирович

Кандидат политических наук,
доцент кафедры мировой дипломатии и международного права,
Институт международных отношений и мировой истории,
Нижегородский государственный национальный исследовательский
университет им. Н.И. Лобачевского,
603008, Российская Федерация, Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, 37;
e-mail: bougrov@mail.ru

Герштейн Илья Захарьевич

Кандидат политических наук,
старший преподаватель кафедры мировой дипломатии и международного права
Институт международных отношений и мировой истории,
Нижегородский государственный национальный исследовательский
университет им. Н.И. Лобачевского,
603008, Российская Федерация, Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, 37;
e-mail: zaharych77@mail.ru

Толкачев Виталий Валерьевич

Кандидат исторических наук,
доцент кафедры мировой дипломатии и международного права,
Институт международных отношений и мировой истории,
Нижегородский государственный национальный исследовательский
университет им. Н.И. Лобачевского,
603008, Российская Федерация, Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, 37;
e-mail: tolkatchev_v@mail.ru

Аннотация

В настоящей статье рассматриваются особенности функционирования концепции национальной идентичности современных государств. Основным объектом сравнительного исследования является такой элемент концепции, как целеполагание. Под этим термином понимается закрепленные в рамках концепции национальной идентичности цель и высший смысл существования государства в его текущем виде. В процессе изучения выбранной темы, среди прочего, используются авторские теоретико-методологические разработки в области типологизации феномена национальной идентичности. Даются авторские определения таким понятиям, как «модели национальной идентичности» и «концепция национальной идентичности». Дается авторская оценка целеполагания, как элемента, который обеспечивает взаимосвязь хронологических звеньев

в структуре концепции идентичности: прошлого, настоящего и будущего. Для большей репрезентативности результатов в качестве примеров выбраны максимально непохожие друг на друга концепции идентичности – США, Иран и КНР. По итогам анализа этих концепций делается вывод о том, что, несмотря на уникальность каждой подобной концепции, взаимодействие их отдельных элементов строится через призму целеполагания, каким бы оно не было. Это иллюстрирует ключевую роль формулирования цели и смысла существования государства в процессе формирования концепции национальной идентичности в рамках современного политогенеза.

Для цитирования в научных исследованиях

Бугров Л.В., Герштейн И.З., Толкачев В.В. Особенности целеполагания в концепциях идентичности современных государств // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Том 7. № 5А. С. 154-167.

Ключевые слова

Национальная идентичность, концепция идентичности, модель национальной идентичности, целеполагание, современный политогенез.

Введение

Актуальность изучения феномена национальной идентичности во многом определяется современными процессами глобализации и кризиса т.н. «национального государства». В современных международных отношениях этот феномен используется как инструмент достижения собственных политических целей и задач. Понимание особенностей структуры и основных положений национальной идентичности какой-либо страны позволяет выстраивать «правильные» отношения с ней, достигать наибольшего взаимопонимания, или оказывать давление. Непонимание идентичности другого государства зачастую ведет к серьезным конфликтам и мешает взаимовыгодному сотрудничеству.

Степень разработанности темы. В современной науке существует достаточно большой пласт литературы посвященной анализу национальных идентичностей различных стран. Основы процесса институционализации идентичностей на примере государств древнего мира изложены в классическом труде Я. Ассмана.¹ Трансформация национальной идентичности современного государства в условиях мемориального конфликта изложена в работах его супруги, А. Ассман.² Исследователи обращаются к изучению проблемы национальной идентичности, как правило, в двух случаях: либо в случае кризиса идентичности в собственной стране³ (или построение идентичности нового государства)⁴, либо изучение особенностей этого феномена в государстве, играющем роль основного партнера/противника, чаще фокус внимания смещен именно на соперника. Подобная ситуация приводит к тому, что, во-первых,

¹ Ассман Я. Культурная память: Письмо и память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004.

² Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014; Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима модерна. М.: Новое литературное обозрение, 2017.

³ Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ, 2008.

⁴ Кучма Л. Украина – не Россия. М.: Время, 2004.

сравнительный анализ идентичностей осуществляется в меньшей части работ, а во-вторых, имеет место «ценностный» подход,⁵ т.е. национальные идентичности сравниваются по критерию наличия/отсутствия каких-либо ценностей.⁶ Этот подход особенно распространен в западной и российской научной литературе. Чаще всего используется дихотомия Восток-Запад.

В рамках такой дисциплины, как политическая антропология, государство, как система социально-политической организации современного общества, лишается безальтернативности, но описанная выше дихотомия сохраняется.⁷

Российская политическая наука, в основном, восприняла эту упрощенную типологию. В силу особенностей развития отечественной общественно-политической и обществоведческой мысли, поиска «русского пути» и т.д., российские политологи больше склонны к сравнительному изучению национальных идентичностей в более «нейтральных» тонах.⁸ Несмотря на это узость дихотомического, ценностного подхода не позволяет в достаточной степени произвести сущностное сравнение национальных идентичностей различных государств.

Теоретические основания исследования

В зарубежной, прежде всего, англоязычной литературе понятие «нация» (nation) всегда обозначает население страны, вне зависимости от его этнической принадлежности. Критерием выступает гражданство.⁹ Истоки этой концепции уходят в теорию общественного договора, где граждане – это люди заключившие договор о создании института государства и передавшие ему часть своих прав.¹⁰ Историю «нациестроительства» Нового времени подробно разбирает Э. Хобсбаум.¹¹

В современной российской политической науке термин «национальная идентичность» трактуется двояко. Разница в подходах возникает из-за существования двух смыслов понятия «нация»: нация – этнос и нация – государство. Причем, по утверждению сторонников этнической сущности нации, она не противоречит идее государства.¹² В реальной политической практике национальная идентичность может формироваться, как вокруг этнической группы, так

⁵ Возможно, родоначальником этого подхода следует считать Г. Алмонда: Almond G. Developmental Approach to Political Systems. World politics, V. XVIII, Issue 2 (Jan. 1965).

⁶ См: Pye L., Pye M. Asian Power and Politics: The Cultural Dimension of Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1985; Landes D. The Wealth and Poverty of Nations. L.: Abacus, 1998.

⁷ Васильев Л.С. Восток и Запад в истории (основные параметры проблематики) // Альтернативные пути к цивилизации. М.: Логос, 2000. 368 с. С. 96-114.

⁸ Примеров подобных работ множество. Достаточно указать: Национально-государственные идентичности и толерантность. Опыт России и Украины в период. К. Институт социологии НАН Украины; Институт социологии РАН, 2007; Национальная идентичность и национализм у славян и их соседей: проблемы прошлого и настоящего. Материалы международной научно-практической конференции. Кропоткин, 2011; Идентичность в контексте глобализации: Европа, Россия, США. Калининград: Изд-во КГУ, 2003; Колобов О.А. Влияние мифологии на процесс принятия политических решений в условиях меняющегося мира // Колобов О.А. Политология. Избранные труды. Нижний Новгород, 2000. С. 617. И множество других.

⁹ Отсюда, внедряемое В.А. Тишковым в академический и политический дискурс, понятие «гражданская нация».

¹⁰ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства духовного и гражданского. М.: Мысль, 2001.

¹¹ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб.: Алетейя, 1998.

¹² Абдулатипов Р.Г. Российская нация (этнонациональная и гражданская идентичность россиян в современных условиях). М.: Научная книга, 2005.

и идеи какого-либо государства. В настоящей статье термин «национальная идентичность» будет использоваться для обозначения населения страны (state-nations).

При исследовании этнических групп, возникают споры вокруг природы этнической идентичности. Большинство теорий сводятся в две большие группы на основе примордиалистского или конструктивистского подходов. «Сторонники примордиализма исходят из приоритета биологического и внесоциального компонента в этнопроцессах» [Барбашин, 2013, 15]. Конструктивистский подход предполагает источником этничности явное или неявное (органическое) конструирование – на основе социального вызова, устоявшихся правил поведения, или навязанных политиками или интеллектуалами «условных» социальных границ. Иными словами, этнос, нация – это воображаемое сообщество «поскольку члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих собратьев-по-нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого живет образ их общности» [Андерсон, 2001, 31]. Вариантом конструктивистского подхода является неоинституционализм, который некоторые исследователи считают оптимальным для изучения процессов этногенеза. Так, М.Ю. Барбашин, полагает что «в рамках этноинституционализма этничность можно рассматривать как набор этноправил (т.е. неформальных этноинститутов), регулирующих доступ к диапазону социальных возможностей, структурирующих этносоциальные действия» [Барбашин, 2013, 122].

При изучении национально-государственной идентичности, конструктивистский подход является доминирующим. По мнению И.С. Семененко, «В условиях размывания привычных ориентиров социальной самоидентификации и кризиса модели нациестроительства эпохи модерна формирование, разделяемой гражданами идентичности как опоры развития национального политического сообщества становится первостепенной задачей государства. В реальности же речь идет о пересмотре и наполнении новым содержанием модели государственности на путях формирования нового понимания гражданской идентичности, соответствующей реалиям современной политической нации. В зависимости от оценки рисков на пути укрепления такой нации выстраиваются и приоритеты государственной политики. Так, ответом на вызовы этнофобий, расизма и «неуправляемого разнообразия» стала мультикультурная модель сосуществования групповых идентичностей. И, как в коммунальной квартире, в ней четко проявились и приобретения, и издержки коммунального общежития» [Семененко, 2014].

Примордиалистский подход вытесняется на уровень исследования региональных идентичностей¹³, а в условиях, когда «либеральная идеология ... доминирования глобальности, мультикультурализма и космополитизма при которых, как предполагается, этнические и национальные границы будут постепенно стираться» [Барбашин, 2013, 84], и вовсе объявляется устаревшим.¹⁴ Данное предположение представляется достаточно упрощенным. Несмотря на то, что конструктивистский характер «концепции идентичности», вырабатываемый в рамках идеологической деятельности государства не подлежит сомнению, неудачные попытки сконструировать национально-государственную идентичность «с нуля» (пример – Украина), показывают, что возможности социально-политического конструирования ограничены определенными факторами, имеющими, судя по всему, примордиалистские корни.

¹³ См. выше цитируемую статью И.С. Семененко.

¹⁴ Воронков В.М. Существует ли этническая экономика? // Этничность и экономика. Спб.,: НЦСИ, 2000. С. 42-47.

Другая методологическая проблема, упоминавшаяся выше, это «ценностный» подход при анализе и, особенно, сравнении национальных идентичностей. Он предполагает, что некоторые структуры идентичностей, и самые идентичности лучше остальных. Между тем, функции современных государств достаточно единообразны и хорошо изучены в рамках современной теории права.¹⁵ Если государство успешно выполняет свои функции, оно, вне зависимости от политического режима, может считаться хорошим и «правильным». Тем более, что «обеспечение народовластия», самый спорный элемент политической функции государства, – не более чем фикция.¹⁶

Затем следует отказаться от дихотомической типологизации Восток – Запад. Необходимо признать уникальным опыт политического развития Западной Европы последних трех-четырех столетий, но кроме него есть и другие варианты успешной эволюции государственной системы, и эффективные формы взаимодействия государства и общества. На основании такого критерия, как способы добровольного ролевого взаимодействия населения страны и государственного аппарата, можно выделить три модели национально-государственной (национальной) идентичности: а) традиционалистская; б) теологическая; в) гражданская.¹⁷

В целях исключения двойного толкования терминов необходимо уточнить используемые понятия. Все они даются в авторском определении.

Национально-государственная идентичность – психологический феномен массового и индивидуального политического сознания, формирующий единство социальной группы (нации) и политического института (государства) и основанный на идее совпадения достижений в прошлом, целей и задач, а также методов их достижения и разрешения в настоящем и будущем. [Герштейн, 2014, 121]

Концепция национальной идентичности это сформированная в ходе научного и общественного дискурса, одобряемую элитами и большей частью общества, модель существования конкретного государства в историческом пространстве.

Эта концепция (О.В. Попова называет ее «матрицей государственной идентичности»)¹⁸ представляет собой систему символов и маркеров, вокруг которых строится политическое сознание людей, идентифицирующих себя с соответствующим государством. Она включает три составляющих: прошлое, настоящее и будущее страны. При этом картина прошлого в обязательном порядке объясняет и оправдывает собой настоящее, а будущее страны представляет собой экстраполяцию тех тенденций в экономической, политической социальной

¹⁵ Борисов Г.А. О развитии теории функций государства // Право и образование. 2005. №1. С. 5-18; Жигуленков М.В. К вопросу о понятии "функция государства" // Право и политика. М.: Nota Bene, 2001, № 5. С. 13-16; Жигуленков М.В. К вопросу о классификации функций государства // Право и политика. -М.: Nota Bene, 2002, № 8. С. 16-20; Жигуленков М.В. К вопросу о формах осуществления функций государства // Гражданин и право. М.: Новая правовая культура, 2009, № 1. С. 65-69; Жигуленков М.В. К вопросу о теории функций государства // Гражданин и право. М.: Новая правовая культура, 2010, № 9. С. 3-8.

¹⁶ Подробно этот вопрос разбирается в книге: Иванов В.В. Теория государства. М.:Изд. дом Гос. ун-та – Высшая школа экономики, 2010. Главы I, IV §3.

¹⁷ Подробно эта типологизация обоснована в тексте диссертации: Герштейн И.З. Государство как фактор смены национальных идентичностей в процессе распада СССР и создания Российской Федерации: дис. канд. полит. наук. Н.Новгород, 2011. С. 49-60.

¹⁸ Попова О.В. Матрица государственной идентичности в эпоху постправды // Время больших перемен: политика и политики: материалы всероссийской научной конференции РАПН. Москва, РУДН, 24-25 ноября 2017 г. Москва: РУДН, 2017. 444 с. С. 291-292

и духовной сферах жизни государства, которые в рамках данного дискурса оцениваются как положительные.

Концепция идентичности ставит перед государством *Цель* – смысл существования социально-политического образования в его текущей форме. Вся логика развития государственных институтов, политические, экономические, социальные и культурные преобразования, любые реформы, в конечном счете, должны быть подчинены интересам достижения этой *цели*. Сроки ее достижения не могут быть оговорены, *цель* наделяется свойством горизонта – удаления по мере приближения к ней.

Для достижения основной цели общество и государство решают *Задачи* – разрешают конкретные проблемы служащие помехой для достижения *цели*. *Задачи*, в отличие от *цели*, вполне конкретные препятствия нормальному поступательному развитию государства, они более и менее преодолимы в реальные, порой четко определяемые сроки. Именно выполнением *задач* элита и отчитывается перед обществом, утверждая, что каждая из них приближает достижение *цели*. В условиях нормально функционирующей концепции идентичности внутри общества и элит нет разногласий относительно *цели*, но может быть любое количество альтернативных точек зрения на видение, порядок и пути решения стоящих перед государством *задач*. Выбор конкретных методов решения этих задач и является основным содержанием внутриполитического дискурса в открытой (в демократических государствах) или скрытой (в недемократических) формах.

Исследование: основная часть

Гипотеза. Рабочей гипотезой настоящего исследования является предположение, что, при всей разнице в «моделях идентичности», функции государства, и, следовательно, структура «концепции национальной идентичности» должны совпадать. Однако, само наполнение концепции остается уникальным для каждого государства.

Методология. Основными методами, используемыми в данной работе, являются структурный, сравнительный и типологический.

Материалы исследования. Отталкиваясь от авторской типологии моделей национальной идентичности, отбор конкретных государств, для анализа их концепций национальной идентичности, отбор примеров производился таким образом, чтобы представить все современные «модели» национально-государственной идентичности.

На наш взгляд, в современном мире традиционалистскую модель идентичности наилучшим образом представляет Китайская Народная Республика, теологическую – Исламская Республика Иран, гражданскую – Соединенные Штаты Америки.¹⁹

Процедура исследования. А) Старейшей из современных следует считать традиционалистскую модель идентичности. Государство в структуре традиционалистской модели – это исходно и прежде всего родовой, племенной или этнической союз, где самоидентификация соотечественника базируется на общности языка, протокультуры и социальных отношений *простых* обществ, закрепленных способом производства: от земледелия до информационных технологий и сферы обслуживания в *сложных* социумах. Толчком к их появлению стало становление самого мощного института – государства как

¹⁹ Необходимо подчеркнуть, что выбор государств для примера производился не по формально-юридическим, а по сущностным критериям.

такового. Механизмы возникновения этого процесса в древности подробно разобраны Я. Ассманом.²⁰ Сама идея «государства-семьи» была выдвинута еще две с половиной тысячи лет назад Конфуцием. Правила семейных отношений не имеют жесткой юридической фиксации, все базируется на традиции (неписанных нормах) и моральных оценках совершаемых поступков. Сам китайский философ отрицал письменные законы как метод управления обществом, критикуя т.н. «ранний легизм». Классическое китайское конфуцианство впоследствии признало право эффективным механизмом управления социумом, но при условии соблюдения правоведами моральных норм при создании законов, а властью – в процессе правоприменения.²¹

В концепции национальной идентичности современного Китая целеполагание построено на основе китайской традиции и предполагает достижение ближайшей цели «сяокан» (малого процветания), которое является преддверием «датун» (великой гармонии), находящейся за горизонтом перспективы развития китайского государства. Ключевым понятием является «гармония», и добиться малого процветания можно только «усиливая гармоничность развития максимально обеспечивать как хорошее, так и быстрое развитие...» [Основные положения, 2007]. «Первоначальной целью и миссией китайских коммунистов является борьба за счастье китайского народа и возрождение китайской нации» [Си Цзиньпин, 2017]. Для председателя КНР будущее – «это эпоха продолжения традиций и открытия пути к будущему, эпоха дальнейшего завоевания великих побед социализма с китайской спецификой в новых исторических условиях... Это эпоха осуществления китайской мечты о великом возрождении китайской нации объединенными усилиями всех сынов и дочерей китайской нации» [Си Цзиньпин, 2017]. Прошлое Китая, в русле традиционного образного мышления сравнивается с одной из великих китайских рек.²² Что касается современных задач, то одна из них объявляется уже решенной: «Китай надежно решил проблему обеспечения миллиардного населения питанием и одеждой, в целом реализовал цель "сяокан" - общества среднего достатка» [Си Цзиньпин, 2017]. На очереди «особые усилия для правильного разрешения проблемы неравномерности и неполноты развития, всемерно повышать качество и эффективность развития для полного удовлетворения постоянно растущих потребностей народа в экономической, политической, культурной, социальной, экологической и других сферах, активнее способствовать всестороннему развитию личности и всестороннему прогрессу общества» [Си Цзиньпин, 2017].

Составной частью символов и мифов составляющих современную концепцию китайской национальной идентичности является миф о «единой китайской нации», издавна включавшей в себя, не только ханьцев, но и монголов, тибетцев, уйгуров и т.д.²³ Постоянное упоминание «китайской специфики» социализма четко определяет опору современного Китая на вековые традиции китайской цивилизации.

В концепции китайской идентичности четко прослеживается временное взаимодействие, где настоящее опирается на прошлое и устремлено в будущее.

²⁰ Ассман Я. Указ. соч. С. 74-76.

²¹ Переломов Л.С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М.: Наука, 1981. С. 42, 216

²² См. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001-2010) . М.: Издательство «Весь мир», 2011. С. 23-32.

²³ Дмитриев С.В., Кузьмин С.Л. Что такое Китай? Срединное государство в историческом мифе и реальной политике // Восток. 2012. №3. С. 5-19.

Б) Совершенно иное наполнение имеет концепция национальной идентичности современного Ирана. Как провозгласил основатель исламской республики имам Хомейни: «единственным монархом является только Аллах, и Он не нуждается в партнерстве» [Хомейни, 1993, с. 21]. Это утверждение предопределило республиканский характер иранского государства. А поскольку «Коран и Сунна и установления, нужные человеку для того, чтобы достичь счастья и совершенства его государства» [Хомейни, 1993, 30], главная цель государственной власти «исламского правления» - «исполнение закона и учреждение исламских институтов», потому что «отношения между законом и обществом регулируются исполнителем» [Хомейни, 1993, 28].

Одной из самых главных проблем при построении иранской национальной идентичности на базе ислама, был космополитизм мировой религии, не признававший среди мусульман этнических и культурных границ. Имам Хомейни полагал, что иранцы-шииты прошли долгий путь своего исторического развития и являются создателями исламской культуры Ирана. Он выражал убеждение, что истинные духовные ценности культуры страны были созданы в то время, когда Иран оформился, прежде всего, как страна шиизма, оказавшего глубокое воздействие на все стороны ее жизни, включая культуру, политику и идеологию. В этой связи многочисленные этнические и религиозные меньшинства в стране связывают свою судьбу с историей Ирана, потому что их этническая история протекала в рамках иранской культуры, сохраняющей национальный характер как в целом, так и в частностях. И эти этносы в значительной степени интегрированы в иранскую социокультурную систему.²⁴

Мессианская сущность национальной идентичности Ирана нашла отражение в выступлениях шестого президента Исламской республики Махмуда Ахмадинежада: «мы придерживаемся идеи о том, что: Справедливость является основополагающим фактором мира, долговременной безопасности и распространения любви между народами и нациями. Именно в справедливости ищет человечество реализации своих устремлений, прав и чувства собственного достоинства, ибо оно сторонится гнета, унижения и жестокости. Истинная природа человечества проявляется в любви к другим людям и любви ко всему доброму в этом мире... Экономика и материалистические средства – это лишь инструменты, которые должны служить людям ради установления дружбы и укрепления связей между ними во имя духовного совершенства... И в знак приветствия их мы должны сомкнуть наши ряды и искать справедливости» [Ахмадинежад, 2010]. Иранский политик подчеркивает спасительность политики своей страны для всего мира.

Текущие задачи Ирана формулируются рахбаром Хаменеи как достижение экономической и технологической независимости от стран Запада.²⁵ Решение этих задач, по мнению руководителя Ирана, укрепит положение страны в качестве лидера в исламском мире.²⁶

Таким образом, и в иранской концепции национальной идентичности, прошлое оправдывает и легитимизирует настоящее. Поставленные задачи, при их решении, являются гарантией достижения конечной цели существования Исламской Республики, в т.ч. его мессианской компоненты.

²⁴ Салиев А.Л. «Иранская идентичность» как фактор внешней политики. URL <http://www.easttime.ru/analytic/2/11/211.html>

²⁵ Саджадпур К. Читая Хаменеи. Взгляды на мир самого влиятельного деятеля Ирана. М.: Изд. Эхо Бук, 2009. С. 22-23

²⁶ Там же С. 34

В) Гражданская идентичность, сущностью которой является идея национального суверенитета, и идентичности на базе правовых институтов в настоящее время является «мейнстримом». Это проявляется в тенденции заимствования отдельных институтов и формально-правовых деклараций государствами, чья концепция национальной идентичности выстроена на базе других моделей.

Образцом гражданской модели идентичности в современном мире являются Соединенные Штаты Америки. Основы гражданской модели идентичности нашли свое отражение еще в Мэйфлауэрском соглашении: «Предприняв во славу Божью и во имя распространения христианской веры ... путешествие с целью основания первой колонии в северных частях Вирджинии, настоящим торжественно и со взаимного согласия, перед Господом Богом и перед друг другом обязуемся объединиться в гражданское политическое сообщество для установления более совершенного порядка и сохранения и осуществления вышеуказанных целей, а в силу этого мы будем создавать и формировать такие справедливые и одинаковые для всех законы, ордонансы, акты, установления и учреждения, которые в то или иное время будут считаться наиболее подходящими и соответствующими всеобщему благу колонии и которым мы обещаем следовать и подчиняться» [Мэйфлауэрское соглашение, 2007]. Целью существования северо-американского государства было признано «жизнь, свобода и стремление к счастью» [Декларация независимости США]. В процессе развития национальной идентичности США эти утверждения трансформировались в «американскую мечту», ставшую основой концепции американской идентичности.²⁷ Сущность ее состоит в неограниченных возможностях самореализации человека, возникающих в результате равных стартовых возможностей формирующихся американским государством.²⁸

В условиях отсутствия данного идеала современные политические дебаты в США – поиск путей воплощения «American Dream». Б. Обама в своей книге «Дерзость надежды» пишет: «Читая обычный университетский учебник истории, легко заметить, насколько рано реальная жизнь Америки начала отклоняться от мифов и представлений о ней» [Обама, 2010, 13]. Сама «американская мечта» в его изложении выглядит очень скромно: «Я удивлялся лишь, что чаяния людей так скромны и в то же время так схожи, несмотря на разные округа, разные расы, религии и классы. Большинство полагали, что, если ищешь работу, это должна быть такая работа, которая обеспечит прожиточный минимум. Утверждали, что человек не должен заявлять о своей несостоятельности только потому, что он заболел. Убеждали, что каждый ребенок должен получить действительно хорошее образование, а не болтовню, а потом должен иметь возможность учиться дальше, даже если его родители небогаты. Всем хотелось защиты от преступников и террористов; все желали свежего воздуха, чистой воды, общения с детьми. А в старости всем хотелось достойной пенсии и уважительного отношения» [Обама, 2010, 12].

Д. Трамп в своей инаугурационной речи 20 января 2017 года сформулировал чаяния американцев почти также: «Американцы хотят, чтобы у их детей были прекрасные школы, чтобы их семьи жили в безопасных районах, и чтобы у них самих была хорошая работа. Это справедливые и разумные требования праведных людей и праведного общества» [Трамп, 2017]. В его книгах «американская мечта» представляет собой свободу, основанную на богатстве:

²⁷ Этапы развития «американской мечты» прекрасно изложены в книге: Баталов Э.Я. Русская идея и американская мечта. М.: Прогресс-Традиция, 2009. С. 227-276.

²⁸ Эта идея нашла свое отражение в американской литературе. См.: Алджер Г. Все истории Дика Хантера, оборванца и богача. М.: АСТ, Астрель, 2011.

«Америка может жить и действовать лучше... Дело Америки – это бизнес» [Трамп, 2015, 9]. Государство, по мнению республиканцев и лично Д. Трампа «...не создает рабочие места; это делает только бизнес. Но зато президент может создать среду, условия, которые позволят нам – предпринимателям, мелким и крупным бизнесменам - сделать Америку богаче» [Трамп, 2015, 9]. Трактовка цели американского государства по Трампу – обеспечение условий, в которых каждый может реализовать свою «американскую мечту».

Политический плюрализм в США основан на том, что оптимальные пути достижения этой цели во многом противоположны в политических программах двух основных американских партий. Это различие и формирует повестку американских политических дебатов, особенно яростно разгорающихся в периоды выборов.

Структура концепции американской идентичности, также как и в описанных выше примерах, состоит из триады «прошлое настоящее-будущее». Вторя Оруэллу, известный американский консерватор П. Бьюкенен отмечает: «Уничтожьте записи о прошлом народа, оставьте его жить в невежестве относительно деяний предков – и опустевшие сосуды душ легко будет заполнить новой историей, как это описано в «1984». Развенчайте народных героев – и вы деморализуете целый народ» [Бьюкенен, 2003, 207]. Одна из глав его известной работы «Смерть Запада», посвященная анализу процесса разрушения американской идентичности, так и называется: «Война против прошлого».²⁹ Автор утверждает: «Американская история шествовала от триумфа к триумфу... у Америки славная история, куда более великая, нежели у любого другого современного государства и даже у любой республики минувших лет» [Бьюкенен, 2003, с. 210, 212]. Разрушение этого мифа в ходе «борьбы за гражданские права», обосновании политики «позитивных действий» и т.д., послужило толчком к началу эрозии американской идентичности.³⁰

В настоящем же задачи американского государства «вернуть рабочие места и деньги» в Америку и «решать усугубляющуюся проблему... кумовского капитализма, капитализма для «своих»» [Трамп, 2016, 129].

Результаты исследования

Проведенное исследование показало, что во всех трех случаях структура концепции национальной идентичности базируется на сочетании прошлого-настоящего-будущего, где настоящее выступает исходным пунктом для изучения прошлого (как мы получили «сегодня»), чьи положительные (или признанные таковыми), тенденции экстраполируются в будущее (светлое «завтра»). Учитывая, что в качестве примеров отобраны «эталонные» представители каждой модели, можно предположить подобную структуру концепции национальных идентичностей любого государства типовой. Исключения могут представлять собой вновь возникшие государства, не имевшие ранее собственной истории (истории нации) или несостоявшиеся государства, «failed states».

Анализ результатов. Полученные в статье результаты позволяют сделать следующие выводы:

1. При всей уникальности каждой национальной идентичности, формальная структура любой подобной концепции является стандартной и состоит из трех основных этапов исторического времени: прошлое, настоящее и будущее.

²⁹ Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М: АСТ, 2003. С. 206-245.

³⁰ Там же С. 244-245.

2. Настоящее государства является «ядром» существующей концепции национальной идентичности, его «коренным» элементом. Прошлое государства всегда играет в концепции легитимирующую роль, и обуславливает ее направление и характер, а также тенденцию государственной политики. Если, несмотря на «славное» прошлое, текущее положение страны признается кризисным, мейнстримным направлением деятельности государства провозглашается реформизм (под флагом возрождения традиций или «догоним и перегоним»). Если же, в рамках подобной концепции, страна находится «на подъеме», господствует консерватизм ради сохранения положительных тенденций.

3. Во всех проанализированных концепциях национальной идентичности существует *цель развития* – образ идеально функционирующего конкретного государства, к которой это государство и стремится. Данный образ находится на горизонте будущего и является утопическим по своей сути.

4. Этапами достижения обозначенной цели являются текущие *задачи государственного строительства* – конкретные проблемы, стоящие по согласованному мнению государства и общества перед страной, и решаемые в более или менее реальные сроки. Решение этих задач является для власти обоснованием того, что общество и государство успешно движутся по направлению к поставленной цели развития.

5. Эффективность концепции национальной идентичности определяется степенью совпадения представлений властвующей элиты и большинства населения относительно наполнения элементов структуры идентичности (настоящее<прошлое>будущее), а также их консенсуса по отношению к целям развития и оценке степени решения задач государственного строительства.

Заключение

Проеденное исследование, основанное на сравнительном изучении элементов структуры концепции национальных идентичностей, показывает наличие потенциала ценностного подхода к изучению национальных идентичностей; универсальность самой формальной структуры концепции национальной идентичности, при абсолютной уникальности ее наполнения; определяет ключевым критерием оценки эффективности этого феномена государственно-общественный консенсус относительно цели и задач государства, степени их выполнения.

Ясное понимание особенностей целеполагания в концепции идентичности любой страны помогает выстраиванию с ней добрососедских, взаимовыгодных отношений, помогает определить объективные интересы государств в рамках решения тех или иных международных проблем и является ключом для налаживания с ним партнерства и сотрудничества.

Библиография

1. Аятолла Хомейни. Исламское правление. Алма-Аты: Атамур, 1993. 141 с.
2. Ахмадинежад М. Выступление президента Ирана на 65-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. 4 октября 2010 года. URL: <https://www.iran.ru/>
3. Барбашин М.Ю. Институты и этногенез: институциональное воспроизводство этнической идентичности в локальных сообществах. Ростов-на-Дону, 2013. 356 с.
4. Бьюкенен П.Дж. Смерть Запада. М: АСТ, 2003. 444 с.
5. Герштейн И.З. Структура национально-государственной идентичности: основные элементы и особенности их взаимодействия // Традиции и инновации в международном политическом процессе: региональное и глобальное измерение. Материалы международной научной конференции. Нижний Новгород, 2014. С. 121-125.

6. Колобов О.А. Влияние мифологем на процесс принятия политических решений в условиях меняющегося мира // Политология. Избранные труды. Нижний Новгород: Вектор ТиС, 2000. С. 615-619.
7. Мэйфлауэрское соглашение // История США. М.: Дрофа, 2005. С. 6-7.
8. Обама Б. Дерзость надежды: Мысли о возрождении американской мечты. М.: Азбука-классика, 2010. 416 с.
9. Основные положения доклада Ху Цзиньтао на XVII всекитайском съезде Коммунистической партии Китая (15 октября 2007 г.). URL: http://www.intelros.ru/2007/10/23/osnovnye_polozenija_doklada_khu_czintao_na_xvii_vsekitajskom_sezde_kommunisticheskoy_partii_kitaja_15_oktjabrja_2007_g.html
10. Семенов И.С. Национальные практики формирования гражданской идентичности: опыт сравнительного анализа. URL: <http://geopolitics.by/analitics/nacionalnye-praktiki-formirovaniya-grazhdanskoy-identichnosti-opyt-sravnitel'nogo-analiza>
11. Си Цзиньпин. Добиться решающей победы в полном построении среднезажиточного общества, одержать великую победу социализма с китайской спецификой в новую эпоху. Доклад на XIX съезде КПК 18.10.2017 г. ИА Синьхуа. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm
12. Трамп Д. Былое величие Америки. М.: Эксмо, 2016. 256 с.
13. Trump D. The Inaugural Address Issued on: January 20, 2017. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/the-inaugural-address/>
14. US Declaration of Independence. URL: <https://www.archives.gov/founding-docs/declaration-transcript>

Features of goal-setting in the concepts of identity of modern States

Roman V. Bugrov

PhD in Political Science,
Associate Professor,
World diplomacy and international law Department,
Institute of International Relations and World History,
Nizhny Novgorod State National Research University named after N.I. Lobachevsky,
603008, 37, Bol'shaya Pokrovskaya st., Nizhny Novgorod, Russian Federation;
e-mail: bougrov@mail.ru

Il'ya Z. Gerstein

PhD in Political Science,
Senior Lecturer,
World diplomacy and international law Department,
Institute of International Relations and World History,
Nizhny Novgorod State National Research University named after N.I. Lobachevsky,
603008, 37, Bol'shaya Pokrovskaya st., Nizhny Novgorod, Russian Federation;
e-mail: zaharych77@mail.ru

Vitalii V. Tolkachev

PhD in History,
Associate Professor,
World diplomacy and international law Department,
Institute of International Relations and World History,
Nizhny Novgorod State National Research University named after N.I. Lobachevsky,
603008, 37, Bol'shaya Pokrovskaya st., Nizhny Novgorod, Russian Federation;
e-mail: tolkatchev_v@mail.ru

Abstract

This article discusses the features of the functioning of the concept of national identity of modern states. The main object of comparative research is such an element of the concept as goal setting. This term is understood as a goal enshrined in the framework of the concept of national identity and the ultimate meaning of the existence of a state in its current form. In the process of studying the chosen topic, among other things, authors use their theoretical and methodological findings in the field of typology of the phenomenon of national identity. As a result the authors provide definitions to such concepts as “models of national identity” and “concept of national identity”. Moreover the authors assess the goal-setting as an element that ensures the interconnection of chronological links in the structure of the concept of identity: past, present and future. To achieve greater representativeness of the results, the study scrutinizes the most diverse concepts of identity — the USA, Iran, and the PRC. Based on the analysis of these concepts, the study concludes that, despite the uniqueness of each such concept, the interaction of their individual elements is built through the prism of goal-setting, whatever it may be. Consequently it illustrates the key role of formulating the purpose and the meaning of existence of a state in the process of forming the concept of national identity within the framework of contemporary political genesis.

For citation

Bugrov R.V., Gerstein I.Z., Tolkachev V.V. (2018) Osobennosti tselepolaganiya v kontseptsyakh identichnosti sovremennykh gosudarstv [Features of goal-setting in the concepts of identity of modern States]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 7 (5A), pp. 154-167.

Keywords

National identity, concept of identity, model of national identity, goal-setting, modern political genesis.

References

1. Ayatollah Khomeini (1993) *Islamskoye pravlenie* [Islamic rule]. Almaty: Atamura Publ.
2. Akhmadinezhad M. *Speech by the President of Iran at the 65th session of the UN General Assembly. October 4, 2010.* Available at: http://www.iran.ru/news/interview/68545/Vystuplenie_prezidenta_Irana_na_65_y_sessii_Generalnoy_Assamblei_OON [Accessed 17.01.2018]
3. Barbashin M.U. (2013) *Instituty i etnogenez: institutsional'noe vosproizvodstvo etnicheskoy identichnosti v lokal'nykh soobshchestvakh* [Institutions and ethnogenesis: institutional reproduction of ethnic identity in local communities]. Rostov-on-Don: Southern federal University Publ.
4. Buchanan P.J. (2001) *The Death of the West: How Dying Populations and Immigrant Invasions Imperil Our Culture and Civilization*. St. Martin's Griffin.
5. Gerstein I.Z. (2013) *Struktura natsional'no-gosudarstvennoi identichnosti: osnovnye elementy i osobennosti ikh vzaimodeystviya* [The structure of national state identity: the main elements and features of their interaction]. In: *Traditsii i innovatsii v mezhdunarodnom politicheskom protsesse: regional'noe i global'noe izmereniye. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Proceedings of the international scientific conference “Traditions and innovations in the international political process: regional and global dimension”]. N. Novgorod.
6. Kolobov O.A. (2000) *Politologiya. Izbrannyye Trudy* [Political science. Selected Works]. N. Novgorod: Vektor TiS Publ.
7. (2005) *Meiflauerskoe soglasenie* [The Mayflower Agreement]. In: *Istoriya SShA* [US History]. Moscow: Drofa Publ.
8. Obama B. (2006) *The Audacity of Hope: Thoughts on Reclaiming the American Dream*. Crown/Three Rivers Press.
9. *Osnovnye polozheniya doklada Khu Tszin'tao na XVII vsekitayskom s'yezde Kommunisticheskoy partii Kitaya* [The main provisions of the report of Hu Jintao at the XVIIth All-China Congress of the Chinese Communist Party (October 15, 2007)]. Available at: http://www.intelros.ru/2007/10/23/osnovnye_polozheniya_doklada_khu_czintao_na_xvii_vsekitajskom_sezde_kommunisticheskoyj_partii_kitaja_15_oktjabrja_2007_g.html [Accessed 21.01.2018]

-
10. Semenenko I.S. *Natsional'nyye praktiki formirovaniya grazhdanskoi identichnosti: opyt sravnitel'nogo analiza* [National practices of civic identity: the experience of comparative analysis]. Available at: <http://geopolitics.by/analitics/nacionalnye-praktiki-formirovaniya-grazhdanskoy-identichnosti-opyt-sravnitel'nogo-analiza> [Accessed 21.01.2018]
 11. Trump D. (2011) *Time to Get Tough*.
 12. Trump D. *The Inaugural Address*. Available at <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/the-inaugural-address/> [Accessed 21.01.2018]
 13. *US Declaration of Independence*. Available at: <https://www.archives.gov/founding-docs/declaration-transcript> [Accessed 21.01.2018]
 14. Xi Jinping. *To achieve a decisive victory in the complete construction of a moderately prosperous society, to win the great victory of socialism with Chinese characteristics in a new era*. Available at: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm [Accessed 21.01.2018]

УДК 32

Анализ формирования политических предпочтений избирателей через социальные медиа

Горбачев Антон Сергеевич

Ассистент,
кафедра предпринимательства и внешнеэкономической деятельности,
Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана,
105005, Российская Федерация, Москва, ул. 2-я Бауманская, 5;
e-mail: gorbachev@bmstu.ru

Некрасов Александр Михайлович

Кандидат педагогических наук,
доцент кафедры предпринимательства и внешнеэкономической деятельности,
Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана,
105005, Российская Федерация, Москва, ул. 2-я Бауманская, 5;
e-mail: alexnek@bmstu.ru

Соколова Екатерина Андреевна

Студентка кафедры экономики и организации производства,
Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана,
105005, Российская Федерация, Москва, ул. 2-я Бауманская, 5;
e-mail: sokolova_kathrin@mail.ru

Вашлаев Андрей Дмитриевич

Инженер кафедры предпринимательства и внешнеэкономической деятельности,
Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана,
105005, Российская Федерация, Москва, ул. 2-я Бауманская, 5;
e-mail: a.d.vashlaev@gmail.com

Титов Даниил Сергеевич

Студент кафедры экономики и организации производства,
Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана,
105005, Российская Федерация, Москва, ул. 2-я Бауманская, 5;
e-mail: danilissimus@icloud.com

Аннотация

Данное исследование посвящено анализу инструментов воздействия на общество через социальные медиа на примере США и России. Рассмотрены наиболее важные политические события этих стран за последние несколько лет и сформирован вывод по

поводу эффективности социальных сетей как инструмента влияния на граждан в период предвыборной кампании. Приведенные примеры и их анализ показывают, что, входя в новую эру технологий, изменяются и методы работы с электоратом. Замечается большая публичность кандидатов, лучше отображается их политическая и социальная активность, создается сильный и проработанный образ каждого из них. Взаимодействие через социальные сети позволяет кандидату и существующему правительству приблизиться к народу, узнать его проблемы, попутно решать их и предлагать принимать решения самим людям, тем самым освобождая себя от проблемы выбора и прививая гражданам чувство ответственности и радость от возможности прямого влияния на свою жизнь.

Для цитирования в научных исследованиях

Горбачев А.С., Некрасов А.М., Соколова Е.А., Вашлаев А.Д., Титов Д.С. Анализ формирования политических предпочтений избирателей через социальные медиа // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Том 7. № 5А. С. 168-181.

Ключевые слова

Избирательная кампания, социальные медиа, выборы, политические предпочтения, кандидат, общество, информация, реклама.

Введение

Резкий скачок в развитии информационных технологий в течение двух последних десятилетий привел к тому, что произошли значительные изменения в возможностях человечества к коммуникации. Переход от простого обмена информацией от источника к получателю до интерактивного персонализированного портала, где каждый человек не просто может высказать свое мнение, но и услышать различные мнения, провести опрос, создать объединение людей по тем или иным интересам и многое другое, затронул политическую часть жизни общества. Социальные медиа сейчас – важный инструмент коммуникационной стратегии, возможности которого при грамотном использовании огромны, а Интернет стал одним из лидирующих средств коммуникации между обществом и политическими институтами [Балуев, 2013, 604-616].

С ростом популярности социальных сетей изменяется структура информации, что необходимо для соответствия данному медиа-формату; такое новостное поле обладает большей оперативностью и актуальностью нежели традиционные средства массовой информации. Таким образом, можно выделить следующие сильные стороны социальных сетей с точки зрения влияния на общество:

- аккаунт в социальной сети формирует имидж политика/организации в глазах аудитории;
- отображение информации в режиме реального времени;
- преимущественное присутствие молодежи;
- отсутствие властной вертикали;
- ускорение процесса коммуникации [Козырева, 2015, 56-59].

Помимо этого, социальные сети позволяют доносить информацию от первого лица с необходимой окраской и тоном, что исключает возможность ее искажения. Также использование социальных сетей дает возможность собрать определенные данные о пользователях, например, пол, возраст, интересы и прочее для их дальнейшего анализа.

Россия 2018

Политика есть там, где есть большая аудитория, а социальные сети с миллионами пользователей – весьма удачная среда для осуществления воздействия политических институтов на общество.

Развитие информационных технологий привело к тому, что «стало возможным оказание скрытого персонального информационного воздействия на конкретного пользователя компьютерной сети и неконтролируемого массового воздействия на широкую аудиторию глобальных ОТКС» [Манойло, 2003, 388].

Сегодня «Пропаганда выходит на новый уровень – уровень глобального информационного контроля, который включен в процессы социализации, деятельности СМИ, производства культмассовой продукции и опосредованного контроля за общественным мнением» [Щербаль, 2012].

Сейчас в России существует несколько десятков социальных сетей, и многие политики активно общаются в наиболее популярных из них и публикуют социально важную, политическую, агитационную и личную информацию. Все больше отечественных чиновников и политиков заводят странички, например, в Facebook или Twitter, чтобы показать свою причастность к мировой тенденции интернет-коммуникаций и виртуальной социализации.

Кроме того, что доносить до общества важную информацию можно при помощи личных страниц политических деятелей, в социальных сетях формируются «кружки по интересам» – сообщества и группы, объединяющие людей по увлечениям, вкусам, политической позиции и т.п. Есть сообщества, выступающие в роли СМИ, причем такой вид коммуникации в состоянии вытеснить традиционные СМИ, ведь уже сейчас пользуется большим доверием [Муращенков, 2016, 35-40].

В подтверждение этому можно привести Российские выборы 2018, к которым подготовили самую масштабную диджитал-стратегию за историю президентских выборов. Главной задачей исполнителя было создать не программу продвижения кандидата в президенты, а привлечь как можно больше избирателей на выборы. Предполагалось, что активные пользователи сети Интернет с недоверием относятся к традиционным СМИ, особенно молодежь, которая, кажется, в целом аполитичной, – именно поэтому в качестве базы были выбраны социальные сети.

Рассмотрим основные способы реализации рекламной кампании 2018 года.

Реклама в социальной сети «ВКонтакте». Большинство пользователей столкнулись с целым потоком предвыборной агитации. Реклама сопровождалась лозунгами, которые должны были замотивировать граждан пойти на выборы: «Заявись на выборы сейчас!», «18 марта – твой день», «Где ты хочешь сделать это?». Большое внимание уделялось тому, что для голосования необязательно было находиться по месту регистрации – написав специальное заявление в центре «Мои документы» можно было проголосовать по месту вашего пребывания.

Предвыборные ролики. По сети стали распространяться ролики, посвященные тому, что произойдет, если не пойти на выборы. Некоторые ролики были весьма провокационного содержания, но, по большей части, получили положительные отзывы.

Реклама в Instagram. Реклама от имени ЦИК появилась не только Вконтакте, но и в Instagram, однако при детальном рассмотрении ее оказалось много меньше. Хотя именно Instagram наиболее популярен среди представителей региональной власти. Было записано много агитационных видео, в которых популярные блогеры призывали проявить свою гражданскую позицию: «Я отказался вести крупный корпоратив 18 марта за очень большие деньги. Потому что я нужен в другом месте», «Сегодня были отжимания по плану, а 18-го подтянусь».

Теперь предлагаем рассмотреть популярность кандидатов в президенты в различных социальных сетях. Необходимо помнить, что у Владимира Путина нет личной страницы ни в одной из социальных сетей, однако есть персональный сайт.

Таблица 1 – Количество подписчиков

№	Кандидат	ВКонтакте	Facebook	Одноклассники	Instagram	Twitter	YouTube
1	Грудинин	43722	4243	17709	25700	11000	50561
2	Жириновский	447955	80393	245047	285097	1630132	–
3	Собчак	38023	146055	6481	5618522	1615459	258662
4	Явлинский	46240	103410	8700	–	204498	67506
5	Титов	2292	15577	239	2707	2840	636
6	Бабурин	5201	530	–	6436	7166	1122

Что можно увидеть из этой таблицы? У популярной телеведущей Ксении Собчак, которая только недавно занялась политикой, наибольшая аудитория подписчиков, однако сложно проанализировать, кто подписался, чтобы следить за ее политической деятельностью, а кто из любви к ее творчеству. Второй по числу читателей Владимир Жириновский, его аккаунты в социальных сетях также заведены достаточно давно. Следом Григорий Явлинский, также серьезно занимающийся политикой давно.

Остальные кандидаты совершили общую большую ошибку, которая могла серьезно повлиять на количество единомышленников. И Грудинин, и Титов, и Бабурин «вышли в сеть» почти перед самыми выборами – примерно в январе 2018 года, а значит не смогли в полной мере заручиться поддержкой населения. Более активная деятельность в социальных сетях вполне могла повлиять на результаты голосования. Например, в США активное использование социальных сетей кандидатами в президенты начинается примерно за год-два до даты выборов.

Какие в итоге результаты столь активной агитации в социальных сетях? Молодежь, которая казалось аполитичной и не заинтересованной в выборах, участвовала в голосовании так же активно, как и представители старшего поколения

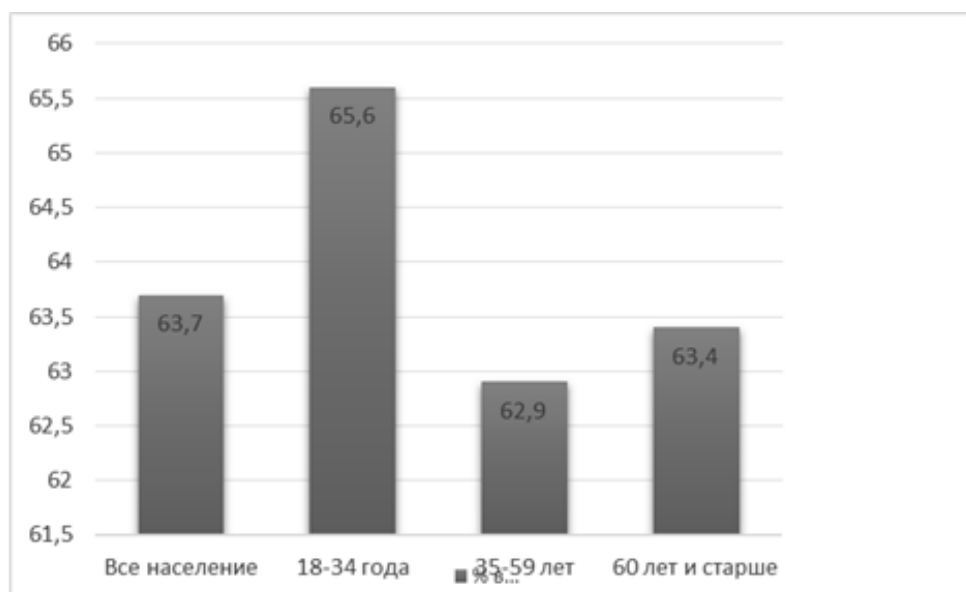

Рисунок 1 – Уровень явки среди избирателей по возрастным группам по оценке экзитпола ВЦИОМ

После подсчета голосов оказалось, что явка на выборы оказалась выше, чем в прошлый раз – более 67% против 65,34%. В голосовании участвовали 65,6% избирателей в возрасте от 18 до 34 лет и 63,4% тех, кто старше 60 лет. Из граждан среднего возраста – от 35 до 59 лет – проголосовали 62,9%.

Таблица 2 – Электоральные предпочтения по данным экзитпола ВЦИОМ

	По оценке экзитпола ВЦИОМ. Все население	По оценке экзитпола ВЦИОМ. 18-34 года	По оценке экзитпола ВЦИОМ. 35-59 лет	По оценке экзитпола ВЦИОМ. 60 лет и старше
В. Путин	73,9	68	73,4	81,3
П. Грудинин	11,2	11,6	11,6	9,1
В. Жириновский	6,7	8,3	7,3	4,2
К. Собчак	2,5	6,4	1,7	0,9
Г. Явлинский	1,6	1,3	1,7	1,6
Б. Титов	1,1	1,4	1,5	0,7
М. Сурайкин	0,8	0,9	0,9	0,8
С. Бабурин	1	0,9	1	0,6
Недействительные	1,2	1,2	0,9	0,8

Предпочтения молодежи соответствуют предпочтениям всех групп избирателей в целом, это видно по результатам опроса ВЦИОМ.

Таким образом, основная цель рекламной кампании выборов в 2018 году была достигнута. Проанализировав статистические данные можно с уверенностью сделать вывод, что политическая активность молодежи возросла по сравнению с выборами 2012 года. Во многом это произошло из-за масштабной PR-кампании, реализованной в социальных сетях. Акцент кампании был сделан на тех, кто голосовал впервые, хотя, конечно, целевая аудитория была около 85 млн. человек.

Россия 2012

Рекламная кампания выборов 2018 года и кандидатов в президенты кажется поистине грандиозной по сравнению с выборами 2012 года, однако и тогда социальные медиа были мощным инструментом политической рекламы.

Владимир Путин. Бюджет интернет-рекламы Владимира Путина \$1,5-2 млн был распределен на показ интернет-баннеров (около 318 млн.) и на размещение и создание контента на YouTube и в социальных сетях. Предвыборные видеоролики стали масштабной частью политической рекламы, а известный сервис заинтересовал пользователей возможностями для общения и выражения собственного мнения. Ролики были четко адресованы конкретным группам населения (студенты, военнослужащие, пенсионеры, бюджетники) и призывали строить новую Россию вместе, решая главные для каждой группы проблемы, будь то низкие зарплаты и стипендии, тарифы ЖКХ, жилье, доступность образования.

При всей своей проработке, интернет-реклама имела ряд существенных недостатков. Например, пенсионеры не настолько активные пользователи интернета, поэтому эта целевая группа в сети довольно мала. Не все видеоролики были адаптированы на трансляцию в интернете и были похожи на обычную агитацию.

Владимир Жириновский. Реклама Владимира Жириновского также была реализована при помощи роликов, одна половина из которых обращала внимание пользователей на его образ

яркого, артистичного политика, выступающего сохранив традиционную русскую культуру, а вторая – на его приближенность к народу.

Михаил Прохоров. Политическая реклама данного кандидата была довольно интересной и креативной. Необычные ролики с долей юмора на YouTube привлекли много внимания, в основном, со стороны избирателей младше 35 лет.

Михаил Прохоров тогда был совершенно новым лицом в политике, поэтому необходимо было построить грамотную имиджевую политику для создания образа сильного и умного бизнесмена, постоянно одерживающего победы. Его отличие от других кандидатов было продемонстрировано при помощи ролика с участием Пугачевой и Макаревича и посвященной ему песни.

Несмотря на опыт и энергию Михаила Прохорова, им были допущены серьезные ошибки, главные из которых – позднее начало рекламы (всего за 4 до выборов) и отсутствие ее связи с предвыборной кампанией. Ролики были посвящены личности Михаила, а нужно было показать, как улучшится жизнь в стране при его правлении.

Сергей Миронов. Предвыборная реклама Сергея Миронова была довольно скучной и малоактивной, располагалась на официальном сайте партии и персональном сайте кандидата и на сервисе YouTube, который стал неотъемлемой частью всех политических событий.

Рекламная кампания Сергея Миронова была направлена на недостаток социальной справедливости в России, а главный упор делался на незнание чиновников о жизни простых граждан.

В видеороликах в поддержку кандидата снимались известные российские артисты, призывавшие голосовать за справедливость.

Стоит отметить, что данному кандидату не было необходимости проводить масштабную рекламную кампанию в социальных сетях, так как основной электорат составляли пожилые люди, а привлечение молодежи не было целью кампании.

Геннадий Зюганов. Кандидат от КПРФ Геннадий Зюганов использовал для своей рекламы официальный сайт компартии, сайты региональных отделений КПРФ, сервис YouTube.

Были созданы видеоролики, два из которых оказались весьма необычными для этого кандидата. Первой был сделан как трейлер к фильму, где Геннадий Зюганов выступал в главной роли, а во втором известные личности читали стихотворение Пушкина «К Чаадаеву». Оба эти ролика направлены на привлечение молодежи к деятельности партии КПРФ.

Для давних сторонников партии и Геннадия Зюганова в интернете были размещены традиционные баннеры «Власть и собственность – народу!» и т.п. [Лысенкова, 2012, 1-20].

Сравнив выборы 2018 и 2012 года можно сделать вывод, что роль социальных медиа значительно выросла, а политические институты поняли все преимущества такой рекламы и стали разумнее ей пользоваться, хотя некоторые недочеты еще остались.

Тем не менее, развитие социальных и политических технологий в России находится на более низком уровне по сравнению с Европой и Америкой, а политические социальные сети не так популярны, как за рубежом, где роль новых медиа в жизни общества и политическом процессе весьма значительна.

США

Рассмотрим проведение выборов в США и влияние на них социальных медиа. В Соединенных Штатах Америки существует и практикуется система непрямых выборов

президента. Новый президент назначается на срок 4 года в результате двухэтапного голосования. Это означает, что на первом этапе в каждом штате граждане голосуют за выбранного кандидата, а затем уже происходит голосование коллегии выборщиков. Теоретически выборщики вольны отдать свой голос за любого кандидата, однако, в подавляющем большинстве случаев они следуют за общим настроением штата и отдают свой голос соответственно. Для победы в президентских выборах кандидату необходимо набрать минимум 270 голосов от коллегии выборщиков. Стоит отметить, что в данный момент количество выборщиков составляет 538, а число выборщиков в каждом штате равно числу его представителей в Конгрессе. То есть кандидату необходимо набрать минимум 50,2% процента голосов. Непрямая система позволяет существовать следующей ситуации: побеждает кандидат, набравший больше голосов выборщиков, но меньшего голосов обычных граждан. Рассмотрим пример данной ситуации, возникшей на выборах президента США в 2016 году.

Таблица 3 – Результаты выборов при явке 55,7%

	Дональд Трамп	Хиллари Клинтон
Голосов выборщиков	304	227
Голосов избирателей	62 984 828	65 853 514
Процент	46,1	48,2

Как мы видим, за Трампа проголосовало на 3 миллиона меньше людей, но на 77 больше выборщиков, что и является условием победы. Рассмотрим предвыборные кампании кандидатов.

Хиллари Клинтон сосредоточила свою кандидатуру на нескольких темах, включая повышение доходов среднего класса, расширение прав женщин, внедрение реформы финансирования кампаний и совершенствование Закона о доступной помощи. В марте 2016 года она изложила детальный экономический план, основывающийся на своей экономической философии по инклюзивному капитализму, который предложил «clawback», который отменил бы налоговые льготы и другие преимущества для компаний, которые перемещают рабочие места за рубежом; с предоставлением стимулов для компаний, которые делят прибыль с сотрудниками, сообществами и окружающей средой, вместо того, чтобы сосредоточиться на краткосрочной прибыли для увеличения стоимости акций и вознаграждения акционеров; а также увеличение прав на ведение коллективных переговоров; и размещение «налога на выход» для компаний, которые вытесняют свою штаб-квартиру из Америки, чтобы заплатить более низкую налоговую ставку за рубежом. Клинтон повысила равную оплату за равный труд, чтобы устранить нынешние предполагаемые недостатки в том, сколько женщин платят за то, что они делают на той же работе, что и мужчины, способствовали явному сосредоточению внимания на семейных проблемах и поддержке универсального дошкольного учреждения, заявив о поддержке права на однополые браки, и предложил разрешить иммигрантам, не имеющим документов, иметь путь к гражданству, заявив, что он «в своей основе является семейным вопросом».

Кампания Дональда Трампа сильно опиралась на его личный образ, усиленный его предыдущим освещением в СМИ. Главным лозунгом кампании Трампа, широко используемой в рекламных кампаниях, стало «Make America great again». Красная бейсболка с лозунгом, украшенным на фронте, стала символом кампании и часто надевалась Трампом и его сторонниками. Правые популистские позиции Трампа, сообщенные «The New Yorker» как нативистские, протекционистские и полуизолирующие, во многом отличаются от

традиционного консерватизма. Он выступал против многих соглашений о свободной торговле и военной интервенционистской политики, которые обычно поддерживают консерваторы, и выступает против сокращения пособий по программе Medicare и социального обеспечения. Более того, он настаивал на том, что Вашингтон «сломан» и может быть зафиксирован только аутсайдером. Поддержка Трампа была высокой среди работающих и средних классов белых мужчин-избирателей с годовым доходом менее 50000 долларов США и не имеющим высшего образования. В течение последних лет эта группа, особенно те, у кого было меньше, чем среднее образование, понесли снижение доходов. По данным The Washington Post, поддержка Трампа выше в районах с более высокой смертностью среди белых людей среднего возраста. Образец интервью с более чем 11000 респондентов из числа республиканцев с августа по декабрь 2015 года обнаружил, что Трамп в то время оказывал самую сильную поддержку среди республиканцев в Западной Вирджинии, затем Нью-Йорк, а затем следуют шесть южных штатов.

Как же Трамп смог победить в этой гонке, учитывая, что его предвыборная кампания обошлась вдвое дешевле, чем кампании Клинтон (300 миллионов долларов против 600), а также принимая в расчет то, что Клинтон имела поддержку 11 очень влиятельных газет, в то время как Трампа поддерживали лишь три. Вероятно, ответ кроется в использовании социальных медиа, социальных сетей и в особенности Twitter.

Трампа описывают как «возможно первого президента социальной сети» и «президент reality television» в статье Вана Джонса на сайте CNN в октябре 2017. Предыдущие президенты также получали большое влияние благодаря передаче своих целей и идей через новые медийные каналы: Рузвельт использовал радио, Кеннеди телевидение, Обама использовал интернет. Считается, что именно использование социальных сетей типа Twitter позволило Трампу выиграть президентские выборы.

У президента Трампа вдвое больше подписчиков, чем у Клинтон (52,3 миллиона и 22,9 миллиона соответственно). Наступил тот самый момент, когда вопрос «у кого подписчиков больше» больше не является смешным и детским, а действительно влияет на ход выборов президента одной из мощнейших держав планеты.

Вероятно, резкие заявления Трампа, направленные на усиление его образа помогли добиться большинства голосов от всех людей, живущих в пригороде и за городом, а также мужчин и женщин без высшего образования, и мужчин с высшим образованием.

Таблица 4 – Голоса избирателей по демографическим подгруппам

Демографическая подгруппа	Клинтон	Трамп	Другие	% от общего голосования
«Белые» женщины с высшим образованием	51	44	5	20
«Белые» мужчины с высшим образованием	39	53	8	17
«Белые» женщины без высшего образования	34	61	5	17
«Белые» мужчины без высшего образования	23	71	6	16
«Не белые»	74	21	5	29
Размер сообщества				
Города (с населением 50000 человек и больше)	59	35	6	34

Демографическая подгруппа	Клинтон	Трамп	Другие	% от общего голосования
Пригород	45	50	5	49
Сельские районы	34	62	4	17

Однако стоит также отметить, что перед выборами распознали 8% подписчиков Трампа из 7,58 миллионов как ботов. В январе 2017 аудит установил, что из 20 миллионов 32% боты. В мае 2017 количество подписчиков подскочило до 30 миллионов, но лишь половина аккаунтов была легитимной. В ноябре 2017 у Трампа было 42.4 миллиона подписчиков, что сделало его аккаунт в Twitter 21-м по популярности. Согласно TwitterAudit только 47 процентов аккаунтов настоящие. Для сравнения, анализ показывает, что 21 процент из 89 миллионов подписчиков Барака Обамы были ботами.

Для сравнения также рассмотрим выборы также в США, но в 2012 году. Противниками в данном случае являлись Барак Обама (демократ, избирался на второй срок) и Митт Ромни (республиканец). Результаты этих выборов приведены в следующей таблице.

Таблица 5 – Результаты выборов 2012

	Барак Обама	Митт Ромни
Голосов выборщиков	332	206
Голосов избирателей	65 915 795	60 933 504
Процент	51,1	47,2

В данном случае победу Обамы предсказывали заранее и считали очевидной, действительно, редко в истории кандидат не попадал на второй срок. В данном случае, в отличие от выборов 2016 года Обама побеждает и по общему числу голосов, и по числу отданных ему голосов выборщиков. Рассмотрим политические кампании кандидатов.

Барак Обама заявил о своей позиции по многим политическим вопросам посредством своих публичных комментариев и законодательных актов. Администрация Обамы заявила, что ее общая повестка дня состояла в том, чтобы «оживить экономику, обеспечить доступное и доступное медицинское обслуживание для всех, укрепить системы государственного образования и социального обеспечения, определить четкий путь к энергетической независимости и бороться с изменением климата, положить конец войне в Ираке ответственно и завершить нашу миссию в Афганистане, и работать с нашими союзниками, чтобы Иран не мог развивать ядерное оружие».

Также стоит отдельно рассмотреть использование социальных сетей и общий технологический уклон команды Обамы. Инвестиции в инженеров кампании Обамы под руководством технического директора Харпера Рида в 2012 году были беспрецедентными. Рид помог создать команду разработчиков из таких технических компаний, как Twitter, Google, Facebook, Craigslist, Quora, Orbitz и Threadless. Этот подход – наем технологических работников из технологических стартапов, а не политической сферы – был новым. Центральным компонентом этой работы был проект «Нарвал», централизованная база данных избирательной информации.

Компания Обамы смогла собрать 690 миллионов долларов через онлайн каналы, побив рекорд 2008 года в 500 миллионов долларов. В этих выборах, конечно, использование социальных медиа меньше, чем у Трампа в 2016, однако также заслуживает внимания. На момент выборов в 2012 у кандидата от демократической партии было примерно 13 миллионов

подписчиков и Twitter использовался активным образом. Так, например, устраивались конференции, где люди могли задавать вопросы напрямую президенту через Twitter, через хэштеги или напрямую на аккаунт президента. Вероятно, это и позволило Обаме завоевать голоса большинства активных пользователей Twitter, которые, как известно, находятся скорее в группе от 18 до 40 лет. Эту теорию можно подтвердить с помощью демографического анализа голосов, представленного далее.

На данный момент у бывшего президента насчитывается 100 миллионов подписчиков, а его победный твит в 2012 году на некоторое время стал самым популярным твитом за всю историю существования сервиса.

Таблица 6 – Демографический анализ голосовавших в 2012

Демографическая подгруппа	Обама	Ромни	Другие	% от всех голосов
Возраст				
18-24	60	36	4	11
25-29	60	38	2	8
30-39	55	42	3	17
40-49	48	50	2	20
50-64	47	52	1	28
65 и старше	44	56	0	16

Из рассмотренных примеров можно сделать вывод, что в данный момент мы наблюдаем изменение мира политики. Четко выражается неуклонный переход от стандартных методов продвижения кандидатов через газеты, радио и телевидение к онлайн методам – социальные сети, онлайн встречи, подкасты, ролики на YouTube и прочие методы. На данном этапе уже сложно отрицать влияние социальных медиа на формирование предпочтений граждан на выборах. Использование онлайн сервисов позволяет добиться узнаваемости кандидата среди людей, активно пользующихся интернетом, и, при грамотном управлении имиджем, сформировать такой образ кандидата, за который люди и пойдут голосовать. В связи с обилием факторов, влияющих на выбор человека, “сыграть” можно на разных вещах. Трамп выбрал агрессивную политику защиты экономики государства, вольное поведение в Твиттере и резкие реплики, что привлекло к нему более радикальные слои населения, а также тех, кто живет вне городов. Обама с помощью социальных медиа повысил свою популярность среди тех, кто часто пользуется интернетом, поэтому и заполучил большинство голосов людей в возрасте от 18 до 40 лет.

Алексей Навальный

Исследуя связь политики и социальных медиа и способы воздействия на население через социальные сети невозможно не упомянуть, пожалуй, одного из самых активных политиков РФ, самое обсуждаемое лицо, лидера несистемной оппозиции – Алексея Навального. Стал известен широкой публике благодаря расследованиям, проведенным его «Фондом борьбы с коррупцией» в отношении собственности, которой обладают самые богатые люди страны (в большинстве своем политики). Проведенные исследования и рассказ о заоблачных богатствах наших «верхов» всколыхнули общественность и позволили Алексею Навальному выйти в политику и заполучить немалое количество последователей.

Основным средством общения с аудиторией для него являются его блог, Youtube, Twitter и

страница в ВКонтакте. Не сложно увидеть, что основной посыл данного политика направлен на молодежь, многие пункты его программы (направлены) на проблемы, волнующие молодых людей и подстегивающих их ходить на митинги и поддерживать Навального.

Для повышения интереса к деятельности Алексея Навального был создан диджитал-отдел, включающий команду интернет-атаки, интернет-разведки. В том числе, было записано несколько роликов, посвященных острым для населения вопросам. При создании проектов, отдел ориентировался на аудиторию и старался учитывать ее специфику.

При работе с социальными медиа диджитал-отделу пришлось работать в режиме онлайн для интеграции с информационным потоком. Несколько людей вели аккаунты для координации работы волонтеров штаба Навального, велся мониторинг социальных сетей.

Как мы уже увидели на примере США, социальные медиа являются, пожалуй, наилучшим способом для формирования базы единомышленников среди людей молодого возраста. Учитывая специфику страны, сложно говорить о людях, которым от 30 до 40, поскольку в этой области еще сильно влияние газет, телевизора и других стандартных методов воздействия (пропаганды) со стороны правящей партии, которая, безусловно, использует все эти методы исключительно в своих целях.

Заключение

Социальные медиа могут стать важным инструментом формирования политических предпочтений, а мощная рекламная кампания в социальных сетях способна оказать серьезное влияние на электоральное поведение нежеле традиционные СМИ, которые «теряют хватку» и пользуются все меньшим доверием среди населения.

Наиболее популярные в России социальные сети, такие как ВКонтакте, Twitter, Facebook имеют большое влияние на социальную, культурную, политическую части жизни общества. Мониторинг публичных записей, комментариев может помочь понять настроения граждан и узнать наиболее проблемные вопросы.

Приведенные примеры и их анализ показывают, что, входя в новую эру технологий, изменяются и методы работы с электоратом. Замечается большая публичность кандидатов, лучше отображается их политическая и социальная активность, создается сильный и проработанный образ каждого из них. Взаимодействие через социальные сети позволяет кандидату и существующему правительству приблизиться к народу, узнать его проблемы, попутно решать их и предлагать принимать решения самим людям, тем самым освобождая себя от проблемы выбора и прививая гражданам чувство ответственности и радость от возможности прямого влияния на свою жизнь.

Новые инструменты в политической борьбе создают новые стратегии, которые иногда превосходят традиционные методы, тем самым увеличивая неопределенность выбора голосующего. Вчерашние сторонники одного кандидата после неудачного высказывания в Twitter вполне могут перевернуться на сторону оппонента. Кроме того, стоит отметить, что рекламирование себя через социальные сети является много более дешевым способом продвижения, а использование Twitter, Facebook и прочих сетей вообще бесплатное, это означает, что, теоретически, можно сделать агитацию за предвыборную кампанию почти бесплатно.

Кто владеет информацией – тот владеет миром. В мире информационных технологий эти слова обладают новым смыслом. Информация сейчас – это и проблемы общества, и его осведомленность, и заинтересованность, и способ общения, и власть, которая, в конечном счете, является целью каждого политического деятеля.

Библиография

1. Балугев Д.Г. Политическая роль социальных медиа как поле научного исследования // ОТО. 2013. №2. С. 604-616.
2. ВЦИОМ о выборах: молодежь оказалась активнее пенсионеров. URL: regnum.ru/news/2394667.html
3. Кампания Навального. Плюсы, минусы, наука. URL: oleg-kozyrev.livejournal.com/4637490.html
4. Козырева А.А. Почему социальные сети являются инструментом политической власти? // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. №2. С. 56-59.
5. Лысенкова М.Ф. Интернет-реклама в контексте политических технологий в современной России // Юридические исследования. 2012. № 1. С. 1-20.
6. Манойло А.В. Государственная информационная политика в особых условиях. М.: МИФИ, 2003. 388 с.
7. Молодежь ломает стереотипы. URL: wciom.ru/index.php?id=236&uid=9002
8. Муращенков С.В. Социальные сети как инструмент организации эффективной политической коммуникации гражданского общества и органов власти в современной России // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2016. №4. С. 35-40.
9. Щербаль С.С. Технологии политической пропаганды в избирательных кампаниях российских партий: (на примере парламентских выборов): автореф. дис. ... канд. полит. наук. Краснодар, 2012. 20 с.
10. Digital в политической агитации: кампания Навального. URL: cossa.ru/152/51393/
11. Donald Trump's Twitter. URL: twitter.com/realdonaldtrump
12. Federal Elections 2012: Election Results for the U.S. President, the U.S. Senate and the U.S. House of Representatives. URL: fec.gov/pubrec/fe2012/federalections2012.pdf
13. Hillary Clinton's Twitter. URL: twitter.com/hillaryclinton
14. Official 2016 Presidential General Election Results. URL: transition.fec.gov/pubrec/fe2016/federalections2016.pdf
15. Voting and Registration in the Election of November 2016. URL: census.gov/data/tables/time-series/demo/voting-and-registration/p20-580.html
16. What is the Electoral College? URL: archives.gov/federalregister/electoral-college/about.html

Analysis of the formation of voters' political preferences through social media

Anton S. Gorbachev

Assistant of the Department of Entrepreneurship and foreign economic activity,
Moscow State Technical University named after N.E. Bauman,
105005, 5, 2nd Baumanskaya st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: gorbachev@bmstu.ru

Aleksandr M. Nekrasov

PhD in Pedagogy,
Associate Professor of the Department of Entrepreneurship and foreign economic activity,
Moscow State Technical University named after N.E. Bauman,
105005, 5, 2nd Baumanskaya st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: alexnek@bmstu.ru

Ekaterina A. Sokolova

Student of the Department of Economics and Production Organization,
Moscow State Technical University named after N.E. Bauman,
105005, 5, 2nd Baumanskaya st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sokolova_kathrin@mail.ru

Andrei D. Vashlaev

Engineer of the Department of Entrepreneurship and foreign economic activity,
Moscow State Technical University named after N.E. Bauman,
105005, 5, 2nd Baumanskaya st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: a.d.vashlaev@gmail.com

Daniil S. Titov

Student of the Department of Economics and Production Organization,
Moscow State Technical University named after N.E. Bauman,
105005, 5, 2nd Baumanskaya st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: danilissimus@icloud.com

Abstract

New tools in the political struggle create new strategies that sometimes outperform traditional methods, thereby increasing the uncertainty of the voter's choice. Yesterday's supporters of one candidate after an unsuccessful statement on Twitter may well turn over to the side of the opponent. This study is devoted to the analysis of tools of influence on society through social media on the example of the United States and Russia. The most important political events of these countries over the past few years are considered and a conclusion is drawn up regarding the effectiveness of social networks as a tool to influence citizens during the election campaign. The given examples and their analysis show that, entering a new era of technology, the methods of work with the electorate are changing. There is a great publicity of the candidates, better displays their political and social activity, creates a strong and well-developed image of each of them. Interaction through social networks allows the candidate and the existing government to get closer to the people, find out their problems, solve them at the same time and offer to make decisions to the people themselves, thereby freeing themselves from the problem of choice and instilling in citizens a sense of responsibility and joy from the possibility of direct influence on their lives.

For citation

Gorbachev A.S., Nekrasov A.M., Sokolova E.A., Vashlaev A.D., Titov D.S. (2018) Analiz formirovaniya politicheskikh predpochtenii izbiratelei cherez sotsial'nye media [Analysis of the formation of voters' political preferences through social media]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 7 (5A), pp. 168-181.

Keywords

Election campaign, social media, elections, political preferences, candidate, society, information, advertising.

References

1. Baluev D.G. (2013) Politicheskaya rol sotsialnykh media kak pole nauchnogo issledovaniya [The political role of social media as a field of scientific research]. *OTO*, 2, pp. 604-616.
2. *Digital v politicheskoi agitatsii: kampaniya Naval'nogo* [Digital in political agitation: Navalny campaign]. Available at: cossa.ru/152/51393/ [Accessed 10/1/0/2018]
3. *Donald Trump's Twitter*. Available at: twitter.com/realdonaldtrump [Accessed 10/1/0/2018]

4. *Federal Elections 2012: Election Results for the U.S. President, the U.S. Senate and the U.S. House of Representatives*. Available at: fec.gov/pubrec/fe2012/feder-alelections2012.pdf [Accessed 10/1/0/2018]
5. *Hillary Clinton's Twitter*. Available at: twitter.com/hillaryclinton [Accessed 10/1/0/2018]
6. *Kampaniya Naval'nogo. Plyusy, minusy, nauka* [Navalny's campaign: pros, contra, lessons learned]. Available at: oleg-kozyrev.livejournal.com/4637490.html [Accessed 10/1/0/2018]
7. Kozyreva A.A. (2015) Pochemu sotsialnye seti yavlyayutsya instrumentom politicheskoy vlasti? [Why are social networks an instrument of political power?]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kemerovo State University], 2, pp. 56-59.
8. Lysenkova M.F. (2012) Internet-reklama v kontekste politicheskikh tekhnologii v sovremennoy Rossii [Internet advertising in the context of political technologies in modern Russia]. *Yuridicheskie issledovaniya* [Legal studies], 1, pp. 1-20.
9. Manoilo A.V. (2003) *Gosudarstvennaya informatsionnaya politika v osobyykh usloviyakh* [State information policy in special conditions]. Moscow: MIFI.
10. *Molodezh' lomaet stereotypy* [Youth breaks stereotypes]. Available at: wciom.ru/index.php?id=236&uid=9002 [Accessed 10/1/0/2018]
11. Muraschenkov S.V. (2016) Sotsialnye seti kak instrument organizatsii effektivnoy politicheskoy kommunikatsii grazhdanskogo obshchestva i organov vlasti v sovremennoy Rossii [Social networks as a tool for organizing effective political communication of civil society and authorities in modern Russia]. *Izvestiya TulGU. Gumanitarnye nauki* [News of TSU. Humanitarian sciences], 4, pp. 35-40.
12. *Official 2016 Presidential General Election Results*. Available at: transition.fec.gov/pubrec/fe2016/federaelections2016.pdf [Accessed 10/1/0/2018]
13. Scherbal S.S. (2012) *Tekhnologii politicheskoy propagandy v izbiratelnykh kampaniyakh rossiiskikh partii (na primere parlamentskikh vyborov)*. Doct. Dis. [Technologies of political propaganda in the election campaigns of Russian parties: (on the example of parliamentary elections). Doct. Dis.]. Krasnodar.
14. *United States Census Bureau*. Available at: census.gov/data/tables/time-series/demo/voting-and-registration/p20-580.html [Accessed 10/1/0/2018]
15. *VTsIOM o vyborakh: molodezh' okazalas' aktivnee pensionerov* [VTsIOM on elections: young people turned out to be more active than retirees]. Available at: regnum.ru/news/2394667.html [Accessed 10/1/0/2018]
16. *What is the Electoral College?* Available at: archives.gov/federalregister/electoral-college/about.html [Accessed 10/1/0/2018]

УДК 323.470

Российская нация и многонациональный народ

Колесников Вячеслав Александрович

Доктор политических наук,
доцент,

Волгоградский институт управления,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
400005, Российская Федерация, Волгоград, ул. Гагарина, 8;
e-mail: kolesnikov-vags@mail.ru

Аннотация

В статье предпринята попытка исследования российской нации как интегративного политико-культурного явления и научно-познавательного феномена. Акцентированы основные аспекты анализа: понятийно-содержательный, исторический, компаративный. В фокусе внимания реальность многонационального российского народа – суверенного источника власти в многосоставном демократическом государстве. Выявлены особенности соотношения гражданского и этнического (национальной принадлежности) компонентов, аргументирована доминанта единства гражданской нации в согражданстве. Пояснено содержание феноменов «этнонации» и «нации наций» в корреляции с функционированием «республик-государств» в современной России. Обоснована приоритетность формирования гражданской политической культуры и гражданской идентичности, культивации гражданского единства и межнационального согласия. Аргументированы необходимость профилактики этноконфликтов и недопустимость радикального национализма, национального и языкового превосходства, агитации и пропаганды национальной вражды, розни в условиях современного этапа государственного строительства в целях обеспечения стабильности многонационального общества и развития федеративного российского государства.

Для цитирования в научных исследованиях

Колесников В.А. Российская нация и многонациональный народ // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Том 7. № 5А. С. 182-192.

Ключевые слова

Нация, многонациональный народ, российская нация, гражданская идентичность, национальная принадлежность, согражданство, этнонация, национализм.

Введение

В политологической литературе наличествуют разные предикаты нации: «российская нация», «гражданская нация», «русская нация», «нация-государство», «нация наций», «этнонация». Евразийцы определяли нацию как «цивилизационное единство народов с общностью исторических судеб» [Трубецкой, 1999, 503]. В отдельных определениях нации – это «особая многонародная нация, включающая этническое многообразие», «высшая форма этноса» и «супер-этнос». Нация характеризуется и как глобальный этнос, «не приемлющий этнического плюрализма» [Габоев, Абдулатипов, 2000, 6]. Сторонники универсализма особо акцентируют надэтническую предикативность нации, однако в корреляции с этническим многообразием, например, «русской нации». Так, Ю.М. Бородай полагает, что нация – «надэтническое образование, при этом национальные и государственные границы могут не совпадать» [Бородай, 1995]. Полиэтничность – существенная сторона исследования многонациональных и многосоставных государств [Леванский, 1995, 106-113]. Во взаимосвязи с государственным развитием в многообразии научных подходов доминируют политико-гражданский, надэтнический, полиэтнический.

Комплексное исследование российской нации объективирует необходимость применения понятийно-содержательного, исторического, компаративного аналитических аспектов. При выявлении содержания феномена, например, в рамках первого аспекта существенна гносеологическая составляющая. Каковы уровни познания условий и факторов возникновения нации? Тут востребован потенциал теорий этногенеза и этноразвития, примордиалистской теории нации (обоснована в работах К. Гирца, Л. Гумилева, Ю. Бромлея, С. Щирокогорова и др.), инструменталистской теории (суть поясняется у Б. Андерсена, П. Бурдьё, Э. Геллнера, Э. Хосбаума и др.), конструктивистской теории (примененной в трудах Ф. Барта, Н. Глезера, Д. Кармента, Д. Лейка, С. Штейнберга и других западных и российских исследователей формирования европейских наций, проявлений национализма, этнобытия [Данакари, 2007]). Этот аспект ориентирует на методологию познания и системный анализ основных понятий и терминов: «нация», «гражданская нация», «национальное государство», «этнос», «национальность», «национальная идентичность», «национализм», «национальный вопрос». Систематизация философских аспектов решения национального вопроса в России предложена Д.В. Замышляевым [Замышляев, 2004].

Гражданская нация и российская идентичность

Исследуя формирование российской гражданской нации, состояние и перспективы институционализации национальной идентичности, формы национализма, К.С. Гаджиев справедливо отмечает, что «любой национализм, основанный на этнизме, противоречит сути русской идеи, в инфраструктуре которой центральное место занимает мысль об объединении в органическое целое на началах интеграции разных народов» [Гаджиев, 2018, 131]. Однако утверждается, что определение «многонационального народа» как носителя суверенитета и единственного источника власти в России в п. 1 ст. 3 Конституции РФ «является спорным, если не ошибочным» [Там же, 134]. Не соглашаясь с аргументацией отрицания властно-суверенного определения источника власти, заметим, что акцентирование реальности «многонационального народа» в преамбуле и ст. 3 Конституции РФ (1993 г.) – это указатель не только на основание власти, но и на единение России. Конститутирована объективность многонационального бытия

российского народа и государства при отсутствии в тексте самого понятия «российская нация» с ее интегративным потенциалом.

Принятые в теории политики, этнографии, социологии, других общественных науках научные понятия «этнос», «этнокультурное многообразие» также отсутствуют в Конституции РФ 1993 г., однако закреплены «многонациональный народ» и «национальная принадлежность», предикаты «многонациональный» и «национальный», недопустимость «национального превосходства» и «национальной розни». С этим коррелирует следующий принцип: «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». В первых строках преамбулы императивом «Мы, многонациональный народ...» подтверждены историческая основа и демократическая форма «межнационального единства» РФ. Этим объясняется и необходимость формирования российской нации в условиях строительства новой государственности.

Выявляется и влияние господствовавшей в предшествующий период политико-идеологической концепции «советского народа» – «исторической и многонациональной общности» советских граждан, объединявшей социалистические нации и народы СССР. В этой концепции *советский народ* – интегрирующее многонациональное образование, однако понятия «этнос», «межэтнические отношения», «этническое многообразие» были чуждыми в идеологии социалистического строительства и решения национального вопроса. В Конституции РФ 1993 г. исключен предикат «советский», но отражаемая реальность единения в условиях многонационального бытия народов преемственно сохраняется (при отсутствии термина «нация», но не «национальности» и «национальной принадлежности» в ст. 19, ст. 26). Это адекватно утверждению новой политико-государственной формы единения народов, «соединенных общей судьбой на своей земле» («многонациональный народ») и согласия интересов всех национальностей в РФ (идентифицируемых по «национальной принадлежности»). В этом и признание реалий этносов и этнообразований как неотъемлемых культурно-исторических элементов формируемой российской нации, соотносимых с правом гражданского выбора: «определения и указания своей национальной принадлежности» (ст. 26). В Конституции РФ и без терминов «нация», «российская нация» (с использованием предикатов «многонациональный», «национальный», «национальность», «национальная принадлежность») закреплена идея единения многонационального народа, этим подтверждается и коррелятивность понятий «российский многонациональный народ» – «российская нация».

Компаративный аспект позволяет соотносить суть статей (затрагивающих феномен «нации») в Конституции РСФСР (1978 г.) и Конституции РФ (1993 г.). В первом документе в преамбуле записано: Российская Федерация – равноправная республика в составе СССР, она «олицетворяет государственное единство советского народа, сплачивает *все нации* и народности для совместного строительства коммунизма». В ст. 1 говорится о том, что РСФСР – «общенародное государство, выражающее волю трудящихся *всех наций*»; в ст. 19 – о том, что «государство способствует сближению *всех наций*»; в ст. 62 – о «*дружбе наций* в совместном *многонациональном* государстве»; в ст. 68 – о «свободном самоопределении *наций*». В Конституции РФ 1993 г. в преамбуле и ст. 3 закреплено интегративное понятие «многонациональный народ» РФ; в ст. 5 – о том, что все субъекты РФ «между собой равноправны»; ст. 13 направлена против «разжигания *национальной розни*»; ст. 19 – о гарантиях прав и свобод российских граждан «независимо от *национальной принадлежности*»; ст. 26 – о национальной принадлежности и о том, что каждый (гражданин) «вправе определять и указывать свою *национальную принадлежность*»; ст. 29 направлена против пропаганды и

агитации, расовой, *национальной* ненависти и вражды: «запрещается пропаганда социального, расового, *национального*, религиозного или языкового превосходства».

По языковому превосходству отметим, что в Украине вытеснение русского языка (объект ненависти радикалов-националистов) – это реальность проводимой сегодня государственной политики. Соотнося такую политику с феноменом «лингвоцида» (меры административно-политического, а также экономического характера, направленные на искоренение языка, обычно в регионах исторического распространения), можно предвидеть все последствия «вылущивания» русской культурной матрицы, русской идентичности для народа Украины. «Языкоубийство» – так определял этот процесс украинский националист и лингвист Я. Рудницкий, введший в научный оборот термин «лингвоцид» [Анпилов, 2018]. За два десятилетия на основе «новой языковой политики» и борьбы с Россией бывшая братская республика провалилась в культурную пропасть.

В комплексном исследовании исторический аспект позволяет выявлять причины образования государств-наций в Европе, конкретизировать применение понятий «нация» и «гражданская нация» в современных условиях. Историческая аналитика важна для понимания национального развития в условиях советского «унитарного федерализма», особенностей межнациональных конфликтов в период перестройки с ослаблением государственности и дестабилизацией политической системы, повлекших распад СССР. На смысловую определенность российской нации, как отмечалось, влияет концепция советского народа. Советский народ определялся общностью, интегрирующей многонациональное развитие посредством двух тенденций: расцвета и сближения социалистических наций и народов. Как позитивный факт отметим и то, что этнорадикализм и сепаратизм в советском государстве блокировались скрепами: а) государственной идеологией с культивацией советской гражданской идентичности (сегодня востребована культивация российской гражданской идентичности, особенно в «республиках-государствах» [Колесников, 2016]); б) административной управленческой системой с политическим ядром КПСС (правящая партия «Единая Россия» сегодня критикуется подвижниками созданного по инициативе В. Путина в 2011 г. Российского общенародного фронта за сбой в работе по патриотическому воспитанию граждан); в) в экономическом базисе – государственным способом производства с плановой формой распределения и потребления основных ресурсов. Политическое закрепление советской республиканской государственности, территории, права на развитие родного языка и культуры, например украинского народа, выбивало почву у идеологов «самостийного государства». Не позволяли закрепиться радикальному национализму и идеи «украинства» с антирусской и антироссийской направленностью Н.И. Гулака, Д.И. Донцова, М.С. Грушевского и др.

С развалом союзного государства открывалась дверь к формированию национальными элитами собственной государственности в бывших братских республиках (представлявших социалистические нации). На постсоветском пространстве оживает радикальный национализм. Вспоминается, как в 1991 г. в индустриальном г. Краматорске (рядом г. Славянск) в еще тогда процветающей Донецкой области автор в статье «Демократия или национал-радикализм?» предупреждал об опасности национал-радикализма и «националистической мимикрии государственных структур» – главных угрозах политической стабильности и демократии в Украине [Колесников, 1991]. Полинявшая партноменклатура и национал-патриоты только приступали к дележу собственности и строительству самостийной государственности. В 2014-2018 гг. этнорадикализм и ненависть к русскоговорящему

населению на юго-востоке Украины явили жесточайшие формы насилия и террора (чудовищное убийство главы ДНР А.В. Захарченко в 2018 г.).

Национальный радикализм с исчезновением советской государственности проявился и в разрушительных этновойнах в Приднестровье, Карабахе, Абхазии, Аджарии, Южной Осетии и т. д. С провозглашением СНГ этноэлиты «республик-государств» в составе РФ (определение закреплено в ст. 5 Конституции РФ 1993 г.) также активно включаются в борьбу за перераспределение власти, собственности и ресурсов («чеченская нефть», «Башнефть», «Татнефть», «Алмазы России – Саха» и пр.). В постсоветской России этносепаратизм на Северном Кавказе особо проявился в двух чеченских войнах с неопределенностью Хасавюртовского договора РФ и Ичкерии 1997 г. «по нормам международного права», в попытках экспорта радикального исламизма в республику Дагестан (бои в 1999-2000 гг. в Цумадинском, Ботлихском, Новолакском районах республики).

При исследовании формирования нации значима аналитика институционального потенциала страны с многонациональным составом. В России приоритетна роль федеральных структур, органов власти субъектов РФ и местного самоуправления при реализации государственной стратегии национального строительства, культивации согражданства. В системе мер – укрепление этнополитических отношений и профилактика межэтнических конфликтов. Ученые Института социально-гуманитарных и гуманитарных исследований ЮНЦ РАН, авторы труда «Этнополитические процессы на Юге России: от локальных к блоковым конфликтам» (2011 г.) утверждают, что конфликты, подобные тем, которые произошли в с. Яндыки Астраханской области в 2005 г., в г. Кандопога (Карелия) в 2006 г. или в г. Ставрополе в 2007 г., «регулярно происходят по всей стране» [Авксентьев и др., 2011, 7]. Замалчивание властью или редуцирование этнических конфликтов до уровня хулиганских действий «на бытовой почве» недопустимо в силу особой опасности этих явлений для формирования гражданской нации. Массовые конфликты с этнокомпонентом, повлекшие общественный резонанс и широкое освещение СМИ событий, в пос. Сагра Свердловской области 1 июля 2011 г., в г. Пугачеве Саратовской области 5-6 июля 2013 г., в Бирюлево Западном (Южный административный округ г. Москвы) 12-14 октября 2013 г. актуализируют вывод и подтверждают гражданскую позицию.

Уровень гражданской политической культуры и культуры межнационального общения, в рамках которых отождествляются понятия и термины «нация» и «этнос», «нация» и «национальность», «национальное» и «этническое», «многонациональное» и «национальное», не различаются «этнонационализм» и «гражданский национализм», влияет на массовое общественное сознание. Понятийная неопределенность осложнена и в силу многообразия определений: «российская нация», «нация россиян», «гражданская нация», «русская нация». В научной литературе российскую нацию характеризуют и как «нацию наций»: «...жизнеспособность гражданской нации зависит от благополучия составляющих ее этнонаций» [Цветков, 2009]. У В.А. Тишкова пояснение «нации наций» состоит в следующем: в современных государствах этнообщности «могут по-разному называться: народы, этнические группы, национальности, нации, меньшинства, этносы» [Тишков, 2011, 176]. Поэтому «крупные государства мира фактически существуют как *нации наций: этнонации* (англичане, шотландцы, ирландцы уэльсцы в Великобритании; фламандцы и валлоны в Бельгии и т. п.) и *этнорегиональные сообщества* (например, каталонцы или квебекцы) *составляют гражданские нации* (в данном примере – британскую, бельгийскую канадскую), не утрачивая своей отличительности и в ряде случаев особого статуса» [Там же, 176-177]. Российская нация, таким

образом, во-первых, являет гражданское сообщество, с основанием в согражданстве (единая гражданская идентичность россиян); во-вторых, включает этнонации и этнорегиональные сообщества (с фактором этнической идентификации) как основные субъекты национальной жизни.

Этнонация в РФ совпадает с республиканской общностью с ее титульной идентификацией крупным этносом (например, в Татарстане титульность задана татарским этносом), а также охватывает гражданское единение многообразного этнического состава республики (татарстанцы: татары, русские и другие этногруппы, проживающие в субъекте РФ). Башкортостан, Республика Калмыкия, Чеченская Республика, Республика Тыва и другие республики функционируют на государственной территории с административными границами в составе РФ, являясь составляющими единой российской нации, и одновременно представляют этнонации в единстве многонационального народа. Автономные округа и автономная область со статусом субъектов РФ (Ханты-Мансийский автономный округ и др., Еврейская автономная область) дополняют национальный (полиэтнический) субъектовый состав страны, представляют второй основной вид этнорегиональных сообществ в российской нации – «нации наций».

Напрашивается также аналогия с социалистическими нациями, которые идентифицировались в СССР с населением союзных республик, а в современной России «этнонация» представляет собой коррелят национальной республики с титульным этносом. В этом выход на возможное пояснение отсутствия «русской республики» в СССР (советские граждане – интернационалисты и патриоты советской родины, наделенные советским паспортом). Подобное есть и в РФ, где российское гражданство – надэтнический феномен. Гражданская российская идентичность характеризуется как политико-правовая реальность, тогда как этничность – это «национальная принадлежность», культурно-исторический феномен. На интегративной гражданской основе конкретизируется совпадение понятий «русская нация» и «гражданская нация», а русский этнос признается государствообразующим.

Гражданская основа бытия многонационального народа заключается в том, что гражданин РФ, постоянно проживающий на территории республики, является одновременно гражданином Республики Татарстан, а гражданин Татарстана является одновременно гражданином РФ (ст. 21 Конституции Татарстана). Государство (в данном случае «республика-государство» согласно ст. 5 Конституции РФ) гарантирует всем гражданам вне зависимости от национальности (этнической принадлежности) равноправные права (ст. 28). Вне территории проживания этносоциального ядра (например, татарского народа в Татарстане) в других субъектах РФ вправе образовываться этнокультурные диаспоры этого народа. Например, «Региональная национально-культурная автономия татар Волгограда и Волгоградской области» и другие национальные общественные объединения зарегистрированы управлением министерства юстиции РФ по Волгоградской области.

Этнонации в республиках и этнорегиональные сообщества в автономных округах и автономной области охватывают гражданское полиэтническое население (аналогично социалистическим нациям советских республик). В массиве населения республик титульный этнос, как правило, самый представительный, но в региональных автономиях РФ может составлять этническое меньшинство. По данным Всероссийской переписи 2002 г., в Республике Саха (Якутия) якуты составляли 45,54 % (433 290 чел.), а русские – 41,15% (390 671 чел.) [Национальный состав населения Республики Саха..., www]. В Ханты-Мансийском АО ханты составляли 1,20% (17 128 чел.), манси – 0,69% (9894 чел.), татары – 7,51% (107 637 чел.), украинцы – 8,60% (123 238 чел.), а русские – 66,06% (946 590 чел.) [Национальный состав

населения Ханты-Мансийского автономного округа..., [www](#)]. В Еврейской автономной области евреи составляли 1,22%, украинцы – 4,44%, а русские – 89,93% населения [Национальный состав населения Еврейской автономной области..., [www](#)]. В Татарстане, по данным переписи 2010 г., проживало: татар (титульный этнос) – 2 012 571 чел. (53,2%, всего татар в РФ 5 310 649 чел.), русских – 1 501 369 чел. (39,7%) [Окончательные итоги..., [www](#)]. В Республике Тыва тувинцы в 2010 г. составляли 82%, русские – 16,3%, хакасы – 0,3% [Население Тывы, [www](#)]. В Чувашии в 2010 г. чуваша составляли 814 750 чел. (2/3 населения), русские – 323 274 чел. (1/3 населения) [Общегражданская и этническая идентичность..., [www](#)]. В Пермском крае, образованном на основе референдума о объединении Пермской области с Коми-Пермяцким АО, в 2010 г. проживали: русские – 83,18%, татары – 4,38%, коми-пермяки – 3,08%, а также другие этнические группы [Этнический состав..., [www](#)].

Во всех республиках объединительный фактор русского населения – реальность. Понятие «этнонации» представляется введенным в научный оборот в силу «объяснительного конструктивизма»: это учет преемственности советского опыта многонационального бытия и прагматики объяснения асимметричной модели федерализма в государстве с «республиками-государствами» в составе РФ (Федеративный договор в марте 1992 г; ст. 5 Конституции РФ 1993 г.). Этнонации – составные элементы многонационального народа и российской нации с основанием в согражданстве и интегративным фактором русского этноса. Конкретное единство с русским большинством являет население Республики Крым, вошедшей с г. Севастополем в состав РФ в 2014 г. Даже по Всеукраинской переписи населения, например, в 2001 г. в республике проживали: русские – 1 180 441 чел. (58,32%); украинцы – 492 227 чел. (24,32%); крымские татары – 243 433 чел. (12,03%) и др. [Население Крыма, [www](#)]. Этнонации – форма единения в «республиках-государствах» РФ, представляющая единое государство российской нации – национальное государство российских граждан. В субъектах РФ со статусом автономных округов и автономной области функционируют этнорегиональные сообщества с титульным меньшинством. Отметим и то, что в краях и областях, городах федерального значения российская гражданская нация аккумулирует многообразие культур с преобладанием русского населения. Название субъекта РФ Алтайский край отражает своеобразие географической территории Горного и равнинного Алтая, не представляет коррелят этностатусного начала. В этом отличие от республики Алтай (этнонации), этнический состав которой, однако, функционирует с доминантой русского большинства и в 2010 г. был такой: русские – 63%, алтайцы – 31%, казахи – 5,6% и др. [Население Республики Алтай, [www](#)].

Для формирования российской нации приоритетна культивация российской гражданской идентичности и гражданского патриотизма (не противоречат «гражданско-политическому национализму» и «культурно-гражданскому национализму»), тогда как этнический национализм в радикальных формах разрушителен в многонациональном государстве. В России только на основе русской цивилизационной доминанты (духовной, толерантной, объединительной) скрепляется тип государства-цивилизации, где нет «нацменов», а принцип распознавания «свой – чужой» определяется общей культурой и общими ценностями. В.В. Путин подчеркивает: «Носителем этой доминанты выступают не только этнические русские, но *«все носители такой идентичности, независимо от национальности»* [Путин, 2012, 6]. Президент РФ предупреждает о том, что любые попытки проповедовать идеи построения русского «национального» (моноэтнического) государства противоречат всей нашей тысячелетней истории. При оценке значения 4 ноября как «Дня народного Единства» эта дата характеризуется как праздник многонационального народа и день рождения *«нашей гражданской нации»*: «Любой человек,

живущий в нашей стране не должен забывать о своей вере и этнической принадлежности. Но *он прежде всего должен быть гражданином России*» [Там же].

Следует согласиться со следующим определением: «нация – совокупность всех граждан (*российских!*), независимо от этнической, конфессиональной, социальной и иной принадлежности. В этом плане необходимо осознать, что Россия не есть некий искусственно собранный аморфный конгломерат территорий, регионов, народов, этносов, культур и языков и т. д. Она является единым нерасчленимым организмом, сформировавшимся в течение нескольких веков и не подлежащим искусственному расчленению» [Гаджиев, 2018, 145]. Однако предлагаемая К.С. Гаджиевым модель формирования российской нации посредством *«своего рода переплавки* множества составляющих население страны этносов, *независимо от их исторических, традиционных, конфессиональных, культурных языковых и иных особенностей в единое органическое целое»* [Там же, 139] требует конкретизации условий этой «своего рода переплавки» «независимо» от этносов. Это важно и потому, что констатируется: «Очевидно, что, по крайней мере, в обозримой перспективе не может идти речь о *каком бы то ни было растворении* этнической составляющей российских народов и переходе к, так сказать, кристально чистой “русскости”» [Там же, 141]. Переплавка, а не растворение, но кем и каковы эндогенные и экзогенные факторы ее обеспечения? Как осуществима такая переплавка независимо от их (этносов) особенностей и традиций и при утверждении, что «русским как главному государствозобразующему народу принадлежит ключевая роль» в этом историческом процессе [Там же, 139]?

Заключение

Можно констатировать, что формируемая в РФ гражданская нация представляет «единство гражданского многообразия» и не сводима к гомогенности составляющих народов (этносов, этнообразований). Это многоязычное, многокультурное и полиэтническое образование, объективируемое гражданской доминантой единения. Ядро российской нации составляет гомогенное «единство» российских граждан в согражданстве. Конкретное политико-гражданское основание, «проникающее» во все сферы жизнедеятельности, способствует сохранности «национальной принадлежности» россиян, скрепляет государственное целое многонационального народа. В этом политическая атрибутивность государства-нации и культурно-созидательное начало гражданской нации – важнейших условий развития российского многонационального общества и федеративного государства.

Обобщим понимание российской нации (РН) как «единства в многообразии»:

- 1) Ядро РН составляет согражданство – гомогенное единство российских граждан. Это доминирующее единство «проникает» во все слои (компоненты) национального многообразия, скрепляет целостность нации.
- 2) Этнический компонент характеризует РН как «многонациональный народ» (этнический плюрализм). Эта составляющая многообразия не является гомогенной и конкретизирует этнобытие граждан, отличающихся по «национальной принадлежности каждого».
- 3) Конфессиональное многообразие отражает в РН компоненту религиозного начала. Культурно-религиозный фактор гражданской нации исключает, однако, огосударствление конфессии и культовую тоталитарность.
- 4) Многообразие институтов гражданского общества социокультурной и ассоциативной направленности являет институциональную составляющую гражданских интересов в РН.
- 5) Компонент политической деятельности и политического плюрализма в РН значим потому,

что граждане вправе отстаивать законные политические интересы в формах политического участия и структурах политической конкуренции.

- 6) РН неотделима от систем органов государственной власти и местного самоуправления – основных субъектов народного представительства и проведения государственной национальной политики. РН как нация-государство включает многообразие форм народовластия, структуры национальной экономики и систему национальной безопасности;
- 7) Скрепляют РН как единство многообразия республиканское правление и федеральное устройство, формы территориального единства субъектов РФ – конкретные скрепы России как национального государства российских граждан, многонационального народа.

Библиография

1. Авксентьев В.А. и др. Этнополитические процессы на Юге России: от локальных к блоковым конфликтам. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2011. 202 с.
2. Анпилов А. Лингвоцид. Русский язык на Украине // Завтра. 2018. № 27 (1283). С. 3.
3. Бородай Ю.М. Пути становления национального единства // Наш современник. 1995. № 1. С. 112-132.
4. Габоев А.Б., Абдулатипов Р.Г. Национальный вопрос и государственное устройство России. М.: Славянский диалог, 2000. 655 с.
5. Гаджиев К.С. Российская федерация: национальное государство или государство народов? // Политические исследования. 2018. № 3. С. 130-146.
6. Данакари Р.А. Этническое бытие. Волгоград: Нива, 2007. 196 с.
7. Замышляев Д.В. Философские аспекты решения национального вопроса // Государственная власть и местное самоуправление. 2004. № 6. С. 6-8.
8. Колесников В.А. (ред.) Гражданская идентичность: социально-политический аспект исследования, факторы этноидентификации и самоуправления. Волгоград: Издательство Волгоградского филиала РАНХиГС, 2016. 236 с.
9. Колесников В.А. Демократия или национал-радикализм? // Краматорская правда. 1991. № 119. С. 2.
10. Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики: принята ВС РСФСР 12.04.1978. URL: <http://www.consultant.ru/cons/CGI/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3136#04758990263593059>
11. Конституция Республики Татарстан. URL: <http://www.gossov.tatarstan.ru/konstitucia/>
12. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
13. Леванский С.А. Германия: федерализм в многонациональном государстве // Полис. 1995. № 5. С. 106-115.
14. Население Крыма. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Крыма
15. Население Республики Алтай. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Республики_Алтай
16. Население Тывы. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Тывы
17. Национальный состав населения Еврейской автономной области по переписи 2002 г. URL: <http://worldgeo.ru/russia/lists/?id=33&code=79>
18. Национальный состав населения Республики Саха (Якутия) по переписи 2002 г. URL: <http://worldgeo.ru/russia/lists/?id=33&code=14>
19. Национальный состав населения Ханты-Мансийского автономного округа по переписи 2002 г. URL: <http://worldgeo.ru/russia/lists/?id=33&code=86>
20. Общегражданская и этническая идентичность населения Чувашии, 2010 г. URL: <http://сувары.рф/en/book/export/html/1382>
21. Окончательные итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. в Республике Татарстан. URL: <http://www.tatstat.ru/VPN2010/DocLib8/Forms/AllItems.aspx>
22. Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. № 7.
23. Тишков В.А. Единство в многообразии. Оренбург: ОГАУ, 2011. 232 с.
24. Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 1999. 554 с.
25. Цветков О.М. Российская гражданская нация: проблемы укрепления и интеграции // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, психология, культурология. 2009. № 3. С. 189-192.
26. Этнический состав Пермского края по данным Всероссийской переписи 2010 г. URL: http://permstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/permstat/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/

The Russian nation and the multinational people

Vyacheslav A. Kolesnikov

Doctor of Political Science, Docent,
Volgograd Institute of Management,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
400005, 8 Gagarina st., Volgograd, Russian Federation;
e-mail: kolesnikov-vags@mail.ru

Abstract

The article aims to study the Russian nation as an integrative political and cultural phenomenon, as well as a scientific and cognitive one. The author of the article makes an attempt to identify the main aspects of the analysis (conceptual, historical, comparative ones). The article pays special attention to the reality of the multinational Russian people as a sovereign source of power in a multi-component democratic state. It reveals the features of the correlation between civil and ethnic components in the Russian Federation and substantiates the dominant of the unity of the civil nation in co-citizenship. The author explains the content of such phenomena as "ethno-nation" and "nation of nations" in correlation with the functioning of "republics-states" in modern Russia. The article also proves the priority of the development of civil political culture and civil identity, the cultivation of civil unity and interethnic harmony. It points out the necessity of preventing ethnic conflicts in the Russian Federation and the inadmissibility of radical nationalism, national and linguistic superiority, agitation and propaganda of national enmity, discord under the conditions of the modern stage of state-building with a view to ensuring the stability of a multinational society and the development of the federative Russian state.

For citation

Kolesnikov V.A. (2018) Rossiiskaya natsiya i mnogonatsional'nyi narod [The Russian nation and the multinational people]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 7 (5A), pp. 182-192.

Keywords

Nation, multinational people, Russian nation, civil identity, national identity, co-citizenship, ethno-nation, nationalism.

References

1. Anpilov A. (2018) Lingvotsid. Russkii yazyk na Ukraine [Linguocide. The Russian language in Ukraine]. *Zavtra* [Tomorrow], 27 (1283), p. 3.
2. Avksent'ev V.A. et al. (2011) *Etnopoliticheskie protsessy na Yuge Rossii: ot lokal'nykh k blokovym konfliktam* [Ethnopolitical processes in the South of Russia: from local to bloc conflicts]. Rostov-on-Don: Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences.
3. Borodai Yu.M. (1995) Puti stanovleniya natsional'nogo edinstva [The way of the formation of national unity]. *Nash sovremennik* [Our contemporary], 1, pp. 112-132.
4. Danakari R.A. (2007) *Etnicheskoe bytie* [Ethnic being]. Volgograd: Niva Publ.
5. *Etnicheskii sostav Permskogo kraia po dannym Vserossiiskoi perepisi 2010 g.* [The ethnic composition of the Perm region according to the 2010 All-Russian Census]. Available at: http://permstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/permstat/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/ [Accessed 16/07/18].

6. Gaboev A.B., Abdulatipov R.G. (2000) *Natsional'nyi vopros i gosudarstvennoe ustroistvo Rossii* [The national issue and the state structure of Russia]. Moscow: Slavyanskii dialog Publ.
7. Gadzhiev K.S. (2018) Rossiiskaya federatsiya: natsional'noe gosudarstvo ili gosudarstvo narodov? [The Russian Federation: a national state or a state of peoples?] *Politicheskie issledovaniya* [Political studies], 3, pp. 130-146.
8. Kolesnikov V.A. (1991) Demokratiya ili natsional-radikalizm? [Democracy or national radicalism?] *Kramatorskaya pravda* [Kramatorsk truth], 119, p. 2.
9. Kolesnikov V.A. (ed.) (2016) *Grazhdanskaya identichnost': sotsial'no-politicheskii aspekt issledovaniya, faktory etnoidentifikatsii i samoupravleniya* [Civil identity: the socio-political aspect of the study, factors in ethno-identification and self-government]. Volgograd: Volgograd branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.
10. *Konstitutsiya (Osnovnoi Zakon) Rossiiskoi Sovetskoi Federativnoi Sotsialisticheskoi Respubliki: prinyata VS RSFSR 12.04.1978* [Constitution (Basic Law) of the Russian Soviet Federal Socialist Republic: adopted by the Supreme Soviet of the RSFSR on April 12, 1978]. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/CGI/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3136#04758990263593059> [Accessed 16/07/18].
11. *Konstitutsiya Respubliki Tatarstan* [Constitution of the Republic of Tatarstan]. Available at: <http://www.gossov.tatarstan.ru/konstitucia/> [Accessed 16/07/18].
12. *Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii: prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993* [Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ [Accessed 16/07/18].
13. Levanskii S.A. (1995) Germaniya: federalizm v mnogonatsional'nom gosudarstve [Germany: federalism in a multinational state]. *Polis* [Political studies], 5, pp. 106-115.
14. *Naselenie Kryma* [The population of Crimea]. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Крыма [Accessed 16/07/18].
15. *Naselenie Respubliki Altai* [The population of the Altai Republic]. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Республики_Алтай [Accessed 16/07/18].
16. *Naselenie Tyvy* [The population of Tyva]. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Тывы [Accessed 16/07/18].
17. *Natsional'nyi sostav naseleniya Evreiskoi avtonomnoi oblasti po perepisi 2002 g.* [The national composition of the population of the Jewish autonomous region according to the 2002 census]. Available at: <http://worldgeo.ru/russia/lists/?id=33&code=79> [Accessed 16/07/18].
18. *Natsional'nyi sostav naseleniya Khanty-Mansiiskogo avtonomnogo okruga po perepisi 2002 g.* [The national composition of the population of the Khanty-Mansi autonomous area according to the 2002 census]. Available at: <http://worldgeo.ru/russia/lists/?id=33&code=86> [Accessed 16/07/18].
19. *Natsional'nyi sostav naseleniya Respubliki Sakha (Yakutiya) po perepisi 2002 g.* [The national composition of the population of the Republic of Sakha (Yakutia) according to the 2002 census]. Available at: <http://worldgeo.ru/russia/lists/?id=33&code=14> [Accessed 16/07/18].
20. *Obshchegrazhdanskaya i etnicheskaya identichnost' naseleniya Chuvashii, 2010 g.* [General civil and ethnic identity of the population of Chuvashia, 2010]. Available at: <http://сувары.рф/en/book/export/html/1382> [Accessed 16/07/18].
21. *Okonchatel'nye itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2010 g. v Respublike Tatarstan* [The final results of the 2010 All-Russian Census of Population in the Republic of Tatarstan]. Available at: <http://www.tatstat.ru/VPN2010/DocLib8/Forms/AllItems.aspx> [Accessed 16/07/18].
22. Putin V.V. (2012) Rossiya: natsional'nyi vopros [Russia: the national issue]. *Nezavisimaya gazeta* [Independent newspaper], 7.
23. Tishkov V.A. (2011) *Edinstvo v mnogoobrazii* [Unity in diversity]. Orenburg: Orenburg State Agrarian University.
24. Trubetskoi N.S. (1999) *Nasledie Chingiskhana* [Genghis Khan's legacy]. Moscow: Agraf Publ.
25. Tsvetkov O.M. (2009) Rossiiskaya grazhdanskaya natsiya: problemy ukrepleniya i integratsii [The Russian civil nation: the problems of consolidating and integrating]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, psikhologiya, kul'turologiya* [Bulletin of the Adyghe State University. Series 1: Regional studies: philosophy, history, sociology, law, psychology, cultural studies], 3, pp. 189-192.
26. Zamyshlyayev D.V. (2004) Filosofskie aspekty resheniya natsional'nogo voprosa [Philosophical aspects of solving the national issue]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie* [State power and local self-government], 6, pp. 6-8.

УДК 32

Особенности исламистского радикализма на Северном Кавказе (на примере Дагестана)

Рамазанов Рашид Омариевич

Кандидат политических наук,
научный сотрудник,
Институт истории, археологии и этнографии,
Дагестанский научный центр Российской академии наук,
367030, Российская Федерация, Махачкала, ул. Ярагского, 75;
e-mail: rashram@yandex.ru

Аннотация

В литературе по радикализму подчеркивается роль социально-экономических и идеологических причин возникновения терроризма и экстремизма в Дагестане. И все же наше представление об этом явлении ограничено. Исследование роли личных связей помогает расширить наше понимание факторов исламистской радикализации. Целью статьи является исследование причин исламистского радикализма в Дагестане с особым вниманием к роли личных связей в распространении радикальных идей. Среди причин активизации исламистского радикализма в Дагестане необходимо учитывать исламистскую идеологию, а именно идеологическое требование по созданию исламского государства. В Дагестане проявляется внутренний конфликт в рамках мусульманского сообщества, в котором идеологические факторы играют значительную роль в отрицании или принятии исламистского взгляда. Кроме того, особую роль играют родственные и дружеские отношения в процессе вербовки в экстремистские группы.

Для цитирования в научных исследованиях

Рамазанов Р.О. Особенности исламистского радикализма на Северном Кавказе (на примере Дагестана) // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Том 7. № 5А. С. 193-202.

Ключевые слова

Исламистский радикализм, идеология, убеждения, религия, Северный Кавказ, Дагестан.

Введение

С тех пор как официальная власть в России инициировала обсуждение этой темы, термин «радикализм» используется в объяснении причин терроризма. Радикализм вошел в политический дискурс, и его связь с терроризмом стала частью общепринятых представлений. В то же время радикализм начал ассоциироваться преимущественно, если не полностью, с мусульманами и переходом в ислам. Вслед за терактами в российских городах, последовало заявление о том, что очевидно в России имеется проблема радикализма. Еще до того как терроризм стал обычным явлением в России, об исламистском радикализме было сказано, что это актуальная проблема. С учетом возможностей террористических сетей по распространению радикализма и вовлечению новых членов в свои ряды, мы предполагаем, что радикализм в меньшей или большей степени будет являться постоянной характеристикой российского общества на ближайшие десятилетия.

В этом контексте обращение к анализу дагестанского опыта помогает лучше понять, каковы причины исламистского радикализма в российском обществе. Изучение этого явления приобретает еще большее значение вследствие непрекращающихся терактов в регионах России. Актуальность расширения нашего понимания того, как молодые люди оказываются вовлечены в радикальное движение трудно переоценить.

Основная часть

В научной среде отсутствует общепризнанное определение радикализма, «единственное, о чем договорились эксперты по радикализму это то, что радикализм – это процесс» [Nasser-Eddine, 2011, 13]. Причины неоднозначного отношения коренятся в меняющемся отношении внутри общества к радикальным идеям в ходе истории, поскольку термин «радикал» является условным, и, следовательно, радикализм тоже зависит от истории и контекста [Sedgwick, 2010, 479-494].

Более того террористов не всегда можно считать «радикалами». Терминологически связь между радикализмом и терроризмом возникла после терактов 11 сентября в США в характеристике Аль-Каиды и аффилированных с ней структур [Silke, 2011, 18-21]. Связь между радикализмом и терроризмом сомнительна. Большое количество террористов никогда не были радикалами, в то время как большинство радикалов никогда не обращаются к терроризму [McCauley, Moskalenko, 2011, 5]. Некоторые, став «радикалами», приходят к экстремизму, других же вначале вербуют экстремистские группы, потом они становятся «радикалами».

Различные определения радикализма включают в себя «процесс, который приводит индивиды или группы к одобрению или даже к участию в использовании насилия в политических целях» [Neumann, 2012, 12]; «процесс, в рамках которого индивиды принимают экстремистские политические, социальные и религиозные идеалы и устремления, и в рамках которого достижение определенных целей оправдывает использование беспорядочного насилия» [Wilner, Dubouloz, 2011, 418-438]; «процесс активного принятия более радикальных исламских религиозных убеждений и идеалов» [19. Р. 31]; «процесс принятия исламистской идеологии ведения войны» [34. Р. 110-113].

Как считают некоторые исследователи радикализм – это «растущая готовность поддержать и осуществить далеко идущие изменения в обществе, которые противостоят или угрожают существующему порядку», в то время как радикализм, оправдывающий насилие – это процесс,

в рамках которого радикальные идеи сопровождаются желанием непосредственно поддержать или быть вовлеченным в насильственное действие» [Goerzig, Al-Hashimi, 2015, 1-16, 200-243]. Такое определение радикализма, оправдывающего насилие, связывает его с экстремизмом или приобщением к экстремистским взглядам, которые не только оправдывают, но запускают механизм совершения акта насилия [Schmid, 2013, 4].

Это исследование касается только исламистского радикализма, в котором исламизм определен как такой взгляд на ислам (характерный для салафитской школы в исламе), где «целью является установление исламского политического порядка в виде государства, в котором принципы управления, институты и правовая система происходят непосредственно из шариата» [Mandaville, 2007, 57].

В США салафизм считается радикальным движением в исламе, с чем в частности не согласен саудовец Мухаммед Масари [A Saudi Oppositionist's View, 2003, 1]. Такого же мнения придерживается другой саудовский автор Халид ал-Духайл, который не считает салафизм радикальным течением в исламе и отвергает какую-либо связь между религиозной идеологией и насильственными действиями религиозных экстремистов [Khalid al-Dukhayl, 2004]. По мнению же арабского автора Мухаммада Хасана радикалами следует считать меньшинство внутри широкого религиозно-политического движения салафизма [Мухаммад, 2005, 60].

По мнению исследователя О. Руа радикальным следует считать такое измерение ислама, которое он обозначил «термином неофундаментализм, а именно консервативное видение ислама, которое отвергает национальное и этатистское измерение в пользу уммы – универсального сообщества всех мусульман, основанного на шариате (мусульманском законе)» [Roy, 2004, 1].

На наш взгляд, исламистский радикализм – это процесс принятия идеологии салафитов-джихадистов, целью которого является создание исламского государства. При этом салафизм в целом представляет собой более радикальную версию ислама. Вместе с тем в салафизме пересекаются различные течения. Не все салафиты выступают за социальное изменение, к ним относятся те, кто не принадлежат ни к тем салафитам-экстремистам, кто лишь одобряет насилие, ни к тем экстремистам-террористам, кто осуществляет террор, это те, кто принадлежит к умеренной версии салафизма.

Таким образом, салафитское движение представлено несколькими группами «исламских радикалов»: «религиозные пуритане», «экстремисты, не использующие насилие», «экстремисты-террористы, использующие насилие» [Vidino, Brandon, 2012, 10]. Пуритане – это те, кто поддерживает умеренную версию салафитского ислама, которая может рассматриваться как радикальная, а может не рассматриваться как таковая, поскольку она может противостоять, а может не противостоять существующему порядку, однако, отличительной чертой «религиозных пуритан» является то, что они не одобряют насилие.

Следует отметить, что «экстремисты, не практикующие насилие» могут быть, а могут не быть «религиозными пуританами», но их отличает то, что они всегда оправдывают насильственные акты, хотя не участвуют в осуществлении религиозно-политического насилия. «Экстремисты-террористы, практикующие насилие» также могут быть, а могут не быть «религиозными пуританами», но они оправдывают и на самом деле участвуют в совершение насильственных действий.

Применяя к салафитскому исламу понятие «радикальный» следует избегать его отождествления с экстремизмом и терроризмом, поскольку это опасно, когда происходит расширение понятия и радикалы становятся террористами. В то же время следует признать, что

в салафизме в наибольшей степени проявляется идеология насилия и террора.

Наличие религиозной или политической идеологии, несомненно, важно для понимания решения на индивидуальном или групповом уровне о совершении акта террористического насилия. Некоторые системы верований мотивируют и оправдывают терроризм, обещая загробную жизнь и определяя насильственные средства как наиболее эффективные для ликвидации тех препятствий, которые стоят на пути реализации этих обещаний [Maupard, 2014, 821-841]. Система убеждений, формирующая религиозную идеологию, важна для поддержания сплоченности и единства в рядах террористической группы, разделяющей общие ценности [Schuurman, 2017]. Для мотивации терроризма система убеждений имеет значение в момент социализации террориста в террористической группе [Horgan, 2008, 81, 86-87].

Общепринято считать определяющей чертой радикализма единство радикальной системы убеждений и радикального поведения. За последние десятилетия многие научные школы и правительственные ведомства рассматривали радикализм как единство радикальной системы убеждений и поступков, ведущих к терроризму [Weggemans, De Graaf, 2017].

Скорее всего, экстремисты и террористы от ислама – это, прежде всего, религиозные фанатики. В Дагестане проживают преимущественно мусульмане, среди них есть и салафиты, однако, настоящих фанатиков среди них не так много, потому что экстремизм и терроризм – это всегда удел меньшинства. Другое дело радикальная идеология салафизма, она имеет тенденцию роста числа своих приверженцев. Таким образом, к радикалам в Дагестане можно отнести последователей салафизма, чьи взгляды и образ жизни не может остаться незамеченным в повседневной жизни. Например, они выступают решительно против культа святых, за упрощение погребальных обрядов и поминальных обычаев во время похорон, запрещая устанавливать вычурные надгробия с изображением лица покойного. В отличие от них экстремисты считают обязательным столпом ислама ведение вооруженной борьбы против неверных, к которым относят всех, кто поклоняется кому-либо кроме Аллаха, то есть традиционных дагестанских мусульман, которые посещают могилы святых. Помимо тех, кто лишь одобряет насилие, в республике действуют террористические группы, осуществляющие террористическую деятельность. Террористы действуют в разных районах республики небольшими группами, убивая полицейских, служащих мусульманского культа, глав администраций.

Обвинения в радикализме в республике часто служат политическим целям властей, понятие искусственно расширяется. Между тем необходимо отличать радикалов в исламе от собственно террористов, иначе деятельность властей в религиозной сфере будет носить репрессивный характер.

Среди общих причин в литературе выделяют социальное и политическое неблагополучие как один из основных источников радикализма [Gurr, 1970]. Считается, что радикализм в исламе обусловлен тем, что мусульмане страдают от экономического и социального неравенства, дискриминации и исламофобии [Abbas, 2011, 85-106]. Приверженцы теории культурной идентичности называют среди причин радикализма внешнюю политику Запада и недовольство мусульман во всемирном масштабе [Mehdi, 2013].

Исследования показывают, что переживание индивидуумом негативного опыта такого, как тюремное заключение или потеря близких родственников может стимулировать проявления экстремистских взглядов [Wiktorowicz, 2005, 20-24, 85-127]. Считается также, что в радикальном исламе ищут спасение молодые мусульмане, страдающие от кризиса идентичности [Kerel, 2004, 8-9, 241-287].

С другой стороны, можно рассматривать индивида как рационального актора, стремящегося извлечь наибольшую выгоду из своего выбора. В этом случае побудительный мотив, толкающий индивида к радикализму, может быть духовного или материального порядка. Таким образом, приобщение к исламскому радикализму является следствием осознанного выбора индивида [Pisoiu, 2012, 3-4, 50-70], исходящим из желания извлечь из этого определенные духовные и материальные выгоды.

По мнению некоторых аналитиков, причиной преступного поведения является разрушение или ослабление социальных связей внутри общества [Hirschi, 1969, 11-34]. Становление радикализма обусловлено деятельностью радикальных сетей по привлечению и идеологической обработке новых членов [Wiktorowicz, 2005, 15-19, 205-211; Sageman, 2008, 125-146]. В приобщении личности к радикальным взглядам особенное значение имеют дружеские и родственные связи [Bakker, 2006]. Мечеть часто может служить тем местом, где формируется небольшая сплоченная группа, члены группы начинают активно взаимодействовать друг с другом и за пределами мечети и их радикальные убеждения усиливаются [Sageman, 2008, 86-87].

Социальные связи могут быть сильными (дружба, кровное родство и др.) и слабыми (участники одного митинга, члены одного клуба и др.) [Passy, 2001, 173-192]. Сильные социальные связи предполагают длительное взаимодействие, высокий уровень эмоциональной взаимозависимости, доверие и общие ценности. Слабые связи, наоборот, характеризуются низким уровнем взаимодействия, немногочисленными контактами. Слабые связи не способны служить распространению идей и информации, тогда как сильные связи, основанные на доверии и лояльности, важны для привлечения новых членов в высоко-рискованные предприятия и подпольные группы [Granovetter, 1973].

Помимо способствующих радикализации факторов (диаспоры, публичные места, тюрьмы, интернет) в анализе этого явления может быть использована гендерная теория [Choudhury, 2007, 10-13; Nabeelah, 2015; Karagiannis, 2012, 99-113]. Основываясь на положения этой теории, мусульманские мужчины обязаны вступить в ряды ИГИЛ (запрещенная в России организация) для демонстрации своей мужественности. Таким же образом ИГИЛ (запрещенная в России организация) предлагает мусульманским женщинам возможность сохранить свои позиции в строго патриархальном сообществе.

Считается также, что радикализации в большей степени подвержены новообращенные в исламе. Они уязвимы с точки зрения их возможной радикализации, поскольку часто становятся жертвой дискриминации, политических проблем. Кроме того, они становятся объектами идеологической обработки радикальных проповедников.

Среди причин активизации радикализма в Дагестане первостепенное значение отводится высокому уровню безработицы и отсутствию жизненных перспектив для молодежи [Рамазанов, 2010]. Официальный уровень безработицы по данным Росстата за июль 2018 г. составил 11%. Особенно велико число безработных среди молодежи от 20-29 лет. Из-за социально-экономических проблем в республике сохраняется деструктивный потенциал [Исрапилов, Муртузалиев, 2009].

В наибольшей степени от ухудшения экономической ситуации страдают горные районы республики Дагестан. Отсутствие работы, миграционные процессы, вызванные потоком из села в город, отсутствие финансирования, низкий уровень пенсионного обеспечения и детских пособий, высокая инвалидность взрослого и детского населения, высокий уровень религиозности в горной местности создают благоприятную почву для роста исламистского

радикализма [Карпов, 2007, 656]. Еще одним фактором роста социальной напряженности в Дагестане является дисбаланс экономики и демографии. Экономика не в состоянии обеспечить рабочими местами всех, кто вступает во взрослую жизнь [Исрапилов, 2010]. По этим причинам число радикалов растет из года в год [Исмаилов, Курбанмагомедов, 2008, 342-344].

Кроме того, социально-экономическое недовольство, которое является причиной радикализма, происходит из-за высокого уровня коррупции в республике. Коррупция стоит в числе первостепенных социально-экономических проблем. Дотационный характер экономики республики, дисбаланс между демографией и занятостью, неустроенность молодежи, не нашедшей свое место в жизни, все это порождает причины, приводящие к исламистскому радикализму.

Ряд исследователей связывают проблемы Дагестана с общими тенденциями развития нестабильности на Северном Кавказе [Алиев, Арухов, Ханбабаев, 2007].

Также причиной роста терроризма и экстремизма в Дагестане является исламистская идеология. Как считает К.М. Ханбабаев, проявления радикализма напрямую связаны с распространением религиозной идеологии исламизма на территории Дагестана [Ханбабаев, 2007, 105-116], целью которой является создание независимого исламского государства на Северном Кавказе. Немалую роль в этом процессе играет внешняя поддержка, так Саудовская Аравия выделяет средства на поддержку радикалов Северного Кавказа.

Кроме того, родственные и дружеские связи способствуют распространению радикализма, приобщению к более радикальным взглядам среди радикалов-единомышленников. Обычно знакомства завязываются в общественно доступных местах, таких как мечети, исламские центры и т.д. Умеренные радикалы становятся на путь воинствующего исламизма, после того как завязывают дружеские связи с радикалами-экстремистами, общение становится более интенсивным внутри коллектива друзей, вовлеченных в подпольную деятельность, они встречаются на частных квартирах, где нет посторонних. Таким образом, общение из мечети, где много сторонних людей, переносится в места частного пользования, где встречаются только друзья. В этих условиях радикальные идеи распространяются лучше, чем в мечетях, связи между друзьями крепнут, и растет уровень доверия и сплоченности группы. Родственные связи также могут служить средством радикализации взглядов индивида. Так радикал, даже если он придерживается умеренных взглядов, не одобряет насилие, попадает под влияние воинствующих группировок, провоцирующих экстремизм.

Заключение

Поскольку в Дагестане очень много верующей молодежи, регулярно посещающей мечети, можно сказать, что все они находятся в группе риска, особенно новообращенные мусульмане. То есть религиозность в Дагестане чревата опасностями, проистекающими от знакомства с исламистским радикализмом. То же самое можно сказать о едином информационном пространстве (интернет), которым радикалы пользуются для завязывания знакомств с теми, кто потом становится их единомышленником и другом.

Среди причин активизации исламистского радикализма в Дагестане необходимо учитывать исламистскую идеологию, а именно идеологическое требование по созданию исламского государства.

Можно предположить, что в Дагестане проявляется внутренний конфликт в рамках мусульманского сообщества, в котором идеологические факторы играют значительную роль в

отрицании или принятии исламистского взгляда. Определяя основную роль в распространении исламистского радикализма необходимо иметь в виду, что личные связи, а именно родственные и дружеские отношения определяют процесс передачи радикальных идей.

Библиография

1. Алиев А.К., Арухов З.С., Ханбабаев К.М. Религиозно-политический экстремизм и этноконфессиональная толерантность на Северном Кавказе. М., 2007. С. 448.
2. Занятость и безработица в РФ в июле 2018г. (по итогам обследования населения по проблемам занятости). URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/tab_trud6.htm
3. Исмаилов А.Г., Курбанмагомедов А.А. Формы проявления экстремизма в Дагестане // Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Махачкала: Лотос, 2008 Т. 1 С. 342-344.
4. Ибрапилов С. Опасный рост // Северный Кавказ. 2010. 20 апреля.
5. Ибрапилов С., Муртузалиев М. Планы и кланы // Северный Кавказ. 2009. 25 августа.
6. Карпов Ю.Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор: мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. СПб.: Петербургское востоковедение, 2007. 656 с.
7. Коррупция и преступность в Республике Дагестан. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=10703>
8. Мухаммад Х. Источник террора: идеология ваххабизма-салафизма. М., 2005. С. 60-61.
9. Рамазанов М.Б. Трансформация ценностной парадигмы как базисный фактор проявлений экстремизма в Дагестане. URL: <http://sweb.ru/>
10. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: Стат. Сборник. Росстат. М., 2017. 996 с.
11. Ханбабаев К.М. Исламский радикализм на Северном Кавказе. Идеология, цели, пути финансирования // Свободная мысль. 2007. № 3. С. 105-116.
12. A Saudi Oppositionist's View // Terrorism Monitor. 2003. Volume 1. Issue 7. P. 1.
13. Abbas T. Islamic Radicalism and Multicultural Politics. Oxon: Routledge, 2011. P. 85-106.
14. Bakker E. Jihadi terrorist in Europe. Their characteristics and the circumstances in which they joined the jihad: an exploratory study. The Hague, 2006.
15. Berrebi C. Evidence about the link between education, poverty and terrorism among Palestinians // Peace Economics, Peace Science and Public Policy. 2007. 13. No. 1. P. 1-38.
16. Campbell J., Harwood A. Boko Haram and Nigeria's pervasive violence. URL: <https://www.cfr.org/expert-brief/bokoharam-and-nigerias-pervasive-violence>
17. Croft S. Securitizing Islam: Identity and the Search for Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 1-16, 200-243.
18. Choudhury T. The Role of Muslim Identity Politics in Radicalisation (a study in progress). London, 2007. P. 10-13.
19. Goerzig C., Al-Hashimi K. Radicalization in Western Europe. London: Routledge, 2015. P. 31.
20. Granovetter M. The Strength of Weak Ties // American Journal of Sociology. 1973. 78. P. 1360-1380.
21. Gurr T. Why Men Rebel. Princeton, 1970.
22. Hirschi T. Causes of Delinquency. Berkeley: University of California Press, 1969. P. 11-34.
23. Horgan J. From Profiles to Pathways and Roots to Routes: Perspectives from Psychology on Radicalization into Terrorism // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. 618. No. 1, P. 81, 86-87.
24. Jensen M. Final Report: Empirical Assessment of Domestic Radicalization (EADR). College Park, MD: National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism, 2016. P. 8-9.
25. Karagiannis E. Europeans Converts to Islam: Mechanisms of Radicalization // Politics, Religion, and Ideology. 2012. 13: 1. P. 99-113.
26. Khalid al-Dukhayl. Al-Wahhabiyya: Ru'ya Mukhtalifa" (Wahhabism: a different vision). Al-Ittihad, 2004.
27. Kepel G. The War for Muslim Minds. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, 2004. P. 8-9, 241-287.
28. Korteweg J. Understanding Violent Radicalisation // Terrorist and Jihadist Movements in Europe. London: Routledge, 2010. P. 26-29.
29. Lifton R. Destroying the World to Save It. New York: Holt, 2000. P. 238.
30. Mandaville P. Global Political Islam. London: Routledge, 2007. P. 57.
31. Maynard J. Rethinking the role of ideology in Mass Atrocities // Terrorism and Political Violence. 2014. 26. No. 5. P. 821-841.
32. McCauley C., Moskalenko S. Friction. How Radicalization Happens to Them and Us. Oxford: University Press, 2011. P. 5.
33. Mehdi H. Extremist Point to Western Foreign Policy to Explain their Acts. Why do we ignore them? URL: http://www.huffingtonpost.co.uk/mehdi-hasan/woolwich-attack-western-foreign-policy_b_3357794.html

34. Mullins S. Iraq Versus Lack of Integration // Behavioral Science of Terrorism and Political Aggression. 2012. 4. P. 110-113.
35. Nabeelah J. The secret world of Isis brides // The Guardian. 2015. 24 June.
36. Nasser-Eddine M. et al. Countering Violent Extremism (CVE) Literature Review. Canberra, 2011. P. 13.
37. Neumann P. The Trouble with Radicalization // International Affairs. 2011. 89:4. P. 885-891.
38. Neumann P. Prisons and Terrorism. London: ICSR, 2012. P. 12.
39. Olivier R. Globalised Islam: The Search for a New Ummah. London: Hurst & Company, 2004. P. 1.
40. Passy F. Socialization, connection, and the structure/agency gap: a specification of the impact of networks on participation in social movements // Mobilization. 2001. Vol. 6. No. 2. P.173-192.
41. Psoiu D. Islamist Radicalization in Europe. An occupational change process. New York: Routledge, 2012. P. 3-4, 50-70.
42. Sageman M. Leaderless Jihad. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2008. P. 86-87.
43. Schmid A. Radicalisation, De-radicalisation, Counter-radicalisation. The Hague: ICCT, 2013. P. 4.
44. Schuurman B. Becoming a European Homegrown Jihadist: A Multilevel Analysis of Involvement in the Dutch Hofstadgroup, 2002-2005. Leiden University, 2017. P. 71, 152.
45. Sedgwick M. The Concept of Radicalization as a Source of Confusion // Terrorism and Political Violence. 2010. 22. P. 479-494.
46. Silke A. Disengagement or Deradicalization // CTC Sentinel. 2011. 4. P. 18-21.
47. Vidino L., Brandon J. Countering Radicalization in Europe. London: ICSR, 2012. P. 10.
48. Weggemans D., De Graaf B. Reintegrating Jihadist Extremist Detainees: Helping Extremist Offenders Back into Society. London: Routledge, 2017. P. 28.
49. Wehrey F. A Clash of Wills: Hizballah's Psychological Campaign Against Israel in South Lebanon // Small Wars and Insurgencies. 2002. 13. Issue 3. P. 76-84.
50. Wiktorowicz Q. Radical Islam Rising. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2005. P. 20-24, 85-127.
51. Wilner A., Dubouloz C. Transformative Radicalization // Studies in Conflict & Terrorism. 2011. 34. P. 418-38.

Features of Islamist radicalism in the North Caucasus (on the example of Dagestan)

Rashid O. Ramazanov

PhD in Political Science, Researcher,
Institute of History, Archeology and Ethnography,
Dagestan Scientific Center, Russian Academy of Sciences,
367030, 75, Yaragskogo st., Makhachkala, Russian Federation;
e-mail: rashram@yandex.ru

Abstract

The literature on radicalism stresses the role of the socio-economic and ideological causes of terrorism and extremism in Dagestan. And yet our understanding of this phenomenon is limited. Exploring the role of personal connections helps expand our understanding of Islamist radicalization factors. The aim of the article is to study the causes of Islamist radicalism in Dagestan, with particular attention to the role of personal connections in the dissemination of radical ideas. Since there are a lot of believing young people in Dagestan, who regularly attend mosques, it can be said that all of them are at risk, especially new Muslims. That is, religiosity in Dagestan is fraught with dangers arising from acquaintance with Islamist radicalism. The same can be said about a single information space (Internet), which the radicals use to make acquaintances with those who then become their soul mate and friend. Among the reasons for the intensification of Islamist radicalism in Dagestan, it is necessary to take into account Islamist ideology, namely, the ideological demand for the creation of an Islamic state. In Dagestan, there is an internal conflict within the Muslim

Rashid O. Ramazanov

community, in which ideological factors play a significant role in denying or accepting the Islamist view. In addition, kinship and friendships play a special role in the recruitment process to extremist groups.

For citation

Ramazanov R.O. (2018) Osobennosti islamistskogo radikalizma na Severnom Kavkaze (na primere Dagestana) [Features of Islamist radicalism in the North Caucasus (on the example of Dagestan)]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 7 (5A), pp. 193-202.

Keywords

Islamist radicalism, ideology, beliefs, religion, the North Caucasus, Dagestan.

References

1. (2003) A Saudi Oppositionist's View. *Terrorism Monitor*, 1, 7, p. 1.
2. Abbas T. (2011) *Islamic Radicalism and Multicultural Politics*. Oxon: Routledge.
3. Aliev A.K., Arukhov Z.S., Khanbabaev K.M. (2007) *Religiozno-politicheskii ekstremizm i etnokontsional'naya tolerantnost' na Severnom Kavkaze* [Religious-political extremism and ethno-confessional tolerance in the North Caucasus]. Moscow.
4. Bakker E. (2006) *Jihadi terrorist in Europe. Their characteristics and the circumstances in which they joined the jihad: an exploratory study*. The Hague.
5. Berrebi C. (2007) Evidence about the link between education, poverty and terrorism among Palestinians. *Peace Economics, Peace Science and Public Policy*, 13, 1, pp. 1-38.
6. Campbell J., Harwood A. *Boko Haram and Nigeria's pervasive violence*. Available at: <https://www.cfr.org/expert-brief/bokoharam-and-nigerias-pervasive-violence> [Accessed 10/10/2018]
7. Croft S. (2012) *Securitizing Islam: Identity and the Search for Security*. Cambridge: Cambridge University Press.
8. Choudhury T. (2007) *The Role of Muslim Identity Politics in Radicalisation (a study in progress)*. London.
9. Goerzig C., Al-Hashimi K. (2015) *Radicalization in Western Europe*. London: Routledge.
10. Granovetter M. (1973) The Strength of Weak Ties. *American Journal of Sociology*, 78, pp. 1360-1380.
11. Gurr T. (1970) *Why Men Rebel*. Princeton.
12. Hirschi T. (1969) *Causes of Delinquency*. Berkeley: University of California Press.
13. Horgan J. (2008) From Profiles to Pathways and Roots to Routes: Perspectives from Psychology on Radicalization into Terrorism. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 618, 1, pp. 81, 86-87.
14. Ismailov A.G., Kurbanmagomedov A.A. (2008) Formy proyavleniya ekstremizma v Dagestane [Forms of manifestation of extremism in Dagestan]. In: *Aktual'nye problemy protivodeistviya natsional'nomu i politicheskomu ekstremizmu: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Actual problems of counteraction against national and political extremism: materials of the All-Russian scientific-practical conference]. Makhachkala: Lotos Publ. Vol. 1.
15. Israpilov S. (2010) Opasnyi rost [Dangerous growth]. *Severnyi Kavkaz* [North Caucasus], 20th of April.
16. Israpilov S., Murtuzaliev M. (2009) Plany i klany [Plans and clans]. *Severnyi Kavkaz* [North Caucasus], 25th of August.
17. Jensen M. (2016) *Final Report: Empirical Assessment of Domestic Radicalization (EADR)*. College Park, MD: National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism.
18. Karagiannis E. (2012) Europeans Converts to Islam: Mechanisms of Radicalization. *Politics, Religion, and Ideology*, 13, 1, pp. 99-113.
19. Karpov Yu.Yu. (2007) *Vzglyad na gortsev. Vzglyad s gor: mirovozzrencheskie aspekty kul'tury i sotsial'nyi opyt gortsev Dagestana* [A look at the mountaineers. A view from the mountains: worldview aspects of culture and social experience of the mountaineers of Dagestan]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie Publ.
20. Khalid al-Dukhayl (2004) *Al-Wahhabiyya: Ru'ya Mukhtalifa* (Wahhabism: a different vision). Al-Ittihad.
21. Kepel G. (2004) *The War for Muslim Minds*. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press.
22. Khanbabaev K.M. (2007) Islamskii radikalizm na Severnom Kavkaze. Ideologiya, tseli, puti finansirovaniya [Islamic radicalism in the North Caucasus. Ideology, goals, ways of financing]. *Svobodnaya mysl'* [Free thought], 3, pp. 105-116.
23. *Korruptsiya i prestupnost' v Respublike Dagestan* [Corruption and crime in the Republic of Dagestan]. Available at: <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=10703> [Accessed 10/10/2018]
24. Korteweg J. (2010) Understanding Violent Radicalisation. In: *Terrorist and Jihadist Movements in Europe*. London: Routledge.

25. Lifton R. (2000) *Destroying the World to Save It*. New York: Holt.
26. Mandaville P. (2007) *Global Political Islam*. London: Routledge.
27. Maynard J. (2014) Rethinking the role of ideology in Mass Atrocities. *Terrorism and Political Violence*, 26, 5, pp. 821-841.
28. McCauley C., Moskalenko S. (2011) *Friction. How Radicalization Happens to Them and Us*. Oxford: University Press.
29. Mehdi H. *Extremist Point to Western Foreign Policy to Explain their Acts. Why do we ignore them?* Available at: http://www.huffingtonpost.co.uk/mehdi-hasan/woolwich-attack-western-foreign-policy_b_3357794.html [Accessed 10/10/2018]
30. Mukhammad Kh. (2005) *Istochnik terrora: ideologiya vakhkhabizma-salafizma* [Source of terror: the ideology of Wahhabism-Salafism]. Moscow.
31. Mullins S. (2012) Iraq Versus Lack of Integration. *Behavioral Science of Terrorism and Political Aggression*, 4, pp. 110-113.
32. Nabeelah J. (2015) The secret world of Isis brides. *The Guardian*, 24 June.
33. Nasser-Eddine M. et al. (2011) *Countering Violent Extremism (CVE) Literature Review*. Canberra.
34. Neumann P. (2011) The Trouble with Radicalization. *International Affairs*, 89:4, pp. 885-891.
35. Neumann P. (2012) *Prisons and Terrorism*. London: ICSR.
36. Olivier R. (2004) *Globilised Islam: The Search for a New Ummah*. London: Hurst & Company.
37. Passy F. (2001) Socialization, connection, and the structure/agency gap: a specification of the impact of networks on participation in social movements. *Mobilization*, 6, 2, pp. 173-192.
38. Pisoiu D. (2012) *Islamist Radicalization in Europe. An occupational change process*. New York: Routledge.
39. Ramazanov M.B. *Transformatsiya tsennostnoi paradigmy kak bazisnyi faktor proyavlenii ekstremizma v Dagestane* [Transformation of the value paradigm as the basic factor of manifestations of extremism in Dagestan]. Available at: <http://sweb.ru/> [Accessed 10/10/2018]
40. (2017) *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2017: Stat. Sbornik. Rosstat* [Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2017: Stat. Collection. Rosstat]. Moscow.
41. Sageman M. (2008) *Leaderless Jihad*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
42. Schmid A. (2013) *Radicalisation, De-radicalisation, Counter-radicalisation*. The Hague: ICCT.
43. Schuurman B. (2017) *Becoming a European Homegrown Jihadist: A Multilevel Analysis of Involvement in the Dutch Hofstadgroup, 2002-2005*. Leiden University.
44. Sedgwick M. (2010) The Concept of Radicalization as a Source of Confusion. *Terrorism and Political Violence*, 22, pp. 479-494.
45. Silke A. (2011) Disengagement or Deradicalization. *CTC Sentinel*, 4, pp. 18-21.
46. Vidino L., Brandon J. (2012) *Countering Radicalization in Europe*. London: ICSR
47. Weggemans D., De Graaf B. (2017) *Reintegrating Jihadist Extremist Detainees: Helping Extremist Offenders Back into Society*. London: Routledge.
48. Wehrey F. (2002) A Clash of Wills: Hizballah's Psychological Campaign Against Israel in South Lebanon. *Small Wars and Insurgencies*, 13, 3, pp. 76-84.
49. Wiktorowicz Q. (2005) *Radical Islam Rising*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers.
50. Wilner A., Dubouloz C. (2011) Transformative Radicalization. *Studies in Conflict & Terrorism*, 34, pp. 418-38.
51. *Zanyatost' i bezrabotitsa v RF v iyule 2018g. (po itogam obsledovaniya naseleniya po problemam zanyatosti)* [Employment and unemployment in the Russian Federation in July 2018. (based on the results of the population employment survey)]. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/tab_trud6.htm [Accessed 10/10/2018]

УДК 32**Возникновение городских конфликтов как следствие правовых коллизий****Соколов Александр Владимирович**

Кандидат политических наук, доцент,
доцент кафедры социально-политических теорий,
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова,
150000, Российская Федерация, Ярославль, ул. Советская, 10;
e-mail: alex8119@mail.ru

Новикова Юлия Андреевна

Студент,
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова,
150000, Российская Федерация, Ярославль, ул. Советская, 10;
e-mail: mariya.amelina@mail.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 16-03-00402а «Политическое управление городскими конфликтами в РФ: акторы, стратегии, институциональные основания».

Аннотация

Статья посвящена анализу специфики городских конфликтов в современной России. Авторы выделяют отдельный вид конфликтов – городские конфликты. Выделяются виды и причины городских конфликтов. Авторы также отмечают, что одной из причин возникновения городских конфликтов может быть правовые коллизии. Приводится анализ конфликта, который возник в городе Ярославле между властями и многодетными семьями по поводу права последних на получение бесплатных земельных участков, и начавшийся с принятия закона Ярославской области «Об отдельных вопросах предоставления в аренду земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности». Выделяются, динамика конфликта, субъекты, их ресурсы, результаты взаимодействия в рамках рассматриваемого городского конфликта. Делается вывод о том, что для того, чтобы предотвратить возникновение городских конфликтов, необходимо совершенствовать российское законодательство, а также обязательно контролировать его соблюдение и исполнение на всех уровнях управления.

Для цитирования в научных исследованиях

Соколов А.В., Новикова Ю.А. Возникновение городских конфликтов как следствие правовых коллизий // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Том 7. № 5А. С. 203-210.

Ключевые слова

Городской конфликт, законодательство, НКО, органы власти, гражданская активность.

Введение

Активность и взаимодействие субъектов в городской среде очень динамична и требует адекватного нормативно-правового регулирования. Однако не всегда законодатель в должной мере выполняют соответствующую функцию. В результате возникают столкновения интересов различных акторов, провоцирующие возникновение городских конфликтов.

Конечно, конфликты являются неотъемлемой частью любого общества. Но при этом, как правило, конфликты ассоциируются с негативом, с какими-то спорами, агрессией, враждебностью. При этом в отечественной науке нет однозначного толкования сущности конфликтов. Так, Л.Г. Здравомыслов рассматривает конфликт, как важнейшую сторону взаимодействия людей в обществе, своего рода клеточку социального бытия, а также как форму отношений между потенциальными или актуальными субъектами социального действия, мотивация которых обусловлена противостоящими ценностями и нормами, интересами и потребностями [Здравомыслов, 1996, 96].

Ю.Г. Запрудский определяет социальный конфликт как явное или скрытое состояние противоборства объективно расходящихся интересов, целей и тенденций развития социальных объектов, прямое и косвенное столкновение социальных сил на почве противодействия существующему общественному порядку, особая форма исторического движения к новому социальному единству [Дмитриев, 2000, 55].

А.В. Дмитриев рассматривает конфликт как процесс, в котором два (или более) индивида или группы активно ищут возможность помешать друг другу достичь определенной цели, предотвратить удовлетворение интересов соперника или изменить его взгляды и социальные позиции. Под социальным конфликтом обычно понимается тот вид противостояния, при котором стороны стремятся захватить территорию либо ресурсы, угрожают оппозиционным индивидам или группам, их собственности или культуре таким образом, что борьба принимает форму атаки или обороны [Дмитриев, 2000, 54].

Основная часть

Таким образом, можно отметить, исходя из вышеперечисленных формулировок, что конфликт представляет собой явление, без которого ни одно общество не может существовать. Стороны конфликта, как правило, стремятся помешать друг другу, чтобы достичь определенной цели, предотвратить удовлетворение интересов соперника или изменить его взгляды и социальные позиции.

Если же рассматривать отдельный вид конфликтов – городской конфликт, то его можно определить как это столкновение интересов различных акторов, действующих в рамках городского сообщества по поводу проблем локального уровня, формирующихся в его социальном пространстве [Кольба, Соколов, 2016, 236].

Дж. Уолтон выделяет три типа городских конфликтов: трудовые, возникающие в сфере занятости и доходов (сюда можно отнести забастовки, демонстрации против безработицы и вредных условий труда); конфликты по вопросам доступа к общественным благам (по жилищным вопросам, здравоохранения и т.д., выражающиеся в форме захвата земель, самостроя и уличных демонстраций); конфликты по нематериальным вопросам справедливости, безопасности, демократического управления, обеспечения прав и свобод (которые также выражаются в демонстрациях, пикетах, голодовках) [Walton, 1998, 463].

Дж. Хамелинк в своих исследованиях сформулировал иную типологию городских конфликтов: 1. Городские беспорядки и столкновения, к которым могут привести этническое разнообразие населения, преступность, различный уровень благосостояния; 2. Конфликты, связанные с обеспечением безопасности (например, по вопросам обеспечения безопасности в общественных местах); 3. Конфликты по поводу ресурсов (здесь речь идет больше о доступе к различным ресурсам, как материальным, так и нематериальным); 4. Конфликты связанные с нерешенностью проблем молодежи (безработица, образование); 5. Конфликты на религиозной почве (например, пропаганда определенной религии, строительство культовых сооружений). 6. Конфликты на этнической почве (связанные с увеличением численности представителей не коренных этнических групп) 7. Конфликты связанные с сегрегацией (например, может заключаться в разделении городского сообщества на тех, кто не имеет доступа к городской инфраструктуре и тех, кто, наоборот, в полном объеме пользуется существующей городской инфраструктурой); 8. экологические конфликты (например, борьба за благоприятную окружающую среду, за сохранение зеленых зон) [Hamelink, 2008, 298].

Причинами, вызывающими городские конфликты, являются изменения, происходящие в городской среде, например, в связи со строительством автомобильных дорог, домов или тех изменений, которые оказывают различное, чаще негативное, влияние на городских жителей, также причинами столкновения могут быть самые разные проблемы жизни: материальные ресурсы, важнейшие жизненные установки (духовность, ценности), властные полномочия. Можно сказать, что причины, способствующие появлению городских конфликтов, специфичны и отличаются от любых других, т.к. они являются каким-то камнем преткновения именно в рамках городской среды.

Отдельной значимой причиной возникновения городских конфликтов является несовершенство законодательства. На примере проведенного нами исследования можно продемонстрировать, каким образом несовершенства в законодательстве могут способствовать появлению городских конфликтов. С этой целью был осуществлен анализ конфликта, который возник в городе Ярославле между властями и многодетными семьями по поводу права последних на получение бесплатных земельных участков, и начавшийся с принятия закона Ярославской области «Об отдельных вопросах предоставления в аренду земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности» от 31 марта 2015 года, согласно которому «Граждане, имеющие трех и более детей и принятые на учет в качестве имеющих право на бесплатное предоставление в собственность земельного участка на основании части 3 статьи 2 Закона Ярославской области от 27.04.2007 N 22-з «О бесплатном предоставлении в собственность граждан земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности», имеют право на первоочередное приобретение земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, для индивидуального жилищного строительства или ведения личного подсобного хозяйства в границах населенного пункта в аренду без проведения торгов в порядке, установленном Земельным кодексом Российской Федерации», противоречащему федеральному закону №138-ФЗ, согласно которому многодетные семьи могут бесплатно получать земельный участок.

К активным субъектам данного конфликта можно отнести:

- многодетные семьи города Ярославля, права которых на получение бесплатных земельных участков были нарушены местными властями;

- власть в лице мэра города Ярославля Владимира Слепцова и директора департамента архитектуры и земельных отношений Ярославля Александра Скворцова, в лице Мэрии

Ярославля в целом, в лице Ярославской областной думы, которые нарушили права многодетных;

– общественные организации в лице учредителя общественной организации «Многодетные семьи Ярославской области» Натальи Верешко и заместителя председателя организации Елены Ворониной, председателя комиссии по социальной и демографической политике Общественной платы Ярославской области Светланы Лягушевой, которые оказывали различную помощь многодетным семьям, в том числе путем организации для них семинаров по обучению, как пользоваться публичной кадастровой картой, какие документы нужны им, где заказывать, учили пользоваться ресурсом torgi.gov, чтобы поучаствовать в программе получения бесплатного земельного участка;

– СМИ, которые освещали акции протеста и процесс разбирательства довольно широко, что позволяет увидеть полную картину происходящего.

Можно говорить о том, что начало конфликту положило принятие указанного закона 31 марта 2015 года, согласно которому многодетные семьи могут получить землю специфическим порядком: сначала оформив аренду на нее. При этом никаких ограничений в виде нуждаемости нет. Арендованная земля, согласно областному закону, может быть использована и для индивидуального жилищного строительства. При этом найти свободный земельный участок и подать заявку на него семья должна самостоятельно. В результате возник конфликт: 394 семьи стоит в очередь на получение земельных участков в собственность, которые должны сформировать местные власти, им же предлагается получение земли в аренду с дальнейшим оформлением ее в собственность при условии ее самостоятельного поиска. При этом Мэр Ярославля отметил, что свободной земли в городе нет. Сотрудники мэрии утверждают, что опыт получения земли в аренду другими категориями граждан говорит о том, что на полученной таким образом земле появляются не индивидуальные, а многоквартирные жилые дома.

27 сентября 2016 года врио губернатора подписал Закон Ярославской области «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Ярославской области в сфере земельных отношений», по которому многодетные семьи могут выбрать землю, но в городе им земли не предоставляли.

Многодетные матери неоднократно пытались попасть на прием к врио губернатора и мэру города, но ни тот, ни другой на встречу с ними не шли. Инициативная группа из общественной организации «Многодетные семьи Ярославии» подала заявку на проведение митинга, но администрация района митинг не разрешила, сославшись на идущие на Советской площади ремонтные работы. Тогда многодетные мамы решили встать на площади, а также прилегающих улицах Нахимсона и Андропова с плакатами в одиночных пикетах и стоять, сменяя друг друга [Многодетные родители..., 2017]. 14 августа 2017 года на Советской площади и близлежащих улицах Ярославля начались одиночные пикеты многодетных матерей.

Значительная общественная кампания и ее поддержка в информационном пространстве позволили изменить ситуацию. 11 октября 2017 года представители организации «Многодетные семьи Ярославской области» встретились с мэром по вопросу предоставления многодетным земли в городе в аренду без торгов, как того требует принятый осенью 2016 года региональный закон № 22-3, на которой «Многодетные семьи Ярославской области» выразили официальный протест. Они также обратили внимание на не подобающее поведение мэра в отношении деятельности НКО и превышение полномочий в отношении многодетных семей.

12 октября 2017 года прошла повторная встреча с представителями многодетных семей и общественниками в мэрии города, на которой Владимир Слепцов и директор департамента

архитектуры и земельных отношений Ярославля Александр Скворцов пояснили позицию мэрии о том, что закон о бесплатном предоставлении земель многодетным действует с 2011 года, в населенных пунктах для индивидуального жилищного строительства землю могут получить семьи, которые нуждаются в улучшении жилищных условий, за годы действия закона в Ярославле многодетным выделено 106 участков.

После длительных переговоров, как публичных, так и не публичных, конфликт начал решаться в пользу защиты интересов многодетных: 05 февраля 2018 года в Большом зале Мэрии Владимир Слепцов вручил 22 многодетным семьям сертификаты для получения бесплатных земельных участков. Эти семьи уже побывали на выделенных им территориях, где через некоторое время появятся их дома.

Вопрос предоставления участков льготным категориям мэр Ярославля В. Слепцов в 2018 году взял под личный контроль. В мэрии была создана специальная рабочая группа для осуществления выделения земельных участков согласно Закону Ярославской области от 27 апреля 2007 года №22-з «О бесплатном предоставлении в собственность граждан земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности». Молодым и многодетным семьям, ликвидаторам аварии на чернобыльской АЭС, инвалидам и другим льготным слоям населения в 2018 году будет предоставлено более 100 земельных участков. Это примерно половина от всего количества выделенных за 11 лет действия программы о бесплатном предоставлении в собственность граждан земельных участков.

Каждая из сторон конфликта обладала собственными ресурсами, которые помогали им отстаивать свою правоту. Для многодетных семей ресурсами являлось законодательство России и Ярославской области (ФЗ «О государственной поддержке многодетных семей» № 138-ФЗ от 17 ноября 1999 года; Закон Ярославской области от 08.04.2015 № 14-з «Об отдельных вопросах предоставления в аренду земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности», согласно которому многодетные семьи, которые стоят на учете, имеют право на первоочередное приобретение земельных участков для индивидуального жилищного строительства или ведения личного подсобного хозяйства без проведения торгов, Закон Ярославской области от 27.04.2007 № 22-з «О бесплатном предоставлении в собственность граждан земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности»).

Для власти основными ресурсами были: авторитет, сила, закон Ярославской области «Об отдельных вопросах предоставления в аренду земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности» (согласно которому многодетные семьи могут получить землю иным порядком: сначала оформив аренду на нее), превышение своих полномочий в отношении многодетных семей.

Для общественных организаций ресурсами являлись просвещение многодетных семей о праве бесплатного получения земельного участка, обучение реализации данного права.

К нарушениям, допущенным в данном конфликте, можно отнести несвоевременную реакцию органов управления; нарушение органами власти Ярославской области п.3 ст. 40 Конституции РФ, а именно «Малоимущим, иным указанным в законе гражданам, нуждающимся в жилище, оно предоставляется бесплатно или за доступную плату из государственных, муниципальных и других жилищных фондов в соответствии с установленными законом нормами»; превышение своих служебных полномочий должностными лицами в части обеспечения прав и законных интересов граждан.

Данный городской конфликт повлек за собой экономические последствия, которые заключаются в том, что многодетные семьи для участия в программе заказывали платные справки, причем в связи с отказом заново подавали заявку на получение земельного участка и, соответственно, справки заказывали снова. Это отрицательно сказывалось на бюджете многодетных семей, и в связи с этим нарушало их права и интересы.

Другим важным следствием стали социальные последствия, к которым относятся игнорирование прав многодетных семей и несовершеннолетних, обеспеченных законами, нанесение им материально-социального ущерба.

Таким образом, несмотря на длительное разногласие между органами власти Ярославской области, города Ярославля и многодетными семьями, в 2018 году проблема предоставления последним бесплатных земельных участков постепенно начала разрешаться. Мэр города Ярославля взял под личный контроль решение данного вопроса. Запланировано выделение бесплатных земельных участков многодетным семьям.

Если говорить о несовершенстве законодательства, в результате которого возник данный городской конфликт, то здесь налицо несоответствие регионального законодательства федеральному. В результате рассмотренный конфликт до сих пор являются не завершенными.

Если рассматривать причины, по которым несовершенство законодательства приводит к городским конфликтам, то можно отметить следующее: во-первых, это может быть противоречие законов на региональном уровне федеральному; во-вторых, это могут быть пробелы в законодательстве, то есть отсутствие соответствующих законов, чтобы разрешить возникший конфликт (можно сказать, что сначала появляется конфликт, а потом уже разрабатываются законы, для того, чтобы разрешить его на законодательном уровне); в-третьих, это может быть существование законов на федеральном уровне, но отсутствие их аналога на региональном уровне (то есть формулируются положения на уровне федерального законодательства, и в сложившейся конфликтной ситуации можно обратиться только к нему, так как в региональном законодательстве таких законов, именно соответствующих федеральному уровню, не существует). В связи с этим возникают трудности при разрешении городских конфликтов, т.к. каждый регион имеет свои особенности и городские конфликты в каждом регионе также имеют свои особенности.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод о том, что для того, чтобы предотвратить возникновение городских конфликтов, необходимо совершенствовать российское законодательство, а также обязательно контролировать его соблюдение и исполнение на всех уровнях управления.

Библиография

1. Дмитриев А.В. Конфликтология. М.: Гардарики, 2000. 320 с.
2. Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. М.: Аспект Пресс, 1996. 318 с.
3. Кольба А.И., Соколов А.В. Городской конфликт: проблемы дефиниции, типологизации и управления // Конфликтология. 2016. № 4. С. 234-252.
4. Многодетные родители вышли на пикет. URL: <http://yarkprf.ru>
5. Hamelink C.J. Urban conflict and communication // The International Communication Gazette. 2008. №70 (3-4). P. 291-301.
6. Walton J. Urban Conflict and Social Movements in Poor Countries: Theory and Evidence of Collective Action // International Journal of Urban and Regional Research. 1998 Vol. 22. Issue 3. P. 460-481.

The emergence of urban conflicts due to imperfect legislation

Aleksandr V. Sokolov

PhD in Political Science, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Socio-Political Theories,
Yaroslavl State University named after P.G. Demidov,
150000, 10, Sovetskaya st., Yaroslavl, Russian Federation;
e-mail: alex8119@mail.ru

Yuliya A. Novikova

Graduate Student,
Yaroslavl State University named after P.G. Demidov,
150000, 10, Sovetskaya st., Yaroslavl, Russian Federation;
e-mail: mariya.amelina@mail.ru

Abstract

The activity and interaction of actors in the urban environment is very dynamic and requires adequate regulatory and regulatory framework. However, the legislator does not always adequately perform the relevant function. As a result, there are clashes of interests of various actors, provoking the emergence of urban conflicts. The article is devoted to the analysis of the urban conflicts' specifics in modern Russia. The authors identify a specific type of conflicts, urban conflicts. The types and causes of urban conflicts are highlighted. The authors also note that one of the causes of urban conflicts may be legal collisions. The paper presents an analysis of the conflict that arose in the city of Yaroslavl between the authorities and large families about the right of the latter to receive free land, and began with the adoption of the law of the Yaroslavl region "On certain issues of leasing land in state or municipal ownership. The authors allocate the dynamics of the conflict, its actors, their resources, the results of the interaction in the urban conflict. It is concluded that in order to prevent the emergence of urban conflicts, it is necessary to improve Russian legislation, as well as ensure that it is monitored and enforced at all levels of government.

For citation

Sokolov A.V., Novikova Yu.A. (2018) Vozniknovenie gorodskikh konfliktov kak sledstvie pravovykh kollizii [The emergence of urban conflicts due to imperfect legislation]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 7 (5A), pp. 203-210.

Keywords

Urban conflict, legislation, NGO, governments, civic engagement.

References

1. Dmitriyev A.V. (2000) *Konfliktologiya* [Conflictology]. Moscow: Gardariki Publ.
2. Hamelink C.J. (2008) Urban conflict and communication. *The International Communication Gazette*, 70 (3-4), pp. 291-301.
3. Kol'ba A.I., Sokolov A.V. (2016) Gorodskoi konflikt: problemy definitsii, tipologizatsii i upravleniya [Urban Conflict: Problems of Definition, Typologization and Management]. *Konfliktologiya* [Conflict Studies], 4, pp. 234-252.

4. *Mnogodetnyye roditeli vyshli na piket* [Large families took to the picket]. Available at: <http://yarkprf.ru> [Accessed 10/10/2018]
5. Walton J. (1998) Urban Conflict and Social Movements in Poor Countries: Theory and Evidence of Collective Action. *International Journal of Urban and Regional Research*, 22, 3. pp .460-481.
6. Zdravomyslov A.G. (1996) *Sotsiologiya konflikta* [Sociology of conflict]. Moscow: Aspekt Press Publ.

УДК 32

Инерционная математическая модель эволюции власти

Тян Валентин Васильевич

Кандидат исторических наук, доцент,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
119571, Российская Федерация, Москва, просп. Вернадского, 82-84;
e-mail: tian39@mail.ru

Аннотация

В создании модели эволюции власти автор статьи опирается на концепцию нелинейности политического процесса. В современной России выделяются два периода политической модернизации: создание новой политической системы (90-е годы XX в.) и период адаптации этой системы в постсоветском обществе (2000-е гг.). Для анализа второго периода российской модернизации автор исследования предлагает инерционную математическую модель эволюции власти. Многофакторность инерционной эволюции власти. Оценить взаимодействие этих факторов в транзите власти помогает инерционная математическая модель как метод в научном прогнозировании. В переходном обществе на фоне политической стабилизации возрастание властной вертикали становится преобладающей тенденцией. При этом информационная революция является не фоном, фиксирующим политическую реальность, а субъектом политического процесса.

Для цитирования в научных исследованиях

Тян В.В. Инерционная математическая модель эволюции власти // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Том 7. № 5А. С. 211-223.

Ключевые слова

Власть, полномочия, негативная стабилизация, инерционная, математическая, модель, эволюция, эффективность.

Введение

Как известно, Н. Луман рассматривал «власть как средство коммуникации» [Луман, 2004]. Вполне логично выработать ясное понимание сущности эволюции политической системы, индикатором или результатом этого процесса. Н. Луман утверждает: «Стабильность стали описывать как “равновесие”, использующее гомеостатические механизмы, компенсирующие возмущающие воздействия и возвращающие к этому равновесному состоянию. Это, следует отметить, предполагало, что существовала устойчивая точка равновесия, не смещающаяся благодаря периодически возникающим отклонениям. Эта ситуация – при условии, что внешний мир не изменяет сам себя – не требовала дальнейшей заботы о стабилизации уже после произошедших структурных изменений. Но такое понимание вряд ли сегодня еще кто-то разделяет. Способными эволюционировать оказываются как раз динамические системы, умеющие отдаляться от равновесного состояния и репродуцировать себя. Причем особенно необходимым», – заключает Н.Луман. Восходит к теории власти и теория действия Т. Парсонса [Парсонс, 2000].

С расширением информационного пространства политическая власть резко возросла. Б. Жувенель убежден в естественном возрастании власти [Жувенель, 2010]. Но и «на нее (власть – В.Т.) воздействует огромное количество импульсов, очаги которых находятся в разных точках общества; эти импульсы, беспрестанно противоречащие друг другу и борющиеся между собой, в определенные моменты принимают вид волн, которые сообщают целому аппарату новое направление», – утверждает Б. Жувенель.

По мнению автора, это важное утверждение. Как показала практика, не только европейская, но и российская, импульсы предопределяют новые направления. Важный вклад в понимании власти внес Т. Парсонс, разрабатывая в связке теорию власти и теорию социального действия.

Основная часть

В современной политической практике в обществах, где заметны симптомы догоняющей модернизации, за витриной реальной демократии кроются традиционные и посттрадиционные политические скрепы.

В современном понимании импульс – это требования социально-политического характера к власти; сигналы о проблемах в обществе; информация о необходимости политических реформ.

Итак, в основе функционирования власти находится информация. Многофункциональность термина породила множество его толкований. В зависимости от сферы использования, информация означает новые знания, приобретаемые в результате восприятия и обработки данных, коммуникацию и связь, математический подход, предложенный К. Шенноном (определение количества информации) [Шеннон, 1963], передача разнообразности, как утверждает (В. Эшби) William Ross Ashby, вероятность выбора, как утверждает И. Яглом [Яглом, 1963], по теории информации А. Моля информация – это мера сложности структур [Моль, 1966], универсальную субстанцию, пронизывающую каждую сферу деятельности человека, служащую проводником знаний и мыслей, инструментом общения, взаимопонимания и сотрудничества, а также утверждения стереотипов мышления и поведения.

Следовательно, информации – это и отношение к ней предопределяют тип и вид власти.

Наращивание объема информации во второй половине прошлого века привело к качественным изменениям в технологии власти. Поскольку произошло многократное

возрастание, накопленное человечеством массива информации, получившее название информационной революции, то проблема компетентности в управлении информационными потоками стала важнейшей. Во власти закрепляется референтная группа, утвердившаяся на волне информационной революции.

Как известно, Э. Тоффлер утверждает о трех цивилизационных волнах.

Информационная революция, по его мнению, произошла в указанное выше историческое время: «У «Третьей волны», последовавшей в 1980 г., фокус был иным: последние революционные изменения в технологиях и обществе и перспективы будущего рассматривались с исторической точки зрения. Определяя сельскохозяйственную революцию, которая произошла 10 000 лет назад, как Первую волну перемен в человеческой истории, а индустриальную революцию – как Вторую волну, эта книга описала основные технологические и социальные изменения, начавшиеся в середине 50-х годов, как великую Третью волну перемен – начало новой постиндустриальной цивилизации. Среди прочего в ней отмечается появление новых отраслей промышленности, основанных на компьютерах, электронике, информации, биотехнологии и т.п., которые я назвал «новые командные высоты» экономики...» [Тоффлер, 2003].

Последователи Э. Тоффлера убеждены, что вторая волна положила начало политической модернизации общества. Третья волна обозначила новый этап политической модернизации. В информационном обществе на этапе современной модернизации возникли новые направления эволюции власти. Помимо сбора информации за некоторой категорией граждан, облегченный современной технологией, делается попытка контроля над информационными потоками. Резкое возрастание информационных потоков, в связи с информационной революцией, затруднило контроль над ними.

«Информационная революция» [Кулямин, 2017] – метафора, отражающая сильное воздействия информационного потока на ситуацию во всех сферах общественной жизни.

Поскольку информационная революция приводит к трансформации властных отношений в обществе, то признание новых политических реалий особенно актуально.

Поскольку проблема эволюции власти является одной из важнейших в сфере политики, то информационная цивилизация создает новые правила политической игры, выводя властные элиты за пределы централизации, синхронизации и бюрократизации, опрокидывая старые иерархии власти, создавая новые, которые быстро устаревают.

В новом цивилизационном дискурсе осмыслить зигзагообразный процесс российской модернизации нельзя без определения типа общества. Современное российское общество – постсоветское, унаследовавшее некоторые традиции Российской империи. В Российской империи все реформы не имели завершения. Не было «злого умысла». Но традиционное общество не было склонно к переменам. В данном случае, по мнению М.М. Федоровой, «восторжествовал» «традиционализм как антимодернизм» [Федорова, 1996]. Традиционализм, бытовавший в российском обществе, обусловил специфику политической модернизации. Долгое пребывание в условиях несвободы усиливает в обществе тягу к харизматическому лидеру. Отсюда все российские реформы носят персонифицированный характер. Также отметим, российские вариации западных моделей политической модернизации витринные, зачастую запоздалые. Но каждая новая реформа учитывает опыт прошлых реформ. Течение общественной жизни не претерпело радикальных изменений. Но изменения есть, они незаметны, потому что развивается общество в парадигме постсоветской страновой идентификации. На исходе десятилетия реформ значительная российское общества (при

свободе печати и СМИ) вновь потребовала от власти корректировки реформ (низкий рейтинг у харизматичного первого Президента страны и высокий рейтинг у его еще непубличного преемника).

Таким образом, информационная революция оказывает влияние на эволюцию российской власти, прямо и опосредовано. Она не фон, а субъект политического процесса.

Вступление политической модернизации в новую фазу – фазу модернизации в условиях информационной революции ведет общество к новой политической реальности. В каждом конкретном случае обращается внимание на специфику и особенности региональных систем. Предопределены новые направления эволюции власти: информационная безопасность, информационные войны (кибервойска), электронное правительство, цифровая экономика. Поскольку на власть воздействуют противоречивые импульсы, то она делает попытки контролировать информационные потоки, и использовать их в созидательных целях. Тактические и стратегические планы власти предопределены основной целью власти. Намечается новое направление эволюции власти – оптимизация модернизационных процессов.

Манипуляция информацией, установление контроля над СМИ и интернет-ресурсами и т.д., с целью решения новых тактических и стратегических задач власти: повышение имиджа власти, легитимация власти и т.д. В этой ситуации «неясности» в любом сегменте текущей политики тревожат значительную часть общества (негативная консолидация).

Противоречивые импульсы предопределяют новые направления, включающие альтернативные. Борьба с политическими и экономическими преступлениями – не прерогатива одной политической власти, а всех политических сил, что исключает злоупотребления властью. Склонность власти к традиционному управлению является тормозом модернизации. Очевидно, характер власти корректируется властной элитой. Но во властную группу попадают разными путями. Выборы, конкурсы, кооптация, протекция и т.д. Немаловажно и то, какие отношения складываются внутри властной группы, вертикальные, горизонтальные. В смешанных группах преобладают вертикальные отношения. В таком случае круг лиц, влияющих на принятие решений, ограничен. Анализ деятельности властной группы должен включать в себя оценку результатов реализаций этих решений. Известно, Гегель, создавая теорию развития, пришел к мысли о спиралевидной форме процессов развития: «Мы должны рассматривать природу как систему ступеней, каждая из которых необходимо вытекает из другой» [Гегель, 1956].

Как видим, представление о спиралевидной форме развития Гегель формировал в рамках диалектики. В цивилизационном прорыве спиралевидность политического процесса, исследованная многими философами, предопределила характер и практики модернизации. Гегелевская теория спирали общественного развития значима в исследовании социальных, исторических и политических процессов, происходящих в современном обществе. Эволюция политической власти, легитимной и суверенной, обусловлена вступлением общества в постиндустриальную эпоху, предопределившую парадигму политической модернизации в условиях информационной революции.

В цивилизационном дискурсе утвердилась концепция разновременности начала политической модернизации в разных странах Европы, России и др., предопределившей ее специфику и особенности.

Волнообразность российской модернизации связана с «возвращением» на якобы исходные позиции обусловлена многими факторами: структуризация общества, кризис политической системы.

Инерционная математическая модель эволюции власти

В современной России выделяются два периода политической модернизации: создание новой политической системы (90-е годы XX в.) и период адаптации этой системы в постсоветском обществе (2000-е гг.). Для анализа второго периода российской модернизации автор исследования предлагает инерционную математическую модель эволюции власти. Прорыв в политической модернизации обеспечил демократический контент неокорпоратизма (команда молодых реформаторов) и демократическо-неотрадиционалистский стиль правления первого Президента РФ.

Демократические преобразования 90-х гг. XX в. придали обществу импульс стратегического развития. Но власть утратила значительную часть политического ресурса для новых демократических реформ. Закрепление достигнутого, сохранение новых институций – стали задачей власти. Было необходимо поднять сильно понизившийся рейтинг власти. Нужна была некоторая передышка после «шоковых» реформ.

Это дало возможность снизить общественное напряжение в начале XXI в.

Эволюция политической системы определяется по политической власти как системообразующего института. Каким образом наблюдать за эволюцией власти, чтобы определить ее характер, специфику и особенности? Автор исследования убежден в том, что успешному выполнению этих задач помогает модель многофакторной эволюции политической власти.

Следует отметить, для анализа политических процессов необходимо создание модели политического процесса. Важно отметить также, что к проблеме моделирования проявляют практический интерес современные исследователи Л.И. Бородкин, А.Ю. Дмитриев, А.П. Михайлов, О.Ф. Шабров, В.А. Шведовский и др.

Для анализа нового транзита власти на рубеже XX – XXI веков автор исследования предлагает инерционную математическую модель эволюции политической власти. Причем принципы неокорпоратизма и неотрадиционализма сохраняют свою приоритетность в политической практике. Помимо общей характеристики модели (разграничение эволюционной парадигмы, действие закона переходах количественных изменений в качественные и т.д.), уточняются исходные данные и фиксируются первоначальные значения переменных (на основе отчетов Росстата, замеров общественного мнения, проведенных ВЦИОМом, «Левада-Центром», фактов, приведенных государственными СМИ).

Обозначим W – эффективность власти (в нашем случае федеральной или региональной).

Многофакторность эволюции включает в процесс моделирования составляющие (F_i) ($i = 1, \dots, m$), где m – общее число факторов.

Состояние экономики – F_1 ,

Политическое сознание переходного общества – F_2 .

Электоральное восприятие власти и электоральное поведение избирателей – F_3 ,

Политическое лидерство – F_4 ,

Качество политических институтов – F_5 ,

Степень взаимодействия с четвертой властью (СМИ) – F_6 ,

Показатель легитимации политической власти – F_7 ,

Полагая политические процессы в пределах каждой каденции аналогичными получаем интегральный фактор с индексом k . В таком случае

$$F_k = \sum_{i=1}^m v_i \cdot F_i (\%), (i = 1, \dots, m)$$

$W(k) = F_k$ (кривая эффективности власти типа спирали или ломаной линии) .

$W = \sum \mu_k * F_k$ F = эффективность власти

k – номер каденции

В совокупности эти факторы определяют эволюционную парадигму власти, а доминирование группы факторов влияют на характер эволюции власти.

Контроль над региональной властью усилен различными мерами: муниципальный фильтр, административный округ, передача ряда полномочий федеральному центру, утверждение бюджета субъекта РФ федеральной властью (60% бюджета субъекта региона направляется в распоряжение федерального центра). Осуществление региональных проектов является прерогативой федерального центра. (В современной России проблема развития федеративных отношений связана и значительно осложнена проблемой демократизации власти в политической практике).

Положительные значения

Наблюдается динамика развития выходящей из кризиса экономики (ежегодный рост ВВП: 1.5 - 1.8 %).

ВВП, трл. руб.

d – коэффициент роста ВВП, %

ПН - патерналистские настроения, %

Y – ядерный электорат, млн. чел

N – общая численность электората, млн. чел.

δ – параметр патерналистских настроений, трл. руб./ млн. чел.

Тогда:

$ПН = \delta * 100 * Y / N$

В переходном обществе констатируется патерналистское сознание у значительной части общества (40-45%, всплеск патерналистских настроений свыше 80%).

В переходном обществе электоральное восприятие власти у значительной части избирателей стереотипное, а электоральное поведение (значительной части избирателей: свыше %) лояльное по отношению к действующей власти).

Снижение доли негосударственных СМИ (свыше 10%).

Политическое лидерство (рейтинг – свыше 50% в первой каденции). Принятие политических решений исключительно персонифицированной властью.

Минимизация факторов диверсификации и дифференциации власти.

Контроль над НКО (100%).

Общественное мнение (манипуляция общественным мнением ежегодно возрастает в долях процента).

В атомизированном обществе наблюдается ослабление горизонтальных связей в пользу вертикализации властеотношений. Референтные пропорции варьируются.

Суверенная легитимная политическая власть располагает фактически ста процентами властных полномочий (согласно модели – свыше 60 %). Как видим, разница достаточно значительная. Модель фиксирует результат взаимодействия факторов, влияющих на изменение объема властных полномочий, тогда как на практике власть являет собой политический феномен, что типично для посттрадиционного общества (патернализм, иррационализм). Следует отметить, модель не является копией объекта исследования, поэтому она эффективна как метод в научном прогнозировании. Как известно, полномочия между центральной и местной (федеральной и региональной) властью в демократическом обществе делятся в равной

пропорции (50 на 50), т.е. равное соотношение между полномочиями центральной и региональной власти, присуще для новой демократии. Для устойчивости властной вертикали делается попытка «опустить» центр тяжести забором властных полномочий у регионов. При достижении политической стабилизации дополнительные полномочия позволяют центральной власти обеспечить принятие важных решений оперативно.

Интегрированный многофакторный процесс политической стабилизации 0000. Спираль процесса выправляется на второй и на третьей каденции власти, а на четвертой – раскручивание спирали. На каком-то этапе закручивание спирали.

Предлагаемая инерционная математическая модель эволюции политической власти основана на гегелевской теории развития по спирали, в практическом плане отталкивается от модели развития Л.И. Бородкина и частично от модели А.Ю. Дмитриева «власть – общество».

В федеративном государстве властные полномочия распределяются в законодательном порядке между федеральной властью и региональной властью в пропорции 50 на 50, т.е. поровну между регионами и центральной властью, с целью укрепления властной вертикали. Но изменения могут произойти перераспределения полномочий в условиях политической стабилизации экстренными мерами: с понижением статуса члена Совета Федерации (представители глав регионов), как уже упоминали, введением муниципального фильтра и др. При этом растет ядерный электорат власти.

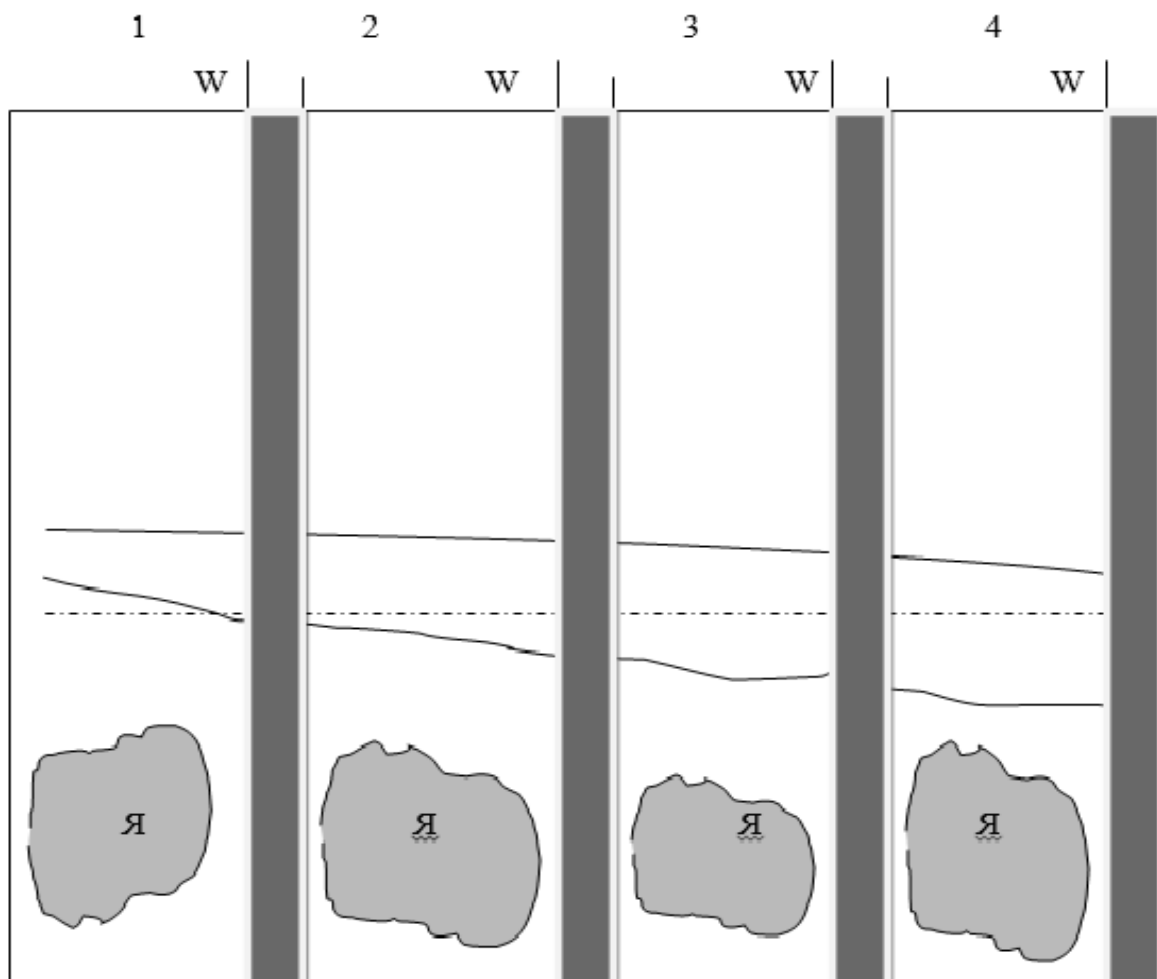

Рисунок 1 – Политическая стабилизация и перераспределение властных полномочий

Я – проценты от общего числа избирателей по каденциям: 57, 62, 65, 70

W – власть (эффективность)

Я – ядерный электорат власти, млн. чел.

WF – федеральная власть (эффективность)

WR – региональная власть (эффективность)

На каждом периоде каденции (k, например, $k=1,2,3,4\dots$) государственная власть складывается из двух составляющих:

$W_k = W F_k + W R_k$ – региональная власть (эффективность)

Укрепление властной вертикали достигается изменениями в избирательной системе и рядом законодательных новелл.

Изменены порядок формирования и состав Совета Федерации ФС РФ, внесены существенные изменения в губернаторские выборы, в избирательную систему и т.д.

В местные органы власти не может попасть человек, который не прошел муниципальный фильтр. Обычно, муниципальные фильтры не могут преодолеть люди, критически настроенные против действующей власти. Быть избранным и избрать депутата в местные органы власти не могут. Фактически ранжирование во властной элите является пробой неотрадиционалистских подходов в условиях неоконсервативной модернизации. Преференции для партии власти влияют на избирательную кампанию, на выборы, ослабляя взаимодействие власти и гражданского общества.

Таким образом, власть в руках властной элиты. Общество может дать оценку качеству государственных услуг, что влияет на функционирование власти. Она может перестроиться, существенно измениться. Корректировка решения – уже позитивная информация для власти и общества. Очень важно проанализировать динамику реализацию решений. Властная элита как закрытый клуб. В контексте той философии политики, свойственной посттрадиционному обществу. И заставляет вспомнить советские традиции.

Модель показывает, что эволюция многих сфер общественной жизни происходит нелинейного в логике развития. Оптимизация реформаторской парадигмы – одно из новых направлений эволюции власти, носящей инерционный характер.

Участие политических партий (кроме партии власти) в принятии решений незначительно. Исчезновение демократических партий, почти символическое участие системных партий в решении важных государственных задач ведут к стагнации политической системы.

Символические подвижки власти не очевидны в мире политическом. Важно знать, каковы возможности СМИ как четвертой власти.

Для фиксации этих подвижек в политическом процессе используется сравнительно-статистический метод. (Технологическая революция расширяют эти возможности). Сложнее – с легитимностью власти в обществе, которое не индифферентно и основывалась на добровольном признании большинством их властных прерогатив согласно монархической традиции, конституции или харизме лидера. Традиционализм реанимировался в современной России в условиях становления новой государственности. Персонифицированный традиционализм влияет на характер политической системы.

Укрепление политической системы, проводимое властью, усиливает мобилизованность общества, как альтернатива смены политической реальности.

Электоральный успех власти среди слабо защищенных слоев населения, но подростковый нигилизм толкают власть слать им сигналы, рассчитанные на выработку правильного модус-

вивенди. Власть в переходном обществе идентифицируется со страной. Не исключение новая российская власть. Институты власти выступают в связке, в угоду верховной власти. В переходном обществе решения принимаются первым лицом государства. Они должны носить мобилизационный характер. Философия персонифицированной власти архаична и требует обновления.

Итак, повышение устойчивости власти при реальной политической стабилизации и высоком рейтинге доверия власти - соизмеримо и отражает тренд политического развития.

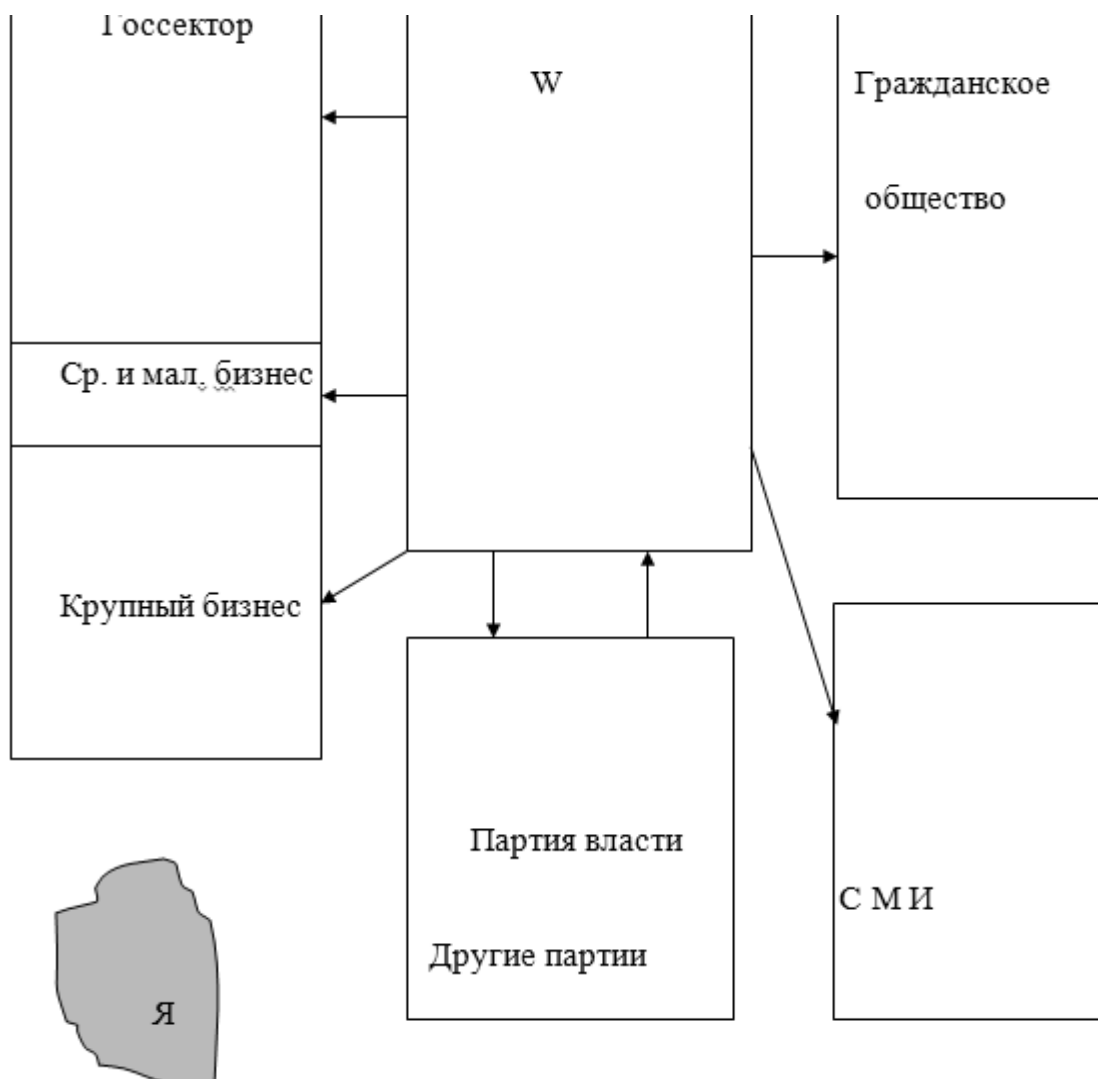

Рисунок 2 – Моноцентричная концентрация властных полномочий

Контроль над госсектором экономики, над бизнесом.

Контроль над гражданским обществом, над СМИ. Доминирование партии власти, поддержка ядерного электората.

Особенность эволюции власти предопределена моноцентрической концентрацией власти (Рис. 2). Фиксируется ситуация в пeБаза для неотрадиционалистского стиля правления достаточная. Имеются возможности для расширения этой базы. Почти все решения (около 100%) принимаются властным центром, и если они не затрагивают интересов ядерного электората, то ядерный электорат не уменьшается.

С учетом эволюции от каденции к каденции получаем интегральный фактор с поправкой на коэффициент эволюции, определяемый процессом демократизации власти (моноцентричности власти):

$$F_k = (\sum \mu_j * G_j) - NG (\%), (j = 1, \dots, s)$$

где j – меняется в нашей модели от 1 до 7:

доля госсектора - G_1

доля крупного бизнеса – G_2

статус партии власти – G_3

наличие других партий – G_4

наличие монопольной концепции власти – G_5

процент гражданского общества – G_6

эффективность СМИ – G_7 ;

NG - негативные аспекты централизации власти

Политическая стабилизация является фактором укрепления властной вертикали, повышающий коэффициент эффективности власти. Политическая стабилизация преимущественно спиралевидный процесс. Реализация программы развития в течение одной каденции. Взаимодействие власти с институтами гражданского общества. Повышение рейтинга власти как фактор эффективности власти.

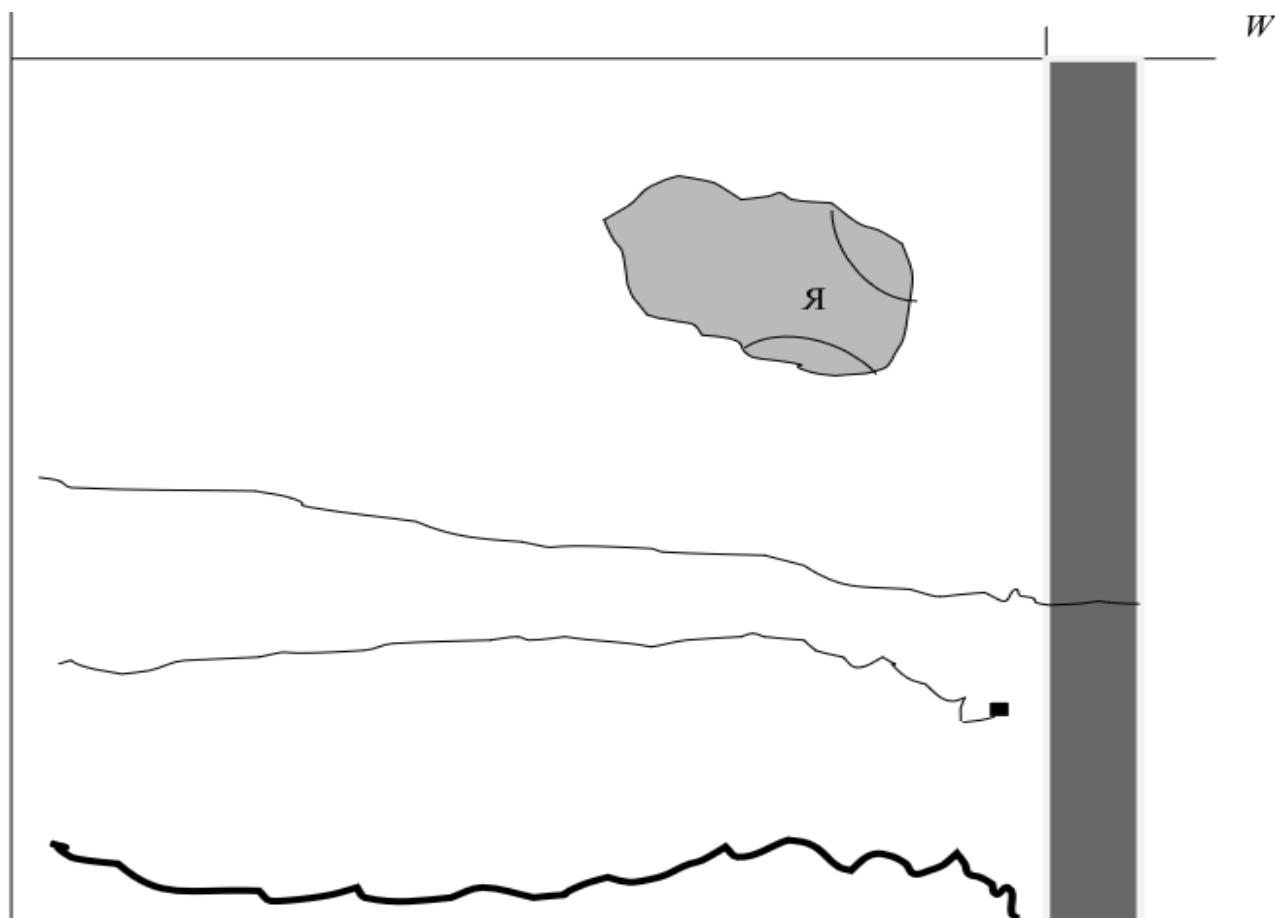

Рисунок 3 – Фрустрация ядерного электората и развитие горизонтальных связей

Негативная стабилизация

Фрустрация ядерного электората

Развитие горизонтальных связей

Но при негативной стабилизации принятие одного или нескольких решений, затрагивающих интересы ядерного патерналистского электората может привести к его фрустрации.

Допустим, принято непопулярное решение... То (см. Рис 3.).

g - доля негосударственных СМИ (свыше 10%) .

q - негативная стабилизация

h - интересы ядерного патерналистского электората

фрустрация

Избранная на прямых выборах власть к концу своей каденции обретает черты персонифицированной власти.

Таким образом, если говорить о постсоветском институте власти, очевидно наличие в нем контента неофедерализма, т.е. сильного федерализма. Но он зависит от характера политического лидерства: сильное, целеустремленное лидерство, авторитарное лидерство (характеристика по методу и количеству и качеству принятых решений). Импульсы, исходящие от политического лидерства, мобилизует общество. Неотрадиционалистский подход в принятии решений консолидирует общество, если эти решения отвечают интересам общества. Законодательство последних лет не позволяет возникнуть неожиданным ситуациям. Образ власти – это образ России. В противоречии этому неприемлемы для власти, потому что это код политической стабильности. Новое направление добиваются разрешения конфликтных ситуаций малыми издержками. Неформальные отношения свойственны неотрадиционализму. Монополия на власть требует технологически выдержанной легитимации, или убедительного доказательства эффективности бессменной власти. Диалогичность власти – это новое в эволюции власти. Преодоление бюрократического барьера между властью и обществом. Властная вертикаль непременно приведет к расширению социальной горизонтали. Последнему способствует информационная революция.

Моноцентричная концентрация власти при негативной стабилизации приводит к расширению горизонтальных связей. Неоконсервативная модернизация является фактором консолидации современного российского общества. Этому способствует информационная революция.

Информационная революция, технологическая революция, неотрадиционализм предопределили тенденции и издержки в утверждении новых направлений эволюции политической власти в России.

Заключение

Инерционная математическая модель эволюции власти при своей достаточно высокой адаптивности подвержена моральному старению. Оно обусловлено множеством факторов. Снижением реформаторской активности властной элиты после достижения политической стабилизации, перераспределение и моноцентричная концентрация властных полномочий, что показано сильному лидерству и ведет к выравниванию политического ландшафта. Бессменное политическое лидерство без сильной мотивации может привести к фрустрации ядерного электората. Итак, инерционная математическая модель эволюции власти ведет к концентрации

власти при вертикальности коммуникации. Это позволяет минимизировать протестное движение. Инерционная эволюция – ограничение, сужение. При выравнивании политического процесса происходит постепенное возрастание властной вертикали. Инерционная модель эволюции власти на практике со временем может быть сменена другой моделью, возможно, альтернативной. Инерционная математическая модель эволюции власти, по мнению автора, может быть сменена модернизационной моделью в условиях неоконсервативной модернизации в политической практике современной России (эту политическую дилемму автор исследования рассматривает в отдельной статье). Эволюция власти понимается как индикатор ее эффективности. Модели эволюции власти помогают определить коэффициент эффективности власти.

Библиография

1. Гегель Г.В.Ф. Сочинения. М., 1956. Том 29. С. 214.
2. Жувенель Б. Власть: естественная история ее возрастания. М., 2010. С. 147.
3. Кулямин В.В. Информационная революция. URL: https://bigenc.ru/technology_and_technique/text/2015889
4. Луман Н. Власть. М., 2004. С. 11.
5. Луман Н. Эволюция. М.: Логос, 2005. С. 44.
6. Моль А. Теория информации и эстетическое восприятие. М.: Мир, 1966. 352 с.
7. Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2000. С. 702.
8. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. Знание, богатство и сила на пороге XX века. М., 2003.-С.18.
9. Тян В.В. Инерционная или модернизационная модели политического развития как дилемма власти в дискурсе идентификации // Власть. 2014. № 2. С. 77-81.
10. Федорова М.М. Традиционализм как антимодноизм // Полис. 1996. № 2. С. 143.
11. Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике. М.: Изд-во иностранной литературы, 1963. 832 с.
12. Яглом И. Вероятность и информация. М.: Наука, 1973. 512 с.
13. Ashby W.R. Principles of the Self-Organizing Dynamic System // Journal of General Psychology. 1947. Vol. 37. P. 125-128.

Inertial model of power evolution

Valentin V. Tyan

PhD in History, Associate Professor,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
119571, 82-84, Vernadskogo av., Moscow, Russian Federation;
e-mail: tian39@mail.ru

Abstract

In creating a model of the evolution of power, the author of the article relies on the concept of nonlinearity of the political process. In modern Russia, there are two periods of political modernization: the creation of a new political system (the 90s of the twentieth century) and the period of adaptation of this system in post-Soviet society (the 2000s). To analyze the second period of Russian modernization, the author of the study proposes an inertial mathematical model of the evolution of power. Multifactorial nature of the inertial evolution of power. The inertial mathematical model as a method in scientific forecasting helps to assess the interaction of these factors in the transit of power. In a transitional society against the background of political stabilization, the growth of the power vertical becomes the prevailing trend. At the same time, the

information revolution is not a background fixing political reality, but a subject of the political process. The inertial mathematical model of the evolution of power, according to the author, can be replaced by a modernization model in the context of neoconservative modernization in the political practice of modern Russia (the author considers this political dilemma in a separate article). The evolution of power is understood as an indicator of its effectiveness. Power evolution models help determine power efficiency ratios.

For citation

Tyan V.V. (2018) Inertsionnaya matematicheskaya model' evolyutsii vlasti [Inertial model of power evolution]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 7 (5A), pp. 211-223.

Keywords

Power, authority, negative stabilization, inertial, model, evolution, efficiency.

References

1. Ashby W.R. (1947) Principles of the Self-Organizing Dynamic System. *Journal of General Psychology*, 37, pp. 125-128.
2. Fedorova M.M. (1996) Traditsionalizm kak antimodnogizm [Traditionalism as anti-modalism]. *Polis*, 2, p. 143.
3. Hegel G.V.F. (1956) *Sochineniya* [Works]. Moscow. Vol. 29.
4. Jouvenel B. (2010) *Vlast': estestvennaya istoriya ee vozrastaniya* [Power: the natural history of its growth]. Moscow.
5. Kulyamin V.V. *Informatsionnaya revolyutsiya* [Information revolution]. Available at: https://bigenc.ru/technology_and_technique/text/2015889 [Accessed 10/10/2018]
6. Luman N. (2004) *Vlast'* [Power]. Moscow.
7. Luman N. (2005) *Evolutsiya* [Evolution]. Moscow: Logos Publ.
8. Mol A. (1966) *Teoriya informatsii i esteticheskoe vospriyatie* [The theory of information and aesthetic perception]. Moscow: Mir Publ.
9. Parsons T. (2000) *O strukture sotsial'nogo deistviya* [On the structure of social action]. Moscow.
10. Shannon K. (1963) *Raboty po teorii informatsii i kibernetike* [Works on information theory and cybernetics]. Moscow: Izd-vo inostrannoi literatury Publ.
11. Toffler E. (2003) *Metamorfozy vlasti. Znanie, bogatstvo i sila na poroge XX veka* [Metamorphosis of power. Knowledge, wealth and power on the threshold of the twentieth century]. Moscow.
12. Tyan V.V. (2014) Inertsionnaya ili modernizatsionnaya modeli politicheskogo razvitiya kak dilemma vlasti v diskurse identifikatsii [Inertial or modernizing models of political development as a power dilemma in identification discourse]. *Vlast'* [Power], 2, pp. 77-81.
13. Yaglom I. (1973) *Veroyatnost' i informatsiya* [Probability and Information]. Moscow: Nauka Publ.

УДК 94:327.8(470+571)

Постсоветское пространство в современной партийной программатике РФ

Уляшкина Екатерина Григорьевна

Аспирант,

Мордовский государственный национальный исследовательский университет им. Н.П. Огарева,
430005, Российская Федерация, Саранск, ул. Большевикская, 68;
e-mail: katerina.ulyashkina@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются приоритеты взаимодействия Российской Федерации со странами бывшего Советского Союза, акцентированные политическими партиями. Проводится изучение предвыборных документов партий в контексте предложенной проблематики, благодаря которому определяются предпочтительные для них направления сотрудничества и имеющиеся сложности во взаимоотношениях стран региона. В ходе сравнительного анализа предвыборных программ и различных заявлений, выступлений официальных представителей политических партий показаны общие и частные закономерности в видении партиями возможностей и препятствий для дальнейшего диалога с отдельными государствами. Обозначены представления российских партий о векторах динамики развития ситуации на постсоветском пространстве. Постсоветский регион политическими партиями России рассматривается как безусловно важное направление внешнеполитического курса государства. Данный интерес обусловлен геополитическим положением, общим историческим прошлым, связями граждан, проживающих на рассматриваемых территориях и т.д. Фактически продуктивный диалог и равноуровневое сотрудничество со странами бывшего СССР воспринимаются партиями в качестве идеального базиса обеспечения поддержки потенциального электората и индикатора выражения солидарности с курсом руководства.

Для цитирования в научных исследованиях

Уляшкина Е.Г. Постсоветское пространство в современной партийной программатике РФ // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Том 7. № 5А. С. 224-229.

Ключевые слова

Внешняя политика, политические партии, постсоветское пространство, программа, регион, Содружество Независимых Государств, страны бывшего СССР.

Введение

Стабилизация и совершенствование взаимоотношений со странами бывшего Советского Союза – один из основополагающих региональных приоритетов внешнеполитического курса Российской Федерации. Обусловленность такого подхода складывается из различных компонентов: геополитическое положение, историческое прошлое, социокультурные связи, политико-экономические отношения и т.д. Взаимовыгодное сотрудничество и готовность к диалогу – важная гарантия стабильного и поступательного развития государств постсоветского пространства. Интерес к региону очевиден не только в высших эшелонах власти, но и среди таких субъектов политической системы РФ, как политические партии.

Партии, в соответствии со своей природой, – субъекты политической системы, максимально оперативно приспосабливающиеся к быстро меняющимся условиям. В силу различных факторов это единственный способ удержать электорат, гарантирующий место в большой политике. Нравнодушие граждан РФ и представителей правящей элиты к постсоветскому региону, геополитические, экономические и прочие факторы вкупе усиливают внимание политических партий к любым проявлениям активности государств бывшего Советского Союза.

Основная часть

Избирательная кампания 2016 г. продемонстрировала заинтересованность потенциальных парламентариев в максимально эффективном сотрудничестве со странами постсоветского региона. Проведенный нами анализ выявил, что в свои предвыборные программы 2016 г. политические партии включили не только абстрактные формулировки о взаимовыгодном сотрудничестве со странами постсоветского пространства, но и выделили отдельные, наиболее остро стоящие вопросы, касающиеся особенностей взаимоотношений с некоторыми государствами. Напомним, что в парламентских выборах 2016 г. приняли участие 14 политических партий России, 8 из которых затронули проблематику взаимодействия со странами бывшего Советского Союза. Среди партий, добившихся представительства в Госдуме, лишь 3 политических партии (Всероссийская Политическая партия «ЕДИНАЯ РОССИЯ» (ЕР), Политическая партия «КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ» (КПРФ), партия «Родина») проявили интерес к внешнеполитическому вектору развития государства в контексте парадигмы сотрудничества в постсоветском регионе. Непарламентские партии заняли более активную позицию. Так, 5 партий (Коммунистическая партия «Коммунисты России», партия «Пенсионеров России», Партия народной свободы «Парнас», Российская объединенная демократическая партия «ЯБЛОКО», Политическая партия «ПАТРИОТЫ РОССИИ») достаточно подробно изложили свое видение ситуации на постсоветском пространстве.

Следует подчеркнуть, что современная обстановка на мировой арене послужила катализатором определения и соответствующей расстановки политическими партиями ориентиров при обозначении перспектив сотрудничества со странами бывшего Советского Союза. Нестабильная политическая обстановка на Украине, возвращение Крыма в состав РФ обусловили концентрацию неподдельного интереса политических партий именно вокруг данных событий. Данного вопроса в своих предвыборных программах в разной мере касались ЕР, «Родина», «Коммунисты России», «ПАРНАС», «ЯБЛОКО», «ПАТРИОТЫ РОССИИ».

Следующий по популярности программно-целевой ориентир партийных программ в рамках

постсоветского региона – Содружество Независимых Государств (СНГ) («ПАРНАС», «ПАТРИОТЫ РОССИИ»). Однако здесь не просматривается каких-либо четких позиций и (или) установок, формулировки носят скорее общий характер, акцентируя внимание на необходимости взаимовыгодного диалога России со странами Содружества. Отчасти схожи позиции «Коммунистов России» и «Пенсионеров России» – заявленным призывом к развитию братских связей с бывшими советскими республиками. Хотя «Пенсионеры России» более подробно останавливаются на подобном сюжете в ракурсе потребностей своего потенциального электората – пенсионеров – выходцев из СССР. КПРФ обращает внимание на важность сближения России, Белоруссии, Украины и Казахстана, а «ПАТРИОТЫ РОССИИ» предлагают разработать новую модель взаимоотношений со странами постсоветского региона.

Сравнительный анализ программных документов российских партий – участников избирательной кампании 2016 г. позволил выявить также некоторые закономерности и характерные черты партийных позиций по отдельным странам и события в рамках региона.

В частности, примечателен антагонизм подходов политических партий по украинскому кризису и статусу Крымского полуострова с учетом специфики геополитического положения. Так, «ПАРНАС» и «ЯБЛОКО» рассуждают о внешней агрессии России по отношению к суверенным государствам и попытках воспользоваться политической нестабильностью в сопредельных странах. Данные политические партии приписывают современному руководству РФ инициативу дестабилизации Украины. «ПАРНАС» призывает к полному восстановлению границ Украины. «ЯБЛОКО» высказывается более дипломатично, утверждая о наличии нарушений в процедуре референдума, предлагая его повторить с участием международных представителей.

Остальные политические партии солидарны в данном вопросе с существующим курсом РФ. «Родина» предлагает даже добиваться международного признания разделенности русского народа с 1991 г. и его права на восстановление в своих естественных исторических границах. «ПАТРИОТЫ РОССИИ» заявляют о необходимости извлечения уроков из допущенных ошибок в работе со странами бывшего СССР (Украиной, Молдовой, Грузией и т.д.) и формировании новой политики в отношении стран постсоветского пространства в целом. По остальным вопросам, обозначенным в предвыборных документах, содержится лишь общая терминология о наращивании сотрудничества.

Несмотря на то, что «ПАРТИЯ РОСТА», СР, «Гражданская платформа», ЛДПР, «Зеленые» и «Гражданская сила» в своих предвыборных документах кампании 2016 г. не обозначили четкого вектора во взаимодействии со странами бывшего Советского Союза, различные инициативы некоторых партий демонстрируют явно определенную позицию по данной проблематике.

Политические партии «ПАРТИЯ РОСТА» и ЛДПР солидарны в вопросе по украинскому кризису. Заметим, что хотя член партии «ПАРТИЯ РОСТА» И. Хакамада и озвучивала предложение о выплате контрибуции Украине за Крым, лидер партии Б. Титов пояснил, что позиция И. Хакамады – ее субъективное мнение, которое не имеет отношения к партийной позиции.

ЛДПР, несмотря на лаконичность предвыборной позиции по данному вопросу, выступает активным участником дискуссии. Анализ официального сайта партии показал, что вызовы, с которыми РФ встречается на современном этапе, находят свое отражение в заявлениях и выступлениях ее официальных представителей. К примеру, по решению украинского президента о прекращении действия Договора о дружбе, сотрудничестве и партнерстве с

Россией лидер партии В. Жириновский заявил, что Россия должна была сама давно принять такое решение». На взгляд российского политика, данный договор был невыгоден РФ, т.к. после распада Советского Союза границы Украины не были демаркированы, а сама Украина была искусственно созданным образованием внутри СССР, границы которого после денонсации Договора являются юридически спорными. В этом же заявлении лидер ЛДПР отмечает, что Украина должна добровольно вернуться в состав России, как и Белоруссия, Молдавия, Закавказье, Прибалтика. Относительно экономической сферы политик убежден, что, несмотря на братские связи с бывшими советскими республиками, нельзя финансировать их экономику на заведомо невыгодных условиях для России. Необходимо брать за основу «прохладные деловые отношения».

Интересно, что ЛДПР одним из акцентов внешнеполитической деятельности России на постсоветском пространстве выделяет Прибалтийский регион. Так, депутат фракции Е. Строкова в сентябре 2018 г. на заседании Комитета Госдумы по международным делам, посвященном приграничному сотрудничеству России с Польшей и Латвией, оценила перспективы развития межрегиональных связей с соседними странами-членами ЕС. По ее мнению, требуется комплексный подход, строящийся на социокультурном диалоге, межличностном контакте, взаимоотношениях на уровне регионов государств для упрочнения перспективы политико-экономического сотрудничества.

Взаимоотношения России с Белоруссией и Казахстаном, подобно КПрФ, признаются важной составляющей внешнеполитического взаимодействия с республиками бывшего СССР со стороны ЛДПР. Так, 21 мая 2018 г., в рамках выставки «Казахстан и Россия – дружба на век», В. Жириновский в очередной раз подчеркнул значимость и взаимовыгодность двустороннего взаимодействия, предложив вектор на улучшение сферы международного туризма между странами, а также на формирование общего культурного и экономического пространства.

Белоруссия на современном этапе является одним из самых надежных и значимых партнеров Российской Федерации. Разноплановость и многоаспектность двусторонних отношений – лучшее тому доказательство. Так, в июне 2018 г. в г. Грозный Чеченской Республики с участием представителя фракции ЛДПР Л. Козловой состоялось заседание комиссии Парламентского Собрания Союзного государства России и Белоруссии, посвященное обеспечению безопасности в экономической и информационной сферах, сотрудничеству в сфере современных технологий. Данное мероприятие в очередной раз продемонстрировало, что, невзирая на некоторые имеющиеся сложности в двустороннем взаимодействии, государства открыты к равноправному и взаимовыгодному диалогу.

Заключение

Таким образом, постсоветский регион политическими партиями России рассматривается как безусловно важное направление внешнеполитического курса государства. Данный интерес обусловлен геополитическим положением, общим историческим прошлым, связями граждан, проживающих на рассматриваемых территориях и т.д. Фактически продуктивный диалог и равноуровневое сотрудничество со странами бывшего СССР воспринимаются партиями в качестве идеального базиса обеспечения поддержки потенциального электората и индикатора выражения солидарности с курсом руководства. Системность партийной активности, пик которой приходится на период избирательных кампаний, диктует политическим партиям необходимость максимально оперативно реагировать на происходящее. Поэтому неудивительно, что дестабилизация в Украине и сложности достижения взаимопонимания с

Киевом выдвинули данный вопрос на первое место в их программных позициях в ракурсе постсоветской проблематики. Сравнительный анализ показал, что партиями выстраиваются различные сценарии развития взаимоотношений двух стран, и они противопоставляются также другим направлениям. Политические партии солидарны прежде всего в вопросе налаживания сотрудничества в рамках СНГ, взаимовыгодных отношений с Белоруссией, Казахстаном. Однако сами механизмы достижения поставленных целей не описаны, акцентируются только промежуточные результаты. По Украине партии предлагают расходящиеся варианты развития события: от признания референдума в Крыму незаконным (наименее популярный вариант) до восстановления всеобъемлющих связей после смены там правительства, режима на основе волеизъявления украинского народа.

В программных позициях российских политических партий представлена и идеальная предположительная картина развития дальнейших взаимоотношений с постсоветскими странами: максимальное налаживание связей в различных сферах. Партии уверены, что Россия готова к диалогу и сотрудничеству, однако на условиях равноправия и взаимовыгодности. Политика Украины на современном этапе, на взгляд большинства из них, не отменяет братских связей с ее народом. Предлагается кардинальная смена ориентиров украинского государства по существующим проблемам и его отказ от реализации прозападных установок, невыгодных как Москве, так и Киеву.

Библиография

1. Казахстан и Россия – дружба на века. URL: https://ldpr.ru/events/Kazakhstan_and_Russia_friendship_for_ages/
2. ЛДПР всегда выступала против продления Договора о дружбе с Украиной. URL: https://ldpr.ru/events/LDPR_has_always_opposed_the_extension_of_the_Treaty_of_friendship_with_Ukraine/
3. На фоне обострения отношений с Евросоюзом нужно развивать приграничное сотрудничество со странами-членами ЕС. URL: https://ldpr.ru/events/Against_the_background_of_aggravation_of_relations_with_the_EU_it_is_necessary_to_develop_crossborder_cooperation_with_EU_member_States/
4. Партия народной свободы «ПАРНАС». URL: <https://2016.parnasparty.ru/>
5. Предвыборная программа партии «РОДИНА»: альтернатива для народа России. URL: <http://www.rodina.ru/s-ezd-partii/votes/programma-partii-rodina-alternativa-dlya-naroda-rossii>
6. Предвыборная программа партии «ЯБЛОКО». Уважение к человеку. 2016. URL: <http://www.yabloko.ru/program>
7. Союзное государство России и Белоруссии наладило усиленное взаимодействие в сферах здравоохранения и образования. URL: https://ldpr.ru/events/Union_State_of_Russia_and_Belarus_has_established_enhanced_cooperation_in_the_fields_of_health_and_education/
8. Титов прокомментировал разницу мнений по Крыму в Партии роста. URL: <https://ria.ru/politics/20160802/1473406927.html>

The post-soviet space into a modern party of the Russian Federation programmatic

Ekaterina G. Ulyashkina

Postgraduate,
Mordovian State National Research University named after N.P. Ogarev,
430005, 68, Bolshevitskaya st., Saransk, Russian Federation;
e-mail: katerina.ulyashkina@yandex.ru

Ekaterina G. Ulyashkina

Abstract

The article discusses the priorities of the interaction of the Russian Federation with the countries of the former Soviet Union, accentuated by political parties. A study of the electoral documents of the parties in the context of the proposed issues is conducted, thanks to which the preferred areas of cooperation and the existing difficulties in relations between the countries of the region are determined. In the course of a comparative analysis of election programs and various statements and speeches by official representatives of political parties, general and private patterns are shown in the parties' vision of opportunities and obstacles for further dialogue with individual states. The notions of Russian parties about the vectors of the dynamics of the development of the situation in the post-Soviet space are indicated. The post-Soviet region is considered by political parties of Russia as an undoubtedly important direction of the state's foreign policy. This interest is due to the geopolitical situation, the general historical past, the connections of citizens living in the territories under consideration, etc. In fact, productive dialogue and multi-level cooperation with the countries of the former USSR are perceived by the parties as an ideal basis for providing support to the potential electorate and an indicator of the expression of solidarity with the course of leadership.

For citation

Uliashkina E.G. (2018) Postsovetskoe prostranstvo v sovremennoi partiinoi programmatike RF [The post-soviet space into a modern party of the Russian Federation programmatic]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 7 (5A), pp. 224-229.

Keywords

Foreign policy, political parties, post-Soviet space, program, region, Commonwealth of Independent States, countries of the former USSR.

References

1. *Kazakhstan i Rossiya – družba na veka* [Kazakhstan and Russia: friendship for centuries]. Available at: https://ldpr.ru/events/Kazakhstan_and_Russia_friendship_for_ages/ [Accessed 10/10/2018]
2. *LDPR vsegda vystupala protiv prodleniya Dogovora o družbe s Ukrainoi* [LDPR has always opposed the extension of the Treaty of Friendship with Ukraine]. Available at: https://ldpr.ru/events/LDPR_has_always_opposed_the_extension_Of_the_Treaty_of_friendship_with_Ukraine/ [Accessed 10/10/2018]
3. *Na fone obostreniya otnoshenii s Evrosoyuzom nuzhno razvivat' prigranichnoe sotrudnichestvo so stranami-chlenami ES* [Concerning aggravated relations with the European Union, it is necessary to develop cross-border cooperation with EU member states]. Available at: https://ldpr.ru/events/Against_the_background_of_aggravation_of_relations_with_the_EU_it_is_necessary_to_develop_crossborder_cooperation_with_EU_member_States/ [Accessed 10/10/2018]
4. *Partiya narodnoi svobody «PARNAS»* [Party of people's freedom "PARNAS"]. Available at: <https://2016.parnasparty.ru/> [Accessed 10/10/2018]
5. *Predvybornaya programma partii «RODINA»* [The election program of the party "Rodina"]: al'ternativa dlya naroda Rossii. Available at: <http://www.rodina.ru/s-ezd-partii/votes/programma-partii-rodina-alternativa-dlya-naroda-rossii> [Accessed 10/10/2018]
6. *Predvybornaya programma partii «YABLOKO». Uvazhenie k cheloveku. 2016* [Election program of the YABLOKO party. Respect for people. 2016]. Available at: <http://www.yabloko.ru/program> [Accessed 10/10/2018]
7. *Soyuznoe gosudarstvo Rossii i Belorussii naladilo usilennoe vzaimodeistvie v sferakh zdravookhraneniya i obrazovaniya* [The Union State of Russia and Belarus has established enhanced cooperation in the areas of health and education]. Available at: https://ldpr.ru/events/Union_State_of_Russia_and_Belarus_has_established_enhanced_cooperation_in_the_fields_of_health_and_education/ [Accessed 10/10/2018]
8. *Titov prokommentiroval raznitsu mnenii po Krymu v Partii rosta* [Titov commented on the difference of opinions on Crimea in the Party of Growth]. Available at: <https://ria.ru/politics/20160802/1473406927.html> [Accessed 10/10/2018]

УДК 32

Особенности вовлечения подростков к участию протестной деятельности современной оппозицией в РФ

Бударин Павел Витальевич

Майор полиции,
старший оперуполномоченный отдела уголовного розыска,
Управление внутренних дел по городу Сочи,
Главное управление Министерства внутренних дел
Российской Федерации по Краснодарскому краю,
354000, Российская Федерация, Сочи, ул. Советская, 4;
e-mail: budarinarticles@mail.ru

Аннотация

В статье показано, что вовлечение подростков в протестную деятельность в настоящее время является весьма распространенным в мировой практике явлением, однако по сей день остается недостаточно изученным. Инструменты и методы, используемые для вовлечения подростков в протестную деятельность российской оппозиции, широко и системно используются в других странах, технологии их применения являются апробированными. Поэтому можно говорить об особенностях данной деятельности только по отношению к практике реализации в России. Мировой опыт свидетельствует о том, что, несмотря на положительную характеристику данного явления в иностранных исследованиях, вовлечение подростков в протестную политическую деятельность является негативным социально-политическим явлением, оказывающим отрицательное воздействие как на политический процесс, так и на развитие личности. В то же время данные процессы все больше усиливаются во многих регионах мира, в том числе и экономически благополучных, и сдерживание их развития в большей степени зависит от действий государства. В подобных условиях необходимо осуществлять поиск методов противодействия таким явлениям, в первую очередь посредством контроля распространения информации с помощью инструментов, которые оказывают влияние на подростков и при этом доступ к которым имеет неограниченный круг лиц (например, социальные сети «Одноклассники», «ВКонтакте», Facebook). Также немаловажным является использование опыта создания институтов для формирования политически активной молодежи, обладающей навыками критического мышления, умением формировать и отстаивать собственные взгляды и убеждения в рамках политического процесса.

Для цитирования в научных исследованиях

Бударин П.В. Особенности вовлечения подростков к участию протестной деятельности современной оппозицией в РФ // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Том 7. № 5А. С. 230-237.

Ключевые слова

Протестная деятельность, подростковый активизм, политическая оппозиция, социальные сети, политический активизм.

Введение

В настоящее время в России все большее количество подростков вовлекается оппозиционными участниками политического процесса в участие в протестных акциях. Кроме политического движения А. Навального, наиболее популярного в молодежной среде, подростков привлекают к участию в деятельности партии «Другая Россия», незарегистрированной Либертарианской партии и других политических групп. По мнению ряда исследователей, данная проблема оказалась новой для России, однако в мировой практике она является весьма распространенной.

Проблема вовлечения подростков в участие в протестной политической деятельности, несмотря на широкое распространение данного социального феномена, представляет собой сравнительно новую область исследования в российской политологии. Подобные исследования достаточно широко распространены в мировой практике, однако в большей степени они посвящены не формированию новых положений в области протестного политического активизма подростков, а инструментам и методам вовлечения подростков в протестную деятельность.

Международные исследователи указывают на то, что население Российской Федерации в целом отличается низким уровнем политической активности. Слабую политическую активность проявляет и наиболее значимая оппозиционно активная социальная группа – студенческая молодежь. При этом в большинстве работ, посвященных протестным движениям в России, отдельно указывается на то, что развитие активизма в данной области затруднено выражением оппозиционных взглядов на деятельность действующей власти. В частности, в значительном количестве исследований говорится об отсутствии видимых политических сдвигов в результате воздействия на российских избирателей в событиях 2012 года («событиях на Болотной площади»), когда политические протесты не получили дальнейшего развития. Так, попытки «восстановить культуру советских диссидентов» в современных российских условиях посредством в том числе финансовой поддержки оказались напрасны по причине сложившегося комплекса институциональных условий. Что касается перспектив трансформации политического устройства России, авторы отмечают необходимость воздействия на более подверженную влиянию аудиторию для формирования и распространения идеи смены политического курса.

Как показано в ряде исследований политологов Европейского союза и США, наиболее значимой целевой аудиторией являются подростки, не имеющие избирательных прав, однако при этом вовлекаемые в политический активизм. При этом протестная деятельность подростков носит наиболее радикальный характер.

Навязывание такой деятельности не позволяет сформировать подросткам собственную точку зрения на политическую систему общества. Все это становится причиной использования протестных действий подростков в продвижении собственных политических интересов, а участие в таких действиях, в свою очередь, ограничивает возможности успешной социализации и гармоничного развития личности. В подобных условиях возникает необходимость научного обобщения инструментов и методов, применяемых при вовлечении подростков в протестную деятельность, особенно в наиболее активных формах ее проявления.

Инструменты и методы вовлечения в протестную деятельность

В современной политологии проводится работа по обобщению современных инструментов и методов вовлечения населения в протестную деятельность, в том числе и радикального характера. В частности, в 2018 году появились первые труды, обобщающие на основании анализа «больших данных» инструменты и методы их определения. Результаты таких исследований на основании анализа взаимодействий посредством социальных сетей, проведенного по материалам протестных движений в США, Испании, Турции и Украине, указывают на то, что ключевое воздействие на их формирование оказали следующие факты:

1. Социальные сети являются в настоящее время единственным эффективным инструментом координации протестной деятельности, в том числе информации о правовой поддержке протестной деятельности, действиях полиции, медицинском обслуживании пострадавших в такой деятельности. Посредством социальных сетей участники протестов объединяются в группы, происходит активное социальное взаимодействие [Авцинова, 2015].

2. Социальные сети оказывают ключевое воздействие на эмоциональную оценку деятельности, в том числе на создание принадлежности к определенной социальной группе, создание чувства неполноценности из-за лояльного отношения к действующей власти, создание потребности в восстановлении справедливости вне зависимости от контекста ситуации.

3. Воздействие посредством социальных сетей на интерпретацию информации относительно происходящих в стране и мире событий.

Таким образом, ключевыми инструментами вовлечения в протестную деятельность, по мнению исследователей, являются социальные сети, при этом используются три вида взаимодействия:

- информационный – посредством представления информации в определенном свете;
- социальный – посредством установления и укрепления контактов между людьми;
- эмоциональный – посредством создания комплекса эмоций, мотивирующих к осуществлению протестной деятельности.

Очевидно, что данный комплекс воздействий, равно как и другие социальные процессы, может быть сформирован посредством целенаправленной деятельности, в том числе посредством международных политических институтов.

Вовлечение подростков в протестную деятельность: обобщение международного опыта

В современных международных эмпирических исследованиях тема вовлечения подростков в протестную деятельность широко исследуется с различных точек зрения. В значительной степени данные исследования посвящены деятельности отдельных политических групп или результатам опроса подростков. В то же время анализ наиболее значимых работ в данной области указывает на то, что протестная активность подростков по отношению к различным странам рассматривается с различных позиций.

Так, в исследованиях, посвященных участию подростков в политических протестах в развивающихся странах (Чили, Китай, Бразилия, Аргентина) и менее развитых странах Африки, указывается на положительную сторону таких социальных явлений, вне зависимости от того, насколько радикальную форму они принимают.

В частности, по отношению к странам Африки международные исследования показывают,

что протестные движения молодежи являются единственным эффективным инструментом «демократизации» общества [Resnick, Casale, 2017], обычно применяемым после проведения выборов с целью протеста против нарушений при проведении избирательных компаний и отмены их результатов (как, например, в Замбии). При этом для повышения эффективности данного процесса в данных странах адвокатируется понижение избирательного возраста с 18 до 16 лет.

В исследованиях, посвященных участию в политических протестах подростков в странах Ближнего Востока, показано, что данное явление начало широко освещаться в научной литературе с момента формирования протестных движений в Тунисе с 2010 года. Однако данное явление было распространено и ранее в Египте, Алжире, Марокко и Иордании, где смена политического курса не могла бы быть осуществлена без воздействия протестных движений, основными участниками которых являлись подростки и молодежь от 13 до 19 лет.

При этом общим для всех данных протестов является значительное влияние социальных сетей и информационных каналов сети Интернет, а также то, что «ответ» государства, заключающийся только в «разгоне» протестных акций, в итоге не стал результативным. В то же время принятие требований протестующих также не остановило проведение таких акций. Так, в 2005 году после более 200 протестных акций требования по либерализации экономических отношений были приняты в полном объеме Правительством Египта, однако это не только не замедлило, но и стало причиной увеличения политической активности протестующих, в 2007 году было совершено уже 560 акций протеста. Также зачастую указывается, что политические цели протестов являются основными, так как такие страны, как Кувейт и Бахрейн, предоставляют высокие стандарты жизни для жителей, однако и в этих странах при участии подростков осуществляются такие протестные политические акции.

Аналогичной позиции иностранные исследователи придерживаются и по отношению к другим развивающимся странам. Например, протестные движения подростков и молодежи в Чили в 2010 году, которые привели к смене политического режима, были также оценены как позитивное явление демократизации. Однако чилийские исследователи убедительно доказали, что данные протесты были комплексно организованы посредством социальной сети Facebook, где размещались руководства по проведению акций, материалы, мотивирующие к протестной деятельности, учитывающие особенности психики подростков. Также в данной социальной сети находились специализированные группы, позволяющие привлекать к участию в различных акциях протеста подростков, реализуемых в форме бойкотов, забастовок, флеш-мобов.

В то же время исследования, посвященные участию подростков в протестной деятельности в развитых странах, основаны на принципиально иных позициях. Так, утверждается, что так как в данных странах демократические институты являются сформированными, то протестная деятельность в них носит деструктивный характер, поэтому значительное количество исследований направлено на формирование институтов вовлечения подростков в политический процесс — создание «молодежных» правительств, поиск инструментов вовлечения в политический активизм [Гусева, 2016].

В частности, данные проблемы обострились после возникновения миграционного кризиса. При этом, по данным статистики Швеции, все это привело к значительному увеличению количества преступлений против личности, что, в свою очередь, вызвало очаговые протесты подростков. Однако для того, чтобы избежать таких явлений, комплексно были исследованы проблемы и применены методы по замещению протестной деятельности политическими институтами для подростков и молодежи, а требования по решению проблем мигрантов были

приравнены к идеям фашизма и стали повсеместно преследоваться в информационном пространстве.

Инструменты и методы вовлечения подростков в протестную деятельность в России

В России участие в протестной деятельности подростков является в настоящее время широко распространенным социальным явлением. Оппозиционные политические силы могут использовать протестный потенциал подростков для реализации собственных политических целей. Наиболее ярким примером является участие подростков в 2017 году в акциях, организованных НКО «Фонд борьбы с коррупцией», где в более чем 80 городах за участие в несанкционированных мероприятиях были задержаны подростки в возрасте от 13 лет.

Для участия в данных мероприятиях задействуются такие инструменты, как YouTube-каналы, деятельность значительного количества политических блогеров, использующих методы эмоционального вовлечения.

По мнению российских исследователей протестного движения, опыт вовлечения подростков в протестную деятельность указывает на то, что для участия в протестных движениях необходимо создание социально-экономических и психологических предпосылок, к которым относят следующее:

- ослабление воспитательной работы в системе образования;
- отсутствие подростковых и молодежных общественных организаций;
- социальная нестабильность общества;
- материальные затруднения родителей подростков, снижение уровня жизни;
- снижение культурного уровня и отсутствие преемственности ценностей и убеждений поколений;
- отсутствие возможностей проведения досуга посредством организованных культурно-массовых мероприятий;
- ослабление социального контроля за счет снижения значимости родственных, соседских и иных социальных отношений [Куликова, 2012].

Автор разделяет позицию о том, что среда оказывает существенное воздействие на вовлечение подростка в участие в протестной деятельности, однако немаловажное значение имеют и психологические характеристики личности. Сущность подросткового периода заключается в противопоставлении своего образа жизни и мышления сложившемуся, взрослому, вне зависимости от объективности той или иной позиции. Значима для данного периода и потребность в общении со сверстниками, осуществление совместной деятельности, в большей степени деструктивной.

Таким образом, участие в протестной деятельности для решения проблем социализации отражает только определенный период развития личности, замещает отсутствие собственных ценностей и убеждений. Социально-психологическая опасность данного явления заключается в том, что оно может привести к реализации протестной деятельности в форме экстремистских действий. Следовательно, вовлечение в данную деятельность может оказать отрицательное воздействие на личность как в социальном плане, так и в психологическом.

Однако действующие инструменты и методы профилактики вовлечения подростков в протестную деятельность при их системной реализации могут не дать существенного

результата, так как современное поколение подростков, активно использующих в качестве инструмента социального взаимодействия социальные сети и мессенджеры, имеет существенные отличия в поведении [Дементьева, 2016]. В частности, родители уже не являются значимым источником информации и знаний, наблюдается отсутствие достаточного уровня навыков принятия самостоятельных решений из-за гиперопеки родителей, постоянное следование современным тенденциям в поведении, отношениях между сверстниками, следование идеалам субкультур, отсутствие интереса к определенным процессам или явлениям из-за увеличивающегося потока информации. Следовательно, современный подросток получает информацию посредством ограниченного количества информационных ресурсов или «вирусных» новостных агентств, интерпретирующих и представляющих информацию в определенном ракурсе.

Политолог Е.М. Шульман сделал вывод о том, что представление об отсутствии у подростков политических убеждений оказалось неверным, для них весьма значимы политические идеалы, наличие лидера, а также отсутствие воздействия на молодежь со стороны официальных СМИ. Разделяя положения о том, что в современных условиях отсутствуют инструменты воздействия на данную возрастную группу, отметим, что участие в политических протестах, так же как и в экстремистских религиозных организациях, иных девиантных формах поведения, отражает воздействие «агентов влияния» на поведение подростков, воздействие которых характерно для всех стран мира, сталкивающихся с данной проблемой.

Таким образом, инструменты и методы, используемые для вовлечения подростков в протестную деятельность российской оппозиции, широко и системно используются в других странах, технологии их применения являются апробированными. Поэтому можно говорить об особенностях данной деятельности только по отношению к практике реализации в России.

Заключение

Мировой опыт свидетельствует о том, что, несмотря на положительную характеристику данного явления в иностранных исследованиях, вовлечение подростков в протестную политическую деятельность является негативным социально-политическим явлением, оказывающим отрицательное воздействие как на политических процесс, так и на развитие личности. В то же время данные процессы все больше усиливаются во многих регионах мира, в том числе и экономически благополучных. При этом сдерживание процесса их развития в большей степени зависит от действий государства, возможности противопоставления эмоциональному, социальному и информационному воздействию иных форм реализации потребностей личности подростков.

В этих условиях необходимо осуществлять поиск инструментов и методов противодействия таким явлениям, в первую очередь посредством контроля распространения информации с помощью инструментов, которые оказывают влияние на подростков и при этом доступ к которым имеет неограниченный круг лиц (например, социальные сети «Одноклассники», «ВКонтакте», Facebook). Также немаловажным является использование опыта создания институтов для формирования политически активной молодежи, обладающей навыками критического мышления, умением формировать и отстаивать собственные взгляды и убеждения в рамках политического процесса.

Библиография

1. Авцинова Г.И. Протестный потенциал российской молодежи: парадигмы исследования и политическая практика // PolitBook. 2015. № 1.
2. Авцинова Г.И. Социализация российской молодежи в условиях информационной войны // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2014. Т. 2. № 4 (127).
3. Гусева Н.В. Деструктивные формы политической активности студенческой молодежи. Челябинск: Южно-Уральский государственный университет, 2016.
4. Дементьева И.Н. Протестные настроения молодежи Вологодской области // Вопросы территориального развития. 2016. № 1 (31).
5. Демидова-Петрова Е.В. Мониторинг особенностей экстремизма в молодежной среде в Российской Федерации // Мониторинг правоприменения. 2016. № 3 (20).
6. Куликова Ю.П. Инновационные формы политической активности молодежи в условиях модернизации общества // Теории и проблемы политических исследований. 2012. № 4. С. 99-105.
7. Худяков А.В. Студенчество как мобилизующая сила «цветных революций». Екатеринбург, 2016.
8. Coe A.B. et al. Youth politics as multiple processes: how teenagers construct political action in Sweden // Journal of Youth Studies. 2016. Vol. 19. No. 10. P. 1321-1337.
9. Kharroub T., Bas O. Social media and protests: An examination of Twitter images of the 2011 Egyptian revolution // New Media & Society. 2016. Vol. 18. No. 9. P. 1973-1992.
10. Lyytikainen L. Performing Political Opposition in Russia: The Case of the Youth Group Oborona. Routledge, 2016.
11. Maher T.V., Earl J. Pathways to Contemporary Youth Protest: The Continuing Relevance of Family, Friends, and School for Youth Micromobilization // Social Movements and Media. Emerald Publishing Limited, 2017. P. 55-87.
12. Onuch O. EuroMaidan protests in Ukraine: Social media versus social networks // Problems of Post-Communism. 2015. Vol. 62. No. 4. P. 217-235.
13. Resnick D., Casale D. The political participation of Africa's youth: Turnout, partisanship, and protest. Working paper // World Institute for Development Economics Research. 2017. No. 56.

Features of involving adolescents to participate in protest activities of the modern opposition in Russia

Pavel V. Budarin

Police Major,
Senior Operative of the Criminal Investigation Department,
Sochi Department of Internal Affairs,
Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation across Krasnodar Territory,
354000, 4, Sovetskaya st., Sochi, Russian Federation;
e-mail: budarinarticles@mail.ru

Abstract

The author of this article argues that the involvement of adolescents in protest activities is currently a very common phenomenon in the world practice, but it remains understudied. The tools and methods used to involve adolescents in the protest activities of the Russian opposition are widely and systematically used in other countries, the technologies of their application are tested. Therefore, we can talk about the features of this activity only in relation to the practice of implementation in Russia. World experience shows that, despite the positive characteristics of this phenomenon in foreign studies, the involvement of adolescents in protest political activity is a negative socio-political phenomenon that has a negative impact on both the political process and the development of the individual. At the same time, these processes are increasingly intensifying in many regions of

Pavel V. Budarin

the world, including economically prosperous ones, and the containment of their development depends more on the actions of the state. In such circumstances, it is necessary to search for methods to counteract such phenomena, primarily through the control of information dissemination using tools that have an impact on adolescents and at the same time access to which has an unlimited range of persons (for example, social networks "Odnoklassniki", "Vkontakte", Facebook). It is also important to use the experience of creating institutions for the formation of politically active youth with the skills of critical thinking, the ability to form and defend their own views and beliefs in the political process.

For citation

Budarin P.V. (2018) Osobennosti vovlecheniya podrostkov k uchastiyu pro-testnoi deyatel'nosti sovremennoi oppozitsiei v RF [Features of involving adolescents to participate in protest activities of the modern opposition in Russia]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 7 (5A), pp. 230-237.

Keywords

Protest activities, adolescent activism, political opposition, social networks, political activism.

References

1. Avtsinova G.I. (2014) Sotsializatsiya rossiiskoi molodezhi v usloviyakh informatsionnoi voiny [Socialization of the Russian youth in the conditions of information warfare]. *Uchenye zapiski Rossiiskogo gosudarstvennogo so-tsial'nogo universiteta* [Scientific notes of Russian State Social University], 2/4 (127).
2. Avtsinova G.I. (2015) Protestnyi potentsial rossiiskoi molodezhi: paradigmy issledovaniya i politicheskaya praktika [The protest potential of the Russian youth: research paradigms and political practice]. *PolitBook*, 1.
3. Coe A.B. et al. (2016) Youth politics as multiple processes: how teenagers construct political action in Sweden. *Journal of Youth Studies*, 19 (10), pp. 1321-1337.
4. Dement'eva I.N. (2016) Protestnye nastroyeniya molodezhi Vologodskoi oblasti [Protest sentiments of the youth of the Vologda region]. *Voprosy territorial'nogo razvitiya* [Questions of territorial development], 1 (31).
5. Demidova-Petrova E.V. (2016) Monitoring osobennostei ekstremizma v molo-dezhnoi srede v Rossiiskoi Federatsii [Monitoring the characteristics of extremism in the youth environment in the Russian Federation]. *Monitoring pravoprimeneniya* [Monitoring of law enforcement], 3 (20).
6. Guseva N.V. (2016) *Destruktivnye formy politicheskoi aktivnosti studenche-skoi molodezhi* [Destructive forms of student youth political activity]. Chelyabinsk: South Ural State University.
7. Kharroub T., Bas O. (2016) Social media and protests: An examination of Twitter images of the 2011 Egyptian revolution. *New Media & Society*, 18 (9), pp. 1973-1992.
8. Khudyakov A.V. (2016) *Studenchestvo kak mobilizuyushchaya sila "tsvetnykh revolyutsii"* [Students as the mobilizing force of the "color revolutions"]. Ekaterinburg.
9. Kulikova Yu.P. (2012) Innovatsionnye formy politicheskoi aktivnosti molo-dezhi v usloviyakh modernizatsii obshchestva [Innovative forms of political participation of youth in the modernization of society]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and problems of political research], 4, pp. 99-105.
10. Lyytikainen L. (2016) *Performing Political Opposition in Russia: The Case of the Youth Group Oborona*. Routledge.
11. Maher T.V., Earl J. (2017) Pathways to Contemporary Youth Protest: The Continuing Relevance of Family, Friends, and School for Youth Micromobilization. *Social Movements and Media*. Emerald Publishing Limited. P. 55-87.
12. Onuch O. (2015) EuroMaidan protests in Ukraine: Social media versus social networks. *Problems of Post-Communism*, 62(4), pp. 217-235.
13. Resnick D., Casale D. (2017) The political participation of Africa's youth: Turnout, partisanship, and protest. Working paper. *World Institute for Development Economics Research*, 56.

УДК 32

Перспективы обретения Россией национальной субъектности политического режима

Потапов Денис Викторович

Аспирант,

Воронежский государственный университет,
394006, Российская Федерация, Воронеж, Университетская площадь, 1;
e-mail: dvpw@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена изучению перспектив достижения национальной субъектности политического режима России. В этом контексте рассмотрен широкий круг факторов, влияющих на выбор стратегии и методов трансформации режима как субъекта финансово-политической элиты «глобального проекта», интересы которой артикулируются политическим истеблишментом США и крупнейших стран Евросоюза. Представлены результаты анализа наиболее острых проблем национальной экономики; системных недостатков социальной политики; основных характеристик и специфических особенностей политического режима; показателей политической активности общества и колебания различных рейтингов. Выявлены наиболее значимые проблемы политического режима – как внешние Вызовы со стороны МВФ, так и внутренние Вызовы, связанные с деятельностью «экономического блока» Правительства. Обосновано предложение о включении в программу реформирования системы государственного управления положений о новом порядке транзита верховной власти путем передачи части обязанностей действующего Президента его преемнику. Обязанности разработчика стратегического планирования и верховного арбитра между олигархическими кланами, «Суверена и Гаранта Конституции» должен взять на себя новый председатель Конституционного суда В. Путин; обязанности «тактического вождя-главнокомандующего» должны перейти к новому Президенту. К настоящему времени в России сложился определенный обычай транзита высшей власти, следуя которому, после внесения соответствующих изменений в Конституцию, В. Путин, по примеру Б. Ельцина, может в любой момент (и, как нам кажется, чем раньше, тем лучше) назначить исполняющим обязанности Президента выбранного им преемника.

Для цитирования в научных исследованиях

Потапов Д.В. Перспективы обретения Россией национальной субъектности политического режима // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Том 7. № 5А. С. 238-254.

Ключевые слова

Политический режим, трансформация, субъектность, политический истеблишмент, реформирование, государственное управление, общинное устройство социума.

Введение

До сих пор субъектом трансформации политического режима России остается финансово-политическая элита «глобального проекта», интересы которой артикулируются политическим истеблишментом США и крупнейших стран Евросоюза [Потапов, 2018 а]. В последние годы с их стороны участились попытки остановить, приструнить, «поставить ее на место» Россию. Баланс сил в мире изменился, и субъект трансформации теперь готов на все – лишь бы вернуть российскую правящую элиту к соблюдению правил «the liberal world order». В отличие от «стратегии сдерживания» времен «холодной войны», трансформацию политического режима России теперь пытаются осуществлять исключительно с помощью «кнута», различных угроз, вплоть до угрозы нанесения ядерного удара и «экономических санкций».

При этом политический истеблишмент США и ведущих стран Евросоюза не допускают и мысли о возможности национальной субъектности политического режима России. Они не воспринимают нашу страну как самостоятельную политическую систему, которая имеет свою собственную модель управления и стратегию развития, пытается на-равных конкурировать и сотрудничать. Россию они представляют себе, по образному выражению Р. Кэган, как «джунгли, которые продолжают расти после того, как их однажды вырубili и которые предстоит снова, более тщательно, выкорчевать» [Kagan, 2018]. Или как некий неисправный гаджет, например, пылесос – который вдруг закапризничал и потребовал уважения к его личности и соблюдения гражданских прав. [Потапов, 2018 б].

Среди нового поколения истеблишмента – увы – больше нет ярких политических индивидуальностей, нет политиков, способных эффективно выполнять функции субъекта трансформации политического режима, как это делал, например, Президент США Б. Клинтон. Уровень безликости и безответственности в среде политического истеблишмента США и ведущих стран ЕС стал зашкаливать с приходом к власти Д. Трампа. [Игнатов, 2018]. Для которого некоторая политическая самостоятельность России – при полном и тотальном контроле МВФ над ее национальной экономикой – не более чем одна из множества «ждущих своего часа будущих сделок», до которой пока «не доходят руки», а поручить ее заключение некому [Потапов, 2018 б]. Если еще пару лет назад можно было надеяться, что отношения с политическим истеблишментом США и крупнейших стран Евросоюза рано или поздно удастся нормализовать, то теперь такие иллюзии исчерпаны. С финансово-политической элитой «глобального проекта», интересы которой артикулируются политическим истеблишментом США и крупнейших стран Евросоюза договориться не получится – чего нельзя сказать о странах, в которых они пока руководят, но которые от их влияния будут со временем избавляться [Хазин, 2018 а]

Хотя консолидированный политический истеблишмент Запада публично не признает, что поставил задачу смены политического режима на более удобный для себя, по сути, их требования к России предполагают такую радикальную смену политического курса, которую может осуществить только новая власть. [Игнатов, 2018]. В результате политический режим России в настоящее время оказался в ситуации, когда, при всем желании избежать конфликта, он не может вернуться к «business as usual», не потеряв, как это произошло с М. Горбачевым, и свою легитимность, и свою власть, и страну. Как в Великую Отечественную, «нынче нам нужна одна победа, одна на всех, мы за ценой не постоим». Победа означает обретение Россией национальной субъектности политического режима.

Основная часть

Вопрос исследования: Что нужно сделать, чтобы добиться национальной субъектности политического режима России?

Для ответа на него рассмотрим:

- наиболее острые проблемы национальной экономики;
- системные недостатки социальной политики;
- основные характеристики и специфические особенности политического режима;
- показатели политической активности общества, колебания различных рейтингов;
- проблемы политического режима;
- внешние вызовы политическому режиму со стороны МВФ;
- внутренние вызовы политическому режиму со стороны «экономического блока»

Правительства.

Наиболее острые проблемы национальной экономики

1. В России в настоящее время наблюдается

– устойчивая тенденция снижения располагаемых доходов домохозяйств и развитие у беднейших слоев населения устойчивых поведенческих стереотипов (таких, как социальная аномия),

– неготовность социальных институтов противодействовать развитию застойной бедности.

К настоящему времени в экономике накопился целый ряд нерешенных проблем:

– ее конкурентоспособность обеспечивается, главным образом, за счет низкой оплаты труда, что обуславливает специфическую структуру и профиль бедности – с повышенными рисками для семей с детьми и высокой долей работающих бедных [Овчарова, 2012];

– существенная часть национального дохода не инвестируется в экономику, не создает новые рабочие места и не расширяет средний класс: неравенство столь велико, что, вопреки экономической теории, не стимулирует рост национальной экономики [Novokmet et al., 2017].

2. За последние три года в России потребление мяса сократилось на 2 кг в год на чел., рыбы – на 5 кг, молока и молочных продуктов – на 9 кг, сахара – на 1 кг [Регионы России, 2016]. Это в среднем; существенно хуже стали питаться, прежде всего, некоторые категории «работающих бедных». Главным образом, те из них, кто не занят в «ненаблюдаемой экономике» и не получают свою основную зарплату «в конвертах». Учителя, врачи, работники низшего звена государственных и муниципальных структур – те люди, от которых непосредственно зависит уровень образования и здоровья нации, качество исполнения государственных решений на местах. Ухудшение обеспеченности продуктами питания целевой группы «работающие бедные» является прямой угрозой национальной безопасности: по данным опросов Всероссийского центра изучения общественного мнения, на протяжении последних трех лет в обществе стремительно растет запрос на перемены: в 2017 г их с нетерпением ожидало больше половины респондентов [Социальное самочувствие россиян..., 2017].

3. В то же время постоянно растет численность госслужащих – сейчас уже 2,173 млн человек; если добавить обслуживающий персонал, который также получает зарплату из бюджета, наберется больше 5 млн. Их содержание в 2017 г. обошлось федеральному бюджету в 1,8 трлн руб. - 11% всех собранных налогов; в число богатейших людей страны входят 40 тыс. госслужащих [Юхтанов и др., 2018].

4. По данным исследования «Оценка состояния российской экономики и деятельности органов государственной власти РФ, отвечающих за экономическую политику, населением России»,

– оценка нынешнего состояния российской экономики населением оказалась негативной; перспективные оценки (ожидания от перспектив экономики в 2019 г.) еще хуже, чем оценки состояния российской экономики в 2018 г.; заметно хуже эти оценки у руководителей организаций

– главным генератором тревожности недоверия и скепсиса населения являются государственные органы управления экономического блока правительства

Основные претензии населения: усиление налогового давления на крупный бизнес, увеличение налога на добавленную стоимость с 18% до 20%, усиление процедур налогового администрирования в отношении малого и среднего бизнеса, повышение пенсионного возраста, снижение ключевой ставки Центрального банка, попытки налогового администрирования самозанятого населения. Недоступность кредитных ресурсов как условия для экономического развития – главная претензия населения к Центробанку.

сложилась ситуация, когда главным источником инфляции становятся государственные органы и государственные корпорации

За три года ЦБ подавил инфляцию ценой удушения экономического оборота. И теперь, когда она низкая, госкорпорации поднимают цены на бензин, правительство вводит повышение НДС, увеличивает налоговую нагрузку на и так еле дышащие предприятия и домохозяйства, а ЦБ держит высокую процентную ставку по кредитам.

Все это увеличивает рост цен уже на фоне экономического спада, который от этих мер только углубляется. Дефляционная петля захлестывает экономику и, естественно, что население очень тревожно себя чувствует, испытывая на себе все последствия таких реформ [Оценка состояния российской экономики... 2018].

Системные недостатки социальной политики

1. По данным опроса Института социологии РАН, «институты российского государства, ответственные за состояние социальной сферы, оказались не готовы к нейтрализации рисков массового распространения бедности в условиях кризиса. Бедность продолжает рассматриваться в государственной политике, прежде всего, как проблема социального обеспечения, но не сферы занятости. Кризис 2014—2016 гг. ярко продемонстрировал ошибочность подобного восприятия, равно как и подхода к преодолению отечественной бедности» [Горшков, 2017].

Несмотря на то, что вклад государственных социальных трансфертов в доходы населения достиг исторического максимума, система социальной защиты не является эффективным институтом социальной политики [Овчарова, 2012].

2. Прожиточный минимум не является той минимальной суммой, на которую реально может прожить человек; приемлемым с социальной точки зрения душевым доходом можно считать примерно 2,5 прожиточных минимума для неработающего и 3,5 прожиточного минимума для трудоспособного индивида; в настоящее время доля населения, имеющего душевой доход ниже социально приемлемого уровня составляет 55% от общей численности: до одного прожиточного минимума – 13,5%, от одного до трех прожиточных минимумов – 40% (данные оценки В. Бобкова цит. по [Аксенов, 2017]).

Определение прожиточных минимумов в регионах зачастую имеет не экономический, а административный характер; интересы региональных властей нередко далеки от целей снижения бедности – механизм предоставления социальных льгот используется, главным образом, для формирования лояльных групп населения с высокой электоральной активностью; социальная помощь до сих пор выделяется множеству категорий получателей не по критерию

нуждаемости, а «за особые заслуги», «за особые условия труда (службы)» и т. д.; малоимущие составляют абсолютное меньшинство получателей всех социальных льгот - рубль, выделенный из бюджета на социальные программы, повышает доход бедных всего на 11 копеек [Назаров и др., 2016].

3. Российская система социальной помощи – самая громоздкая в мире: около 800 мер и 300 категорий получателей; социальными программами (не считая пенсий) охвачено 71% населения, но при этом из общего числа малоимущих 19% вообще не получают социальную поддержку (в Греции, славящейся неэффективностью социальной поддержки – 150 мер). [Феоктистова, 2016];

Попытки реформировать систему в 2000-е (монетизация льгот «версия 2.0») в сторону большей адресности провалились – из 800 мер поддержки сегодня лишь 5 адресных. Принцип адресности помощи был закреплен в законодательстве еще в 1999 году, но фактически он не работает.

Предстоит преобразовать (по сути, сломать) существующую систему социальной помощи:

- опираясь на международные стандарты социальной помощи;
- оценивая нуждаемость с учетом всех доходов и имущества;
- введя универсальное пособие для малоимущих;
- изменив межбюджетные отношения так, чтобы бедные, живущие в бедных регионах, не получали помощи меньше, чем бедные из регионов богатых [Назаров и др., 2016].

Увеличить помощь тем, кто в ней нуждается, невозможно, сохранив систему категориальных выплат. Сейчас через введение критериев нуждаемости регионы пытаются справиться со своими раздутыми социальными бюджетами. «Под нож» идут полезные с точки зрения борьбы с бедностью выплаты – пособия для семей с детьми (доля небедных среди получателей ниже – 73-79%). Самые вредные категориальные выплаты, установленные по федеральному законодательству («За заслуги» и т. п., где доля небедных среди получателей – 98%), остаются нетронутыми. Без введения критерия нуждаемости для всех получателей категориальных льгот и «очистки» списка категорий не обойтись [Зотин, 2016].

Основные характеристики и специфические особенности политического режима

1. На протяжении двух десятилетий В. Путин постепенно шаг за шагом разламывал созданную для него Б. Клинтон «клетку» из «красных линий» и трансформировался из объекта управления, кризисного менеджера «корпорации Россия»/исполнительного директора колониальной администрации в самостоятельный субъект, харизматического лидера/вождя нации [Потапов, 2018 а].

К настоящему времени в России практически завершилось формирование политического режима, при котором Президент, обладая уникальной личной легитимностью, опирается «на кланы, лидерами которых являются глава «Роснефти» И. Сечин, гендиректор «Ростеха» С. Чemezov, экс-министр обороны С. Иванов и бывший директор ФСБ Н. Патрушев.» (О. Крыштановская цит. по: [Whitehouse, 2018]). Режим, который мы обозначили как «резидентуры разведки во враждебном окружении» [Потапов, 2018а] утратил свою функциональность и уходит в небытие.

2. Основным механизмом трансформации режима остается «неформальная институционализация»: «властные институты, внешне продолжая существовать в рамках законодательно определенных ролей, действуют в соответствии с качественно иными функциями - консолидации властных ресурсов внутри ограниченного круга представителей политической элиты» [Потапов, 2018а]. «Никакого официального демократического института,

который позволял бы «лидерам кланов», собираться и голосовать, не существует, однако под эгидой В. Путина они весьма эффективно взаимодействуют друг с другом, а тот уже принимает окончательные решения» (О. Крыштановская цит. по [Whitehouse, 2018]).

3. Пусть «со скрипом», но все-таки заработали в России «социальные лифты»; верховная власть начала не просто отбирать и продвигать, но выращивать номенклатуру, выстраивать карьеры госслужащих с перемещением их по горизонтали, из региона в центр и обратно с повышением, как это когда-то практиковалось в СССР [Крыштановская, 1995].

Источником кадров для нового политического истеблишмента России стали:

- обкатанный и проверенный в экстремальных условиях офицерский корпус, для которого жизненно необходим государственный суверенитет, в то время как демократические / либеральные ценности – не просто «пустой звук», а символ унижений, кошмарные воспоминания о разваленной деморализованной армии;

- программы обучения и подготовки кадров, организованных при поддержке администрации президента (программа на базе Высшей школы государственного управления РАНХ и ГС; для вовлечения в управленческую работу ярких «самовыдвиженцев» в 2017 году был начат кадровый проект «Лидеры России».

4. Началось формирование новой генерации региональной политической элиты (менее, чем за два года в результате прямых выборов произошла смена губернаторов в 39 регионах из 85), в основе которого ее «национализация» – с прекращением карьеры из-за «двойной лояльности», практики «жизни на две страны» и т.п. [Акопов, 2018]. И для политической, и для бизнес-элиты эпоха «зарабатываем тут, а тратим там» практически закончилась [Fedorinova et al., 2018].

Репутацию западной цивилизации, как «светоча демократии», которую несколько десятилетий создавали пропагандисты, дипломаты и политики, рассыпалась в прах за несколько лет. Усилиями политического истеблишмента США и ЕС «ценности демократии в России фактически дискредитированы» [Ганжа, 2018]; «слово «демократия» более не применимо к российскому государству – а если и применимо, то со значительными, существенными оговорками» [Соловьев, 2016]; «признаки, атрибуты демократии у нас есть: парламент, партии, процедуры выборов, а самой демократии – не было и не будет» [Коровин, 2018].

5. «Присоединение Крыма к России дало импульс политической мобилизации россиян на поддержку действующей власти на основе воссоздания образа сильного государства, способного влиять на мировую политику. Этот образ укрепился благодаря военной кампании в Сирии в интерпретации российских средств массовой информации» [Шатилов, 2015].

России удалось отбить все атаки США, проводимые Западом. Не дать произойти «Болотной» революции в 2012 году, переиграть НАТО и Запад в Сирии и Крыму, не втянуть себя в ловушку локальных войн на Донбассе и Восточной Европе, перестроить экономику, выдержать и адаптироваться к санкционному давлению.

В. Путин в глазах большинства россиян стал харизматическим лидером: «его легитимность образца 2014 года – это легитимность вождя; она сильнее легитимности человека, победившего на выборах». (Н. Петров цит. по [Разумный, 2018]).

Однако такая легитимность имеет и оборотную сторону – вождь особенно уязвим тем, что он постоянно должен публично подтверждать свой статус, встречая любые вызовы и красиво побеждая, для его власти опасна даже тень сомнения в том, что он «всего лишь» один из политиков.

Показатели политической активности общества, колебания рейтингов

1. По данным опроса Института социологии РАН, Россия находилась в состоянии временной «передышки»; наблюдаются явные улучшения, связанные с завершением экономического кризиса, но есть и симптомы, свидетельствующие о возможности нарастания общественной напряженности.

Наибольшее доверие в мае 2017 г. россияне выражали в отношении «державной триады»: президенту России (72%), российской армии (67%) и православной церкви (51%). Представительным же институтам, олицетворяющим демократию, наши сограждане доверяют в гораздо меньшей степени. Тем не менее, наиболее острым противоречием россияне посчитали противоречие между властью и народом – его назвали 36% респондентов. С учетом того, что такое противоречие во многом совпадает с конфликтами между чиновниками и гражданами, между бедными и богатыми, а также между олигархами и остальным обществом, следует обратить внимание на то, что хотя бы один из этих конфликтов (первых четырех по частоте упоминания) во время опроса выделили 69% россиян [Горшков, 2017, 67-71].

2. Социальное напряжение начало расти с конца 2017 года. «Закончилась крымская эйфория, накопилась усталость от состояния мобилизации, за последние четыре года реальные доходы граждан упали на 11-13%, продолжался рост цен. Кроме того, был очень силен страх большой войны. Напряжение перестало расти в марте 2018 г., когда были президентские выборы, но в апреле вновь стало усиливаться: власти объявили о повышении налогов, начался рост цен» (Л. Гудков цит. по [Разумный, 2018]).

3. По результатам мониторинга политической температуры российского общества «Центра Сулакшина» (август 2018 года) распределение респондентов на три основные группы (равнодушные, провластные и контрвластные) заметно изменился – численность россиян, в той или иной степени несогласных с действиями властей, оказалась максимальной за всю историю проведения мониторинга, с апреля 2011 года. Каждый второй (52%) выступил с критикой проводимой в стране политики; резко негативные оценки озвучили 14% респондентов; численность радикально настроенных граждан превзошла численность «абсолютных лоялистов» почти в три раза [Сулакшин, Захаренко, 2018].

4. В конце сентября 2018 года по опросам ВЦИОМ, рейтинг доверия В. Путину упал с 52,4% в конце ноября 2017 г. до 36,8%; в октябре 2018 года уровень одобрения деятельности Президента РФ составил 63,8%, Правительства России – 41,3% [Рейтинги доверия политикам..., 2018]. По данным Фонда «Общественное мнение», в сентябре 2018 года электоральный рейтинг В. Путина по сравнению с IV кварталом 2017 г. снизился с 68 до 45%, доверие – с 80 до 58%. Резкое падение произошло после объявления о пенсионной реформе: в мае В. Путину доверяли 76%, в июле – 61%. Снова снизился – с 34–35 до 31% – стабилизировавшийся было в связи с выборами электоральный рейтинг «Единой России» [Опрос «Недовольство властями», 2018].

5. По материалам опросов «Левада-центра» рейтинг доверия к президенту по сравнению с 2017 годом снизился на 17% до 58%, вернувшись к «докрымскому» уровню. После армии и президента сильнее всего респонденты традиционно доверяют ФСБ и спецслужбам (50%), церкви (48%) и благотворительным организациям (38%). Не изменились за год и лидеры антирейтинга институционального доверия, среди которых крупный бизнес, политические партии (доверяет по 16%), Госдума (23%) и правительство (27%). Уровень доверия к Правительству в 2018 году сейчас ниже, чем в 2012 году, когда он составлял 29% [Опрос «Институциональное доверие», 2018]. «Рейтинг у этих структур упал меньше, чем у президента, потому что он изначально был низкий и надежд на них никто не возлагал» (Д. Волков цит. по [Шамардина, 2018, 4]).

6. «Фиксируемые различными группами социологов колебания рейтингов носят волнообразный характер. Такая ситуация позволяет говорить об устойчивости общественно-политической ситуации, настроений россиян. Не оправдались негативные прогнозы относительно снижения легитимности власти после принятия окончательного решения по формату изменений в пенсионное законодательство» (М. Мамонов цит. по [Кравченко, 2018]).

Однако с этой «благостной» оценкой не согласны многие российские и западные авторы.

Проблемы политического режима

1. По мнению J. C. Behrends [2018], «в настоящий момент Россия находится в стадии тлеющего кризиса авторитарной системы, внутривластной стагнации, напоминающей застой брежневской эпохи в 1970-е годы /.../

В связи с экономическим кризисом растет чувство неудовлетворенности со стороны городских элит России. Можно наблюдать возвращение в зачаточной стадии к политическому плюрализму в России. США и Европе стоит задуматься над тем, как можно достучаться до сознания российского общества»

2. А.И. Соловьев [2016]. пишет о состоянии представительства и представительного управления в России: «слой российских управляющих (элиты), как он считает, не представляет гражданские интересы, не ориентируется на развитие общества. Поэтому политика лишилась своих идейных и нравственных оснований, приближаясь к Средневековью, где договорные стратегии властей замыкались в рамках высших слоев, которые не испытывали морального долга перед обществом». По мнению А. Савельева, «главная опасность заключается в том, что у сегодняшних российских политиков нет эффективного противостояния против предполагаемой информационной всеобъемлющей войны, потому что «они и сами не прочь подкормиться» от различных НКО и благотворительных фондов» цит. по [Цесельский, 2017]. Депутат О. Алимова, попавшая в Госдуму по итогам довыборов в сентябре 2018 г., на пленарном заседании с трибуны обвинила чиновников в утрате связи с реальностью. «Власть «не чувствует социального раскола, а продолжает доить собственный народ /.../. «Обычные, извините, зажавшиеся чиновники, которые ошалели от вседозволенности и день за днем утрачивают связь с реальностью, порождая в людях апатию, безразличие, а порой даже и ненависть, которые в итоге могут вырасти в агрессию» (цит. по: [Володин поспорил... 2018]).

3. В настоящее время в российском истеблишменте началась ожесточенная борьба между «консерваторами» и «либералами», которые придерживаются совершенно разных ценностей. Против представителей одной группы США ввели персональные санкции. Это в основном различного рода топ-менеджеры, связанные с промышленностью, а также некоторые государственные чиновники высшего ранга. Против представителей другой группы вводить санкции не стали. По мнению М.Л. Хазина [2018 б], от победы одной или другой группы зависит будущее России.

4. По мнению Н.А. Баранова [2017], наиболее проблемными элементами политической системы России являются

- бюрократизация, которая пронизала все сферы жизнедеятельности общества;
- принятие решений органами исполнительной власти в отрыве от представительных органов власти и общественности, которые вызывают резко негативную реакцию со стороны заинтересованных слоев населения и, в итоге, снижают степень доверия населения к региональным политическим режимам;
- недоверие элит к гражданскому обществу;
- рост бедности населения – главная угроза стабильности политического режима

5. Существенно более конкретную и четкую характеристику состояния политического режима России дает экс-глава ЦРУ М. Morell – по утверждению «The Washington Post» «один из тех закулисных американских политиков – влиятельных американцев, которые объясняют каждому новому президенту США, какой именно должна быть его политика». В статье, озаглавленной «Putin is afraid of one thing – make him think it could happen» он пишет: «К настоящему времени созрели все условия для разделения России на несколько независимых государств /.../ Для достижения этой цели усиление экономических санкций должно совпасть по времени с пенсионной реформой, проведения которой в ультимативной форме требует МВФ, и рядом других структурных реформ правительства, которые вызовут существенное повышение налогов».

В отношении России «в настоящее время затевается крупная диверсия, аналогичная той, что предпринималась в 90-е годы» (А. Савельев цит. по [Цесельский, 2017]). «За 25 лет активной работы все, что нужно, закулисные американские политики уже заложили. Теперь их люди в России могут развиваться автономно. Все, что они делали ранее, было подготовительной работой, чтобы размягчить общество и повлиять на власть. Теперь они перешли в открытое наступление» (А. Манойло цит. по [Булгару, 2018]). Однако все они играют вспомогательную роль

М. Morell четко выделяет две основные движущие силы грядущего переворота – организации, которые «спровоцируют в России беспорядки и смену политического режима»: МВФ и Правительство России [Morell, 2018],

Внешние Вызовы политического режима (со стороны МВФ)

Статья М. Morell была опубликована в начале августа 2018 года – по-видимому, именно тогда «МВФ жестко «надавил» на российскую власть и даже негласно чем-то угрожал: МВФ способен, например, одномоментно отозвать все кредиты российским компаниям, а это удар по экономике страшнейший». [Хазин, 2018 а].

Ранее В. Путин регулярно выступал против повышения пенсионного возраста. В начале 2000-х он говорил, что, пока он является президентом, пенсионный возраст никто не тронет, а в 2015 году Путин уже говорил, что пенсионный возраст мужчинам повышать нельзя ни в коем случае, он даже говорит более категорично – повышать пенсионный возраст мужчинам до 65 лет «невозможно». Внезапно, спустя всего 3 года, это стало возможно. Но разве меняются так радикально взгляды у человека, который последовательно с 2000 по 2015 гг. публично выступал против повышения пенсионного возраста?

Вероятно, условия признания США власти В. Путина были таковы, что МВФ для него до сих пор находится за запретной «красной линией», которую ни при каких условиях, под угрозой смерти, нельзя пересекать.

Принятие пенсионной реформы – публичное унижение и мощный удар по авторитету Президента, «удар ниже пояса» со стороны элиты «глобального проекта».

Это – Вызов, на который Вождь не смог адекватно ответить. Как, вероятно не сможет ответить и на следующие Вызовы – указания МВФ, разрушительные для экономики России.

Внутренние Вызовы политического режима (со стороны «экономического блока» Правительства)

1. «Скрытые акционеры» из числа представителей высшей государственной бюрократии все еще столь влиятельны, что майские (2012 г.) указы президента о создании до 2020 г. 25 млн. высокотехнологичных и высокооплачиваемых рабочих мест в результате саботажа «экономического блока» правительства были провалены.

Сразу после инаугурации Президент подписал новый «майский указ». В обозначены показатели, которых должна достигнуть Россия до 2024 года; в числе прочего, войти в топ-5 экономик мира, обеспечив темпы экономического роста выше мировых. Саботаж этого указа начался сразу же после его опубликования.

Так, в Заключении Счетной палаты РФ на проект ФЗ «О федеральном бюджете на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов» [2018] утверждается, что прогнозируемые темпы роста ВВП не позволят России войти в топ-5 крупнейших экономик мира.

2. По публикуемым в СМИ мнениям экспертов, комплекс экономических реформ правительства – усиление налогового давления на крупный бизнес, увеличение налога на добавленную стоимость, усиление процедур налогового администрирования в отношении малого и среднего бизнеса, повышение пенсионного возраста, снижение ключевой ставки Центрального банка, попытки налогового администрирования самозанятого населения – непременно приведут «как к прямому негативному эффекту для экономики России в виде повышения цен, в том числе и на социально значимые товары через цепочки контрагентов, в результате чего себестоимость товаров повысится, так и к косвенному эффекту – увеличат издержки для бизнеса и, как следствие, снизят инвестиционную активность» (А. Коренев цит. по [Еремина, 2018]).

Как доказывается в исследовании Института стратегического анализа ФБК, в развитых странах совершить экономический рывок помогает низкая налоговая нагрузка, развитие сферы услуг, стабильная экономика и отсутствие неблагоприятных геополитических факторов [Николаев, Марченко, 2018]. Ничего этого в России нет и не будет – разумеется, если и далее следовать рекомендациям МВФ.

3. Выступление Председателя Конституционного суда В. Зорькина в Российской газете по вопросу предстоящих реформ государственного управления было посвящено приведению местных органов в положение, исключающее противопоставление их органам государственной власти.

Когда-то В. Путин назвал национально-территориальный принцип устройства СССР и РСФСР миной замедленного действия под государством. В царской России был вполне оптимальный принцип территориального устройства – губернии.

Реформа государственного управления, будет, прежде всего, изменением принципов территориального управления. Федеративное устройство России претерпит изменения в направлении создания губерний как более укрупненных субъектов федерации. Планируется определить, что губерния будет включать в себя население численностью в 4 - 5 миллионов человек и таких губерний будет 20-30.

Это позволит уйти от национального деления территории страны. Можно будет избавиться от такого декоративного института управления, как Федеральные округа. При этом донорские территории будут соединены с дотационными. Нагрузка по их финансированию будет распределена между госкомпаниями. Это повысит экономическую устойчивость губерний. Сократится аппарат управления, снизятся затраты на его содержание. Вместо нынешних губернаторов, которые, по сути, являются переименованными прежними первыми секретарями обкомов правящей партии, будут назначаться генерал-губернаторы с большими бюджетными и правовыми полномочиями.

Разумеется, для реализации этой программы может потребоваться корректировка некоторых статей Конституции [Халдей, 2018].

Однако мы вынуждены усомниться, что эта архиважная реформа государственного управления в обозримом будущем состоится. Дело в том, что вокруг правительства за долгие

годы правления сформировался пул лоббистов, которые «решают вопросы». Любое существенное изменение состава правительства – не говоря уже об изменении системы государственного управления – означает, что у этих лоббистов начались проблемы. Весьма возможно, что завтра на их место придут уже другие лоббисты. Те, кто «решают вопросы» сегодня, сильно заинтересованы в том, чтобы решить быстро те проблемы, которые еще можно успеть. Можно предположить, что будет делаться конкретно. Достаточно просто пройти по некоторым темам последних месяцев. Крабовые аукционы, назначения новых руководителей на «вкусные» компании, попытки приватизировать оборонные предприятия, расположенные в крупных городах на «вкусных» местах с мгновенным их разрушением и началом строек «эксклюзивных жилищных комплексов», проведение аукционов по распределению недр и так далее. Заводы, которые хотят отдать под застройку, компании, в которых хотят сменить руководство тоже известны. Пользы для государства, разумеется, не будет никакой, но лоббисты-вредители не успокоятся точно, пока не закончится политическая пертурбация [Хазин, 2018б].

Все это – Вызовы, на которые Вождь не может ответить. Как, вероятно не сможет противостоять и другим распоряжениям МВФ, разрушительным для экономики России.

Заключение

Новый политический режим России практически сформировался – однако за последние годы возникли описанные нами выше качественно новые Вызовы, которые настоятельно требуют, чтобы он обрел национальную субъектность. Настало время не только для реформирования системы государственного управления, но и для принятия неотложных мер по полному переформатированию политического пространства: опросы показывают, что только 10% населения поддерживают либеральные идеи, которые лежат в основе политики Правительства, а остальные 90% (до пенсионной реформы было 80%) активно выступают против.

В СМИ уже началась дискуссия о необходимости проведения конституционной реформы. Некоторые авторы доказывают необходимость внесения в Конституцию изменений, связанных с доведением и наладкой конструкции власти, в том числе, ее передачи, дабы обеспечить необходимую преемственность.

Если не придумывать ничего специально, то место для В. Путина после отставки уже есть – это Конституционный суд. Достаточно внести соответствующие изменения в Конституцию и Закон о Конституционном суде. Т.е. в день инаугурации уходящий президент из гаранта Конституции автоматически становится председателем Конституционного суда, и продолжает поддерживать все основные конституционные нормы, только уже в новом качестве.

Действовать новому президенту придется с оглядкой на прежнего – если решения нового президента нарушают Конституцию, то они могут быть оспорены и отменены. А при злостном нарушении президент может быть отстранен решением Конституционного суда [Ларин, 2018].

В России доминирует ценностно-нормативная система, стержнем которой является особая роль государства. Это отнюдь не означает массовую потребность в авторитарном режиме и уж тем более в тоталитарном строе; речь идет о характерном для России восприятии общества как некой ипостаси державы. Воплощение державной модели в глазах россиян предполагает всеобщую солидарность в отношении граждан и помощь тем, кто не преуспел или попал в беду.

Носителем державного понимания общества и державной версии патриотизма является

подавляющая часть российского населения, а не какие-либо конкретные социальные группы.

За ощущением державы у россиян стоит чувство общности друг с другом как представителями единого целого, в основе существования которого – общность взглядов на основополагающие нормы и ценности [Горшков, 2017, 54-56].

В истории России преобладало общинное устройство социума; в специфической российской модели идеального политического режима, вождь непременно защищает свой народ от произвола бояр/номенклатуры /олигархов.

В Византии эта модель политического режима успешно использовалась властителями на протяжении тысячелетия. В России так правил Иван Грозный; к ней обратился И. Сталин – и его власть превратилась в «культ», который, собственно, и позволил мобилизовать страну для победы в Великой Отечественной войне.

В наши дни Россия при малейшей возможности стремится жить общиной, которая, наделяя власть сакральностью, желает и стремится обрести харизматического вождя – потому что «только он может навести в стране порядок и приструнить кланы современных «бояр» – олигархов и чиновников» [Коровин, 2018].

Попытаемся ответить на вопрос: кто из мировых лидеров наиболее подходит на роль главы такой державы? Перебрав множество вариантов мы неожиданно для себя обнаружили, что наилучшей кандидатурой является тандем «король Саудовской Аравии Салман бен Абдель Азиз Аль Сауд» - «наследный принц Мухаммед бен Сальман Аль Сауд».

По нашему мнению, в условиях, когда действующий президент уже не может справиться с внешними и внутренними Вызовами со стороны МВФ и со стороны «экономического блока» Правительства, России необходимо разделение обязанностей Президента на «стратегические» и «тактические».

К настоящему времени в России сложился определенный обычай транзита высшей власти. Следуя этому обычаю, после внесения соответствующих изменений в Конституцию, В. Путин, по примеру Б. Ельцина, может в любой момент (и, как нам кажется, чем раньше, тем лучше) назначить своего приемника исполняющим обязанности Президента.

Обязанности разработчика стратегий и верховного арбитра между кланами, «Суверена и Гаранта Конституции» должен взять на себя новый председатель Конституционного суда В. Путин – больше просто некому.

Обязанности «тактического вождя-главнокомандующего» (желательно, схожего по психологическому профилю и личностным качествам с наследным принцем Саудовской Аравии) должны перейти к новому Президенту. У которого будут совсем иные, чем у В. Путина, «красные линии», которые ни при каких обстоятельствах нельзя пересекать.

Библиография

1. Абелинские В.Э. Влияние политической элиты на трансформации государственных институтов современной России : дис. ... канд. полит. наук. М., 2016. 227 с.
2. Акопов П. Зачем Кремль сменил половину российских губернаторов. URL: <https://vz.ru/politics/2018/10/12/945712.html>
3. Аксенов С. Еда, способная подорвать страну. URL: <https://svpressa.ru/society/article/174342/>
4. Баранов Н.А. Внешние факторы влияния на трансформацию политической системы современной России. URL: <http://www.ukros.ru/wp-content/uploads/2017/01/baranov1.doc>
5. Булгару Д. «Идет подготовка к 2024 году»: как бюджет США продолжает тратить миллионы на «поддержку демократии» в России. URL: https://russian.rt.com/world/article/557944-ssha-fond-ned-granty-smi?utm_campaign=transit&utm_source=mirtesen&utm_medium=news &from=mirtesen

6. Володин поспорил с депутатом от КПРФ после ее слов об утрате связи власти с реальностью. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2018/10/16/783782-volodin>
7. Ганжа А.Н. Неопатримониализм в России: политико-режимная динамика и факторы консолидации // S.P.A.C.E. 2018. № 8. С.15-20.
8. Горшков М.К. Российское общество в контексте новой реальности. К итогам и продолжению социологического мегапроекта. М.: Весь Мир, 2017. 104 с.
9. Еремина Н. Прорыва не будет: что мешает России. URL: <https://www.msn.com/ru-ru/money/news/прорыва-не-будет-что-мешает-россии/ar-BBOtvjV?ocid=spartandhp>
10. Заключение Счетной палаты РФ на проект федерального закона «О федеральном бюджете на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов».
11. Зотин А. Кому достается государственная социальная помощь. URL: <https://finance.rambler.ru/news/2016-11-02/komu-dostaetsya-gosudarstvennaya/>
12. Игнатов О. Почему у Запада не получается «изменить поведение» Кремля. URL: <http://actualcomment.ru/pochemu-u-zapada-ne-poluchaetsya-izmenit-povedenie-kremlya-1810121112.html>
13. Коровин В. Smart олигархия: есть ли у российского «большого бизнеса» социальная ответственность? URL: http://zavtra.ru/blogs/smart_oligarhiya
14. Кравченко Г. Негативные прогнозы относительно снижения легитимности власти не оправдались. URL: <https://vz.ru/news/2018/10/12/945883.html>
15. Крыштановская О. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 51-65.
16. Ларин А. После Путина: как удержать преемника в русле «Крымского консенсуса»? URL: <http://www.iarex.ru/articles/60615.html>
17. Назаров В. и др. Эффективная социальная поддержка населения. Версия 3.0: адресность, нуждаемость, универсальность. М., 2016. 36 с.
18. Николаев И.А., Марченко Т.Е. Рынок в экономическом развитии. URL: <https://www.fbkr.ru/upload/medialibrary/bfc/Doclad.pdf>
19. Овчарова Л.Н. Предложения для стратегии содействия сокращению бедности в современной России // Уровень жизни населения регионов России. 2012. № 10-11. С. 78-88.
20. Опрос «Институциональное доверие» 20-26 сентября 2018 года. URL: <https://www.levada.ru/2018/10/04/institutsionalnoe-doverie-4/>
21. Опрос «Недовольство властями». 6-7 октября 2018 года. URL: http://bd.fom.ru/report/map/dominant/dom_4018/d401804
22. Оценка состояния российской экономики и деятельности органов государственной власти РФ, отвечающих за экономическую политику, населением России. Аналитический отчет по итогам социологического исследования. URL: <https://www.slideshare.net/ssuser285c42/research-report-about-economic-situation-of-russia-2018-2019>
23. Потапов Д.В. Трансформация политического режима России в концептах демократического транзита и в политической реальности // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Том 7. No 4А. С. 27-49.
24. Разумный Е. Доверие пятой части россиян потерял Владимир Путин за прошедший год. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2018/10/07/783015-doverie-pyatoi-chasti-rossiyan>
25. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: Стат. сб. М., 2016. 1326 с.
26. Рейтинги доверия политикам, одобрения работы государственных институтов, рейтинги партий. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9378>
27. Соловьев А.И. Государство как производитель политики // Полис. 2016. № 2. С. 90-108.
28. Социальное самочувствие россиян: мониторинг. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Пресс-выпуск № 3437, 09.08.2017. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116346>
29. Сулакшин С.С., Захаренко Н.А. Мониторинг политической температуры российского общества (август 2018 года). URL: <http://rusrand.ru/science/monitoring-politicheskoy-temperatury-rossiyskogo-obschestva>
30. Феоктистова О. Презентация Эффективная социальная поддержка населения. Версия 3.0: адресность, нуждаемость, универсальность. URL: http://www.nifi.ru/images/FILES/NEWS/MFF2016/1_Feoktistova.pdf
31. Хазин М.Л. Базовая модель и ее базовые проблемы. URL: <https://khazin.ru/articles/10-vlast-i-obshhestvo/61853-zapreshhenka-bazovaya-model-i-ee-bazovye-problemy>
32. Хазин М.Л. На злобу дня. URL: <https://khazin.ru/articles/10-vlast-i-obshhestvo/62463-na-zlobu-dnja>
33. Халдей А. Дойдем ли до конституционной реформы? URL: <http://www.iarex.ru/articles/60722.html>
34. Цесельский И. Сорос выделяет деньги на революцию в России 18 млрд. URL: <https://professional.ru/Soobschestva/politika/soros-vydeljaet-dengi-na-revoljutsiju-v-ru/Soobschestva/politika/soros-vydeljaet-dengi-na-revoljutsiju-v/>
35. Шамардина Л. Пенсионная реформа перечеркнула Крым. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3759662>
36. Шатилов А.Б. «Крымский консенсус» российской элиты: причины и последствия // Вестник Финансового университета. 2015. № 2 (18). С. 6-13.

37. Юхтанов А. и др. Уволить каждого третьего. Как бороться с засильем чиновников в России? URL: http://www.aif.ru/politics/russia/pochemu_chinovnikov_v_rossii_vsyo_bolshe
38. Behrends J.C. Die neue (P)Ostpolitik. URL: <https://www.ipg-journal.de/rubriken/aussen-und-sicherheitspolitik/artikel/die-neue-postpolitik-3028/>
39. Fedorinova Y., Arkhipov I, Pismennaya E.U.S. Sanctions Are Driving Russian Billionaires Into Putin's Arms. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-09-21/u-s-sanctions-are-driving-russian-billionaires-into-putin-s-arms?srd=premium-europe>
40. Kagan R. The Jungle Grows Back: America and Our Imperiled World. Knopf, 2018. 192 p.
41. Morell M. Putin is afraid of one thing. Make him think it could happen. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/putin-is-afraid-of-one-thing-make-him-think-it-could-happen/2018/08/07/edbe08b4-998b-11e8-b60b-1c897f17e185_story.html?noredirect=on&utm_term=.6d96d502a503
42. Novokmet F., Piketty T., Zucman G. From soviets to oligarchs: inequality and property in Russia, 1905-2016. URL: <http://www.nber.org/papers/w23712>
43. Whitehouse M. What Comes After Putin Could Be Trouble. Interview with O. Kryshatanovskaya. URL: <https://www.bloomberg.com/view/articles/2018-08-25/putin-s-succession-plan-could-be-trouble-for-russia>

Prospects for Russia to gain a national subjectivity of the political regime

Denis V. Potapov

Postgraduate,
Voronezh State University,
394006, 1, Universitetskaya square, Voronezh, Russian Federation;
e-mail: dvpw@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the study of the prospects for achieving the national subjectivity of the political regime of Russia. In this context, a wide range of factors influencing the choice of strategy and methods of transforming the regime as a subject of the financial and political elite of the “global project”, whose interests are articulated by the political establishment of the United States and the largest EU countries, are considered. The results of the analysis of the most acute problems of the national economy are presented. The most significant problems of the political regime, both external challenges from the IMF and internal challenges associated with the activities of the “economic bloc” of the Government, are revealed. The proposal to include provisions on the new order of transit of the supreme power in the reform program of the state administration system by transferring some part of the duties of the current President to his successor is substantiated. By now, Russia has developed a certain custom of transit for the higher authorities, following which, after making the relevant amendments to the Constitution, V. Putin, following the example of B. Yeltsin, can at any moment (and, we think, the sooner the better) appoint Acting President of his chosen successor.

For citation

Potapov D.V. (2018) Perspektivy obretneniya Rossiei natsional'noi sub"ektnosti politicheskogo rezhima [Prospects for Russia to gain a national subjectivity of the political regime]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 7 (5A), pp. 238-254.

Keywords

Political regime, transformation, subjectivity, political establishment, reform, government, community structure of society.

References

1. Abelinskaite V.E. (2016) *Vliyanie politicheskoi elity na transformatsii gosudarstvennykh institutov sovremennoi Rossii. Doct. Dis.* [The influence of the political elite on the transformation of state institutions of modern Russia. Doct. Dis.]. Moscow.
2. Akopov P. *Zachem Kreml' smenil polovinu rossiiskikh gubernatorov* [Why the Kremlin replaced half of Russian governors]. Available at: <https://vz.ru/politics/2018/10/12/945712.html> [Accessed 10/10/2018]
3. Aksenov S. *Eda, sposobnaya podorvat' stranu* [Food that can undermine the country]. Available at: <https://svpressa.ru/society/article/174342/> [Accessed 10/10/2018]
4. Baranov N.A. *Vneshnie faktory vliyaniya na transformatsiyu politicheskoi sistemy sovremennoi Rossii* [External factors influencing the transformation of the political system of modern Russia]. Available at: <http://www.ukros.ru/wp-content/uploads/2017/01/baranov1.doc> [Accessed 10/10/2018]
5. Behrends J.C. *Die neue (P)Ostpolitik*. Available at: <https://www.ipg-journal.de/rubriken/aussen-und-sicherheitspolitik/artikel/die-neue-postpolitik-3028/> [Accessed 10/10/2018]
6. Bulgaru D. *«Idet podgotovka k 2024 godu»: kak byudzhet SShA prodolzhaet tratit' milliony na «podderzhku demokratii» v Rossii* [“Preparations for the year 2024”: how the US budget continues to spend millions on “supporting democracy” in Russia]. Available at: https://russian.rt.com/world/article/557944-ssha-fond-ned-granty-smi?utm_campaign=transit&utm_source=mirtesen&utm_medium=news&from=mirtesen [Accessed 10/10/2018]
7. Eremina N. *Proryva ne budet: chto meshaet Rossii* [There will be no breakthrough: what prevents Russia from it]. Available at: <https://www.msn.com/ru-ru/money/news/proryva-ne-budet-chto-meshaet-rossii/ar-BBOtvjV?ocid=spartandhp> [Accessed 10/10/2018]
8. Fedorinova Y., Arkhipov I., Pismennaya E. *U.S. Sanctions Are Driving Russian Billionaires Into Putin's Arms*. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-09-21/u-s-sanctions-are-driving-russian-billionaires-into-putin-s-arms?srnd=premium-europe> [Accessed 10/10/2018]
9. Feoktistova O. *Prezentatsiya Effektivnaya sotsial'naya podderzhka naseleniya. Versiya 3.0: adresnost', nuzhdaemost', universal'nost'* [Presentation: Effective social support of the population. Version 3.0: targeting, need, versatility]. Available at: http://www.nifi.ru/images/FILES/NEWS/MFF2016/1_Feoktistova.pdf [Accessed 10/10/2018]
10. Ganzha A.N. (2018) *Neopatrimonializm v Rossii: politiko-rezhimnaya dinamika i faktory konsolidatsii* [Neopatrimonialism in Russia: political-regime dynamics and factors of consolidation]. *S.P.A.C.E.*, 8, pp. 15-20.
11. Gorshkov M.K. (2017) *Rossiiskoe obshchestvo v kontekste novoi real'nosti. K itogam i prodolzheniyu sotsiologicheskogo megaproekta* [Russian society in the context of a new reality. To the results and continuation of a sociological megaproject]. Moscow: Ves' Mir Publ.
12. Ignatov O. *Pochemu u Zapada ne poluchaetsya «izmenit' povedenie» Kremlya* [Why the West fails to “change the behavior” of the Kremlin]. Available at: <http://actualcomment.ru/pochemu-u-zapada-ne-poluchaetsya-izmenit-povedenie-kremlya-1810121112.html> [Accessed 10/10/2018]
13. Kagan R. (2018) *The Jungle Grows Back: America and Our Imperiled World*. Knopf.
14. Khaldei A. *Doidem li do konstitutsionnoi reformy?* [Will we reach constitutional reform?]. Available at: <http://www.iarex.ru/articles/60722.html> [Accessed 10/10/2018]
15. Khazin M.L. *Bazovaya model' i ee bazovye problem* [The basic model and its basic problems]. Available at: <https://khazin.ru/articles/10-vlast-i-obshhestvo/61853-zapreshhenka-bazovaya-model-i-ee-bazovye-problemy> [Accessed 10/10/2018]
16. Khazin M.L. *Na zlobu dnya* [On the daily agenda]. Available at: <https://khazin.ru/articles/10-vlast-i-obshhestvo/62463-na-zlobu-dnja> [Accessed 10/10/2018]
17. Korovin V. *Smart oligarkhiya: est' li u rossiiskogo «bol'shogo biznesa» sotsial'naya otvetstvennost'?* [Smart oligarchy: does the Russian “big business” have social responsibility?]. Available at: http://zavtra.ru/blogs/smart_oligarhiya [Accessed 10/10/2018]
18. Kravchenko G. *Negativnye prognozy otnositel'no snizheniya legitimnosti vlasti ne opravdalis'* [Negative predictions regarding the decline of the legitimacy of the authorities did not materialize]. Available at: <https://vz.ru/news/2018/10/12/945883.html> [Accessed 10/10/2018]
19. Kryshstanovskaya O. (1995) *Transformatsiya staroi nomenklatury v novuyu rossiiskuyu elitu* [Transformation of the old nomenclature into the new Russian elite]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 1, pp. 51-65.

20. Larin A. *Posle Putina: kak uderzhat' preemnika v rusle «Krymskogo konsensusa»?* [After Putin: how to keep the successor in line with the "Crimean consensus"?]. Available at: <http://www.iarex.ru/articles/60615.html> [Accessed 10/10/2018]
21. Morell M. *Putin is afraid of one thing. Make him think it could happen*. Available at: https://www.washingtonpost.com/opinions/putin-is-afraid-of-one-thing-make-him-think-it-could-happen/2018/08/07/edbe08b4-998b-11e8-b60b-1c897f17e185_story.html?noredirect=on&utm_term=.6d96d502a503 [Accessed 10/10/2018]
22. Nazarov V. et al. (2016) *Effektivnaya sotsial'naya podderzhka naseleniya. Versiya 3.0: adresnost', nuzhdaemost', universal'nost'* [Effective social support of the population. Version 3.0: targeting, need, versatility]. Moscow.
23. Nikolaev I.A., Marchenko T.E. *Ryvok v ekonomicheskom razvitii* [Breakthrough in economic development]. Available at: <https://www.fbk.ru/upload/medialibrary/bfc/Doclad.pdf> [Accessed 10/10/2018]
24. Novokmet F., Piketty T., Zucman G. *From soviets to oligarchs: inequality and property in Russia, 1905-2016*. Available at: <http://www.nber.org/papers/w23712> [Accessed 10/10/2018]
25. *Opros «Institutsional'noe doverie» 20-26 sentyabrya 2018 goda* [Institutional Trust Survey September 20-26, 2018]. Available at: <https://www.levada.ru/2018/10/04/institutsionalnoe-doverie-4/> [Accessed 10/10/2018]
26. *Opros «Nedovol'stvo vlastyami». 6-7 oktyabrya 2018 goda* [Survey "Discontent with the authorities". October 6-7, 2018]. Available at: http://bd.fom.ru/report/map/dominant/dom_4018/d401804 [Accessed 10/10/2018]
27. *Otsenka sostoyaniya rossiiskoi ekonomiki i deyatelnosti organov gosudarstvennoi vlasti RF, otvechayushchikh za ekonomicheskuyu politiku, naseleniem Rossii. Analiticheskii otchet po itogam sotsiologicheskogo issledovaniya* [Assessment of the state of the Russian economy and the activities of government bodies of the Russian Federation responsible for economic policy, the population of Russia. Analytical report on the results of a sociological study]. Available at: <https://www.slideshare.net/ssuser285c42/research-report-about-economic-situation-of-russia-2018-2019> [Accessed 10/10/2018]
28. Ovcharova L.N. (2012) *Predlozheniya dlya strategii sodeistviya sokrashcheniyu bednosti v sovremennoi Rossii* [Proposals for strategies to promote poverty reduction in modern Russia]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [The standard of living of the population of the regions of Russia], 10-11, pp. 78-88.
29. Potapov D.V. (2018) *Transformatsiya politicheskogo rezhima Rossii v kontseptakh demokratcheskogo tranzita i v politicheskoi real'nosti* [Transformation of Russia's political regime in the concepts of democratic transit and in the political reality]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 7, 4A, pp. 27-49.
30. Razumnyi E. *Doverie pyatoi chasti rossiyan poteryal Vladimir Putin za proshedshee god* [The trust of the fifth part of the Russians was lost by Vladimir Putin over the past year]. Available at: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2018/10/07/783015-doverie-pyatoi-chasti-rossiyan> [Accessed 10/10/2018]
31. (2016) *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2016: Stat. sb.* [Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2016: Statistics]. Moscow.
32. *Reitingi doveriya politikam, odobreniya raboty gosudarstvennykh institutov, reitingi partii* [Ratings of confidence in politicians, approval of the work of state institutions, ratings of parties]. Available at: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9378> [Accessed 10/10/2018]
33. Shamardina L. *Pensionnaya reforma perecherknula Krym* [Pension reform crossed out the Crimea]. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3759662> [Accessed 10/10/2018]
34. Shatilov A.B. (2015) «Krymskii konsensus» rossiiskoi elity: prichiny i posledstviya ["Crimean consensus" of the Russian elite: causes and consequences]. *Vestnik Finansovogo universiteta* [Bulletin of the Financial University], 2 (18), pp. 6-13.
35. Solov'ev A.I. (2016) *Gosudarstvo kak proizvoditel' politiki* [The state as a policy maker]. *Polis*, 2, pp. 90-108.
36. *Sotsial'noe samochuvstvie rossiyan: monitoring. Vserossiiskii tsentr izucheniya obshchestvennogo mneniya (VTsIOM), Press-vypusk № 3437, 09.08.2017* [Social well-being of Russians: monitoring. All-Russian Center for the Study of Public Opinion, Press-issue No. 3437, 09.08.2017]. Available at: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116346> [Accessed 10/10/2018]
37. Sulakshin S.S., Zakharenko N.A. *Monitoring politicheskoi temperatury rossiiskogo obshchestva (avgust 2018 goda)* [Monitoring the political temperature of the Russian society (August 2018)]. Available at: <http://rusrand.ru/science/monitoring-politicheskoy-temperatury-rossiyskogo-obshchestva> [Accessed 10/10/2018]
38. Tsesel'skii I. *Soros vydelaet den'gi na revolyutsiyu v Rossii 18 mlrd.* [Soros allocates 18 billion dollars for the revolution in Russia]. Available at: <https://professional.ru/Soobschestva/politika/soros-vydeljaet-dengi-na-revoljutsiju-v/r/Soobschestva/politika/soros-vydeljaet-dengi-na-revoljutsiju-v/> [Accessed 10/10/2018]
39. *Volodin posporil s deputatom ot KPRF posle ee slov ob utrate svyazi vlasti s real'nost'yu* [Volodin argued with a deputy from the Communist Party of the Russian Federation after her words about the loss of the connection of power with reality]. Available at: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2018/10/16/783782-volodin> [Accessed 10/10/2018]
40. Whitehouse M. *What Comes After Putin Could Be Trouble. Interview with O. Kryshchanovskaya*. Available at: <https://www.bloomberg.com/view/articles/2018-08-25/putin-s-succession-plan-could-be-trouble-for-russia> [Accessed 10/10/2018]

-
41. Yukhtanov A. et al. *Uvolit' kazhdogo tret'ego. Kak borot'sya s zasil'em chinovnikov v Rossii?* [Dismissing every third one. How to deal with the dominance of officials in Russia?]. Available at: http://www.aif.ru/politics/russia/pochemu_chinovnikov_v_rossii_vsygo_bolshe [Accessed 10/10/2018]
 42. *Zaklyuchenie Schetnoi palaty RF na projekt federal'nogo zakona «O federal'nom byudzhete na 2019 god i na planovyi period 2020 i 2021 godov»* [Conclusion of the Accounts Chamber of the Russian Federation on the draft federal law "On the federal budget for 2019 and for the planning period of 2020 and 2021"].
 43. Zotin A. *Komu dostaetsya gosudarstvennaya sotsial'naya pomoshch'* [Who gets the state social assistance]. Available at: <https://finance.rambler.ru/news/2016-11-02/komu-dostaetsya-gosudarstvennaya/> [Accessed 10/10/2018]

УДК 32**Кибербезопасность информационных потоков: современное восприятие вызовов информационной безопасности с технологической, социо-информационной и политической точек зрения****Леви Дмитрий Андреевич**

Кандидат политических наук,
доцент кафедры европейских исследований,
Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9;
e-mail: d.levi@spbu.ru

Аннотация

Многозначность понятия информационной безопасности цифрового мира или кибербезопасность автор статьи предлагает рассматривать через призму трех векторов: технологического, социально-информационного и политического. Каждый характеризуется уникальными особенностями и контролируется специфическими операторами/медиаторами, обеспечивающими статус-кво вектора и его участие в общем понимании кибербезопасности. В статье предлагается оценить разнонаправленность векторов, различия в подходах к угрозам. По мнению автора, для обеспечения эффективности в поддержании информационной безопасности по направлению политического и социо-информационного вектора использование технологических подходов может оказаться наиболее эффективным по сравнению с любыми ограничительными тактиками. Технологический уровень угроз представляется автору наиболее прозрачным в части возможностей взаимодействия и сотрудничества, автор описывает логику работы CERT (CSIRT), принципы самоорганизации безопасности в цифровом мире. Подчеркивается разрыв в организации между технологическим вектором и гуманитарно-политическими, во-многом перечеркивающий перспективы по сближению правовых порядков в единообразного восприятия в части информационной безопасности. В ходе рассуждений автор сопоставляет возможности влияния на информационные потоки приемлемые на различных уровнях восприятия информационной безопасности и приходит к выводу о жизнеспособности лишь гибридных форм медиаторов и операторов, базирующихся на технологическом уровне и определяющем информационное редактирование и ранжирование контента.

Для цитирования в научных исследованиях

Леви Д.А. Кибербезопасность информационных потоков: современное восприятие вызовов информационной безопасности с технологической, социо-информационной и политической точек зрения // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Том 7. № 5А. С. 255-263.

Ключевые слова

Информационная безопасность, цифровая безопасность, кибербезопасность, цифровая дипломатия, политическая безопасность, информационные войны, поисковые системы.

Введение

В риторике исследователей политических и информационных процессов в различных государствах понятие информационной безопасности за последние 20 лет порядком утратило прежнее значение и терминологическую остроту. Виной тому, конечно, не только развитие общества или рост культуры коммуникации, но и технологическое перерождение процесса межличностной и политической коммуникации, что привело к трансформации самого понятия безопасности для информации. Между тем, как и в традиционном научном обороте традиционная безопасность может носить как черты жесткой (hard), так и черты мягкой (soft) безопасности, информационная безопасность может иметь универсальные ценности, предполагающие наличие пространства для международного сотрудничества и даже гармонизации международного права, так и сугубо уникальные, различение которых приводит не только к похолоданиям в отношениях между государствами, но и более затяжным информационным войнам. В настоящей статье постараемся разделить современное понятие информационной безопасности в первую очередь в связи с использованием наиболее актуальных каналов распространения информационного взаимодействия, сети Интернет и того, что обычно называют кибер-пространством.

Основная часть

Многочисленные исследования прошлого выстраивали вполне логичную цепочку от источника новости через комментатора и медиа-канал к получателю информации. Политическая наука успешно освоила модель коммуникационного черного ящика и предложила объяснять политическую волю комментаторов или политической/финансовой близостью к политическим/финансовым кругам или идейной ангажированностью [Easton, 1990, 72]. Демократические и политэкономические авторы [например: Поцелуев, 2010, 17.; Балацкий, 2013, 7] предложили объяснить многообразие подходов СМИ к освещению событий и комментариям широтой спектра мнений: действительно, при развитом рынке спроса и предложений, почти любая точка зрения может получить признание и быть востребованной. И, следовательно, быть экономически жизнеспособной. Однако демократизация технологий, во многом, разрушила привычную систему управления информацией, по сути, сделав нечто такое с каналом передачи информации, что девальвировало ценность комментатора для политической власти. А снижение порога ответственности, ввиду неурегулированности цифровых информационных контактов, привело к деградации ценности самих каналов. Традиционные медиа-каналы, включая телевидение, в обществах с развитыми современными коммуникационными сетями стали постепенно утрачивать свою значимость для политического процесса, а в обществе модой стало говорить о том, что СМИ, как явление, не заслуживают доверия. В результате политический процесс остался практически без одного из самых главных инструментов реализации своих манипулятивных возможностей, которые так успешно обрел с момента начала издания газет, периода геббельсовского визионерства роли радио и, конечно, телевидения, эпохи первых американских теледебатов.

Конечно, сгущать краски в данном вопросе – это некоторое лукавство. И общества разные, и проницаемость общества для новых коммуникационных технологий – разная, и экономический и образовательный ресурс также очень разный. Но тенденция есть тенденция, и игнорировать ее недопустимо, она приводит нас в век разных скоростей цветных фейсбучных

революций, твиттера Трампа проч. [Панцеров, 2016, 15] Между тем это вступление необходимо для того, чтобы пояснить необходимость пристального внимания именно к информации, распространяемой по цифровым каналам, цифровой информации по форме доставке и способу потребления и ее безопасности. Для мира газет и телевидения понятие информационной безопасности ограничивалось особой ролью главного редактора, куратора, собственника издания и набором ограничений для журналистской самостоятельности. Для мира цифрового информационная безопасность превратилась в многогранный объект, который уже не просто является «цифровой информационной безопасностью», а именно «кибербезопасностью», термином, сочетающем и технические, и социальные, и политические аспекты данного понятия.

Три вектора кибербезопасности информационных потоков содержат как легко разделяемые по своей природе элементы, так и тесно связанные. Так к технической безопасности можно отнести понятия безопасности проведения транзакций, конфиденциальности сведений, безопасности сетей и IoT, вопросы безопасности инфраструктурных объектов. При этом безопасность понимается скорее как технический вопрос: достоверность передачи данных из пункта А в пункт Б, безопасность и адекватность программного обеспечения и т.п. При этом о нарушении безопасности равнозначно можно говорить и в ситуации злонамеренных действий 3х лиц и в ситуации случайных действий, ошибок, аварий и т.п. Источник или причина технической небезопасности – практически заведомо осуждаем, если, конечно, удастся найти виноватых. В данном секторе мало эмоций, здесь просто договариваться, но здесь очень много экспертов и мало государства.

К социально-информационной безопасности отнесем безопасность национальных ценностей, представлений о будущем, безопасность новостей и безопасность среды. Тут определение информационной безопасности начинает тонуть в гуманитарной неопределенности: политологи смещают вопрос в сторону стабильности политического строя и преемственности власти [Галушкин, 2015, 8], социологи – в сторону устойчивости социальных систем, журналисты об общественных угрозах [Березинская, Азаров, 2017, 47-49]. Нарушение безопасности в социально-информационном ключе понимается как распространение «неправильной» информации или модификация «правильной» ценностной информации. Тут есть место для концепции квадрантов ценностей Парсонса, [Заславская, Леви, 2012, 10-25] информационных войн в той части, где стороны находятся в «окопах», переругиваются твитами или фейковыми новостями, а их фактические действия публике не разъясняются. Виновники нарушения социально-информационной безопасности, как правило, достаточно абстрактны. В ключевых словах этого вектора говорят о традициях, национальных ценностях.

Третий вектор рождается из политической безопасности. Тут речь идет уже не об абстрактных ценностях: медицинских страховках, расовой терпимости и доступности образования. Подтягиваются ценности чудовищной мобилизующей силы: ценности религиозные, идеологические, где вопрос публичного спора состоит не в обмене аргументами, а в борьбе за уничтожение инакомыслия. Власть традиционно воспринимает политическую информационную угрозу острее всего, поскольку при всей ее мобилизующей силе, ее наличие способно разрушить всю систему власти, а не просто согнать одну политическую фракцию и заменить ее другой. Здесь с осуждением нарушителей безопасности совсем все сложно и появляется место для тонкого льда трансграничной пропаганды, цифровой и народной дипломатии ценностей [Цветкова, Ярыгин, 2013, 119-124], а также рисков появления т.н. «пятых колонн». Возмутителями информационной безопасности политического уровня признаются «иностранные враги», непонятные массовой аудитории сотрудники каких-то организаций,

террористические лидеры с другого континента, конечно, харизматичные носители противоположных идеологий или образов мысли. При разборе угроз кибербезопасности политический вектор наиболее перенаселен политическими пропагандистами, здесь меньше всего профессионалов как социологии, так и журналистики, а искать договороспособного оппонента можно месяцами. Ключевые слова – национальные интересы, родина, патриотизм.

В чем польза от такого деления аспектов информационной безопасности? Одной из ключевых задач в изучении данного явления и процесса, безусловно, является понимание ключевых акторов процесса с одной стороны и не менее значимых ключевых медиаторов, способных находиться в разных плоскостях информационных столкновений. Предложенное разделение позволяет удивительно четко выделить и первых, замкнутых в рамках своей трети явления, и вторых, способных перемещаться и выступать управляющими процессами. Остановимся на них подробнее.

Для мира международного права понимание и организация международной системы криптобезопасности информационных потоков — это катастрофа. В первую очередь потому, что информационная безопасность и стандарты этой безопасности изначально понимались как технические и оформлялись RFC-письмами-рассылками для всех заинтересованных лиц. Потому что только открытые стандарты умеют быстрее всего прогрессировать и развиваться. Тем не менее, для изучения угроз и защиты от пагубных вторжений в работу систем экспертное мировое сообщество осознало, что важно делиться информацией: если вас взломали, вы должны об этом рассказать, сделать выводы, чтобы не взломали вашего соседа. А не скрывать информацию. С 1990-х годов сформировалась целая система взаимодействия независимых информационных CERT-центров (от Computer emergency response teams) или CSIRT (от Collaboration security incident response teams). Такие центры возникали вокруг университетов, коммерческих компаний и становились центрами привлечения экспертов, инструментами позиционирования своего уровня на рынке ИТ. Основными задачами CERT стали формирование т.н. Good practice guides – правил правильной организации информационных или коммуникационных систем. С точки зрения CERT, любая технологическая угроза – это то, с чем необходимо бороться, уязвимость или «закладка» в аппаратном или программном обеспечении, не важно, как она туда попала, фактор риска, требующий обнаружения и исправления. Гораздо позднее в Европе CERT попытаются координировать в рамках ENISA – Европейского Агентства по сетевой и информационной безопасности (EU Regulation No 460/2004, Regulation No 526/2013), но и тут координация ограничится исключительно формированием единой правовой позицией для расследования инцидентов, плюс, развития стратегий кибербезопасности в отдельных странах ЕС. Для понимания масштаба – в США таких центров около 70, в ЕС около 50, в России в 2012 было три, в 2017 пять [Лукацкий, 2012]. Автономность, открытость и неурегулированность работы CERT стало квинтэссенцией калифорнийского подхода к организации коммуникации в цифровом пространстве.

Собственно, для обеспечения технической безопасности, существования глобальных антивирусов и глобальных операционных систем и глобального интернета этого оказалось достаточно на многие годы. На политическом уровне шли дебаты о регулировании адресного пространства и доменных зон интернета, но этот спор скорее носил характер спора ради чистоты правовой формулы, чем влиял на реальную безопасность или защищенность информационных каналов интернета. До наступления кризиса в отношениях с Россией деятельностью CERT вообще мало кто интересовался на уровне социально-информационной и политической безопасности. За то редкое выявление путей хищения средств через интернет и прочие

криминальные действия в информационном пространстве распутывались без привлечения специалистов CERT. Понимание ценности специалистов, их востребованности в любых юрисдикциях долгое время препятствовала государствам оказывать давление на экспертные ИТ компании, что позволило даже говорить о начале формирования нетократических основ в некоторых государствах [Леви, 2014, 77]. Но несколько печальных историй, самая печальная для России касается истории развития лаборатории Касперского, поставили в этом направлении известную точку [Жегунов, [www](#)]. В 2017 году в России вступил в действие 187 закон, который, естественно, законодательно указал на то, что отслеживать безопасность для критически значимых объектов в России может только государство. Закон, по сути, предложил создать министерство пене-тестов (тестов на пенетрацию систем), которое бы занималось исключительно попытками проверить на крепость все возможные инфраструктурные решения и хранило бы в тайне выводы об организации наиболее эффективной безопасности. Реализация такого подхода в России уже тоже «нашла свои грабли», как, например, в части внедрения практически на 100% нарушающих действующее законодательство (в части ФЗ о защите персональных данных) медицинских информационных систем во всех более-менее уважающих себя медицинских кабинетах и клиниках, так и в опыте обеспечения безопасности банковского и финансового сектора (по некоторым оценкам, неофициально связываемым с экспертным сообществом Group IB). То, что российский подход ушел от калифорнийского очень далеко – это, бесспорно, но, справедливости ради, надо отметить, он еще не достиг уровня цензуры китайского метода, определяющего исчерпывающий список разрешенных возможностей против безграничного перечня запрещенных.

В отличие от экспертного технического уровня координация акторов социально-информационного и политического векторов никогда особо не шла дальше деклараций. На социально-информационном уровне в основном доминировали СМИ и медиа-ресурсы. В течение длительного времени одни могли игнорировать других, но переток аудитории в цифровой мир привел к вынужденному слиянию. Конкурентная борьба ранжировала участников рынка по оперативности поставки информации, фактов, комментариев и способности формировать сообщества и репосты. Добавление социальных сетей, возможность анонимных вбросов информации и даже массового ведения бизнеса в сетях без опоры на физический мир оказалось очень интересным ресурсом для социально-информационного конструирования и политического манипулирования. Россия столкнулась с одномоментным появлением «армии троллей» на внутреннем политическом пространстве в примерно в 2006-2007. На международную арену первые потоки государственного участия официально пролились с начала 2000-х, когда США начали проводить эксперименты с тем, что позднее назовут цифровой дипломатией. Россия открыла для себя минусы исключения из возможности участвовать в обеспечении политической информационной безопасности уже в 2008 году в ходе информационной кампании по поддержке Российско-Грузинского столкновения.

Международная координация и попытка урегулировать отношения в цифровых информационных каналах на общественно-социальном и политическом уровнях предпринимается с завидной регулярностью. Первым документом из этой череды стала Будапештская конвенция Совета Европы 2001 года. Последним «Парижский призыв к доверию и безопасности в киберпространстве» ноября 2018 года. И тот и другой документ носят декларативный характер. Оба документа содержат элементы технических компетенций для придания документам черт объективности, но оба не содержат конкретных указаний, как именно планируется защищать сеть и укреплять безопасность. Ну а лакмусовой бумажкой

политической составляющей, позволяющей смело раз и навсегда вычеркнуть, например, Парижский призыв, из списка значимых документов, является упоминание в одном из пунктов декларацию о намерении подписантов «способствовать предотвращению иностранного вмешательства в предвыборный процесс через действия в киберпространстве».

Восприятие системы криптобезопасности информационных потоков, понимаемое как совокупность трех описанных выше составляющих, применяемое к каждому конкретному государству, будь то Россия, США или, например, Эстония, позволяет рассматривать информационную безопасность как явление, содержащее общие универсальные и одновременно совершенно различные ценности, мешающие однозначно договориться о режиме взаимной дружественной безопасности. Получается система сродни лебедю, раку и щуке: экспертно-технологический уровень утверждает о потребностях сотрудничества в сфере информационной безопасности, требует международной правовой координации в области защиты информационных потоков и эффективно борется с уязвимостями, свойственными в широком смысле цифровым информационным каналам без оглядки на то, кто и как этими уязвимостями планирует пользоваться. Политический уровень, напротив, заинтересован в сохранении исключительных возможностей оказания влияния на информационные потоки, в т.ч. посредством технологических уязвимостей при условии пресечения вторжения в сферу его интересов носителей и распространителей альтернативных политических мотиваторов. Это скорее сродни национальному протекционизму, чем международной координации и сотрудничеству. Общественно-информационная составляющая информационной безопасности стремится разделить информационные потоки на белые и черные, допустимые и нет, и в этой связи нередко лишь привлекает внимание к запретным темам [Sparrow, 2011, 77] из-за нестабильности критериев. А значит, уже только на основе предложенного деления составляющих криптобезопасности говорить о перспективе единообразного толкования и обеспечения информационной безопасности в Европе, в мире в ближайшее время не приходится.

Кто выступит координатором, способным сблизить понимание информационной безопасности и понизить ощущение информационной уязвимости? Надо полагать, эта миссия будет отведена технологическим службам, которые вырастают из сервисных и превращаются в последние два десятилетия в социальные сети и народные СМИ. Укрупнение этих проектов приводит к тому, что они более не являются полностью технологическими. Работа с большим объемом пользователей превращает вчерашние форумы и блоги в политические трибуны. Можно, конечно, пригласить в качестве медиатора государство, и оно тут же попытается «посчитать и зарегистрировать» все имеющиеся площадки, но более удачный путь нащупал в 2003 Государственный департамент, осознав, что наличие «неправильной» информации в информационной среде – это еще не провал. Лучшими медиаторами станут скорее акторы, способные на технологическом уровне подготовить алгоритмы ранжирования и переформулирования одних и тех же новостей и информационных вызовов для разной аудитории так, чтобы при всей своей остроте наиболее провокационные оказывались наименее находимыми. Акторы мира политической коммуникации будут технологическими, а критерием популярности информации и ее ценности станет скорее доступность информации в поиске, простота ее обнаружения.

Влияние на этот процесс с политического и общественного уровня опосредовано, однако находится на том уровне, что договоренности в агрегации, участие в разработке алгоритмов ранжирования ценностного и новостного контента на уровне грантов дают для государства или

политической силы государства инструмент и ресурс гораздо более эффективный, чем может предложить количественное продвижение, типовые SMM методики или попытки вытеснения нежелательного ценностного контента. Тут, конечно, нет монополии, но в условиях экономики цифрового мира, где независимые надгосударственные платежные средства вроде биткоинов еще не развиты, количество поисковых систем, агрегаторов новостей и проч. ограничено, и тем более количество экспертов, которые способны дорабатывать решения дня сегодняшнего до стартапов дня завтрашнего минимально, подобного рода решения окупаются втрое. «Центры силы», компании, способные концентрировать вокруг себя визионеров дня будущего, научные центры, которые способны придумывать принципиальные алгоритмы и сервисы, которыми далее пользуются тысячи разработчиков и миллионы пользователей – их число тем более вычисляемо всего несколькими десятками.

Заключение

Получается, что наиболее надежным, хотя и не быстрым способом, добиться обеспечения качественного реформирования ситуации с управляемостью социальной и политической информационной безопасностями можно через взаимодействие с техно-экспертным уровнем специалистов в области постановки задачи, прикладной информатики в сфере общественно-политического управления и международных отношений. А это скорее уровень компаний – поисковых систем, медиа-анализаторов 2.0 и аналогичных решений, которых можно отнести к гибридным формам операторов информационных потоков. И в этом балансе политического, социального и технологического будет заключаться новый смысл черного ящика системы коммуникации и системы обеспечения криптобезопасности информационных потоков. А как сможет этим воспользоваться бизнес или государство, превратится ли этот инструмент в цензуру или нет - покажет только время, конкуренция и совершенство алгоритмов.

Библиография

1. Балацкий Е. Концепция сложности и экономическая теория демократии // Общество и экономика. 2013. № 5. С. 5-24.
2. Березинская М.Д., Азаров А.Ю. Информационная безопасность современного общества // Информационное общество: состояние, проблемы, перспективы. 2017. С. 45-52.
3. Галушкин А.А. К вопросу о значении понятий национальная безопасность, информационную безопасность, национальная информационная безопасность // Правозащитник. 2015. № 2. С. 8-19.
4. Заславская Н.Г., Леви Д.А. Вычисление вектора развития системы общих ценностей и оценка потенциала общественно-политических действий на примере отношений России и Европейского Союза. СПб.: Арт-Эго, 2012. 346 с.
5. Жегунов И. Орки, победившие технарей. Как силовики внедрились в «Лабораторию Касперского». URL: <https://meduza.io/feature/2018/01/22/orki-pobedivshie-tehnarey>
6. Леви Д. Процесс формирования политической нетократии как фактор глобального развития в странах БРИКС и остальном мире // БРИКС в системе международных отношений: новый этап глобального партнерства. Сборник научных трудов. СПб., 2014. С. 76-85.
7. Лукацкий А. Сколько CERTов в России. URL: https://www.securitylab.ru/blog/personal/Business_without_danger/23400.php
8. Панцеров К.А. Твиттерные революции в странах Северной Африки – обратная сторона развития информационного общества // Азия и Африка сегодня. 2016. № 4 (705). С. 14-19.
9. Поцелуев С.П. Диалог и квазидиалог в коммуникативных теориях демократии. Ростов-на-Дону, 2010. 496 с.
10. Цветкова Н.А., Ярыгин Г.О. Политизация цифровой дипломатии: публичная дипломатия Германии, Ирана, США и России в социальных сетях // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2013. № 1. С. 119-124.
11. Easton D. The Analysis of Political Structure. New York: Routledge, 1990. 352 p.

12. Sparrow B. Google Effects on Memory: Cognitive Consequences of Having Information at Our Fingertips // Science. 2011. Vol. 333. № 6043. P. 776-778.

**Cybersafety of information flows: modern perception
of information security challenges from a technological,
socio-informational and political point of view**

Dmitrii A. Levi

PhD in Political Science,
Associate Professor of European Studies Department,
Saint Petersburg State University,
199034, 7/9, Universitetskaya embankment, Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: d.levi@spbu.ru

Abstract

The author of the article proposes to consider the multiple meanings of the concept of information security of the digital world through the prism of three vectors: technological, social information and political. Each is characterized by unique features and is controlled by specific operators/mediators ensuring the status quo of the vector and its participation in the general understanding of cybersafety. The article proposes to evaluate the multidirectionality of the vectors, the differences in the approaches of the threats. According to the author, to ensure effectiveness in maintaining information security in the direction of the political and socio-informational vector, the use of technological approaches may be most effective than the use of any restrictive measures. The technological level of threats seems to the author most transparent in terms of interaction and cooperation, the author describes the logic of CERT (CSIRT), the principles of self-organization of security in the digital world. The gap in the organization between the technological vector and the social/political driven one is emphasized, which largely negates the prospects for legal harmonization of information security. In the course of the article, the author compares the possibilities of influencing information flows available for different levels of perception of information security and comes to the conclusion that only hybrid forms of mediators and operators based on the technological level and determining information editing and ranking of the viability are viable.

For citation

Levi D.A. (2018) Kiberbezopasnost' informatsionnykh potokov: sovremennoe vospriyatie vyzovov informatsionnoi bezopasnosti s tekhnologicheskoi, sotsio-informatsionnoi i politicheskoi tochek zreniya [Cybersafety of information flows: modern perception of information security challenges from a technological, socio-informational and political point of view]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 7 (5A), pp. 255-263.

Keywords

Information security, information safety, digital security, cyber security, cyber safety, digital diplomacy, political security, information wars, search engines.

References

1. Balatskii E. (2013) Kontseptsiya slozhnosti i ekonomicheskaya teoriya demokratii [The concept of complexity and the economic theory of democracy]. *Obshchestvo i ekonomika* [Society and Economics], 5, pp. 5-24.
2. Berezinskaya M.D., Azarov A.Yu. (2017) Informatsionnaya bezopasnost' sovremennogo obshchestva [Information security of modern society]. In: *Informatsionnoe obshchestvo: sostoyanie, problemy, perspektivy* [Information Society: state, problems, prospects].
3. Easton D. (1990) *The Analysis of Political Structure*. New York: Routledge.
4. Galushkin A.A. (2015) K voprosu o znachenii ponyatii natsional'naya bezopasnost', informatsionnuyu bezopasnost', natsional'naya informatsionnaya bezopasnost' [On the question of the meaning of the concepts of national security, information security, national information security]. *Pravozashchitnik* [Puman rights activist], 2, pp. 8-19.
5. Levi D. (2014) Protsess formirovaniya politicheskoi netokratii kak faktor global'nogo razvitiya v stranakh BRIKS i ostal'nom mire [The process of formation of political netocracy as a factor of global development in the BRICS countries and the rest of the world]. In: *BRIKS v sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii: novyi etap global'nogo partnerstva. Sbornik nauchnykh trudov* [BRICS in the system of international relations: a new stage of global partnership. Collection of scientific papers]. St. Petersburg.
6. Lukatskii A. *Skol'ko CERTov v Rossii* [How many CERTS are in Russia]. Available at: https://www.securitylab.ru/blog/personal/Business_without_danger/23400.php [Accessed 10/10/2018]
7. Pantserov K.A. (2016) Tsvitternye revolyutsii v stranakh Severnoi Afriki – obratnaya storona razvitiya informatsionnogo obshchestva [Twitter Revolutions in North Africa: The reverse side of the development of the information society]. *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa today], 4 (705), pp. 14-19.
8. Potseluev S.P. (2010) *Dialog i kvazidialog v kommunikativnykh teoriyakh demokratii* [Dialogue and quasi-dialogue in communicative theories of democracy.]. Rostov-on-Don.
9. Sparrow V. (2011) Google Effects on Memory: Cognitive Consequences of Having Information at Our Fingertips. *Science*, 333, 6043, pp. 776-778.
10. Tsvetkova N.A., Yarygin G.O. (2013) Politizatsiya tsifrovoy diplomatii: publichnaya diplomatiya Germanii, Irana, SShA i Rossii v sotsial'nykh setyakh [Politicization of digital diplomacy: public diplomacy of Germany, Iran, USA and Russia in social networks]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6. Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Pravo. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of St. Petersburg University. Series 6. Philosophy. Culturology. Political science. Right. International relationships], 1, pp. 119-124.
11. Zaslavskaya N.G., Levi D.A. (2012) *Vychislenie vektora razvitiya sistemy obshchikh tsennostei i otsenka potentsiala obshchestvenno-politicheskikh deistvii na primere otnoshenii Rossii i Evropeiskogo Soyuza* [Calculation of the vector of development of the system of common values and assessment of the potential of socio-political actions on the example of relations between Russia and the European Union]. St. Petersburg: Art-Ego Publ.
12. Zhegunov I. Orki, pobedivshie tekhnarey. Kak siloviki vnedrilis' v «Laboratoriyu Kasperskogo» [Orcs, who won the techies. As security forces infiltrated Kaspersky Lab]. Available at: <https://meduza.io/feature/2018/01/22/orki-pobedivshie-tehnarey> [Accessed 10/10/2018]

УДК 321.02

Политические аспекты миссионерской деятельности

Глушков Максим Вячеславович

Соискатель,
Дальневосточный федеральный университет,
690091, Российская Федерация, Владивосток, ул. Суханова, 8;
e-mail: vladivostokmger@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается система явлений, наблюдаемых в настоящее время и связанных с формированием целевых функций политических институтов и процессов посредством миссионерской деятельности. Политическая сущность религии актуализирует конкретные цели, теоретически соответствующие интересам и идеологии центров власти, но на деле дифференцирующих и расслаивающих правящие элиты. В конечном счете, эти цели детерминируют соответствующие особенности и черты государственных форм и механизмов. В нынешних общественно-политических условиях миссионерская деятельность оказалась очень эффективным средством реализации религией своих политических функций. Она все более явно органически переплетается с проблемами стабильности политических систем, их идеологической устойчивости и обеспечивающих данные системы механизмов контроля и принятия решений. Именно поэтому автор данной статьи рассматривает любую угрозу господствующим системам этно-конфессиональных отношений в качестве вызова всему государственному организму, крайне чувствительному к подрыву его идеологических оснований. Как всякое иное политическое явление, религия есть генерирующая сила общественного конфликта, направленного на завоевание и удержание государственной власти. В силу данного обстоятельства, следует считать чрезвычайно актуальным исследование современной миссионерской деятельности в качестве политического процесса, который проявляется в сфере политики на межгрупповом и институциональном уровнях.

Для цитирования в научных исследованиях

Глушков М.В. Политические аспекты миссионерской деятельности // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Том 7. № 5А. С. 264-273.

Ключевые слова

Политические процессы и институты, государственно-конфессиональные отношения, политические конфликты, религиозные аспекты современной политики, политика.

Введение

Современное политическое состояние демократической государственности характеризуется не эволюцией политических систем и свойственных им форм общественного сознания, а, скорее, регрессом, генерирующим формирование новой модальности развития государства и общества. В результате налицо бесспорный всемирный кризис секуляризации, благодаря чему религия вновь становится важным элементом сложнейших взаимозависимостей, как это было в эпоху домодерновых обществ, политическая организация которых представлялась немыслимой без связи с какими-либо религиозными движениями [Тэйлор, 2017, 1].

Мы являемся свидетелями феноменального события мировой политики – кризиса постмодерна, так и не сумевшего стать глобальным и безальтернативным проектом развития демократии. На наших глазах человечество вступает в эпоху постгуманизма, обусловленного усиливающимся влиянием политического другого, религиозного по своей сути и иррационального – по содержанию.

Основная часть

Начиная со второй половины XX в. религия оказалась повсеместно востребованной в политической жизни, наполняя ее интегративным общим порядком и регулятивными основополагающими принципами [Lloyd-Jones, 1989]. Она вновь начала оправдывать свою сущность, заложенную в самом ее наименовании, происходящем от латинского глагола *religare* (связывать) [Пивоваров, 2009, 12].

В противостоянии постмодерну [Grant, 2003] религия становится идеологической основой успешной мобилизации гражданского общества и его институтов, проявляя способность не только нивелировать возможности рациональной коммуникации и рационального дискурса. При необходимости, религиозные движения решительно и не менее успешно берут на себя роль источников легитимации, наделенных функционалом оправдания определенных форм политической организации государства и общества, а также политического участия.

Современная демократическая государственность все более явственно впадает в зависимость от политико-религиозных ограничений, генерируемых исторически конкретными системами общественных отношений, защищаемых религиозными движениями, а также организациями, быстро усиливающими свой политический авторитет в общей системе институтов гражданского общества. В начале XXI века западные демократии пошли на адаптацию принципов своего бытия к основанным на Шариате регулятивным требованиям мигрантов из стран исламской культуры, выразителями которых стали политико-религиозные объединения.

Христианские цивилизации также нередко находят опору в политических институтах, использующих культовые и догматические установки доминирующих конфессий для сохранения базовых элементов традиционной культуры.

Насаждаемые во имя торжества постмодерна индивидуалистические, прагматические и откровенно утилитарные ориентации во многих странах мира, в конечном счете, вызвали активизацию всех форм и видов религиозной активности, актуализируя, в том числе, распространение религии через духовную экспансию посредством миссионерской деятельности.

Миссионерскую деятельность следует отнести к одной из наименее изученных форм идеологической деятельности. В современной политологии, как научной основе реальной политики, призванной обеспечивать понимание особенностей и тенденций развития политических систем и институтов, всего гражданского общества для успешного управления политическими процессами, до сих пор не выработано единое мнение о сущности миссионерства и его истинной природе.

Большинство российских политологов склонны полагать, что миссионерская работа является систематизированной деятельностью религиозных организаций, связанной с вовлечением людей в число их участников (последователей). Не выходя далеко за рамки марксистско-ленинской ортодоксии, они сводят проблему миссионерства к проявлению духовной природы религии, к взаимодействию индивидов с новыми для них ценностными установками, религиозными идеологемами и регулятивными требованиями. В конечном счете, все это соответствует материалистическому постулату о социальной природе религии, которая имеет социальные истоки и выполняет исключительно социальные функции, при необходимости используемые политическими институтами в определенных политических целях для оптимизации политических процессов и усиления идеологического воздействия на массы.

Теоретический анализ таких сложных объектов как религия не может базироваться на традиционных научных взглядах, общепринятых по причине комфортности использования их статического состояния, но не соответствующих реалиям сегодняшнего дня. Актуальность выработки качественно нового подхода к пониманию сущности религии и природы ее распространения вызвана определенными тенденциями в развитии политических институтов и процессов на нынешнем этапе истории.

Современная наука пока не готова к решительной переоценке ценностей и проявляет известную осторожность в отношении религиозных организаций, являющихся акторами не только социальной жизни, но и реальной политики. Еще большая осторожность в научном мире проявляется относительно проблем распространения религии посредством миссионерской деятельности. В авторитетных российских учебниках по религиоведению такого рода деятельность не упоминается даже в числе форм деятельности религиозных движений и организаций, что освобождает авторов данных изданий от необходимости утруждать себя выработкой соответствующих определений.

Один из теоретиков советского религиоведения – Д.М. Угринович, констатируя успехи всемирной секуляризации, имел достаточные основания соглашаться с мнением своих западных коллег, считавших, что понятие «миссионерство» утратило свою актуальность. Действительно, с первой половины XX века распространение религиозных убеждений приняло форму прозелитизма – более приспособленной к новым общественным условиям специфической практики приобщения человека к религии посредством религиозного обращения (conversion) [Угринович, 1985, 251].

Однако в период «холодной войны» на Западе оказались востребованы более масштабные средства идейной обработки граждан в духе самых разнообразных религиозных верований, нежели чем религиозный прозелитизм, нацеленный на формирование условий для индивидуального внезапного эмоционального озарения и прихода к Богу. К сожалению, теоретики советского религиоведения игнорировали данный факт и не сделали его объектом критического анализа, что позволило бы отечественной науке своевременно сформировать теоретические конструкции и логико-методологические приемы анализа

современной миссионерской деятельности, претендующие на эвристичность и объективность.

Миссионерские центры обычно действовали открыто. С 1955 года в США стремительно эволюционировало миссионерское Движение за рост Церкви (Church Growth Movement), чья деятельность приняла международный характер, затронув, прежде всего, страны «третьего мира». В итоге, значительная часть нашей планеты оказалась под контролем открыто действовавших миссионерских центров, успешно освоивших ранее недоступные им территории с использованием технологий идеологического воздействия, отличавшихся астрономическим разнообразием.

В 1991 году миссионерские центры легализовали свою подрывную деятельность и на всем постсоветском пространстве. Они коренным образом изменили этноконфессиональную структуру, в том числе, российского общества. Под влиянием иностранных миссионеров в России, протестантский и исламский религиозные комплексы стали системообразующими элементами этногенеза целого ряда народов, формируя их качественно новый духовный облик, подрывая господствующую политическую культуру.

Миссионерская деятельность привнесла не определяющие, но, тем не менее, крайне важные элементы в духовное ядро российской цивилизации, связанные с ее дальнейшим развитием. Именно поэтому она, в не меньшей степени, нежели чем иные виды идеологического воздействия на российское общество, повлияла на формирование нового историко-культурного типа суперэтнической общности России и свойственных ей социальных связей, начиная от первичных, внутрисемейных отношений и, кончая, отношениями между человеком и обществом на политической арене.

Политика и религия органически переплетены друг с другом. В целом ряде случаев мы вправе ставить знак равенства между политическим и религиозным воздействием на общество, проявляя при этом известную долю осторожности, чтобы не впасть в банальность, о которой предупреждал П. Вен [Вен, 2003, 301]. Подобный подход отражает объективную реальность. Он лишен основных свойств научных стереотипов, формирующих ошибочное знание, так как в нашем распоряжении действительно отсутствуют безусловные основания прочерчивать какие-либо границы между миссионерской деятельностью и другими, чисто политическими, видами идеологического воздействия одних обществ на другие.

Современные российские политологи и религиоведы не сделали должных выводов из уроков иностранной духовной экспансии в России, пик которой пришелся на 90-ые гг. XX века. Множественность действовавших на российском направлении религиозных миссионерских центров обеспечила им в тот период времени все преимущества, характерные для полицентрических социальных образований, подрывающих инородные моноцентрические порядки – устойчивость к вызовам и угрозам, высокий уровень адаптивности и т.д.

Нет смысла отрицать тот факт, что работа иностранных миссионеров в современной России вызвала резкое обострение ценностных ориентаций российских граждан. В общественно-политических отношениях, для которых очень важна приверженность партийным и другим групповым интересам, данное обстоятельство часто служило причиной усиления межгрупповой конфронтации, запускающей сложнейшие политические процессы.

В таких условиях создаваемые иностранными миссионерами религиозные организации, вплоть до настоящего времени, нередко (например, радикальные исламские группировки) выступают в качестве политических институтов, упорядочивающих политические и иные отношения с помощью систематизированного идеологического воздействия на основе

религиозных норм и регулятивных требований. Лидеры подобных организаций, как правило, оказываются опытными специалистами в области конфликтной аналитики, хорошо владеющими методиками перевода религиозных конфликтов в политическую плоскость, регулирования конфликтов и управления ими.

В силу вышеперечисленных обстоятельств, очень трудно понять логику, которой руководствуются современные отечественные политологи и религиоведы категорически отрицающие саму возможность исследования миссионерской деятельности как самостоятельного вида политической активности, достойной осмысленного теоретического рассуждения. Например, И.Н. Яблоков, не счел необходимым включить миссионерское служение даже в число видов религиозной деятельности. Это позволило ему концентрировать внимание только на том, что составляет трансцендентальный опыт, не выходящий за рамки непосредственного служения Богу [Яблоков, 1998, 70-71].

Н.С. Гуревич признает факт политизации веры в качестве прямого следствия вмешательства политических институтов в дела религиозных организаций, продолжающих при этом сохранять собственную духовную природу и распространяющих свое идеологическое влияние через обращение [Гуревич, 2016, 258-262].

Авторы используемого в системе подготовки кадров ФСИН учебного пособия «Введение в религиоведение» так же не склонны отрывать религию от исключительно духовной сферы деятельности человека. Тем не менее, они предпочитают давать ей более полное понимание, включающее в определение предмета данного политического и социального феномена расширенное, хотя, как и прежде, субъективное для восприятия, понятие роли религии, в том числе и политического характера [Тимошук, 2014, 28]. А в отношении миссионерской деятельности здесь происходит уже знакомая нам подмена систематизированного идеологического воздействия как предмета серьезного политологического изучения ставшим традиционным представлением об обращении, которое нет смысла рассматривать с позиции политологии.

Для Е.И. Аринина религия является эмпирическим социальным явлением, научное постижение которого до настоящего времени находится в динамичном развитии. Каждый этап данного процесса отличается от другого качественно новыми представлениями о религии и формах ее понимания. Неизменным остается только продолжающее пребывать в статическом состоянии на стыке философии, религиоведения и антропологии научное представление о распространении религии исключительно через обращение (по Е.И. Аринину – озарение, как одна из интеграционных функций религии), благодаря чему миссионерская деятельность опять оказывается на задворках научного поиска [Аринин, 2005, 59]

Г.Ю. Тихонова и Е.В. Гиниятова рассматривают религию с позиций социологии и видят в ней только религиозные отношения. Как следствие, из такого подхода, проникнутого холодными силлогистическими умозаключениями, оторванными от основополагающих понятий религиоведения и историко-политического фундамента генезиса религиозных верований, проистекает совершенно очевидный, хотя и спорный во всех отношениях вывод – религия является социальным институтом [Тимошук, 2014, 33]. Здесь налицо неудачная попытка поставить знак равенства между религией, как формой общественного сознания и религиозными движениями, и организациями, которые в разных общественно-политических условиях принадлежали к различным категориям социальных институтов: политических, политико-религиозных, религиозных.

Опрометчиво пытаясь объяснить такие фундаментальные категории, как религия, с помощью неубедительной внеконцептуальной референции, Г.Ю. Тихонова и Е.В. Гиниятова в

итоге вынуждены обойти молчанием феномен миссионерской деятельности. Они не усматривают в нем даже социальное содержание и не упоминают его при систематизации религиоведческой терминологии [там же, 181].

Современный научный взгляд на миссионерскую деятельность никоим образом не актуализирует ее обстоятельное изучение, находя достаточным подразумевать наличие данного явления в рамках религиозного комплекса, все элементы которого (религиозное сознание, религиозный культ и религиозные организации) находятся в органической связи и взаимодействии. Подобная ограниченность стала тупиком познавательного процесса в данном направлении, очень удобным для теоретиков миссиологии.

Религиозная наука тысячелетиями оказывала негативное воздействие на светскую науку. Она всегда видела в светской научной деятельности опасный источник множества непредсказуемых перспектив, разрушающих религиозное ядро всякой цивилизации и создающих угрозу ее гибели. Постоянная готовность к защите идеологических основ конструкции «государство – народ – религия» является надежным генератором развития религиозной науки и появления все новых ее дисциплин. Одной из таких дисциплин стала миссиология. Это пока еще исключительно христианская церковная дисциплина новейшего времени, изучающая теорию и практику миссионерской деятельности как священного долга последователей Иисуса Христа проповеди Евангелия внешнему миру.

Для миссиологии представляется весьма удобным то, что не только религиоведы, но и те из политологов, которые пытаются дать всесторонний научный анализ политическим аспектам миссионерской деятельности, не могут вырваться за рамки явно устаревших идеологем постепенно уходящей в прошлое эпохи секуляризма. Это касается и России, где даже радикально настроенные исследователи (в частности, небезызвестные Н.А. Трофимчук и М.П. Свищев [Трофимчук, Свищев, 2006]) еще не в силах классифицировать миссионерскую деятельность в качестве политической. Здесь требуется определенная смелость, способная оказать поистине революционизирующее воздействие на научную мысль, побудив, прежде всего, политологов видеть в миссионерской работе целенаправленную реализацию стратегии инорелигиозного организационного ядра, разрушающего структуру подвергшегося внешнему идеологическому воздействию социума и переструктурирующего его вокруг себя [Мчедлов, 2007, 38].

Вне зависимости от своей конфессиональной ориентации, различные направления миссиологии дают сходные определения миссионерской деятельности. С точки зрения Русской Православной Церкви (Московский патриархат), эта деятельность является особым видом служения, связанным с направлением миссионеров в определенные страны с нехристианской или номинально христианской средой, для распространения веры среди нехристиан и созидания новых Церквей [Миссиология, 2010, 9].

Не может быть ни малейших сомнений в том, что создание христианских церквей в нехристианских или номинально христианских странах следует понимать, как форму внедрения в чуждый социум антиподного религиозного ядра [Мчедлов, 2007, 54]. Это ядро играет роль центра переструктуризации подвергшегося духовной экспансии социума не только в интересах, в данном случае, Русской Православной Церкви (Московский Патриархат), но и стоящей за ней российской цивилизации. Налицо сложный и противоречивый процесс с глубочайшим идеологическим и политическим содержанием, достойный изучения в рамках политологии.

Авторитетный протестантский миссиолог Д. Бош дает миссионерской деятельности определение, практически дословно соответствующее тому, что доминирует в Русской

Православной Церкви (Московский Патриархат), с одной лишь оговоркой – данное определение обрело актуальность с началом общего кризиса секуляризации, то есть с середины 50-ых гг. XX века [Бош, 1997, 9]. Аналогичного мнения придерживается еще один авторитетный протестантский миссиолог Д. Мак-Гавран, настаивающий на том, что миссионерская деятельность должна носить политический характер, способствуя подрыву авторитета господствующих классов для завоевания доверия масс [Мак-Гавран, 1994, 268-239].

Представляется очень значимым тот факт, что вне зависимости от своей конфессиональной принадлежности, миссиологи не считают необходимым открыто обсуждать вопрос о том, какие формы должна принять миссионерская деятельность в откровенно враждебных социумах. Не поднимается в миссиологических работах и вопрос о том, должна ли данная деятельность прекращаться в случае отторжения навязываемого вероучения местным населением.

Из только что сказанного следует закономерный вывод, миссионерская деятельность носит только наступательный характер, а создаваемые в ее результате религиозные организации следует рассматривать как политические институты, созданные с целью инородного идеологического воздействия на общество и государство. Православные, католические и протестантские миссиологи в основном разделяют данную точку зрения, но только в отношении миссионерской деятельности, осуществляемой нетрадиционными религиозными организациями (культами, сектами и т.н. «новыми религиозными движениями») [Wilson, 1985, 297-311].

К основным формам политического воздействия миссионерской деятельности относятся:

- 1) Религиозная пропаганда, направленная на подрыв господствующих вероисповеданий и, особенно, государственной власти, являющейся гарантом незыблемости цивилизационных основ государственности и регулятором политических, социально-экономических, конфессиональных и этнокультурных отношений.
- 2) Создание религиозных организаций, которые призваны переструктуризировать социум, ставший объектом миссионерского воздействия, изменить вплоть до его политической системы, чтобы обезопасить эти организации и обеспечить им максимально комфортные условия для функционирования.
- 3) Оказание непосредственного воздействия на политическое поведение и на политическое участие членов создаваемых миссионерами религиозных организаций. Наиболее распространенным в данном случае следует считать изменение электоральной активности и корректировка электоральных предпочтений членов (участников) подобных организаций для последующего ослабления позиций тех политических сил, которые представляют какую-либо опасность для миссионерской деятельности или не используют свои ресурсы для ее поддержки.
- 4) Взаимодействие с политическими институтами и общественными движениями, особенно национальными [Мак-Гавран, 1994, 322-341]. При этом ставится цель – создание более благоприятных условий для дальнейшего развития миссионерской деятельности и обеспечение прихода к власти политических режимов, готовых пойти на ослабление или, даже на полный подрыв позиций господствующих религиозных верований для обретения внешней политической, экономической и (или) военной поддержки, что в настоящее время имеет место на Украине. В таких обстоятельствах, миссионерские центры выступают в роли акторов большой политики, беря на себя роль самостоятельной стороны переговорного процесса между политическими структурами как международными, так и представляющими различные страны.

Идентификация миссионерских центров, осуществляющих подрывную деятельность политического характера, затруднена благодаря их успешной мимикрии. Так, например, II Ватиканский собор Римско-католической церкви (1962-1965) в декрете о миссионерской деятельности, рекомендовал католическим миссионерам тщательно растворяться в инородной среде, используя весь потенциал местных традиционных культур [История II Ватиканского собора, 2007].

Исходя из того, что современная наука рассматривает миссионерскую деятельность как международную и не отрицает того, что она моделирует не только социально-культурные, но и общественно-политические аспекты деятельности религиозных организаций в чуждых для них политических, этнокультурных и этноконфессиональных условиях, мы получаем базовые компоненты для научного определения понятия «миссионерская деятельность», которое полностью соответствует его нынешней сущности.

Автор статьи полагает, что миссионерская деятельность – это осуществляемое на международном уровне от имени религиозных организаций идеологическое воздействие профессиональных служителей (миссионеров) на инородные политические системы с целью формирования в их структуре антиподного религиозного ядра, развивающегося за счет новых политических институтов и соответствующих им форм политического поведения и участия.

Данная статья обретает чрезвычайно обостренную политическую актуальность в преддверии становящегося неизбежным церковного раскола, нацеленного если не на уничтожение, то, как минимум, на значительное ослабление Русской Православной Церкви (Московский Патриархат).

В случае, если УПЦ обретет автокефалию или попадет под юрисдикцию Вселенского Патриархата Константинополя, российское православие неминуемо окажется объектом мощнейшего миссионерского воздействия извне. Причем главное идеологическое противостояние в этой новой духовной экспансии следует ожидать не на Украине, а в России. Отторжение от Московского Патриархата украинских приходов станет лишь прелюдией к решающему сражению за собственно российские приходы.

Решимость Вселенского Патриарха Варфоломея ревизировать решения Московского Патриархата Русской Православной Церкви свидетельствует о его готовности взять под свою защиту всю русскую православную оппозицию, амбиции которой как раз и будут разжигать иностранные миссионеры. Похожая ситуация уже имела место в России около двадцати лет назад. В частности, в Приморском крае в 90-ые годы XX века протоиереем Анатолием Суржиком предпринимались попытки вывести несколько православных приходов из-под канонического управления Русской Православной Церкви (Московский Патриархат). Благодаря своим раскольническим действиям, указанный священнослужитель сделал неплохую карьеру в РПЦ (з), за что был в мае 2003 года рукоположен в сан епископа Владивостокского и Дальневосточного. В настоящее время данный иерарх порвал с этой церковью и в 2015 году пошел на сближение с одним из самых радикальных направлений в украинском православии, возглавляемым митрополитом Агафангелом – Русской Православной Церковью Заграницей под омофором митрополита Агафангела – РПЦЗ (А).

Антиправославная миссионерская деятельность в России будет направлена на поддержку православных иерархов, желающих сделать блестящую карьеру в православии и обрести материальные блага посредством перехода со своими приходами под юрисдикцию Вселенского Патриархата Константинополя. Так как в Русской Православной Церкви (Московский Патриархат) имеется немало людей, подобных протоиерею А. Суржику (ныне епископ РПЦЗ

(А) Анастасий), грядущая миссионерская экспансия способна серьезно подорвать устои русского православия и всей российской государственности.

Заключение

Пересмотр наших представлений о политическом содержании миссионерской деятельности крайне важен, так как отставание в закладывании основ политологического знания о религии, бесспорно, и чревато непредсказуемыми последствиями. Фундамент для генезиса российского государства и общества создается и в наши дни, а качество его, в конечном счете, зависит от научного обеспечения данного судьбоносного процесса.

Библиография

1. Аринин Е.И. Религиоведение. Владимир, 2005. Ч. 1. 116 с.
2. Бош Д. Преобразования миссионерства. Сдвиги парадигмы в богословии миссионерской деятельности. СПб., 1997. 637 с.
3. Вен П. Как пишут историю. Опыт эпистемологии. М.: Научный мир, 2003. 394 с.
4. Гуревич П.С. Религиоведение. М.: Юрайт, 2016. 573 с.
5. История II Ватиканского собора. М., 2007. Том 4. 867 с.
6. Мак-Гавран Д. Закономерности роста Церкви. СПб., 1994. 464 с.
7. Миссиология. М., 2010. 400 с.
8. Мчедлов М.П. (ред.) Вера. Этнос. Нация. Религиозный компонент этнического сознания. М.: Культурная революция, 2007. 368 с.
9. Пивоваров Д.В. Онтология религии. СПб: Владимир Даль, 2009. 505 с.
10. Тимошук А.С., Федотова И.Н., Шавкунов И.В. Введение в религиоведение. Владимир, 2014. 136 с.
11. Тихонова Г.Ю., Гиниятова Е.В. Религиоведение. Томск, 2013. 203 с.
12. Трофимчук Н.А., Свищев М.П. Экспансия. Челябинск, 2006. 216 с.
13. Тэйлор Ч. Секулярный век. М.: ББИ, 2017. 967 с.
14. Угринович Д.М. Введение в религиоведение. М.: Мысль, 1985. 270 с.
15. Яблоков И.Н. (ред.) Основы религиоведения. М.: Высшая школа, 1998. 480 с.
16. Grant D. Neosecularization and the Graft Versus Professional Religious Authority in Nonreligious Organization // Journal for the Scientific Study of Religion. 2003. Vol. 42:3. P. 479-487.
17. Lloyd-Jones M. Growing in the Spirit. Gressway Books, 1989. 158 p.
18. Wilson B.R. A Typology of Sects // Religion and ideology. Manchester University Press, 1985. P. 297-311.

Political dimension to missionary work

Maksim V. Glushkov

Applicant,

Far Eastern Federal University,

690950, 8, Sukhanova st., Vladivostok, Russian Federation;

e-mail: vladivostokmger@yandex.ru

Abstract

The article reviews the series of modern phenomena involving the formation of the political institutions and developments' objective function through missionary work. The political aspect of religion actualizes certain objectives that, in theory, meet the interests and the ideology of the power centers, but, in reality, differentiate and divide the body politic. Ultimately, these objectives determine the respective distinctive features and characteristics of the government and its work.

Maksim V. Glushkov

Missionary work turned out to be religion's most effective tool for the implementation of its political functions in the current social and political circumstances. It progressively intertwines with the political systems' stability problems and their ideological consistency and with the control and decision making mechanisms that facilitate those systems. It is the very reason why the author considers any threat to the major communal relations as an act of defiance against the government that is quite sensitive to the disruption of its ideological basis. As any other political phenomenon, religion is the generating platform for social conflict directed at gaining and keeping the governmental power. In view of this, the analysis of the modern missionary work as a form of political process, manifesting itself in the intergroup and institutional levels, must be considered incredibly important and relevant.

For citation

Glushkov M.V. (2018) Politicheskie aspekty missionerskoi deyatel'nosti [Political dimension to missionary work]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 7 (5A), pp. 264-273.

Keywords

Political processes and institutions, state and religion relations, political conflicts, religious aspects of modern politics, policy.

References

1. Arinin E.I. (2005) *Religiovedenie* [Religious studies]. Vladimir. P. 1.
2. Bosh D. (1997) *Preobrazovaniya missionerstva. Sdvigi paradigmy v bogoslovii missionerskoi deyatel'nosti* [Transformations of missionary work. Paradigm shifts in missionary theology]. St. Petersburg.
3. Grant D. (2003) Neosecularization and the Graft Versus Professional Religious Authority in Nonreligious Organization. *Journal for the Scientific Study of Religion*, 42:3, pp. 479-487.
4. Gurevich P.S. (2016) *Religiovedenie* [Religious studies]. Moscow: Yurait Publ.
5. (2007) *Istoriya II Vatikanskogo sobora* [History of the Second Vatican Council]. Moscow. Vol. 4.
6. Lloyd-Jones M. (1989) *Growing in the Spirit*. Crossway Books.
7. McGavran D. (1994) *Zakonomernosti rosta Tserkvi* [Regularities of the growth of the Church]. St. Petersburg.
8. Mchedlov M.P. (ed.) (2007) *Vera. Etnos. Natsiya. Religiozniy komponent etnicheskogo soznaniya* [Faith. Ethnos. Nation. Religious component of ethnic consciousness]. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya Publ.
9. (2010) *Missiologiya* [Missiology]. Moscow.
10. Pivovarov D.V. (2009) *Ontologiya religii* [The ontology of religion]. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ.
11. Taylor C. (2017) *Sekulyarnyi vek* [Secular Age]. Moscow: BBI Publ.
12. Tikhonova G.Yu., Giniyatova E.V. (2013) *Religiovedenie* [Religious studies]. Tomsk.
13. Timoshchuk A.S., Fedotova I.N., Shavkunov I.V. (2014) *Vvedenie v religiovedenie* [Introduction to religious studies]. Vladimir.
14. Trofimchuk N.A., Svishchev M.P. (2006) *Ekspansiya* [Expansion]. Chelyabinsk.
15. Ugrinovich D.M. (1985) *Vvedenie v religiovedenie* [Introduction to religious studies]. Moscow: Mysl' Publ.
16. Ven P. (2003) *Kak pishut istoriyu. Opyt epistemologii* [How to write history. The experience of epistemology]. Moscow: Nauchnyi mir Publ.
17. Wilson B.R. (1985) A Typology of Sects. In: *Religion and ideology*. Manchester University Press.
18. Yablokov I.N. (ed.) (1998) *Osnovy religiovedeniya* [Fundamentals of Religious Studies]. Moscow: Vysshaya shkola Publ.

УДК 378.4

Политические основы трансформации современного российского высшего образования в контексте глобализации

Авралеv Никита Владимирович

Кандидат политических наук,
проректор по связям с общественностью,
Нижегородский государственный национальный исследовательский
университет им. Н.И. Лобачевского,
603950, Российская Федерация, Нижний Новгород, просп. Гагарина, 23;
e-mail: avrlev@unn.ru

Ефимова Ирина Николаевна

Кандидат социологических наук,
руководитель сектора по связям с общественностью и СМИ,
Нижегородский государственный национальный исследовательский
университет им. Н.И. Лобачевского,
603950, Российская Федерация, Нижний Новгород, просп. Гагарина, 23;
e-mail: pr@unn.ru

Маковейчук Артем Васильевич

Ведущий специалист по связям с общественностью,
Нижегородский государственный национальный исследовательский
университет им. Н.И. Лобачевского,
603950, Российская Федерация, Нижний Новгород, просп. Гагарина, 23;
e-mail: pr@unn.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию вопросов, связанных с реализацией государственных программ развития системы высшего образования в Российской Федерации за последнее десятилетие в условиях глобализации.

В настоящее время наибольшего внимания заслуживает интеграция системы образования в глобальное образовательное пространство, главной задачей которого является формирование творческой личности, способной принимать взвешенные решения, предвидеть их возможные последствия, чувствовать ответственность за настоящее и будущее.

Важной задачей глобализации становится повышение конкурентоспособности системы образования, преимущественно высшего, на мировой арене, что создаёт существенные предпосылки для развития человеческого капитала и оказывает значимое влияние на конкурентоспособность всего государства в мировом пространстве.

Для цитирования в научных исследованиях

Авралев Н.В., Ефимова И.Н., Маковейчук А.В. Политические основы трансформации современного российского высшего образования в контексте глобализации // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Том 7. № 5А. С. 274-281.

Ключевые слова

Политическая система, глобализация, интернационализация образования, политические и управленческие решения, конкурентоспособность.

Введение

Система российского образования на сегодняшний день не отвечает современным потребностям, ни государства, ни общества, которое является одним из элементов рынка труда. Поэтому все больше наступающая глобализация через реконструкцию и модернизацию системы образования должна изменить наше представление о высшем образовании, его роли и значимости вузов в современной России, основанной на построение общества знаний, основным вектором которого должен стать человеческий капитал, сформированный в соответствии с мировыми требованиями и стандартами системы высшего образования [Авралев, Ефимова, Маковейчук, 2017].

Эти требования интегрируются в те направления глобализации, которые в настоящее время оказывают все большее влияние на развитие высшего профессионального образования во всем мире, не зависимо от того, насколько эти направления развиты для каждой системы образования отдельно.

Глобализацию на современном этапе необходимо рассматривать как процесс развития интеграции и экономики, и культуры, и политики, и образования и т.д. Но наивысшая роль в глобализации приходится на экономическую составляющую, которая является одним из секторов общей структуры экономик различных стран, направленных на сближение их основных параметров [Ефимова, Маковейчук]. К данным параметрам можно отнести: сближение культуры между различными странами, использование иностранных языков для международного сотрудничества, подъем международного туризма, возрастающее использование интернета, превратившегося в один из основных инструментов для научной, учебной и исследовательской деятельности и др.

Образование не может отставать от процесса интеграции и сближения между разными странами мира. Глобализацию образования необходимо рассматривать как подготовку высококвалифицированных специалистов для решения мировых задач и проблем [Глобализация и образование: Болонский процесс...].

В условиях глобализации изменяется и суверенитет различных стран, и представление о нем в целом. Посмотрим на российскую образовательную систему, которая в настоящее время претерпевает ряд модификаций и преобразований. Это и рост количества внебюджетных мест, и послабление участия государственных структур в деятельности вузов, и появление негосударственных вузов, что приводит к конкурентной борьбе за счет качества предоставляемых образовательных услуг, и использование маркетинга в управлении вузами и тд. [Avraley, Efimova, 2013].

В итоге, все перечисленные критерии и привели к созданию единого образовательного пространства, известного нам как Болонский процесс.

Присоединение России к Болонскому процессу в 2003 году до сих пор является спорным вопросом. Специалисты до сих пор спорят о правильности принятия решения, продолжают вести дискуссии о положительных и отрицательных сторонах [Бойченко, 2015]. Противники, которые высказались против присоединения России к Болонскому процессу утверждают, что мы ломаем устоявшуюся годами, традиционную систему российского образования в угоду системе образования европейских стран. Сторонники Болонского процесса, наоборот говорят о мобильности такой образовательной системы. При этом, необходимо отметить, что в результате присоединения к Болонскому процессу происходит формирование общеевропейского пространства высшего образования, в результате чего, наши студенты, становятся более конкурентоспособными и мобильными в условиях глобализации, в условиях неоднородных образовательных систем, но при одинаковых европейских стандартах.

Глобализация образования выступает зеркалом единого образовательного пространства, направленного не на противоречия в имеющихся образовательных системах, а наоборот, их коллаборацию.

Основы концептуального моделирования и формирования образовательных систем в условиях глобализации

Глобализация сегодня означает возникновение гибридной мировой культуры и переплетение национальных традиций и подразумевает сотрудничество между всеми нациями и всемирное разделение труда и неразрывно связана с появлением, именно, образованного общества.

Глобализация постоянно присутствует в нашей жизни и является основной чертой нашего и экономического, и политического, и культурного, и образовательного пространства. Глобализация помогает нам понять, что в мире происходят огромные перемены и проблемы, которые должны изучаться всем мировым сообществом [Зубарев, Коуров, 2014].

С другой стороны, интернационализация включает наличие национальных государств и показывает мировой порядок, над которым и находятся национальные государства. Интернационализация главным образом основана на коммуникации, раздвигает возможности научного поиска, развивает учебные программы. Присутствие в вузе студентов и ученых из различных стран повышает уровень культуры и студентов, и преподавателей.

Глобализация и интернационализация являются взаимосвязанными процессами, приводящими к преобразованиям вузов в новые формы своего развития.

Интернационализация высшего образования и общества в целом это как две стороны одной монеты, это и выгода, и испытание одновременно, но вне интернационализации жизнь становится уже нереальной. Сегодня вузу надо иметь не только хорошую внутреннюю структуру и успешно функционировать в границах небольших территорий, но и заявлять о себе всему миру при партнерстве и взаимодействии.

Любой вуз должен получать только дивиденды от глобализации. При этом, необходимо понимать, что все международные программы и активная работа, имеющая решающее значение для успеха всех упомянутых мероприятий, происходит для абитуриентов – будущих студентов. Именно перед ними открываются новые горизонты, помогающие учиться мыслить шире о себе

и обо всем мире, создаются условия для более активного личного и профессионального роста. Партнерство с представителями вузов других стран дает студентам возможность лучше разобраться в собственной культуре, оценить мировое сообщество и глобальную межнациональную интеграцию [Корецкий, 2013].

Интернационализация сама по себе не является новым явлением в нашей стране, еще при Петре I студенты направлялись в вузы Европы, чтобы получать новые знания, увидеть новую культуру. В советское время приезжало много студентов из разных стран мира с целью получения высшего образования. Но дальнейшие события начала 1990 годов, так же, как и «железный занавес» в свое время, прервали дальнейшее развитие образования по пути интернационализации.

В настоящее время Россия начинает набирать обороты в развитии образования и всё больше интегрирует в международное образовательное пространство, что способствует повышению конкурентоспособности российских вузов на мировом образовательном рынке и уже имеются определённые успехи на этом пути. Взаимодействия вузов становятся важнейшим инструментом деятельности, вследствие которого государство может проявить себя в национальном масштабе [Альтбах, 2004]. Поэтому вопросы образования начинают переплетаться с социальными и культурными вопросами. Умелое и профессиональное решение этих вопросов характеризует как состояние отдельного индивида, так и уровень культурной целостности страны в процессах международной коммуникации.

Управление процессами глобализации образования в высшей школе Российской Федерации

В 2005 году Президентом России Владимиром Путиным была запущена реализация четырёх приоритетных национальных проектов, в том числе и национального проекта «Образование» – программы повышения качества российского образования. В целях реализации была заявлена поддержка и развитие лучших образцов отечественного образования, внедрение современных образовательных технологий, поддержка инновационных вузов, реализация комплексной политики по информатизации учреждений среднего образования и ряд других задач.

Постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 295 была утверждена государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013-2020 годы» [www...], целью которой является создание условий для эффективного развития образования, направленного на обеспечение доступности качественного образования, отвечающего требованиям современного инновационного социально ориентированного развития России.

В конце 2017 года были анонсированы новые тренды в реализации государственной политики в сфере образования в России на ближайшие годы, а именно Правительством РФ утверждена новая Государственная программа «Развитие образования» на 2018-2025 гг. [Государственная программа «Развитие образования» ...]

Также задачи развития отечественной системы образования представлены и в Указе Президента Российской Федерации №204 от 07.05.2018 года «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [Указ Президента Российской Федерации №204 от 07.05.2018 года, ...].

При разработке национального проекта в сфере образования необходимо решить такие

задачи, как обеспечение глобальной конкурентоспособности российского образования; вхождение Российской Федерации в топ-10 ведущих стран мира по качеству общего образования; увеличение не менее чем в два раза количества иностранных граждан, обучающихся в образовательных организациях высшего образования и научных организациях, а также реализация комплекса мер по трудоустройству лучших из них в Российской Федерации.

Для реализации и воплощения поставленных задач необходимо систематизировать все элементы глобализации в сфере высшего образования и решить основные задачи: внедрение на уровне, как основного общего, так и среднего общего образования новых методов обучения, воспитания и образовательных технологий; формирование эффективной системы выявления, развития, поддержки талантливых детей и молодежи, направленной на самоопределение и профессиональную ориентацию обучающихся; разработку и внедрение национальной системы профессионального роста педагогических работников, охватывающей не менее 50 процентов учителей; создание условий для полноценного раннего развития детей в возрасте до трех лет, реализуя программу психолого-педагогической помощи и консультаций родителям детей; создание безопасной цифровой образовательной среды, которая сможет обеспечить высокое качество и доступность образования на всех уровнях; формирование системы непрерывного повышения квалификации и профессиональной переподготовки для обновления работающими гражданами своих профессиональных знаний и приобретения новых профессиональных навыков; реконструкцию профессионального образования посредством внедрения адаптивных, практико-ориентированных образовательных программ; совершенствование профессиональных конкурсов в целях предоставления возможностей для профессионального и карьерного роста; создание условий для развития наставничества и поддержки инициатив и проектов; увеличение количества иностранных обучающихся в вузах и научных организациях и т.д.

Национальный проект в области образования включает в себя несколько федеральных проектов: современная школа; социальная активность; учитель будущего; успех каждого ребенка; цифровая школа; современные родители; новые возможности для каждого; молодые профессионалы, которые, в конечном итоге приведут к воспитанию гармонично-развитой и социально-ответственной личности, основанной на духовно-нравственных ценностях, к обеспечению конкурентоспособности качественного образования и формированию компетенций XXI века.

Реализация данных проектов рассчитана на дошкольников, школьников, учащихся СПО, педагогических работников, родителей и работающих.

Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года (Утв. Пост. Правительства РФ от 29 сентября 2018 г.) включают в себя такие задачи, как вхождение России в число 10 ведущих стран мира по качеству общего образования, а также расширение присутствия российских университетов в топ-500 глобальных рейтингов университетов – Academic Ranking of World Universities (ARWU), Times Higher Education (THE), QS World University Rankings (QS); в рамках национального проекта «Образование» мероприятия – увеличение вдвое количества иностранных граждан, обучающихся в научно-образовательных организациях высшего образования, и трудоустройство лучших из них в Российской Федерации с учетом потребностей экономики.

Ещё одним политико-управленческим решением, связанным с развитием системы высшего образования в России, стал запуск большой программы государственной поддержки ведущих вузов России, известной как проект «5-100» (Программа повышения

конкурентоспособности ведущих российских вузов среди ведущих мировых научно-образовательных центров), стартовавшей в 2013 году и призванной вывести ведущие российские вузы на качественно новый мировой уровень.

Реализация проекта «5-100» позволит вузам участвовать в модернизации системы высшего образования, научных исследований и разработок.

Выводы

Подводя итог, нужно отметить, что политико-управленческие решения сегодня оказывают большое влияние на развитие системы образования в современной России. Предполагаемые государственные проекты помогут определить, каким будет наше образование в среднесрочной перспективе, и создадут предпосылки для качественного рывка, направленного на повышение качества и эффективности всей отечественной образовательной системы.

Отмеченные выше процессы глобализации, стирающие межгосударственные границы, создают необходимость в активном вовлечении вузов в международные образовательные проекты, что, безусловно, невозможно, без административной и финансовой поддержки со стороны государства.

Глобализация высшего образования и ее сферы деятельности нуждаются в более конкретной классификации и анализе возможно, как положительных, так и отрицательных черт, последствий их реализации в вузах, в обосновании их целесообразности в целом, ориентируясь на потребности государства в среде профессионального образования и возможные перспективы влияния аспектов глобализации на развитие общества.

Библиография

1. Авралева Н.В., Ефимова И.Н., Маковейчук А. В. Инновационные подходы к развитию системы рекрутинга студентов университета // Интеграция образования / Научный журнал. Т. 21, № 2. Саранск. Национальный исследовательский Мордовский государственный университет. 2017. С. 247–261.
2. Альтбах, Ф.Г. Глобализация и университет: мифы и реалии в мире неравенства / Ф.Г. Альтбах // Alma mater. - 2004. - № 10. - С. 39-46.
3. Бойченко, А.В. Глобализация мирового хозяйства: моногр. / ред. М.Н. Осьмова, А.В. Бойченко. – М.: ИНФРА-М, 2015. – 376 с.
4. Глобализация и образование: Болонский процесс. Материалы круглого стола – М.: Альфа-М, 2004. Вып. 2. – 168 с.
5. Государственная программа «Развитие образования» на 2018-2025 гг. // URL: <http://static.government.ru/media/files/313b7NaNS3VbcW7qWYslEDbPCuKi6lC6.pdf> (дата обращения 19.12.2018)
6. Ефимова И.Н., Маковейчук А.В./ Траектории развития рынка образовательных услуг в условиях глобализации высшего образования и реализации новой государственной образовательной политики в России: прикладной аспект/ Вопросы управления №3 (34), 2015, С.115-121
7. Зубарев А.Е., Коуров В.Ф., Глобализация высшего образования и факторы ее определяющие Электронное научное издание «Ученые заметки ТОГУ» 2014, Том 5, № 4, С. 140-144
8. Корецкий, В.А. Глобализация. Вопросы теории и методологии / В.А. Корецкий. – М.: Издательство МГУ, 2013. – 192 с.
9. Постановление «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» на 2013-2020 годы» // URL: <http://static.government.ru/media/files/0kPx2UXxuWQ.pdf> (дата обращения 19.12.2018)
10. Указ Президента Российской Федерации №204 от 07.05.2018 года «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71837200/> (дата обращения 19.12.2018)
11. Avralev N. V, Efimova I. N. The Role of International University Network Organizations in the Innovative Development of Russia // Middle-East Journal of Scientific Research 14 (10), pp. 1277-1291, 2013.

Political foundations of the transformation of modern Russian higher education in the context of globalization

Nikita V. Avralev

PhD in Political Science,
Vice-Rector for Public Relations,
Nizhny Novgorod State National Research University named after N.I. Lobachevsky,
603950, 23, Gagarin av., Nizhny Novgorod, Russian Federation;
e-mail: avralev@unn.ru

Irina N. Efimova

PhD in Sociology,
Head of Public Relations Department,
Nizhny Novgorod State National Research University named after N.I. Lobachevsky,
603950, 23, Gagarin av., Nizhny Novgorod, Russian Federation;
e-mail: pr@unn.ru

Artem V. Makoveichuk

Leading Specialist in Public Relations,
Nizhny Novgorod State National Research University named after N.I. Lobachevsky,
603950, 23, Gagarin av., Nizhny Novgorod, Russian Federation;
e-mail: pr@unn.ru

Abstract

The article is devoted to the study of issues related to the implementation of state programs for the development of higher education in the Russian Federation over the past decade in the context of globalization.

At present, the integration of the education system into the global educational space deserves the most attention, the main task of which is to form a creative person who is able to make informed decisions, anticipate their possible consequences, and feel responsibility for the present and future.

An important task of globalization is to increase the competitiveness of the education system, mainly higher, on the world stage, which creates significant prerequisites for the development of human capital and has a significant impact on the competitiveness of the entire state in the global space.

For citation

Avralev N.V., Efimova I.N., Makoveichuk A.V. (2018) Politicheskiye osnovy transformatsii sovremennogo rossiyskogo vysshego obrazovaniya v kontekste globalizatsii [Political foundations of the transformation of modern Russian higher education in the context of globalization]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 7 (5A), pp. 274-281.

Keywords

Political system, globalization, internationalization of education, political and managerial decisions, competitiveness.

References

1. Avralev N.V., Efimova I.N., Makoveychuk A.V. Innovative approaches to the development of the system of recruitment for university students // *Education Integration / Scientific journal*. V. 21, No. 2. Saransk. National Research Mordovia State University. 2017. P. 247-261.
2. Altbach, F.G. Globalization and the university: myths and realities in the world of inequality / F.G. Altbach // *Alma mater*. – 2004. – № 10. – P. 39-46.
3. Boychenko, A.V. Globalization of the world economy: monograph. / ed. M.N. Osmova, A.V. Boychenko. – M.: INFRA-M, 2015. – 376 pp.
4. Globalization and education: the Bologna process. Materials of the round table – M.: Alfa-M, 2004. Vol. 2. – 168 pp.
5. The state program «Development of Education» for 2018-2025 // URL: <http://static.government.ru/media/files/313b7NaNS3VbcW7qWYsIEDbPCuKi6lC6.pdf> (accessed at 19.12.2018)
6. Efimova I.N., Makoveychuk A.V. / The trajectories of the development of the educational services market in the context of globalization of higher education and the implementation of the new state educational policy in Russia: an applied aspect / *Management issues* No. 3 (34), 2015, P. 115-121
7. Zubarev, A.E., Kourov V.F., Globalization of Higher Education and its Determining Factors Electronic // *Scientific Publication «Scientists Notes PNU»* 2014, Volume 5, No. 4, P. 140-144
8. Koretsky, V.A. Globalization. Questions of theory and methodology / V.A. Koretsky. – M.: Publishing House of Moscow State University, 2013. – 192 pp.
9. Resolution «On approval of the state program of the Russian Federation «Development of Education» for 2013-2020» // URL: <http://static.government.ru/media/files/0kPx2UXxuWQ.pdf> (accessed at 19.12.2018)
10. Decree of the President of the Russian Federation No. 204 of 07.05.2018 «On the national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024» // URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71837200/> (accessed at 19.12.2018)
11. Avralev N.V., Efimova I.N. The Role of International University Network Organizations in the Innovative Development of Russia // *Middle-East Journal of Scientific Research* 14 (10), 2013, P. 1277-1291.

УДК 323.2

Теоретико-методологические проблемы элитологических исследований**Рябкова Светлана Александровна**

Кандидат политических наук,
доцент кафедры государственного и муниципального управления,
Государственный университет «Дубна»,
141980, Российская Федерация, Дубна, ул. Университетская, 19;
e-mail: rsa1988@yandex.ru

Аннотация

В статье анализируются проблемы разработки, изучения и использования идейно-теоретических положений и методологических принципов теории элит. Выявлена эвристическая значимость методологии и понятийного аппарата теории элит для анализа общественно-политических процессов. На примере исследований авторов, представляющих различные исторические периоды, рассмотрены разнообразные подходы к пониманию феномена политической элиты и основные тематические направления изучения элит. Определены наиболее популярные темы и методы элитологических исследований. Обозначены основные подходы к интерпретации ключевых понятий теории элит и критериям выделения элитных групп. Выявлены понятийно-категориальные и методологические проблемы элитологической концепции. Значительное внимание в статье уделяется рассмотрению истории становления и развития отечественной элитологии. Обозначены этапы и приоритетные направления развития российской элитологической мысли. Проанализированы научные исследования известных российских элитологов.

Для цитирования в научных исследованиях

Рябкова С.А. Теоретико-методологические проблемы элитологических исследований // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Том 7. № 5А. С. 282-290.

Ключевые слова

Элита, элитология, теория элиты, методология элиты, политика.

Введение

Решение актуальной на современном этапе развития задачи объективного осмысления, анализа и оценки общественно-политических перемен последних десятилетий в значительной степени связано с эффективным использованием существующих и разработкой новых теоретико-методологических подходов к анализу политических процессов. Сегодня одним из наиболее востребованных методов является интерпретация происходящих изменений на основе элитологической концепции. Это обусловлено эвристической значимостью методологии теории элит, позволяющей достаточно эффективно использовать ее при проведении научных исследований. При этом сама элитологическая концепция требует дальнейшей разработки, поскольку «является наименее изученной в нашей стране в сравнении с другими социально-философскими учениями, разработанными на Западе в XX веке» [Иванюк, 2005]. Эти обстоятельства определяют интерес к теоретико-методологическим проблемам элитологических исследований.

Представленные в публикациях различных авторов классификации научных исследований политических элит, значимых с позиций развития теории и методологии элитологии, включают, как правило, три основных тематических направления: 1) исторические (общетеоретические) исследования элит; 2) исследования общероссийских (федеральных) элит; 3) исследования региональных элит [Гельман, Тарусина, 2003; Поляков, 2011]. На наш взгляд, в современных элитологических исследованиях выделяется еще одно направление – 4) исследование функционально-ведомственных (профессиональных) элит.

Основная часть

Рассмотрим подробнее каждое из этих направлений. История и эволюция теории элит насчитывает не одно тысячелетие. К разработке идейно-теоретических основ элитизма причастны Конфуций (учение о «благородных мужах» — мудрых и нравственных правителях), Платон (теория «идеального государства» под руководством философов), Н. Макиавелли (идея о перманентном конфликте аристократии и народа), Т. Карлейль (учение об особой исторической роли выдающихся личностей), Ф. Ницше (концепция «сверхчеловека») и др.

Дальнейшее развитие теория элит получила в работах основоположников политической элитологии В. Парето (теория циркуляции элит, объясняющая механизм политических трансформаций) [Парето, 1997], Г. Моски (концепция «правлящего класса» как субъекта политического процесса) [Моска, 1994], Р. Михельса (учение о неизбежности бюрократизации политических систем в рамках «железного закона олигархических тенденций») [Михельс, 1991].

Анализ конкретных общественно-политических систем через призму классических теорий элитизма осуществлен в исследованиях М. Вебера (концепция бюрократии) [Вебер, 1991], Х. Ортеги-и-Гассета (элиты и массы в политике) [Ортега-и-Гассет, 2002], Р. Миллса (теория властвующей элиты) [Миллс, 2007] и др.

Значительный вклад в разработку теории и методологии политического процесса внесли Д. Истон (системный анализ) [Истон, 1997], Ч. Мерриам (бихевиорализм) [Мерриам, 1997], Т. Парсонс (структурно-функциональный подход) [Парсонс, 1997].

Важны также исследования Д. Ростоу (модель политической модернизации) [Ростоу, 1996] и С. Хантингтона (модель трансформационных процессов) [Хантингтон, 2003].

Среди наиболее востребованных у политологов теоретических подходов к критериям выделения политических элит можно назвать следующие:

- ценностный (или меритократический) подход – акцентирует внимание на особых качествах элиты (интеллектуальных, моральных и т.д.);
- структурно-функциональный – обосновывает элитизм значимостью группы людей (меньшинства), реализующих управленческие функции;
- статусно-позиционный (или институциональный) подход – ключевым с точки зрения принадлежности к элите считает положение человека в обществе;
- репутационный – основными критериями вхождения в элиту рассматривает влияние и значимость в обществе;
- ресурсный – делает акцент на возможности контролировать ресурсы общества (материальные, политические и др.).

Что касается российской традиции изучения политических элит, то здесь можно выделить несколько этапов. Первый из них представлен работами Н.А. Бердяева (о правлении организованного меньшинства) [Бердяев, 2012], П.А. Сорокина (о циркуляции элит) [Сорокин, 1992], И.А. Ильина (об ответственности элиты перед обществом и ее моральных качествах) [Ильин, 2001].

В советский период (до 1970-1980-х гг.) теория политических элит считалась псевдонаучным учением буржуазного толка. Теоретические и эмпирические исследования в этой сфере были «запретной зоной», преодолеть которую удалось лишь некоторым исследователям (А.А. Галкин, Г.К. Ашин и др.).

Активизация элитологических исследований в 1990-е гг. является следствием многих факторов, в числе которых: особая роль элиты в трансформационных процессах этого периода, создание в конце 1980-х гг. сектора изучения элит в Институте социологии АН СССР и др. Эксперты признают, что сегодня «российская элитология гораздо более развита», чем другие отрасли политического знания (не только с количественной точки зрения) [Гельман, Тарусина, 2003], и представляет собой не набор отдельных теорий и концепций, а «единую науку с общей методологической основой» [Понеделков, Старостин, 2008].

Исследования федеральных элит в значительной степени посвящены анализу и оценке их роли в политическом процессе и характеризуются использованием разнообразных методологических подходов (системный анализ, компаративный, исторический, эмпирико-социологический и другие методы) и проблемных измерений (стратификационные, транзитологические исследования).

Примером использования этих подходов в изучении российских элит являются работы О.В. Гаман-Голутвиной [Гаман-Голутвина, 2006; 2011], А.В. Понеделкова и А.М. Старостина [Понеделков, Старостин, 2007], В.П. Мохова [Мохов, 2003], Д.В. Бадовского [Бадовский, 1994], в которых выявляются и анализируются причины лидерства административной элиты в системе элит, особенности преобразования советских элит в постсоветские, черты сходства (преемственности) и различия между ними.

Стратификационные исследования (О.В. Крыштановская [Крыштановская, 1995], С.П. Перегудов [Перегудов, 2003], Ю.Г. Коргунюк [Коргунюк, 2001] и другие авторы) включают в себя комплексный анализ элит (генезис, каналы рекрутирования, особенности ротации, траектории карьеры, ценности и установки и т.д.).

Транзитологические исследования (В.Э. Абелинскийте [Абелинскийте, 2015], В.И. Кучумов [Кучумов, 2008] и др.) посвящены анализу влияния элит на трансформацию политического режима в России.

В перечне наиболее заметных исследовательских проектов можно назвать кросс-национальное количественное исследование, посвященное анализу генезиса и траекторий карьерной мобильности советских и постсоветских элит, проведенное в 1993 году ВЦИОМ [Головачев, Косова, 1995; Ершова, 1994]. В 1994 году группа под руководством К.И. Микульского, используя качественные методы сбора данных, реализовала проект по анализу взглядов представителей элитных групп на процессы политического и экономического развития посткоммунистической России [Элита России, 1995]. В 2011-2015 гг. исследовательский проект по изучению социальных и психологических особенностей российской политической элиты реализован в МГУ имени М.В. Ломоносова под руководством Е.Б. Шестопаля [Шестопаля, 2016]. Центр «Лаборатория Крыштановской» в 2016 году провел социологическое исследование «Социальная элита России» [Социальная элита России, www].

С середины 1990-х гг. внимание отечественных авторов привлекают региональные элиты. Поначалу несамостоятельные в своих концептуальных основах и в значительной степени дублирующие работы, посвященные изучению элит на федеральном уровне, исследования региональных элит быстро эволюционируют, приобретая системный характер и научную глубину. Так, например, в монографии «Россия регионов: трансформация политических режимов» под редакцией В.Я. Гельмана, С.И. Рыженкова и М. Бри [Гельман, 2000] представлен анализ политических изменений с учетом региональных особенностей.

Значимыми для совершенствования методики элитологических исследований являются регионально ориентированные работы Н.Ю. Лапиной и А.Е. Чириковой [Лапина, Чирикова, 2002; 2000; 1999; 2001], в которых выявляются ресурсы влияния, политические ориентации и ценностные установки региональных элитных групп, анализируются стратегии региональных элит по защите своего влияния и выстраиванию отношений с центром.

В работе А.М. Старостина «Эффективность деятельности административно-политических элит: критерии оценки и анализ состояния в современной России» [Старостин, 2003] анализируются факторы и условия, детерминирующие развитие региональных элит.

Вопросам анализа и интерпретации политических и экономических ориентаций элитного сообщества Северо-Запада России посвящено исследование А.В. Дуки [Дука, 2001].

Роль элит в создании «идеологии регионализма» анализирует А.К. Магомедов [Магомедов, 2000]. В своем сравнительном исследовании он рассматривает политические установки элит четырех российских регионов – Татарстана, Калмыкии, Саратовской и Нижегородской областей.

Значительная часть современных элитологических исследований связана с дифференциацией элиты на функционально-ведомственные (профессиональные) группы. В этой группе выделяются работы, посвященные изучению моделей поведения, механизмов рекрутирования экономической элиты, ее влияния на ход и результаты экономических реформ (И.М. Бунин [Бунин, 1993]; Л.В. Бабаева, А.Е. Чирикова [Бабаева, Чирикова, 1995; Чирикова, 1997]; И.В. Куколев [Куколев, 1995]; Н.А. Лапина [Лапина, 1997]). Повышенный интерес к этой элитной группе можно объяснить сопряженностью процесса общественно-политической трансформации российского общества с серьезными изменениями в экономической сфере и важнейшей ролью в этом процессе экономической (предпринимательской, бизнес, деловой) элиты.

Итак, в последнее время основные методологические принципы теории элит (принцип стратификации, принцип циркуляции элит, принцип меритократии и др.) активно привлекается к анализу общественно-политических процессов для их объективной оценки и углубленного понимания. В элитологических исследованиях в интерпретации термина «элита» преобладает

функциональный подход (элита есть категория лиц, реализующих управление обществом) с различными по оттенкам и смыслу аксиологическими акцентами (состоятельность, одаренность и т.д.). В качестве основных критериев выделения элит исследователи, как правило, используют статусно-позиционный и репутационный критерии. С нашей точки зрения, оба подхода не лишены недостатков. Статусно-позиционный подход представляется формальным и может дать ошибочный результат в определении политического веса субъектов политических отношений и процессов из-за преувеличения роли тех, кто обладает номинальной властью, и игнорирования потенциального влияния теневых фигур. Базирующийся на использовании метода экспертных оценок репутационный анализ позволяет выявлять динамику политического влияния, однако страдает субъективизмом, препятствующим получению надежных результатов исследований. Чаще всего в поле зрения исследователей попадает политическая, административная и экономическая элиты. При изучении феномена элит популярными являются методы сбора и обработки данных (анализ документов и биографий представителей элит, интервьюирование). Среди количественных методов исследования преобладают опросы, среди качественных – фокус-группы, формализованные интервью.

Заключение

Приоритетной темой российских исследователей является анализ процессов циркуляции и/или воспроизводства элит в период радикальных политических изменений. При этом, как отмечают эксперты, российская элитология испытывает серьезное влияние западных методологических установок [Понеделков, Старостин, 2008].

По мнению автора, к числу нерешенных проблем методологического характера можно отнести проблемы определения изучаемой исследователями эмпирической совокупности. Например, применительно к экономической элите остается открытым вопрос о границах и составе этой властной группы [Колесник, Тев, Невский, 2008] и др. Отсюда вытекает проблема надежности получаемых результатов исследований, корректной их интерпретации, которая пока не стала предметом рефлексии в научном сообществе.

Серьезной методологической проблемой является недостаточная разработанность категориально-понятийного аппарата элитологии, неопределенность ряда базовых понятий этого явления, а также противоречивость выводов, получаемых при анализе элит на основе одних и тех же фактов в рамках социологического, философского и политологического дискурсов.

Библиография

1. Абелинскийте В.Э. Влияние политической элиты на трансформации государственных институтов современной России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2015. 28 с.
2. Бабаева Л.В., Чирикова А.Е. Бизнес-элита о времени и о себе // Деловые люди. 1995. № 1. С. 66-74.
3. Бадковский Д.В. Трансформация политической элиты в России — от организации профессиональных революционеров к партии власти // Полис. 1994. № 6. С. 42-58.
4. Бердяев Н.А. Философия неравенства. М., 2012. 624 с.
5. Бунин И.М. Новые российские предприниматели и мифы посткоммунистического сознания // Либерализм в России. М., 1993. С. 46-81.
6. Вебер М. Избранные произведения. М., 1991. 223 с.
7. Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. М., 2006. 446 с.
8. Гаман-Голутвина О.В. Элиты и общество в сравнительном измерении. М., 2011. 431 с.
9. Гельман В.Я. (ред.) Россия регионов: Трансформация политических элит. М., 2000. 375 с.

10. Гельман В.Я., Тарусина И.Г. Изучение политических элит в России: проблемы и альтернативы // Политическая наука. 2003. №1. С. 53-78.
11. Головачев Б.В., Косова Л.Б. Ценностные ориентации советских и постсоветских элит // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. М., 1995. С. 183-187.
12. Дука А.В. (ред.) Региональные элиты Северо-Запада России: политические и экономические ориентации. СПб, 2001. 351 с.
13. Ершова Н.С. Трансформация правящей элиты в условиях социального перелома // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. М., 1994. С. 151-155.
14. Иванюк В.Ф. Методологические проблемы исследований элит: социально-философский анализ: авторефер дис. ... канд. фил. наук. СПб., 2005. 18 с.
15. Ильин И.А. О воспитании национальной элиты. М., 2001. 509 с.
16. Истон Д. Категории системного анализа в политике // Антология мировой политической мысли. В 5 т. М., 1997. Т. II. С. 630-642.
17. Колесник Н.В., Тев Д.Б., Невский А.В. Экономическая элита в российском регионе: методический опыт определения выборочной совокупности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Т. 11. № 1. С. 71-91.
18. Коргунюк Ю.Г. Политическая элита современной России с точки зрения социального представительства // Полис. 2001. № 1. С. 30-48; № 2. С. 24-39.
19. Крыштановская О.В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 51-65.
20. Куколев И.В. Формирование российской бизнес-элиты // Социологический журнал. 1995. № 3. С. 159-169.
21. Кучумов В.И. Роль элиты в трансформации политических режимов в современной России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2008. 18 с.
22. Лапина Н.А. Российские экономические элиты и модели национального развития. М., 1997. 32 с.
23. Лапина Н.Ю., Чирикова А.Е. Региональная власть и реформа российского федерализма: сценарии политического будущего // Социологические исследования. 2001. № 4. С. 16-27.
24. Лапина Н.Ю., Чирикова А.Е. Региональные элиты в РФ: модели поведения и политические ориентации. М., 1999. 192 с.
25. Лапина Н.Ю., Чирикова А.Е. Регионы-лидеры: экономика и политическая динамика (на примере Ярославской и Самарской областей). М., 2002. 324 с.
26. Лапина Н.Ю., Чирикова А.Е. Стратегии региональных элит: экономика, модели власти, политический выбор. М., 2000. 198 с.
27. Магомедов А.К. Мистерия регионализма: Региональные правящие элиты и региональные идеологии в современной России: модели политического воссоздания «снизу» (сравнительный анализ на примере республик и областей Поволжья). М., 2000. 221 с.
28. Мерриам Ч. Новые аспекты политики // Антология мировой политической мысли. В 5 т. М., 1997. Т. II. С. 176-184.
29. Миллс Р. Властвующая элита. М., 2007. 844 с.
30. Михельс Р. Демократия и железный закон олигархии // Диалог. 1991. № 3. С. 42-46.
31. Моска Г. Правящий класс // Социологические исследования. 1994. № 12. С. 97-117.
32. Мохов В.П. Региональная политическая элита России (1945-1991). Пермь, 2003. 238 с.
33. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 2002. 509 с.
34. Парето В. Компендиум по общей социологии // Антология мировой политической мысли. В 5 т. М.: Мысль, 1997. Т. II. С. 59-79.
35. Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1997. 270 с.
36. Перегудов С.П. Корпорации, общество, государство: Эволюция отношений. М., 2003. 352 с.
37. Поляков А.К. К вопросу о методологии исследования политической элиты // Власть. 2011. № 2. С. 110-114.
38. Понеделков А.В., Старостин А.М. Элитологи об элитах. Ростов н/Д., 2007. 120 с.
39. Понеделков А.В., Старостин А.М. Элитологическая парадигма в современных политологических исследованиях // Pro пупс: Современные политические процессы. 2008. Т. 8. № 1. С. 38-48.
40. Ростоу Д.А. Переходы к демократии: попытка динамической модели // Полис. 1996. № 5. С. 5-15.
41. Сорокин П.А. Социальная и культурная мобильность // Человек, цивилизация, общество. М., 1992. С. 297-424.
42. Социальная элита России. Результаты всероссийского опроса экспертов. URL: <https://www.politanalitika.ru/uncategorized/sotsialnaya-elita-rossii-v-zerkale-obshchestvennogo-mneniya/>
43. Старостин А.М. Эффективность деятельности административно-политических элит: критерии оценки и анализ состояния в современной России. Ростов н/Д., 2003. 351 с.
44. Хантингтон С. Третья волна. М., 2003. 368 с.
45. Чирикова А.Е. Лидеры российского предпринимательства: менталитет, смыслы, ценности. М., 1997. 201 с.
46. Шестопап Е.Б. Элиты и общество как политические акторы постсоветской России // Социологические исследования. 2016. № 5. С. 35-43.

Studying the elites: theoretical and methodological problems

Svetlana A. Ryabkova

PhD in Politology,
Associate Professor of the Department of state and municipal management,
State University «Dubna»,
141980, 19, Universitetskaya st., Dubna, Russian Federation;
e-mail: rsa1988@yandex.ru

Abstract

The article analyzes the problems of development, study and use of ideological and theoretical provisions and methodological principles of the theory of elites. The heuristic significance of the methodology and conceptual apparatus of the theory of elites for the analysis of socio-political processes is revealed. On the example of studies by authors representing different historical periods, various approaches to understanding the phenomenon of the political elite and the main thematic areas of the study of elites are considered. The author of the research has identified the most popular topics and methods of elitological research. The basic approaches to the interpretation of key concepts of the theory of elites and the criteria for identifying elite groups are indicated. Conceptual-categorical and methodological problems of the elitological concept are revealed. Considerable attention in the article is paid to the consideration of the history of the formation and development of domestic elitology. Stages and priority directions for the development of Russian elitological thought are indicated; the scientific studies of famous Russian elitologists are analyzed. A serious methodological problem is the insufficient development of the categorical-conceptual apparatus of elitology, the uncertainty of a number of basic concepts of this phenomenon, as well as the inconsistency of the conclusions obtained in the analysis of elites based on the same facts in the framework of sociological, philosophical and politological discourses.

For citation

Ryabkova S.A. (2018) *Teoretiko-metodologicheskie problemy elitologicheskikh issledovaniy* [Studying the elites: theoretical and methodological problems]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 7 (5A), pp. 282-290.

Keywords

Elite, elites studies, theory of elite, methodology of elite, politics.

References

1. Abelinskaite V.E. (2015) *Vliyaniye politicheskoi elity na transformatsii gosudarstvennykh institutov sovremennoi Rossii. Doct. Dis.* [The influence of the political elite on the transformation of state institutions in modern Russia. Doct. Dis.]. Moscow.
2. Babaeva L.V., Chirikova A.E. (1995) *Biznes-elita o vremeni i o sebe* [Business elite about time and about itself]. *Delovye lyudi* [Business people], 1, pp. 66-74.
3. Badovskii D.V. (1994) *Transformatsiya politicheskoi elity v Rossii – ot organizatsii professional'nykh revolyutsionerov k partii vlasti* [Transformation of the political elite in Russia: from the organization of professional revolutionaries to the ruling party]. *Polis*, 6, pp. 42-58.
4. Berdyaev N.A. (2012) *Filosofiya neravenstva* [The philosophy of inequality]. Moscow.

5. Bunin I.M. (1993) Novye rossiiskie predprinimateli i mify postkommunisticheskogo soznaniya [Russian entrepreneurs and myths of post-communist consciousness]. In: *Liberalizm v Rossii* [Liberalism in Russia]. Moscow.
6. Chirikova A.E. (1997) *Lidery rossiiskogo predprinimatel'stva: mentalitet, smysly, tsennosti* [Leaders of Russian entrepreneurship: mentality, meanings, values]. Moscow.
7. Duka A.V. (ed.) (2001) *Regional'nye elity Severo-Zapada Rossii: politicheskie i ekonomicheskie orientatsii* [Regional elites of North-West Russia: political and economic orientations]. St. Petersburg.
8. Easton D. (1997) Kategorii sistemnogo analiza v politike [Categories of system analysis in politics]. In: *Antologiya mirovoi politicheskoi mysli. V 5 t.* [Anthology of world political thought. In 5 vols.]. Moscow. Vol. II.
9. Ershova N.S. (1994) Transformatsiya pravyashchei elity v usloviyakh sotsial'nogo pereloma [Transformation of the ruling elite in a social turning point]. In: *Kuda idet Rossiya? Al'ternativy obshchestvennogo razvitiya* [Where is Russia going? Alternatives to social development]. Moscow.
10. Gaman-Golutvina O.V. (2011) *Elity i obshchestvo v sravnitel'nom izmerenii* [Russia's political elite: milestones of historical evolution]. Moscow.
11. Gaman-Golutvina O.V. (2006) *Politicheskie elity Rossii: vekhi istoricheskoi evolyutsii* [Elites and society in comparative dimension]. Moscow.
12. Gel'man V.Ya., Tarusina I.G. (2003) Izuchenie politicheskikh elit v Rossii: problemy i al'ternativy [The study of political elites in Russia: problems and alternatives]. *Politicheskaya nauka* [Political science], 1, pp. 53-78.
13. Gel'man V.Ya. (ed.) (2000) *Rossiya regionov: Transformatsiya politicheskikh elit* [Russia of the Regions: The Transformation of Political Elites]. Moscow.
14. Golovachev B.V., Kosova L.B. (1995) Tsennostnye orientatsii sovetskikh i postsovetetskikh elit [Value Orientations of the Soviet and Post-Soviet Elites]. *Kuda idet Rossiya? Al'ternativy obshchestvennogo razvitiya* [Where is Russia going? Alternatives to social development]. Moscow.
15. Huntington S. (2003) *Tret'ya volna* [The third wave]. Moscow.
16. Il'in I.A. (2001) *O vospitanii natsional'noi elity* [On the upbringing of the national elite]. Moscow.
17. Ivanyuk V.F. (2005) *Metodologicheskie problemy issledovaniy elit: sotsial'no-filosofskii analiz. Doct. Dis.* [Methodological problems of elite research: a socio-philosophical analysis]. St. Petersburg.
18. Kolesnik N.V., Tev D.B., Nevskii A.V. (2008) Ekonomicheskaya elita v rossiiskom regione: metodicheskii opyt opredeleniya vyborochnoi sovokupnosti [The economic elite in the Russian region: a methodological experience in determining the sample population]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 11, 1, pp. 71-91.
19. Korgunyuk Yu.G. (2001) Politicheskaya elita sovremennoi Rossii s tochki zreniya sotsial'nogo predstavitel'stva [The political elite of modern Russia from the point of view of social representation]. *Polis*, 1, pp. 30-48; 2, pp. 24-39.
20. Kryshchanovskaya O.V. (1995) Transformatsiya staroi nomenklatury v novuyu rossiiskuyu elitu [Transformation of the old nomenclature into the new Russian elite]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 1, pp. 51-65.
21. Kuchumov V.I. (2008) *Rol' elity v transformatsii politicheskikh rezhimov v sovremennoi Rossii. Doct. Dis.* [The role of the elite in the transformation of political regimes in modern Russia. Doct. Dis.]. St. Petersburg.
22. Kukolev I.V. (1995) Formirovanie rossiiskoi biznes-elity [Formation of the Russian business elite]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal], 3, pp. 159-169.
23. Lapina N.A. (1997) *Rossiiskie ekonomicheskie elity i modeli natsional'nogo razvitiya* [Russian economic elites and national development models]. Moscow.
24. Lapina N.Yu., Chirikova A.E. (2001) *Regional'naya vlast' i reforma rossiiskogo federalizma: stsennarii politicheskogo budushchego* [Regional Power and the Reform of Russian Federalism: Scenarios of the Political Future]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 4, pp. 16-27.
25. Lapina N.Yu., Chirikova A.E. (1999) *Regional'nye elity v RF: modeli povedeniya i politicheskie orientatsii* [Regional elites in the Russian Federation: behaviors and political orientations]. Moscow.
26. Lapina N.Yu., Chirikova A.E. (2002) *Regiony-lidery: ekonomika i politicheskaya dinamika (na primere Yaroslavskoi i Samarskoi oblastei)* [Leading regions: economics and political dynamics (on the example of the Yaroslavl and Samara regions)]. Moscow.
27. Lapina N.Yu., Chirikova A.E. (2000) *Strategii regional'nykh elit: ekonomika, modeli vlasti, politicheskii vybor* [Strategies of regional elites: economics, power models, political choice]. Moscow.
28. Magomedov A.K. (2000) *Misteriya regionalizma: Regional'nye pravyashchie elity i regional'nye ideologii v sovremennoi Rossii: modeli politicheskogo vossozdaniya «snizu» (sravnitel'nyi analiz na primere respublik i oblastei Povolzh'ya)* [Mystery of regionalism: Regional ruling elites and regional ideologies in modern Russia: models of political reconstruction from below (comparative analysis on the example of the republics and regions of the Volga region)]. Moscow.
29. Merriam C. (1997) Novye aspekty politiki [New Aspects of Politics]. In: *Antologiya mirovoi politicheskoi mysli. V 5 t.* [Anthology of world political thought. In 5 vols.]. Moscow. Vol. 2.
30. Mills R. (2007) *Vlastvuyushchaya elita* [The ruling elite]. Moscow.

31. Mikhel's R. (1991) *Demokratiya i zheleznyi zakon oligarkhii* [Democracy and the Iron Law of Oligarchy]. *Dialog* [Dialogue], 3, pp. 42-46.
32. Mokhov V.P. (2003) *Regional'naya politicheskaya elita Rossii (1945-1991)* [Regional political elite of Russia]. Perm.
33. Moska G. (1994) *Pravyashchii klass* [The ruling class]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 12, pp. 97-117.
34. Ortega y Gasset H. (2002) *Vosstanie mass* [The uprising of the masses]. Moscow.
35. Pareto V. (1997) *Kompendium po obshchei sotsiologii* [Compendium on General Sociology]. In: *Antologiya mirovoi politicheskoi mysli. V 5 t.* [Anthology of world political thought. In 5 vols.]. Moscow. Vol. 2.
36. Parsons T. (1997) *Sistema sovremennykh obshchestv* [The system of modern societies]. Moscow.
37. Peregudov S.P. (2003) *Korporatsii, obshchestvo, gosudarstvo: Evolyutsiya otnoshenii* [Corporations, society, states: The evolution of relations]. Moscow.
38. Polyakov A.K. (2011) *K voprosu o metodologii issledovaniya politicheskoi elity* [On the question of the methodology of the study of the political elite]. *Vlast'* [Power], 2, pp. 110-114.
39. Ponedelkov A.V., Starostin A.M. (2007) *Elitologi ob elitakh* [Elitologists about elites]. Rostov-on-Don.
40. Ponedelkov A.V., Starostin A.M. (2008) *Elitologicheskaya paradigma v sovremennykh politologicheskikh issledovaniyakh* [Elitological paradigm in modern political science research]. *Pro nunc: Sovremennye politicheskie protsessy* [Pro nunc: Modern political processes], 8, 1, pp. 38-48.
41. Rostou D.A. (1996) *Perekhody k demokratii: popytka dinamicheskoi modeli* [Transitions to democracy: an attempt at a dynamic model]. *Polis*, 5, pp. 5-15.
42. Shestopal E.B. (2016) *Elity i obshchestvo kak politicheskie aktory postsovetskoi Rossii* [Elites and society as political actors of post-Soviet Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 5, pp. 35-43.
43. Sorokin P.A. (1992) *Sotsial'naya i kul'turnaya mobil'nost'* [Social and cultural mobility]. In: *Chelovek, tsivilizatsiya, obshchestvo* [Social and cultural mobility]. Moscow.
44. *Sotsial'naya elita Rossii. Rezul'taty vserossiiskogo oprosa ekspertov* [The social elite of Russia. The results of the All-Russian expert survey]. Available at: <https://www.politanalitika.ru/uncategorized/sotsialnaya-elita-rossii-v-zerkale-obshchestvennogo-mneniya/> [Accessed 09/09/2018]
45. Starostin A.M. (2003) *Effektivnost' deyatel'nosti administrativno-politicheskikh elit: kriterii otsenki i analiz sostoyaniya v sovremennoi Rossii* [The effectiveness of the activities of administrative and political elites: criteria for assessing and analyzing the state of modern Russia]. Rostov-on-Don.
46. Weber M. (1991) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow.

УДК 323

Проблемы приоритета: право или политика

Шашкова Анна Владиславовна

Доктор политических наук, кандидат юридических наук, доцент,
адвокат, почетный консул Сент-Винсента и Гренадин,
доцент кафедры конституционного права,
Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации,
119454, Российская Федерация, Москва, просп. Вернадского, 76;
e-mail: shashkova@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу проблемы соотношения политики и права. Автор рассматривает понимание политики в качестве искусства управления, а также историческое развитие этого понятия. В статье ставится вопрос о понимании права через призму свободы. Наиболее значимому анализу в статье подвергается проблема взаимосвязи между политикой и правом. Автор приходит к выводу о наличии тесной взаимосвязи и взаимозависимости между политикой и правом, необходимости их сбалансированного взаимодействия, однако для проведения в жизнь справедливой политики в государстве настаивает на необходимости примата права над политикой. Политика должна опираться на право, быть правовой, а право, в свою очередь, должно эффективно способствовать проведению разумной государственной политики в интересах большинства населения государства.

Для цитирования в научных исследованиях

Шашкова А.В. Проблемы приоритета: право или политика // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Том 7. № 5А. С. 291-299.

Ключевые слова

Соотношение политики и права, взаимосвязь политики и права, понимание политики, толкование права, приоритет права.

Тем, кто любит колбасу и уважает закон, не стоит видеть,
как делается и то, и другое.

Законы Мерфи

Введение

Проблема соотношения политики и права представляет интерес как при анализе права, так и при анализе политики. Данная проблема приоритетов существует с незапамятных времен. Рано или поздно поднимается вопрос о том, что первостепенно – право или политика. Право – это форма выражения политики, оно является легитимацией политики, проводимой государством, и должно юридически оправдывать данную политику? Либо политика должна быть основана на существующем и устоявшемся законе? Рассмотрение сущности данных явлений дает ответ на поставленные вопросы.

Интерес в политике не относится к естественным интересам индивида и человеческого общества. Догосударственное социально однородное первобытное общество существовало на протяжении многих тысячелетий, не имея необходимости установления политических учреждений и организаций. Следовательно, в таком обществе политика как таковая также отсутствовала. Усложнение и развитие общества, появление в обществе взаимонеприемлемых противоречивых интересов явились генезисом государства и политики. Без появления государства появление политики невозможно. Своим происхождением политика обязана государству.

Понятие политики

Аристотель определяет политику как искусство управления государством, полисом. Мыслитель употребляет термин «искусство» для обозначения высокого уровня и эффективности ведения государственных дел. Он говорит о присутствующей в данном термине гармонии, слаженности и согласованности. Политика должна находить свою реализацию: она проводится в жизнь посредством управления, прежде всего – государственного. Выработка политики происходит через субъектов политики: различные институты, учреждения, организации.

Иные мыслители, включая Демокрита, развивая тему искусства, заложенную Аристотелем, полагали, что политика – это не просто искусство, а наивысшее из всех искусств. Удел заниматься политикой – это удел высокоодаренных, мудрых, честных и справедливых людей. Презюмируется мудрость политики, поскольку именно осуществление мудрой политики является залогом процветания государства, а также благосостояния его общества и отдельной личности.

По мере исторического развития общества понимание политики и влияние политики на общественные процессы неуклонно расширяются. Сегодняшние исследователи подчеркивают реалистичность политики, характеризуя ее как искусство возможного; указывают на ее гибкость, характеризуя политику как искусство компромиссов; акцентируют внимание на эффективности и динамизме политики как гармонии желаемого и объективно достижимого. В настоящее время абсолютное большинство взрослых дееспособных граждан демократического государства становится субъектом политики и политических отношений: путем проведения

выборов избиратели формируют институты государственной власти, принимают важнейшие политические решения и реализуют принадлежащие им политические права и свободы.

Понимание права

Субъективное выражение права представляет собой определенную в законе свободу: содержание источника права – закона – состоит в определении правового статуса индивида, его прав и обязанностей, т. е. того, что индивид может требовать от государства или иных субъектов политики, и того, что субъекты политики могут требовать от индивида. Такое субъективное выражение права одного индивида может войти в конфликт с субъективным правом другого. Поэтому неизменно исполнение закона сопровождается принуждением. Нарушение субъективного выражения чужого права, чужой свободы сопровождается правомерным насилием, поскольку представляет собой насилие над насилием. Здесь разделяются сферы публичного и частного права. В частном праве индивид имеет право на самозащиту, он имеет право обратиться за государственным принуждением в определенные институты государственной власти – в суд. В публичном праве применение правомерного насилия со стороны государства является не только правом, но и обязанностью власти, охраняющей закон. Это и является правосудием.

Позитивное право – право, не принадлежащее индивиду от рождения, не естественное право, а право, прямо закрепленное в нормативно-правовых актах и определяющее совокупность правового статуса, прав и обязанностей человека.

Мы отталкиваемся от понимания права в качестве одной из форм свободы в либертарно-юридической теории права и государства. Данная теория была разработана академиком РАН В.С. Нерсисянцем и показывает неотделимость права от свободы, невозможность существования права вне какой-либо меры свободы. Право представляется в качестве исторически определенной и объективно обусловленной формы свободы. При этом для осуществления формальной свободы необходимо право, без которого существование индивида невозможно. Свобода является характерной чертой личности. Философские воззрения философа Бенедикта Спинозы определяют свободу как познанную необходимость. С одной стороны, индивид наделен свободой воли и свободно осуществляет свои поступки, с другой стороны, свобода воли – это иллюзия, индивиды в большинстве своем не вникают в глубинные причины своих поступков. Лишь умудренное меньшинство способно осознать необходимость своих поступков и понять такую истинную свободу, постигнуть единство обретенной свободы с необходимостью.

Виднейший русский теоретик права Н.М. Коркунов продвинулся далее в своем понимании значимости права через призму свободы. Он полагает, что можно найти человека, за всю свою жизнь никогда не заинтересовавшегося вопросами естествознания и истории, однако не заинтересоваться вопросами права за всю жизнь невозможно. «Каким мизантропом вы ни будьте, как ни чуждайтесь вы людей, вам не обойти вопросов о праве. По крайней мере, одно право, право личной свободы, не может вас не интересовать. Чуждаясь людей, вы должны же сказать им: здесь сфера моей личности, сюда вы не имеете права вторгаться» [Коркунов, 1904, 7].

Крупные философы древности посвящали свое внимание правовым вопросам. Древнеримский юрист Ульпиан говорит о необходимости изучить происхождение понятия права: «изучающему право надо, прежде всего, узнать, откуда происходит слово “право” (ius);

оно получило свое название от правосудия (*iustitia*)... право есть наука (*ars*) о добром и справедливом» [Syme, 1972].

Философия более позднего периода также не обходит вопрос права стороной. Иммануил Кант в своем трактате «Метафизика нравов» указывает: «для правоведа остается тайной – является ли правом то, что требуют законы, каков всеобщий критерий, на основании которого можно вообще различать правовое и неправовое» [Кант, 1965, т. 4-2, 139].

Американский правовед Лоуренс Фридман также отмечает, что понятие права «имеет большое количество значений, хрупких как стекло, неустойчивых как мыльный пузырь, неуловимых как время» [Фридман, 1992, 8]. Несомненно, право – это понятие многогранное и многостороннее. Существуют различные определения права. При этом ни одно из них не претендует на всесторонность и полноту.

Имея свое собственное отношение с правом, каждый индивид вырабатывает свое собственное индивидуальное сознание, что также влечет к множественности определений. Классическое определение права в юридической литературе представляет право в качестве системы общеобязательных, формально определенных правил поведения, устанавливаемых и обеспечиваемых государством и направленных на урегулирование общественных отношений.

В юридической науке право обычно определяется с трех основных сторон: нормативной, социологической и философской. С точки зрения определения понятия и сущности права в соответствии с нормативным подходом право рассматривается в качестве системы юридических норм, имеющих внешнее выражение в различных источниках права. С точки зрения социологического подхода право отождествляется с регулирующими им общественными отношениями. Философский же подход ассоциирует право с мерой свободы и справедливости.

Понимание права определяет средства правоприменительной и правоохранительной деятельности. Для правильного правоприменения, законности и юридической ответственности необходимо понять суть права. Неизбежно здесь возвращаешься к концепции деления права на естественное, исходящее из самой природы человека, и позитивное, закрепленное в законодательстве.

Соотношение политики и права

Часто политологи при анализе соотношения политики и права главную роль отдают политике, социальная роль права представляется в качестве второстепенной и малозначимой по отношению к роле политики. Если включить в анализ вопрос экономики и идеологии, то они также встанут на ступень выше права. Отсюда идет восприятие права в качестве команды, идущей сверху, как указание политических вождей. Не рассматривается право и в качестве силы, способной ввести политику в правовые границы.

Юристы же рассматривают право и правовые нормы в качестве гарантии от произвола, защиты чести, достоинства и неприкосновенности индивида. Данный подход к решению проблемы соотношения политики и права существует в европейских государствах на протяжении веков. Гольбах и Гельвеций, французские философы-материалисты XVIII в., утверждали, что право, выраженное в законодательстве, играет в жизни решающую роль. Ганс Кельзен, основоположник политико-правового учения нормативизма, рассматривает право как явление самодостаточное и более высокое, чем экономика и политическая власть. Раннебуржуазная естественно-правовая теория права, или теория естественного права, также

определяет право в качестве силы важнее и выше государства и политики. Тем самым западные ученые придают большую роль праву.

Есть ли преимущество права над политикой? Право представляет собой одну из форм выражения и осуществления политики. При этом право используется государством только до тех пор, пока сама политика строится на исходных началах права и справедливости. В случае перекося государственной власти, использования ее в интересах какой-либо определенной социальной группы политика приобретает антинародный характер. Параллельно право начинает оставлять за собой только бессодержательную юридическую форму. Не отвечающее духу права применение такой формы в интересах определенной группы может привести к разрушению всей политико-правовой системы. Следовательно, политика без права нелегитимна и опасна, даже если формально она действует в рамках установленных нормативно-правовых актов. Деятельность демократического правового государства должна опираться исключительно на правовые основы справедливости.

Как соотносить право и закон в качестве орудия политики? Для политики не существует права вне форм своего выражения. Следовательно, речь идет о позитивном выражении права – законе с правовым содержанием. В настоящее время в большинстве государств право приобретает приоритет над государством, над политикой, политика осуществляется исключительно в рамках правового поля, произвол деятельности властей не допускается.

Вопросами соотношения государственной власти и права занимались многие ученые: от Аристотеля, Карла Маркса и В.И. Ленина до современных исследователей. Государственная власть не всегда отождествляется ими с политикой, однако в данном случае можно придать ей и такую трактовку: политика находится внутри юридических отношений, а право отождествляется с источником позитивной власти, мира, добра и справедливости в обществе [Червякова, 1985, 7]. Отсюда можно сделать вывод о том, что даже в догосударственном обществе существовали некоторые прототипы связей между политикой и правом, при этом политика представляла собой одну из составных частей правовых отношений.

Член-корреспондент АН СССР и РАН Д.А. Керимов проводит разделение права на внешнее и внутреннее. Внутренне право связано с работой государственного аппарата, внешнее – с общественными отношениями в сфере экономики, науки, культуры и т. д. При этом право таких отраслей, как административное или государственное право, «юридически закрепляет и обеспечивает процессы управленческой деятельности там, где это необходимо» [Керимов, 1967, 85].

Приоритет права над политикой и государством является необходимым фактором современного цивилизованного общества, его высокой культуры. По утверждению Аристотеля «...там, где отсутствует власть закона, нет места какой-либо форме государственного строя. Закон должен властвовать над всеми» [Аристотель, 1911, 165]. Любое действие индивида необходимо должно основываться на праве. Любая деятельность индивида требует правовой основы.

В отличие от политических норм, право имеет верховенствующую силу, являясь верховным по отношению к политике и государству, предотвращает произвол и действия вне правового поля в обществе. Современное цивилизованное общество с высокой правовой и политической культурой должно признавать приоритет права над политикой.

Уровень развития права – это уровень развития общества: уровень права не может быть выше достигнутого экономического и духовного уровня данного общества. Право отражает все изменения, происходящие в обществе. Без права невозможно налаживание государственно

организованного общества, производства и справедливого распределения материальных благ. Природе существующего строя присущи определенные формы собственности. Именно право их закрепляет и развивает.

Политика является всеобъемлющим инструментом социальной организации общества: с самого начала она связана с организованной деятельностью людей, функционированием различных политических институтов, государственных и негосударственных, с урегулированием отношений между различными участниками общественной жизни. Индивиды, общности, социальные группы, общество в целом, иные институциональные субъекты власти – субъекты политических отношений – являются носителями политической культуры.

Политика взаимосвязана с другими сферами общества и существует именно в такой взаимосвязи. Однако политика не безгранична: не во всех явлениях присутствует политическая составляющая. Деятельность же законодательных органов, напротив, имеет четкую политическую окраску. Следовательно, ряд государственных органов осуществляет политическую деятельность, в компетенцию других государственных органов данный вопрос не входит. Иначе в обществе присутствовала бы излишняя политизация, излишнее влияние политики на иные сферы жизни, придание политического звучания сколько-нибудь значительным вопросам общественной жизни и в конечном итоге повышение роли государства в обществе. Тоталитарное государство представляет из себя крайнюю форму политизированного идеологизированного контроля над всеми сферами общественной жизни, политическое вмешательство в процессы образования и воспитания и личную жизнь индивида. При разумной политизации общества оно активно приобщается к участию в политике, контролирует политические процессы государства, чувствует свою ответственность за принятие политических решений.

Взаимосвязь политики и права прослеживается также в их предназначении. Верховенство права – его неотъемлемая черта. У политики такая верховенствующая сила отсутствует. Политика отвечает интересам различных социальных групп, и в этом состоит ее значимость. Политика обладает регулирующей функцией. Нравственность и мораль отказывают воздействие на политику, а политика на них. Практически все сферы жизни общества регулируются и управляются через политическую систему.

Заключение

Политика должна опираться на право, быть правовой, право, в свою очередь, должно эффективно способствовать проведению разумной государственной политики в интересах большинства населения государства. К сожалению, в отдельных странах, например в Российской Федерации, по данному вопросу существуют системные противоречия: только в компетенции высшей власти государства находится проведение правовой политики. Новый правитель несет новый стиль, к которому приспособляются элиты. Правовая политика такого уровня приводит к правовому нигилизму, всеохватывающей системной коррупции.

В постсоветской России право стало выражать консолидированную волю всех членов общества и защищать их интересы. Однако необходимо констатировать, что социальный порядок постсоветской России не имеет никакого отношения к конституционному демократическому порядку. Обеспечение такого порядка легитимным голосованием

показывает только сам факт голосования, легитимирует такое голосование и политический процесс в целом. Таким образом, демократия превращается в ее имитацию.

Только право и правовая система призваны удерживать власть от возможного произвола и силовых рефлексов. Развитие отраслевого законодательства, необходимость согласования внутренней и внешней политики сегодняшней России с учетом потребностей не только центра, но и регионов ставят дополнительные задачи в решении проблемы эффективного взаимодействия политики и права, приводят к концепции правовой политики.

Библиография

1. Актуальные проблемы сравнительного, зарубежного и российского конституционного права. М.: МГИМО-Университет, 2017. 674 с.
2. Антанович Н.А. Политика и право: проблемы взаимодействия в современном обществе // Материалы научно-теоретической конференции «Новейшая история (1991-2006 гг.): государство, общество, личность». Минск, 2006. С. 332-337.
3. Аристотель. Политика. М.: Издательство М. и С. Сабашниковых, 1911. 476 с.
4. Водолазов Г.Г. Социально-политическая система современной России: шансы на изменения // Философские науки. 2011. № 9. С. 17-32.
5. Гришнова Е.Е. Политика и право: вектор взаимодействия // Теория и практика общественного развития. 2010. № 3. С. 151-155.
6. Кант И. Метафизика нравов // Сочинения: в 6 т. М., 1965. Т. 4-2. 478 с.
7. Керимов Д.А. О предмете и содержании науки управления // Правоведение. 1967. № 5. С. 74-85.
8. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 1904. 364 с.
9. Кудряшова Е.В. Вопросы правового регулирования и государственного планирования // Журнал российского права. 2009. № 10 (154). С. 51-57.
10. Лебедева М.М. Мировая политика в XXI веке: все акторы, процессы, проблемы. М., 2009. 142 с.
11. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Издательство политической литературы, 1973. Т. 30. 562 с.
12. Нерсесянц В.С. (ред.) Проблемы общей теории права и государства. М., 2002. 202 с.
13. Погодин А.В. Взаимодействие политики и права и проблемы правореализации в политической сфере // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2012. Т. 154. № 4. С. 25-33.
14. Половченко К.А. Философские проблемы права в современной России // Проблемы правотворчества и правоприменения в государствах Центральной и Восточной Европы. Минск, 2012. С. 18-19.
15. Пономарева Е.Г. Между прошлым и будущим // Свободная мысль. 2011. № 11. С. 205-211.
16. Фридман Л. Введение в американское право. М., 1992. 286 с.
17. Червякова Е.В. Соотношение государства и права (историко-теоретические аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1985. 23 с.
18. Shashkova A.V., Rakittskaya I.A., Pavlov E.Ya. Emergence and activity of legal entities in Russia in the pre-revolutionary period (comparative analysis) // Bylye gody. 2017. Vol. 46. No. 4. P. 1333-1344.
19. Syme R. Lawyers in government: the case of Ulpian // Proceedings of the American Philosophical Society. 1972. Vol. 116. No. 5. P. 406-409.

Priority problems: law or politics

Anna V. Shashkova

Doctor of Political Science, PhD in Law, Docent,
Moscow Region Bar Lawyer, Honorary Consul for Saint Vincent and the Grenadines,
Associate Professor at the Department of constitutional law,
Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
119454, 76, Vernadskogo av., Moscow, Russian Federation;
e-mail: shashkova@mail.ru

Abstract

The article aims to analyse the problem of correlation between politics and law. It deals with the perception of politics as an art of management as well as historical development of such perception. The author of the article tries to solve the problem of interpretation of law through the concept of freedom. The core part of the research is dedicated to the analysis of the interaction between politics and law. The author comes to the conclusion on the existence of the close interconnection and interdependence between politics and law, the necessity of their balanced interaction and necessity of priority of law over politics for effecting fair state governance. The article points out that political activities should be based on law, be legal, and law, in turn, should effectively contribute to the implementation of a reasonable public policy in the interests of the majority of the population of a state. Unfortunately, in some countries, e. g. in the Russian Federation, there are systemic contradictions in this sphere: carrying out legal policy is only within the competence of the supreme power of a state. The new ruler brings a new style to which elites adapt. Legal policy at this level leads to legal nihilism, all-encompassing systemic corruption.

For citation

Shashkova A.V. (2018) Problemy prioriteta: pravo ili politika [Priority problems: law or politics]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 7 (5A), pp. 291-299.

Keywords

Correlation between politics and law, interrelation between politics and law, understanding of politics, interpretation of law, priority of law.

References

1. *Aktual'nye problemy sravnitel'nogo, zarubezhnogo i rossiiskogo konstitutsionnogo prava* [Topical problems of comparative, foreign and Russian constitutional law] (2017). Moscow: MGIMO University.
2. Antanovich N.A. (2006) Politika i pravo: problemy vzaimodeistviya v sovremennoi obshchestve [Politics and law: problems of interaction in modern society]. *Materialy nauchno-teoreticheskoi konferentsii "Noveishaya istoriya (1991-2006 gg.): gosudarstvo, obshchestvo, lichnost'"* [Proc. Conf. "Recent history (1991-2006): state, society, personality"]. Minsk, pp. 332-337.
3. Aristotle (1911) *Politika* [Politics]. Moscow: Izdatel'stvo M. i S. Sabashnikovykh.
4. Chervyakova E.V. (1985) *Sootnoshenie gosudarstva i prava (istoriko-teoreticheskie aspekty)*. Doct. Diss. Abstract [The correlation between state and law (historical and theoretical aspects). Doct. Diss. Abstract]. Leningrad.
5. Freedman L. (1984) *American law: an introduction*. W.W. Norton & Company. (Russ. ed.: Freedman L. (1992) *Vvedenie v amerikanskoe pravo*. Moscow.)
6. Grishnova E.E. (2010) Politika i pravo: vektor vzaimodeistviya [Politics and law: the vector of interaction]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 3, pp. 151-155.
7. Kant I. (1797) *Die Metaphysik der Sitten*. (Russ. ed.: Kant I. (1965) *Metafizika нравов*. In: *Sochineniya: v 6 t.* [Works: in 6 vols.], Vol. 4-2. Moscow.)
8. Kerimov D.A. (1967) O predmete i soderzhanii nauki upravleniya [On the subject matter and content of management as a science]. *Pravovedenie* [Legal studies], 5, pp. 74-85.
9. Korkunov N.M. (1904) *Lektsii po obshchei teorii prava* [Lectures on the general theory of law]. St. Petersburg.
10. Kudryashova E.V. (2009) Voprosy pravovogo regulirovaniya i gosudarstvennogo planirovaniya [Issues of legal regulation and state planning]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian law], 10 (154), pp. 51-57.
11. Lebedeva M.M. (2009) *Mirovaya politika v XXI veke: vse aktory, protsessy, problem* [World politics in the 21st century: all actors, processes, problems]. Moscow.
12. Lenin V.I. (1973) *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works], Vol. 30. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury.
13. Nersesyants V.S. (ed.) (2002) *Problemy obshchei teorii prava i gosudarstva* [Problems of the general theory of law and state]. Moscow.

14. Pogodin A.V. (2012) Vzaimodeistvie politiki i prava i problemy pravorealizatsii v politicheskoi sfere [The interaction between politics and law and the problems of law enforcement in the political sphere]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Kazan University. Humanities], 154 (4), pp. 25-33.
15. Polovchenko K.A. (2012) Filosofskie problemy prava v sovremennoi Rossii [Philosophical problems of law in modern Russia]. In: *Problemy pravotvorchestva i pravoprimereniya v gosudarstvakh Tsentral'noi i Vostochnoi Evropy* [Problems of law-making and law enforcement in Central and Eastern European states]. Minsk, pp. 18-19.
16. Ponomareva E.G. (2011) Mezhdru proshlym i budushchim [Between past and future]. *Svobodnaya mysl'* [Free thought], 11, pp. 205-211.
17. Shashkova A.V., Rakitskaya I.A., Pavlov E.Ya. (2017) Emergence and activity of legal entities in Russia in the pre-revolutionary period (comparative analysis). *Bylye gody*, 46 (4), pp. 1333-1344.
18. Syme R. (1972) Lawyers in government: the case of Ulpian. *Proceedings of the American Philosophical Society*, 116 (5), pp. 406-409.
19. Vodolazov G.G. (2011) Sotsial'no-politicheskaya sistema sovremennoi Rossii: shansy na izmeneniya [The sociopolitical system of modern Russia: chances of changes]. *Filosofskie nauki* [Philosophical sciences], 9, pp. 17-32.

УДК 394

Арктический социум Якутии в контексте изменений условий жизнедеятельности: опыт социологического исследования**Писарева Лариса Юрьевна**

Кандидат социологических наук,
доцент кафедры экономики и управления развитием территорий,
Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
677000, Российская Федерация, Якутск, ул. Белинского, 58;
e-mail: pisareva@inbox.ru

Баишева Саргылана Макаровна

Кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник отдела истории и этносоциологии,
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук,
677007, Российская Федерация, Якутск, ул. Петровского, 1;
e-mail: baisargy09@yandex.ru

Константинова Татьяна Николаевна

Научный сотрудник отдела истории и этносоциологии,
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук,
677007, Российская Федерация, Якутск, ул. Петровского, 1;
e-mail: kotango@yandex.ru

Аннотация

В статье рассмотрено влияние внешних факторов на этнический социум на примере коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия). Основа методологии – социокультурный подход. В качестве инструментария исследования использован анкетный опрос. На основе данных социологического опроса определены главные социокультурные ценности кочевого населения в условиях трансформации российского общества: семья, дети, работа, традиционные верования. Цементирующей ценностью остается кочевье. Установлено, что в кочевых социумах, преимущественно в молодежной среде (20-35 лет), наблюдается разрыв между традиционными и новыми «рыночными» ценностями, такими как материальный достаток и технологический прогресс. Выявлено, что совокупность факторов социокультурного и индустриального характера привела к деформации возрастно-половой структуры этнического социума. Уменьшилась продолжительность жизни, снизилась рождаемость. Также стоит отметить снижение брачности и увеличение рождения внебрачных детей. В программах социально-экономического развития арктических территорий отсутствует четкая модель социокультурного развития арктического социума. В перспективе для проведения более

эффективной государственной политики в арктическом регионе рекомендуется обратить особое внимание на вопросы развития социально-демографических процессов в ареалах проживания коренных малочисленных народов Севера.

Для цитирования в научных исследованиях

Писарева Л.Ю., Баишева С.М., Константинова Т.Н. Арктический социум Якутии в контексте изменений условий жизнедеятельности: опыт социологического исследования // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Том 7. № 5А. С. 300-311.

Ключевые слова

Арктическая (Северная) зона, Республика Саха (Якутия), коренные малочисленные народы Севера, условия жизнедеятельности, природные ресурсы, традиционные ценности, социокультурная адаптация, этническая самоидентификация, кочевье.

Введение

Мир вокруг нас изменчив. Идентичность, ментальность, язык, элементы национальной культуры в разной степени сохраняются в социальной среде, создавая особую социально-культурную нишу существования народов (этносов) в любом регионе страны, определяя особое качество жизни населения изучаемой территории, ее социальные настроения, ожидания и планы на будущее.

На примере арктического региона Якутии мы можем наблюдать, что под воздействием глобализационных процессов в мире происходят существенные изменения и в конкретном социуме. Социальная подвижность населения в современных условиях стала новым серьезным вызовом, при котором усиливается столкновение социокультурных основ организации различных этнических сообществ, интеграция мигрантов в местное сообщество приобретает проблематичный характер. Несмотря на экстремальные природно-климатические условия, обеспечение геополитических интересов государства, дальнейшее освоение недровых богатств арктической территории невозможны без привлечения трудоспособного населения извне, поэтому вопросы стратегического развития Якутии будут решаться в том числе и очагово-точечным (вахтовым) методом.

В данной статье мы рассмотрим некоторые факторы, особо влияющие на социальные изменения в арктическом регионе.

Факторы социокультурных изменений

Статистический анализ населения показывает, что численность пришлого населения (русских) в Республике Саха (Якутия) за короткое историческое время стала превалировать над численностью коренного населения (якутов и представителей коренных малочисленных народов Севера вместе взятых).

Таблица 1 – Доля национальностей в общей численности населения по итогам переписей

Показатели	Ед. изм.	Переписи населения по годам				
		1897	1939	1979	1989	2010
Численность населения Якутии	чел.	269 880	413 198	851 840	1 094 065	958 528
	%	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Показатели	Ед. изм.	Переписи населения по годам				
		1897	1939	1979	1989	2010
Русские	чел.	30 225	146 741	429 588	550 263	353 649
	%	11,2	35,5	50,4	50,2	36,9
Якуты	чел.	221 467	233 273	313 917	365 236	466 492
	%	82,1	56,5	36,8	33,3	48,7
Эвенки	чел.	*	10 432	11 584	14 428	21 008
	%		2,5	1,4	1,3	2,2
Эвены	чел.	*	3133	5763	8668	15 071
	%		0,8	0,7	0,8	1,6
Юкагиры	чел.	948	-	526	697	1281
	%	0,4		0,1	0,1	0,2
Долганы	чел.	-	-	64	408	1906
	%			0,1	0,1	0,2
Чукчи	чел.	1558	400	377	476	670
	%	0,6	0,1	0,1	0,1	0,1
Другие национальности	чел.	4035	19 219	90 021	153 889	98 451
	%	1,4	4,6	10,4	14,1	10,3

Примечание: *Эвенки и эвены в 1897 г. записаны под общим названием тунгусы – 11 647 чел. (4,3%). Долганы как народ были записаны с 1979 г.

Представители коренных малочисленных народов Севера, проживающие на территории Якутии (эвенки, эвены, юкагиры, долганы, чукчи), являются кочевыми народами. Как видно из табл. 1, уже в XIX в. численность пришлого населения превышала численность кочевых народов (тунгусов, юкагиров, чукчей) примерно в 2,5 раза. За 42 года (с 1897 по 1939 г.) численность только русских выросла на 24,31% (на 116,5 тыс. чел.). За последующие 40 лет промышленного освоения территории (с 1939 по 1979 г.) численность русских выросла на 282,8 тыс. чел., они стали преобладающим населением или государствообразующим народом в национальной республике. С началом преобразований и проведением экономических реформ в стране за годы последних переписей населения (с 1989 по 2010 г.) за счет выезда трудовых мигрантов численность русских заметно снизилась (на 13,4%) и их доля в национальной структуре республики в 2010 г. составляла 36,9% (353,6 тыс. чел.).

Из коренных народов самыми многочисленными являются якуты. С 1897 по 2010 г. их численность увеличилась более чем в два раза (на 245,02 тыс. чел.). В национальной структуре доля якутов постепенно снижалась, но в связи со значительным оттоком русских из промышленных районов резко увеличилась и составила 48,7% (466,5 тыс. чел.).

Из кочевых народов многочисленными являются эвенки. За период переписей населения с 1939 по 2010 г. численность эвенков в республике увеличилась в два раза и составила 21,1 тыс. чел. В национальной структуре, по данным последней переписи, их доля составила всего 2,2%. Численность эвенов за это время увеличилась почти в пять раз и составила 15,1 тыс. чел. Однако их доля в национальной структуре составляет всего 1,6%. Прирост численности аборигенных этносов не только обусловлен увеличением рождаемости, снижением младенческой смертности, но и напрямую связан с вопросами национальной политики и актуализацией этнической самоидентификации. Так, в годы перестройки или демократии, пользуясь предоставленными привилегиями и законодательно обозначенными льготами, представители коренных малочисленных народов Севера стали документально оформлять и доказывать свою генетическую принадлежность к аборигенному роду, официально восстанавливать свою историческую национальность.

Таким образом, за короткое историческое время внешняя миграция и социокультурные процессы кардинально изменили этнический облик республики. При этом государствообразующими народами стали русские и якуты. В то же время современные социально-экономические процессы в местах компактного проживания коренных малочисленных народов характеризуются неоднозначно: снижен порог демографической безопасности ввиду необеспечения условий социальной защищенности, деформирована возрастно-половая структура этнического социума, уменьшилась продолжительность жизни кочевых народов. Наблюдаются сокращение рождаемости и увеличение смертности, *произошло* снижение брачности, увеличилось рождение внебрачных детей [Бурцева и др., 2008].

Следующий фактор – промышленная добыча природных ресурсов, связанная с определением Арктики как важной стратегической зоной дальнейшего экономического развития страны. В Указе Президента РФ от 2 мая 2014 г. № 296 определены сухопутные территории Арктической зоны России, в состав которой от Республики Саха (Якутия) вошли пять прибрежных районов (улусов) – Аллаиховский, Анабарский национальный (долгано-эвенкийский), Булунский, Нижнеколымский и Усть-Янский. Кроме того, принят ряд нормативно-правовых актов, регулирующих социально-экономическое развитие зоны. В данных документах отсутствуют четкие критерии отнесения территорий к Арктической зоне. Анализ содержания указа позволяет сделать вывод о том, что приняты во внимание только природно-географические факторы, связанные с выходом к акватории Северного Ледовитого Океана и с акваторией Северного морского пути, а также целостность административно-территориальных образований [Каторин, 2016].

Анализ программы стратегического развития Арктической зоны РФ показывает, что закрепление границ зоны формирует ее статус. В программе определены основные цели и задачи (геополитические, экономические и социальные), принципы и направления развития региона. При этом сделан акцент на так называемых «опорных пунктах», что указывает на приоритетность политико-экономического подхода при регулировании вопросов развития Арктической зоны. При таком раскладе ясно прослеживаются контуры морских портов с развитой инфраструктурой для добычи и вывоза природных ресурсов со дна шельфов. Социальные цели, направленные на развитие социокультурных процессов в регионе, представлены слабо, индикаторы развития в данной сфере определены нечетко. В перспективе модель социокультурного развития Арктической зоны вовсе не просматривается.

Существует несколько подходов к арктическому районированию и выделению зоны Арктики в мире. Теоретические изыскания по данному вопросу проводят многие научные институты и центры. Правительство Республики Саха (Якутия) для определения границ Арктической зоны использовало комплекс критериальных показателей, в том числе:

- месторасположение населенных пунктов за линией Северного полярного круга, т. е. севернее 66° 33" Северной широты;
- дискомфортность климата для проживания населения;
- влияние факторов многолетнего промерзания горных пород;
- медико-биологические и социально-экономические факторы;
- целостность природно-хозяйственных территориальных комплексов;
- связь транспортной системы с арктическими морскими акваториями и впадающими в них северными реками;
- значимость территорий для экономического роста и обеспечения безопасности

Арктической зоны Российской Федерации (см. Постановление Правительства Республики Саха (Якутия) от 15 августа 2014 г. № 251).

Правительством Республики Саха 2014 год был объявлен годом Арктики, в связи с чем была принята Комплексная программа Республики Саха (Якутия) «Социально-экономическое развитие арктических и северных районов Республики Саха (Якутия) на 2014-2017 гг. и на период до 2020 г.».

Таким образом, при разработке программы социально-экономического развития Арктической зоны Республики Саха (Якутия) было использовано иное определение северных границ Арктики в пределах республики, определены статус территории, принципы и направления ее социально-экономического развития. В республике в рамках Комплексной программы «Социально-экономическое развитие арктических и северных районов Республики Саха (Якутии) на 2014-2017 гг. и на период до 2020 г.» к территориям Арктической зоны было отнесено 13 улусов (районов), общая площадь которых составляет примерно 52% от территории республики.

Реализацию программы предполагалось осуществлять за счет инвестпроектов для реконструкции системообразующей инфраструктуры экономики, направляя средства на формирование опорных пунктов для ускоренного развития Арктической зоны РФ, на развитие Северного морского пути и обеспечение судоходства в Арктических районах, на создание оборудования и технологий нефтегазовой промышленности, необходимых для освоения минерально-сырьевых ресурсов Арктической зоны РФ. На уровне муниципальных районов были предусмотрены инвестиции в основной капитал 13 арктических районов. Кроме того, планировались модернизация коммунальной инфраструктуры поселений и строительство локальной энергетики, что является жизненно важной потребностью населения, проживающего в дискомфортных северных условиях.

К сожалению, большинство из данных проектов остались нерешенными, в частности самый острый вопрос строительства круглогодичной наземной транспортной инфраструктуры. Проблема круглогодичного продуктового и промышленного обеспечения населения, необходимого для нормального проживания северных этносов, не может быть решена мерами по модернизации воздушного транспортного сообщения.

Следующий фактор – динамичное развитие и внедрение высоких технологий в обыденную жизнь человека. Для северных народов природа традиционно была неотъемлемой частью духовного развития. Их мировосприятие и мировоззрение были тесно связаны с окружающим миром. В их понимании огонь, реки, озера, лес и горы обладали душой и сознанием. Российские и зарубежные исследователи, обозначая религиозность северян, называли их огнепоклонниками.

Со временем, в том числе и под влиянием христианства, за короткий исторический период произошла трансформация в цепочке взаимоотношений «человек – природа – общество». Во-первых, на современном этапе бурный рост добычи природных ресурсов на территории Якутии усиливает отрицательное влияние на окружающую среду проживания коренного населения, занятого в традиционных сельскохозяйственных отраслях, сужая территории их кочевания. Во-вторых, нарушился экологический баланс, оказав влияние на природно-географический ландшафт и на климатические особенности территории. С другой стороны, информатизация и интеллектуализация технологических процессов привели к развитию Интернета, изменив интеллектуальную, духовную и социальную сферы общества. Современный северянин уже не мыслит свою жизнь без Интернета, «гаджетов» и комфортных условий проживания, особенно в зимнее время.

Динамика развития арктического социума, экономическая составляющая которого заложена в государственной программе, затрагивает прежде всего социальную сферу. Весь трансформационный процесс зависит от адаптации населения к изменениям, проявляющимся на уровне социокультурных параметров и моделей жизнедеятельности. Как известно, основным условием любого социально-экономического развития является успешная адаптация населения к новым условиям, вызванным изменениями политического курса и ситуации в регионе. Адаптация подразумевает выработку достаточно большим количеством людей эффективных моделей соответствующего экономического поведения [Баишева и др., 2012; Кошарная, 2008].

Такое адаптационное поведение человека зависит от его ценностных ориентаций. В связи с этим выяснение состояния социокультурных ценностей в этнических социумах стало актуальной задачей наших исследований, проведенных в местах компактного проживания кочевых народов Республики Саха (Якутия).

Адаптация северянина к современным условиям в немалой степени обусловлена изменением социокультурных детерминант общества в целом и, как уже было сказано выше, изменением отношения к Арктике мирового сообщества, в частности. Данное обстоятельство актуализирует исследование особенностей ценностного содержания кочевой культуры на севере Якутии. Это связано с тем, что изменен менталитет отдельных возрастных групп населения, что, в свою очередь, влияет на изменение трудовых и жизненных ориентаций.

Методология исследования

Социокультурные ценности являются междисциплинарной категорией и рассматриваются в различных областях социогуманитарной науки. В изучение социокультурной динамики в обществе большой вклад внесли прежде всего классики социологии, такие как П. Сорокин, Э. Дюркгейм, М. Вебер, А. Тойнби, Р. Мертон, Л. Уайт. За последние два десятилетия в отечественной научной литературе появилось немало разработок об изменении социокультурных ценностей и социальной адаптации. Наиболее значимыми считаем изыскания А.С. Ахиезера, Н.И. Лапина, Г.И. Осадчей, В.И. Добренкова, Н.П. Медведева, М.К. Горшкова. Исследования о социокультурных ценностях в этническом социуме получили развитие в работах Ю.В. Попкова, Е.А. Тюгашева, Т.А. Валиахметовой, Н.В. Маханько и других авторов. В своей совокупности данные исследования послужили теоретико-методологической основой для анализа данных социологического исследования, проведенного в выборочных арктических населенных пунктах Республики Саха (Якутия).

Основная гипотеза исследования базировалась на идее нераздельности социального и культурного в процессе адаптации. При этом ключевую формообразующую роль в трансформационных процессах общества мы отводим культурной сфере и системе ценностей сообщества. Под социокультурной адаптацией в исследовании мы понимаем приспособительное поведение, ориентированное на ценности традиционной культуры кочевых народов, интернализированные отдельной личностью и сообществом в целом.

Динамика социокультурной адаптации состоит, во-первых, в трансформации человеком себя, во-вторых, в возникновении новых социокультурных феноменов.

У исследователя появляется потребность в обращении к индивиду, который на рефлексивном уровне осознает необходимость как изменения окружающего его социума, так и своего внутреннего самосовершенствования. Теоретически в ходе такого взимообусловленного процесса должны появляться новые устойчивые социальные связи и институты [Маханько, 2001].

В данной статье обобщены результаты сравнительного социологического исследования, направленного на выявление влияния трансформационных процессов общества на ценностный мир коренных малочисленных народов. Рассматриваются данные полевых исследований, проводившихся в Оленекском национальном (эвенкийском) и Эвено-Бытантайском национальном (эвенском) районах. Оба района находятся на широте 66°33". Национальный статус они получили по настоянию местного населения с помощью народных депутатов и научной интеллигенции в конце 1990-х гг. в ходе трансформационных процессов в Российской Федерации. Для сравнения с северными данными анализируются данные опроса двух поселений, находящихся в Южной зоне республики (с. Иенгра Нерюнгринского района и с. Тяня Олекминского района), в которых также проживают представители коренных малочисленных народов – эвенки.

Население сельских поселений Северной зоны, имеющих особый статус, немногочисленно. По данным государственной статистики 2017 г., в с. Жилинда Оленекского района проживает 711 человек, в с. Батагай-Алыта Эвено-Бытантайского района – 1835 человек, в с. Куду-Кюель Олекминского района – 359 человек, в с. Иенгра Нерюнгринского района – 971 человек.

Генеральной совокупностью объекта исследования послужила общая численность оленеводов этих четырех районов, насчитывающая 499 человек. Выборка для проведения социологического опроса составила 100 человек.

Основные результаты

Несмотря на глобализационные процессы и попытки унификации, многие исследователи отмечают, что современный мир переживает своеобразный этнический взрыв, к конкретным проявлениям которого относятся рост значимости этнической идентичности, повышение интереса людей к своим корням, традициям, культуре, истории [Баишева и др., 2012]. Нами исследованы следующие социокультурные ценности: этническая самоидентификация, отношение к кочевью, отношение к традиционной жизнедеятельности, ценности семьи и детей, отношение к религии, здоровью, работе.

Этническая идентификация представляет собой комплексный феномен, имеющий определенный базис, включающий в себя три элемента – механизмы генерации, признаки общности, а также условия формирования идентичности [Попков, www]. Поэтому в качестве одной из составляющих социокультурных ценностей этнического социума она вызывает исключительный интерес исследователей с точки зрения как теории, так и практики.

По результатам нашего социологического исследования можно утверждать, что в настоящее время практически все опрошенные респонденты Северной зоны (98%) определяют свою национальность как моноэтничную. Всего 1,5% опрошенных чувствуют принадлежность к нескольким национальностям, поскольку их родители имеют корни от разных народов, а 0,5% респондентов не чувствуют свою принадлежность к какой-либо национальности вообще. В Южной зоне, в отличие от Северной зоны, всего 74,8% респондентов определяют свою национальность однозначно. 10,1% опрошенных чувствуют принадлежность к нескольким национальностям, 13,5% не чувствуют принадлежность к какой-либо национальности, затруднились ответить – 1,6%. На более лояльное определение национальной идентичности в данной зоне влияют усиление внешней миграции трудовых мигрантов и создание межнациональных семей, чаще всего гражданских браков.

По результатам полевого исследования выявилось сходство в иерархии социокультурных

ценностей у северян и южан. Ценностью первостепенной важности для всех кочевников являются дети как продолжение рода, как надежда на сохранение традиционных знаний и занятий (90,0% в Северной зоне и 86,5% в Южной зоне). На второе место респондентами отнесены ценности семьи и здоровья (82% и 78,8% соответственно), на третье – работа (57,4% и 52,9%). Таким образом, опрос показал, что народности Севера первостепенное значение придают развитию социальной сферы, в том числе ее инфраструктуры, от которой зависят сохранение и развитие их как исчезающих этносов.

В советское время семьи кочевых народов практически были разделены на две части: родители и дети, что было обосновано проводимой тогда политикой сохранения традиционного хозяйства. Во время кочевки родителей дети воспитывались в интернатах. В результате раздельного воспитания многие представители коренных народов получили достойное образование, став хорошими специалистами разных отраслей экономики, но при этом остро встали вопросы сохранения традиционных семейных ценностей. Дети, выросшие вне семьи, затруднялись или не смогли создать свои семьи. Статистика советского времени констатирует, что каждый третий житель Севера от 16 до 70 лет никогда не был женат (замужем). Таким образом, были созданы основания для демографической депопуляции малочисленных этносов и других застойных процессов.

В настоящее время в Республике Саха (Якутия) в целях поддержания коренных малочисленных народов принята программа кочевого обучения детей от 7 до 10 лет, чтобы дети не расставались с родителями. Во время зимнего обучения детей в школе мать находится в поселении и живет с детьми. Таким образом, дети и семья являются базовыми ценностями у северных народов, что и поддерживается правительством республики.

Как показывают результаты нашего исследования, отношение к кочевому образу жизни у северного населения неоднозначное. Северяне в основном (44,8% от числа опрошенных) относятся положительно. При этом 13,8% считают, что традиционный образ жизни передан им от предков, и надеются, что дети тоже будут кочевать. 31% опрошенных и сейчас поддерживают кочевой образ жизни, но из-за отсутствия своих оленей и закрепленных земель (пастбищ) вынуждены делать это вместе с другими коллективами. При условии закрепления за ними земель и наличия оленей они бы пожелали кочевать своей семьей отдельно. Каждый десятый из опрошенных высказался о желании перейти на оседлый образ жизни в стационарном, благоустроенном поселении в связи с усталостью от тяжелых условий кочевания, отсутствия приемлемых бытовых условий в местах кочевания. Доля людей, считающих, что кочевой образ жизни устарел, составляет 17,2%. В целом к традиционному хозяйствованию (оленоводству, рыболовству и охоте) относятся положительно 89,6% респондентов. Из них своим основным занятием считают олениводство менее четверти опрошенных. 37,9% респондентов считают охоту традиционным занятием, без которого не выжить ни в тайге, ни в тундре. Рыболовство относят к исконным занятиям 27,6% респондентов (преимущественно мужчины). Затруднились ответить на вопросы анкеты – 10,4%.

В Южной зоне, в отличие от Северной, процент людей, считающих, что кочевье устарело, больше (31,8%). При этом желающих осесть в поселении всего 4,5%. 9,2% южан при наличии оленей кочевали бы и дальше, их сдерживает отсутствие оленей и пастбищ. Большинство южных кочевников (54,5%) затруднились ответить на вопросы анкеты. При этом 45,5% считают, что традиционное хозяйствование является основным занятием для мужчин. 27,3% считают традиционный образ жизни необходимостью, иначе никак не выжить. Затруднились ответить 27,3% респондента.

Следует отметить, что в структуре ценностей безусловный приоритет отдается традиционной культуре. Это прежде всего северные традиции, а также обычаи и религия. Несмотря на то, что в советском обществе культивировался атеизм, два десятилетия трансформационных процессов привели к тому, что верующих людей в северном обществе оказалось большинство (65,5%). Ответы на вопрос «Верующий ли Вы человек?» распределились следующим образом: да, верующий – 31%; скорее да, чем нет – 34,5%; скорее нет, чем да – 17,2%; нет, неверующий – 17,2%. При этом к православию себя отнесли 17,2%, к традиционному верованию коренных народов Севера – 55,2%, к другой вере – 20,7%, затруднились ответить – 6,9%. В северных поселениях такие этнические традиционные праздники, как встреча солнца, пробуждение природы, рождение олененка и другие, празднуются повсеместно. Семейные традиции, такие как встреча, помазание лба или носа новорожденного, соблюдаются во многих семьях. Повсеместно распространены и соблюдаются охотничьи традиции и обычаи. Самыми строгими приверженцами охотничьих традиций являются сами мужчины, желающие иметь удачу на охоте.

В Южной зоне верующих оказалось намного меньше (22,7%), чем в Северной зоне, неверующих – 54,5%, затруднились ответить – 22,8%. При этом из верующих к православию относятся 9,1%, к традиционному верованию коренных народов – 13,6%.

На вопрос «Чем привлекает людей традиционное хозяйствование?» 44,8% ответили, что они заняты любимым делом и живут своей жизнью. 20,7% считают, что лучше получать хоть какую-то зарплату, чем сидеть безработным. 24,1% считают, что им интересно работать вместе с разными людьми.

Что негативного в традиционном хозяйствовании видят участники опроса? 44,8% считают, что зарплата маленькая, поддержка со стороны государства минимальна, трудно оформить юридическую регистрацию и стать полноценным хозяином родовой общины. 13% (в основном молодежь) не привлекают отсутствие нормальных бытовых условий, отсутствие связи, Интернета и телевидения. 3,4% считают, что не привлекает само кочевье. Затруднились ответить 38% кочевников.

Таким образом, большинство кочевников ничего негативного в кочевании не видят. Их затруднения можно объяснить тем, что в условиях динамичного промышленного освоения природных ресурсов идет интенсивное наступление на угодья, пригодные для выпаса оленей, что не только сужает территорию кочевания, но и негативно сказывается на их самоощущении. С другой стороны, их привлекает современный благоустроенный мир.

Следует констатировать, что коренные малочисленные народы находятся сегодня на перипетии выбора между традиционным и современным миром. В связи с этим социокультурная адаптация к современным условиям остается одной из важных проблем для данных этносов. В ответах на вопрос «Приспособились ли Вы к современным социально-экономическим процессам?» среди кочевников преобладают ответы «Не совсем приспособился» (44,8%) и «Совершенно не приспособился» (17,3%). Только одна треть опрошенных (31%) считает, что они смогли приспособиться к изменениям. Затруднились ответить – 6,9%. При этом большинство респондентов (55,2%) оценивает уровень материального благополучия своей семьи как нормальный. 41,4% считают, что уровень благосостояния семьи не очень «нормальный», т. е. от зарплаты до зарплаты, еле сводят концы с концами. Высокий уровень благосостояния семьи указывает всего 3,4% кочевников. Несмотря на это, у значительного большинства респондентов (75,9%) настроение позитивное. Половина респондентов (51,8%) ожидает повышения жизненного уровня.

Таким образом, произошедшая в стране политическая либерализация оказала существенное влияние на социокультурную динамику северных этносов, обеспечив возврат к усилению ценностей традиционного образа жизни. Основным препятствием на пути к развитию кочевья является натиск промышленного освоения северных территорий.

Заключение

Коренные кочевые народы Севера с приездом некоренного населения (примерно с XIX в.) стали малочисленными народами среди социальных групп северного сообщества. Их доля в общей массе населения составляет всего 1,5%, что говорит о демографической опасности и депопуляции этих народов.

Внедрение либеральных рыночных отношений без должной подготовки, динамичное развитие промышленности по добыче природных ресурсов, научно-технический прогресс без программы поддержки развития кочевых народов и мест компактного проживания данных народов нарушили и сузили территорию их кочевания. По данным опроса, к общественным изменениям смогли приспособиться всего 31% опрошенных представителей малочисленных этносов. Уровень материального благополучия высок всего лишь у 3,4% населения.

В настоящее время, как показали результаты эмпирического исследования, в кочевых социумах наблюдается разрыв между традиционными и новыми «рыночными» ценностями. Нужно отметить, что среди кочевого населения начинают меняться социокультурные ценности, особенно отчетливо проявляющиеся среди молодого поколения. Примерно у 10-15% населения (в основном у молодежи – от 20 до 35 лет), кочевье как образ жизни устареваает. Их больше всего интересуют комфорт и достаток, а также научно-технологический прогресс в виде телевидения, сотовой связи, гаджетов и Интернета.

При этом для большинства представителей данного социума традиционные ценности, связанные с семьей и воспитанием детей, остаются на первом месте. Работа как ценность более значима в Южной зоне. Традиционные верования, обычаи и религии более сильно сохранены в Северной зоне. Основа традиционной этнической культуры – кочевье – как ценность сохраняется у значительной части населения.

Таким образом, структура традиционных ценностей у кочевого населения Севера стабильна ввиду актуальности этнической идентификации и сохранения традиций и обычаев. В то же время либеральные ценности, такие как материальный достаток, работа, собственность на оленей и пастбища, начинают захватывать молодое поколение представителей малочисленных этносов. Для синхронизации традиционных и постиндустриальных ценностей необходима эффективная политика в отношении коренных малочисленных народов Севера.

Библиография

1. Баишева С.М. и др. Этносоциальная адаптация коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия). Новосибирск, 2012. 363 с.
2. Бакланов И.С., Душина Т.В., Микеева О.А. Человек этнический: проблема этнической идентичности // Вопросы социальной теории. 2010. Т. 4. С. 396-408.
3. Бурцева Т.Е., Уварова Т.Е., Макарова Н.В., Томский М.И. Динамика современных демографических и медико-демографических процессов у коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) // Дальневосточный медицинский журнал. 2008. № 2. С. 112-115.
4. Каторин И.В. Особенности институционализации Арктической зоны России // Проблемы развития территорий. 2016. Вып. 5 (85). С. 191-199.
5. Кошарная Г.Б. Стратегии социальной адаптации сельского населения в современном российском обществе:

- региональный аспект // Известия высших учебных заведений. Гуманитарные науки. Социология. 2008. № 4. С. 154-162.
6. Маханько Н.В. Социокультурная адаптация в трансформационных процессах культуры: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2001. 34 с.
7. О комплексной программе Республики Саха (Якутия) «Социально-экономическое развитие арктических и северных районов Республики Саха (Якутия) на 2014-2017 годы и на период до 2020 года»: постановление Правительства Республики Саха (Якутия) от 15.08.2014 № 251. URL: docs.cntd.ru/document/432880477
8. О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации: указ Президента РФ от 02.05.2014 № 296. URL: kremlin.ru/acts/bank/38377
9. Попков Ю.В. Этносоциальные процессы и этнонациональная политика. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_17/5964-popkov.html

The Arctic society of Yakutia in the context of changes in the living conditions: sociological research

Larisa Yu. Pisareva

PhD in Sociology,
Associate Professor at the Department of economics and management of territory development,
North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov,
677000, 58, Belinskogo st., Yakutsk, Russian Federation;
e-mail: pisareva@inbox.ru

Sargylana M. Baisheva

PhD in Economics,
Senior Researcher at the Department of history and ethnosociology,
Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North
of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences,
677007, 1, Petrovskogo st., Yakutsk, Russian Federation;
e-mail: baisargy09@yandex.ru

Tat'yana N. Konstantinova

Researcher at the Department of history and ethnosociology,
Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North
of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences,
677007, 1, Petrovskogo st., Yakutsk, Russian Federation;
e-mail: kotango@yandex.ru

Abstract

The article considers the influence of external factors on the development of ethnic society, using indigenous peoples of the North, living in the Republic of Sakha (Yakutia), as an example. Sociocultural approach is a basis for research methodology. The authors use a questionnaire as a research tool. Using the data of the sociological survey, they identify the main sociocultural values of the nomadic population in the context of the transformation of Russian society: family, children, work, traditional beliefs. The nomadic way of life remains a cementing value. In nomadic societies, mainly among young people (20-35 years old), there is a gap between traditional and new “market”

values, such as material wealth and technological progress. The article reveals that the combination of sociocultural and industrial factors led to the deformation of the age-sex structure of the ethnic society. Life expectancy and the birth rate have decreased. There was a decrease in the marriage rate and an increase in the birth of illegitimate children. The programs of socioeconomic development of the Arctic territories contain no clear model of the sociocultural development of the Arctic society. The authors recommend paying special attention to the development of sociodemographic processes in the areas where the indigenous minorities of the North live.

For citation

Pisareva L.Yu., Baisheva S.M., Konstantinova T.N. (2018) *Arkticheskii sotsium Yakutii v kontekste izmenenii uslovii zhiznedeyatel'nosti: opyt sotsiologicheskogo issledovaniya* [The Arctic society of Yakutia in the context of changes in the living conditions: sociological research]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 7 (5A), pp. 300-311.

Keywords

Arctic (Northern) zone, Republic of Sakha (Yakutia), indigenous minorities of the North, living conditions, natural resources, traditional values, sociocultural adaptation, ethnic identity, nomadic territory.

References

1. Baisheva S.M. et al. (2012) *Etnosotsial'naya adaptatsiya korennykh malochislennykh narodov Severa Respubliki Sakha (Yakutiya)* [Ethnosocial adaptation of the indigenous minorities of the North, living in the Republic of Sakha (Yakutia)]. Novosibirsk.
2. Baklanov I.S., Dushina T.V., Mikeeva O.A. (2010) Chelovek etnicheskii: problema etnicheskoi identichnosti [Homo gentilicio: the problem of ethnic identity]. *Voprosy sotsial'noi teorii* [Issues of social theory], 4, pp. 396-408.
3. Burtseva T.E., Uvarova T.E., Makarova N.V., Tomskii M.I. (2008) Dinamika sovremennykh demograficheskikh i mediko-demograficheskikh protsessov u korennykh malochislennykh narodov Severa Respubliki Sakha (Yakutii) [The dynamics of modern demographic and medico-demographic processes in the indigenous minorities of the North, living in the Republic of Sakha (Yakutia)]. *Dal'nevostochnyi meditsinskii zhurnal* [Far Eastern medical journal], 2, pp. 112-115.
4. Katorin I.V. (2016) Osobennosti institutsionalizatsii Arkticheskoi zony Rossii [The features of institutionalisation of the Arctic zone of Russia]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of territory development], 5 (85), pp. 191-199.
5. Kosharnaya G.B. (2008) Strategii sotsial'noi adaptatsii sel'skogo naseleniya v sovremennom rossiiskom obshchestve: regional'nyi aspekt [Strategies for social adaptation of rural population in modern Russian society: the regional aspect]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Gumanitarnye nauki. Sotsiologiya* [News of higher schools. Humanities. Sociology], 4, pp. 154-162.
6. Makhan'ko N.V. (2001) *Sotsiokul'turnaya adaptatsiya v transformatsionnykh protsessakh kul'tury. Doct. Diss. Abstract* [Sociocultural adaptation in transformational cultural processes. Doct. Diss. Abstract]. Rostov-on-Don.
7. *O kompleksnoi programme Respubliki Sakha (Yakutiya) "Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiye arkticheskikh i severnykh raionov Respubliki Sakha (Yakutiya) na 2014-2017 gody i na period do 2020 goda": postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Sakha (Yakutiya) ot 15.08.2014 № 251* [On the complex program of the Republic of Sakha (Yakutia) "Socioeconomic development of the Arctic and Northern regions of the Republic of Sakha (Yakutia) for 2014-2017 and for the period until 2020": Decree of the Government of the Republic of Sakha (Yakutia) No. 251 of August 15, 2014]. Available at: docs.cntd.ru/document/432880477 [Accessed 15/06/18].
8. *O sukhoputnykh territoriyakh Arkticheskoi zony Rossiiskoi Federatsii: ukaz Prezidenta RF ot 02.05.2014 № 296* [On the land territories of the Arctic zone of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation No. 296 of May 2, 2014]. Available at: kremlin.ru/acts/bank/38377 [Accessed 15/06/18].
9. Popkov Yu.V. *Etnosotsial'nye protsessy i etnonatsional'naya politika* [Ethnosocial processes and ethnonational policy]. Available at: https://www.tuva.asia/journal/issue_17/5964-popkov.html [Accessed 15/06/18].

УДК 316.7-051.6

Самоорганизация молодежи как реализация ее интересов

Ушамирская Галина Федоровна

Доктор социологических наук, профессор, ректор,
Волжский институт экономики, педагогики и права,
404111, Российская Федерация, Волжский, ул. Советская, 6;
e-mail: rector@viepp.ru

Ушамирский Алексей Эдуардович

Кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета,
Волжский институт экономики, педагогики и права,
404111, Российская Федерация, Волжский, ул. Советская, 6;
e-mail: rector@viepp.ru

Аннотация

боснована актуальность исследования проблемы самоорганизации молодежи, определяющаяся ее недостаточной изученностью, упрощенным пониманием только как процесса создания и обеспечения функционирования молодежных организаций. Предложена основанная на теоретических построениях синергетики оригинальная концепция самоорганизации молодежи, предполагающая выделение пяти уровней самоорганизации: субкультурного, институционального, уровня общественных объединений, уровня межличностных связей и уровня саморегуляции личности. Доказывается, что перспектива самоорганизации молодежи жестко связана с возможностью реализации ее базовых интересов, к числу которых относятся социализация, как процесс усвоения ценностей и норм, идентификация, как соотнесение и отождествление с социальными образцами, и стремление к достижению жизненного успеха. Сделаны выводы о том, что на субкультурном уровне в силу фантомного характера ряда молодежных ценностей самоорганизация все чаще выражается в конструировании локальных «миров», находящихся в конфронтации с референтным окружением; на институциональном – нередко воплощается в девиантных технологиях взаимодействия с социальными институтами; на уровне общественных объединений – концентрируется в сетевых сообществах; на уровне межличностных отношений выражается преимущественно в поддержании семейно-родственных связей. Обосновано, что в настоящее время сложнее всего решается проблема самоорганизации на уровне саморегуляции личности, что обусловлено очевидным дефицитом саморефлексии и отсутствием навыков применения технологий саморазвития личности.

Для цитирования в научных исследованиях

Ушамирская Г.Ф., Ушамирский А.Э. Самоорганизация молодежи как реализация ее интересов // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Том 7. № 5А. С. 312-323.

Ключевые слова

Самоорганизация молодежи, социализация, идентификация, жизненный успех, интересы молодежи, субкультура.

Введение

К числу распространенных стереотипов восприятия молодежи в элитарном и массовом сознании относится представление о необходимости и целесообразности ее самоорганизации. Поэтому не удивительно, что проблема самоорганизации молодежи рассматривается в ряде исследований. В частности, в работах В.П. Бабинцева и Е.В. Реутова [Бабинцев, Реутов, 2010, 109-115], Ю.А. Зубок и В.И. Чупрова [Зубок, 2009, 78-88], [Зубок, Чупров, 2008] В.М. Литвинович [Литвинович, 2008, 361-382], Т.И. Морозовой [Морозова, 2012, 2013]. Однако, несмотря на довольно обширный перечень работ, посвященных данной тематике, остаются до настоящего времени нерешенными ряд проблем теоретического и практического характера.

Во-первых, до конца не прояснено содержание процесса самоорганизации молодежи в современных условиях. Не преодолена инерция трактовки самоорганизации как феномена, в той или иной мере воспроизводящего практики советского комсомола, хотя и в новых условиях. В частности, Т.И. Морозова обоснованно пишет, что на практике «самоорганизация молодых людей нередко по-прежнему рассматривается как чисто формальный процесс ее объединения и «добровольно-принудительного» включения в решение общественных проблем. При этом преобладает их «взрослое» прочтение, довольно часто не совпадающее с оценками самой молодежи» [Морозова, 2012, 5].

Во-вторых, самоорганизацию нередко сводят лишь к созданию молодежных объединений. В определенной степени этот подход проявился в работе В.П. Бабинцева и Е.В. Реутова. По меньшей мере, так вполне может быть интерпретировано следующее заключение по итогам проведенного ими исследования: «Самоорганизация, формирование молодежных организаций, движений не рассматриваются молодыми респондентами как эффективный способ защиты прав, реализации интересов» [Бабинцев, Реутов, 2010, 114]. Между тем, довольно очевидно, что самоорганизацию не следует ограничивать лишь функционированием молодежных организаций, даже если имеется в виду и их так называемая «неформальная» разновидность.

В-третьих, крайне сложной проблемой является проблема самоорганизации, осуществляемой молодыми людьми на асоциальной основе. Зачастую она оказывается не менее, а даже более эффективной, чем попытка упорядочить отношения в молодежной среде, фундируемая социетальными ценностями и нормами. Последствия асоциальной самоорганизации, как показывает, в частности, опыт создания в социальных сетях так называемых «групп смерти» исключительно деструктивны для общества и отдельных молодых людей. Следовательно, далеко не все формы самоорганизации должны приветствоваться и поддерживаться. Однако в научных исследованиях и на практике нередко отсутствует четкое разграничение между ее приемлемыми и неприемлемыми формами, во многом связанное с отсутствием строгих критериев.

В-четвертых, очевидно, что эффективная самоорганизация молодежи возможна лишь в том случае, если ее субъекты руководствуются собственными интересами, а не ориентируются на симулякры, предложенные внешними манипуляторами. Но в большинстве работ, посвященных проблеме самоорганизации молодежи, отсутствует анализ взаимосвязи интересов молодежи и

ее самоорганизационного потенциала. В данной статье предпринимается попытка восполнить этот пробел.

Методология исследования

В качестве методологической основы проведенного исследования выступает несколько положений.

Во-первых, положение синергетики о том, что нелинейные системы в природе и обществе под влиянием изменений внешней среды вырабатывают собственные траектории поведения и в результате внутренне трансформируются [Varela, 1984, 21-32]. Происходит их структурирование и упорядочивание, обеспечивающее устойчивость и перспективу в нестабильном мире. Это процесс и определяют как самоорганизацию, то есть «спонтанное образование высокоупорядоченных структур из зародышей или даже из хаоса» [Антипьев, 2015, 23-24].

Ю.А. Зубок и В.И. Чупров подчеркивают, что «социальная самоорганизация состоит в упорядочении спонтанных процессов внутриколлективного взаимодействия путем их саморегулирования. Наиболее распространенными формами самоорганизации являются лидерство, образование неформальных групп, участие в выработке и принятии решений и др.» [Зубок, Чупров, 2008, 37]. С учетом данного обстоятельства самоорганизацию молодежи следует понимать как саморегулируемый процесс упорядочивания всей совокупности внутренних и внешних связей в молодежной среде. Вполне очевидно, что разнообразие и многоуровневый характер этих связей не позволяют сводить самоорганизацию лишь к одному из ее проявлений. В частности, к деятельности молодежных объединений.

Во-вторых, идея о том, что главным фактором, детерминирующим социальную самоорганизацию, является групповой интерес. Согласно Б. Юдину, «необходимым условием самоорганизации в группе является наличие общих областей интересов у ее членов» [Юдин, 1969, 199]. Групповой интерес в данном контексте предстает в качестве цель – программы «поведения системы в состоянии гомеостаза» [Буданов, 2007, 190]. В силу данного обстоятельства проблема самоорганизации молодежи, в конечном итоге, сводится к задаче согласования интересов молодых людей, достижению баланса между ними. Однако для этого важно ясно понимать, в чем заключаются интересы субъектов.

Авторские концептуальные подходы

Концепция исследования заключается в следующих положениях. Во-первых, в трактовке самоорганизации молодежи как частного случая социальной самоорганизации. Это реализуемый посредством саморегуляции и внешней регуляции процесс упорядочивания внутренних и внешних взаимодействий в молодежной среде, связанный принятием уже существовавших или формирования новых институций. При этом институции мы рассматриваем в соответствии с концепцией Д. Норта, как «правила игры» в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми» [Норт, 1997, 17]. Самоорганизация молодежи представляет собой нелинейный и внутренне противоречивый процесс, детерминированный как субъективными, так и объективными условиями, и поэтому являющийся для молодежи, если не необходимым, то, как минимум, естественным. Напротив, противоестественной является

стихийная (или искусственная) «атомизация» молодых людей, выступающая в качестве одного из негативных следствий социальной дизъюнкции.

Во-вторых, самоорганизация молодежи носит многоуровневый характер. В свое время Т.И. Морозова, выделяя четыре уровня самоорганизации молодежи, писала: «Во-первых, она представляет собой формирование системы связей между молодежью и различными социальными институтами. В условиях России, в первую очередь – между молодежью и государством. Во-вторых, самоорганизация выражается в структурировании межличностных отношений между молодыми людьми, которые в трансформирующемся российском обществе носят по преимуществу неформальный характер. В-третьих, в качестве отдельного направления самоорганизации целесообразно выделить процессы формирования молодежных объединений формального и неформального типов... Наконец, в-четвертых, самоорганизация проявляется как саморегулирование личности конкретного молодого человека, упорядочивание его диспозиции, определение жизненной стратегии. Последнее направление, возможно, является наиболее важным, поскольку именно на диспозиционном уровне формируются основные интенции личности, проявляющиеся впоследствии в ее конкретных действиях» [Морозова, 2013, 4-5].

Мы полагаем, что предложенная концепция нуждается в некотором уточнении, связанном с необходимостью выделить в качестве самостоятельного субкультурный уровень самоорганизации молодежи, учитывая, что молодежь в современном мире реализует себя посредством создания специфических субкультур, «каждая из которых представляет собой особый мир, в онтологических глубинах которого, включающих телесные, этнические, семейные, субкультурные и социальные основы жизнедеятельности человека, формировались как бессознательные архетипы (объективно-мыслительные, идеальные формы культуры и сознания), так и последующие – реальные или фантастические – рационализации в формах этнической ментальности и социальной идеологии, общественного сознания (прежде всего, мифологического и религиозного) и самосознания, формируется идентичность личности» [Римская, 2011, 45].

С учетом данной корректировки мы считаем возможным выделить в процессе самоорганизации молодежи пять уровней. Первый – субкультурный, на котором потребности и интересы молодых людей закрепляются в виде групповых ценностей и норм, а затем – воплощаются в поведенческих стандартах и стилях поведения. Второй уровень – институциональный, заключающийся в упорядочивании взаимодействия молодежи и действующих в стране социальных институтов. Третий – уровень общественных объединений. На этом уровне формируются организации, функции которых заключаются в артикуляции и агрегации специфических интересов различных групп молодежи. Четвертый – уровень межличностных связей; пятый – уровень саморегуляции личности – упорядочения ее внутренних структур.

В-третьих, самоорганизация на каждом из этих уровней осуществляется в том случае, если соответствует интересам молодежи и превращается в свою противоположность при отсутствии консолидирующих интересов. Специфика интересов определяет и интенцию самоорганизационного творчества на каждом из этих уровней. Рассматривая проблему интересов молодежи как стимулов ее самоорганизации, мы принимаем во внимание несколько обстоятельств:

– среди интересов молодежи целесообразно выделять базовые и производные. Первые связаны с фундаментальными потребностями молодых людей, обусловленными их статусом в

обществе, достаточно стабильны и, даже если не осознаются частью субъектов, объективно побуждают их к действиям; вторые неустойчивы, субъективно окрашены и зачастую детерминированы либо специфической жизненной ситуацией, либо задаются извне, нередко посредством манипулятивных практик;

– интересы молодежи могут как укладываться в существующие социальные нормы, так и не совпадать с ними. Во втором случае имеет место девиация, которая может носить и негативный (что принимается во внимание наиболее часто), позитивный характер. Поскольку молодежь по своей природе девиантна, позитивная девиация является потенциальным источником самоорганизационных процессов, представляющих собой вид социального творчества. Но негативная девиация выступает источником социальной деструкции. Проблема заключается в том, что на практике зачастую бывает трудно провести границу между позитивным и негативным интересом и репрезентирующим его самоорганизационным процессом;

– к числу базовых интересов молодежи, стимулирующих самоорганизацию, мы считаем возможным отнести социализацию, как процесс усвоения ценностей и норм, идентификацию, как процесс соотнесения и отождествления с социальными образцами (в их роли могут выступать группы, институты, личности); достижение жизненного успеха, представляющего собой сформированное в сознании человека представление о соответствии своего статуса собственным интересам и ценностям, сочетающегося с убежденностью, что оно подтверждается значимыми для личности референтами.

Полученные результаты

Мы предприняли попытку рассмотреть особенности реализации базовых интересов молодежи на каждом уровне самоорганизации, опираясь на данные социологических исследований, осуществленных в российских регионах: «Проблемы участия молодежи в региональных социальных конфликтах» (2014 год), проведенное в Белгородской и Волгоградской областях методом анкетного опроса населения ($n = 1500$) и работников органов государственного и муниципального управления, СМИ, руководителей общественных организаций, депутатов различных уровней ($n = 500$) и «Интересы современной молодежи», проведенное методом анкетирования в Волгоградской области ($n = 501$) и глубинного интервью молодых людей ($n = 30$), а также работников органов государственной власти ($n = 25$) в 2016 году.

Социализация. Исследования показали, что самоорганизационный потенциал социализации на субкультурном уровне определяется представлением молодежи о степени совпадения ее ценностей и ценностей всего общества (это представление может быть ошибочным, но оно в значительной степени формирует готовность или неготовность молодых людей принять действующие в социуме нормы поведения). На институциональном уровне, а также на уровне общественных объединений и межличностных отношений он детерминирован характером восприятия уровня комплементарности референтов молодежной среде; на уровне саморегуляции – спецификой целей молодых людей.

Исследование «Интересы современной молодежи» показало, что молодежь усматривает значительные расхождения между собственным восприятием ряда ценностей и отношением к ним в обществе в целом. Это следует из различий в оценках респондентами (в баллах от 1 до 10) значимости различных ценностей для самой молодежи и для общества в целом.

Наиболее заметные несовпадения при такой постановке вопроса были выявлены в отношении ценностей, определяющих:

- межличностные отношения: к ним мы отнесли доверие к людям и благожелательность, готовность помочь другим. Расхождения в оценках респондентами их значимости для молодежи и общества в целом в первом случае составили 1.72 балла, во втором – 1.71;
- индивидуальную жизненную позицию. К ним отнесли самостоятельность и инициативу (расхождения в 1.17);
- установку на стабильность. Включали традицию, сохранение привычного образа жизни (расхождения в 1.88 балла);
- установку на конформизм. К ним отнесли: причастность к коллективу, подчинение общим нормам (расхождение в 1.42 балла).

Во всех этих случаях респонденты полагали, что эти ценности более значимы для молодежи, чем для общества в целом.

Молодые люди определили, что нет значительной разницы между их восприятием и восприятием прагматических ценностей: богатства (разница в оценках его значимости для молодежи и общества в целом составляет 0.27); личного успеха (0.28); жизни в свое удовольствие (0.13). Некоторые ценности, по мнению молодых людей, более значимы для них, чем для общества, но различия между ними находятся в пределах 1 балла или около этого. Эти ценности можно определить как самосохранительные: безопасность (разница 1.03 балла); стремление к переменам (0.98). Существует ценность, которая, по мнению молодежи, значительно благоприятнее принимается обществом, чем самой молодежью; эта ценность – власть (разница 1.68 балла).

Для характеристики специфики социализации на институциональном уровне, а также на уровне общественных объединений и межличностных отношений существенно то, что лишь меньшинство респондентов воспринимает этих контрагентов как субъектов общественных отношений, на которых можно положиться в трудной жизненной ситуации. В отношении органов власти так считают лишь 9.58%, общественных организаций – 5.79%, соседей – 13.77. Фактически, тем самым подтверждается наличие в молодежной среде высокого уровня социального недоверия, которое продуцируется всей социальной системой. Д.Б. Беспарточный обоснованно заключает: «Изучение российского социума в современных исторических условиях показывает, что в нем возрастает спрос на социальное доверие, формируется общественная потребность в добросовестном сотрудничестве, установлении взаимности и прочности партнерских обязательств. К сожалению, реалии современного российского общества далеки даже от минимальных параметров достойной человеческой жизни. Социальные, политические, экономические противоречия инициируют различные формы человеческого недоверия» [Беспарточный, 2012, 3].

Некоторое исключение составляют лишь родственники, на помощь которых рассчитывают 24.55% респондентов. Полученные данные, фактически, подтверждают результаты, полученные другими авторами. Так Т.А. Гужавина пишет: «В молодежной среде превалирует доверие ближнему кругу, к членам семьи, к родственникам и друзьям. Однако можно проследить некоторые внутригрупповые различия и определенную зависимость выбора альтернативы от возрастной позиции. От максимализма ранней юности, когда «можно доверять большинству и всем без исключения» (13%) молодые люди приходят к более взвешенной и зрелой позиции «большинству знакомых людей можно доверять» (22%)» [Гужавина, 2017, 130].

Как показывает исследование «Проблемы участия молодежи в региональных социальных конфликтах», тремя главными целями молодежи являются семейное счастье (57.47% респондентов), карьера (41.20%) и богатство, которое вполне можно трактовать как

материальное благополучие (34.60%). Самое примечательное в данном случае то, что на практике эти цели крайне трудно совместить. И данная трудность не может не создавать проблемы для упорядочения внутриличностных структур молодого человека.

Идентификация. На субкультурном уровне идентификация выражается в соотнесении молодежи себя с теми или иными культурными традициями. На институциональном уровне и на уровне общественных объединений – с добровольной включенностью в деятельность институтов и организаций, на уровне межличностных отношений, как и на уровне саморегуляции, с выбором объекта для подражания и адекватного своему идеалу стилю повседневного поведения.

Исследование «Интересы современной молодежи» выявило, что менее половины молодых людей (47.50%) относят себя к представителям российской культуры. Относительно доли респондентов, идентифицирующих себя с мировой (15.77%), европейской (12.57%) и евразийской (10.78%) культурой. Гражданами России ощущают себя лишь 28.14% молодых людей, жителями города или района 18.96%; представителями региона – 13.17%; своего народа – 8.78%. В то же время – гражданами мира (космополитами) – 17.56%; европейцами – 9.98%. В данной связи приходится констатировать, что в молодежной среде мы наблюдаем отчетливо выраженную тенденцию к отчуждению от отечественных культурных традиций, дополняющуюся своеобразной локализацией идентификационной матрицы. В результате снижается возможность достижения субкультурного единства на макроуровне, которая пока еще слабо компенсируется самоорганизацией на уровне местных сообществ.

62.48% молодых людей имеют образец для подражания. Чаще всего это бизнесмены – 15.16%; политики – 8.98%; родственники – 8.58%; соседи – 8.18%. Однако образ жизни ни одной статусной группы не служит образцом для большинства молодежи. Наиболее значимые показатели в данном случае не превышают показателя 13%. 12.28% участников опроса ориентируются на представителей шоу-бизнеса; 11.18% на ученых. Довольно ярко выраженная дифференциация объектов идентификации, на наш взгляд, косвенно свидетельствует о кризисе институциональных механизмов самоорганизации.

Весьма примечательно, что молодые люди существенно разделились в определении ведущего принципа организации собственной жизни. 24.55% считают таковым способность не обращать внимания на обстоятельства, идти своей дорогой; 21.36% умение договариваться с людьми, даже если не принимаешь их позиции; 18.56% готовность уважать принятые в обществе нормы и ценности и ни в коем случае их не нарушать; 15.97% способность всегда отстаивать свою позицию, даже если это ведет к конфликтам; 14.17% умение приспособиться к любым условиям и использовать их в своих интересах. Существенные разночтения в данном случае определяются явно выраженным дефицитом саморефлексии, вследствие которого молодые люди, как правило, оказываются неспособными критически оценить собственный жизненный опыт. По мнению Т.И. Морозовой, этот дефицит «не позволяет значительной части молодых людей подняться до уровня осознания необходимости самоорганизации и саморегулирования, превращения существующих формальных и неформальных объединений и отдельных личностей в аутопоэтические системы, то есть саморегулирующиеся и самовоспроизводящиеся системы, в значительной степени независимые от внешнего воздействия» [Морозова, 2013, 284].

Достижение жизненного успеха. На субкультурном уровне самоорганизационный потенциал, определяющийся стремлением к достижению жизненного успеха связан с двумя обстоятельствами: во-первых, с определением содержания жизненного успеха; во-вторых, с

соотнесением задачи его достижения с социальными нормами. На институциональном уровне и уровне общественных объединений – с пониманием, какие из этих формирований могут способствовать реализации интересов молодежи. На уровне межличностных отношений – с формированием социального капитала, представляющего собой, согласно П. Бурдьё, комплекс реальных или потенциальных ресурсов, обусловленных обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания – иными словами, с членством в группе [Бурдьё, 2002, 60-74]. На уровне саморегуляции – с определением наиболее эффективных способов достижения успеха.

Исследование «Интересы современной молодежи» показывает, что чаще всего молодые люди связывают жизненный успех с семейным счастьем (23.53%) и богатством (21.96%). Для 14.97% это свобода, для 8.58% власть, для 8.18% возможность реализовать свой талант и способности. Примечательно, что лишь 0.60% считают показателем успеха служение обществу. 43.71% респондентов условием достижения жизненного успеха считают знания; 35.33% общую культуру и ум; 7.58% нестандартность мышления. Заметная часть молодых людей убеждена: успех должен рассматриваться не как проявление в отношении их социального спонсорства и благотворительности, но личных усилий. 22.75% связывают успех с целеустремленностью; 26.95% с общественной активностью; 3.59% с силой воли.

Вместе с тем среди молодежи сохраняются убеждения, что успех могут обеспечить положение родителей (24.75%); связи и знакомства (18.96%); готовность подчиняться требованиям окружения (16.77%). Довольно значительна (14.97%) доля тех, кто обуславливает успех – получением свидетельства об образовании или о занимаемой должности (диплома, «корочки»). В этих представлениях, по нашему мнению, довольно адекватно отражаются характерные для нашего общества деформации общественной морали, которые легко усваиваются молодежью. И именно эти превращенные формы сознания стимулируют девиантные формы самоорганизации, вновь замыкающиеся на проблему недостатка у молодых людей рефлексии и саморефлексии, что делает их малоспособными к всесторонней оценке собственного жизненного опыта и поведения контрагентов.

Анализ изложенных результатов

Полученные результаты позволяют, на наш взгляд, сделать ряд выводов. Во-первых, в процессе развития современной молодежи формируются довольно значимые (преимущественно внешние) предпосылки для специфического субкультурного творчества. Они связаны с тем, что многие молодые люди заявляют о неудовлетворенности обществом, в котором живут (67.87%). При этом 42.92% главным основанием для этого называют постоянную ложь и обман, отрицая одну из наиболее существенных парадигм современной российской культуры. В противовес ситуации молодые люди полагают (далеко не всегда обоснованно), что именно они являются носителями иных установок, ориентированных на доверие к людям, благожелательность в отношении друг к другу, взаимопомощи. Эти ценности, культивируемые в первую очередь в семье и родственном окружении, могли бы стать основой для формирования молодежной субкультуры (и эпизодически становятся ею), но в реальной жизни они приходят в противоречие с довольно ярко выраженной установкой на материальное благополучие (богатство) и, фактически, нивелируются на уровне массового сознания. В результате «благие порывы» приобретают фантомный характер. Более того, ощущение неспособности (личной) и невозможности (детерминированной внешними обстоятельствами) реализовать благородные иллюзии сублимируется посредством конструирования локальных

субкультурных стандартов поведения, многие из которых аккумулируют агрессию по отношению к социуму. Именно они становятся социализирующей средой для значительной части молодых людей и одновременно – источником формирования социального капитала, необходимого для жизненного успеха.

Во-вторых, значительная часть современной молодежи не способна выстроить конструктивные отношения с большинством социальных институтов. Частично это связано с позицией последних в отношении молодежи, характеризующейся упрощенной трактовкой молодежных проблем, злоупотреблением администрированием (в первую очередь это относится к органам государственного и муниципального управления), стремлением использовать молодежь для достижения корпоративных целей. Но в сложившейся ситуации есть «вина» и самой молодежи, изначально лишаящей социальные институты «кредита доверия» и допускающей использование во взаимодействии с ними сомнительных с точки зрения закона и морали технологий. Можно согласиться с утверждением М.К. Горшкова и Ф.Э. Шереги, что «большинство молодых (55%) вынуждены признать, что их успех в жизни во многом зависит от умения вовремя закрыть глаза на собственные принципы и согласиться с тезисом, что «современный мир жесток, и чтобы добиться успеха в жизни, иногда приходится переступать моральные принципы и нормы» [Горшков, Шереги, 125]. Для большинства молодых людей это вполне приемлемые способы достижения жизненного успеха, а возникающие в процессе их использования правила поведения становятся социализационными (в действительности, асоциальными) нормами.

В-третьих, значительная часть молодых людей не испытывает потребности участвовать в работе собственных общественных объединений, равно как и создавать их. Исключение составляют группы в социальных сетях. Эти группы формируют собственную субкультурную среду, нормы и стили поведения и превращаются в наиболее значимый объект идентификации молодых людей.

В-четвертых, на межличностном уровне самоорганизация молодых людей все более редуцируется до практики поддержания устойчивых связей в семейно-родственном окружении. Здесь чаще всего складываются отношения доверия и взаимной поддержки, сохраняется установка на идентификацию с «ближним кругом» контрагентов. Однако развитию микропрактик самоорганизации существенно препятствуют два обстоятельства. Первое связано с тем, что семейно-родственное окружение все реже может предлагать молодым людям систему устойчивых поведенческих норм, которые, отличаясь от принятых в обществе потребления правил, обеспечивали бы личности безопасность и возможности саморазвития. Второе – с тем, что ресурсы семейно-родственного окружения в большинстве случаев ограничены и не могут гарантировать жизненного успеха.

В-пятых, наиболее сложно решается проблема самоорганизации на личностном уровне, что связано с присущим большинству молодых людей дефицитом саморефлексии.

Заключение

Проведенный анализ дает основание утверждать, что самоорганизацию молодежи недопустимо трактовать с использованием упрощенных теоретических обобщений, рассматривая лишь в позитивном ключе и – тем более – оценивая с позиции абстрактно сформулированных «интересов общества». Любой самоорганизационный процесс будет успешным лишь при его адекватности базовым интересам молодежи, которые следует не только учитывать, но исследовать, а, при необходимости, корректировать с участием самого молодого поколения. Осторожное и профессиональное отношение к данной проблеме будет

способствовать минимизации социальных девиаций и позволит упорядочить взаимодействие молодых людей как в своей среде, так и с многочисленными контрагентами.

Библиография

1. Антипов К.А. Социальный потенциал самоорганизации местных сообществ // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2015. № 2. С. 23-24.
2. Бабинцев В.П., Реутов Е.В. Самоорганизация и «атомизация» молодежи как актуальные формы социокультурной рефлексии // Социологические исследования. 2010. №1. С. 109-115.
3. Беспарточный Д.Б. Доверие в системе социальных отношений населения региона: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2012. 27 с.
4. Буданов В.Г. Синергетическая методология в постнеклассической науке и образовании // Синергетическая парадигма. Синергетика образования. М.: Прогресс-Традиция, 2007. С. 174-210.
5. Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5. С. 60-74.
6. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. М., 2010. 592 с.
7. Гужавина Т.А. Социальный капитал региональной молодежи // Материалы VII международной социологической Грушинской конференции «Навстречу будущему. Прогнозирование в социологических исследованиях». М., 2017. С. 129-133.
8. Зубок Ю.А. Самоорганизация в проявлениях молодежного экстремизма // Социологические исследования. 2009. № 1. С. 78-88.
9. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные аспекты исследования молодежи. М.: Academia, 2008. 272 с.
10. Литвинович В.М. Современная молодежь: проблема самоорганизации // Беларусь и Россия: социальная сфера и социокультурная динамика. Минск, 2008. С. 361-382.
11. Морозова Т.И. Регулирование процессов самоорганизации молодежи в социокультурном пространстве региона: дис. ... докт. социол. наук. Белгород, 2013. 459 с.
12. Морозова Т.И. Регулирование процессов самоорганизации молодежи в социокультурном пространстве региона. Белгород, 2012. 360 с.
13. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997. 180 с.
14. Римская О.Н. Феноменология субкультурных религий: дис. ... канд. филос. наук. Тула, 2011. 172 с.
15. Юдин Б.Г. Процессы самоорганизации в малых группах. Системные исследования. Ежегодник. М.: Наука, 1969. 204 с.
16. Varela F. Two principles of self-organization // Self-organization and management of social systems: insights, promises, doubts, and questions. Berlin, 1984. P. 25-32.

Self-organization of youth as a realization of its interests

Galina F. Ushamirskaya

Doctor of Sociology, Professor, Rector,
Volzhsky Institute of Economics, Pedagogy and Law,
404111, 6, Sovetskaya st., Volzhsky, Russian Federation;
e-mail: rector@viepp.ru

Aleksei E. Ushamirskii

PhD in Law, Associate Professor,
Dean of the Faculty of Law,
Volzhsky Institute of Economics, Pedagogy and Law,
404111, 6, Sovetskaya st., Volzhsky, Russian Federation;
e-mail: rector@viepp.ru

Abstract

The urgency of researching the problem of youth's self-organization, determined by its insufficient knowledge, simplified understanding only as a process of creating and maintaining the functioning of youth organizations, is substantiated. The original concept of self-organization of young people based on theoretical constructions of synergetics is proposed. It presupposes the allocation of five levels of self-organization: subcultural, institutional, the level of public associations, the level of interpersonal relations and the level of self-regulation of the individual. It is proved that the prospect of youth self-organization is tightly linked to the possibility of realizing its basic interests, including socialization, as the process of assimilation of values and norms, identification, as correlation and identification with social models and the desire to achieve the success in life. Conclusions are drawn that self-organization is increasingly expressed in the construction of local "worlds" in confrontation with the reference environment at the subcultural level, due to the phantom nature of a number of youth values; it is often embodied in deviant technologies of interaction with social institutions at the institutional level; it is concentrated in networked communities at the level of public associations; it is expressed mainly in the maintenance of family relationship at the level of interpersonal relations. It is substantiated that the problem of self-organization is most difficult to solve at the level of the self-regulation of the individual. It is caused by an obvious deficit of self-reflection and lack of skills in the use of technologies for self-development of the individual.

For citation

Ushamirskaya G.F., Ushamirskii A.E. (2018) Samoorganizatsiya molodezhi kak realizatsiya ee interesov [Self-organization of youth as a realization of its interests]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 7 (5A), pp. 312-323.

Keywords

Self-organization of youth, socialization, identification, success in life, interests of young people, subculture.

References

1. Antip'ev K.A. (2015) Sotsial'nyi potentsial samoorganizatsii mestnykh soobshchestv [Social potential of self-organization of local communities]. *Vestnik PNIPU. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki* [Bulletin of PNRPU. Socio-economic sciences], 2, pp. 23-24.
2. Babintsev V.P., Reutov E.V. (2010) Samoorganizatsiya i «atomizatsiya» molodezhi kak aktual'nye formy sotsiokul'turnoi refleksii [Self-organization and "atomization" of youth as actual forms of sociocultural reflection]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 1, pp. 109-115.
3. Bespartochnyi D.B. (2012) *Doverie v sisteme sotsial'nykh otnoshenii naseleniya regiona. Doct. Dis.* [Confidence in the system of social relations of the population of the region. Doct. Dis.]. Moscow.
4. Bourdieu P. (2002) Formy kapitala [Forms of capital]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic sociology], 3, 5, pp. 60-74.
5. Budanov V.G. (2007) Sinergeticheskaya metodologiya v postneklassicheskoi nauke i obrazovanii [Synergetic methodology in postnonclassical science and education]. In: *Sinergeticheskaya paradigma. Sinergetika obrazovaniya* [Synergetic paradigm. Synergy of education]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ.
6. Gorshkov M.K., Sheregi F.E. (2010) *Molodezh' Rossii: sotsiologicheskii portret* [Youth of Russia: a sociological portrait]. Moscow.
7. Guzhavina T.A. (2017) Sotsial'nyi kapital regional'noi molodezhi [Social Capital of Regional Youth]. In: *Materialy VII mezhdunarodnoi sotsiologicheskoi Grushinskoi konferentsii «Navstrechu budushchemu. Prognozirovaniye v sotsio-logicheskikh issledovaniyakh»* [Proceedings of the VII International Sociological Grushinsky Conference "Towards the Future. Prediction in sociological research"]. Moscow.

8. Litvinovich V.M. (2008) *Sovremennaya molodezh': problema samoorganizatsii* [Modern youth: the problem of self-organization]. In: *Belarus' i Rossiya: sotsial'naya sfera i sotsiokul'turnaya dinamika* [Belarus and Russia: social sphere and sociocultural dynamics]. Minsk.
9. Morozova T.I. (2013) *Regulirovanie protsessov samoorganizatsii molodezhi v sotsiokul'turnom prostranstve regiona*. *Doct. Dis.* [Regulation of the processes of self-organization of young people in the socio-cultural space of the region. *Doct. Dis.*]. Belgorod.
10. Morozova T.I. (2012) *Regulirovanie protsessov samoorganizatsii molodezhi v sotsiokul'turnom prostranstve regiona* [Regulation of self-organization processes of youth in the socio-cultural space of the region]. Belgorod.
11. Nort D. (1997) *Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki* [Institutions, institutional change and the functioning of the economy]. Moscow: Nachala Publ.
12. Rinskaya O.N. (2011) *Fenomenologiya subkul'turnykh religii*. *Doct. Dis.* [Phenomenology of Subcultural Religions. *Doct. Dis.*]. Tula.
13. Varela F. (1984) Two principles of self-organization. In: *Self-organization and management of social systems: insights, promises, doubts, and questions*. Berlin.
14. Yudin B.G. (1969) *Protsessy samoorganizatsii v mal'kikh gruppakh. Sistemnye issledovaniya. Ezhegodnik* [Self-organization processes in small groups. System research. Yearbook]. Moscow: Nauka Publ.
15. Zubok Yu.A. (2009) Samoorganizatsiya v proyavleniyakh molodezhnogo ekstremizma [Self-organization in manifestations of youth extremism]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 1, pp. 78-88.
16. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. (2008) *Sotsial'naya regul'yatsiya v usloviyakh neopredelennosti. Teoreticheskie i prikladnye aspekty issledovaniya molodezhi* [Social regulation in the face of uncertainty. Theoretical and applied aspects of youth research]. Moscow: Academia Publ.

УДК 32

Фактор синергетического эффекта при исследовании номенклатуры и парламентской оппозиции в России начала XX века

Китаев Сергей Викторович

Кандидат политических наук,
доцент кафедры государственного управления и политологии,
Волгоградский институт управления,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
404131, Российская Федерация, Волжский, ул. Нечаевой, 12-63;
e-mail: kitaevs@mail.ru

Черницына Ольга Владимировна

Аспирант,
Волгоградский институт управления,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
404131, Российская Федерация, Волжский, ул. Нечаевой, 12-63;
e-mail: chernicynaov@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается номенклатура и парламентская оппозиция сквозь призму переломных моментов, присущих России начала XX века. Сложность в оценке происходящих процессов, а также необходимость изучения переломных моментов в истории Российского государства, требуют поиска наиболее универсальных методов исследования данного периода российской истории. Для выявления степени воздействия и изменения исследуемых феноменов авторами используется категориальный аппарат социальной синергетики. Делается вывод о недопущении бифуркационной точки в период ослабления системного контроля и начала самоорганизационных процессов, как единственно возможной стратегии сохранения управляемости систем, недопущения наступления хаотических состояний. Поэтому аппарат репрессий, аппарат насилия является основным инструментом осуществления управления в организационно, линейно управляемых системах. С его ослаблением, возникает хаос, разрушается социальная система, что и произошло с Российской империей в начале XX века.

Для цитирования в научных исследованиях

Китаев С.В., Черницына О.В. Фактор синергетического эффекта при исследовании номенклатуры и парламентской оппозиции в России начала XX века // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Том 7. № 5А. С. 324-329.

Ключевые слова

Парламентская оппозиция, парламентаризм, Первая Государственная Дума, политические партии и фракции, революция, номенклатура, синергетика, точка бифуркации, управляемость системы.

Введение

Россия второй половины XIX – начала XX века была полна противоречий: реакционное замораживание общественного развития, относительная неподвижность социально-политических институтов, внутренний террор почти полностью ликвидировали в стране оппозиционное движение.

Сложность в оценке происходящих процессов, а также необходимость изучения переломных моментов в истории Российского государства, требуют поиска наиболее универсальных методов исследования. По нашему мнению, необходимый результат можно получить через категориальный аппарат синергетики, определив ее потенциал в раскрытии сущности номенклатуры и парламентской оппозиции в России начала XX века.

Борьба политических партий и национальные движения «будто бы специально демонстрируют торжество синергетического мира» [Митина, 1999, 343].

Основная часть

Напомним, что учрежденный в 1905 году для преодоления глубочайшего кризиса первый в стране парламент – Государственная Дума, создаваемый как орган для разработки и обсуждения законопроектов для Государственного Совета и Верховной власти, на практике законодательством почти не занимался, став скорее легальной общероссийской политической трибуной, выразителем общественного мнения.

Характеризуя предпосылки и условия возникновения Государственной Думы Российской империи I созыва, лидер и идеолог меньшевизма Л. Мартов утверждал, что время революционной борьбы для России прошло и дальнейшее завоевание народных прав и улучшение положения народа возможно «парламентским» путем, то есть голосованием в Думе [Мартов, 1917].

Однако появление первых думских законопроектов, которые не воспринимались правительством и правительственных проектов, с которыми не соглашались депутаты, сопровождалось отсутствием обещанной передачи земель крестьянам и налоговых льгот, что порождало народное недовольство. Да и Дума, выбранная народом, при решении земельного вопроса, отказалась разговаривать «съ этимъ самымъ народомъ» [там же].

Роспуск первого в России избранного населением представительного законосовещательного органа – Первой Государственной Думы – обошелся без массовых волнений.

Безусловно, Первая Дума, просуществовавшая всего 72 дня, не предъявила существенных аргументов реальной пользы парламентаризма в России, но заложила основы думского избирательного законодательства, дала первый опыт парламентской деятельности политических партий, выработке способов сотрудничества оппозиционных депутатов при достаточно радикальных политических платформах даже когда «каждая партія по своему понимает те средства, какими надо бороться, и тотъ порядокъ, какимъ надо заменить существующее зло...» [там же]. Кроме того, первый в России парламент, отчетливо выявил очевидный смысл противоположности между правительством и оппозицией, чтобы, как отмечал Р. Дарендорф, «поддерживать жизнь в политическом процессе, разведывать новые пути в противоречиях и дискуссиях и тем самым сохранять творческий характер человеческих обществ» [Дарендорф, 2002, 127].

Множество политических проблем российской внутренней политики начала XX века по-прежнему требовали решения и революционизм, который был существенно ускорен Первой мировой войной, стал доминантой в общественном политическом сознании.

Февральская революция 1917 года осуществила то, чего добивались демократические и либеральные силы российского общества – свержение самодержавия и установление демократической формы правления, поставив российскую буржуазию перед необходимостью учитывать факт существования Советов, профсоюзов, массовых организаций, различных оппозиционных кружков марксистского толка, способствовавших, в конечном итоге, радикализации масс, особенно в городах [Кревельд, 2006, 117]. С позиции синергетического подхода отличительной чертой Февральской революции явилось преобладание внезапно возникших самоорганизационных процессов перерастания порядка в хаос над попытками остановить его путем властной организации.

Сложившейся хаотической ситуацией в стране воспользовались оппозиционные царскому режиму политические силы. По мнению Д.Е. Палатникова, «сработал сущностный механизм отбора социальных альтернатив... (это и парламентская республика, и военная диктатура, и путь крестьянского социализма)». Роль детектора сыграло противоборство партий кадетов, эсеров, меньшевиков и большевиков. Вместе с тем, в виду неспособности выполнить роль детектора, ни одна из этих альтернатив не была реализована» [Палатников, 2009, 22].

24-25 октября 1917 года совершилась Октябрьская социалистическая революция, свергнувшая буржуазное Временное правительство, и большевики с их дисциплиной и организацией оказались единственной партией, которая пошла навстречу требованиям рабочих и крестьян. Крах надежд на европейскую (особенно германскую) революцию, переход к рынку и товарно-денежному хозяйству (нэп) означал конец «Октября как события» и начало «Октября как эпохи» со своими собственными противоречиями и политическими тупиками [Пантин, 2013, 131]. Нарастающие в российском обществе анархистские и экстремистские тенденции, сопровождающиеся сокращением социальной, электоральной базы политических партий, приводят к возрастанию популярности большевистской партийной идеологии и переходу, в конечном итоге, к власти партии большевиков и образованию однопартийной системы. Все было подчинено сохранению власти партии, которая становилась партией-государством; естественный процесс структуризации российского общества, в том числе, российского парламентаризма, был приостановлен на долгие десятилетия.

Выход из состояния хаоса революции осуществился через нарастание амплитуд хаотических колебаний и превращения одной из них в аттрактор, в качестве которого в октябре 1917 г. выступила партия большевиков [Палатников, 2009, 52]. Большевизм стал новым феноменом, не имевшим ничего общего с российским самодержавием – «новым типом» государства, общества и человека. Большевики обладали доктриной, единством теории и практики, мысли и действия, специфика которых достаточно метко фиксируется М. Геллером в метафоре – «машина и винтики» [Геллер, 1994, 87].

Став правящей, большевистская партия первоначально ориентировалась на отказ от чиновничества. Однако очень скоро выяснилось, что для преодоления острого социально-политического и экономического кризиса, а также овладения ситуацией необходима эффективная система организации власти и управления.

Становление жестко централизованной системы власти происходило на базе партии большевиков, до революционных событий самой являющейся оппозиционной; ее аппарат стал основой новой власти, собирающей сегментированное общество. Причиной этого, в частности, явилось то, что в условиях хаоса, партия большевиков сохранила всероссийскую организацию, что позволило ей выступить готовой основой для формирования структур власти [Китаев, 2009]. Примечательно, что РСДРП из партийной структуры превратилась в орган государственной власти, не приемлющий оппозиции.

Оппозиция, или, по выражению В.П. Макаренко – «контролируемая оппозиция», существовала в этот период развития российской государственности, во-первых, с целью предотвратить удар масс по властно-управленческим структурам, а во-вторых, являясь элементом самоутверждения государства, способствовала желанию иметь «такого противника, уничтожить которого не составляет большого труда» [Макаренко, 2003, 23].

Парламентаризм советского этапа российской истории характеризуется возникновением скорее «квазипарламентских» органов – Советов, с непомерным нарастанием влияния партийного аппарата вместо опоры на партийную массу, с бюрократизацией партийных группировок и объединений, господством партийной элиты и лидеров.

С преодолением кризисных явлений революционного периода, а также периода Гражданской войны, основные черты государственного управления, сложившиеся в первые годы советской власти, были упрочены, образована система отбора, воспитания и проверки управленческих кадров, введена категория номенклатуры.

В условиях острой нехватки образованных кадров, а также в силу специфики территориальной, этнической, социально-экономической структуры государства, номенклатурная система имела несомненные достоинства. Она подчиняла весь госаппарат единым критериям и действовала почти автоматически. Это объясняет высокую эффективность СССР в экстремальных условиях последующей индустриализации и войны.

При этом методы управления обществом, которые использовала номенклатура, являются эффективными исключительно для линейных социально-политических систем, являющихся вполне управляемыми, а значит и подвластными субъекту управления. Однако, с ослаблением системного контроля, в обществе начались самоорганизационные процессы, стали возникать самостоятельные, независимые от государства структуры. До наступления такого момента возможны целенаправленные усилия по сохранению старого порядка. С выходом системы в критическое, бифуркационное состояние как раз и происходит та самоорганизационная перестройка, принципиально не поддающаяся управлению, и результат ее во многом зависит от случайного фактора.

Поэтому, недопущение бифуркационной точки – единственно возможная и допустимая стратегия сохранения управляемости систем.

Заключение

Поскольку социальные структуры в рамках линейной модели мыслятся возникающими в соответствии с замыслом управляющей инстанции, то и исчезать они должны в соответствии с желанием этой же инстанции. Поэтому аппарат репрессий, аппарат насилия является основным инструментом осуществления управления в организационно, линейно управляемых системах. С его ослаблением, возникает хаос, разрушается социальная система, что, в итоге и произошло с Российской империей в начале XX века.

Библиография

1. Геллер М. Машина и винтики. История формирования советского человека. М., 1994. 336 с.
2. Дарендорф Р. Тропы из утопии. М.: Праксис, 2002. 534 с.
3. Китаев С.В. Основные черты большевистского кадрового корпуса в годы Гражданской войны (1918-1920 гг.) // Научный вестник ВАГС. 2009. Вып. 2. С. 23-27.
4. ван Кревельд М. Расцвет и упадок государства. М.: ИРИСЭН, 2006. 544 с.
5. Макаренко В.П. Русская власть и бюрократическое государство. Ростов-на-Дону, 2013. 652 с.
6. Мартов Л. Политические партии в России. М., 1917. 36 с.
7. Митина О.В., Петренко В.П. Синергетическая модель динамики политического сознания // Синергетика и психология. 1999. Выпуск 1. С. 343-344.
8. Палатников Д.Е. Роль социальной синергетики в познании социально-политических явлений: автореф. дис. ... канд. филос., наук. Ярославль, 2009. С. 22.
9. Пантин И.К. К вопросу о характере Октябрьской революции // Полис. 2013. № 6. С. 131-144.

The factor of synergistic effect in the study of the nomenclature and the parliamentary opposition in the turning points of the history of the Russian state

Sergei V. Kitaev

PhD in Political Science,
Associate Professor of the Department of Public Administration and Political Science,
Volgograd Institute of Management,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
404131, 12-63, Nechaevoi st., Volzhskiy, Russian Federation;
e-mail: kitaevs@mail.ru

Ol'ga V. Chernitsyna

Postgraduate,
Volgograd Institute of Management,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
404131, 12-63, Nechaevoi st., Volzhskiy, Russian Federation;
e-mail: chernicynaov@mail.ru

Abstract

The article discusses the nomenclature and the parliamentary opposition through the prism of turning points inherent in Russia at the beginning of the 20th century. Russia in the second half of the nineteenth and early twentieth centuries was full of contradictions: the reactionary freezing of social development, the relative immobility of social and political institutions, and internal terror almost completely eliminated the opposition movement in the country. The difficulty in assessing the processes taking place, as well as the need to study the turning points in the history of the Russian state, requires the search for the most universal methods for studying this period of Russian history. To identify the degree of impact and change of the phenomena under investigation, the authors use the categorical apparatus of social synergetics. The conclusion is made about preventing a bifurcation point in the period of weakening system control and the beginning of self-organizing

processes, as the only possible strategy for maintaining controllability of systems, preventing the onset of chaotic states. Therefore, the apparatus of repression, the apparatus of violence is the main tool for the implementation of control in organizational, linearly controlled systems. With its weakening, chaos arises; the social system is destroyed, which happened to the Russian Empire at the beginning of the 20th century.

For citation

Kitaev S.V., Chernitsyna O.V. (2018) Faktor sinergeticheskogo effekta pri issledovanii nomenklatury i parlamentskoi oppozitsii v Rossii nachala XX veka [The factor of synergistic effect in the study of the nomenclature and the parliamentary opposition in the turning points of the history of the Russian state]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 7 (5A), pp. 324-329.

Keywords

Parliamentary opposition, parliamentarism, First State Duma, political parties and factions, revolution, nomenclature, synergetic, bifurcation point, system controllability.

References

1. van Creveld M. (2006) *Rastsvet i upadok gosudarstva* [The heyday and decline of the state]. Moscow: IRISEN Publ.
2. Dahrendorf R. (2002) *Tropy iz utopii* [Paths from utopia]. Moscow: Praxis Publ.
3. Geller M. (1994) *Mashina i vintiki. Istoriya formirovaniya sovetskogo cheloveka* [Machine and screws. The history of the formation of the Soviet man]. Moscow.
4. Kitaev S.V. (2009) Osnovnye cherty bol'shevistskogo kadrovogo korpusa v gody Grazhdanskoi voyny (1918-1920 gg.) [The main features of the Bolshevik personnel corps in the years of the Civil War (1918-1920)]. *Nauchnyi vestnik VAGS* [Volgograd Institute of Management Herald], 2, pp. 23-27.
5. Makarenko V.P. (2013) *Russkaya vlast' i byurokraticheskoe gosudarstvo* [Russian power and bureaucratic state]. Rostov-on-Don.
6. Martov L. (1917) *Politicheskie partii v Rossii* [Political parties in Russia]. Moscow.
7. Mitina O.V., Petrenko V.P. (1999) Sinergeticheskaya model' dinamiki politicheskogo soznaniya [Synergetic model of the dynamics of political consciousness]. *Sinergetika i psikhologiya* [Synergetics and psychology], 1, pp. 343-344.
8. Palatnikov D.E. (2009) *Rol' sotsial'noi sinergetiki v poznanii sotsial'no-politicheskikh yavlenii. Doct. Dis.* [The role of social synergetics in the knowledge of socio-political phenomena. Doct. Dis.]. Yaroslavl.
9. Pantin I.K. (2013) K voprosu o kharaktere Oktyabr'skoi revolyutsii [On the nature of the October revolution]. *Polis*, 6, pp. 131-144.

УДК 32

Использование группового потенциала социальных коммуникаций пожилых людей в процессах активизации социальной ответственности

Тихонова Татьяна Евгеньевна

Аспирант,

Российский государственный гуманитарный университет,
125993, Российская Федерация, Москва, Миусская площадь, 6;
e-mail: tihonova@uszn-cao.ru

Аннотация

В статье рассмотрен концептуальный подход к использованию группового потенциала социальных коммуникаций пожилых людей в процессах активизации социальной ответственности в контексте изменения возрастной структуры населения России. Обоснована необходимость адаптации граждан старших возрастных групп к новым условиям жизни, что обуславливает выработку и применение особых подходов и форм социальной работы с ними. В современных высоко динамичных социальных условиях на процессы развития России все большее влияние оказывают человеческие ресурсы и факторы использования потенциала населения. Прогнозы показывают, что в перспективе их значение и роль будут неуклонно возрастать, способствуя построению оптимального общества, или замедляя эти процессы на неопределенный срок. Таким образом, наличие стереотипов и предубеждений в современном обществе, мешающих объективному отношению к пожилым группам людей, фактически изымает из своего состава значительную часть весьма ценного человеческого потенциала, обладающего значительными возможностями создания новых благ и ценностей. Необходим комплекс социологических исследований по всему спектру проблем данной категории населения. Особое значение имеет выявление и использование группового потенциала социальных коммуникаций пожилых людей в процессах активизации социальной ответственности.

Для цитирования в научных исследованиях

Тихонова Т.Е. Использование группового потенциала социальных коммуникаций пожилых людей в процессах активизации социальной ответственности // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Том 7. № 5А. С. 330-336.

Ключевые слова

Групповой потенциал, социальная группа, социальные коммуникации, социальная ответственность, возраст, категории, население.

Введение

В современных высоко динамичных социальных условиях на процессы развития России все большее влияние оказывают человеческие ресурсы и факторы использования потенциала населения. Прогнозы показывают, что в перспективе их значение и роль будут неуклонно возрастать [Задорин, 2016, 32], способствуя построению оптимального общества, или замедляя эти процессы на неопределенный срок [Коваль, 2017, 40].

Одна из особенностей современной социально-экономической ситуации в России связана с ростом числа людей старших возрастных групп: пожилых (60-74 года), старых (75-90 лет) и долгожителей (более 90 лет).

В настоящее время в стране проживает около 37,4 миллионов человек старше 60 лет и их число неуклонно возрастает. По некоторым прогнозам, доля населения старше трудоспособного возраста вырастет с 25,4% в 2018 году до 30,4% к 2036 году (до 47 млн. человек) [Демографический прогноз, www]. Если ожидаемая продолжительность жизни в 2018 году составляет в среднем около 73 лет, то в 2035 году она составит более 82 лет.

Изменение возрастной структуры населения России приводит к необходимости решения социальных проблем граждан старших возрастных групп, которые обусловлены:

- прекращением или частичным ограничением их трудовой деятельности;
- снижением общественной активности и изменением социального статуса;
- изменением системы ценностных ориентиров и жизненных интересов;
- постепенным снижением возможностей самообслуживания в социально-бытовой сфере;
- изменением сложившегося образа жизни, сокращением числа социальных связей,

сужением круга общения и т.п.

Наращение подобных проблем вызывает необходимость адаптации граждан старших возрастных групп к новым условиям жизни, обуславливает выработку и применение особых подходов и форм социальной работы с ними.

Основная часть

Закономерности и разные аспекты старения человека издавна исследовались представителями разных наук – философии, медицины, психологии, социологии, что отражено в трудах Цицерона, Аристотеля, Ф. Бэкона, Ж.-А. Кондорсе, Э. Россета, И.И. Мечникова, А.А. Богомольца, А.В. Нагорного и др. [Мусина-Мазнова, 2012]. Необходимо отметить, что до настоящего времени отмечается сложившийся психологический дисбаланс между положительными и негативными характеристиками пожилых людей. Так, традиционно, перечень положительных характеристик пожилых людей ограничивается сохранностью традиций, наличием опыта и мудрости. Состав же недостатков, присущих пожилым людям, более обширен и связан с низкой работоспособностью, частыми заболеваниями, устареванием знаний и пр.

Между тем, в ряде исследований показано, что многие недостатки, связанные обществом с возрастом людей, носят субъективный характер, вызванный внешними обстоятельствами. Так, например, достижение человеком законодательно установленного пенсионного возраста, автоматически ассоциируется с представлениями об обязательном снижении уровня трудоспособности (физической и интеллектуальной), несмотря на реальные индивидуальные возможности [Вязовецков, 2014; Ритцер, 2002; Фролькис, 2004; Холостова, 2005]. Это дает

Using the group potential of social communications of older...

основание работодателям по отношению к работникам пенсионного возраста водить ряд несправедливых ограничений: по функциям в выполняемой работе, занимаемым должностям, карьере и т.п., что соответственно снижает их социальный статус и уровень оплаты труда.

Кроме того, подобное отношение к пожилым категориям населения провоцирует в обществе возникновение возрастной сегрегации, дифференцирующей людей на особые возрастные группы с неравными возможностями доступа к материальным и социальным ресурсам [Образовательное пространство..., 2014].

Необходимо отметить еще одно заблуждение, которое устойчиво закреплено в общественном сознании: старшее поколение не способно осваивать современные научно-технические достижения (гаджеты, программные продукты, интернет-технологии и т.п.). Считается, что высокие темпы инновационного технико-технологического обновления окружающего мира приводят к обесцениванию имеющихся знаний и накопленного опыта и переводят пожилых людей в разряд некомпетентных, не способных успешно освоить действующие образовательные программы. Современное общество рассматривается с разных позиций молодежью и представителями старших возрастных категорий населения [Глазков, 2017; Демиденко, 2017].

Таким образом, наличие стереотипов и предубеждений в современном обществе, мешающих объективному отношению к пожилым группам людей, фактически изымает из своего состава значительную часть весьма ценного человеческого потенциала, обладающего значительными возможностями создания новых благ и ценностей. Необходим комплекс социологических исследований по всему спектру проблем данной категории населения, включая:

- определение места социальной группы пожилых людей и их роли в социуме;
- выявление особенностей их взаимоотношения с другими социальными группами;
- уточнение характера отношения к ним в семье;
- определение особенностей взаимоотношений между пожилыми людьми одной возрастной группы и т.д.

Особое значение имеет выявление и использование группового потенциала социальных коммуникаций пожилых людей в процессах активизации социальной ответственности.

Данный подход позволяет рассматривать социальную группу пожилых людей в многогранной и естественно-неразрывной их взаимосвязи с социумом, выявляя и определяя факторы взаимного влияния, добиваясь оптимальной степени сотрудничества, снижая или устраняя неблагоприятные факторы, детерминирующие их взаимное отторжение.

Концептуальная сущность данного подхода заключается в следующем: пожилые люди теряют свои связи с социумом не столько в связи со старением организма, происходящим по естественным медико-биологическим закономерностям, но и по социально-экономическим, культурным причинам. В частности, оно во многом обусловлено условиями существования индивида, социальной группы, всего социума, а также связано с уровнем жизни населения, степенью социально-экономического развития общества, его цивилизованностью и культурностью.

Гармонизация отношений дуальной связки «пожилой человек – общество» требует не столько формального постулирования признания человека высшей ценностью, сколько реальной переориентации действий и ресурсов государства и общества на всемерную поддержку личности и создание условий ее развития и среды жизнедеятельности. Это тем более целесообразно в связи с тем, что возможности адаптации пожилых людей в социуме ограничиваются причинами естественного и субъективного характера.

Групповой потенциал социальных коммуникаций пожилых людей в процессах активизации социальной ответственности складывается из ряда понятий, требующих уточнения: групповой потенциал, социальные коммуникации, социальная ответственность.

Групповой потенциал представляет собой совокупность возможностей элементов социальной группы (индивидуальных потенциалов) на основе образования и проявления результата коллективного воздействия в виде синергетического эффекта. Данный эффект (или эффект команды) проявляется в коллективе в виде отрицательного результата взаимодействия суммы его элементов ($2+2<4$) или положительного (усиливающего) результата ($2+2>4$).

Социальные коммуникации представляют собой формы связи и взаимодействия между субъектами социальной деятельности – пожилыми людьми, по передаче информации, знаний, эмоций и т.п. Социальная коммуникация социальной группы пожилых людей может быть: межличностной, групповой, специализированной, официальной, неформальной, вербальной и т.п. Они отличаются межличными контактами на субъект-субъектном уровне в процессе непосредственного обмена эмоциями, взаимовлияния, взаимопонимания и взаимопереживания. Функции социальных коммуникаций пожилых людей могут быть направлены на установление связей между людьми в процессах совместной деятельности; обеспечение накопления и передачи знаний и социального опыта, трансляции элементов культуры, участие в формировании и развитии социальных институтов, систем, общностей и т.д.

Под социальной ответственностью понимают ответственность человека перед людьми и перед собой по данным им обещаниям (обязательствам). Могут быть выделены следующие виды социальной ответственности: гражданская, деловая, родительская и т.п. По отношению к пожилым людям важную роль играет ответственность перед собой в плане сохранения своего здоровья, своих возможностей и развития, своего будущего.

Социальная ответственность отражает осознанное отношение человека к социальным нормам и задачам, к требованиям общества и его ценностям, к пониманию последствий его поступков для него самого, социальных партнеров и общества.

Таким образом, групповой потенциал социальных коммуникаций пожилых людей в процессах активизации социальной ответственности представляет собой совокупность опосредованных и целесообразных взаимодействий группы пожилых людей в границах норм социальной ответственности как между собой, так и с внешними индивидами и группами, на основе образования и проявления результата коллективного воздействия в виде синергетического эффекта.

Элементами группового потенциала социальных коммуникаций пожилых людей в процессах активизации социальной ответственности являются частные виды потенциалов: квалификационного; психофизиологического; творческого, коммуникативного; идейно-мировоззренческого; нравственного; управленческого; развития; социального, интегрированных в единое целое.

Квалификационный потенциал группы пожилых людей представляет собой совокупность профессиональных знаний, умений и навыков, обуславливающих их профессиональную компетентность.

Психофизиологический потенциал обуславливает возможность работоспособности и взаимодействий социальной группы пожилых людей, ее влияния на социум.

Творческий потенциал отражает интеллектуально-познавательные способности людей.

Коммуникативный потенциал – это способность к сотрудничеству индивидов, к коллективной их организации, степени взаимодействия с индивидами и другими группами социальной среды.

Идейно-мировоззренческий и нравственный потенциал социальной группы пожилых людей отражает ценностно-мотивационную сферу, моральный уровень целей, способов их достижения.

Управленческий потенциал отражает способность социальной группы пожилых людей управлять поведением и деятельностью других индивидов и групп (социальных, деловых и т.д.), выполнения функций референтной и экспертной группы.

Потенциал развития представляет собой возможность социальной группы пожилых людей через развитие своих членов и элементов (связей, информации и т.п.) участвовать в решении все более сложных задач.

Социальный потенциал означает способность участникам группы пожилых людей активно взаимодействовать как внутри группы, так и с объектами внешней среды.

Выявление и использование группового потенциала социальных коммуникаций пожилых людей в процессах активизации социальной ответственности предполагает решение ряда следующих задач. Во-первых, необходимо понимание и осмысление пожилого возраста человека не с точки зрения его деградации и угасания, а как соответствующего периода (этапа) дальнейшего развития личности, сохранения и приумножения человеческого потенциала, определения условий и факторов, способствующих этому процессу.

Во-вторых, необходимо не только сбережение достигнутого уровня социального статуса пожилых людей, но и его повышение в социуме с учетом достижений и реального вклада в развитие общества. Это потребует совокупности социально-экономических мер, направленных на определение нового места и роли пожилых людей во всех сторонах жизнедеятельности общества, поддержание их авторитета и достойной жизни (пенсии, зарплата, работа, условия труда и т.п.).

В-третьих, создание эффективной системы адаптации пожилых людей в общество и социальной профилактики процессов их старения. Очень важно изменить систему мотивации пожилых людей, направив ее на самоактуализацию личностного и группового потенциала, его поступательное развитие, вовлечение этой социальной группы в деятельность всех сфер общества. При этом целесообразна одновременная поддержка подобных процессов со стороны государства и общества.

В-четвертых, обязательным условием использования потенциала пожилых людей является обеспечение их фактического равенства с другими категориями граждан по признаку доступности экономических ресурсов, социальных благ и культурных ценностей. Особо важным также является соблюдение прав и свобод пожилых людей, что должно обеспечивать их фактическое равенство в обществе с другими социальными группами граждан.

Заключение

Таким образом, использование группового потенциала социальных коммуникаций пожилых людей в процессах активизации социальной ответственности представляет собой резерв дальнейшего социально-экономического развития современного общества.

Библиография

1. Вязовецков О.С. Риск долголетия – новая проблема современного общества // Страховое дело. 2014. № 9. С. 3-12.
2. Глазков А.П. Проблемы современного общества с точки зрения молодежи // Вестник российского философского общества. 2017. № 2. С. 42-44.

3. Демиденко С.Ю. Российское общество: взгляд в будущее (материалы «круглого стола») // Социологические исследования. 2017. №6. С. 25-43.
4. Демографический прогноз до 2035 года. Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru>
5. Задорин И.В. Российское общество-2020: экспертный образ будущего // Экономические стратегии. 2016. № 3. С. 32-55.
6. Коваль Е.А. Модель современного российского «хорошего общества»: проблемы конструирования // Философия и общество. 2017. №4. С. 40-51.
7. Мусина-Мазнова Г.Х. Социальная геронтология: теория и практика. Астрахань, 2012. 192 с.
8. Образовательное пространство «третьего возраста»: Зачем и как учить пожилых? Новосибирск, 2014. 55 с.
9. Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб.: Питер, 2002. 688 с.
10. Фролькис В.В. Старение и увеличение продолжительности жизни. СПб., 2004. 203 с.
11. Холостова Е.И. Пожилой человек в обществе. М., 2005. 450 с.
12. Mkrtumova I. Public-private partnership: The model of interaction of regional socio-economic systems in the trans-regional space (Scopus) // International Review of Management and Marketing. 2016. Volume 6. Issue 1. P. 255-260.

Using the group potential of social communications of older people in the processes of social responsibility activation

Tat'yana E. Tikhonova

Postgraduate,
Russian State University for the Humanities,
125993, 6, Miusskaya square, Moscow, Russian Federation;
e-mail: tikhonova@uszn-caio.ru

Abstract

The article considers a conceptual approach to the use of the group potential of social communications of older people in the processes of social responsibility activation in the context of changing the age structure of the Russian population. In today's highly dynamic social conditions on the processes of development of Russia is increasingly influenced by human resources and factors of using the potential of the population. Projections show that in the future their value and role will increase steadily, contributing to the construction of an optimal society, or slowing down these processes for an indefinite period. The necessity of adaptation of citizens of older age groups to new living conditions, which leads to the development and application of special approaches and forms of social work with them. Thus, the presence of stereotypes and prejudices in modern society that hinder the objective attitude towards older groups actually removes from its composition a significant part of the very valuable human potential, which has significant opportunities to create new benefits and values. A complex of sociological researches on the whole range of problems of this category of population is necessary. Of particular importance is the identification and use of the group potential of social communications of older people in the processes of enhancing social responsibility.

For citation

Tikhonova T.E. (2018) Ispol'zovanie gruppovogo potentsiala sotsial'nykh kommunikatsii pozhi-lykh lyudei v protsessakh aktivizatsii sotsial'noi otvetstvennosti [Using the group potential of social communications of older people in the processes of social responsibility activation]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 7 (5A), pp. 330-336.

Keywords

Group potential, social group, social communications, social responsibility, age, categories, population.

References

1. Demidenko S.Yu. (2017) Rossiiskoe obshchestvo: vzglyad v budushchee (materialy «kruglogo stola») [Russian society: a look into the future (materials of the round table)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 6, pp. 25-43.
2. *Demograficheskii prognoz do 2035 goda. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Demographic forecast until 2035. Federal State Statistics Service]. Available at: <http://www.gks.ru> [Accessed 08/08/2018]
3. Frol'kis V.V. (2004) *Starenie i uvelichenie prodolzhitel'nosti zhizni* [Aging and increased longevity]. St. Petersburg.
4. Glazkov A.P. (2017) Problemy sovremennogo obshchestva s tochki zreniya molodezhi [Problems of modern society from the point of view of youth]. *Vestnik rossiiskogo filosofskogo obshchestva* [Bulletin of the Russian Philosophy Society], 2, pp. 42-44.
5. Kholostova E.I. (2005) *Pozhiloi chelovek v obshchestve* [Elderly people in society]. Moscow.
6. Koval' E.A. (2017) Model' sovremennogo rossiiskogo «khoroshego obshchestva»: problemy konstruirovaniya [Model of modern Russian “good society”: problems of design]. *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and society], 4, pp. 40-51.
7. Mkrtumova I. (2016) Public-private partnership: The model of interaction of regional socio-economic systems in the trans-regional space (Scopus). *International Review of Management and Marketing*, 6, 1, pp. 255-260.
8. Musina-Maznova G.Kh. (2012) *Sotsial'naya gerontologiya: teoriya i praktika* [Social gerontology: theory and practice]. Astrakhan.
9. (2014) *Obrazovatel'noe prostranstvo «tret'ego vozrasta»: Zachem i kak uchit' pozhilykh?* [Educational space of the "third age": Why and how to teach the elderly?]. Novosibirsk.
10. Ritzer J. (2002) *Sovremennye sotsiologicheskie teorii* [Modern sociological theories]. St. Petersburg: Piter Publ.
11. Vyazovetskov O.S. (2014) Risk dolgoletiya – novaya problema sovremennogo obshchestva [The risk of longevity as a new problem of modern society]. *Strakhovoe delo* [Insurance business], 9, pp. 3-12.
12. Zadorin I.V. (2016) Rossiiskoe obshchestvo-2020: ekspertnyi obraz budushchego [Russian Society 2020: Expert Image of the Future]. *Ekonomicheskie strategii* [Economic Strategies], 3, pp. 32-55.

УДК 31.316.614

Институциональный подход к социализации военнослужащих вооруженных сил Российской Федерации

Поплевкин Николай Петрович

Адъюнкт,
Военный университет Минобороны России,
123001, Российская Федерация, Москва, ул. Большая Садовая, 14;
e-mail: Obssss@mail.ru

Аннотация

В статье рассмотрены подходы к институциональной сущности социализации военнослужащих по контракту в Вооруженных силах Российской Федерации. Раскрыты особенности и содержание институтов социализации и института военной службы. Проведен анализ взаимодействия социальных институтов с военно-социальной средой. Предложено авторское определение понятия институционального управления профессиональной социализацией военнослужащих. Влияние каждого института не оказывается отдельно, а эффективное влияние военной службы на контрактника требует воздействия, органов военного управления на военно-социальную среду, принимая во внимание влияние и иных социальных институтов. Следовательно, процесс институционального управления профессиональной социализацией военнослужащих, проходящих военную службу по контракту в Вооруженных силах РФ, рассматривается как целенаправленное воздействие посредством формальных норм на деятельность военнослужащих в процессе принятия личностью системы ценностей и норм поведения профессионального сообщества для обеспечения упорядоченности, целостности и управляемости военно-организационной системы посредством нормативно гарантированного воспроизводства системы регуляторов поведения.

Для цитирования в научных исследованиях

Поплевкин Н.П. Институциональный подход к социализации военнослужащих вооруженных сил Российской Федерации // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Том 7. № 5А. С. 337-343.

Ключевые слова

Социализация личности военнослужащего, социальный институт, институт социализации, институт военной службы, военная служба.

Введение

Институциональная природа социализации казалась очевидной еще на заре исследований этого феномена, так как он был зафиксирован в качестве неотъемлемой составляющей взаимодополняющего процесса функционирования общества и личности. Прототипы понятия социального или общественного института бытовали в науке уже в XVII веке, подходы к их описанию присутствуют в трудах О. Конта и Г. Спенсера, однако введение этого понятия в научный оборот принадлежит К. Марксу.

Таким образом, теории социализации, как и социальных (общественных) институтов развивались во взаимном дополнении. Главная идея О. Конта заключалась в представлении общества как живого социального организма, а в роли его важнейших органов выступали семья, церковь, право, государство, экономика, политика. Целостная же личность, в его концепции – продукт взаимодействия этих органов. По мнению Конта, отдельный человек, изъятый из семьи или других элементов общества, не сможет быть сформирован так же, как человек в семье. Поэтому особое место в его творчестве отведено рассмотрению ключевых факторов – социальных институтов.

Основная часть

Необходимо отметить, что О. Конт не является автором понятия социализация. Впервые в научный оборот его ввел американский социолог Ф. Гиддингс в работе «Теория социализации» (1897). Гиддингс, восприняв концепции выдающегося немецкого социолога Г. Зиммеля стал первым, кто попытался сформулировать теоретическое обоснование «социализации». Его подход через понятие «себе подобного сознания» привел к представлению, что человеческие мотивы формируются вокруг сознания как определяющего принципа, что ведет к осознанию группы через общение, подражание, терпимость, сотрудничество и союз. В результате возникают традиции и социальные ценности, и механизмы их передачи и усвоения, то есть возникает институциональная среда социализации [Гиддингс, 2012].

Идеи Конта были продолжены и значительно переработаны основателем социологии как отдельной самостоятельной дисциплины Э. Дюркгеймом. По его мнению, все «социальное необходимо объяснять социальным» [Примаков, Беляев, Пилипонский, 1999, 7-11], а в вопросах развития личности необходимо придерживаться концепции социальной природы человека и взаимодействия человека и общества. Его представления о социальных институтах и коллективном сознании легли в основу разработанного позднее Т. Парсонсом структурного функционализма.

Концепции Гиддингса и Дюркгейма, стали основными и определяющими для последующего исследования социализационного процесса. Вопросы социализации были подробно изложены в работах М. Вебера, Л. Колберга, Ч. Кули, О. Линтона, Р. Мертон, Дж. Мида, Н. Смелзера, З. Фрейда, Э. Фромма, Т. Шибутани и многих других.

Ввиду развития понятия, связанного с исследованием феномена социализации, в зарубежной социологии его рассматривали с трех основных сложившихся подходов:

- социобиологического (Э. Уилсон, З. Фрейд, Э. Фромм и др.);
- социально-психологического (Ч. Кули, Л. Колберг, Дж. Мид, Ж. Пиаже и др.);
- социологического – объединившего в себе не только теории и концептуальные подходы, но и классические парадигмы:

- социального бихевиоризма (Б. Скиннер, Дж. Хоманс и др.);
- феноменологии (А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман и др.);
- конфликтологии (Д. Козер и др.);
- социологические теории и концепции:
- социокультурного интеграционизма П.А. Сорокина;
- органического эволюционизма Г. Спенсера;
- социологизма Э. Дюркгейма;
- социоанализа П. Бурдьё;
- понимающую социологию М. Вебера.

Мы уже упоминали Т. Парсонса как основателя структурного функционализма. Наряду с ним Р. Мертон, Н. Смелзер и др. сформировали абстрактную теорию, цель которой – объяснять социальные процессы. Значимым понятием теории является понятие социальные системы, понимаемые как институциональные системы, включающие нормы, правила, установки, регулирующие поведение человека, оказывающие решающее влияние на формирование личности. С таких методологических позиций в результате социализации, формируются устойчивые черты личности, проявляемые в жизнедеятельности.

Таким образом, в зарубежных социальных дисциплинах к середине XX века сформировалось понимание о социализации как процессе, формирующим наиболее постоянные и повторяющиеся черты личности, проявляемые в общественной деятельности посредством общественно-ролевой структуры.

Отечественная социология, что определяется особенностью ее исторического развития, напротив, к исследованиям процессов социализации только обратилась в конце 60-х годов XX века. Определенный вклад внесли Б. Ананьев, Ю. Замошкин, В. Куницина, А. Леонтьев, Б. Парыгин, К. Платонов, Б. Поршнев, Г. Смирнов, Л. Спиридонов, М. Титма, А. Харчев, Е. Шорохова и др. Ввиду временной особенности в интересе к проблеме социализации первая исследовательская волна была обращена к изучению опыта зарубежных коллег с целью поиска возможностей формирования собственной теории социализации на основе отечественной методологии.

Формируется и специализированная теория социализации военнослужащих, среди военных ученых, внесших вклад в исследование этого процесса Е. Богатырева, В. Гидеринского, В. Горбунова, Ю. Дерюгина, Л. Егорова, В. Ковалева, В. Манилова, А. Марченко, А. Пилипонского, В. Примакова, А. Скока, В. Стекольников, Н. Табунова. Необходимо отметить, что особенности социализации военнослужащих по контракту, влияние на них специфических социализирующих условий, способствующих и затрудняющих процесс, требуют дальнейшего изучения.

На современном этапе военно-социологической теории социализация военнослужащего рассматривается как постоянный и не имеющей конечной точки процесс, когда формируется именно специализированная личность военнослужащего. Это не вполне соответствует сути контрактной службы, которая подразумевает возможность не продолжать контракт, следовательно, социализация военнослужащего-контрактника должна быть отнесена к профессиональной (т.е. вторичной) социализации.

Военные ученые-социологи сформировали полную теорию социализации военнослужащего, где личность представлена в качестве разнообразных свойств человека, приобретенных вследствие социального развития, и взаимодействующая в общественно-

социальных отношениях. Основным критерием «личности» является «социальное качество» [Примаков, 2000, 37], в этой категории, содержатся основные и наиболее важные элементы, формирующие характеристику личности. Поэтому понятие личность военнослужащего погружается в контекст структурного функционализма и трактуется с позиций системы надлежащих качеств, требуемых для выполнения прямых обязанностей.

К надлежащим качествам, относятся: общесоциальные, нравственные, общевоенные, военно-профессиональные, психофизические – сформированность в полном объеме перечисленных качеств является признаком сформированной личности воина. Формирование личности военнослужащего включает статус, соответствующий профессиональным ролям, который обуславливается исполнением обязанностей и прав в соответствии с положениями регламентирующих документов. Кроме того, из понятия личность военнослужащего невозможно исключить неформальные статусы (друга, товарища и пр.), которые тоже подвергаются воздействию со стороны института военной службы и их приходится осваивать в новых условиях.

Для военнослужащего военно-институциональная среда является основной, поскольку он постоянно с ней взаимодействует. Она имеет ряд особенностей:

- это социальное пространство, состоящее из различных компонентов социальной системы;
- обладает возможностью обеспечивать военнослужащему полноценное функционирование;
- создает необходимые условия для формирования социальных качеств воина.

В результате взаимодействия военнослужащего с военно-социальной средой формируется система «личность – среда» [там же, 39].

Так как система функционирует посредством социального порядка, то она имеет характеристики систематичности, упорядоченности, постоянства выполнения действий по траектории циклических повторений. Система с перечисленными характеристиками свойственна всем социальным организациям: семья, группа, коллектив и общество.

Нобелевский лауреат Дуглас Норт подходит к определению института через понятие правило. Институты, по Д. Норту, – формальные и неформальные ограничения, а также факторы принуждения, структурирующие поведение. Институт выступает основным фактором интеграции и стабилизации общества. Следовательно, социализационные институты включают в себя:

- систему организационных взаимосвязей;
- общепринятые ценностные установки, стандарты поведения, системы норм;
- систему воспроизведения и трансляции социального опыта.

Специфика социализации контрактника характеризуется целенаправленностью и требует положительного подкрепления через стимулы от иных социальных институтов (семьи, образования, религии, государства). С целью определения характеристики и интенсивности воздействия на профессиональную социализацию социальных институтов, рассмотрим силу влияния каждым из них.

Семьи военнослужащих оказывают особое влияние на функционирование армии. В научных исследованиях, посвященных современным вопросам семьи военнослужащего, уделяется значимое место адекватности внутренних процессов семьи, способствующих эффективному функционированию армии и выработке у военнослужащих соответствующих принципов и нравственных норм. По результатам исследований прослеживается соотношение поведенческих конструкций в семьях военнослужащих и их отражением в воинской службе.

Институт военного образования выполняет особую задачу, по реализации взаимосвязи институтов государства и военной службы. Военно-образовательная система подвижна и подстраивается под трансформацию геополитических интересов, воин, вооруженных конфликтов.

Особым социализирующим воздействием обладает военная служба, для которой характерны ряд особенностей:

- военная служба – относится к типу государственных институтов и функционирует при помощи государственного управления;
- имеет тотальные свойства, формирует специфические военно-социальные взаимодействия, воздействующие на все сферы жизни социализируемого военнослужащего;
- вырабатывает специфические механизмы военно-социальной деятельности военнослужащего;
- ее нормативно-ценностная система содержит отличительные ограничительные особенности, оказывающие специфическое влияние на ход социализации.

Социализационные институты военно-социальной среды сплетены в сложное взаимодействие, обуславливающее как сбалансированность системы ролей, так и их конфликт, который проявляется в профессиональной социализации контрактного военнослужащего.

Конфликт профессиональной социализации возникает ввиду взаимодействия профессиональных институтов, предполагающих исполнение служебных задач, решение которых согласуется с нормами и реализацией ценностей, следования регуляторам поведения, правилам, на фоне того, что военнослужащий интегрирован также в институты семьи, политики, образования. Усвоенные военные нормы и ценности обязательно не должны противоречить нормам семьи и других социальных институтов.

Заключение

Итак, влияние каждого института не оказывается отдельно и эффективное влияние военной службы на контрактника, требует воздействия, органов военного управления на военно-социальную среду, принимая во внимание влияние и иных социальных институтов. Следовательно, процесс институционального управления профессиональной социализацией военнослужащих, проходящих военную службу по контракту в Вооруженных силах РФ мы будем рассматривать как целенаправленное воздействие посредством формальных норм на деятельность военнослужащих в процессе принятия личностью системы ценностей и норм поведения профессионального сообщества для обеспечения упорядоченности, целостности и управляемости военно-организационной системы посредством нормативно гарантированного воспроизводства системы регуляторов поведения.

Предложенное определение обусловлено авторским пониманием:

- цели социализации – создании военно-профессиональных нормативно-ценностных регуляторов ролевого поведения военнослужащих;
- объектно-субъектного взаимоотношения в военно-социальной среде;
- специфики воздействия на военнослужащего, итогом которого является удовлетворяющая ориентация в военно-социальной среде;
- целенаправленности социализационного воздействия, основанного на контроле правильного восприятия и усвоения социального опыта.

Библиография

1. Гиддингс Ф. Основания социологии: Анализ явлений ассоциаций и социальной организации. М.: КРАСАНД, 2012. 430 с.
2. Маркс К. К критике гегелевской философии права // Сочинения. М., 1953-1981. Т.9. С. 263.
3. Пилипонский А.Г., Примаков В.Л. Социализация личности и ее особенности в условиях воинской службы. М., 1998. 45 с.
4. Примаков В.Л., Беляев А.М., Пилипонский А.Г. Теоретические концепции социализации в социологии. М., 1999. 119 с.
5. Примаков В.Л. Социализация офицера в условиях военной службы. М., 2000. 204 с.

Institutional approach to socialization of the military personnel of the armed forces of the Russian Federation

Nikolai P. Poplevkin

Adjunct,
Military University of the Ministry of Defense of Russia,
123001, 14, Bolshaya Sadovaya st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: Obssss@mail.ru

Abstract

The research presented in this scientific article discusses approaches to the institutional nature of the socialization of contract servicemen in the Armed Forces of the Russian Federation. The features and content of socialization institutions and the institution of military service are disclosed. The analysis of the interaction of social institutions with the military-social environment is presented in the paper. The author's definition of the concept of institutional management of professional socialization of military personnel is proposed. The influence of each institution is not provided separately, and the effective influence of military service on a contractor requires the influence of the military authorities on the military social environment, taking into account the influence of other social institutions. Consequently, the process of institutional management of professional socialization of servicemen undergoing military service under contract in the Armed Forces of the Russian Federation is considered as a purposeful impact through formal norms on the activities of servicemen in the process of adopting the personality of the system of values and behavior of the professional community to ensure the orderliness, integrity and manageability of the military organizational systems through regulatory guaranteed reproduction of the regulatory system of behavior, concludes the author of the research.

For citation

Poplevkin N.P. (2018) *Institutsional'nyi podkhod k sotsializatsii voennosluzhashchikh vooruzhennykh sil Rossiiskoi Federatsii* [Institutional approach to socialization of the military personnel of the armed forces of the Russian Federation]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 7 (5A), pp. 337-343.

Keywords

Socialization of the identity of the serviceman, social institute, institute of socialization, institute of military service, military service.

References

1. Giddings F. (2012) *Osnovaniya sotsiologii: Analiz yavlenii assotsiatsii i sotsial'noi organizatsii* [Foundations of Sociology: An Analysis of the Phenomena of Associations and Social Organization]. Moscow: KRASAND Publ.
2. Marx K. (1953-1981) K kritike gegelevskoi filosofii prava [On criticism of Hegel's philosophy of law]. In: *Sochineniya* [Works]. Moscow. Vol. 9.
3. Piliponskii A.G., Primakov V.L. (1998) *Sotsializatsiya lichnosti i ee osobennosti v usloviyakh voinskoi sluzhby* [Socialization of personality and its features in the conditions of military service]. Moscow.
4. Primakov V.L., Belyaev A.M., Piliponskii A.G. (1999) *Teoreticheskie kontseptsii sotsializatsii v sotsiologii* [Theoretical concepts of socialization in sociology]. Moscow.
5. Primakov V.L. (2000) *Sotsializatsiya ofitsera v usloviyakh voennoi sluzhby* [Socialization officer in the conditions of military service]. Moscow.

УДК 177.3

Старость как социально-философская категория в рамках культурной парадигмы общества

Гришай Владимир Николаевич

Доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры экономики,
Ессентукский институт управления, бизнеса и права,
357600, Российская Федерация, Ессентуки, ул. Ермолова, 2;
e-mail: vngprof@gmail.com

Килясханов Магомед Хизриевич

Кандидат философских наук, доцент, представитель МВД РФ в Республике Таджикистан,
Министерство внутренних дел Российской Федерации,
734003, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. Льва Толстого, 67;
e-mail: rlo.tajikistanmigr@mvd.gov.ru

Капустян Наталья Викторовна

Кандидат социологических наук,
заместитель завкафедрой трудового и предпринимательского права,
Ставропольский институт кооперации (филиал),
Белгородский университет кооперации, экономики и права,
355000, Российская Федерация, Ставрополь, ул. Тухачевского, 28/9;
e-mail: common@stavik.ru

Аннотация

В статье рассмотрена старость как социально-философская категория в рамках мировоззренческих установок культуры. Оценен экзистенциальный смысл идеи старости, ее образы, актуальные той или иной культурно-философской среде. Растущая продолжительность жизни делает общество более благополучным по многим признакам. Тем не менее, для полноценного восприятия старости, а также связанного с ней концепта долголетия, необходимо нечто большее, чем существование человека в рамках социальной прагматики. Здесь возникает необходимость утверждения символического значения старости. Этот процесс призван повысить адаптацию поколений, так как в обществе накапливалась идея бережного отношения к старости, почтения к старикам. Но так как духовная эволюция представляет собой сложный неравномерный процесс, то потенциал почтительного отношения к старикам то усиливался, то ослабевал, что отражалось на адаптивной способности отдельных людей и целых народов.

Для цитирования в научных исследованиях

Гришай В.Н., Килясханов М.Х., Капустян Н.В. Старость как социально-философская категория в рамках культурной парадигмы общества // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Том 7. № 5А. С. 344-351.

Ключевые слова

Старение, старость, возраст, социальная философия, философия.

Введение

Идея старости, формируя философско-культурные образы, выступает образцом, регулятором смысла жизни в рамках различных этносов, народов и конкретных личностей. Сама идея старости противоречива, так как здесь возникает конфликт между биологическим, духовным и социальным пластами человеческого существования. Разрешение этих конфликтов как раз выступает в качестве личностного развития, утверждая желание долгой жизни.

Само явление старости не сводимо только лишь к одной из составляющих: физиологической, антропологической, социальной или какой-либо другой. Рассмотрение старости с точкой отсчета каждой из этих составляющих дает лишь частичное понимание смысла, но в то же время выступает самостоятельным и значимым исследованием частных наук. Рассмотрение же старости в системе универсума человеческого бытия приводит к получению символического отражения смысла, который раскрывает двухстороннюю связь мира с человеком. Благодаря наличию этого смысла, различные культуры транслируют значимость старости в качестве определенного жизненного этапа как на общесоциальном уровне, так и на личностном.

В качестве одной из характерных черт старости можно отметить тот факт, что ее биологическая и духовная эволюции движутся в разные направления. Биологическая эволюция старости подразумевает увеличение продолжительности человеческой жизни. Здесь существенными выступают такие факторы, как экономические, политические, демографические, уровень культуры, быта, медицины и т. п.

Основная часть

На сегодняшний момент можно говорить о том, что существует уже современный европейский взгляд на старость, который все же является идейным преемником предыдущих мировоззренческих систем.

Идеального образа старости, актуального для всех культур на различных временных этапах, не существует. Абстрактный образец старости каждой культуры представлял собой итог социального, природного и мистического единения системы «человек – мир». В языческих племенах был распространен обычай поедания стариков как способ приобщения к жизненной силе рода. В славянских племенах стариков принято было приносить в жертву как посланников к богам-покровителям рода. Уже в античности (в частности, у Платона) возник образ старика как умудренного правителя государства, созерцающего бога. Чуть позже актуализируется христианский идеал старости – духовный старец, молящий за весь род человеческий. Уже ближе к современности И.И. Мечников исследовал образ долголетнего старца, живущего до тех пор, пока не будет утрачено желание жить.

Таким образом, можно увидеть, что идеалы старости в большой степени зависят от мировоззренческой парадигмы, господствующей в исследуемую эпоху. Тем не менее есть общий метафизический признак для всех эпох: образ старости имеет противоречивый характер – с одной стороны, это продолжение жизни, один из основных этапов бытия, с другой же – это

указание на приближающуюся смерть, движение к небытию. В своей основе образ старости содержит подведение итогов жизни, осознание высшего смысла и предназначения жизни.

Зачастую стандарт старости складывается исторически стихийно – из отрицания или полного незнания о прежних идеалах. В то же время незнание цельной системы или невидение цельного образа прошлого человеческого опыта по исследуемому вопросу не отрицает заимствование его частей или элементов, подходящих для актуальной социальной ситуации. В настоящее время основными поверхностными компонентами положительного образа старости культура утверждает здоровье, творчество и долголетие. В то же время в меньшей степени в европейском образе старости представлена духовная сторона, характерная для культур прошлого: «Когда факты старости и смерти становились значимыми в жизни рода событиями, то это означало действительное осуществление через индивида общих ценностей, к которым был причастен род, через это проявлялись исторические судьбы племени, укреплялась сила его духа. Старость явление, исполненное глубокого смысла. По степени значимости оно никак не может быть причислено к разряду второстепенных событий хотя бы уже потому, что старость это завершающий этап человеческой жизни» [Шааб, 2010, 175].

Проблема старости тесно связана с проблемой старения, что в свою очередь зависит от продолжительности жизни. Само определение протяженности во времени процесса старения находится в прямой зависимости не только от биологических факторов (таких как длительность жизни), но и от социокультурных (ее насыщенности событиями). Марк Туллий Цицерон в трактате «О старости», отрицая конструктивность ленивой и плаксивой старости, вызывающей жалость и сострадание, описал классический образец философии гармоничной старости. К старости человек должен приходить гордо, исполнив свой нравственный долг гражданина мира. «Таким образом, те, кто отказывает старости в возможности участвовать в делах, не приводят никаких доказательств и подобны людям, по словам которых кормчий ничего не делает во время плавания, между тем как одни моряки взбираются на мачты, другие снуют между скамьями, третьи вычерпывают воду из трюма, а он, держа кормило, спокойно сидит на корме. Он не делает того, что делают молодые, но, право, делает нечто гораздо большее и лучшее; не силой мышц, не проворностью и не ловкостью тела вершатся великие дела, а мудростью, авторитетом, решениями, и старость обыкновенно не только не лишается этой способности, но даже укрепляется в ней» [Цицерон, 1993, 48].

Старость, согласно Цицерону, должна находить утешение в авторитете, который был приобретен с годами. В то же время он добавляет: «Но помните, что я во всех своих рассуждениях прославляю только такую старость, которая зиждется на том, что было заложено в юности. Из этого следует то, что я недавно высказал при полном одобрении всех присутствовавших: жалка была бы старость, если бы она начала защищаться словами; ни седина, ни морщины не могут вдруг завоевать себе авторитет; но жизнь, прожитая прекрасно в нравственном отношении, пожинает последние плоды в виде авторитета» [Цицерон, 1993, 91]. Определяя длительность этапа старости, Цицерон писал следующее: «И вот, как исчезают стремления, свойственные более ранним возрастам, так же исчезают и старческие стремления. Всякий раз, как это наступает, удовлетворенность жизнью делает своевременным приход смерти» [Цицерон, 1993, 104]. Уже в конце XIX века И. И. Мечников, вторя Цицерону, создал теорию ортобиоза, гласившую, что у человека развивается естественное желание смерти (инстинкт смерти), когда происходит его насыщение жизнью [Мечников, 2011, 201].

Отношение к старению и пожилым людям выступает одним из показательных факторов

уровня развития культуры и духовности социальных систем. К.Г. Юнг – автор теории об архетипах, утверждал, что мудрый старик или мудрая старуха – один из самых сильных архетипичных образов коллективного сознания. Однако в современном российском обществе этот архетип пережил серьезную деформацию. Современные люди уже не могут возлагать надежды на обретение авторитета старости в преклонные годы. В первую очередь это связано с региональным менталитетом, который был сформирован современной российской жизнью. На настоящий момент в нашей стране активно проявляется тенденция низвержения кумиров и авторитетов. Этот деструктивный процесс отражается не только на авторитетах истории, но и рода, что приводит к усилению нравственных испытаний. Это тяжело отражается на пожилых людях, лишая их спокойной как в биологическом, так и в духовном смыслах, старости. Не имея возможности обрести покой и уважение перед смертью, они уходят из жизни в состоянии неверия и разочарованности. Это духовное состояние стариков, несомненно, сказывается и на других поколениях. Возникает разрыв между поколениями, лишаящий сопричастности каждого члена общества к своему народу. Если не существует между людьми внутренней единенности, то «исчезает и род, а вместе с ним и народ, народ, принимающий в свое лоно каждого уходящего из жизни согласно таинственной и величавой библейской формуле: «И умер Авраам, и приложился к народу своему ... », « ... и умер Исаак, и приложился к народу своему ... », « ... и умер имярек, и приложился к народу своему ... »» [Мяло, 1990., 230.].

Таким образом, мы можем увидеть, что экзистенциальный смысл старости заключен в осуществлении внутренней связи в первую очередь между живущими поколениями. Старость служит инструментом раскрытия мудрости жизненного пути человека, который служит непрерывным основанием человеческой истории.

Старость представляет собой воплощенное состояние внутренней зрелости, что делает ее особо ценной среди возрастных этапов человеческой жизни. Человек в старости обретает высшую ценность, к которой стремится все остальное время своей жизни. И.А. Ильин писал о старости: «Старость это время отстоявшегося созерцания, сладостных воспоминаний, высшей духовной зрелости ... А древнему старцу дано еще большее и высшее: он приобщается таинственной целесообразности мира во всей ее глубине и благодати; он уже проникает взором в потустороннюю жизнь и готов благословить свой земной конец» [Ильин, 1994, 121].

Уважение и почтение старости выступает не чьим-то социальным запросом, это неперемное условие связности истории определенного народа. Старость выступает фактором примирения поколений, что достигается в том числе и трансляцией стариковской мудрости.

Экзистенциально старость представляет собой период подготовки для восстановления утраченной при рождении связи с Абсолютом (Богом). Поэтому ценность старости выше, чем всех иных периодов человеческой жизни. Старость обладает глубиной памяти, насыщенностью событиями в большей степени интенсивности, чем другие возрасты. Детство и юность – это возрасты надежд, ожиданий, иллюзий. Зрелость – возраст свершения, слияния с миром. Старость же – это время тихого созерцания, подведения итогов, полного единения с миром. «Старость – это жизнь в ожидании таинства преображения и вместе с тем – осуществление этого таинства. Старость, и это едва ли будет преувеличением, есть такой возраст жизни, который преисполнен наивысшего напряжения осуществленности жизни, который наполняет жизнь мировым звучанием, мировым, вселенским напряжением и смыслом. Старость метафизична в том плане, что она есть подготовка к переходу от бытия имманентного к бытию трансцендентному» [Шааб, 2010, 99].

Уже в античности понимание старости было близко к современному. В то же время само отношение несколько разнится. Если в современном мире физиологические изменения организма, связанные со старостью, принято оценивать исключительно отрицательно, то в античной философской мысли воспринимали метафизику старости эстетически.

Старец в древнегреческой философии вечно молод, величественен, созерцателен, как образ бога. Его облик таинственен, полон божественной мудрости и одухотворен. А.Ф. Лосев, исследуя труды Платона, подмечал, что «если в доме еще остаются престарелые родители, которые являются как бы живыми изваяниями богов, то в таком доме присутствие скульптурных изваяний богов вполне излишне» [Лосев, 1974, 205].

Платон описывал свою теорию возрастов в труде «Политика», при этом в ней прослеживается связь с восточными религиозными традициями и идеями космических циклов. Он описывает возможность двойного движения Вселенной, приводящего к катастрофическим явлениям и вымиранию человечества на Земле. После наступает новое космическое возрождение, которое он описывает следующим образом: «Люди начинают молодеть: «седые волосы старцев почернели» и т. д., тогда как зрелые люди день ото дня становились все меньше ростом, достигая размеров новорожденного ребенка, вплоть до того, что «продолжая после этого чахнуть, они, в конце концов, уничтожались совершенно». Трупы же тех, кто умирал, «быстро и незаметно исчезали в течение нескольких дней». Именно тогда зародилась раса «земнорожденных», память о которой сохранили наши предки» [Элиаде, 1987, 71]. Здесь можно отметить, что платоновское двойное движение Вселенной вызывает обратное развитие человека, тем самым воскрешая уже мертвых. Таким образом, здесь человеческий возраст носит условный характер, выступая лишь для определения Божественного космоса.

Другой античный мыслитель Плутарх отмечал, что «нельзя дважды коснуться смертной природы в прежнем состоянии ... Поэтому становление ее никогда не достигает бытия, так как оно не прекращается и не останавливается никогда. Она изменяется постоянно, начиная с семени, и образует сначала зародыш, потом младенца, потом ребенка, потом подростка, юношу, потом мужа, пожилого человека, старика, всякий раз уничтожая прежние рождения и возрасты новыми. Смешно, что мы боимся одной смерти, хотя уже столько раз умирали и умираем сейчас ... Никто не остается тем, кем был, и никто не есть «один», но «становится многими», пока материя пронесется и скользит мимо одного какого-то признака и общего впечатления..., а кто изменяется, тот не тождественен самому себе, но скоро не есть тот же самый, то и не есть, но именно изменяется, становясь один на другого» [Фрагменты ранних греческих философов, 1989, 114]. Этот процесс не подразумевает ни цели, ни конечности. Когда наступает старость, человек не обладает личностью.

Платон предлагал следующую концепцию: человек несмотря на свою смертную природу овладевает своей самостью, подлинностью, которая была нарушена в момент рождения. Стремясь к Абсолюту, человек пытается преодолеть раздробленность мира, тем самым обнаруживая вторую самость, которая представляется Вечностью. «Вечность всегда молода. В вечности все мы всегда будем одного и того же возраста. Вечность всегда живет, стремится, развивается, но никогда не убывает, а всегда только порождает, всегда только возрастает» [Фрагменты ранних греческих философов, 1989, 167].

Для греческой философии характерно утверждение о том, что все возрасты человеческой жизни равноправны перед вечностью. Человеческая жизнь представляет собой претерпевание всего предназначенного ему. Древние философы различали «семь сезонов» (возрастов)

человеческой жизни. Исследование их особенностей представлялось необходимым. При этом причины старения человека древним грекам виделись в двух направлениях. Во-первых, в космологическом плане причины старения объяснялись эзотерически. Платон описывал свою систему следующим образом: «под влиянием ослабевающего действия основных треугольников на мозг стареет, и душа в этом случае с удовольствием отлетает» [Фрагменты ранних греческих философов, 1989, 187], где треугольник символизировал единство трех начал: человеческого, природного и Божественного.

Во-вторых, поисками причин старения занимались греческие натурфилософы. Проводя аналогии между живой и неживой природой, они стремились установить всеобщие законы, выявив причины угасания как одушевленных, так и неодушевленных существ. В результате порождались высказывания, подобные следующему: «Некоторые растения живут до осеменения, а после осеменения увядают, как, например, трава..., так и люди растут до тридцати лет..., а когда не могут больше производить семя, увядают и стареют» [Фрагменты ранних греческих философов, 1989, 201].

Заключение

Таким образом, можно утверждать, что старость, выступая неизбежным этапом долголетия, представляет собой серьезный объект внимания человеческой культуры, связанный с определенным мировоззрением каждой конкретной культуры. В то же время сама проблема старости носит не только физиологический и социальный характер, но также и метафизический, так как сам человек выступает не только социальным существом, но и вселенским, поэтому его возрастные этапы имеют значение в масштабах всего мира.

Библиография

1. Ильин И.А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний // Собрание сочинений в десяти томах. М., 1994. Т. 3. 590 с.
2. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Высокая классика. М., 1974. 383 с.
3. Марк Туллий Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М.: Наука, 1993. 248 с.
4. Мечников И.И. Этюды о природе человека. М.: Книговец, 2011. 320 с.
5. Мяло К. Посвящение в небытие // Новый мир. 1990. № 8. С. 229.
6. Фрагменты ранних греческих философов. М.: Наука, 1989. 576 с.
7. Шааб К.С. Старость как завершающая ступень долголетия // Аналитика культурологии. 2010. № 18. С. 84-103.
8. Элиаде М. Космос и история. М., 1987. 312 с.

Old age as a socio-philosophical category within the cultural paradigm of society

Vladimir N. Grishai

Doctor of Sociology, Professor,
Professor of Economics Department,
Essentuki Institute of Management, Business and Law,
357600, 2, Ermolova st., Essentuki, Russian Federation;
e-mail: vngprof@gmail.com

Magomed Kh. Kilyaskhanov

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Representative of the MIA of Russia in the Republic of Tajikistan,
Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
734003, 67, L'va Tolstogo st., Dushanbe, Republic of Tajikistan;
e-mail: rlo.tajikistanmigr@mvd.gov.ru

Natal'ya V. Kapustyan

PhD in Sociology,
Deputy Head of the Department of labor and business law,
Stavropol Institute of Cooperation (branch),
Belgorod University of Cooperation, Economics and Law,
355000, 28/9, Tukhachevskogo st., Stavropol, Russian Federation;
e-mail: common@stavik.ru

Abstract

In Russian culture, the value of old age is formed within the framework of the Christian idea of house-building. There are both external and internal aspects of influence. The external aspect involves such activities as the protection of nature, land, environmental problems, optimization of life and social system on the criteria of justice and moral equality. The inner side of influence is expressed in the performance of the duty of inner conviction, creativity, and service to his cause. In such circumstances, it is possible to have a positive longevity and enlightened old age of the majority in the human environment as a new stage of humanity. Age is a cultural and historical category. Each worldview system forms its own image (ideal) of any age stage. The same is true for old age. The change of ideals of old age occurs with the change of cultural and historical types of society. For European culture characteristic in one or another period were such cultural and historical images of old age as the oldest, ancient, pagan, then Christian. It can be argued that old age, acting as an inevitable stage of longevity, is a serious object of attention of human culture, associated with a certain worldview of each specific culture. At the same time, the very problem of old age has not only physiological and social, but also metaphysical nature.

For citation

Grishai V.N., Kilyaskhanov M.Kh., Kapustyan N.V. (2018) Starost' kak sotsial'no-filosofskaya kategoriya v ramkakh kul'turnoi paradigmy obshchestva [Old age as a socio-philosophical category within the cultural paradigm of society]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovanii* [Theories and Problems of Political Studies], 7 (5A), pp. 344-351.

Keywords

Aging, old age, age, social philosophy, philosophy.

References

1. Eliade M. (1987) *Kosmos i istoriya* [Cosmos and history]. Moscow.
2. (1989) *Fragments of the early Greek philosophers*. Moscow: Nauka Publ.

-
3. Il'in I.A. (1994) *Poyushchee serdtse. Kniga tikhikh sozertsanii* [Singing heart. The Book of Quiet Contemplation]. In: *Sobranie sochinenii v desyati tomakh* [Collected Works in Ten Volumes]. Moscow. Vol. 3.
 4. Losev A.F. (1974) *Istoriya antichnoi estetiki. Vysokaya klassika* [The history of ancient aesthetics. High classics]. Moscow.
 5. Mark Tullius Cicero (1993) *O starosti. O druzhbe. Ob obyazannostyakh* [About old age. About friendship. About duties]. Moscow: Nauka Publ.
 6. Mechnikov I.I. (2011) *Etyudy o prirode cheloveka* [Studies on the nature of man]. Moscow: Knigovek Publ.
 7. Myalo K. (1990) *Posvyashchenie v nebytie* [Dedication to non-existence]. *Novyi mir* [New World], 8, p. 229.
 8. Shaab K.S. (2010) *Starost' kak zavershayushchaya stupen' dolgoletiya* [Old age as the final stage of longevity]. *Analitika kul'turologii* [Analytics of cultural science], 18, pp. 84-103.

УДК 32

Неравенство в сфере информационных технологий как значимый аспект современного общества

Зенин Константин Анатольевич

Кандидат социологических наук,
доцент кафедры гражданского права,
Ессентукский институт управления, бизнеса и права,
357600, Российская Федерация, Ессентуки, ул. Ермолова, 2;
e-mail: Milena.555@mail.ru

Беляков Сергей Григорьевич

Соискатель кафедры философии и социологии,
Адыгейский государственный университет,
385016, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, 208;
e-mail: belaytjv@mail.ru

Тищенко Александр Викторович

Соискатель кафедры философии и социологии,
Адыгейский государственный университет,
385016, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, 208;
e-mail: tischenco@mail.ru

Аннотация

В современном обществе происходит дифференциация и усложнение социальных процессов, их характера и направленности, которые не являются стабильными, подвергаются разнообразным изменениям. Объясняется это социальными трансформациями, переходом к постиндустриальному, информационному миру. В такой ситуации неизбежными феноменами являются риск и дезорганизация, так как, несмотря на явные векторы модернизации и социального прогресса, имеют место и «побочные эффекты», заключающиеся в дезорганизации институтов, подсистем, структурных элементов общества. Возникающие «социальные напряжения» необходимо сглаживать, прежде всего, посредством социально-управленческой деятельности государства. Данные действия необходимо осуществлять на различных уровнях власти, при этом обеспечивая необходимую координацию научного сообщества и системы управления. Для российского общества начала XXI в. характерны процессы значительного пространственно-временного расслоения. Они особенно хорошо заметны между Москвой и рядом крупных мегаполисов, с одной стороны, и остальной территорией России, с другой. В результате наблюдается феномен, когда одна часть территории России соответствует признакам постиндустриального, информационного общества, а другая – не соответствует.

Для цитирования в научных исследованиях

Зенин К.А., Беляков С.Г., Тищенко А.В. Неравенство в сфере информационных технологий как значимый аспект современного общества // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Том 7. № 5А. С. 352-358.

Ключевые слова

Информационное общество, социокультурное пространство, социум, философия, ИТ.

Введение

В начале XXI в. социум все отчетливее ощущает столкновение с новой формой социальной реальности, носящей глобальный, транснациональный характер. Процессы информатизация, развития современных информационно-компьютерных технологий, конвергенция и демассовизация медиа системы представляют собой важную часть глобализации мирового пространства. По нашему мнению, именно переопределение социального «веса» информатизации, а также утрата лингвистических и пространственных ограничений ведут к интеграции человечества в единую социокультурную систему (где превалируют экономический и культурный факторы, а политический выполняет пока имплицитную роль). Сложившаяся ситуация ведет к генезису абсолютно новых предпосылок образования принципиально новых социально-структурных конструкций.

Основная часть

Социальной основой глобализационного процесса общемирового характера выступает возможность широкого использования фактора информации и информационных технологий. Исследователи современного социума выдвинули научно обоснованное предположение о том, что на смену таким факторам формирования социальной структуры, как личные качества, собственность, участие в распределении ресурсов (менеджмент), приходит разделение общества по принципу доступности к знаниям и способности их усваивать, перерабатывать, передавать. Господствующие слои закрепляют свой социальный статус путем ограничения доступа к знаниям и тем самым продлевают во времени свое доминирующее положение [Ананьев, 2008, 44].

Глобальный мир существенно активизирует профессиональную и социальную мобильность, непосредственно связанную с изменениями стратификационной структуры. Возникает необходимость в профессиональной переподготовке, что ведет к изменению профессии и, как следствие, социальной группы. В течение активной жизни человек в информационном обществе вынужден будет несколько раз менять как профессию, так и социальную принадлежность, стратификационную группу. И привычные формы социальной дифференциации, как, например, наличие диплома о высшем образовании, будут становиться все более и более несущественными. Критериями отбора станут другие факторы и, прежде всего – «обучаемость» [там же, 80].

В российском социуме, находящемся в стадии трансформации и модернизации, стандартные, общепризнанные критерии социальной стратификации постепенно нивелируются. Вследствие этого процесса имеет место перманентная верификация различных стратификационных критериев, их симбиоза [Панкратов, Шамьенова, 2013, 289]. Как отмечают

исследователи, устойчивые и испытанные независимые критерии (доход, уровень образования) не дают адекватной картины стратификации в переходном обществе, где, скажем, значительная часть источников индивидуальных доходов относится к так называемой «неофициальной» или «серой» экономике [там же, 293].

Нынешний российский социум характеризуется существенными социальными трансформациями, затрагивающими основные институциональные структуры. Среди прочих, значительные изменения происходят и в социально-стратификационной модели российского общества. Отмеченная социальная динамика детерминирована, среди прочего, и тем, что 1990-е годы появились иные, ранее не известные, основания социальной стратификации общества, которые лишь упрочили свое влияние в 2000-е г. Уже начиная с 1990-х г. в нашей стране начался генезис социальной системы с принципиально новым соотношением классов и социальных групп. Кроме того, увеличилось классическое социальное различие (доходы, статус занятости, уровень культуры и образования). Это произошло на фоне резкой поляризации общества, возросли общие показатели неравенства.

Спецификой этого процесса является процесс изменения социальной природы, происходящий путем разрушения старых и создания новых социальных структур и институтов. Меняются формы и отношения собственности, формы политической власти и управления, система правосудия, строй и уклад жизни. Процесс трансформации российского общества представляет собой множество сложно переплетающихся экономических, политических и социальных процессов [Батуренко, 2008, 3-4].

Российское общество, выступая историческим правопреемником советского, одной из репрезентативных, основополагающих ценностей имело социальную справедливость и равенство. Между тем, проведение радикальных, непродуманных реформ в социально-экономической сфере привело к резкой поляризации бедных и богатых, и, как следствие, глубокому социальному, культурному, идеологическому отчуждению. Как отмечает С.А. Батуренко, стремительное движение в сторону общества рыночного типа привело к трансформации системы социальной стратификации российского общества и критериев социального расслоения. Прежние параметры социальной стратификации, оформлявшие социальную структуру советского общества, утратили свое ведущее значение. Появились совершенно новые критерии социального расслоения [там же, 30].

Характерными чертами социальной структуры российского общества являются следующие: крайняя социальная неустойчивость как на уровне процессов, происходящих внутри социальных групп и между ними, так и на уровне осознания личностью своего места в системе социальной иерархии; активный процесс «размывания» традиционных групп населения; становление новых видов межгрупповой интеграции по формам собственности, доходам, включенности во властные структуры, социальной самоидентификации [там же, 44].

Одна из наиболее острых социально-экономических проблем современной России – бедность значительного числа населения, высокий уровень социального расслоения. Бедность можно определить как социально-экономическое положение индивидов и социальных групп, которое предполагает невозможность удовлетворения определенной совокупности минимальных потребностей, необходимых для полноценной жизни, сохранения состояния трудоспособности, продолжения рода. Необходимо отметить зависимость дефиниции «бедность» от общих стандартов уровня жизни населения, которые имеют место в различных странах, именно поэтому данное понятие является относительным. Актуальность проблемы бедности в современном мире и России придает такой фактор, как ограничение доступа

значительной части населения к ресурсам социального развития таким как высокооплачиваемый труд, качественные услуги образования и здравоохранения, возможностям успешной социализации детей и молодежи и т. д.

Рассматривая современную ситуацию, связанную с переходными трансформациями социума в России, необходимо отметить, что в нашей стране существует множество нерешенных социальных проблем, которые проецируются на социально-экономическое развитие страны, снижают темпы роста экономики, влияют на качество жизни населения, ее социальную и экономическую безопасность. В связи с этим современный российский социум можно определить как общество риска, так как различным жизненным угрозам подвергается значительное количество россиян, особенно социально незащищенные слои населения. Наиболее острыми социальными проблемами в современной России являются бедность, безработица, социальное расслоение, депопуляция, рост заболеваемости, беспризорность и безнадзорность детей, низкий уровень жизни пенсионеров и т. д. Для решения социальных проблем современной России необходимо проведение эффективной модернизации органов и учреждений социальной сферы, в том числе на муниципальном уровне, с целью создания условий, обеспечивающих социальную защищенность населения в соответствии с существующим законодательством. Важно сформировать действующую, эффективную, развивающуюся управленческую модель, которая будет основываться на инновационных технологиях, методах и стандартах социальной защиты населения, которые успешно реализуются в развитых странах мира. Это во многом помогло бы сгладить негативные последствия социального расслоения в Российской Федерации. В современной России активно проходят процессы реформирования общественных отношений, в том числе соционормативного характера. Основные направления конституционной и судебной реформы формируются с учетом изменения потребностей и интересов общества, необходимости его развития по прогрессивному вектору. Соционормативные регуляторы общественных отношений обозначают проблемы их соотношения и взаимодействия в условиях приоритета прав и свобод личности. В настоящее время имеет место поиск компромисса и определения степени взаимодействия и взаимообусловленности всех социальных норм как условия постепенного развития социума. Усложняются механизмы социального регулирования и контроля, что связано с изменением ценностей и стереотипов поведения личности. По нашему мнению, набор нормативных регуляторов, которые содержат требования к поведению личности, оказывает регулирующее воздействие на самосознание и поведение людей в рамках социальной общности. Такой набор характеризуется такими аспектами, как определенность, внутренняя связанность, обусловленность факторами жизни самого социума. Эти регуляторы являются относительно устойчивыми формами взаимодействия людей, что основано на социальных предпосылках, возникающими в реальных общественных отношениях граждан в результате актов производства, распределения и обмена.

Заключение

Таким образом, современное российское общество находится в стадии масштабных трансформаций. Именно трансформационные процессы под воздействием научно-технической революции, информатизации и компьютеризации существенно изменяют облик российского социума. В нем интенсифицируется эффективное информационное взаимодействие людей, имеет место широкий и массовый доступ к информационным ресурсам, осуществляется более

эффективное удовлетворение потребностей граждан в информационных услугах. Проявляются процессы постепенного развития информационно-компьютерной экономики, электронного правительства, цифровых рынков, социальных сетевых площадок активного маркетинга. Все эти индикаторы свидетельствуют о становлении в начале XXI в. нового типа общества, однако процесс этот носит инерционный, затяжной характер. Вместе с тем, возникающие риски и напряжения системы уже сейчас требуют эффективного решения определенных проблем, в частности – сглаживания последствий нового типа социального неравенства – информационного.

Библиография

1. Ананьев С.А. Социальная стратификация: сущностные основания и трансформация: дис. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2008. 174 с.
2. Батуренко С.А. Социальная стратификация и неравенство в современном российском обществе: теоретико-методологический анализ современных концепций: дис. ... канд. соц. наук. М., 2008. 320 с.
3. Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: Синергетика и теория социальных организаций. СПб.: Лань, 1999. 479 с.
4. Гоббс Т. Сочинения. М.: Мысль, 1991. Т. 2. 731 с.
5. Гойман В. Правовой нигилизм: пути преодоления // Советская юстиция. 1990. №9. С. 3-5.
6. Ковалевский М.М. Государственное право европейских держав. М., 2007. 325 с.
7. Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: Норма и патология. М.: Наука, 1982. 287 с.
8. Лапаева В.В. Конкретно-социологические исследования в праве. М., 2007. 143 с.
9. Непомнящая Н.Г. Российская правовая культура на современном этапе // Актуальные проблемы права: материалы междунар. науч. конф. (г. Москва, ноябрь 2011 г.). М.: Ваш полиграфический партнер, 2011. С. 9-13.
10. Панкратов И.А., Шамьенова Г.Р. Теоретические основы оценки стратификации инновационного общества // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2013. Т.4. №1 (73). С. 289-295.
11. Пучков О.А. Антропологическое постижение права. Екатеринбург, 1999. 384 с.
12. Смоленский М.Б. Право и правовая культура как базовая ценность гражданского общества // Журнал российского права. 2004. №11. С. 73-80.
13. Тренихина С.Г. Противоречия становления правовой культуры подростков // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования. Екатеринбург, 2008. Т. 1. 1300 с.

Inequality in the field of information technology as a significant aspect of modern society

Konstantin A. Zenin

PhD in Sociology,
Associate Professor of the Department of Civil Law,
Essentuki Institute of Management, Business and Law,
357600, 2, Ermolova st., Essentuki, Russian Federation;
e-mail: Milena.555@mail.ru

Sergei G. Belyakov

Applicant of the Department of philosophy and sociology,
Adygea State University,
385016, 208, Pervomaiskaya st., Maikop, Russian Federation;
e-mail: belayrjv@mail.ru

Aleksandr V. Tishchenko

Applicant of the Department of philosophy and sociology,
Adygea State University,
385016, 208, Pervomaiskaya st., Maikop, Russian Federation;
e-mail: tischenco@mail.ru

Abstract

The processes of informatization, the development of modern information and computer technologies, the convergence and unmasking of media systems are an important part of the globalization of the world. At present, according to a number of signs, it becomes obvious that Russian society is going through a stage of a rather acute transition, a very dramatic social change. The scope of power and political power has a significant impact on the formation of social status. However, the "economic and political" factor, which includes three components: ownership of capital producing income; involvement in the processes of distribution, movement and exchange of social product; level of personal income and consumption, is beginning to play a leading role in the formation of the status. A special role belongs to the first component. The current state of affairs significantly complicates the scientific and managerial analysis of the Russian society in the aspect of Genesis and development of post-industrial information society structures. The inconsistency, a certain defragmentation of the development of the Russian society, creates additional risks and tensions, primarily in the aspect of its social development. The authors conclude that modern Russian society is in the stage of large-scale transformations. It is the transformation processes under the influence of the scientific and technological revolution, informatization and computerization that significantly change the face of Russian society.

For citation

Zenin K.A., Belyakov S.B., Tishchenko A.V. (2018) Neravenstvo v sfere informatsionnykh tekhnologii kak znachimyi aspekt sovremennogo obshchestva [Inequality in the field of information technology as a significant aspect of modern society]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 7 (5A), pp. 352-358.

Keywords

Information society, sociocultural space, society, IT, philosophy.

References

1. Anan'ev S.A. (2008) *Sotsial'naya stratifikatsiya: sushchnostnye osnovaniya i transformatsiya*. Doct. Dis. [Social Stratification: Essential Foundations and Transformation. Doct. Dis.]. Rostov-on-Don.
2. Baturenko S.A. (2008) *Sotsial'naya stratifikatsiya i neravenstvo v sovremennom rossiiskom obshchestve: teoretiko-metodologicheskii analiz sovremennykh kontseptsii*. Doct. Dis. [Social stratification and inequality in modern Russian society: theoretical and methodological analysis of modern concepts. Doct. Dis.]. Moscow.
3. Goiman V. (1990) Pravovoi nигilizm: puti preodoleniya [Legal nihilism: ways to overcome]. *Sovetskaya yustitsiya* [Soviet justice], 9, pp. 3-5.
4. Hobbes T. (1991) *Sochineniya* [Works]. Moscow: Mysl' Publ. Vol. 2.
5. Kovalevskii M.M. (2007) *Gosudarstvennoe pravo evropeiskikh derzhav* [State law of the European powers]. Moscow.
6. Kudryavtsev V.N. (1982) *Pravovoe povedenie: Norma i patologiya* [Legal behavior: Norm and pathology]. Moscow: Nauka Publ.
7. Lapaeva V.V. (2007) *Konkretno-sotsiologicheskie issledovaniya v prave* [Practical sociological studies in law]. Moscow.

8. Nepomnyashchaya N.G. (2011) Rossiiskaya pravovaya kul'tura na sovremennom etape [Russian legal culture at the present stage]. In: *Aktual'nye problemy prava: materialy mezhdunar. nauch. konf. (g. Moskva, noyabr' 2011 g.)* [Actual problems of law: materials of the Intern. scientific conf. (Moscow, November 2011)]. Moscow: Vash poligraficheskii partner Publ.
9. Pankratov I.A., Sham'enova G.R. (2013) Teoreticheskie osnovy otsenki stratifikatsii innovatsionnogo obshchestva [Theoretical foundations for the evaluation of the stratification of the innovation society]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of the Saratov State Technical University], 4, 1 (73), pp. 289-295.
10. Puchkov O.A. (1999) *Antropologicheskoe postizhenie prava* [Anthropological comprehension of law]. Ekaterinburg.
11. Smolenskii M.B. (2004) Pravo i pravovaya kul'tura kak bazovaya tsennost' grazhdanskogo obshchestva [Law and legal culture as a basic value of civil society]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian law], 11, pp. 73-80.
12. Trenikhina S.G. (2008) Protivorechiya stanovleniya pravovoi kul'tury podrostkov [Contradictions of the formation of the legal culture of adolescents]. In: *Kul'tura, lichnost', obshchestvo v sovremennom mire: metodologiya, opyt empiricheskogo issledovaniya* [Culture, personality, society in the modern world: methodology, experience of empirical research]. Ekaterinburg. Vol. 1.
13. Vasil'kova V.V. (1999) *Poryadok i khaos v razvitiі sotsial'nykh sistem: Sinergetika i teoriya sotsial'nykh organizatsii* [Order and chaos in the development of social systems: Synergetics and the theory of social organizations]. St. Petersburg: Lan' Publ.

УДК 316.351

Социокультурные условия как фактор становления многопоколенной семьи в России

Беднарчук Андрей Иванович

Аспирант,
Тихоокеанский государственный университет,
680035, Российская Федерация, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136;
e-mail: bednarchuk.andreyka@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются социокультурные условия становления многопоколенной семьи в России. Автор рассматривает модели взаимоотношений в многопоколенной семье, раскрывая концептуальные основы формирования многопоколенной семьи. В статье мы рассмотрим влияние социокультурных факторов на становление многопоколенной семьи и покажем, что именно семья является основным носителем духовности, семейных традиций, передаваемых из поколения в поколение. Гуманистические преобразования, происходящие во всех сферах общества и в российском образовании, актуализируют потребность в переосмыслении сущности процесса воспитания и обучения и определения новых подходов, способствующих полноценному развитию детей. Для гармоничного развития ребенка важно общение не только с родителями, но и со старшим поколением. В этом общении реализуются потребности детей во взаимопонимании, развивается стремление помочь своим близким, появляется эмпатия. Во многом роль семьи в жизни человека и общества, а также направленность и эффективность семейной политики зависят от значимости семейных ценностей, места семьи в системе ценностей людей. Исследования выявляют значительный рост индивидуализма и приватизации стиля семейной жизни как новое социальное явление. В современном российском обществе ценность семьи в традиционном ее понимании ставится многими молодыми людьми под сомнение.

Для цитирования в научных исследованиях

Беднарчук А.И. Социокультурные условия как фактор становления многопоколенной семьи в России // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Том 7. № 5А. С. 359-365.

Ключевые слова

Многопоколенная семья, старшее поколение, традиция, модель, воспитание, социокультурные условия.

Введение

Проблемы семьи, регулирования брачно-семейных отношений, во все времена находились в центре внимания государства. В настоящее время интерес к этой важнейшей социообразующей структуре общества еще больше возрос. Семья, как одна из форм организации жизни людей, имеет большое значение, как для отдельной личности, так и для общества в целом [Gong et al., 2014, 50].

Именно в семье, в которой ребенок живет и воспитывается, формируются черты характера, мировоззрение и убеждения ребенка. На воспитание и образование детей значительное влияние оказывает взаимодействие старшего поколения с внуками. Значение старшего поколения состоит в передаче собственных навыков, реализации воспитательных установок в процессе развития личности внуков, поддержание единства своей социокультурной среды [Но, Dautenhahn, 2009, 45].

Установление и закрепление обычаев в быту происходит благодаря трансляции традиции – одному из важнейших культурных факторов. «Традиции как эстафета передаются из поколения в поколение и соединяют настоящее с прошлым» [Никольский, 1936].

Традиции, как унаследованная, стереотипная форма социальной регуляции, имеют особое значение в воспитании подрастающего поколения. Они включают человека в практические действия, с которыми без внутреннего сопротивления воспринимаются представления и нормы поступков. Таким образом, отражая объективные условия жизни общества, традиции закрепляют более существенные элементы, способствуют их преемственности [Landahl, 1950, 56].

В детстве и юности семья выполняет важнейшую роль во всех видах образования; при этом бабушки, будучи хранительницами культурного и духовного наследия прошлого, передавали внукам в первую очередь именно его «золотой запас», например, обучали служебному пению и духовным стихам, сказкам и сказаниям об истории и культуре своего Отечества, родители же приобщали детей к современным знаниям и умениям.

Литературный обзор

Рассмотрение внутренних связей в современной русской семье – одно из необходимых звеньев изучения семьи как части народной культуры, считает М.Н. Шмелева. Именно оно дает возможность определить тип семьи, характер ее строя, способствует выявлению особенностей быта, функционирования семьи в обществе на определенном историческом этапе его развития. Взаимоотношения в семье, отношения между супругами, братьями и сестрами, между другими родственниками, составляющие внутрисемейные связи, актуализируются в повседневной жизни в виде множества разнообразных обычаев, правил, мнений, представлений, и в большинстве случаев способствуют ее стабильности [Лу, 1983, 243].

Развитие традиций в современной семье происходит в условиях сокращения ее численности и упрощения состава. Изменения происходят главным образом под влиянием экономических преобразований, укрепления общественных позиций женщин, роста авторитета учащейся молодежи и повышения культурологического уровня.

Исследователями в области семьи отмечаются две модели взаимоотношений в многопоколенной семье [Peretti, Lewis, 1969, 92].

Первая модель, когда работающая бабушка продолжает выполнять увеличивающуюся нагрузку в рамках семейных обязанностей. Она занимается бытом, закупает продукты, готовит

пищу и воспитывает детей. Нагрузка может возрасти по разным причинам. Возникающая необходимость ухода за стареющими и больными родителями заставляет бабушку делить свое внимание между всеми, не оставляя времени на отдых.

Бабушка, находящаяся на пенсии, может столкнуться с другими проблемами. Она выполняет домашние проблемы, сочетая их с воспитанием внуков. Количество обязанностей увеличивается, на нее перекладывается больше забот. При таком распределении обязанностей возникает напряженность у старшего поколения со своими детьми, если те принимают домашнюю работу бабушки как обязанность, диктуют распорядок ее жизни [Rashevsky, 1941, 215].

Вторая модель взаимоотношений в многопоколенной семье возникает, когда бабушка является главной в семье, навязывая свое мнение. Неудовлетворенность отношениями с детьми в семье вызывает обиды и конфликты. В двух случаях возникает напряженность между старшим и средним поколением.

У дедушек по сравнению с бабушками меньше обязанностей по хозяйству, а значит больше возможностей для общения с внуками. Дедушки свободно общаются с внуками, даже если им приходится решать и хозяйственные проблемы.

П. Пепп [Пепп, 1998, 277], подчеркивает, что жизненный опыт деда позволяет более чутко понять желания малыша, его возможности к восприятию окружающей среды. Поэтому дедушка стремится передать внукам то, в чем видит важный смысл: определять назначение окружающих предметов, приобщать к технике и т.д. [Пепп, 1998, 277]

Т.А. Куликова [Куликова, 1999, 84] считает, что с внуками старшее поколение заново для себя открывает окружающий мир: «в начале жизни они «входили» в него, потом «вводили» своих детей, наконец – внуков. Какое счастье читать внуку книги своего детства и детства своих детей! Или держа за руку малыша, стоять перед знаменитой картиной Васнецова «Богатыри», от которой четверть века назад не мог оторваться его отец... И каждый раз, «путешествуя» по третьему кругу своей жизни, бабушки и дедушки рассказывают внукам о себе, о своих родителях, упрочая связи между поколениями» [Куликова, 1999, 84].

О.В. Краснова [Краснова, Лидерс, 2003, 416], отмечает, что внуки дают старшему поколению осознание своей значимости возможность любить и быть любимым. Внуки дают сильный эмоциональный накал, в котором старшее поколение очень нуждается [Краснова, Лидерс, 2003, 416].

Для наиболее пожилых бабушек и дедушек эта возможность рассказа о себе означает возможность осмысления своей жизни. Э. Эриксон [Эриксон, 1995, 114], рассматривая жизненные кризисы личности, отмечает, что «после 60 лет человек, пожиная плоды прожитой жизни, либо обретает покой и уравновешенность как следствие целостности своей личности, либо оказывается обреченным на безысходное отчаяние как итог путаной жизни». Это важно учитывать при привлечении старшего поколения к активному участию в воспитании детей [Эриксон, 1995, 114].

Итак, привлечение старшего поколения к воспитанию детей может происходить только через личную заинтересованность бабушек и дедушек, что возможно только путем включения внуков в решение возрастных задач.

Материалы и методы

Как уже отмечалось, институт семьи находится в постоянном изменении, детерминируется развитием самого общества, социально-экономическими, идеологическими, историческими

факторами. В процессе исторического развития семьи, смены общественных формаций, преобразовывается и структура семьи. По мере развития производительных сил создаются условия для формирования моногамной семьи и закрепления ее вне рода как самостоятельной социальной структуры [Rashevsky, 1942, 63].

Современная семья рассматривается не как пассивный объект в поле влияния других институтов, предназначенных обеспечивать социальную стабильность и передачу культурного наследия прошлых поколений подрастающему поколению, а как активный субъект, довольно самостоятельный и представляющий интерес именно как динамичная, изменяющаяся, развивающаяся сложная система взаимодействующих личностей [Rashevsky, 1941, 222].

Результаты и обсуждение

Таким образом, каждая эпоха порождает свой неповторимый образ семьи, свое собственное понимание семейных отношений. Смена матриархального строя сопровождалась возникновением патриархальной семьи с мужчиной во главе, которая просуществовала много столетий. Она не менялась по своей сути, но образ патриархальной семьи принимал различные оттенки в разные культурные эпохи в различных обществах [Rehm, Endraß, André, 2006, 333]. Изменения представлений о семье напрямую связаны с историческими трансформациями взаимоотношений между мужчиной и женщиной, которые в свою очередь есть частное проявление социальных, культурных, мировоззренческих изменений.

Н.А. Дорохина [Дорохина, 2009, 52], систематизируя взгляды исследователей на роль старшего поколения в воспитании детей, выделила объективные и субъективные факторы, имеющие важное значение для развития ребенка [Дорохина, 2009, 53].

К объективным факторам относятся следующие:

- усиливается воспитательный потенциал семьи;
- реализуется потребность детей в доверительном общении с близкими людьми, в сочувствии, в сопереживании, эмоциональной поддержке;
- укрепляются духовные связи;
- обеспечивается психологическая защищенность в жизненных ситуациях;
- создаются условия для творческого воспитательного процесса;
- создаются условия воспитания, соответствующие возрастным возможностям ребенка, комфортный темп протекания жизненных процессов [Semmann, Krambeck, Milinski, 2005, 555].

К субъективным факторам (с позиции ребенка) относятся следующие:

- у ребенка расширяется круг близких людей;
- живое общение обогащает эмоциональную память ребенка;
- подкрепление и позитивная оценка действий, результатов деятельности и достижений ребенка.

К субъективным факторам (с позиции старшего поколения) относятся следующие:

- удовлетворяются потребность в передаче любви, тепла и нежности ребенку, который в этом нуждается и с благодарностью принимает любовь старшего поколения;
- возможность свободно проявлять свои чувства;
- возможность передавать семейные традиции;
- общение с детьми обеспечивает творческое использование свободного времени.

Таким образом, воспитание детей в разные исторические периоды формировались под влиянием следующих факторов [Welch, Shay, 2012, 80]:

- христианско-этических установок, направляющих на воспитание «доброй» нравственности, формирующих «послушание и смирение», как проявление уважение к старшему поколению, развитие с раннего возраста «душевных» личностных качеств;
- социально-экономических условий, укрепляющих взаимосвязи в многопоколенной семье;
- сохранения и передачи национальных традиций воспитания ребенка старшим поколением;
- воспитательного воздействия на подрастающее поколение личного примера родителей и старшего поколения.

Заключение

Таким образом, идея и концептуальные основы формирования многопоколенной семьи разрабатывались в сложных социокультурных реалиях российской действительности. В этих условиях идея формирования многопоколенной семьи предстает сразу в нескольких ракурсах: в официальном ракурсе – как формирование института семьи, который находится в постоянном изменении, детерминирован развитием самого общества, социально-экономическими, идеологическими, историческими факторами; в инструментально-социологическом – как процесс передачи старшим поколением младшему поколению социокультурного опыта с точки зрения межпоколенной преемственности, имеющей значение как для семейного уклада, так и для общественного развития в целом.

Библиография

1. Дорохина Н.А. Взаимодействие старшего поколения семьи с детьми дошкольного возраста: дис. ... канд. пед. наук. М., 2009. С. 52-53.
2. Краснова О.В. (сост.) Психология старости и старения. М.: Academia, 2003. 416 с.
3. Куликова Т.А. Семейная педагогика и домашнее воспитание. М.: Academia, 1999. 84 с.
4. Никольский С.Я. Семья и брак в прошлом и настоящем. М., 1936. 86 с.
5. Пепп П. Семейная терапия и ее парадоксы. М.: Класс, 1998. 277 с.
6. Эриксон Э. Жизненный цикл: Эпигенез идентичности // Архетип. 1995. № 1. С. 105-114.
7. Gong X. et al. SGUM-Based Pseudonym Change for Personalized Location Privacy // Social Group Utility Maximization. Cham: Springer International Publishing, 2014. P. 39-55. https://doi.org/10.1007/978-3-319-12322-6_5
8. Ho W.C., Dautenhahn K. Designing an Educational Game Facilitating Children's Understanding of the Development of Social Relationships Using IVAs with Social Group Dynamics // Intelligent Virtual Agents. Berlin, Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg, 2009. P. 502.
9. Landahl H.D. Mathematical Theory of Imitative Behavior in a Social Group with Finite Imitation Thresholds // The bulletin of mathematical biophysics. 1950. 12(3). P. 207. <https://doi.org/10.1007/BF02478320>
10. Lu W.M. COMMENTS on H-D.Schulz/B.Schinzel: Conditions of Living Together of Social Groups // Adequate Modeling of Systems. Berlin, Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg, 1983. P. 243.
11. Peretti P.O., Lewis B.R. Affects of Alcoholic Consumption on the Activity Patterns of Individual Rhesus Monkeys and Their Behavior in a Social Group // Primates. 1969. 10(2). P. 181-188. <https://doi.org/10.1007/BF01730983>
12. Rashevsky N. On the Variation of the Structure of a Social Group with Time // Psychometrika. 1941. 6(4). P. 273-277. <https://doi.org/10.1007/BF02288059>
13. Rashevsky N. Further Studies on the Mathematical Theory of Interaction of Individuals in a Social Group // Psychometrika. 1942. 7(4). P. 225-232. <https://doi.org/10.1007/BF02288625>
14. Rashevsky N, Householder A.S. On the Mutual Influence of Individuals in a Social Group // Psychometrika. 1941. 6(5). P. 317-321. <https://doi.org/10.1007/BF02288587>
15. Rehm M., Endraß B., André E. A Plug-and-Play Framework for Theories of Social Group Dynamics // Virtual Agents. Berlin, Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg, 2006. P. 465-466.
16. Semmann D., Krambeck H., Milinski M. Reputation Is Valuable within and Outside One's Own Social Group // Behavioral Ecology and Sociobiology. 2005. 57(6). P. 611-616. <https://doi.org/10.1007/s00265-004-0885-3>
17. Welch S. Blending Positive and Negative Liberty for the Social Group // A Theory of Freedom: Feminism and the Social Contract. New York: Palgrave Macmillan, 2012. P. 73-81. https://doi.org/10.1057/9781137295026_5

Social and cultural conditions as a factor of formation of multigenerational families in Russia

Andrei I. Bednarchuk

Postgraduate,
Pacific State University,
680035, 136, Tikhookeanskaya st., Khabarovsk, Russian Federation;
e-mail: bednarchuk.andreyka@mail.ru

Abstract

The article deals with the socio-cultural conditions of the formation of a multi-generational family in Russia. The author considers the models of relationships in a multi-generational family, revealing the conceptual basis for the formation of a multi-generational family. In the article we consider the influence of socio-cultural factors on the formation of a multi-generational family and show that it is the family that is the main carrier of spirituality, family traditions passed down from generation to generation. Humanistic transformations taking place in all spheres of society and in Russian education, actualize the need to rethink the essence of the process of education and identification of new approaches that contribute to the full development of children. For the harmonious development of the child it is important to communicate not only with parents but also with the older generation. In this communication are implemented the needs of children in understanding, developing the desire to help their loved ones, there is empathy. In many ways, the role of the family in human life and society, as well as the direction and effectiveness of family policy depend on the importance of family values, the place of the family in the system of values of people. Studies reveal a significant increase in individualism and privatization of family life style as a new social phenomenon. In modern Russian society, the value of the family in its traditional sense is questioned by many young people.

For citation

Bednarchuk A.I. (2018) Sotsiokul'turnye usloviya kak faktor stanovleniya mnogopokolennoi sem'i v Rossii [Social and cultural conditions as a factor of formation of multigenerational families in Russia]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 7 (5A), pp. 359-365.

Keywords

Multi-generational family, older generation, tradition, model, education, socio-cultural conditions.

References

1. Dorokhina N.A. (2009) *Vzaimodeystvie starshogo pokoleniya sem'i s det'mi doskol'nogo vozrasta*. Doct. Dis. [Interaction of the older generation of the family with children of preschool age. Doct. Dis.]. Moscow.
2. Erickson E. (1995) Zhiznennyi tsikl: Epigenez identichnosti [Life cycle: Identity epigenesis]. *Arkhetip* [Archetype], 1, pp. 105-114.
3. Gong X. et al. (2014) SGUM-Based Pseudonym Change for Personalized Location Privacy. In: *Social Group Utility Maximization*. Cham: Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-319-12322-6_5

Andrei I. Bednarchuk

4. Ho W.C., Dautenhahn K. (2009) Designing an Educational Game Facilitating Children's Understanding of the Development of Social Relationships Using IVAs with Social Group Dynamics. In: *Intelligent Virtual Agents*. Berlin, Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg.
5. Krasnova O.V. (comp.) (2003) *Psikhologiya starosti i stareniya* [Psychology of old age and aging]. Moscow: Academia Publ.
6. Kulikova T.A. (1999) *Semeinaya pedagogika i domashnee vospitanie* [Family pedagogy and home education]. Moscow: Academia Publ.
7. Landahl H.D. (1950) Mathematical Theory of Imitative Behavior in a Social Group with Finite Imitation Thresholds. *The bulletin of mathematical biophysics*, 12(3), p. 207. <https://doi.org/10.1007/BF02478320>
8. Lu W.M. (1983) COMMENTS on H-D.Schulz/B.Schinzl: Conditions of Living Together of Social Groups. In: *Adequate Modeling of Systems*. Berlin, Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg.
9. Nikolskii S.Ya. (1936) *Sem'ya i brak v proshlom i nastoyashchem* [Family and marriage in the past and present]. Moscow.
10. Pepp P. (1998) *Semeinaya terapiya i ee paradoksy* [Family therapy and its paradoxes]. Moscow: Klass Publ.
11. Peretti P.O., Lewis B.R. (1969) Affects of Alcoholic Consumption on the Activity Patterns of Individual Rhesus Monkeys and Their Behavior in a Social Group. *Primates*, pp. 10(2), pp. 181-188. <https://doi.org/10.1007/BF01730983>
12. Rashevsky N. (1941) On the Variation of the Structure of a Social Group with Time. *Psychometrika*, 6(4), pp. 273-277. <https://doi.org/10.1007/BF02288059>
13. Rashevsky N. (1942) Further Studies on the Mathematical Theory of Interaction of Individuals in a Social Group. *Psychometrika*, 7(4), pp. 225-232. <https://doi.org/10.1007/BF02288625>
14. Rashevsky N., Householder A.S. (1941) On the Mutual Influence of Individuals in a Social Group. *Psychometrika*, 6(5), pp. 317-321. <https://doi.org/10.1007/BF02288587>
15. Rehm M., Endraß B., André E. (2006) A Plug-and-Play Framework for Theories of Social Group Dynamics. In: *Virtual Agents*. Berlin, Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg
16. Semmann D., Krambeck H., Milinski M. (2005) Reputation Is Valuable within and Outside One's Own Social Group. *Behavioral Ecology and Sociobiology*, 57(6), pp. 611-616. <https://doi.org/10.1007/s00265-004-0885-3>
17. Welch S. (2012) Blending Positive and Negative Liberty for the Social Group. In: *A Theory of Freedom: Feminism and the Social Contract*. New York: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1057/9781137295026_5

УДК 1

Правовые институты и путь к социальности модерна

Глазырин Валерий Алексеевич

Доктор социологических наук,
доцент, профессор,

Уральский государственный юридический университет,
620066, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21;
e-mail: glazur@olympus.ru

Аннотация

Правовые институты формально конституируют современные общества и государства, тем не менее, понимание этого фундаментального факта устройства обществ модерна и объяснение значения правовых установлений в современных обществах не часто становятся сферой исследовательских интересов социальных ученых, социологов. Цель статьи состоит в том, чтобы рассмотреть, опираясь на теоретико-социологический анализ и исследовательские кейсы, институциональное значение юридико-правовых установлений в образовании обществ модерна. Раскрывается положение К. Поппера о том, что открытые общества являются абстрактными. Рассматривается проблема «эффекта колеи» (path dependency problem) для объяснения связи прошлого, настоящего и будущего в становлении правовых институтов современного общества, трансформации традиционных институциональных социальных порядков в институциональные социальные порядки обществ модерна. Разбираются исследовательские кейсы, демонстрирующие различные противоречия, связанные с «встраиванием» современных правовых институтов в социальное «тело» обществ с различной культурой. Формулируется положение, что общества обладают свойственной им культурой, находящей выражение, в том числе, в их институциональной структуре, что, однако не означает, что имеются неодолимые препоны для учреждения и утверждения в них современного порядка права, вместе с тем, не может быть того, что торжество права любой стране и государству гарантировано историей.

Для цитирования в научных исследованиях

Глазырин В.А. Правовые институты и путь к социальности модерна // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Том 7. № 5А. С. 366-372.

Ключевые слова

Институт, противоречие, культура, традиционализм, современное общество, социология права, право де юре, право де факто.

Введение

Правовые институты формально конституируют современные общества¹ и государства, тем не менее, понимание этого фундаментального факта устройства обществ модерна и объяснение значения правовых установлений в современных обществах не часто становятся сферой исследовательских интересов социальных ученых, социологов [Аджемоглу, Робинсон, 2015, 2016; Грейф, 2013; Загадки экономического роста, 2018; Инглхарт, 2018; Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011; Травин, Гельман, Заостровцев, 2017; Фридман, 2014, 184-201]. Так, Р. Коллинз, один из крупнейших авторов по вопросам исторической макросоциологии, представил становление современных обществ многомерной социальной динамикой, связанных между собой модернизационных процессов – бюрократизации, секуляризации, индустриализации и демократизации [Коллинз, 2015, 264-293]; очевидно, что в этом перечне модернизационных трансформаций, раскрывающих ключевые направления формирования эпохи современности, институтам права имплицитно/эксплицитно отведено второстепенное место. В эмпирических социологических обследованиях права [Волков, 2017, 34-42] исследователи в большинстве случаев придерживаются познавательной установки – «на самом деле»: как на самом деле судьи принимают решения, что на самом деле показывает криминальная статистика, на самом ли деле в обществе с глубокой социальной поляризацией все граждане равны перед законом и судом, кто на самом деле заинтересован в принятии того или иного закона и т.д., изучают проблему, ставшей едва ли не ключевой в правовой социологии, как *de facto* работают (действуют или бездействуют) принятые юридические установления, законы. Важность этих исследований не подлежит сомнению. Вместе с тем, может сложиться впечатление, что социолого-правовое познание правовых институций ограничивается изучением проблем имплементации правовых узаконений в различных социокультурных контекстах, что неверно, спектр социологических исследований права значительно шире [Глазырин, 2018, 7-14], включает, в том числе, вопрос о «трансформации» (ее возможности, значении, противоречиях) социальных отношений посредством правовых институтов, позволяющих образовывать институциональную матрицу обществ, конституирующихся на «правлении права».

Цель статьи состоит в том, чтобы рассмотреть, опираясь на теоретико-социологический анализ и исследовательские кейсы, институциональное значение юридико-правовых установлений в образовании обществ модерна.

Основная часть

Нередко камнем преткновения для осознания роли институтов права в обществах современности является представление, что модернизм, возникший на базе западных ценностей и институтов, подрывает исторический код, культуру стран, государств не западного мира, традиционных социумов, идентичность их народов. Как всегда, мир человеческой цивилизации сложнее подобных интеллектуальных сентенций. Разумеется, нельзя отрицать возможность различных трудностей, противоречий, социальных катаклизмов, связанных с «встраиванием» современных правовых институтов в социальное тело обществ с различной культурой, что, однако неравнозначно тому, что модернизирующиеся социумы всегда утрачивают свой

¹ Под современными обществами (социумами модерна) понимаются открытые демократические общества. Право рассматривается в институциональном плане, как правовой закон.

социокультурный фундамент. Так, Япония, Сингапур и Южная Корея освоили западные институты в экономике, политике, праве, но при этом обладают свойственной этим странам уникальной не европейской культурой. Разве можно утверждать, что в Южной Корее национальная культура деградирует, а ее граждане лишились национальной идентичности под влиянием Запада в сравнении с не западной Северной Кореей?

Исходная проблема формирования правового институционального порядка модерна заключается в том, что он не создается с чистого листа, всякое новое вырастает из предшествующего ему состояния, что отнюдь не означает, что будущее предопределяется прошлым. Возникновение и становление общественных новаций – это процесс социальной диалектики. Движение в будущее связано с историческими развилками, «окнами» возможностей. Принято высказываться о вызове будущего, но также можно говорить о вызове прошлого. Это две стороны одной медали. Социумы существуют во времени. Обществам, сторонящимся социальных перемен и замыкающимся в себе, не удастся в перспективе избежать цивилизационных и культурных шоков, и исторического тупика. Претензии традиционализма на безыбленность общественных устоев в общем-то беспочвенны, так как всякий общественный порядок/уклад когда-то в прошлом был социальной новацией. Для объяснения связи прошлого с настоящим и будущим в современной науке часто используется понятие «эффект колеи» – path dependency problem (англ.). Известный нобелевский лауреат по экономике Д. Норт по этому поводу писал, что этим термином злоупотребляют или употребляют неверно. Если бы все, что следовало бы знать об этом эффекте, состояло в том, что возможности выбора ограничены наследием институтов, накопленным в прошлом, то проблема «эффекта колеи» решалась бы заменой «неэффективных» институтов на «эффективные», но более глубокое понимание «эффекта колеи» связано с признанием того, что накопленные институты привели к созданию групп социальных акторов, существование которых зависит от этих институтов, они будут прилагать усилия, чтобы предотвратить изменения, угрожающие их выживанию [Норт, 2010, 83].

В понимании глубинной основы социологического познания права и его институтов в обществах модерна придерживаемся положения К. Поппера, что открытые общества являются абстрактными [Поппер, 2005, 174-175]. Абстрактное общество в первую очередь отличается от различных «контактных», «конкретных», «реальных» групп, сообществ, социумов безличным характером социальных отношений. По мысли австрийско-британского ученого, социальные науки такие, как экономика и социология должны изучать абстрактные отношения, потому что не личностные/персонифицированные связи, а абстрактные отношения создают действительные условия для общественной жизни. В «чистом» виде право – это абстракция формального равенства [Нерсисянц, 2016, 27-35]; если на право посмотреть в институциональном разрезе, то будет затруднительно не признать, что его таким качествам, как всеобщность, обязательность, равная мера, равенство перед законом и судом, обеспечение правовых предписаний государством отсутствуют действенные институциональные альтернативы.

Рассматривая проблему, как возможно становление правовой институциональной основы обществ модерна, сознаем, что каждое общество проходит свой исторический путь [Травин, Маргания, 2016]; разберем три кейса, которые, конечно, не раскрывают все стороны рассматриваемого вопроса, но позволяют сделать обобщения, выходящие за рамки конкретных случаев.

Сначала в качестве исследовательского кейса воспользуемся описанием западного города, осуществленного М. Вебером [Вебер, 2001, 360-386], становление которого демонстрирует

трансформационные общественные процессы – «расхождение» социальности *Gemeinschaft* и социальности *Gesellschaft* в условиях европейского средневековья. Великий немецкий социолог, обрисовав типы городов [там же, 335-359], подчеркивал, что город в «настоящем смысле этого слова» существует только в Западной Европе [там же, 287], потому что только там города возникли, как официальные образования (союз, коммуна, корпорация, *universitas civium*, *conjuratio*) [там же, 364-367, 370-373]. Несомненно, что зарождение и создание европейских городов было длящимся историческим процессом, М. Вебер отмечал, что города предстали в виде сообществ-корпораций только при Эдуарде I [там же, 372]. С формально-правовой точки зрения город-корпорация – это административный округ с городским правом и судопроизводством, собственной организацией управления, соответствующей официальной статусно-должностной системой, формально закрепленными правами и обязанностями горожан [Вебер, 1994, 342]. Античные и азиатские городские поселения разительно отличались от европейских городов-корпораций. Их социо-институциональную основу составляли род, племя, родоплеменные связи, магико-ритуальное (религиозное) единство. Именно принадлежность к родоплеменному сообществу (род, курия (фратрия), триба (фила)) определяло участие городских жителей в общественной жизни, культовых обрядах, возможность занимать определенную должность [там же, 334-342]. Напротив, каждый европейский бюргер, являясь членом городского сообщества, не был связан с его принадлежностью к тому или иному роду/племени, входил в городскую корпорацию, как отдельное лицо, в этом качестве приносил городу присягу [там же, 339]. Европейский город был сообществом-корпорацией бюргеров.

Формально статус бюргера был представлен в «праве гражданства в городе». Городское право западных городов включало примечательный принцип, что «городской воздух приносит свободу» [там же, 332], означавший, что по истечении определенного времени (обычно один год и один день) всякий господин терял право притязать на власть над зависимым, то есть город был «местом перехода из несвободного состояния в свободное» [там же, 332], потому бюргеры получали в городе «одинаковые шансы на существование» [там же, 340] (тренд на нивелирование социальных «перегородок» действовал вместе с тенденцией к социальной (сословной) дифференциации [там же, 333]), участвовали в управлении, претендовали на занятие городских должностей, обладали правом вступать в отношения с третьими сторонами в качестве отдельного лица. Безусловно, М. Вебер возникновение и становление западноевропейских городов не сводил к установлению их правовой институциональной основы, выделял также социологические, экономические, политические, военные стороны их образования [Вебер, 2001, 374] и отмечал крайне важный момент, что с формально-правовой точки зрения учреждение европейских городов часто было связано с узурпацией прав определенных лиц, например, знатных сеньоров [там же, 374]. Подытоживая описание этого кейса, подчеркнем, что многосторонний веберовский анализ западноевропейского города не только не опровергает тот факт, что учреждение и становление европейских городов, как «институциональных корпораций», объединяющих в городское сообщество бюргеров, как автономных лиц было бы невозможно осуществить без правовых институтов, но и усиливает убежденность в нем.

Следующий кейс, который, пожалуй, можно было бы назвать «итальянским парадоксом», позволяет представить одну из граней значения правовых институтов для обществ модерна. Италия, как любая современная страна обладает единым правовым пространством, но при этом системы социальных норм, правил Северной и Южной Италии зримо различаются [Патнэм, 1996]. Можно считать риторическим вопрос о том, какая социо-нормативная система,

повседневная правовая культура – итальянского Севера или Юга – лучше, но очевидно, что индустрия, инновации, финансовый, а также развитый человеческий и социальный капитал, университеты – это Север, но не Юг этой страны. Этот итальянский случай позволяет осознать два существенных момента, с одной стороны, понятно, что следует различать право «на бумаге» и право в «жизни» (в условиях реальной социальной практики), с другой стороны, подтверждается правило, что современную экономику и общество невозможно создать в неадекватных им институциональных правовых рамках.

Завершающий кейс связан с решением, принятым руководством Казахстана в 2017 году о создании в республике коммерческого суда на базе английского права [Gibb, 2018], традиция и практика которого в стране отсутствуют. Оправлять правосудие в этом суде будут известные судьи и адвокаты из Соединенного Королевства. Власти Республики Казахстан, предприняв этот шаг, преследуют цель, что новый суд будет подавать пример того, как следует вести бизнес и осуществлять правосудие. Этот кейс – в мире случаи подобные казахстанскому не являются исключительными – показывает немаловажный момент, рассматриваемой проблемы, что для того, чтобы отвечать требованиям времени, сложившийся институциональный правовой порядок может быть подвергнут кардинальным изменениям.

Заключение

Подводя итоги работы, сформулируем обобщающие положения. Право является фундаментальным общественным институтом, без укоренения современных институтов права в структуре социума существование обществ модерна невозможно. Представление об обществах модерна, как абстрактных обществах способствует пониманию того, что различные переустройства не(до)современных социумов в рамках, присущих им институциональных матриц, не позволяют трансформировать эти общества в современные. Исключения из этого правила неизвестны. Общества обладают свойственной им культурой, что не означает, что имеются неодолимые препоны для учреждения и утверждения в них современного порядка права, вместе с тем, не может быть того, что торжество права любой стране и государству гарантировано Историей.

Библиография

1. Аджемоглу Д., Робинсон Дж.А. Экономические истоки и демократии. М., 2015. 512 с.
2. Аджемоглу Д., Робинсон Дж. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ, 2016. 693 с.
3. Волков В.В. Эмпирическая социология права в условиях междисциплинарного синтеза // Социологические исследования. 2017. № 4. С. 34-42.
4. Вебер М. История хозяйства. Город. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. 576 с.
5. Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994. С. 342.
6. Глазырин В.А. (ред.) Рубежи юридической социологии. М.: РУСАЙНС, 2018. 158 с.
7. Грейф А. Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли. М., 2013. 536 с.
8. Загадки экономического роста: движущие силы и кризисы – сравнительный анализ. М.: Социум, 2018. 512 с.
9. Инглхарт Р. Культурная эволюция: как изменяются мотивация и как это изменяет мир. М.: Мысль, 2018. 347 с.
10. Коллинз Р. Макросоциология: очерки социологии большой длительности. М.: ЛЕНАНД, 2015. 368 с.
11. Нерсесянц В.С. Философия права. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. 256 с.
12. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М., 2010. С. 83.
13. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М., 2011. 480 с.
14. Патнэм Р.Д. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М.: Ad MARGINEM, 1996. 287 с.

15. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т.1: Чары Платона; Т.2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. Киев: Ника-Центр, 2005.
16. Травин Д., Гельман В., Заостровцев А. Русский путь: Идеи, Интересы, Институты, Иллюзии. СПб., 2017. 302 с.
17. Травин Д., Маргания О. Модернизация: от Елизаветы Тюдор до Егора Гайдара. СПб.: Норма, 2016. 392 с.
18. Фридман Л.М. Взросление: исследование права и общества вступают в эксклюзивный клуб // Право и правоприменение в зеркале социальных наук: хрестоматия современных текстов. М.: Статут, 2014. 564 с.
19. Gibb F. UK judges head new court in Kazakhstan. URL: <https://www.thetimes.co.uk/edition/law/uk-judges-head-new-court-in-kazakhstan-0dkf6c87d>

Legal institutes and the way to the sociality of modern

Valerii A. Glazyrin

Doctor of Sociology,
Associate Professor, Professor,
Ural State Law University,
620066, 21, Komsomol'skaya st., Ekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: glazur@olympus.ru

Abstract

The author notes, that the legal institutions formally constitute modern societies and states. Nevertheless, understanding of this fundamental fact of organization of modern societies and explanation of the role of legal provisions in modern societies is not often the sphere of research interest of sociologists. The aim of the article is to study institutional role of legal provisions in formation of modern societies. The study is based on theoretical sociological analysis and research cases. K. Popper's statement that open societies are abstract ones is considered. The Path dependency problem is studied to explain the interrelation of the past, the present and the future in formation of legal institutions of modern society, transformation of traditional institutional social customs into institutional social customs of modern societies. Research cases are studied that present different contradictions related to "embedding" modern legal institutions into social "body" of societies with different cultures. It is stated that societies have their own specific cultures those are reflected in their institutional structures. But this fact does not mean that there are insuperable obstacles for establishment of modern law order in these societies. On the other hand, supremacy of law cannot be guaranteed by the History to any country or state.

For citation

Glazyrin V.A. (2018) *Pravovye instituty i put' k sotsial'nosti moderna* [Legal institutes and the way to the sociality of modern]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 7 (5A), pp. 366-372.

Keywords

Institution, contradiction, culture, traditionalism, modern society, sociology of law, de jure law, de facto law.

References

1. Acemoğlu D., Robinson J.A. (2015) *Ekonomicheskie istoki i demokratii* [Economic origins and democracy]. Moscow.

2. Acemoğlu D., Robinson J.A. (2016) *Pochemu odni strany bogatye, a drugie bednye. Proiskhozhdenie vlasti, protsvetaniya i nishchety* [Why some countries are rich and others are poor. The origin of power, prosperity and poverty]. Moscow: AST Publ.
3. Collins R. (2015) *Makrosotsiologiya: ocherki sotsiologii bol'shoi dlitel'nosti* [Macrosociology: essays on sociology of long duration]. Moscow: LENAND Publ.
4. Friedman L.M. (2014) Vzroslenie: issledovanie prava i obshchestva vstupayut v eksklyuzivnyi klub [Growing up: the study of law and society enter into an exclusive club]. In: *Pravo i pravoprimenenie v zerkale sotsial'nykh nauk: khrestomatiya sovremennykh tekstov* [Law and law enforcement in the mirror of social sciences: a reader of modern texts]. Moscow: Statut Publ.
5. Gibb F. *UK judges head new court in Kazakhstan*. Available at: <https://www.thetimes.co.uk/edition/law/uk-judges-head-new-court-in-kazakhstan-0dkf6c87d> [Accessed 08/08/2018]
6. Glazyrin V.A. (ed.) (2018) *Rubezhi yuridicheskoi sotsiologii* [Frontiers of legal sociology]. Moscow: RUSAINS Publ.
7. Greif A. (2013) *Instituty i put' k sovremennoi ekonomike. Uroki srednevekovoi trgovli* [Institutes and the path to a modern economy. The lessons of medieval trade]. Moscow.
8. Inglehart R. (2018) *Kul'turnaya evolyutsiya: kak izmenyayutsya motivatsiya i kak eto izmenyaet mir* [Cultural evolution: how motivation changes and how it changes the world]. Moscow: Mysl' Publ.
9. Nersesyants V.S. (2016) *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. Moscow: Norma: INFRA-M Publ.
10. North D. (2010) *Ponimanie protsessa ekonomicheskikh izmenenii* [Understanding the process of economic change]. Moscow.
11. North D., Wallis D., Weingast B. (2011) *Nasilie i sotsial'nye poryadki. Kontseptual'nye ramki dlya interpretatsii pis'mennoi istorii chelovechestva* [Violence and social order. Conceptual framework for interpreting the written history of mankind]. Moscow.
12. Popper K.R. (2005) *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi. T.1: Chary Platona; T.2: Vremya lzheprorokov: Gegel', Marks i drugie orakuly* [Open society and its enemies. Vol.1: The spell of Plato; Vol.2: Time of the false prophets: Hegel, Marx and other oracles]. Kiev: Nika-Tsentr Publ.
13. Putnam R.D. (1996) *Chtoby demokratiya srabotala. Grazhdanskie traditsii v sovremennoi Italii* [For democracy to work. Civil traditions in modern Italy]. Moscow: Ad MARGINEM Publ.
14. Travin D., Gel'man V., Zaostrovtssev A. (2017) *Russkii put': Idei, Interesy, Instituty, Ilyuzii* [Russian way: Ideas, Interests, Institutes, Illusions]. St. Petersburg.
15. Travin D., Marganiya O. (2016) *Modernizatsiya: ot Elizavety Tyudor do Egora Gaidara* [Modernization: from Elizabeth Tudor to Egor Gaidar]. St. Petersburg: Norma Publ.
16. Volkov V.V. (2017) Empiricheskaya sotsiologiya prava v usloviyakh mezhdistitsiplinarnogo sinteza [Empirical sociology of law in the context of interdisciplinary synthesis]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 4, pp. 34-42.
17. Weber M. (2001) *Istoriya khozyaistva. Gorod* [History of the economy. The City]. Moscow: KANON-press-Ts, Kuchkovo pole Publ.
18. Weber M. (1994) *Izbrannoe. Obraz obshchestva* [Favorites. The image of society]. Moscow: Yurist Publ.
19. (2018) *Zagadki ekonomicheskogo rosta: dvizhushchie sily i krizisy – sravnitel'nyi analiz* [The mysteries of economic growth: driving forces and crises: a comparative analysis]. Moscow: Sotsium Publ.

УДК 314.06**Поселенческая специфика социального здоровья старшего поколения: результаты регионального исследования****Вангородская Светлана Анатольевна**

Кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры социальных технологий,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
308015, Российская Федерация, Белгород, ул. Победы, 85;
e-mail: vangorodskaya@bsu.edu.ru

Колпина Лола Владимировна

Кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры социальных технологий,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
308015, Российская Федерация, Белгород, ул. Победы, 85;
e-mail: kolpina@bsu.edu.ru

Проект РФФИ №16-03-00203-ОГН.

Аннотация

На основе эмпирических данных, полученных в 2017 году в ходе проведения авторских анкетных опросов в Белгородской области, осуществлен сравнительный анализ социального здоровья граждан старшего поколения по типам поселений (крупный / средний город, малый город / поселок городского типа и село). Параметрами социального здоровья выступили: инклюзия в микросоциальные отношения и самочувствие в них, практики взаимопомощи, общественный активизм. Выявлено, что наиболее высоким уровнем социального здоровья характеризуются жители крупных / средних городов, а наиболее низким – малых городов / поселков городского типа, что обосновывается особенностями качества жизни и социокультурной спецификой этих типов поселений. На основе выявленной поселенческой специфики социального здоровья старшего поколения, предлагаются направления деятельности по его укреплению.

Для цитирования в научных исследованиях

Вангородская С.А., Колпина Л.В. Поселенческая специфика социального здоровья старшего поколения: результаты регионального исследования // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Том 7. № 5А. С. 373-381.

Ключевые слова

Старшее поколение, социальное здоровье, социальная инклюзия, фактор поселения, здоровье.

Введение

В настоящее время термин «социальное здоровье» активно входит в оборот научного и публицистического дискурса. Наиболее часто его определяют как характеристику жизнедеятельности человека в различных социальных средах и самочувствия в них через такие параметры как: степень комфортности и гармоничности человека в социальном окружении [Анисимов, 2011; Соколова, 2005], согласованность человека с общественной средой [Изуткин, 1967, 30], способность личности в соответствии с целями и задачами общества осуществить всю полноту социально необходимой деятельности [Троицкая, 2004, 64], способность к общению [Соколов, 2011, 29]. В данном исследовании социальное здоровье определяется как гармоничное взаимодействие человека с обществом, обеспечивающее полноценную реализацию его биопсихосоциальных потребностей через разноуровневые социальные отношения.

Важность социального здоровья не нуждается в доказательствах, но в отношении старшего поколения оно обладает дополнительной значимостью, поскольку не только содействует улучшению индивидуального здоровья, но и, выступая важным условием актуализации их потенциала в социально значимых целях, обуславливает возможность снижения социально-экономической нагрузки на общество, вызванной увеличением доли граждан старших возрастов в структуре населения, на что обращается внимание в Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в РФ до 2025 года¹. В этой связи, все более актуальным становится императив изучения социального здоровья этой возрастной группы, а также факторов, оказывающих на него влияние, к числу которых относится поселенческий.

Цель и методы исследования

Цель данной статьи – выявление поселенческой специфики социального здоровья граждан старшего поколения, к которому относится население в возрасте 60 лет и старше.

Эмпирической базой исследования выступили данные двух авторских анкетных опросов, проведенных в 2017 году в Белгородской области по репрезентативной (по полу, возрасту и типу поселения) региональной выборке: лиц 60 лет и старше (граждане старшего поколения; N = 500 чел.; стат. погрешность 5,5%) и 40-59 лет (группа сравнения; N = 200 чел.; стат. погрешность 8%).

Для расчета выборочной совокупности были выделены три типа муниципальных образований: с преобладанием городского, сельского населения и городские округа. В городских округах опрашивались жители средних и крупных городов (с населением около 100 тыс. чел. и более), в муниципальных образованиях с преобладанием городского населения – малых городов (с населением менее 50 тыс. чел.) и поселков городского типа (пгт), сельского – жители сельских поселений. Таким образом, поселенческий фактор представлен: средними / крупными городами, малыми городами / пгт и сельскими поселениями.

¹ Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года: утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 5 февраля 2016 г. № 164-р.

Результаты исследования

Базовым элементом социального здоровья выступает социальная инклюзия, индикатором которой в микросоциальных средах в данном исследовании является характеристика постоянных кругов общения. Судя по ответам граждан старшего поколения на закрытый вопрос «Кто входит в ваш постоянный круг общения?²», его составляют преимущественно близкие и родственники (73,8% опрошенных), отчасти – друзья (у 40,3%), соседи (42,3%), незначительная доля членов религиозных организаций, национальных общин (6,8%), клубов, обществ, а также единомышленников (9,2%). В сравнении с группой 40-59 лет, их круг общения существенно сужается за счет кровнородственных, дружеских, профессиональных отношений, а расширяется отношениями добрососедства, что в целом отражает негативную тенденцию к социальной инклюзии в этой возрастной группе.

Поселенческая специфика кругов общения граждан старших возрастов проявляется наиболее существенно в двух типах отношений: с единомышленниками и соседями. Наибольшая представленность в кругу общения единомышленников, людей, разделяющих хобби, членов общественных организаций характеризует жителей крупных и средних городов. О наличии таковых сообщили 14,6% респондентов из их числа против 3-5% в др. группах, выделенных по поселенческому признаку.

Сельские же жители отличаются более развитыми отношениями с соседями: о том, что они входят в постоянный круг общения, сообщили 51,4% респондентов из их числа, тогда как из малых городов / пгт – 41,0%, крупных и средних городов – 37,5%. Как видно из представленных данных, менее других соседи входят в постоянные круги общения жителей крупных и средних городов. Более развитые в сельской местности соседские отношения отмечаются и в других исследованиях, выполненных на основе выборки, включающей все взрослое население (см. напр.: [Мерсиянова, 2009, 547; Колпина и др., 2013, 71]), что позволяет утверждать, что это не столько возрастная, сколько социокультурная специфика сельских жителей.

Следующим показателем социального здоровья населения старших возрастов является самочувствие в отношениях. Его индикатором выступил вопрос: «В какой мере вы можете согласиться с утверждением: “Я чувствую себя востребованным, нужным... [в кругу семьи, родственников, соседей, единомышленников и членов общественных объединений, в общине и/или, землячестве]”?». Были получены разнородные данные, возможность сравнения которых обеспечивалась расчетом индекса востребованности в отношениях³.

Судя по нему, более хорошим социальным самочувствием отличается старшее поколение граждан крупных / средних городов: они характеризуются его самыми высокими значениями во всех исследуемых типах отношений за исключением кровнородственных, в которых разница в значениях соответствующего индекса у респондентов всех поселенческих групп минимальна (от 79,8 до 82,1).

Определить «аутсайдера» по данному параметру сложно: в группах опрошенных малых городов / пгт и сельских поселений регистрируется по два типа отношений, где они им являются.

² Из представленных вариантов можно было выбрать их необходимое число.

³ Расчет индекса осуществлялся по формуле $n_1 + S \cdot n_2 - n_3$, где n - значение соответствующего (n) варианта ответа: в полной мере (1), отчасти (2), не согласен (3).

В сельских поселениях наиболее низкие значения индекса востребованности в отношениях с друзьями (37,5 против 54,4 – в крупных / средних городах и 52,3 – в малых городах / пгт) и соседями (22,4 против по 29,4 в др. типах поселений); в малых городах /пгт - с членами религиозной общины, землячества (-5,3 против 8,6 – в крупных /средних городах и 1,1 – сельских поселениях).

Приступая к анализу участия старшего поколения в практиках взаимопомощи, нужно отметить, что абсолютное его большинство в случае возникновения проблем рассчитывает, в основном, на членов семьи и родственников (77,2%), супруга/супругу (41,7%), затем – на самих себя (31,7%), друзей и единомышленников (23,1%). Старшее поколение, в сравнении с группой 40-59 лет, примерно в той же мере рассчитывая на членов семьи, родственников, соседей, религиозной организации, национальной общины, землячества, в 2 раза реже рассчитывает на друзей, в 3 – коллег (бывших коллег), в 1,5 – супруга(и), что указывает, как минимум, на их психологическую эксклюзию из отношений.

Реже других рассчитывает на помощь население старших возрастов крупных / средних городов: 39,2% респондентов из их числа сообщают, что в случае возникновения проблем рассчитывают только на самих себя, а из жителей села и малых городов / пгт – 28,4% и 21,1% соответственно. Другие статистически значимые различия в ответах по ожиданию помощи отсутствуют, за исключением одного: жители сельских поселений значимо чаще рассчитывают на помощь супруга / супруги (48,6% против 37,5% в средних городах и 41,5% – в малых городах / пгт).

Более высокую ориентацию на помощь супругов у сельских жителей можно объяснить уже отмеченными наиболее низкими значениями включенности родственников в их постоянные круги общения, в то время как именно кровнородственные отношения – основа помощи и поддержки. Об этом же можно судить из ответов на закрытый вопрос о том, есть ли в их окружении те, кто помогает им развиваться, стимулирует работать над собой, вести активную жизнь, и если есть, то кто это. Сельские жители значительно реже опрошенных других типов поселений в этом качестве отмечают близких и родственников (49,3% против 52,9% – в крупных / средних городах, 59,3% – в малых городах / пгт).

Обращает на себя внимание тот факт, что уровень гипотетически ожидаемой помощи у старшего поколения существенно ниже фактического обращения к ней, что может свидетельствовать о декларируемой независимости от нее, потребности в автономности. О том, что пользуются помощью родственников, сообщают 83,9% из их числа, друзей, единомышленников – 65,9%, соседей – 49,0%.

Наиболее развитыми практиками взаимопомощи характеризуются сельские жители старшего поколения: они чаще других сообщают об этом в отношении друзей, соседей, членов землячеств, общин, общественных организаций.

Например, часто и иногда⁴ оказывают помощь друзьям в сумме 69,6% сельских жителей старших возрастов против 61,7% – крупных /средних городов и 65,1% – малых городов / пгт, реже сообщают, что не обращаются к ним за помощью (20,9% против 28,3% и 22,8,% соответственно). Друзья, оказывая поддержку, помогают выздороветь, пережить стрессы 60% опрошенных из их числа, 54,5% – крупных /средних городов, 51,2% – малых городов / пгт.

⁴ На вопросы об обращении за помощью и оказании ее другим, предлагались варианты ответа: часто, иногда, никогда.

О регулярном обращении за помощью к соседям сообщает практически каждый пятый сельский житель в возрасте 60 лет и старше, а среди остальных респондентов – в среднем, каждый десятый. Регулярно и иногда сами оказывают соседям помощь в сумме 65,5% сельских жителей, малых городов / пгт – 59,3%, крупных / средних городов – 56,3%.

В практиках взаимопомощи, реализуемых в кровнородственных и профессиональных отношениях, однозначного лидерства у сельских жителей нет, но они и не являются аутсайдерами.

Реже других от родственников и коллег получает помощь старшее поколение крупных / средних городов. Так, о регулярной помощи со стороны родственников сообщает 47,3% из их числа против 56,5% в среднем в др. типах поселений. О ее получении от коллег (бывших коллег) и оказании ее им наиболее показателен ответ «иногда», который выбрали в первом случае 20,8% респондентов крупных / средних городов (против 25-27% по другим группам), во втором 21,3% (против ок. 32% в среднем по другим группам).

Таким образом, менее других вовлечено в практики взаимопомощи старшее поколение крупных / средних городов. Учитывая, что его представители в основном выше оценивают свою востребованность в отношениях, чаще сообщают о самостоятельном решении своих проблем, можно предположить, что менее развитые среди них практики взаимопомощи – показатель их большей автономности, маркирующий в свою очередь лучшее высокое качество жизни в средних городах – эффективную организацию медицинской и социальной помощи, поддержки; более высокий уровень материального достатка, здоровья и функциональных способностей, что позволяет судить о более высоком уровне институционализации старости в этом типе поселений.

О более благоприятном, с точки зрения изменения социального здоровья, переходе от зрелого возраста к пожилому в крупных / средних городах можно судить и по разнице в самооценках востребованности в отношениях.

Так, в группе 40-59-летних всех типов поселений значения индекса востребованности в отношениях⁵ с друзьями находятся в диапазоне 65,5-67,0, а в группе 60 лет и старше они составляют: 54,4 – в крупных / средних городах, 44,7 – малых городах / пгт, 37,4 – сельских поселениях. Таким образом, отрицательная дельта с группой 40-59 лет в разных типах поселения составляет соответственно: -15,5, -21,7, -32,7.

В отношениях с соседями в крупных / средних городах дельта в значениях индекса востребованности у респондентов 60 лет и старше в сравнении с группой 40-59-ти лет выражено положительная (+14,4), а в малых городах / пгт и сельских поселениях она незначительна (-2,5 и +3,2 соответственно).

В отношениях с членами религиозных организаций, этно-национальных общин указанная дельта в значениях индекса востребованности положительная (в пользу населения 60 лет и старше) во всех типах поселений, но наибольшая – в крупных / средних городах (+8 против +5,1 - в малых городах / пгт, +2 – в сельских поселениях).

В отношениях с членами общественных организаций, людей разделяющих хобби, у группы 60 лет и старше дельта с группой 40-59 лет во всех типах поселений отрицательная. В крупных / средних городах и сельских поселениях она соотносима (соответственно -4,9 и -2,2) и значительно меньше, чем в малых городах / пгт (-11,8), а в кровнородственных отношениях у

⁵ Формулу расчета индекса см. выше.

представителей поселений различных типов она незначительна.

Итак, при переходе от зрелого к пожилому возрасту менее всего снижаются и более всего увеличиваются самооценки востребованности, значимости в отношениях у населения крупных / средних городов.

Учитывая объективно обусловленное сужение кругов общения населения старших возрастных групп за счет близкородственных, дружеских и профессиональных отношений, большая роль в поддержании их социальной активности принадлежит мезоуровневым социальным практикам, в частности, участию в специально организуемых для пожилых людей клубах, обществах, конкурсах и пр. мероприятиях.

Судя по полученным данным, такая работа лучше поставлена в крупных /средних городах, поскольку их жители чаще других говорят о хорошей информированности о таких мероприятиях (22,5% против 13-15% в поселениях др. типов) и реже о неинформированности (24,2% против 43,1% в малых городах / пгт и 36,5% в селах). В этой связи предсказуемо то, что они чаще других сообщают об активном участии в них (18,3% против 8,1-10,5% в др. типах поселений). А вариант ответа «не участвую и не хочу участвовать» чаще других выбирают сельские жители (56,8% против 47-48% респондентов поселений др. типов).

В том числе, с этим следует связать отмеченный выше в крупных /средних городах более благополучный переход от зрелого к пожилому возрасту, связанный с расширением кругов их общения за счет людей, разделяющих хобби, членов общественных организаций. Именно здесь, в сравнении с группой 40-59-ти летних опрошенных, регистрируется наибольшая положительная разница в долях ответов об их наличии в постоянном кругу общения, которая составляет +12 пп (в малых городах / пгт +7,1 пп, селах -2,1пп).

Наибольшая вовлеченность в крупных /средних городах населения старших возрастов в такого рода практики, обеспечивающие расширение их сети общения, позволяет предполагать, что такая работа здесь поставлена наиболее эффективно.

К мезоуровневым социальным практикам с существенным потенциалом поддержания социального здоровья граждан старшего поколения относится участие в местном и территориальном общественном самоуправлении, что обусловлено локальностью и большей физической доступностью для них этого социального института. В этой связи представителям группы 60 лет и старше задавались вопросы об общественно-политическом участии на данном уровне. Результаты показали отсутствие статистически значимой разницы в ответах респондентов всех типов поселений на вопросы-индикаторы такой активности: об участии в голосовании на выборах в органы МСУ, а также в работе домкома, уличкома, в делах подъезда, дома, двора, улицы.

Небольшая, но все же статистически значимая разница выявлена в ответах на вопрос об их участии в работе органов МСУ или ТОС, в которых лидируют жители малых городов / пгт. Они несколько чаще сообщают о регулярности такого участия (18,7% против 10-12% в поселениях др. типов) и реже о его отсутствии (45,5% против 55-57% соответственно), одновременно показывая более высокую готовность к общественной работе. Так, в ответах на закрытый вопрос о желании быть общественником, выявлена статистически значимая разница по варианту «скорее хочу, чем нет», который выбрали 17,1% из их числа против 13,9% респондентов сел и 10,4% крупных / средних городов.

Подтверждением связи между готовностью к общественной работе и участием в деятельности органов местного и территориального общественного самоуправления могут служить результаты анализа таблиц сопряженности, которые показали следующее.

Среди тех, кто на вопрос о желании быть общественником ответил «хочу и /или явлюсь им», относительное большинство (46,3%) регулярно участвует в работе органов местного и территориального общественного самоуправления (16,7% – иногда, 13%и – никогда не участвуют). Среди выразивших категорическое нежелание им быть о такого рода регулярном участии сообщает только 3% опрошенных, а 71,7% – что не участвуют никогда. Однако в силу малой разницы в долях ответов об участии в деятельности органов МСУ, ТОС, готовности к общественной работе, отсутствия статистически значимой разницы по другим параметрам общественного активизма, делать однозначный вывод о большей общественной активности представителей малых городов / пгт преждевременно, максимум – о наличии большого потенциала такого участия.

Выводы и рекомендации

Подводя итоги результатам проведенного анализа влияния поселенческого фактора на социальное здоровье граждан старшего поколения, следует еще раз отметить, что, в целом, наиболее высоким его уровнем характеризуются жители крупных / средних городов, самым низким – малых городов и поселков городского типа.

Старшее поколение крупных и средних городов лидирует по большинству параметров социальной инклюзии, удовлетворенности отношениями, но отстает по практикам взаимопомощи, по которым лидируют сельские жители. Они также отличаются принципиально более высоким уровнем развития добрососедства, а жители крупных и средних городов – более развитой сетью отношений досугового типа.

В то же время, жители малых городов и поселков городского типа положительно отличаются от других по единственному показателю – несколько большей готовности к участию в деятельности органов местного и территориального общественного самоуправления.

Средние и крупные города характеризуются наименее рискогенным, с точки зрения социальной эксклюзии, переходом к пожилому возрасту, когда отчасти естественное сужение одних сетей общения (дружеских, родственных, профессиональных) компенсируется расширением других (соседских, досуговых, религиозно-общинных). В первую очередь этим, наряду с более высоким уровнем автономности в решении собственных проблем, и более качественно поставленной социальной работой с этой категорией, объясняется наиболее высокий уровень социального здоровья населения этого типа поселений. Проблематичным аспектом их социального здоровья является слабая развитость у них практик взаимопомощи. Хотя это связано также с их меньшей востребованностью в этом типе поселений в силу более высокого качества жизни, тем не менее, само по себе участие в таких практиках несет ряд положительных эффектов для самочувствия граждан старшего поколения и функционирования местных сообществ.

Достаточно низкие оценки социального самочувствия у сельских жителей в отношениях с соседями, друзьями объясняется более высоким уровнем притязаний к этим отношениям, обусловленным их высокой значимостью, усиленной сужением кровнородственных и дружеских отношений.

Заключение

Исходя из результатов исследования, первоочередные мероприятия по укреплению социального здоровья граждан старшего поколения, проживающих в малых городах и поселках

городского типа, целесообразно направить на актуализацию их потенциала участия по месту жительства, поскольку они показывают наиболее высокую готовность к таким социальным практикам, являющимся их ближайшей «зоной развития».

В заключение следует подчеркнуть, что анализ, предпринятый в данной статье, ориентирован на изучение поселенческой специфики в параметрах социального здоровья старшего поколения, а потому вопрос о факторах и механизмах, ее обуславливающих, остается открытым и может явиться перспективным направлением исследования.

Библиография

1. Анисимов А.И. Социально-психологические критерии оценки социального здоровья учителей: дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2011. 179 с.
2. Изуткин А.М. Социология и здравоохранение. Горький, 1967. 375 с.
3. Колпина Л.В., Вангородская С.А., Реутов Е.В. Барьеры формирования и функционирования социальных сетей: региональный аспект. Белгород, 2013. 283 с.
4. Мерсиянова И.В. Институты самоорганизации по месту жительства и качество жизни населения // Журнал исследования социальной политики. 2009. Т.7. №4. С. 535-550.
5. Соколов А.Б. Социальное здоровье населения в контексте трансформационных процессов в современном российском обществе // Отечественный журнал социальной работы. 2011. №. 4. С. 19-32.
6. Соколова Т.Б. Здоровье населения в социальном контексте (на примере работников ДВЖД): дис. ... канд. социол. наук. Хабаровск, 2005. 169 с.
7. Троицкая С.И. Здоровье человека как социокультурный феномен (Философско-антропологический аспект): дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2004. 196 с.

Settlement specifics of senior generation social health: the regional research results

Svetlana A. Vangorodskaya

PhD in Sociology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of social technologies,
Belgorod State National Research University,
308015, 85, Pobedy st., Belgorod, Russian Federation;
e-mail: vangorodskaya@bsu.edu.ru

Lola V. Kolpina

PhD in Sociology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of social technologies,
Belgorod State National Research University,
308015, 85, Pobedy st., Belgorod, Russian Federation;
e-mail: kolpina@bsu.edu.ru

Abstract

The settlement specifics of senior generation citizens' social health are analyzed in the article. The comparative analysis was carried out on three types of settlements: large and average city, small city / urban-type settlement and village. Social health is characterized through inclusiveness

parameters in micro social relations and health in them, through practice of mutual aid, public activism and also these parameters change dynamics upon transition of group of 40-59 years to 60 years and more senior. Empirical base is the data of questionnaires on regional selection, representative on a sex, age and type of the settlement: the population at the age of 60 years and also more senior (the senior generation) and 40-59 years (group of comparison). It is proved that residents of the large and average cities characterizes the highest level of social health, low – the small cities / urban-type settlements that locates by features of life quality and sociocultural specifics of these types of settlements. Senior generations of large and average cities differs generally in the highest rates of social inclusiveness, health in various types of relations, and the least risky, from the social exclusion point of view, transition from middle age to elderly; rural settlements – more developed practices of mutual aid and relations with neighbors, the small cities / urban-type settlements – higher potential of participation in local and public territorial government. Taking into account settlement specifics of senior generation social health, activities on its strengthening are offered in the conclusion.

For citation

Vangorodskaya S.A., Kolpina L.V. (2018) Poselencheskaya spetsifika sotsial'nogo zdorov'ya starshego pokoleniya: rezul'taty regional'nogo issledovaniya [Settlement specifics of senior generation social health: the regional research results]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 7 (5A), pp. 373-381.

Keywords

Senior generation, social health, social inclusiveness, settlement factor, health.

References

1. Anisimov A.I. (2011) *Sotsial'no-psikhologicheskie kriterii otsenki sotsial'nogo zdorov'ya uchitelei*. Doct. Dis. [Social and psychological evaluation criteria of teachers' social health. Doct. Dis.]. St. Petersburg.
2. Izutkin A.M. (1967) *Sotsiologiya i zdavookhraneniye* [Sociology and health care]. Gorky.
3. Kolpina L.V., Vangorodskaya S.A., Reutov E.V. (2013). *Bar'ery formirovaniya i funktsionirovaniya sotsial'nykh setei: regional'nyi aspekt* [Barriers of social networks formation and functioning: regional aspect]. Belgorod.
4. Mersyanova I.V. (2009) *Instituty samoorganizatsii po mestu zhitel'stva i kachestvo zhizni naseleniya* [Institutes of self-organization at the place of residence and quality of life of the population]. *Zhurnal issledovaniya sotsial'noi politiki* [Magazine of social policy research], 7, 4, pp. 535-550.
5. Sokolov A.B. (2011) *Sotsial'noe zdorov'e naseleniya v kontekste transformatsionnykh processov v sovremennom rossiiskom obshchestve* [Social health of population in the context of transformational processes in modern Russian society]. *Otechestvennyi zhurnal sotsial'noi raboty* [Domestic magazine of social work], 4, pp. 19-32.
6. Sokolova T.B. (2005) *Zdorov'e naseleniya v sotsial'nom kontekste (na primere rabotnikov DVZhD)*. Doct. Dis. [Health of population in social context (on the example of workers of the Far East railroad). Doct. Dis.]. Khabarovsk.
7. Troitskaya S.I. (2004) *Zdorov'e cheloveka kak sotsiokul'turnyi fenomen (Filosofsko-antropologicheskii aspekt)*. Doct. Dis. [Health of the person as sociocultural phenomenon (Philosophical and anthropological aspect). Doct. Dis.]. St. Petersburg.

УДК 316**Причины миграции населения: социологический подход****Шилов Владимир Викторович**

Кандидат исторических наук,
член правления Пермского отделения Российского общества социологов,
завкафедрой «Общенаучные дисциплины»,
Пермский политехнический национальный исследовательский
университет (Березниковский филиал),
614990, Российская Федерация, Пермь, просп. Комсомольский, 29;
e-mail: vvs595959@mail.ru

Пудовкина Ирина Михайловна

Старший преподаватель,
кафедра «Общенаучные дисциплины»,
Пермский политехнический национальный исследовательский
университет (Березниковский филиал),
614990, Российская Федерация, Пермь, просп. Комсомольский, 29;
e-mail: iri14250591@yandex.ru

Сергеева Татьяна Николаевна

Старший преподаватель,
кафедра «Общенаучные дисциплины»,
Пермский политехнический национальный исследовательский
университет (Березниковский филиал),
614990, Российская Федерация, Пермь, просп. Комсомольский, 29;
e-mail: garri_62@mail.ru

Захарова Наталья Яковлевна

Старший преподаватель,
кафедра «Общенаучные дисциплины»,
Пермский политехнический национальный исследовательский
университет (Березниковский филиал),
614990, Российская Федерация, Пермь, просп. Комсомольский, 29;
e-mail: ond@bf/pstu/ac.ru.

Аннотация

Миграция населения является социальным фактор, исторически обусловленным процессом. Миграция оказывает влияние на общественное развитие, но сама является следствием политических, социально-экономических и демографических факторов. Так как в настоящее время миграционные потоки характерны, практически для всего мира, то

этот процесс вызывает закономерный интерес и становится предметом исследования ряда научных дисциплин, в том числе истории, психологии, географии, экономики, социологии. В статье рассматриваются основные причины миграции, которые оказывают положительное влияние на ее динамику. Авторы исследования приходят к выводу, что под причинами миграции следует понимать определенный повод, который носит социальный характер. Также причины миграции следует понимать, как ответ на запросы общества и самого человека. В условиях глобального мира, фактически, тотального перемещения между странами и континентами, изучение причин миграции, отношение к мигрантам помогут предотвратить конфликты и снять факторы напряженности.

Для цитирования в научных исследованиях

Шилов В.В., Пудовкина И.М., Сергеева Т.Н., Захарова Н.Я. Причины миграции населения: социологический подход // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Том 7. № 5А. С. 382-390.

Ключевые слова

Миграция, политология, социология, население, политика.

Введение

В настоящее время миграция во многом определяет образ глобального мира. В этот процесс вовлечены широкие слои населения, различные этносы, отдельные регионы и целые континенты. Миграция, по признанию Э. Гидденса, преобразовывает «пространственные социальные отношения» [Giddens, 1990], меняет жизнь людей, мировоззрение, представления о собственном социальном окружении и о самих себе. Как социальное действие миграция изменяет общество, что и подтверждают теории М. Вебера, Ф. Тенниса, Т. Парсонса, С. Стоффера и других.

Изучая этот феномен современного мира, исследователи, в частности Т.Н. Юдина, предлагает рассматривать миграцию как «один из главных факторов социального преобразования и развития во всех регионах мира» [Юдина, 2002].

Методология

Среди ученых, внесших свой вклад в изучении миграционных процессов были: Р. Парк, исследовавший межэтнические взаимоотношения, дискриминацию по расовому признаку, проблемы межнациональных браков, и принципы ассимиляции мигрантов в США; Дж. Перлманн, изучавший социальный состав переселенцев на американский континент из стран Европы и Азии; Э.Г. Равенстейн, сформулировавший законы миграции. Влияние экономического фактора на миграционные процессы раскрыто в работах У.А. Льюиса; Дж. Харриса. Взаимосвязь миграции и социальной мобильности показана в теориях В. Зелински. Исследование глобализации как фактора миграции мы находим в работах С. Сассен и Д. Массей.

Отечественная наука также активно разрабатывала теории миграции, начиная с середины прошлого века, как показывают исследования Т.И. Заславской и Л.Л. Рыбаковского [Рыбаковский, 2016], направленные на изучение динамики миграционных процессов на территории СССР, их причины и разработки критериев их исследования.

В настоящее время проблемы миграции населения отражены в работах А.Г. Вишневого, главной темой которых являются миграция в современной России, экономический и демографический факторы, определяющие ее динамику и отношение к мигрантам в стране [Вишневский, 2014]; М.П. Мчедлова, изучавшего проблемы толерантности и экстремизма [Мчедлов, 2004, 10-11]; Будалина Е.П., рассматривающего проблемы правового регулирования миграционных потоков [Будалин, 2010]; Е.А. Островской, посвященных роли миграционных групп в глобальном мире, сформированных по этническим признакам и их влияния на развитие сетевого мира [Островская, 2016].

Результаты исследования

Понятие «миграция» содержит в себе указание на неустойчивое состояние и является синонимом движения, что и нашло отражение в ее общем определении Л.Л. Рыбаковского, как любого территориального перемещения, которое совершается отдельным индивидом или социальными группами «между различными населенными пунктами, одной или нескольких административно-территориальных единиц, независимо от продолжительности, регулярности и целевой направленности» или более кратко – «пространственное перемещение населения» [Островская, 2016, 81]. Далее Рыбаковский подчеркивает, что миграцию нельзя относить к первичным потребностям человека, так как она является необходимостью, причинно-следственным явлением. Как показывает история нашей страны, к причинам миграционных процессов следует отнести политику и политические интересы. В.О. Ключевский убедительно доказал, что история России связана с колонизацией земель, миграционными потоками, двигавшимися в различных направлениях. Итогом массового движения было расширение территории, пространства, которое рассматривается в качестве политического фактора. Так возникает идея геополитики «использования государствами пространственных факторов при постановке и достижении политических целей», «органической связи территории и государства» [Ионин, 2010, 126]. П.Н. Савицкий, описывая Россию как евразийский континент, уделял внимание географическому фактору, считая, что «своеобразная и предельно четкая и, в то же время, простая географическая структура России-Евразии, связывается с рядом геополитических обстоятельств» [Савицкий, 2002, 302].

Экономика, экономическое развитие стран является еще одной важной причиной миграционных процессов. Как отмечал Р. Коллинз, «рынки как социальные структуры» способны к расширению в течение длительного времени», включая в сферу своей деятельности все большее количество людей и производимых ими товаров, отношений, «и главным образом все большую территорию» [Коллинз, 2015, 305]. Последнее соответствует «законам Э. Равенстейна», доказывающим иерархичность выбора самих мигрантов или ступенчатый процесс миграции, то есть сначала люди по тем или иным причинам мигрируют в географически ближайшие населенные пункты, а уже затем в более отдаленные регионы с быстрорастущими городами и экономически выгодными условиями [Немерюк, Аникин, 2014]. Ж.А. Зайончковская отводит урбанизации «роль главного дирижера» в миграции населения [Зайончковская, 1999], однако сама урбанизация не является самостоятельным процессом и связана с модернизацией и индустриализацией. Согласно статистическим данным на Урале, которому придавалось особое значение в создании промышленного потенциала страны, численность городского населения начала расти в основном за счет трудоспособных мужчин,

приехавших на стройки пятилетки. Так в 1920 году женщин в городах было на 101, 8 тыс. человек больше, но уже в 1926 году ситуация существенно изменилась и женщин в городах становится больше только на 77, 5 тыс. больше, а в 1932 –уже на 7,8 тыс человек [Журавлева, 2005].

Сегодня на Урале наблюдается обратная ситуация. Из г. Березники Пермского края, который в 30-е гг. фактически строили «всем миром» вместе с химическим комбинатом, в настоящее время идет отток населения: согласно данным Пермьстата 2016 года, численность жителей города в 2015 году сократилась на 2 328 жителей и на 1 января 2016 года составил 146 627 человек. В качестве причин можно выделить низкий уровень молодежной политики, недостаток учебных заведений, направленных на подготовку специалистов гуманитарного профиля. В качестве причины следует рассматривать закрытие одного из ведущих градообразующих предприятия БПКРУ – I ОАО «Уралкалий», вследствие образования провала на его территории 28 июля 2007 года, последующего затопления рудника и переселения жителей из опасной зоны. Показательно, что большинство из них выбрало местом своего дальнейшего проживания краевой центр – г. Пермь.

Следует отметить, что миграционные процессы зависят от явления, которое социология определяет как «социальное заражение», то есть распространение мнений, слухов, моделей поведения, оказывающих влияние на жизненные установки индивида. Другими словами, социальное заражение формирует настроение, что подтверждается данными голосования по теме «Уехать нельзя остаться», опубликованные на сайте «Березниковский форум». Из 393 человек, принявших участие в голосовании уже уехали 57 респондентов (14,50%); «сидят на чемоданах» 12 человек (3,05%); планируют переезд в ближайшем обозримом будущем 78 участников голосования (19,85%); еще 43 участника (10,94%) находятся в состоянии раздумья. Более сложная ситуация складывается у 65 человек (16,54%), которые хотели бы уехать, но их желание неосуществимо из-за множества «якорей» и у 59 (15,01%) респондентов, переехать которым мешают финансовые проблемы. Не собираются уезжать из города 79 человек (20,10%).

Еще одной важной причиной миграции является возраст. Этот вывод подтверждают наши исследования, проведенные среди студентов Березниковского филиала Пермского национально исследовательского политехнического университета и жителями нашего города старшего поколения.

Таблица 1 – Возраст и уровень миграционных настроений

	Все вместе 311 чел.		Отдельно по возрастам			
			До 35 лет 170 чел. (54,7%)		После 50 лет 141 чел. (45,3%)	
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
таких намерений нет	162	52,1	51	30,0	111	78,7
есть желание переехать в другой населённый пункт Пермского края	41	13,2	28	16,5	13	9,2
есть желание переехать в другой субъект Российской Федерации	49	15,8	41	24,1	8	5,7
есть желание уехать из России	41	13,2	40	23,5	1	0,7
затрудняюсь с ответом	30	9,6	22	12,9	8	5,7

Как видим, мобильность значительно снижается с возрастом: если из респондентов в возрасте до 35 лет, только 30, 0% не высказывают намерений сменить место жительства, то у людей старше 50 лет таких желаний нет уже у 78,7%. Очевидно, для этой возрастной категории и характерно большее количество «якорей», сдерживающих желания переехать. Также снижается уровень желания переехать в другой населенный пункт Пермского края или выехать за его пределы и составляет соответственно 16, 5% по отношению к 9,2% и 24,1% к 5,7%. Из представителей старшего поколения только 1 (0,7%) человек изъявил желание уехать за границу, в то время как 40 (23,5%) респондентов молодого возраста не исключают такую возможность.

В настоящее время серьезной причиной миграции является демография. Согласно прогнозам Россию в ближайшем будущем ожидает серьезный виток депопуляции. Ожидается, что к 2030 году население страны сократится по сравнению с 2005 годом на 12 % [Резникова, 2008]. По данным того же Пермьстата в 2016 году естественный прирост населения края составлял 0,3% при уровне рождаемости 14,1%; смертности-13,8%.

Демографическая ситуация ставит проблему импортирования рабочей силы из стран ближнего зарубежья, хотя как подчеркивают ряд исследователей, например А.Г. Вишневский, Россия исторически никогда не являлась страной-импортером, однако реалии глобального мира, поставили ее на второе место после США по приему мигрантов: в 2010 году их число в нашу страну составляло 12 млн. человек, в Америке 42,8 млн. человек. Следуя далее рассуждениям Вишневского, миграция не только несет в себе положительные моменты в экономическом плане, но и негативные, связанные с восприятием в обыденном сознании образа мигрантов как носителей потенциальных угроз, среди которых конкуренция на рынке труда, преступность, наркотики, распространение болезней [Вишневский, 2013].

Последствием негативных отношений к мигрантам являются межэтнические конфликты и как показывают наши исследования, приведенные в таблице 2, для 49,4% респондентов молодого возраста и 43,3% старшего возраста эта проблема представляется достаточно актуальной.

Таблица 2 - Мнение респондентов о межэтнической проблеме в России

	Все вместе 311 чел.		Отдельно по возрастам			
			До 35 лет 170 чел. (54,7%)		После 50 лет 141 чел. (45,3%)	
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
да, это одна из самых острых проблем	49	15,8	33	19,4	16	11,3
эта проблема достаточно актуальна	145	46,6	84	49,4	61	43,3
не считаю эту проблему характерной для нашего общества	46	14,8	20	11,8	26	18,4
затрудняюсь ответить	71	22,8	33	19,4	38	27,0

В таблице 3 приведены причины, которые, по мнению респондентов, могут стать источником конфликта.

Таблица 3 – Причины межэтнических конфликтов

	Все вместе 311 чел.		Отдельно по возрастам			
			До 35 лет 170 чел. (54,7%)		После 50 лет 141 чел. (45,3%)	
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
из-за политических взглядов	100	32,2	59	34,7	41	29,1
из-за психологического непонимания	97	31,2	53	31,2	44	29,9
культурные различия	92	29,6	73	42,9	19	13,5
из-за религиозных взглядов	77	24,8	62	36,5	15	10,6
из-за рабочих мест	19	6,1	13	7,6	6	4,3
из-за бытовых ссор	11	3,5	4	2,4	7	5,0
другое*	34	10,6	17	10,0	17	12,1

Показательно, что старшее поколение, воспитанное в духе дружбы народов, единства и взаимопонимания в советское время, склонны придавать меньшее значение культурным различиям и религиозным взглядам (13,5% и 10, 6%), в то время как молодое поколение считает их наиболее важными (42,9 % и 36,5%). В то же время возможность конфликтов из-за разницы в политических и психологических взглядах, обе группы респондентов оценивают, практически одинаково: 34,7% к 29,1% и 31, 2 к 29,9%.

Но, как показывает практика, по данным того же Березниковского форума, жалоб на поведение рабочих мигрантов из ближнего зарубежья нет и жителей города Березники, согласно статистике 2017 года, больше всего волнуют проблемы городского хозяйства (40%); переселение жителей на правый берег (18%); благоустройство придомовых территорий (18%); проблемы с жильем ((%); безопасность и правопорядок (3,5%); вопросы социальной защиты населения (3,%); образование (2%).

Заключение

Итак, под причинами миграции следует понимать определенный повод, который носит социальный характер. Также причины миграции следует понимать, как ответ на запросы общества и самого человека. В условиях глобального мира, фактически, тотального перемещения между странами и континентами, изучение причин миграции, отношение к мигрантам помогут предотвратить конфликты и снять факторы напряженности.

Библиография

1. Будалин Е.П. Миграция: проблемы правового регулирования // ARS Administrandi. 2010. №1. С. 33-43.
2. Вишневский А.Г. Мифология и жизнь. Миграция в России: ее восприятие и социально-политические последствия // Россия в глобальной политике. 2013. № 3. С. 199-208.
3. Жизнь нашего города. Березниковский форум. Мнения. Идеи, Дискуссии. URL: <https://berforum.ru/forum/1-zhizn-nashego-goroda/>
4. Журавлева В.А. Динамика численности городского населения Урала в 20-30-е годы XX века // Вестник ЮУрГУ. 2005. №7 (47). С. 47-51.
5. Зайончковская Ж.А. Внутренняя миграция в России и в СССР в XX веке как отражение социальной модернизации // Мир России. 1999. № 4. С. 22-34.
6. Ионин Л.Г. Апдейт консерватизма. М., 2010. 304 с.
7. Коллинз Р. Макроистория. Очерки социологии большой длительности. М., 2015. 504 с.
8. Мчедлов М.П. О методологии исследования проблем толерантности и экстремизма в современной России // Толерантность. Сб. ст. М.: Республика, 2004. 416 с.

9. Немерюк Е.Е., Аникин Л.С. Теоретические подходы к исследованию причин миграции // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2014. Т.14. Вып. 3. С. 23-28.
10. Островская Е.А. О глобальных транснациональных этнорелигиозных диаспорах // Социологические исследования. 2016. № 12. С. 102-110.
11. Резникова О. Перспективы миграции на постсоветском пространстве // Кавказ и глобализация. 2008. Т. 2. Вып. 4. С. 81-96.
12. Рыбаковский Л.Л. К уточнению понятия «миграция населения» // Социологические исследования. 2016. №12. С. 78-83.
13. Савицкий П.Н. Географические и геополитические основы евразийства // Основы евразийства. Сб. статей. М.: Арктогея-Центр, 2002. 800 с.
14. Юдина Т.Н. О социологическом анализе миграционных процессов // Социологические исследования. 2002. № 10. С. 102-109.
15. Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1990. 200 p.

Reasons of migration: a sociological approach

Vladimir V. Shilov

PhD in History,
Member of Board of Perm branch of the Russian society of sociologists,
Head of the Department of General scientific disciplines,
Perm Polytechnic National Research University (Berezniki branch),
614990, 29, Komsomolskii av., Perm, Russian Federation;
e-mail: vvs595959@mail.ru

Irina M. Pudovkina

Senior Lecturer,
Department of General scientific disciplines,
Perm Polytechnic National Research University (Berezniki branch),
614990, 29, Komsomolskii av., Perm, Russian Federation;
e-mail: iri14250591@yandex.ru

Tat'yana N. Sergeeva

Senior Lecturer,
Department of General scientific disciplines,
Perm Polytechnic National Research University (Berezniki branch),
614990, 29, Komsomolskii av., Perm, Russian Federation;
e-mail: garri_62@mail.ru

Natal'ya Ya. Zakharova

Senior Lecturer,
Department of General scientific disciplines,
Perm Polytechnic National Research University (Berezniki branch),
614990, 29, Komsomolskii av., Perm, Russian Federation;
e-mail: ond@bf/pstu/ac.ru

Abstract

Currently, migration largely determines the image of the global world. This process involves the general population, various ethnic groups, individual regions and entire continents. Migration transforms spatial social relations, changes people's lives, worldview, ideas about their own social environment and about themselves. Migration of the population is a social factor historically conditioned by the process. Migration has an impact on social development, but is itself a consequence of political, socio-economic and demographic factors. Since at present migration flows are typical for almost the whole world, this process is of natural interest and becomes the subject of research of a number of scientific disciplines, including history, psychology, geography, Economics, sociology. The article deals with the main causes of migration, which have a positive impact on its dynamics. The authors of the study come to the conclusion that the reasons for migration should be understood as a specific reason, which is social in nature. Also, the causes of migration should be understood as a response to the demands of society and the person himself. In a global world, in fact, total movement between countries and continents, studying the causes of migration, attitudes towards migrants will help prevent conflicts and remove the factors of tension.

For citation

Shilov V.V., Pudovkina I.M., Sergeeva T.N., Zakharova N.Ya. (2018) Prichiny migratsii naseleniya: sotsiologicheskii podkhod [Reasons of migration: a sociological approach]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 7 (5A), pp. 382-390.

Keywords

Migration, political science, sociology, population, politics.

References

1. Budalin E.P. (2010) Migratsiya: problemy pravovogo regulirovaniya [Migration: problems of legal regulation]. *Ars Administrandi*, 1, pp. 33-43.
2. Collins R. (2015) *Makroistoriya. Ocherki sotsiologii bol'shoi dlitel'nosti* [Macrohistory. Essays on sociology of great duration]. Moscow.
3. Giddens A. (1990) *The Consequences of Modernity*. Cambridge: Polity Press.
4. Ionin L.G. (2010) *Apdeit konservatizma* [Conservatism update]. Moscow.
5. Mchedlov M.P. (2004) O metodologii issledovaniya problem tolerantnosti i ekstremizma v sovremennoi Rossii [On the methodology of the study of problems of tolerance and extremism in modern Russia]. In: *Tolerantnost'. Sb. st.* [Tolerance. Collected Articles]. Moscow: Respublika Publ.
6. Nemeryuk E.E., Anikin L.S. (2014) Teoreticheskie podkhody k issledovaniyu prichin migratsii [Theoretical approaches to the study of the causes of migration]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Sotsiologiya. Politologiya* [News of the Saratov University. New series. Sociology series. Political science], 14, 3, pp. 23-28.
7. Ostrovskaya E.A. (2016) O global'nykh transnatsional'nykh etnoreligioznykh diasporakh [On Global Transnational Ethnoreligious Diasporas]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 12, pp. 102-110.
8. Reznikova O. (2008) Perspektivy migratsii na postsovet'skom prostranstve [Migration prospects in the post-Soviet space]. *Kavkaz i globalizatsiya* [The Caucasus and Globalization], 2, 4, pp. 81-96.
9. Rybakovskii L.L. (2016) K utochneniyu ponyatiya «migratsiya naseleniya» [Clarifying the concept of population migration]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 12, pp. 78-83.
10. Savitskii P.N. (2002) Geograficheskie i geopoliticheskie osnovy evraziistva [Geographical and geopolitical foundations of Eurasianism]. In: *Osnovy evraziistva. Sb. Statei* [Basics of Eurasianism. Collected articles]. Moscow: Arktogeya-Tsentr Publ.
11. Yudina T.N. (2002) O sotsiologicheskoy analize migratsionnykh protsessov [On the sociological analysis of migration processes]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 10, pp. 102-109.

-
12. Vishnevskii A.G. (2013) Mifologiya i zhizn'. Migratsiya v Rossii: ee vospriyatie i soal'no-politicheskie posledstviya [Mythology and life. Migration in Russia: its perception and social and political consequences]. *Rossiya v global'noi politike* [Russia in global politics], 3, pp. 199-208.
 13. Zaionchkovskaya Zh.A. (1999) Vnutrennyaya migratsiya v Rossii i v SSSR v XX veke kak otrazhenie sotsial'noi modernizatsii [Internal migration in Russia and the USSR in the XX century as a reflection of social modernization]. *Mir Rossii* [Russian world], 4, pp. 22-34.
 14. Zhizn' nashego goroda. Bereznikovskii forum. Mneniya. Idei, Diskussii [The life of our city. Bereznikovsky forum. Opinions. Ideas, Discussions]. Available at: <https://berforum.ru/forum/1-zhizn-nashego-goroda/> [Accessed 10/10/2018]
 15. Zhuravleva V.A. (2005) Dinamika chislennosti gorodskogo naseleniya Urala v 20-30-e gody XX veka [Dynamics of the urban population of the Urals in the 20-30s of the XX century]. *Vestnik YuUrGU* [Bulletin of SUSU], 7 (47), pp. 47-51.

Правила для авторов

Уважаемые авторы! Представляем вашему вниманию обновленные требования, которым должны строго соответствовать направляемые нам рукописи.

Структура статьи, присылаемой в редакцию для публикации:

- 1) заголовок (название) статьи;
- 2) автор(ы): фамилия, имя, отчество (полностью);
- 3) данные автора(ов): телефон, адрес, научная степень, звание, должность и место работы, рабочий адрес, e-mail;
- 4) аннотация (авторское резюме);
- 5) ключевые слова;
- 6) текст статьи должен быть разбит на части: введение, тематические подзаголовки, заключение или выводы;
- 7) список использованной литературы в алфавитном порядке;
- 8) пункты 1-5 и 7 должны быть продублированы на английском языке (требования к аннотации см. далее).

Все материалы должны быть присланы в документе формата .doc, шрифт TimesNewRoman, кегль 14, первая строка с отступом, межстрочный интервал полуторный, сноски с примечаниями постраничные, нумерация сносок сплошная. Ссылки в тексте на библиографический список оформляются в квадратных скобках; указываются фамилия автора из списка, год издания работы и страница: [Иванов, 2003, 12].

Требования к аннотации на английском языке

Англоязычная аннотация должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной (**не быть калькой русскоязычной аннотации**);
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье, по схеме: предмет, тема, цель работы; метод или методология проведения работы; область применения результатов; выводы);
- «англоязычной» (написанной качественным английским языком);
- **объем от 150 до 250 слов.**

При невозможности предоставить англоязычную аннотацию необходимо предоставить аналогичный текст на русском языке, с требуемым объемом и структурой.

Фамилии авторов статей на английском языке представляются в одной из принятых международных систем транслитерации, в нашем издательстве – Британского института стандартов (www.translit.ru, меню **Варианты**, пункт **BSI**).

Оформление библиографических ссылок в тексте

Ссылки в тексте оформляются в стиле [Фамилия (фамилии), год, страница]. Например, такая ссылка:

Иванова П.П., Петров А.А. К вопросам о детских тарелочках // Жизнь. 2012. № 2. С. 343.

будет выглядеть в тексте как

[Иванова, Петров, 2012, 343].

При ссылке на интернет-ресурс ссылка выглядит как [Иванов, 2009, www] или (при невозможности установить год) [Иванов, www].

Постраничные сноски используются в случае смысловых комментариев, ссылок на архивы и неопубликованные документы. Допустимо указывать в постраничных сносках группы источников (например, ряд работ или диссертаций по какой-либо теме), которые не включаются в библиографию.

В библиографию включаются ссылки на использованные в работе:

- книги;
- статьи в периодике, коллективных монографиях, сборниках по итогам конференций;
- диссертации и авторефераты;
- нормативные акты;
- электронные ресурсы.

В библиографию не включаются (даются в постраничных сносках) ссылки на:

- архивы;
- неопубликованные документы.

Правила оформления библиографии на русском языке

Библиография оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка».

Правила оформления библиографии на английском языке

Английский вариант библиографии, с заголовком References, пишется согласно Гарвардской системе оформления библиографических ссылок, по следующей схеме:

Авторы (транслитерация), год публикации, транслитерация названия статьи, перевод названия статьи на английский язык (в квадратных скобках), транслитерация названия источника (книга, журнал), перевод названия источника (в квадратных скобках), место издания, издательство, страницы.

Пример:

Кочукова Е.В., Павлова О.В., Рафтопуло Ю.Б. Система экспертных оценок в информационном обеспечении учёных // Информационное обеспечение науки. Новые технологии: Сб. науч. тр. М.: Научный Мир, 2009. С. 190-199.

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauchnyi Mir, pp. 190-199.

Более подробные правила и примеры Гарвардской системы оформления представлены по ссылке <http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2> или <http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf>

Если у вас нет возможности оформить английские список литературы и аннотацию по нашим правилам, это сделают специалисты издательства. Обращайтесь, вам обязательно помогут!

Об издательстве

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает 14 научных журналов:

№	Название журнала	Направление
1	Вопросы российского и международного права	юридические науки
2	Культура и цивилизация	культурология
3	Технические науки: теория, методика, приложения	технические науки
4	«Белые пятна» российской и мировой истории	история
5	Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке	философия
6	Вопросы биологии и сельского хозяйства: теории и ситуации, проблемы и решения	биологические и сельскохозяйственные науки
7	Фундаментальные и клинические медицинские исследования	медицина
8	Экономика: вчера, сегодня, завтра	экономика
9	Педагогический журнал	педагогика
10	Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования	психология
11	Искусствоведение	искусствоведение
12	Социологические науки	социология
13	Теории и проблемы политических исследований	политология
14	Язык. Словесность. Культура	филология

Журналы выходят на русском и английском языках, основное содержание номеров составляют статьи ведущих российских и зарубежных ученых и начинающих исследователей, а также сообщения о выходе книг по теме изданий.

Журналы издательства «АНАЛИТИКА РОДИС» рассчитаны на ученых, специалистов, аспирантов и студентов, а также всех, кто интересуется проблемами современной науки.

Услуги издательства

Помимо выпуска научных журналов издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает научные издания, монографии, авторефераты, а также художественную литературу.

Рукописи изданий, поступающих к нам, подвергаются корректуре, редактированию и, при необходимости, научному редактированию. Техническое оформление в издательстве «АНАЛИТИКА РОДИС» включает вёрстку, раз-

работку оригинал-макетов, дизайн обложек и иллюстраций. На каждом этапе работы авторы имеют возможность оценить результаты и внести свои коррективы, пожелания и дополнения.

Наши специалисты осуществляют помощь в оформлении научных работ – от статей до диссертаций, по требованиям ГОСТа, ВАК или конкретных научных организаций, а также техническое, литературное и научное редактирование, корректуру.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» имеет широкие научные связи с отечественными и зарубежными учёными и организациями.

Rules for authors

Dear authors! We present you the updated requirements that the manuscript must strictly comply with.

Structure of an article for publication sent to the publisher:

1. title (name);
2. author (s): the surname, first name, patronymic (in full);
3. author (s) details: phone, address, academic degree, title, occupation and place of work (+address), e-mail;
4. annotation (author's abstract);
5. key words;
6. the text of the article must be split into several parts: introduction, subject subtitles, conclusion or summary;
7. list of references;
8. Items 1-5 and 7 must be accomplished in English (see below the requirements for annotations).

All materials must be sent in .doc format, Times New Roman, size 14, indented first-line, one-and-a-half line spacing, per-page footnotes and solid footnotes numeration. References to the bibliography in the text are to be made in square brackets: [Ivanov, 2003, 12].

The requirements for abstract in English and bibliographical references

An abstract in English must be:

- informative (be free of common words);
- original (**without being a calque (loan-translation) of Russian-language annotation**);
- substantive (to reflect the main content of an article and research results);
- structured (to follow result description logic in the article according to the scheme: subject, topic, work objective, method or work performance methodology, application range of the results; summary);
- "English-speaking" (written in high-grade English);
- **volume from 150 to 250 words.**

Let's see the following structural variant of a bibliographical ref in English for articles from journals, collections and conferences:

The authors (transliteration), year, title of the article in transliteration, translation of the title into English in square brackets, the name of the source (transliteration and translation), place, publishing house and pages.

Example:

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauchnyi Mir, pp. 190-199.

At that while **preparing the list** of literary sources of the **English-language** part of the article our **publishing house insists on using Harvard system of bibliographical references delivery**. You can find the possible typography variants on <http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2> or <http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf>

If for some reasons you cannot formalize English list of references and abstract in accord with our rules, our specialists will do it for you. Please, contact us, we are always ready to help!

About the publishing house

Publishing house "ANALITIKA RODIS" issues 14 scientific journals:

№	Name of the journal	Scientific area
1	Matters of Russian and international law	Jurisprudence
2	Culture and civilization	Culturology
3	Technical sciences: theory, methodology, applications	Technical
4	"White spots" of the Russian and world history	History
5	Context and reflection: philosophy of the world and human being	Philosophy
6	Questions of biology and agriculture: theories and situations, problems and solutions	Biological and agricultural
7	Basic and clinical medical research	Medical
8	Economics: Yesterday, Today and Tomorrow	Economics
9	Pedagogical Journal	Education science
10	Psychology. Historical-critical reviews and current researches	Psychology
11	Art Studies	Art Studies
12	Sociological Sciences	Sociological Sciences
13	Theories and Problems of Political Studies	Political science
14	Language. Philology. Culture	Philology

Journals are published in Russian and English. The articles of leading experts, as well as researchers working on dissertations, are published in each journal respective to its coverage, along with the reports of the books output of leading contemporary researchers!

The journals of the "ANALITIKA RODIS" publishing house are designed for specialists, students and postgraduate students, as well as anyone interested in problems of modern science.